АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

XXVI

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Том XXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
МОСКВА 1965

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик *М. Н. Тихомиров* (отв. редактор),
Б. Т. Горянов, член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*, *Е. Э. Липшиц*,
Г. Г. Литаврин, *Р. А. Наследова* (отв. секретарь),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*, *Е. Ч. Скржинская*,
М. Я. Сюзюмов, *З. В. Удальцова* (зам. отв. редактора)

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ЮСТИНИАНА

I. ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ ЮСТИНИАНА

1. Причины кодификации права при Юстиниане

В памяти многих поколений представление о правлении Юстиниана всегда было связано с грандиозной кодификацией римского права, предпринятой в Византии в царствование этого императора. Трудно найти в средневековой, да и в новой истории другой пример столь же широкой по своим масштабам реформы права, оказавшей такое длительное и сильное воздействие на развитие последующей юридической науки. Немало гипотез в науке создавалось о причинах, породивших законодательство Юстиниана. Среди них назывались важные, второстепенные и малозначительные, и только марксистская наука дала более глубокое толкование причин появления знаменитого Corpus juris civilis Юстиниана [1].

Грандиозное творение, называемое «храмом правовой науки» и приписываемое воле великого законодателя Юстиниана, по сути дела было рождено самой жизнью. Коренные изменения социально-экономических и политических отношений в империи IV—VI вв. с неумолимой настойчивостью требовали перестройки старых правовых норм, лежащих мертвой глыбой на пути дальнейшего прогресса. Выражаясь языком социологических категорий, было настоятельно необходимо привести в соответствие правовую часть надстройки общества с развивающимися и меняющимися производственными отношениями. Говоря историческим языком, необходимо было привести несколько уже закостенелое и застывающее римское право в соответствие с реальной действительностью. Но каким путем нужно было идти при выполнении этой труднейшей задачи? Перед господствующим классом империи стояла дилемма: применять на практике старое законодательство с множеством уже устаревших и отживших институтов и правовых норм было крайне затруднительно, создать новое законодательство, навсегда простившись с овеянным величием древних традиций и во многом еще пригодным для жизненных потребностей римским правом, — невозможно. Оставался лишь средний путь — путь кодификации и систематизации римского права, по возможности с учетом тех изменений, которые произошли в реальной жизни. И правительство Юстиниана пошло по этому пути. Этот путь был половинчатый, компромиссный, но, по-видимому, единственно возможный в той сложнейшей социальной и политической обстановке, которая сложилась в империи в VI в.

[1] И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. М., 1956.

Как во всей общественной жизни, так и в кодификации права важнейшим, определяющим явлением была постоянная, упорная, пронизывающая решительно все *борьба старого с новым*, умирающего с растущим, рабовладельческого мира с зачатками феодализма. При сохранении в VI в. основ рабовладельческого строя и рабовладельческого государства фундаментом воздвигнутого при Юстиниане огромного здания Свода гражданского права не могло быть ничто иное, как старое римское право. Краеугольным камнем всей законодательной деятельности Юстиниана, казалось, был чисто консервативный принцип, декларированный самим императором, — принцип безусловного «уважения к непогрешимой древности». Не только сохранение и восстановление величия Римской империи, но и возрождение гордости римского общества, его прославленной юриспруденции, составило одну из задач царствования Юстиниана. И это не была только пустая декларация, только пропагандистский прием, как полагают некоторые исследователи [2]. Дело обстояло значительно сложнее. Суть состояла в том, что в переходный период от рабовладения к феодализму, когда рабовладельческий строй еще не сдал своих позиций, многие институты римского права были еще живы и вполне приемлемы, иногда в несколько модифицированном виде, для господствующего класса Византийской империи. Сам институт рабовладения и различные формы классового господства рабовладельцев, социальные и сословные перегородки и привилегии, разнообразные формы рабовладельческого государства и его системы управления — все это еще отвечало интересам господствующего класса империи и не только сохранялось, но и всячески укреплялось. Отсюда такое преклонение законодателей перед римским правом. С другой стороны, при значительном сохранении в Византии VI в. крупных городов и развитого ремесла и торговли, при многообразии различных имущественных и торговых сделок, реальная жизнь требовала упорядоченной и строгой регламентации прав частной собственности, на которой зиждилась экономика страны. И здесь римское право являлось источником, из которого можно было черпать полной рукой. Недаром Ф. Энгельс считал, что римское право было совершеннейшей формой права, имеющего своей основой частную собственность [3]. Таким образом, и эта основа классического и постклассического римского права имела вполне практическое применение в VI в. и не только не могла быть отброшена, но должна была быть укреплена и развита. Вместе с тем жизнь настоятельно требовала внесения серьезных коррективов в существующие нормы римского права. Новые социальные отношения, рождаясь, создавали новые правовые нормы, возникали иные, неведомые раньше формы взаимоотношений классов, сословий, требующие юридического оформления.

Существовали, конечно, и чисто юридические причины, требовавшие проведения кодификации. Прежде всего необходимо было внести ясность в огромное количество часто противоречивых юридических предписаний и узаконений, добиться доступности и четкости права для практического ведения процессов, систематизировать и классифицировать законы для возможности пользования ими. Кроме того, нужно было навести порядок в юридической терминологии, устранив многие устаревшие термины, характеризующие явления и институты, уже исчезнувшие из реальной действительности. Надо было придать многочисленным узаконениям единообразную и современную форму. Это было особенно настоятельно необходимо потому, что римское право в VI в. находилось в хаотическом

[2] См. B. Rubin. Das Zeitalter Justinians, I. Bd. Berlin, 1960, S. 146—168.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 105.

состоянии, материалы его были распылены по многим источникам, крайне трудно доступным, многое устарело, юридические документы изобиловали противоречиями, бесчисленными разновременными наслоениями, в которых юристы и судьи могли разобраться лишь с величайшим трудом. Юстиниан сам жалуется на «бесполезное многословие» бесчисленных юридических текстов. Их темнота и противоречивость приводили к тому, что в практике нескончаемых судебных процессов приговоры зачастую основывались не на законах, а на произволе судей. Назрела практическая потребность собрать воедино все важнейшие юридические тексты, подчинить их единой системе, сделать их доступными для пользования, положить, насколько это было возможно, конец произволу судебных чиновников, иными словами, пользуясь выражением самого Юстиниана, создать «точные и неоспоримые законы».

2. Эволюция постклассического права и источники Свода гражданского права Юстиниана

Невозможно представить, что кодификация права при Юстиниане была явлением абсолютно новым в юридической науке и практике и что законодательная реформа не имела своих предшественников. Наоборот, она и была возможна только потому, что классическое право Рима уже претерпело к VI в. серьезнейшие изменения [4]. Эта эволюция постклассического права не только отразилась в законодательных реформах Юстиниана, но и во многом определила их характер. Основными источниками права в империи являлись: 1) сочинения наиболее знаменитых римских юристов классической эпохи, обычно называвшиеся «право» («jus»); 2) императорские конституции, получившие общее название «законы» («leges») и постепенно заменявшие собой высказывания древних юристов; 3) эдикты римских правительственных чиновников-магистратов, в первую очередь преторов, по различным вопросам, главным образом гражданского права [5].

Сочинения римских юристов, людей широко образованных, базировались на существовавшей при них юридической практике и вырастали из нее. Отличаясь большим консерватизмом в смысле охраны незыблемых основ римской юриспруденции, они вместе с тем порой творчески приспосабливали установления древнего права к общественным потребностям своей эпохи. Расцвет римской юриспруденции падает на III в. н. э., когда жили и работали наиболее выдающиеся римские юристы: Папиниан, Ульпиан и Павел. С IV в. самостоятельное активное творчество юристов уступает место предписаниям императоров. Но и в IV—VI вв. важнейшие решения древних юристов сохраняли силу закона, что было подтверждено в 426 г. особой конституцией императора Феодосия II. Самыми высокими

[4] Существуют следующие библиографические указатели литературы по истории римского права: Древняя Греция и Древний Рим, библиографический указатель. М., 1961, стр. 309—314; G. A. Petropulos. Βιβλιογραφία επὶ τοῦ ῥωμαικοῦ δικαίων (1932—1935). («Ἀρχεῖν ἰδιωτικοῦ δικαίου», 3, 1936); E. Volterra. Saggio bibliografico di diritto agrario romano. Firenze, 1937; L. Caes — R. Henrion. Collectio bibliographica operum ad jus Romanum pertinentium, ser. I, vol. 1. Bruxelles, 1949; ser. I, vol. 2—3. Bruxelles, 1951; ser. II, vol. 1. Bruxelles, 1950; A. Berger. Encyclopedic Dictionary of Roman Law («Transactions of the American Philosophical Society», N. S., vol. 43, part 2, 1953).

[5] P. Krüger. Geschichte der Quellen und Literatur des Römischen Rechts. München, 1912; L. Wenger. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953; M. Conrat. Geschichte der Quellen und Literatur der römischen Rechts im frühen Mittelalter, Bd. I. Leipzig, 1891; Т. Кипп. История источников римского права. СПб., 1908; Е. В. Пассек. Пособие к лекциям по истории римского права, ч. I. Государственное право и источники права. Юрьев, 1906.

авторитетами признавались 5 юристов — Папиниан, Павел, Ульпиан, Модестин и Гай. Конституции римских императоров, ставшие основным источником права, знаменовали собой укрепление монархической власти в империи, когда в руки императоров полностью перешла вся законодательная инициатива. Еще в III в. Ульпиан писал: «То, что угодно принцепсу, имеет силу закона» (Dig., I, 4. 1). В IV—VI вв. императоры все больше и больше стремились стать высочайшим законодательным авторитетом и единственными создателями всех новых законов. В этот период (от правления Диоклетиана до завершения кодификации права при Юстиниане в 534 г.), называемый периодом постклассического права, законодательная деятельность императоров внешне в значительной степени поглощает и заслоняет собой творчество юристов, хотя по существу все императорские конституции создавались теми же юристами в императорских канцеляриях, но издавались от имени монархов [6]. Справедливо отмечалось, что в IV—VI вв. юридическая мысль все более и более бюрократизируется, теряет стройность и ясность классической эпохи, зачастую тонет в многословии и пышном восхвалении императоров [7].

Эволюция постклассического права вместе с тем идет в сторону его унификации, подчинения разрозненного самостоятельного творчества юристов интересам центральной власти. Можно наметить несколько характерных черт эволюции римского права в постклассический период. Явственно намечается тенденция *превратить все право в писаный закон*, а в условиях усиления неограниченной власти монарха — *в закон императора*. В этой связи появилось стремление поднять в ранг писаного закона право, уже существующее как юридическая доктрина. Одновременно делаются попытки упростить и стабилизировать право. Свое выражение это находит в тенденции преодолеть юридический формализм классической юриспруденции, сделать огромное и разрозненное наследие римских классических юристов и римских императоров достоянием современников, применяемым в судебной практике.

Все это привело к первым, еще несовершенным попыткам кодификации права и к созданию трех самостоятельных кодексов римских законов, предшествовавших законодательной реформе Юстиниана. Кодификационные работы начинаются с систематизации и унификации императорских конституций, изданных по самым разнообразным правовым вопросам. Уже в конце III—начале IV в. появляются два частных сборника, созданных выдающимися юристами того времени: 1) Codex Gregorianus (составлен в конце III в. юристом Грегором), содержащий важнейшие конституции императоров, изданные с 196 по 297 г., и 2) Codex Hermogenianus (появился спустя несколько лет после Грегориева кодекса), служащий продолжением труда его предшественника и как бы дополнением к нему [8]. В Гермогенианов кодекс вошли императорские конституции нескольких

---

[6] H. F. Iolowicz. Historical Introduction to the Study of Roman Law. Cambridge, 1939.

[7] Некоторые ученые предлагают даже называть этот период в развитии римского права не постклассическим, а бюрократическим, имеющим самостоятельное значение в истории римской юриспруденции. См., например, Fr. Schulz. History of Roman Legal Science. Oxford, 1946, p. 252 f. Об эволюции римского права см. S. Riccobono. Fasi e fattori dell evoluzione del diritto romano. «Mélanges Cornil», v. II, p. 237; E. Betti. Diritto romano. Padova, 1935; M. Kaser. Das römische Privatrecht, I. Bd. München, 1955; II. Bd. Die nachklassischen Entwicklung. München, 1959; S. Riccobono. Corso di diritto romano. Milano, 1935; E. Albertario. Introduzione storica allo studio del diritto romano giustinianeo, parte I. Milano, 1935.

[8] E. Albertario. Introduzione storica. . .; idem. Il diritto romano. Milano, 1940; P. Bonfante. Storia del diritto romano. Roma, 1934; B. Kübler. Geschichte des römischen Rechts. Leipzig, 1925; M. Villey. Le droit romain. Paris, 1946; V. Arangio-Ruiz. Storia del diritto romano. Napoli, 1937.

последующих лет. В своем первоначальном виде оба эти кодекса не сохранились и дошли до нас лишь в позднейших извлечениях [9].

Неизмеримо более выдающимся памятником юридической мысли является третий кодекс, изданный в Восточной Римской империи в 438 г. при Феодосии II и получивший по имени этого императора название Кодекса Феодосия. Значительно превосходя своих собратьев — Кодексы Грегориев и Гермогенианов — как по содержанию, так и по объему (Кодекс Феодосия включал свыше трех тысяч сокращенных и переработанных конституций римских императоров начиная с Константина I), этот юридический сборник в то же время более, чем предшествующие компиляции, отразил не только указанную выше юридическую эволюцию права, но и реальные изменения общественных отношений Византии. Например, в нем фиксировалось начало таких процессов, как феодализация и варваризация империи.

Эволюция постклассического права конца III—VI в. сказалась также и в том, что римская юридическая мысль и судебная практика все больше и больше впитывали юридические нормы и обычаи народов, населявших территорию империи. Наибольшее влияние на эволюцию постклассического права оказали юридические воззрения греков и некоторых восточных народов, например сирийцев. Почти во всех провинциях Римской империи, как Западной, так и Восточной, наряду с применением римского права длительное время бытовали местные правовые обычаи, касающиеся главным образом частного права. Наиболее ярким примером сохранения местных юридических норм является памятник последней четверти V в., так называемый «Сирийский законник», свидетельствующий о распространенности и живучести местных, в частности греко-сирийских, правовых институтов, особенно в сфере имущественных отношений и в вопросах наследственного права [10].

Варваризация империи и проникновение в римское право местных юридических воззрений, главным образом народов балканских провинций, отразились в Кодексе Феодосия. О существовании местного права населения Египта свидетельствуют папирусы [11]. Восточное, в частности греческое, право оказало значительное влияние на такие институты, как долговременная аренда (эмфитевсис), ипотека, попечительство. Влия-

---

[9] См. L. W e n g e r. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953. Венгер полагает, что впервые кодексы были созданы на востоке империи и имеют восточный отпечаток. Они носят вполне независимый и самостоятельный характер. Эти кодексы должны были служить исследовательским и учебным целям (S. 534—537). Подробный анализ всех основных юридических памятников постклассической эпохи и эволюции права того времени дается в труде H. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 471—490. См. также E. L e v y. Westen und Osten in der nachklassischen Entwicklung des römischen Rechts. ZSSR, RA, Bd. 49, 1929, S. 230—259.

[10] Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert, hrsg. K. G. Bruns — E. Sachau. Leipzig, 1880. Происхождение этого источника спорно, так же как и датировка. См. H. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 477; P. B o n f a n t e. Di un' influenza orientale nel diritto romano. «Rendiconti della Accademia Nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filologiche», ser. VI, vol. 4, 1928=«Archivio guiridico», t. 101, 1929, p. 3—15; R. T a u b e n s c h l a g. Il diritto provinciale romano nel Libro Siro-Romano. «The Journal of Juristic Papyrology», vol. 6, 1952, p. 103—119= i d e m. Opera minora, t. I. Warszawa, 1959, p. 291—312; C. A. N a l l i n o. Sul libro siro-romano e sul presunto diritto siriaco («Studi in Onore di Pietro Bonfante», vol. I. Milano, 1930); E. S c h ö n b a u e r. Reichsrecht, Volksrecht und Provinzialrecht ZSSR, RA, Bd. 57, 1937, S. 309—335; L. M i t t e i s. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs. Leipzig, 1891.

[11] L. W e n g e r. Il diritto dei papiri nell' età di Giustiniano. («Pubblicazioni dell' Università cattolica del sacro Cuore», ser. 2, scienze politiche, 33, 1931); R. T a u b e n s c h l a g. Das römische Privatrecht zur Zeit Diocletians. «Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres». Cracovie, 1919—1920, p. 141—281=i d e m. Opera minora, t. I. Warszawa, 1959, p. 3—177.

ние это сказалось также в распространении письменных контрактов, в частности при заключении брака, в некотором смягчении отцовской власти в семье и в других юридических нововведениях по сравнению с римским законодательством [12]. В связи с отделением Восточной империи от Западной с IV в. эта ориентализация римского права, естественно, усиливалась, но вместе с тем непререкаемой основой права в Восточной Римской империи оставалась римская юриспруденция и римское законодательство.

Влияние местного права выражалось не только в проникновении в римское законодательство новых институтов, но и в вытеснении и изменении уже изживших себя древних правовых норм и установлений. Этот процесс интенсивно происходил в течение IV—VI вв. и во многом подготовил законодательную реформу Юстиниана.

Рождение и оформление новой идеологической и религиозной надстройки — христианства, естественно, также не могло не оставить своего следа в развитии постклассического права. В буржуазной историографии, однако, гуманное влияние христианской церкви на смягчение римского законодательства крайне преувеличивается и всячески идеализируется [13]. Нельзя отрицать того, что христианская церковь активно использовала демагогические средства для усиления своего авторитета в народных массах и поэтому поддерживала и освящала своим авторитетом фиксацию в юридических памятниках некоторого смягчения форм рабства, облегчения процедуры отпуска рабов на волю, укрепления законной семьи, ослабления власти отца над сыновьями и т. п. Но при этом никогда нельзя забывать, что христианство «. . .в течение целых столетий уживалось в Римской империи с рабством» [14]. Нельзя забывать и того, что церковь внесла в римское законодательство суровый дух фанатической непримиримости ко всем инакомыслящим — еретикам, язычникам, иудеям; дух борьбы против народных движений, облеченных в форму ересей. Она же заставила государство законодательным путем оформить монархическую структуру церковной иерархии с неограниченной властью епископов и закрепить за церковью все имущественные права и привилегии.

Итак, многие нововведения в законодательстве Юстиниана по сравнению с классическим римским правом родились на основе эволюции постклассического права, эволюции, отразившей и изменения общественных условий жизни, и влияние местного права и новой идеологии — христианства. В этом смысле *Юстинианово законодательство подводило итог этой эволюции права, происшедшей в IV—VI вв.* И хотя оно и использовало в больших масштабах римскую классическую юриспруденцию, но во многом уже опосредствованную через претерпевшее серьезные изменения постклассическое право. В широком смысле слова Corpus juris civilis — в основных своих частях (за исключением новелл) отражает и фиксирует общественные изменения и изменения в правовой надстройке, которые произошли в империи не только непосредственно в VI в., но в течение более длительного периода — с конца III по VI в.

---

[12] P. Collinet. Études historiques sur le droit de Justinien, t. I. Le caractère oriental de l'oeuvre législative de Justinien et les destinées des institutions classiques en Occident. Paris, 1912; Fr. Schulz. Op. cit., p. 295.

[13] Fr. Schulz. Op. cit., p. 297; A. Hadjinikolaou-Marava. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantine. Athènes, 1950; P. Allard. Les esclaves chrétiens depuis les premiers temps de l'Eglise. Paris, 1914; M. Roberti, C. Bussi, G. Vismara. Cristianesimo e diritto romano. Milano, 1935; Fr. Leifer. Christentum und römisches Recht seit Konstantin. ZSSR, RA, Bd. 58, 1938, S. 185—202; J. Pargoire. L'Église byzantine de 527 à 847. Paris, 1905.

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 149.

3. Corpus juris civilis и порядок его составления

В 528 г., на второй год правления Юстиниана, началось осуществление грандиозной кодификации права, потребность в которой назрела уже давно. При монархической форме правления и при деспотическом и честолюбивом нраве нового императора, естественно, вся законодательная реформа была приписана ему одному, и созданный в ее результате «Свод гражданского права» получил его имя. В императорских конституциях, изданных в связи с реформой права, доминирует идея о решающей роли Юстиниана в создании новых законов. В конституции «Tanta» (или «Δέδωκεν») даже утверждается, что все предшествующее законодательство, улучшенное и систематизированное, должно рассматриваться как Юстинианово законодательство. Только Юстиниан решился на столь трудное дело, как кодификация права, которое не могли выполнить его предшественники. В этой конституции пишется, что Юстиниан «установил не только для настоящего, но и для последующего века наилучшие законы» [15]. В другой конституции, «Cordi», говорится, что Юстиниан своими «Институциями и Дигестами открыл людям светлый путь» [16].

Безграничное честолюбие Юстиниана толкало его не только на внешние завоевания и восстановление Римской империи, но и на внутренние реформы и возрождение славы римской юриспруденции. Подражая своим предшественникам на троне цезарей, Юстиниан мечтал быть не только императором-воителем, возродившим славу военных побед Рима, но и императором-законодателем, поднявшим до невиданных высот науку права. Таковы были мечты гордого деспота. Однако в действительности сам Юстиниан не участвовал никогда ни в одном сражении и все завоевания осуществлял чужими руками. Точно так же он не участвовал лично в законодательной реформе и предоставил это делать другим. Тем не менее нельзя отрицать, что его роль в создании «Свода гражданского права» была весьма значительной [17]. Ему принадлежали не только основной замысел всего предприятия и инициатива его выполнения, но и постоянная помощь и наблюдение за проведением реформы. Он не жалел ни энергии, ни денег, ни времени на создание нового свода законов и постоянно торопил исполнителей. Он трезво оценил обстановку в стране и понял неотложную необходимость систематизации и кодификации права. Кроме того, он, так же как и в своей завоевательной политике, сумел найти себе талантливых сотрудников и опереться на их знания и опыт для осуществления задуманного дела. Душой всей законодательной реформы Юстиниана был, конечно, ее талантливый руководитель и знающий исполнитель — квестор Трибониан. Императору и здесь посчастливилось найти такого энергичного и образованного человека, который мог бы претворить в жизнь его мысль о кодификации права. И надо отдать справедливость, император высоко оценил заслуги своего знаменитого юриста, и в своих конституциях он всегда отдает должное его широким юридическим познаниям, соединенным с практическим опытом и величайшим трудолюбием. Трибониан в императорских конституциях именовался человеком, «украшенным красноречием и юридической мудростью». Действи-

[15] Const. Tanta (или Δέδωκεν), § 12.

[16] Const. Cordi, § 3.

[17] E. H. K a d e n. Justinien Législateur (527—565). «Mémoires publiés par la Faculté de Droit de Genève», 6, 1948, p. 41—66; A. d'O r s P é r e z - P e i x. La actitud legislativa del Emperator Justiniano. «Orientalia Christiana Periodica», vol. 13, 1947; E. G r u p e. Kaiser Justinian. Leipzig, 1923; см. B. R u b i n. Das Zeitalter Justinians, S. 146—168; F. P r i n g s h e i m. The character of Justinian's legislation. «Law Quarterly Review», vol. 56, 1949, p. 229—249.

тельно, у Трибониана нельзя отнять его огромнейшей эрудиции, блестящего знания юриспруденции, таланта организатора. Но вместе с тем ученый юрист уживался в Трибониане с льстивым царедворцем, карьеристом и беззастенчивым, жадным чиновником, который «продавал за деньги и приговор, и закон». Прокопий утверждает, что Трибониан, занимая пост квестора императорского дворца, проявил свое необычайное корыстолюбие, брал взятки, бесцеремонно толковал законы вкривь и вкось, если получал за это хорошую мзду. Недаром во время восстания Ника 532 г. ненависть народа обрушилась на жадного верховного судью, и Юстиниан временно принужден был даже отступиться от своего любимца. Но после подавления восстания Трибониан вновь занял свой высокий пост и неизменно пользовался неограниченным доверием императора.

В проведенной в VI в. кодификации римского права роль Трибониана бесспорно очень велика: все дело практически вел он, и благодаря его энергии и настойчивости реформа была завершена в предельно короткий срок.

«Свод гражданского права» Юстиниана первоначально состоял из трех частей: Кодекс, Дигесты, или Пандекты, и Институции. Несколько позднее к ним была добавлена четвертая часть — Новеллы [18].

4. Кодекс Юстиниана

Законодательная реформа началась с составления Кодекса Юстиниана. 13 февраля 528 г. по приказанию императора была создана комиссия из 10 опытных государственных деятелей, занимавших высшие административные посты, знающих юристов и профессоров права. Возглавил эту комиссию exquaestor sacri palatii патриций Иоанн. Кроме него, в нее входили знатные вельможи: exprаefectus praetorii патриций Леонтий, патриций Фока, Василид и Фома. Трибониан в то время еще не занимал первого места в комиссии, и в императорской конституции он был упомянут после этих вельмож. Кроме того, в комиссии состояли юристы Константин, чиновник императорской канцелярии и профессор права в Константинополе Феофил, а также адвокаты и чиновники более низких рангов — Диоскор и Презентин [19].

Согласно характеристике Юстиниана, в комиссию вошли «люди науки, неутомимого трудолюбия и похвального усердия к общественному делу» [20]. Среди них своими знаниями особенно выделялся, помимо Трибониана, профессор права Феофил. Перед комиссией десяти правительством была поставлена задача отобрать из огромной массы императорских конституций наиболее важные, имеющие практическое применение, и отбросить все устаревшие, фактически потерявшие реальное значение. Кроме того, необходимо было систематизировать и классифицировать все отобранные императорские постановления.

Комиссия начала работу с пересмотра ранее созданных кодексов — Грегориева, Гермогенианова и Феодосиева и отобрала из них самое ценное — в первую очередь конституции, соответствующие реальным потребностям времени и важные для юридической практики. Возможно, были использованы и специальные юридические работы Бейрутской школы права. Были также собраны и систематизированы законы императоров, не вошедшие в предшествующие кодексы. В процессе работы ко-

---

[18] Название Corpus juris civilis, как и названия его частей, даны позднейшими издателями этих законодательных памятников.

[19] Cod. Just., «De novo Codice faciendo». Const. Just. Haec, quae necessario, § 1.

[20] Ibidem.

миссия юристов, получившая широкие полномочия, вносила изменения в законы, отбрасывала устаревшие постановления, исключала отмирающие или уже исчезнувшие институты, стремилась устранить противоречия и повторения. Работа была завершена в поразительно короткий срок: уже 7 апреля 529 г., спустя немногим более года после начала кодификации, первая редакция Кодекса Юстиниана была закончена, а 16 апреля она получила силу закона [21]. Однако спешка не могла не сказаться на качестве работы, и очень скоро потребовалось издание новой, второй редакции Кодекса. Составление новой редакции Кодекса было вызвано тем, что, видимо, в законах еще осталось немало важных контроверз и устаревших институтов, которые отменялись вновь изданными конституциями Юстиниана, вышедшими в свет между 529 и 534 гг.

Все время, пока составлялись Дигесты, возникало много спорных вопросов, которые могли быть разрешены лишь законодательной властью. С 529 г. Юстиниан начал издавать особые законы, содержавшие решение этих спорных вопросов, устранение противоречий и устаревших институтов. Эта законодательная работа продолжалась вплоть до 534 г., т. е. в течение всей деятельности кодификационной комиссии. Вышедшие в свет конституции Юстиниана получили название решений (decisiones), и из них был составлен особый сборник — «50 решений» (Liber quinquaginta decisionum) [22], использованный при создании второй редакции Кодекса и вошедший в разные его титулы. В этом сборнике устранялись различия между гражданским правом и правом племен (jus gentium), проводилась унификация форм собственности: уничтожалась разница между так называемой квиритской и бонитарной собственностью, между так называемыми легатами и фидеикомиссами и т. п. Используя первую редакцию Кодекса, до нас, к сожалению, не дошедшую [23], новая комиссия, состоявшая из Трибониана, Дорофея и трех константинопольских адвокатов, в начале 534 г. приступила к составлению второго издания Кодекса. Комиссия вновь получила широкие полномочия вносить изменения и дополнения в первый Кодекс. 16 ноября 534 г. эта работа была опубликована под названием Codex repetitae praelectionis, а 29 декабря 534 г. второе издание Кодекса получило силу закона. Кодекс Юстиниана сохранился до наших дней во второй редакции, и именно в этом виде уже впоследствии приобрел всемирную известность [24]. Большинство

---

[21] Cod. Just., Const. Just. Summa reipublicae tuitio, § 5.

[22] Const. Cordi, § 1.

[23] Правда, недавно был обнаружен папирус, содержащий фрагменты списка титульных рубрик первой редакции Кодекса, который дает некоторое представление о содержании этого варианта Кодекса Юстиниана (H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 505).

[24] Очень сложен вопрос о соотношении первой и второй редакций Кодекса. Новейшие исследования показали, что во второй редакции были сделаны более значительные изменения, чем было принято считать раньше. Найденный недавно папирус, содержащий фрагмент первой редакции Кодекса, с определенностью удостоверяет, что при составлении второй редакции Кодекса были включены целые новые титулы, а отдельные постановления сняты. Все это говорит о том, что была проделана большая работа по окончательному редактированию Кодекса. Еще более затруднено определение интерполяций, внесенных в Кодекс как юристами Юстиниана, так и правоведами IV—V вв. Лишь в отдельных случаях интерполяции можно установить при сопоставлении текста Кодекса Юстиниана с текстами предшествующих кодексов — Грегориева, Гермогенианова и Кодекса Феодосия. Путем сличения этих кодексов удалось выяснить, что комиссия Трибониана обычно опускала преамбулы древних конституций, включала в кодификацию только действенную часть постановления; иногда конституции императоров делились и различные их части попадали в разные титулы в соответствии с их содержанием. Некоторые постановления пропускались. Одни изменения вносились для устранения противоречий, другие — для точной датировки закона. В отдельных случаях простой язык более древних законов заменялся напы-

законов, вошедших в Кодекс, написано на латинском языке и лишь отдельные узаконения — на греческом.

Кодекс Юстиниана представляет собой обширное собрание конституций римских императоров, начиная с конституции Адриана 117 г. и кончая законами самого Юстиниана, изданными до ноября 534 г. Подобно законам XII таблиц, Кодекс Юстиниана был разделен на 12 книг, которые делились примерно на 765 титулов, в свою очередь распадающихся на большое число фрагментов. В начале каждого фрагмента указывается имя императора, издавшего конституцию, и имя должностного лица, которому она адресована. Конституции приводятся в очень сжатом виде, в отличие от многословных Новелл, что облегчает практическое пользование Кодексом. В случае, если нельзя было установить имя императора и дату издания закона, это обязательно указывалось (sine anno, sine die et consule). В конце каждой конституции имелась подпись, в которой указывалось время и место ее публикации. Состав каждого титула был строго определенным: вначале помещалось краткое изложение содержания, затем следовало одно или несколько императорских решений по одному и тому же правовому вопросу, расположенных в хронологическом порядке. Кодекс Юстиниана дошел до нас не в подлиннике, а лишь в более поздних рукописях, где его текст подвергся известному сокращению.

Кодекс Юстиниана охватывает широкий круг правовых вопросов. Значительное место в нем занимает частное право (кн. 2—8), несколько меньшее — административное (кн. 10—12) и уголовное (кн. 9). В отличие от законодательства предшествующего времени, очень большое внимание уделяется церковным делам (кн. 1), определяются права церкви, привилегии епископов и клириков, разбираются чисто теологические вопросы. В Кодекс включены суровые постановления против еретиков, язычников, манихеев, самаритян. Чрезвычайно важны постановления Кодекса, касающиеся рабов. Серьезным нововведением по сравнению с римским правом классической эпохи являются постановления Кодекса, собранные преимущественно в 11 его книге, касающиеся такого института, как колонат. Особо говорится об источниках права и об обязанностях высших чиновников. Подробно вопрос об эволюции римского права по Кодексу Юстиниана будет рассмотрен ниже, при общей характеристике всей законодательной реформы.

Рукописная традиция Кодекса не так хороша, как традиция Дигест. Правда, сохранилась очень древняя палимпсестная Веронская рукопись Кодекса, датированная VI или VII в. И хотя эта рукопись содержит весь Кодекс, включая и греческие постановления, она все же, видимо, далека от оригинала. Несмотря на запрещение Юстиниана, в этой очень ранней рукописи сделаны изменения: использована система сокращений (запрещенная Юстинианом), заглавия и подписи некоторых законов отброшены, а в свою очередь внесены дополнения и замечания, видимо, из трудов юристов VI в. В более поздних рукописях IX—XI вв. сделаны еще бóльшие изменения; все это крайне затрудняет восстановление полного оригинального текста Кодекса. Современные издания Кодекса (особенно издание П. Крюгера) — результат титанической работы над многими рукописями Кодекса Юстиниана и над рукописями более ранних кодексов.

щенным языком IV—VI вв. Хотя, надо сказать, не существовало столь большого различия в стиле и языке конституций императоров, выходящих из императорских канцелярий в различные эпохи, как между стилем произведений классических юристов и компиляторов Юстиниана, что нашло отражение в Дигестах (H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 505 f.).

5. Дигесты, или Пандекты

Одной из важнейших частей Corpus juris civilis являются Дигесты, или Пандекты, — монументальное собрание отрывков из сочинений римских юристов, живших в период от I в. до н. э. до середины III в. н. э. Замысел создания такого сборника был не новым; возможно, он возник еще при императоре Феодосии, но осуществлен он был впервые при Юстиниане, и поэтому Дигесты являются по своему характеру вполне самобытным произведением. Сборник важнейших правовых положений, заимствованных из различных трудов римских юристов, по замыслу составителей, должен был охватывать самый широкий круг правовых вопросов, и поэтому он получил название Дигесты, что по-латыни означает «собранное», «приведенное в систему». Одновременно ему было дано и равнозначное греческое название Пандекты, что означает «содержащие в себе все».

15 декабря 530 г. была издана особая конституция Юстиниана [25], которая предписывала комиссии из 16 юристов приступить к составлению Дигест. Комиссию уже возглавлял Трибониан, оправдавший надежды императора. В состав комиссии, кроме Трибониана, входили четыре профессора права — Феофил и Грациан из Константинополя, Дорофей и Анатолий из Бейрута, один крупный государственный чиновник по имени Константин и 11 адвокатов, принадлежавших к высшей администрации империи [26]. Позднее составителей Дигест стали называть компиляторами, поскольку их труд сводился главным образом к компилированию произведений римских юристов. Перед комиссией Трибониана правительство империи поставило чрезвычайно сложную, и притом двойную, задачу. Прежде всего, необходимо было собрать и систематизировать огромное правовое наследие римских юристов, пришедшее к VI в. в хаотическое состояние. Тем самым осуществлялась *консервативная* идея сохранения в незыблемости правовых ценностей, созданных почитаемыми юристами Рима. По мнению Юстиниана, «не зная древних законов, нельзя понять современное право». Одновременно сама жизнь требовала осуществления другой, чисто практической и в известной степени противоречащей первой задачи. Из классических произведений юристов следовало отобрать именно то, что могло бы стать действующим правом в конкретных общественных условиях VI в. Для этого надо было устранить устарелые правовые нормы, противоречащие существующим, и привести все установления в соответствие с требованиями жизни. Для осуществления этих задач комиссия юристов должна была разобрать и систематизировать

---

[25] Const. Deo auctore. Название конституциям давалось по первым словам их текста. См. P. Collinet. La genèse du Digeste, du Code et des Institutes de Justinien. «Études historiques sur le droit de Justinien», t. III. Paris, 1952; A. A. Vasiliev. Justinian's Digest («Studi Bizantini e Neoellenici», V, 1939); H. Peters. Die oströmischen Digestenkommentare und die Entstehung der Digesten. «Berichte über die Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig», Phil.-hist. Kl., 65, 1913; A. Berger. The Emperor Justinian's ban upon Commentaries to the Digest («Quarterly Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America», 3, 1945); J. Baron. Pandekten. Leipzig, 1887; Г. Дернбург. Пандекты, т. I—III. СПб., 1905—1911; J. M. Sontis. Die Digestensumme des Anonymos. I. Zum Dotalrecht (Ein Beitrag zur Frage der Entstehung des Basiliken textes). «Heidelberger rechtswissenschaftliche Abhandlungen, hrsg. von der Juristischen Fakultät», 23. Heidelberg, 1937.

[26] H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 490. Комиссия получила широкие полномочия: она могла изменять, дополнять, переставлять, сокращать тексты древних авторов, выбрав из них лучшее, отбрасывая все устаревшее, однако избегая повторений и противоречий (ibid., p. 491). Компиляторы должны были пользоваться подлинными трудами римских юристов и давать точные указания, откуда взят текст.

около двух тысяч книг, или три миллиона строк. Император вполне ясно понимал трудность задуманной кодификации и писал, что о таком деле никто ранее и не мечтал и что в нем, «как в глубоком море», могли потонуть самые ученые и искусные люди. Первоначально предполагалось, что на составление Дигест потребуется 10 лет, но уже через три года Дигесты были закончены и 16 декабря 533 г. утверждены Юстинианом [27]. Отныне они получили силу закона во всей империи.

Выполнение столь трудного дела в такой короткий срок, как три года, было возможно, видимо, потому, что организация работы была хорошо продумана и в помощь знающим юристам из комиссии шестнадцати был привлечен многочисленный штат секретарей, тоже сведущих в юриспруденции. Комиссия, по всей вероятности, разделилась на три секции, каждая из которых занялась компилированием определенной группы источников. Первая группа источников охватывала комментарии к гражданскому (цивильному) праву, главным образом Сабина и Ульпиана, и получила название *сабинианской*; вторая группа содержала труды Ульпиана, Павла, Модестина, Гая, Дигесты Цельса и Марцелла, относящиеся к преторскому эдикту, и называлась *эдиктной*; в третью группу входили вопросы и ответы по практическим проблемам гражданского права из трудов Папиниана, Павла, Сцеволы, и она получила наименование *папиниановой*. Кроме того, в Дигесты были включены в качестве «добавления» извлечения из различных юридических трудов, не вошедшие в эти три группы. После того, как юристы по своим секциям собрали и классифицировали материал источников, вся комиссия пересмотрела и отредактировала весь текст Дигест в целом для устранения повторений и противоречий [28]. За разрешением спорных вопросов комиссия обращалась к самому императору, и он быстро выносил по ним решения. Эти постановления императора Юстиниана и составили потом знаменитую книгу «50 реше-

[27] По поводу окончания Дигест император Юстиниан издал специальную конституцию на латинском и греческом языках, в которой рассказывалась история составления Дигест, давались их состав и характеристика. Латинская версия этой конституции известна под названием Tanta, греческая — Δέδωκεν. Вопрос о происхождении и способе составления Дигест вызвал в научной литературе длительные споры. Некоторые ученые усомнились в возможности в короткий срок (три года) пересмотреть столь большое число (около 2 тыс. книг) подлинных произведений римских юристов и выдвинули гипотезу о существовании до Дигест других компиляций, так называемых Предигест (см. H o f m a n n. Die Compilation der Digesten Justinians. Wien, 1900; H. P e t e r s. Die oströmischen Digestenkommentare und die Entstehung der Digesten. «Berichte über die Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig», Phil.-hist. Kl., Bd. 65, 1913, S. 3—313; Th. M o m m s e n. Hofmann versus Blühme. ZSSR, RA, 22). Эту теорию отчасти поддерживает и Шульц (History of Roman Legal Science, p. 321). В настоящее время теория существования Предигест не встречает поддержки в науке (см. И. Г. П е р е т е р с к и й. Указ. соч., стр. 51 сл.; R. M o n i e r. Manuel élementaire du droit Romain, t. I, éd. 5. Paris, 1945, p. 115). Ялович против теории Предигест выдвигает следующие аргументы: если бы такая компиляция, как Предигесты, существовала, то ее должны были бы знать современники и тогда Юстиниан не мог бы, не рискуя оказаться в смешном положении, утверждать в конституции Tanta, что составители Дигест использовали подлинные произведения древних юристов, в то время как современникам было бы ясно, что они списали все из предыдущей компиляции (H. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 499—500). В последние годы была выдвинута теория о том, что Дигесты были составлены компиляторами на основании учебных пособий и компиляций, выработанных при преподавании в школах права, начиная с классической эпохи до времени Юстиниана. Дигесты сами выросли из преподавания права и служили для этой цели больше, чем для юридической практики (см. P. v a n W a r m e l o. A propos de la compilation du Digeste. «Revue historique du droit français et étranger», 4 ser., 38 ann., 1960, № 4, p. 503—529).

[28] F. B l ü h m e. Die Ordnung der Fragmente in die Pandektentiteln. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Pandecten. «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft», Bd. 4, 1820, S. 257—472; P. C o l l i n e t. La genèse du Digeste, du Code et des Institutes de Justinien, p. 65 sq.

ний», вошедшую во 2-е издание Кодекса. Дигесты были составлены на латинском языке — языке римских юристов, однако в тексте Дигест встречаются не только отдельные греческие термины, но даже целые фрагменты, написанные по-гречески [29].

Дигесты разделяются на 7 частей и 50 книг. Каждая книга в свою очередь распадается на титулы [30]; всего в Дигестах содержится около 429—433 титулов. Титулы же включают фрагменты, каждый из которых представляет собой выдержку из сочинения только одного юриста. Всего в Дигестах — около 9200 фрагментов. Каждый фрагмент начинается с обозначения имени автора и названия сочинения, из которого взят материал. В Дигестах собраны, систематизированы и в известной степени сопоставлены извлечения из юридических сочинений 39 знаменитых римских юристов, живших в I в. до н. э.—IV в. н. э. Древнейшими произведениями, включенными в Дигесты, являются фрагменты из сочинений юристов республиканского времени: Квинта Муция Сцеволы, Эллия Галла, Алфена Вара (I в. до н. э.). Подавляющее большинство трудов, составлявших основу Дигест, принадлежит юристам эпохи принципата и империи [31]. Среди них выделяются пять наиболее почитаемых юристов — Папиниан, Павел, Ульпиан, Гай и Модестин, из сочинений которых компиляторы черпали полной рукой [32]. На долю такого корифея римской юриспруденции, как Ульпиан, приходится около $^1/_3$ текста Дигест, а на долю Павла — $^1/_6$ [33]. Значительные отрывки приведены из сочинений Юлиана и Помпония. Произведения юристов V—VI вв.

[29] На греческом языке даются извлечения из трудов Марциана, Папиниана и особенно Модестина; больше всего их в 26—27-й книгах Дигест. Оригинальной рукописи Дигест до нас не дошло. Они известны по рукописям более позднего времени (И. С. Перетерский. Указ. соч., стр. 74—76). Язык компиляторов, по происхождению греков Востока, довольно сильно отличался от языка юристов классической эпохи, для которых латынь была родной живой речью. Резко отличался и многословный риторический стиль VI в. от строгой простоты классиков. Все это часто дает возможность выделить из текста древних юристов вставки, сделанные комиссией Трибониана (H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 498).

[30] Материал о наследовании и фидеикомиссах так велик, что один титул охватывает 3 книги (28, 29, 30). В подсчете количества титулов и фрагментов имеются расхождения, зависящие от рукописей Дигест. Число титулов колеблется от 429 до 433, а число фрагментов — от 9123 до 9200. См.: Д. Азаревич. История византийского права, т. I, ч. 1. Ярославль, 1876; H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 493—494.

[31] Использованы сочинения Антистия Лабеона (в извлечениях), Прокула, Яволена, Нерация Приска (I в. н. э.), Цельса, Юлиана, Помпония, Абурния Валенса, Маврициана, Теренция Клеменса, Африкана, Венулея, Гая, Волузия Мециана, Марцелла, Таррунтена Патерна, Флорентина, Папирия Юста, Цервидия Сцеволы (II в. н. э.), Папиниана, Каллистрата, Аррия Менандра, Тертуллиана, Трифонина, Павла, Ульпиана, Марциана, Мацера, Модестина, Галла Аквила, Лициния Руфа, Фурия Антиана, Рутилия Максима (III в. н. э.). См. И. С. Перетерский. Указ. соч., стр. 63.

[32] Подсчитано, что пяти корифеям принадлежит $^{11}/_{15}$ (72,6%) текста, а 33 другим юристам — всего $^4/_{15}$.

[33] По более точным подсчетам, Ульпиану принадлежит 2462 фрагмента, Павлу — 2083, Папиниану — 595, Помпонию — 585, Гаю — 535, Юлиану — 457 и Модестину — 345. А из труда Эллия Галла приведен всего лишь один фрагмент (И. С. Перетерский. Указ. соч., стр. 64—65). Несколько иные подсчеты содержатся в работе: P. van Warmelo. À propos de la compilation du Digeste, p. 503, 507—508. См. также H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 492—493. Кроме того, во многих отрывках из трудов римских юристов цитируются в извлечениях несохранившиеся сочинения других римских ученых правоведов, таких, например, как Аквилий Галл, Намуза, Туберон, Капитон, Массурий Сабин и многие другие. Об их трудах можно составить представление лишь по Дигестам. Дигесты сохранили также отрывки из древних законов и сенатусконсультов, не дошедших до нашего времени. По словам самого Юстиниана, многие книги, использованные в Дигестах, не были известны даже по имени их авторов самым ученым людям VI в. и были представлены комиссии шестнадцати самим Трибонианом, видимо, собравшим частную библиотеку редких древних книг.

в Дигестах не приводятся. Это объясняется тем, что начиная с IV в. законодательная деятельность почти полностью переходит от юристов в руки императоров.

В Дигестах, общий объем которых составлял около 150 тысяч строк, давалась в кратком изложении квинтэссенция римской науки о праве. По словам кодификаторов, «в Дигестах, как в цитадели, было заключено все античное право». Юстиниан высокопарно заявил, что «созданием Дигест был выстроен священный храм римской юстиции».

Содержание Дигест многообразно. Центральное место занимают вопросы *частного* и *публичного права*. В разделах, трактующих проблемы частного права, значительное внимание уделяется правам наследования, завещания, семейному праву, делам имущественного характера, различным частноправовым сделкам. В этом отношении предписания Дигест частично перекликаются с постановлениями Кодекса Юстиниана.

Помимо чисто практических правовых вопросов, в Дигестах затрагиваются и общие правовые принципы, такие, как определение права и правосудия, закона и обычая и др. В последних книгах Дигест (47—48 и частично в 49) рассматриваются вопросы *уголовного права и процесса*. Кроме того, Дигесты касаются многих проблем *международного права* (тогда называвшегося «правом народов» — jus gentium), как-то: объявления войны и заключения мира, разделения народов и образования новых государств, статуса послов и порядка отправления посольств, защиты прав чужеземцев, положения лиц, захваченных в плен и возвратившихся из плена, и т. п. Для определения нововведений и изменений в Дигестах по сравнению с римским правом классической эпохи большое значение имеют *интерполяции* — вставки, добавления и изменения, включенные комиссией Трибониана в текст Дигест (emblemata Triboniani).

По словам самого Юстиниана, в тексте древних юристов было сделано много важных (multa et maxima) изменений [34]. Характерно, что интерполяции в тексте классиков делались компиляторами так, как будто древние авторы, имена которых упоминались в заглавии фрагмента, сами говорили то, что внесено в Дигесты. Это, конечно, затрудняет определение интерполяций.

Интерполяции прежде всего помогают уяснить направление эволюции права в империи в VI в. и воссоздать в какой-то степени состояние византийской юриспруденции при Юстиниане, поскольку нет сомнения, что внесенные интерполяторами изменения отражают современное им действующее право. В этом, на наш взгляд, огромное значение анализа интерполяций. С другой стороны, выяснение интерполяций помогает «очистить» от позднейших наслоений подлинные тексты сочинений римских юристов и возродить в его первоначальном виде классическое римское право [35]. Иными словами, оно помогает освободить классическое рим-

---

[34] Const. Tanta, § 10. Об интерполяциях в тексте Дигест см. G. P a c c h i o n i. Corso di diritto romano, vol. I, p. 487—517; H. A p p l e t o n. Les interpolations dans les Pandectes. Paris, 1905; Th. K i p p. Geschichte der Quellen des römischen Rechts, 4. Aufl. Leipzig, 1919, S. 163 f.; E. C o s t a. Storia delle fonti del diritto romano, 1909, p. 166 sq.; P. K r e t s c h m e r. Kritik der Interpolationenkritik. ZSSR, RA, Bd. 59, 1939, S. 102—218; Index interpolationum quae in Justiniani Digestis incesse dicuntur, ed. L. Mitteis, t. I—III. Weimar, 1929—1935.

[35] Правда, при этом следует учитывать, что в рукописях произведений римских юристов, которыми пользовались компиляторы Дигест, было немало ошибок, а также изменений, дополнений и примечаний на полях и между строками, которые обычно называются глоссами или глоссемами, внесенными юристами доюстиниановского времени. Для «очищения» подлинных текстов древних юристов необходимо, конечно, отделить и эти глоссы — доюстиниановские изменения текста (И. С. П е р е т е р с к и й. Указ. соч., стр. 92 сл.).

ское право от византийской одежды, в которой оно дошло до наших дней. Вместе с тем за последние годы исследователи направили свои усилия на изучение постклассического права и установили, что многие изменения в классической юриспруденции сделаны еще до работы компиляторов Юстиниана [36]. И действительно, нередко тексты произведений римских юристов классической эпохи подвергались многократным переделкам в период развития постклассического права и были включены в Дигесты уже в совершенно измененном виде. Все это, конечно, затрудняет восстановление первоначального текста сочинений древних юристов, но все же значение Дигест для воссоздания и сохранения классического римского права огромно. Именно благодаря этой компиляции потомки могли, хотя иногда и в измененном виде, познакомиться почти в полном объеме с замечательным юридическим наследием древнего Рима.

Конечно, Дигесты имели немало недостатков и были далеки от совершенства. Несмотря на хвастливые заявления Юстиниана о том, что в Дигестах нет противоречий [37], в них мы встречаем и противоречия, и прямые ошибки [38]. Иногда случайно сохраняются постановления и институты, уже устаревшие и отмененные в другом месте Дигест и потерявшие силу закона; одно и то же извлечение из текста древнего юриста зачастую цитируется несколько раз по разным поводам и с различными толкованиями или же, наоборот, отрывки из трудов разных юристов по одному и тому же правовому вопросу воспроизводятся вместе, хотя они и дают противоречивые заключения. Иногда сокращения, сделанные компиляторами, искажают подлинный текст юристов, исключают важные и ценные определения и объяснения древних авторов. Все эти пробелы, сокращения, упущения и ошибки, естественно, возникли при спешном составлении Дигест, однако объясняются они не только спешкой, но и показывают стремление компиляторов приспособить древнее право к потребностям своего времени, что иногда делалось недостаточно продуманно, а порою неуклюже и вело к ошибкам и противоречиям.

Значение Дигест надо рассматривать, на наш взгляд, в трех аспектах. Прежде всего, *историческое* значение Дигест состоит в том, что они отразили не только эволюцию римского права к VI в. и состояние византий-

---

[36] H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 486—497. Подлинной рукописи Дигест, созданной при Юстиниане и утвержденной этим императором, не сохранилось. Рукописная традиция Дигест, однако, довольно надежна и богата. Наиболее ценной рукописью является Флорентинская VI или VII в. (называемая Флорентина). Хотя и в ней есть некоторые искажения переписчиков, но она все же содержит наиболее достоверный текст Дигест. От XI—XII вв. сохранилось большое число манускриптов Дигест, худшего качества, чем Флорентина (в них часто пропущены греческие постановления, имена авторов, из трудов которых взят тот или иной фрагмент, и т. п.). Эти рукописи получили название Вульгата (Vulgata). Современный текст Дигест — плод огромного труда по сопоставлению различных рукописей (И. С. Перетерский. Указ. соч., стр. 74 сл.).

[37] Const. Tanta, § 1, 13—15.

[38] Некоторые тексты внесены по ошибке не в те рубрики, имеются ошибки в идентификации автора и его сочинения, неточные ссылки на труды юристов, ошибки в индексе и т. п. неточности (см. H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 492). Довольно многочисленные противоречия в Дигестах появлялись по разным причинам. Они возникали из-за различия мнений среди самих классических юристов; новые противоречия вносились компиляторами в результате изменения одного какого-либо фрагмента или пропуска в другом. Иногда компиляторы отбрасывали важные положения классических юристов и при наличии разных точек зрения в трудах классиков оставляли лишь одну, которую они одобряли. Юстиниан в Const. Tanta (§ 13—15) отвергает наличие в Дигестах противоречий. Он, правда, признает существование в Дигестах повторений, но считает их неизбежными, ибо иногда необходимо повторить одни и те же правовые принципы, но в различных связях и аспектах (H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 495—496).

ской юриспруденции при Юстиниане, но дали возможность выявить и некоторые аспекты эволюции *общественных отношений* в империи в этот период. *Научное значение* Дигест заключается в том, что они не столько разрушили (как полагают некоторые буржуазные гиперкритики Дигест) [39], но *сохранили для* последующих поколений классическое римское право и до наших дней являются основной (хотя и не единственной) сокровищницей, откуда ученые — историки римского права — черпают свои сведения о прославленной римской юриспруденции. *Практическое значение* Дигест проявилось в том, что они явились *главным источником рецепции римского права*, имевшего силу закона в некоторых странах Западной Европы в феодальный и капиталистический период их развития.

Как известно, всякие комментарии к Дигестам (как и ко всему Corpus juris civilis) были запрещены под страхом суровых наказаний и карались как подлог (falsa). Юстиниан полагал, что комментарии только затемнят истинный смысл сочинений древних авторов. Было разрешено лишь делать переводы Дигест на греческий язык и составлять указатели (indices) и краткие изложения содержания параллельных отрывков (paratitla) [40]. Но эти предписания нарушались уже при жизни Юстиниана [41], а непосредственно после его смерти и особенно в последующее время Дигесты породили столь огромную литературу, как никакая другая книга со времени Библии [41а]. Поэтому вряд ли можно считать, что издание Дигест повлекло за собой полный застой в развитии юридической мысли в Византии и Corpus juris civilis задушил всякое живое творчество в области правовой науки [42]. Нам кажется, что Дигесты были, есть и будут основным источником для изучения римского и византийского права.

---

[39] На наш взгляд, вполне прав И. С. Перетерский, отбросивший гиперкритическую точку зрения некоторых буржуазных ученых на Дигесты и убедительно показавший историческое и научное значение этого памятника (И. С. Перетерский. Указ. соч., стр. 96 сл.). Особенно резким и незаслуженно несправедливым нападкам подвергаются Дигесты со стороны французского историка права П. Ф. Жиро, который утверждал, что компиляторы Юстиниана погубили древнее право римлян, «выкраивая учреждения и трактаты права, подобно какой-либо одежде, сшитой из лоскутов», что Трибониан изувечил, испортил, искромсал самое лучшее творение Рима — его гражданское право, наложив свою варварскую руку на удивительные остатки римской юриспруденции, что он разрушил произведения Ульпиана, Павла, Папиниана, Африкана и Гая, чтобы только приспособить эти обломки к нуждам греческой империи и построить из них здание, состоящее из лохмотьев (P. F. Giraud. Histoire du droit romain ou introduction historique à l'étude de cette législation. Paris, 1884, p. 411). К этому суровому отзыву отчасти присоединяется Ш. Диль, который, правда, не согласен с основным выводом Жиро, считая, что в Дигестах римское право было скорее сохранено, чем разрушено (Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация VI в. СПб., 1905, стр. 60). Отрицательную оценку Дигестам (и всему законодательству Юстиниана) дает и А. П. Каждан, который полагает, что в сохранении римских юридических норм нет никакой заслуги Трибониана и его коллег, которые были лишь антикварами и переписчиками старых норм и, более того, обрекли на забвение замечательные книги римских юристов, на костях которых было возведено «пухлое» здание Дигест (А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 21).

[40] Const. Deo auctore, § 12; Const. Tanta, § 21.

[41] Например, два участника составления Дигест — профессора права Феофил и Дорофей — уже вскоре написали на греческом языке подробные указатели (index) к Дигестам. Феофил составил такой указатель к первым трем книгам Дигест, который выходил далеко за рамки простого суммирования текста, а включал парафразы вместе с историческими и юридическими комментариями. Профессор права Стефан в конце правления Юстиниана составил на греческом языке обширный комментарий к Дигестам (H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 512 f.).

[41а] H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 491.

[42] А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 21.

6. Институции Юстиниана [43]

Реформа права, проведенная Юстинианом, не ограничивалась созданием Кодекса и Дигест. Назревала реформа юридического образования, и для улучшения преподавания юриспруденции необходимо было прежде всего написать элементарное руководство по изучению права. Это руководство было названо «Институции», поскольку таким названием уже давно в римской литературе обозначали всякие элементарные пособия и наставления. Институции по замыслу византийского правительства должны были в доступной форме осветить современное состояние права, отбросить все устаревшее, положив в основу реформированное Юстинианом законодательство. По словам самого Юстиниана, необходимость эта возникла потому, что не все могли «снести бремя такой мудрости», как Кодекс и Дигесты [44]. В особой Конституции, предшествующей составлению Институций, император писал, что новый труд задуман как руководство для юношества, «для тех еще мало опытных людей, которые стоят в преддверии храма юриспруденции, желая проникнуть в его святилище». Для этой юности, жаждущей изучить законы (cupida legum juventus), решено было написать Институции по образцу широко известных Институций Гая (II в. н. э.), которые фактически служили учебником права в течение нескольких столетий [45].

На этот раз дело было поручено узкому кругу лиц: Трибониану и двум профессорам права — Феофилу и Дорофею. Но работа была выполнена преимущественно Феофилом и Дорофеем, а Трибониан, занятый составлением Дигест, оставил за собой лишь общее наблюдение за написанием Институций. Видимо, этим можно объяснить, что такое краткое элементарное руководство, как Институции, составлялось почти столько же времени, сколько такой грандиозный труд, как Дигесты. К созданию Институций приступили, согласно императорской Конституции [46], в 530 г., а 21 ноября 533 г. это дело было завершено. Институции появились в свет немного ранее Дигест, хотя работа над обеими этими компиляциями велась параллельно. По замыслу создателей, Институции должны были кратко изложить основы действующего права и тем самым подготовить студентов к изучению Дигест и Кодекса. По сути дела, однако, Институции были в той же мере, что и Дигесты, компиляцией классического права, с учетом, правда, уже тех изменений, которые были внесены в Дигесты и Кодекс. Основное содержание Институций Юстиниана заимствовано из Институций и «Res cottidianae» Гая [47]. Кроме того, составители использовали также Институции Марциана, Флорентина, Ульпиана, а возможно, и Павла. В Институциях заметно и влияние юстиниановского законодательства — Дигест и Кодекса. Некоторые эксцерпты из древних авторов заимствованы через посредство Дигест [48].

---

[43] Р. З о м. Институции. Учебник истории и системы римского гражданского права, вып. 1—2. СПб., 1908—1910; е г о ж е. Институции. История и система римского гражданского права, ч. II, вып. I. Сергиев Посад, 1916; К. С а л ь к о в с к и й. Институции. Основы системы и истории римского гражданского права. Киев, 1910; К. Ф. Г и л а р ж. Учебник институций римского права. М., 1906.

[44] Const. Imperatoriam, § 1—2.

[45] Ibid., § 6.

[46] Ibid., § 1.

[47] «Res cottidianae» — «Повседневные дела», произведение Гая, где в переработанном виде излагаются его же Институции, но акцент делается на разборе практических дел и казусов (Const. Imperatoriam, § 6).

[48] Правда, в отличие от Дигест, отрывки из древних авторов в Институциях даются без заглавий (надписей — inscriptiones), что затрудняет их идентификацию (Const. Imperatoriam, § 6).

В угоду Юстиниану составители Институций придали своей компиляции форму лекции императора студентам, жаждущим узнать законы. Институции Юстиниана, по образцу Институций Гая, были разделены на четыре книги. Поскольку стиль первой и второй книг отличается от стиля третьей и четвертой, высказывалось правдоподобное предположение, что Феофил и Дорофей составили каждый по две книги Институций. Однако еще не удалось установить, какие именно две книги принадлежат Феофилу, а какие Дорофею.

Подобно Институциям Гая, новое творение юстиниановских юристов трактовало личное, семейное и вещное право, а также вопросы о различных договорах — купле-продаже, найме, поручении (мандате) и т. д. 1-я книга Институций рассматривает основы личного и семейного права, 2-я разбирает права на вещи и завещания; 3-я посвящена правам наследования и контрактам, 4-я — обязательствам из деликтов (ex delicto) и искам. В отличие от Институций Гая и в подражание Дигестам, Институции Юстиниана делятся на 98 титулов, которые в свою очередь распадаются на фрагменты. Часть материала Институций Гая полностью исключена из Институций Юстиниана, поскольку этот материал уже устарел. Кроме того, добавлены два титула (которых не было в Институциях Гая) об officium judicis и касающиеся уголовного права.

До нас не дошло подлинной рукописи Институций времен Юстиниана. Однако сохранилось очень большое число более поздних рукописей (начиная с IX в.), что лишний раз свидетельствует о широкой популярности Дигест, имевших огромное распространение в странах Западной Европы. Необходимо в заключение отметить, что Институции не только применялись для учебных целей в школах права Византийской империи, но и получили практическое применение при разборе отдельных судебных дел. Они приобрели силу императорского закона по предписанию Юстиниана 30 декабря 533 г., в тот же самый день, что и Дигесты[49]. Оценивая труд своих юристов, Юстиниан, как всегда хвастливо, заявляет, что Институции собрали «мутные воды древних источников в прозрачное озеро». Однако при всех достоинствах этого руководства: сжатости изложения, соединенной с большим охватом различных правовых вопросов, сохранении рациональной основы Институций римских юристов с учетом изменений постклассического права и реформы Юстиниана, — все же, на наш взгляд, Институции в Corpus juris civilis занимают, по сравнению с другими его частями, подчиненное и весьма скромное место с точки зрения их ценности как исторического источника и дают сравнительно мало для изучения общественных изменений в IV—VI вв. Для собственно истории классического римского и византийского права VI в. Институции полезны также неизмеримо меньше, чем Кодекс, Дигесты и Новеллы. Но, как это ни парадоксально, именно Институции имели наиболее широкое применение как в преподавании права, так и в судебной практике. Для практических целей их сжатость при широком охвате правовых проблем делала их незаменимым руководством со времен Юстиниана в течение всего средневековья. Об этом красноречиво говорит большое число рукописей Институций, сохранившихся до наших дней.

---

[49] Имеется русский перевод Институций Юстиниана, сделанный Ф. Проскуряковым в 1859 г. О рукописях Институций см. В. В. Михайлова. Петербургская рукопись «Institutiones» Юстиниана. «Гермес», 1912, № 3, стр. 85—89.

7. Новеллы Юстиниана

С точки зрения историка, а не правоведа, наибольшую ценность для изучения социально-экономической, политической жизни и классовой и идеологической борьбы в Византии VI в. имеют законодательные предписания самого Юстиниана, не вошедшие в Кодекс и известные под названием Новелл. Для историка они имеют, по сравнению с Дигестами, Кодексом и Институциями, притягательную силу непосредственного источника VI в.: они фиксируют не только реальные изменения общественной жизни, но и хранят аромат эпохи, перенося нас в гущу политической и социальной борьбы в империи того времени.

Публикацией Дигест, Институций и 2-го издания Кодекса работа по кодификации права, предпринятая при Юстиниане, была закончена. Вместе с тем было очевидно, что потребности жизни и судебной практики неизбежно вызовут дальнейшее развитие и совершенствование законодательства. Это предусматривалось и самим Юстинианом. В особой конституции «Cordi» Юстиниан писал, что если в последующие годы «изменчивая природа вещей создаст что-либо новое», требующее императорской санкции, то императором будут созданы новые законы под названием Novellae Constitutiones [50]. Новеллами теперь обычно называют Конституции Юстиниана, не вошедшие в Кодекс и изданные между 535 (534?) и 565 гг. И действительно, законодательная деятельность Юстиниана после издания первых трех частей Corpus juris civilis продолжалась и отличалась значительной активностью. В своих Новеллах Юстиниан прежде всего давал императорскую санкцию и силу закона тем реальным изменениям в праве, которые родились из судебной практики. В Новеллах Юстиниан как бы больше не оглядывается назад, в глубокую, хотя и почитаемую, древность Рима; Новеллы более, чем весь Corpus juris civilis, устремлены вперед, уже в средневековье. Юридическая мысль в них меньше скована канонами классического римского права, а больше исходит из потребностей времени. Большинство Новелл являются законами, вводящими новые постановления, касающиеся общественных или церковных дел, а также вопросов публичного, церковного и, в несколько меньшей степени, частного права. Некоторые Новеллы представляют собой истолкование императором уже существующих законов. Запретив категорически как-либо комментировать и, тем паче, изменять Corpus juris civilis, Юстиниан оставил исключительно за собой право устранять обнаруженные в новом законодательстве противоречия, объяснять неясные положения. Судьи, у которых при разборе дел возникали какие-либо сомнения и споры, должны были обращаться за разъяснениями только к самому императору, «которому одному предоставлено [право] устанавливать и толковать закон» [51].

Новеллами Юстиниана были внесены существенные изменения в брачное право [52], в вопрос о правах наследования, особенно при отсутствии завещания [53]. Интересны нововведения, касающиеся положения рабов, колонов, вольноотпущенников, куриалов. Большое место в Новеллах отводится церковным делам и охране прав господствующей церкви. Многие Новеллы касаются административной реформы, причем разбирают вопросы об устройстве той или иной провинции, округа. Особые Новеллы устанавливают гражданское и военное управление во вновь

---

[50] Const. Cordi, § 4. Отсюда возник термин Novellae, который подразумевает Novellae constitutiones.
[51] Const. Tanta, § 21.
[52] Nov. Just. 22.
[53] Nov. Just. 118, 127 и др.

завоеванных областях, в частности в Северной Африке и Италии. Подавляющее число Новелл издано Юстинианом на имя префекта претория Востока, который, как правило, должен был приводить новые законы в исполнение и доводить до сведения епископов, чиновников и населения. Часть Новелл издана на имя префектов претория провинций, например Африки, Иллирии и Италии. Важнейшие узаконения, касающиеся церковных дел, обращались обыкновенно к патриарху Константинополя и рассылались другим патриархам Востока. Некоторые Новеллы были изданы Юстинианом в ответ на донесения и запросы различных чиновников администрации империи или по отдельным судебным делам, а также в ответ на жалобы, поданные на имя императора.

По своей форме Новеллы вполне оригинальны, в значительной степени уже независимы от римского права и являются образцом несколько витиеватого и многословного византийского стиля [54]. В отличие от других частей Corpus juris civilis, Новеллы Юстиниана были написаны, как правило, уже на греческом языке. Этот знаменательный факт показывает, что сама жизнь заставляла Юстиниана, несмотря на его приверженность к римским традициям, все больше и больше считаться с тем, что латинский язык не был понятен для большинства жителей Византии и что в практических целях необходимо было перейти в законодательстве на греческий язык. Исключение составляют лишь те новеллы, которые были изданы специально для тех провинций, население которых говорило на латинском языке [55]. Отдельные новеллы были для удобства пользования ими написаны на двух языках: латинском и греческом.

При жизни Юстиниана Новеллы публиковались как отдельные постановления и не были объединены в особый сборник [56] — это было сделано уже позднее. Всего сохранилось 169 подлинных Новелл Юстиниана, разбросанных по разным сборникам. До наших дней дошло три сборника Новелл, происхождение которых еще не вполне ясно и вызывает споры в научной литературе. Во всяком случае все три сборника не носят официального характера и не были, видимо, одобрены правительством. По времени создания древнейшим сборником Новелл Юстиниана является частная коллекция, составленная константинопольским адвокатом Юлианом и по его имени получившая название Epitome Iuliani. В сборнике Юлиана содержатся 124 Новеллы, изложенные в сокращенной латинской версии. Юлиан, видимо, был современником Юстиниана, ибо он

---

[54] Новеллы обычно строятся по определенному канону: они начинаются с надписи, содержащей имя императора и обозначение имени и полного титула должностного лица, кому адресовано предписание. Затем идет преамбула (praefatio), излагающая причину и цель создания данного закона; затем приводится содержание закона; кончаются Новеллы формулой, вводящей в силу это постановление и называемой epilogus. Новеллы, по мере необходимости, делятся на главы. Величина Новелл очень различна и варьируется от пространной 22-й Новеллы в 48 глав до очень кратких предписаний, состоящих из одной главы. Как правило, Новеллы точно датированы и имеют в конце указание года и числа их издания.

[55] P. Noailles. Les collections de Nouvelles de l'empereur Justinien I. Paris, 1912. О законодательстве Юстиниана в Италии и других странах Запада см.: G. Ferrari Dalle Spado. La legislazione dell'Impero d'Oriente in Italia. «Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti», t. 96, 2, 1936/37; P. Koschaker. Europa und das römische Recht. München—Berlin, 1958; L. Siciliano-Villanueva. Sul diritto greco-romano (privato) in Sicilia. «Rivista di storia e filosofia del diritto», v. II, 1901, p. 7; G. Ferrari Dalle Spado. Diritto bizantino. Torino, 1938.

[56] Во вводной конституции к Кодексу Юстиниан, правда, выражал намерение создать впоследствии официальную коллекцию своих законов под названием Novellae constitutiones (Const. Cordi, § 4), но это намерение никогда не было выполнено.

говорит о нем как о «нашем императоре». Новеллы здесь расположены в хронологическом порядке (с некоторыми отступлениями). Последняя Новелла, помещенная в Epitome Iuliani, датирована 555 г. Тот факт, что сборник был составлен целиком на латинском языке и явно предназначался для использования в такой провинции, где этот язык был основным, вместе с датой его окончания, совпадающей с завоеванием Италии византийскими войсками в 555 г., породил довольно правдоподобную гипотезу, что эта коллекция Новелл была написана специально с целью введения Юстинианова законодательства в завоеванной Италии [57].

Самым обширным сборником, содержащим 168 Новелл, является составленная в Константинополе знаменитая коллекция греческого происхождения [58], которая впоследствии была использована компиляторами Василик. Она была создана, скорее всего, в правление императора Тиберия II (578—582) или вскоре после него, так как включает три Новеллы этого императора, а также четыре предписания его предшественника Юстина II (565—578). Кроме собственно императорских Новелл, она содержит и четыре постановления префектов претория. Строго хронологический порядок, компактность изложения и отработанность текста вплоть до 120-й Новеллы заставляют предполагать, что в основе этой части коллекции лежит сборник, подготовленный еще в царствование Юстиниана (не ранее 544 г.). Последующие Новеллы собраны хаотически, хронологический принцип нарушается [59].

Кроме того, сохранился сборник из 134 Новелл, получивший название Authenticum или Liber authenticorum [60]. Он, так же как Epitome Iuliani, составлен целиком на латинском языке, что наводит на мысль о его итальянском происхождении. Новеллы, вошедшие в этот сборник, датируются 535—556 гг. и до 127-й Новеллы расположены в хронологическом порядке. В науке существовало мнение, что именно этот сборник был официальной коллекцией Новелл, составленной при Юстиниане и предназначенной для опубликования в Италии [61]. Однако крайне плохой перевод греческих Новелл, сделанный человеком, явно недостаточно владевшим греческим языком, который к тому же использовал зачастую испорченный текст Новелл и не имел юридического образования, исключает его официальное происхождение [62]. Скорее всего, это была провин-

---

[57] См. H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 508; Д. Азаревич. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 10—11.

[58] Греческой эта коллекция новелл называется потому, что в обеих ее рукописях — Венецианской XIII в. и Флорентинской XIV в. — латинские постановления, которые, несомненно, были в первоначальном сборнике Новелл, или пропущены или переданы в сокращенном изложении на греческом языке. В Венецианской рукописи еще добавлены 13 постановлений Юстиниана, названные Эдиктами. Существует версия, что этот сборник составлялся постепенно и в самом своем полном составе не дошел до нас, претерпев позднее сокращения и изменения.

[59] Интересно, что среди этих постановлений встречаются законы Юстиниана, датированные более ранним временем, чем издание 2-й редакции Кодекса, и не вошедшие в него.

[60] Происхождение названия этого сборника таково: ученый XI—XII в. Ирнерий, первый упомянувший об этом сборнике, сомневался первоначально в его подлинности, но затем изменил свое мнение и даже отдал ему предпочтение по сравнению с Epitome Iuliani, считая именно его аутентичным официальному сборнику Новелл, составленному при самом Юстиниане для Италии. Вывод его опирался на дату последних Новелл (556 г.) и характер латинского перевода. P. Noailles. Les collections de Nouvelles de l'empereur Justinien I, p. 166—169.

[61] K. E. Zachariae à Lingenthal. Zur Geschichte des Autenticum und der Epitome Novellarum des Antecessor Julianus, S. 993—1003.

[62] Против официального характера сборника говорит и то, что в нем пропущена знаменитая Прагматическая санкция 554 г., в которой как раз содержалось предписание о публикации законодательства Юстиниана в Италии.

циальная версия Новелл, составленная в самой Италии каким-либо чиновником, находившимся на византийской службе в Равеннском экзархате [63].

В настоящее время признана наилучшей греческая коллекция Новелл Юстиниана, и именно она легла в основу современных изданий.

8. Реформа юридического образования

Организация юридического образования в ранней Византии строилась по античному образцу. В Римской империи еще во времена Августа существовало немало частных юридических школ, но лишь при доминате в крупных городах появились высшие школы права, содержавшиеся на счет государства. По-видимому, в этих школах преподавалось не только право, но и другие «свободные искусства». На Западе школы права были в Риме, Карфагене и, возможно, в Галлии; на Востоке — в Бейруте, Константинополе, Кесарии Палестинской, Афинах и Антиохии. Право являлось одним из главных предметов преподавания в Афинской, Александрийской и Бейрутской школах. Самой прославленной из них была школа в Бейруте [64], достигшая наивысшего процветания в V в. Незадолго до правления Юстиниана в ее стенах работали такие знаменитые профессора права, как Кирилл, Домник, Демосфен, Евдоксий и Патриций, которых во времена Юстиниана юристы чтили как «вселенских учителей». Длительное время во всех школах права преподавание велось на латинском языке, и лишь в конце IV—V в. в Бейруте латинский язык был заменен греческим. Возможно, такое же нововведение частично было проведено и в Константинополе в V в.[65]

Большую роль в юридическом образовании в Византии играла влиятельная группа профессоров права и адвокатов. Профессора высших школ, в том числе профессора права, в Византии назначались на свои должности куриями крупных городов, в которых находились университеты. За свой труд профессора получали как плату (honorarium) от студентов, так и жалованье от государства. Число профессоров, занимавших кафедры в университетах, было невелико. Как известно, в Константинопольской высшей школе до Юстиниана было всего два профессора права, а при Юстиниане — четыре. Но наряду с ними было много учителей права, ведущих частное преподавание, которым было запрещено обучать учеников в общественных зданиях [66]. В основу преподавания права в высших школах было положено изучение текстов юристов классической эпохи. Профессор на лекциях обычно комментировал тексты, сравнивал параллельные отрывки, разъяснял противоречия и приводил в виде иллюстраций случаи из судебной практики. Этот метод преподавания, целиком экзегетический, страдал беспорядочностью и не-

[63] Помимо указанных трех основных сборников Новелл, существовали и другие, не дошедшие до нас коллекции. Видимо, имелся сборник Новелл, которым пользовался Афанасий, юрист времен Юстиниана I и Юстина II, а также сборник τὸ πλάτος τῶν νεαρῶν — 157 Новелл, о которых имеются упоминания, а кроме того, производные сборники Новелл, составленные из ныне утерянных списков для частного пользования восточными юристами (Д. Азаревич. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 18). S. Riccobono. Il valore delle collezioni giuridici bizantine per lo studio critico del Corpus Juris civilis. «Méllang. Fitting», II, 1908.

[64] Бейрутская школа права упоминалась как центр юридического образования уже в 239 г. О Бейрутской школе хвалебно отзывается Юстиниан (Const. Omnem, § 9—10).

[65] Константинопольская высшая школа была открыта в 425 г. В ней работал 31 профессор: латинских — три ритора и десять грамматиков; греческих — пять риторов и десять грамматиков, один философ и два профессора права.

[66] Fr. Schulz. History of Roman Legal Science, p. 273—274; H. F. Jolowicz. Op. cit., p. 474.

полнотой [67]. Курс обучения длился 4 года. На первом курсе студенты изучали Институции Гая и частично комментарии Ульпиана и Павла к преторскому эдикту. Первокурсники назывались dupondii — «незначительные» [68]. На втором курсе шло ознакомление с другими комментариями к преторскому эдикту. Студенты второго курса назывались поэтому edictales. Третий год обучения был посвящен изучению Сентенций и других сочинений Павла и произведений Папиниана, откуда произошло наименование студентов третьего курса — papianistae.

Студенты четвертого курса допускались к самостоятельной работе и без помощи учителей штудировали «Ответы» Павла. Они носили красноречивое название lutai — «освобожденные» [69]. Серьезным недостатком этого учебного плана [70] было то, что бóльшая часть времени студентов тратилась на усвоение отвлеченных положений из трудов древних юристов, часто не имеющих уже практического применения. В то же время много полезного из трудов классических юристов было незаслуженно отброшено и забыто. Крупным пробелом в обучении являлось то, что уголовное право и судопроизводство оставались в стороне. По словам Юстиниана, при таком методе обучения «студенты покидали школы только испорченными наукой» [71]. А между тем потребность в знающих юристах-практиках в империи была очень велика, юридическое образование требовалось и для государственной службы [72]. Необходимость реформы юридического образования назревала. Она стала особенно настоятельной после завершения при Юстиниане работ по кодификации права.

Сперва обстановка для поднятия юридического образования в империи при Юстиниане была не очень благоприятной. Юстиниан под давлением христианского духовенства, как известно, закрыл центры языческих знаний — все высшие школы, за исключением Бейрутской [73] и Константинопольской [74]. Однако после проведения реформы законодательства правительство Юстиниана занялось непосредственно и реформой юридического образования. Прежде всего, категорически было запрещено изучать что-либо, кроме Corpus juris civilis. Именно новое кодифицированное право стало теперь единственным предметом изучения.

Конституцией «Omnem», изданной 16 декабря 533 г. (одновременно с опубликованием Дигест), была объявлена коренная реформа юридического образования. В Константинопольской и Бейрутской школах

[67] По сути дела, подобный метод обучения был развитием классических методов, применяемых в школах риторики в античную эпоху; однако, в отличие от системы классического образования, при которой после изучения элементов права студент много времени уделял обсуждению практических дел и случаев из судебной практики, в преподавании в постклассическую эпоху большое внимание уделялось комментированию древних авторов.

[68] Буквально — «дешевые», «стоящие два асса» (Const. Omnem, § 2).

[69] По-гречески λυται — освобождение от слушания лекций. Но имеется и другое толкование этого термина: некоторые ученые полагают, что получившие это наименование студенты уже могли самостоятельно разрешать проблемы права (Const. Omnem, § 5) (H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 510).

[70] Этот учебный план, кажется, применялся в Константинопольской школе. В Бейруте в дополнение к нему изучались еще Грегориев и Гермогенианов кодексы и некоторые сочинения Ульпиана.

[71] Const. Omnem, praef. § 1.

[72] Так, уже во второй половине V в. для службы при дворе префекта претория необходимо было свидетельство об окончании школы права, скрепленное присягой профессоров. Были ли в то время обязательны экзамены для студентов, неизвестно.

[73] В 551 г. сильное землетрясение разрушило Бейрут, и высшая школа временно переехала в Сидон.

[74] В 529 г. Юстиниан запретил преподавание философии, астрономии и права в Афинах, хотя, кажется, этот запрет не всегда строго выполнялся. В 533 г. этот же император закрыл и все остальные школы.

было учреждено по четыре должности профессоров права [75]. Вместо четырехлетнего был введен пятилетний курс обучения. Все годы пребывания в высшей школе студенты изучали исключительно Институции, Дигесты и Кодекс Юстиниана. На основе новой программы студенты I курса проходили Институции и первые четыре книги Дигест. Юстиниан, в знак особой милости, отменил старое, унизительное название первокурсников (dupondii) и заменил его более почетным — Justiniani novi. Второй, третий и четвертый годы обучения были целиком посвящены усвоению Дигест [76]. На V курсе студенты штудировали Кодекс Юстиниана. Названия студентов II, III и IV курсов оставались прежними, а студенты V курса получали наименование prolytae [77].

В правление Юстиниана приобрели знаменитость профессора права Феофил, Анатолий, Фалилей из Константинополя, Дорофей и Исидор из Бейрута и Иоанн Схоластик из Антиохии [78]. Они не только участвовали в кодификации права, но широко занимались педагогической деятельностью.

Реформа преподавания права, проведенная при Юстиниане, дала, видимо, некоторые положительные результаты. Не только расширился круг изучаемых студентами правовых вопросов, но и преподавание стало более конкретным и приблизилось к нуждам юридической практики. Поскольку единственным действующим правом стал Corpus juris civilis, естественно, что для образованного судьи или адвоката в его практической деятельности прежде всего надо было хорошо усвоить именно этот свод законов.

Профессия адвоката в Византии пользовалась влиянием и уважением. Со времен Римской империи она претерпела значительную эволюцию. Юрисконсульты классической эпохи римского права больше занимались собственно юриспруденцией, нежели адвокатурой, предоставляя это занятие риторам, иногда даже мало сведущим в законах. С IV в. происходит значительная бюрократизация адвокатской профессии, из образованных юристов теперь вербуются чиновники высокого ранга. В связи с этим в 460 г., при императоре Льве I, в Восточной Римской империи было предписано адвокатам для получения адвокатского звания обязательно изучить в высшей школе курс права. Особенно высоко ценилось окончание Бейрутской школы права. Теперь адвокат одновременно должен быть и законоведом. Для получения адвокатуры абитуриент сдавал экзамен по праву и получал удостоверение, свидетельствующее о его подготовке, от профессора. В отличие от этой системы, введенной на Востоке, на Западе адвокатурой по-прежнему занимались риторы, окончившие школы риторики, где право было лишь второстепенным предметом. Придворные адвокаты в Константинополе объединялись в особую схолу (Schola), имевшую права корпорации; они пользовались привилегиями, но вместе с тем находились под контролем государства. Так, была введена строгая такса гонорара, который могли брать адвокаты со своих клиентов за ведение тех или иных судебных дел. Корпорация

---

[75] Сколько было профессоров права в Риме, неизвестно, но во всяком случае после завоевания Италии византийцами им вновь выплачивалось государственное жалованье (Pragm. Sanc., § 22).

[76] При этом в школе Дигесты изучались не полностью, а лишь до 36-й книги. Книги 37—50-я могли усваиваться студентами самостоятельно и даже по окончании школы, уже во время практической работы. Const. Omnem, § 2. См. также: H. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 510—598.

[77] Const. Omnem, § 5.

[78] Const. Omnem, inscr.

адвокатов все более бюрократизируется и приобретает влияние при дворе, в нее вступают дети знатных родителей. Адвокаты принимают деятельное участие в подготовке императорских конституций и различных рескриптов, в кодификации права. Многие высшие чиновники Византийской империи были выходцами из среды адвокатов. Особенно усилилось влияние знающих законоведов-адвокатов при Юстиниане [79]. Среди юристов самыми влиятельными были адвокаты, входившие в императорский совет (consistorium) или служившие в императорской канцелярии. Они являлись подлинными авторами императорских законов и составителями кодификаций. Именно из их среды вышли Трибониан и его коллеги.

Высшие школы права и после создания Corpus juris civilis оставались центрами научной работы в области юриспруденции. Конечно, запрещение Юстинианом какого-либо критического исследования законодательных текстов, включенных в Corpus juris civilis, в известной мере затормозило научное творчество юристов. Но, как мы видели, эти запреты уже при Юстиниане всячески обходились. В школах права велась интенсивная работа по переводу свода законов на греческий язык для того, чтобы сделать его доступным для большинства населения Византийской империи.

В период после правления Юстиниана также появляется ряд выдающихся юристов: Стефан, Афанасий Схоластик, Феодор Гермопольский, Иоанн Кобида, Фока, Анастасий, Филоксен и Симбаций.

Создание свода законов Юстиниана породило большую научную литературу. Она включает переводы отдельных частей Corpus juris civilis на греческий язык, сокращенные извлечения (ἐπιτομή, σύντομος) из законодательства Юстиниана, различные толкования и парафразы, словари, объясняющие латинские термины, встречающиеся в законодательных предписаниях, сочинения по частным вопросам права. Наиболее выдающиеся работы юристов второй половины VI в. были связаны с комментированием Дигест, изучение которых дало особенно плодотворный импульс юридической мысли. Уже сами создатели Дигест профессора права Феофил и Дорофей занялись под видом составления греческих индексов и парафраз фактическим комментированием Дигест. Вскоре за ними еще при жизни Юстиниана другой профессор права, Стефан, также под тем же прикрытием написал обширный греческий комментарий к Дигестам, основанный на читанных им лекциях и содержащий много выдержек из трудов других юристов, в частности Феофила. Греческий парафраз Институций Феофила и греческие комментарии к Кодексу Юстиниана Фалалея, Исидора [80] и Анатолия, созданные в VI в., приобрели в империи и за ее пределами широкую известность. Между 570—612 гг. была создана работа по комментированию Дигест и их научному изучению, известная по схолиям к Василикам как произведение Анонима. И хотя с созданием Corpus juris civilis юридическая мысль на долгие столетия как бы замкнулась в кругу изучения этого грандиозного памятника, все же научное творчество в Византии не прекращалось и развитие права как науки продолжалось и в последующие столетия.

---

[79] Fr. Schulz. Op. cit., p. 268—272.

[80] Фалалей и Исидор упомянуты как профессора права в Const. Omnem, inscr. См. V. Arangio-Ruiz. La compilazione Giustinianea e i suoi commentatori bizantini. Padova, 1946; Labingier. Continuity of Roman Law in the East («Tulane Law Review», 1936); S. Riccobono. Tracce di diritto romano classico nelle collezioni giuridiche bizantine («Miscellanea di Archeologia di Storia e di Filologia dedicate al prof. A. Salinas». Palermo, 1906).

II. СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ ЮСТИНИАНА

1. Изменения в правовой доктрине и теории права в кодификации Юстиниана

Римская теория права, давшая юриспруденции такие теоретические понятия, как право (jus), закон (lex), обычай (consuetudo), разработавшая доктрину взаимоотношений прав человека и прав общества, государства (гражданское и публичное право), обогатившая науку созданием многих юридических положений и норм, в своем развитии претерпела, как и действующее право, длительную и весьма важную эволюцию [1].

Эволюция правовой доктрины, происходившая, конечно, в зависимости от изменения общественных отношений в империи, шла в сторону *универсализации* права, освобождения ее от узких рамок права одного, хотя бы и господствующего, народа и возведения ее до степени правового учения, распространяемого *на все человечество*.

Как известно, в составе римского объективного права классической и императорской эпох существовали различные правовые системы, которые возникли в разные периоды и продолжали применяться параллельно одна другой. Это было прежде всего наиболее *древнее квиритское* (*цивильное*) (jus civile) *право* [2], являвшееся привилегией римских граждан и носящее национальный, замкнутый характер. По мере создания огромной Римской империи необходимо было урегулировать правовое положение многочисленного неримского населения, не подлежащего действию jus civile. Постепенно для *всех неримлян*, как постоянно живущих в римском государстве, так и только приезжающих туда и ведущих деловые отношения с римлянами, возникло так называемое *право народов* (jus gentium), имевшее очень широкие границы применения [3]. Старое, замкнутое цивильное право не удовлетворяло потребностей торгового и делового оборота, и через посредство эдиктов преторов параллельно ему стало создаваться так называемое *преторское* (*jus pretorium*), *или гонорарное* (*jus honorarium*), *право*, мало-помалу вытеснявшее отживающее право римских граждан [4].

Создание единой империи, отпадение различий между римскими гражданами и неримлянами и распространение после эдикта Каракаллы прав римского гражданства на все свободное население государства

[1] О римской теории права см.: В. М. Хвостов. Общая теория права. М., 1914; его же. Система римского права. Общая часть. М., 1908, стр. 33—47; Fr. Schulz. Prinzipien des Römischen Rechts. München—Leipzig, 1934; Б. Н. Фрезе. Общее и местное право Римской империи. «Вестник Демидовского лицея», кн. 85, 1902, стр. 1—20; Д. Д. Гримм. Курс римского права, ч. I, вып. 1. Учение об основных правовых понятиях. СПб., 1904; его же. Лекции по догме римского права. Пг., 1916. В. В. Ефимов. Догма римского права. Пг., 1918; А. К. Законы и иски в римском праве. СПб., 1901; И. А. Покровский. Право и факт в римском праве. «Киевские университетские известия», 1898, апрель, май, стр. 1—145.

[2] Выражение jus civile имело в римской правовой теории два различных значения: частного, гражданского права в противовес общественному публичному праву (jus publicum) и гражданского права римлян в противовес праву других народов (jus gentium).

[3] О jus gentium см. N. Voigt. Römische Rechtsgeschichte, I. Bd. Leipzig, 1892, § 15; II. Bd. Stuttgart, 1892, § 77; R. Sohm. Institutionen des römischen Rechts. Leipzig, 1894, § 13, 14; E. Cuq. Les institutions juridiques des Romains, t. II. Paris, 1902, p. 45, 47 sq.; O. Karlowa. Römische Rechtsgeschichte, I. Bd. Leipzig, 1885, § 59; К. Брунс — О. Ленель. Внешняя история римского права. М., 1904, стр. 102; В. М. Хвостов. История римского права. М., 1919, стр. 209—211.

[4] О преторском праве см.: И. А. Покровский. Генезис преторского права. «Киевские университетские известия», 1902, январь, февраль, май—июль, стр. 1—209; его же. Римская претура и судейское усмотрение. «Журнал Министерства Юстиции», 1902, апрель, 365—372.

привело к *постепенному слиянию существовавших ранее систем права — цивильного, преторского и права народов.*

Реальные социально-экономические основы разделения права на несколько систем уже исчезли, и было настоятельно необходимо уничтожить различия правовых систем, как уже изживших себя и мешавших дальнейшему прогрессивному развитию общества и правовой науки. Этот процесс находит свое завершение в кодификации Юстиниана.

Реформы Юстиниана в праве собственности, в институте приданого (dos), наследования по закону и против завещания (ab intestato), как мы увидим ниже, были направлены к окончательной отмене устаревших различий между правом цивильным и преторским, правом гражданским и правом народов. *Тем самым в законодательстве Юстиниана завершался процесс создания единого универсального права для всего свободного населения империи.*

Вместе с тем в законодательстве Юстиниана особое место продолжает занимать *естественное право* (jus naturale) [5], рожденное под влиянием греческой стоической философии и основанное на представлении о том, что весь мир является эманацией естественного разума (ratio naturalis) и этот разум устанавливает жизненный порядок, являющийся вечным, разумным и безусловным. Требования естественного права, прогрессивные для своего времени, покоились на абстрактных законах нравственности и морали. Естественное право выдвигало доктрину о том, что «по праву природы все люди являются равными» (jure naturale omnes homines aequales sunt). Более того, адепты теории естественного права провозгласили даже тезис, что «jure naturale omnes homines liberi nascuntur» — «по естественному праву все люди рождаются свободными» [6]. Однако эти философско-этические доктрины, проникающие в римское право особенно в период разложения рабовладения, находились в вопиющем противоречии с реальной жизнью, да и с действующим правом, в котором по-прежнему широко применялись основные юридические нормы рабовладельческого общества.

Правовая доктрина о естественном праве находилась в не менее вопиющем противоречии и с царящим в действующем праве империи социальным неравенством, особенно в сфере уголовного права, и с противопоставлением прав свободных знатных лиц (honestiores) и низших слоев населения (humiliores).

Сохранение теории естественного права в кодификации Юстиниана скорее всего надо поставить в один ряд с другими демагогическими призывами этого императора, почерпнутыми у классических юристов, следовать в праве принципам справедливости, равенства всех граждан перед законом и гуманности [7].

По римской теории права законодатель в своей деятельности всегда должен следовать принципу *равенства всех граждан перед законом* (aequitas). Он должен отбросить все и всяческие сословные и партийные предубеждения и ставить превыше всего благо всего общества. Но вот именно последний тезис о служении интересам общества в действительности стал той лазейкой, которая давала возможность обходить на деле провозгла-

---

[5] C. A. M a c h i. La concezione naturalistica del diritto e degli istituti giuridici Romani. Milano, 1937.

[6] Dig., I, 5.4., pr.; XII, 6.64; I, 1; 4; L, 17.32; XL, 11.2; Inst. Just., 1, 2, § 2. См.: В. М. Х в о с т о в. Система римского права. Общая часть, стр. 38—39.

[7] В. М. Х в о с т о в. Система римского права. Общая часть, стр. 36—37; Ю. С. Г а м б а р о в. Как не следует понимать справедливость у римских юристов. «Русская мысль», 1895, кн. 12, стр. 152—172; В. М. Х в о с т о в. Опыт характеристики понятий aequitas и aequum jus в римском классическом праве. М., 1895.

шенный на словах принцип равенства всех граждан перед законом. Оказывается, именно во имя блага всего народа и государства римское законодательство не только могло, но и должно было ограждать особые привилегии высших классов общества и духовенства. Защита же особых прав низших классов обычно считалась неполезной для всего общества [8].

Другой столь же абстрактный принцип теории права, как человечность (humanitas), требовал от законодателя уважения к человеческой личности, устранения норм права, унижающих человека. Но как было возможно согласовать принцип гуманности с существованием рабства? И здесь римские юристы нашли удобный для них выход — не желая, естественно, подрывать основ рабовладельческого общества, они хотя и провозглашают рабство противным принципам гуманности, но признают его неизбежным злом, *поскольку рабство соответствует требованиям блага всего общества и тем самым вполне согласно с теорией aequitas* [9].

Вся ханжеская сущность теории humanitas с особой наглядностью проявляется, если мы обратимся к римской системе наказаний за уголовные преступления, являющейся одной из самых жестоких ноксальных систем всех времен и народов [10].

В не меньшем противоречии эти правовые доктрины находились и с духом автократизма и неограниченности власти императора, пронизывающим все законодательство Юстиниана. Как известно, именно в законодательстве этого императора нашло окончательное оформление учение о божественности и полной непогрешимости власти автократора на земле. Император был «живым законом», совершенным воплощением неограниченной власти [11].

Тем самым философско-политические идеи волюнтаризма, полной зависимости закона от воли императора были доведены до своих крайних пределов. Только разум, воля автократора бесконтрольно могли творить законы и являлись непререкаемыми источниками права. Как же можно было это согласовать с принципами естественного права, всеобщего равенства перед законом и гуманности? И здесь теория права, создав учение о добром и мудром императоре, вдохновляемом в своей законодательной деятельности свыше, пыталась примирить эти непримиримые положения. Но действительность на каждом шагу опровергала теоретические выкладки римских юристов.

Поскольку теперь развитие права происходило не через посредство научной деятельности юристов, а путем законодательства императора, не знавшего никаких пределов своему произволу, постольку *оно все больше зависело от императорского деспотизма, от изменений внутренней и внешней политики императорского правительства.* И хотя властный деспотизм Юстиниана делал порою законодательные реформы более решительными и смелыми, чем отвлеченные построения ученых юристов, но вместе с тем законы менялись очень быстро в связи с колебаниями политики императора, издавались зачастую по частным поводам и по своему содержанию отличались расплывчатостью и порою даже мелочностью. Особенно проявляется это в Новеллах Юстиниана, которые характеризуются многословием и крайним самовосхвалением, напыщенностью стиля и вычурностью языка.

---

[8] Dig., II, 2.1, pr.
[9] Dig., XXVIII, 5.84 (82); XL, 5.37.
[10] Dig., XLVIII, 19. 1—42.
[11] CJ, I, 14.12, Const. Deo auctore, 7; Const. Imperatoriam, praef.; Const. Tanta, 18.21; Nov. Just. 113, cap. 17. См. М. М. Покровский. Очерки по римской истории и литературе, гл. 1. Философские учения о власти и их отражения в римской литературе и праве. СПб., 1907.

Никогда еще в законодательстве не расцветала таким пышным цветом идея о *всеобъемлющем могуществе императорских законов*, которые якобы способны, как по мановению волшебной палочки, исцелять все язвы общества, устранять злоупотребления и ошибки судей, поднимать моральный уровень граждан, улучшать все условия жизни населения империи. Однако мы знаем, насколько заблуждался Юстиниан в отношении действенности своих законов и насколько иллюзорны и эфемерны оказались его попытки найти выход из кризиса, переживаемого империей в VI в.

Со времени создания Восточной Римской империи и перенесения центра государства в Константинополь как в философии права, так и в действующем праве все больше и больше сказывается влияние греческих и восточных философских учений, обычаев, правовых норм и юридических воззрений [12]. Если и ранее на Востоке в судебной практике были сильны местные обычаи, то в Юстиниановом праве уже *отчетливо прослеживается проникновение греко-восточных идей и традиций в общеимперское право*. Теперь, когда уже не существует особого римского народа, когда произошла широчайшая нивелировка всего населения и смешение римлян с другими народностями, законодательство, приобретая характер законов для всех подданных, должно было все больше впитывать в себя юридические представления народов, населявших империю.

Особенно сильное влияние на римскую теорию права оказала греческая философия. В римской философии права не без воздействия стоиков были выработаны такие теоретические положения, как учение о естественном праве, как принципы aequitas и humanitas.

Смягчение бесправного положения женщин в сфере семейного и наследственного права также родилось не без влияния греческой философии и этических воззрений греков и других народов Восточной Римской империи [13].

В римском уголовном праве влияние греческой философии и правовой науки сказалось прежде всего в выработке, под прямым воздействием учения Аристотеля о категориях преступных деяний, теоретических презумпций о различных градациях понятия вины (culpa), в создании законоположений о заранее обдуманном умысле, о внезапном умысле, о неосторожности. Восточные обычаи проникали и в систему наказаний Дигест за уголовные преступления [14].

На изменение правовой доктрины в законодательстве Юстиниана по сравнению с классическим правом, естественно, оказало влияние и

[12] О *восточных влияниях в праве Юстиниана существует обширная литература*, и мы не считаем целесообразным вновь возвращаться к подробному рассмотрению этого вопроса. См. L. Mitteis. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Leipzig, 1891; M. San-Nicolo. Il problema degli influssi greco-orientali sul diritto bizantino («Atti del Congresso internazionale di diritto romano». Pavia, 1934, p. 255—280); P. Collinet. Études historiques sur la droit de Justinien, t. I. Le caractère oriental d'oeuvre législative de Justinien. Paris, 1925; idem. Les facteurs de développement du droit romain privé au Bas-Empire. ZSSR, RA, Bd. 49, 1929, S. 691—692; E. Levy. Westen und Osten in der nachklassischen Entwicklung des römischen Rechts. ZSSR, RA, 1929, S. 230—259; idem. West-östliches Vulgarrecht unter Justinian. ZSSR, RA, Bd. 76, 1959; P. Bonfante. Diritto romano. Roma, 1900, p. 88 sq.; idem. Studia dell diritto romano. Roma, 1934 и др.

[13] Влияние правовых норм греков, сирийцев и других народов Востока империи на улучшение положения женщины в законодательстве Юстиниана сказалось прежде всего в появлении новых институтов, таких, как институт предбрачного дара (donatio ante nuptias), имущества подвластных детей, получаемого со стороны матери и ее родственников (bona adventitia).

[14] А. Н. Стоянов. Уголовное право Рима от древнейших времен до Юстиниана включительно. «Записки Харьковского университета», № 3, 1895.

христианство. Глубочайший идеализм и спиритуализм христианского вероучения первоначально очень не вязался с сугубым практицизмом римского права. Но и здесь постепенно христианство сумело использовать право в интересах господствующей церкви, а императорское правительство — приспособить христианское вероучение к прославлению и укреплению единодержавной власти. Церковь в угоду императору провозгласила доктрину, проведенную в праве, о божественности власти императора и его законов, а взамен этого имперское правительство не только защищало имущественные и политические привилегии духовенства, но и поддержало его борьбу с еретиками и отступниками, поставив в зависимость от исповедания ортодоксальной религии гражданские права человека в обществе [15].

В целом римская теория права, воплотившаяся в законодательстве Юстиниана, сочетала в себе некоторые прогрессивные черты философско-этических представлений, накопленных в период античности, с глубоко реакционными воззрениями рабовладельческого общества эпохи его кризиса. С одной стороны, мы видим *поиски человеческой мыслью путей к созданию права на основе принципов всеобщего блага, равенства, гуманности*, с другой — увековечение и возведение в степень философско-правовой доктрины *принципа абсолютной монархической власти*, столь далекой от идеалов всеобщего равенства, *защиту политических и сословных привилегий высших слоев общества и духовенства, правовое признание глубочайшего социального неравенства между свободными и рабами, honestiores и humiliores.*

Абстрактные поиски и теоретические умозрительные построения римской юриспруденции находились в неразрешимом противоречии с глубоко классовым, монархическим характером Юстинианова законодательства. Философия права при Юстиниане была столь же противоречива, как и эпоха, ее породившая.

2. Отражение в законодательстве Юстиниана социально-экономических изменений, происшедших в империи к VI веку

а) Эволюция институтов собственности и владения

Законодательство Юстиниана как бы подвело итог изменениям, происшедшим в *отношениях собственности* в Римской империи к VI в.

Создание единой империи, рост экономических связей между провинциями и торгового оборота, развитие частной собственности в ущерб собственности городских курий и корпораций настоятельно требовали *унификации всех существовавших ранее видов собственности и создания единой универсальной собственности*, снабженной прочной исковой защитой. Эволюция собственности в римском государстве была сложным многовековым процессом: в древнейшем праве Рима собственность имела однородный характер, затем, пройдя стадию существования нескольких видов собственности, она вновь закончила свое развитие в VI в. однородностью в законодательстве Юстиниана [16]. Как и предшествующие

[15] О влиянии христианства на законодательство Юстиниана см. M. Roberti — C. Bussi — W. Vismara. Cristianesimo e diritto romano. Milano, 1935; Fr. Leifer. Christentum und römisches Recht seit Konstantin. ZSSR, RA, Bd. 58, 1938, S. 185—202; B. Biondi. Iustiniano primo principe e legislatore cattolico. Milano, 1936; E. H. Kaden. L'Église et l'état sous Justinien. «Mémoires publ. par la Faculté de Droit de Genève», 9 (1952), p. 109—144.

[16] В своем развитии институт собственности в Риме прошел следующие этапы: смягчение формализма древней квиритской собственности и появление более гиб-

виды собственности, собственность при Юстиниане сохраняла рабовладельческий характер. В законодательстве Юстиниана отражены важные реформы, завершившие процесс создания института единой собственности. Прежде всего был окончательно уничтожен *дуализм* между цивильной (квиритской) и бонитарной (преторской) собственностью. Это было сделано двумя Конституциями Юстиниана. В первой из них, изданной в 530/31 г., отменялось так называемое nudum jus Quiritium и устанавливалось правовое равенство между всеми видами собственников на любые вещи [17]. Характерно, что среди этих вещей на первом месте особо выделяются рабы (. . . sed sit plenissimus et legitimus quisque dominus sive servi sui sive aliarum rerum ad se pertinentium) [18]. Впрочем, рабы упоминаются почти во всех законах Юстиниана, касающихся прав собственности, что лишний раз говорит о сохранении рабовладельческого характера собственности и в VI в.

Вторая Конституция Юстиниана 531 г. сделала последний шаг по пути уничтожения дуализма квиритской и бонитарной собственности. Поскольку различие между ними было связано со старинным и уже потерявшим значение делением вещей на *res mancipi* [земли в Италии, рабы, домашние животные, ходящие под ярмом и под седлом (boves, muli, equi, asini), сельские предиальные сервитуты] и *res nec mancipi*, которые включали движимость, городскую собственность и все остальные вещи, находящиеся в обороте и могущие быть предметом сделок гражданского права (res in commercio) [19], то новый закон Юстиниана и отменял это разделение [20]. Важнейшим последствием этой отмены разделения вещей на res mancipi и res nec mancipi были упрощение и унификация форм передачи собственности.

Практическое различие между res mancipi и res nec mancipi сводилось к различным способам перенесения права собственности на них. Право собственности на res mancipi переносилось с одного лица на другое путем сложной и торжественной процедуры mancipatio [21].

Для res nec mancipi давно уже существовал более простой способ передачи, происходивший без всякой торжественности и состоявший в простой передаче вещи собственником приобретателю (traditio) [22].

кой формы *преторской* или *бонитарной* собственности, превышающей права квиритской, выделение вступившей в широкий оборот собственности перегринов, признание прав собственности частных лиц на провинциальные земли. Об эволюции института собственности в Риме см.: В. М. Хвостов. История римского права, стр. 105—118; 272—299; 408—414; его же. Система римского права, II. Вещное право. М., 1908; И. А. Покровский. История Римского права. Пг., 1917, стр. 244—282; его же. Лекции по истории римского права. СПб., 1911, стр. 146—166; «Римское частное право», учебник под ред. И. С. Перетерского. М., 1948, раздел V, стр. 137—234 и др. О квиритской и бонитарной собственности см. В. М. Хвостов. Система . . ., II, стр. 6—7; Учебник «Римское гражданское право», стр. 195—199.

[17] CJ, VII, 25.1. Квиритская собственность, ранее сталкиваясь с преторской, была nudum jus Quiritium и уступала преторской, ибо бонитарный собственник мог парализовать право квиритского собственника различными эксцепциями, предоставленными ему претором (В. М. Хвостов. История . . ., стр. 280).

[18] CJ, VII, 25.1.

[19] Res in commercio противопоставлялись res extra commercium, к которым относились res sacrae — храмы, алтари; res religiosae — места погребения свободных лиц; городские стены и ворота; res publicae — все вещи, принадлежащие государству, и res omnium communes — вещи общего пользования — атмосфера земли, моря, текущие воды (В. М. Хвостов. История римского права, стр. 106).

[20] CJ, VII, 31.1. См. Б. П. Иванов. Res mancipi et nec mancipi. (Очерк по истории римского права). Казань, 1914.

[21] О mancipatio см. В. М. Хвостов. История римского права, стр. 109—110. Учебник «Римское гражданское право», стр. 201—202.

[22] О traditio см. В. М. Хвостов. История . . ., стр. 110; его же. Система. . ., II, стр. 15; «Римское гражданское право», стр. 202—206.

Ко времени Юстиниана traditio уже стала универсальной *абстрактной* формой передачи собственником другому лицу фактического владения (possessio) любой вещи, не обязательно связанной с вручением этой вещи [23].

Отменив деление вещей на res mancipi и res nec mancipi, *Юстиниан сделал traditio единым способом перенесения собственности, применяемым к созданному им же единому виду собственности* [24]. В праве Юстиниана, в связи с общей тенденцией к введению письменных актов, traditio должна была обычно сопровождаться составлением письменного документа [25].

Наряду с mancipatio была фактически отменена и другая устаревшая громоздкая форма передачи собственности, связанная с фиктивным судебным процессом, так называемым in jure cessio [26]. Устаревшие термины mancipatio и in jure cessio при проведении в VI в. кодификации права устранялись юристами Юстиниана.

Одновременно был завершен процесс *уравнения прав собственности на земли в Италии и в провинциях* [27]. Право частных лиц на провинциальные земли стало в законодательстве Юстиниана обыкновенным правом собственности, снабженным *общей* исковой защитой [28]. Для частных земельных собственников, как местных, так и пришлых, в провинциях, до этого времени не имевших прочных прав на свои земли, реформа Юстиниана имела огромное практическое значение. Особенно, конечно, в этом были заинтересованы новые римские собственники, приобретшие огромные земельные владения в провинциях из государственного земельного фонда и настоятельно требовавшие предоставления им твердых прав собственности на провинциальные земли.

Таким образом, в VI в. получает окончательное юридическое оформление *единая собственность*, приобретаемая *одним* способом и приложимая *одинаково* ко всем вещам [29]. В законодательстве Юстиниана теперь право собственности обозначалось как полная власть над вещью (plena in re potestas).

Эта унификация собственности имела очень важные последствия. С одной стороны, *универсальная* собственность, установленная на все земли, способствовала *укреплению провинциального землевладения*, а облегчение способов ее передачи ускоряло *мобилизацию земель в руках крупных землевладельцев и рабовладельцев*, опять-таки в первую очередь в провинциях. Но вместе с тем введение единой упрощенной формы передачи собственности (traditio), не связанной с затратами и не требующей много времени, значительно ускорило осуществление земельных сделок и для средних и мелких земельных собственников, независимо от их места жительства, в то время как старые, торжественные формы передачи собственности всегда были более доступны привилегированным слоям общества. Таким образом, унификация собственности была выгодна

---

[23] «Римское гражданское право», стр. 203.

[24] B. W. Leist. Mancipation und Eigentumstradition. Jena, 1865; Rohde. Studien in Besitzrecht. Düsseldorf, 1912.

[25] «Римское гражданское право», стр. 203.

[26] В. М. Хвостов. История . . ., стр. 409. О передаче собственности в форме in jure cessio см. там же, стр. 110—111.

[27] О статусе провинциальных земель см. «Римское гражданское право», стр. 196—197; В. М. Хвостов. Система . . ., II, стр. 7—8. Захваченные по праву завоевания, эти земли принадлежали номинально римскому народу и императору, права на них носили публичный характер, они облагались налогами, прежние местные собственники сохраняли лишь владение, а не собственность на свои земли и не имели прочной исковой защиты.

[28] CJ, VII, 31.1, § 44; Inst. Just., 2.1.

[29] В. М. Хвостов. История. . ., стр. 409.

большинству как крупных, так и средних землевладельцев империи. Не менее выгодна была она и торгово-ремесленным кругам, ибо ускоряла торговый оборот и облегчала проведение самых различных сделок, связанных с передачей прав собственности. Кроме того, именно универсализм собственности в праве Юстиниана помог рецепции этого права в германо-романских странах Европы в средние века и в новое время.

В тех же целях стабилизации хозяйства страны в законодательстве Юстиниана юридически оформляется процесс *укрепления права владения (possessio) и превращения его при определенных условиях в право собственности*. В кодификации Юстиниана сделан шаг к облегчению передачи (traditio) владения: кроме существовавшей ранее передачи «длинной рукой» (traditio longa manu), когда прежний владелец, не передавая вещи, указывал на нее приобретателю (например, при передаче земельного участка не обязательно было его весь обходить, а достаточно осмотреть с башни) [30], теперь вводится еще и передача «короткой рукой» (traditio brevi manu). Эта передача состоит в том, что прежний держатель вещи, например депозитарий, ссудополучатель — коммодатарий, прекарист (держащий до востребования и др.), с согласия владельца становится владельцем без нового акта передачи вещи. Здесь для приобретения вещи уже достаточно только волеизъявления владельца, что ранее не допускалось [31].

В законодательстве Юстиниана закрепляется, кроме того, сложившаяся уже практика владения через других лиц [32]. Если владелец насильственно (de vi) изгнан из своего владения, но не изгнаны его подвластные, в том числе рабы, то за ним сохраняется право владения [33].

Законодательство Юстиниана оформило правила потери права владения в случаях: 1) передачи вещи по воле владельца, 2) утраты вследствие его смерти, 3) при гибели вещи. Очень важно введение строгой защиты владения во время отсутствия владельца. Когда кто-либо захватил силой владение в отсутствие его владельца, то владелец терял вещь только в том случае, если, узнав о потере, он не хотел или не мог (через суд) вернуть ее. Если же установлено наличие обмана или небрежности со стороны лица, через посредство которого владелец владел вещью в свое отсутствие, то владение за ним сохраняется [34].

Усилена исковая защита владения в отсутствие владельца. Создан особый интердикт (interdictum momentariae possessionis), действовавший в течение 30 лет в пользу отсутствовавшего владельца и всех его заместителей против всякого захватившего это владение [35]. При Юстиниане вообще была упрощена и тем самым облегчена исковая защита юридического владения. Юстиниан уничтожил различие между существовавшими ранее владельческими интердиктами uti possidetis и utrubi [36], свел их к одному интердикту uti possidetis, распространил его одинаково на движимые и недвижимые вещи и установил, что защита должна всегда оказываться по интердикту uti possidetis тому лицу, которое владеет вещью к моменту начала процесса не насильственно, не тайно и не прекарно от своего противника по тяжбе (nec vi nec clam nec precario ab adversario) [37]. Уничтожено деление интердиктов о насильственном за-

[30] Dig., XLI, 2.18.2.
[31] Dig., XLI, 1.9.5.
[32] Dig., XLI, 2.18, pr.; XLI, 1.20.2; XLI, 1.53.
[33] Dig., XLIII, 16.1.45.
[34] CJ., VIII, 4.11. Ср. CJ, VII, 32.12.
[35] CJ, VIII, 4.11; VII, 32.12.
[36] О различии этих интердиктов см. «Римское частное право», стр. 184—188.
[37] Dig., XLIII, 31.1, § 1; Inst. Just., 4.15, § 4.

хвате владения (unde vi) на интердикты о совершении обычного насилия без применения оружия (interdictum de vi cotidiana) и вооруженного нападения (interdictum de vi armata), создан единый интердикт о насилии (interdictum de vi) с облегченными для владельца условиями вчинения. Теперь при насильственном захвате владения от владельца *не требовалось доказывать отсутствие порочности его владения* (т. е. не включалось в интердикт exeptio vitiosae possessionis), и интердикт действовал неограниченно в течение одного года [38]. Владелец при совершении над ним насилия уже не должен был доказывать законность своего владения, а получал право на немедленный возврат захваченного у него имущества. Те же правила были распространены и на прекарное держание: по первому требованию владельца прекарист должен немедленно возвратить имущество, а владелец не обязан доказывать отсутствие порочности своего владения [39].

В плане укрепления владения очень важны реформы Юстиниана, связанные с институтом приобретательной давности.

В праве Юстиниана был подведен итог развития двух ранее существовавших институтов приобретательной давности: usucapio [40], применявшейся на италийских землях и только для римских граждан, и longi temporis praescriptio [41], распространенной в провинциях и по отношению к владениям перегринов. Согласно Конституции 531 г. (той же, что отменила разделение вещей на res mancipi и res nec mancipi), оба института—usucapio и longi temporis praescriptio *сливались в единый институт приобретательной давности*, объединивший и несколько видоизменивший условия обоих отмененных институтов.

Согласно Конституции Юстиниана 531 г., всякий владелец, реально владевший чужой движимой вещью три года, а недвижимой 10 лет, если прежний собственник и давностный владелец жили в одной провинции (inter praesentes), и 20 лет, если они жили в разных провинциях (inter absentes), получал на свое владение права собственности.

Изменения Юстиниана в отношении сроков давности сводились к следующему: сроки были удлинены по сравнению с очень короткими сроками узукапии (один год для движимых вещей и два года — для недвижимых); для недвижимых вещей вводился новый, тоже сравнительно короткий срок давности в три года, а более длинные сроки, применявшиеся в институте longi temporis praescriptio одинаково к движимым и недвижимым вещам, прилагались теперь только к недвижимости [42].

Другие условия для приобретения прав собственности по давности сохранялись такими же, как и в обоих слитых теперь институтах: 1) владение (possessio), 2) истечение срока, 3) владение должно покоиться на justus titulus — законных основаниях, 4) оно должно быть добросовестным (bona fide), 5) сама вещь обязана быть res habilis, т. е. способной к узукапии (неспособными к узукапии считались res extra commercium

[38] Inst. Just., 4.15, § 6. Ранее при насильственном захвате владения для возврата вещи требовалось, чтобы владелец доказал отсутствие порочности владения, т. е. что он владеет вещью не насильственно. не тайно и не прекарно.

[39] Dig., XLIII, 26.2., pr.

[40] Об институте usucapio и его эволюции в римском праве см.: В. М. Хвостов. История. . ., стр. 111; его же. Система. . ., II, стр. 27; «Римское частное право», стр. 209—210; P. Krüger. Derelictio und usucapio («Μνημόσυνα παππούλια», 1934); A. Ubbelohde. Ueber die usucapio pro mancipato. Marburg, 1873; E. Schönbauer. Liegenschaftsrecht. Berlin, 1924; П. В. Попович. Определение давности и давности владения в древнеримском гражданском праве. Варшава, 1911, стр. 1—82.

[41] Об институте longi temporis praescriptio см. В. М. Хвостов. История. . ., стр. 279—280; его же. Система. . ., II, стр. 27; «Римское частное право», стр. 210—211.

[42] CJ, VII, 31.1, § 1.

и res furtivae — краденые вещи до их возвращения законному собственнику) [43].

Условия приобретения собственности по давности были обобщены самими римлянами в таком гекзаметре: «res habilis, titulus, fides, possessio, tempus» [44]. Очень важным послаблением при исчислении срока давности было включенное в Конституцию Юстиниана из института longi temporis praescriptio так называемое accessio possessionis, т. е. к владению каждого лица присчитывается владение его предшественников, если оно также удовлетворяло всем условиям приобретательной давности [45].

Важно отметить, что как и в других законах, касающихся собственности, и в этой Конституции Юстиниана опять особо упоминаются самодвижущиеся вещи (res se moventes), т. е. рабы и скот, что лишний раз говорит о рабовладельческом характере собственности [46].

Кроме того, законом 528 г. Юстиниан создал еще один вид приобретательной давности, так называемый longissimi temporis praescriptio. Если кто-либо добросовестно приобрел вещь и оставался ее владельцем до истечения срока погашения иска собственника (30 или 40 лет), тот получал, кроме эксцепции против иска собственника, еще и иск res vindicatio, т. е. в случае потери владения вещью он мог предъявить иск о ее выдаче [47]. Таким образом, погасительная давность в 30 лет, установленная еще императором Феодосием II в 424 г.[48], теперь, при Юстиниане, была превращена в приобретательную. Экстраординарная давность (longissimi temporis praescriptio) отличается от обыкновенной приобретательной давности тем, что срок ее длиннее, но зато для новых собственников не требуется ни justus titulus, ни res habilis [49], требуется лишь одно условие — добросовестного (bona fide) приобретения при начале владения.

Очень важно, что теперь и обыкновенная и экстраординарная приобретательная давность получила не только защиту путем возражения против требований прежнего собственника, но и предоставление виндикационного иска, что делало права собственности наиболее прочными.

Изменения, введенные законодательством Юстиниана в институт приобретательной давности, были очень выгодны *новым* земельным собственникам, особенно в провинциях империи. При Юстиниане эти изменения были внесены явно в интересах новых землевладельцев и рабовладельцев, стремившихся приобрести прочные права собственности на захваченные ими владения. Институту 30-летней давности суждено было потом сыграть важную роль в аграрной истории Византии.

Для государственной власти и господствующего класса империи в поисках выхода из аграрного кризиса важно было укрепление прав новых владельцев в целях поощрения обработки пустующих и заброшенных земель. С этой целью в законодательство Юстиниана были включены законы императоров IV в., охраняющие интересы новых владельцев. Заброшенный земельный участок передавался в собственность тому, кто

---

[43] CJ, VII, 31.1, § 2, 3. О res habilis см. В. М. Хвостов. История . . ., стр. 112. О владении bona fides, justus titulus, res habilis см. В. М. Хвостов. Система . . ., II, стр. 28—32.

[44] В. М. Хвостов. Система . . ., II, стр. 28.

[45] CJ, VII, 31.1, § 3.

[46] CJ, VII, 31.1, § 2.

[47] CJ, VII, 39.8.

[48] CJ, VII, 39.3.

[49] Только res extra commercium — вещи, находившиеся в общественном пользовании или не допускавшие установления частной собственности, не подлежали действию и экстраординарной давности. См. В. М. Хвостов. Система. . . II, стр. 28 и 33.

его начнет возделывать; старый собственник мог вернуть эту землю только в течение двух лет и при условии возмещения новому владельцу его затрат [50]. Вводился запрет насильственного захвата вещей у владельцев со стороны прежних собственников под страхом потери права собственности [51].

В кодификации Юстиниана были проведены упрощение и унификация не только прав собственности, но и прав на чужую вещь (jure in re aliena), в первую очередь — сервитутов. Были уничтожены устаревшие способы приобретения сервитутных прав, такие, как манципация и процессуальная цессия (mancipatio и in jure cessio), и заменены более простыми — pactio et stipulatio, quasi traditio [52], установление сервитута в завещании mortis causa и приобретение его по давности [53]. Тем самым было отменено различие между цивильными и преторскими способами установления сервитутов.

Кроме того, в законодательство Юстиниана были внесены изменения в способы прекращения сервитутных прав. Теперь незначительное умаление правоспособности (capitis demitutio minima) обладателя сервитута, связанное с изменением его положения в семье (status familiae), не влекло за собой, как раньше, потери сервитутных прав [54]. Сроки, по прошествии которых наступала потеря сервитутных прав вследствие неиспользования этих прав (non usus), в законодательстве Юстиниана были удлинены: вместо годичной давности для сервитута, предметом которого является движимая вещь, и двухлетней для недвижимой вещи устанавливался значительно более долгий срок без различия характера вещей — 10 лет inter praesentes и 20 лет inter absentes [55].

Упрочение сервитутных прав владельцев должно было также способствовать стабилизации сельского хозяйства. Зачастую это могло быть выгодно не только крупным землевладельцам, которые всегда при помощи своего политического влияния могли добиться осуществления нужных им сервитутов, но и средним и мелким собственникам, более нуждавшимся в законной защите своих сервитутных прав (прогон скота, использование дорог, рек, мостов, источников и т. п.) от произвола богатых и сильных соседей.

В VI в. византийское правительство должно было начать серьезную борьбу против запустения многих земель в провинциях. Необходимо было принять срочные и радикальные меры для привлечения земледельцев к обработке этих заброшенных земель и возделывания пустошей.

С этой целью в законодательстве Юстиниана дается сильная юридическая защита институту долгосрочной аренды — *эмфитевсису*. Сам этот институт получил большое распространение в империи с конца V—VI в. Эмфитевсис практиковался преимущественно в императорских, но также и в патримониальных имениях [56]. Эмфитевсис — это долгосрочная аренда невозделанных участков земли, причем право эмфитевта имеет очень

---

[50] CJ, XI, 59 (58). 8.

[51] CJ, VIII, 4.7, § 1; Inst. Just., IV, 2, § 6; IV, 15. Ср. Dig., XLVIII, 7.7 и IV, 2.13; Nov. Just. 52, cap. 1; Nov. 60, cap. 1; Nov. 134, cap. 7.

[52] Об этом см.: «Римское частное право», стр. 227; Dig. VIII, 3.1.2; VIII, 3.33.1.

[53] Inst. Just., II, 3, § 4; II, 4, § 1. Установление сервитутов по давности (longi temporis possessio) см. Dig., VIII, 5.10, pr.; Inst. Just., I. 2.3, 4; II, 4.1.

[54] CJ, III, 33.16, § 2; Inst. Just., II, 4, § 3; P. M a s s o n. Essai sur la conception de l'usufruit en droit romain. «Revue historique droit français et étranger», ser. 4, t. 13, 1934, p. 1—47, 161—218.

[55] CJ, III, 33.16, § 1; III, 34.13.14, pr. См.: Б. П. И в а н о в. Личные сервитуты usus fructus и usus. Их различие. «Ученые записки Казанского университета», 1917, март—апрель, стр. 1—28.

[56] CJ, XI, 61 (62).7.

широкое содержание. Наряду с этим право собственности на ту же вещь хотя и сохраняется, но получает второстепенное значение. Эмфитевсис почти заслоняет собою право собственности первоначального собственника, однако полностью не вытесняет его. Эмфитевт собственником земли не является [57], и в случае уничтожения эмфитевсиса вещь не становится бесхозной (res nullius), но на нее вновь распространяется во всем объеме право собственности ее хозяина [58].

Институт долгосрочной аренды земли для ее обработки на условии ежегодного взноса определенной платы — древнего происхождения. В Италии он рано принял форму аренды на 100 лет и более с уплатой вознаграждения — agri vestigales (оброчных земель) (от vestigal — годовая арендная плата, оброк); на Востоке он получил название ἐμφυτεύσις от греческого глагола ἐμφυτεύειν — насаждать, поскольку основной обязанностью эмфитевта было возделывание необработанных земель и насаждение на них плодоносящих растений. И тот и другой институты прошли длительный путь развития. В Риме — в республиканскую эпоху — право in agri vestigali практиковалось на государственных, городских и общинных землях, причем было распространено преимущественно среди мелких арендаторов. В эпоху империи оно стало применяться главным образом на императорских землях, и преобладающее значение получили арендаторы крупных земельных массивов.

Jus in agro vestigali постепенно получило прочную исковую защиту, близкую к защите собственности [59]. Что касается эмфитевсиса, то этот институт был известен еще в Египте, Карфагене и древней Греции и применялся первоначально тоже на государственных, храмовых и городских землях, позднее и в частных поместьях крупных землевладельцев. В конце V—VI в. в Византийской империи, в связи со все большим распространением восточных обычаев и установлений, jus in agro vestigali начинает сливаться со сходным институтом эмфитевсиса. Окончательное слияние этих двух разновидностей долгосрочной аренды происходит в законодательстве Юстиниана, где эмфитевсис и jus in agro vestigali соединяются в один правовой институт. При этом возобладало восточное название — эмфитевсис [60].

В праве Юстиниана эмфитевсис получил окончательное оформление и приобрел следующий вид. Эмфитевсис применялся только к недвижимости и преимущественно к сельским участкам. Права долгосрочного арендатора, — обладателя jus emphyteusis — весьма широки и по своему содержанию близки к правам собственника. Эмфитевт осуществлял реальное владение и поэтому пользовался всеми исками, защищавшими право владения, располагая juris quasi possessio и всеми владельческими интердиктами, как-то interdictum unde vi и uti possidetis [61]. Кроме того, право эмфитевта обычно защищено и вещными исками, аналогичными с исками собственника [62]. Эмфитевт мог завещать и передавать свои права по наследству [63]. Все доходы с участка и плоды земли поступали в полную его

---

[57] CJ, IV, 66.1; Dig., VI, 3.1, § 1; XXVII, 9.3, § 4; XXX, 71, § 5, 6; XXX, 86, § 4; XXXIX, 2.19; XLIII, 18.2; L, 16. 49.

[58] Inst. Just., II, 4.4; Dig., XIII, 7.18, § 1.

[59] Об agri vestigales см. «Римское частное право», стр. 232—233.

[60] Dig., II, 8.15, § 1 (интерполяция). Rubr. Dig., 6.3. Устанавливается эмфитевсис путем заключения особого договора (contractus emphyteuticarius) между собственником земли и эмфитевтом. Приобрести эмфитевсис можно было также и по давности (CJ, XI, 61 (62). 11). Добровольная передача эмфитевсиса inter vivos, «из рук в руки», происходила путем traditio, как и передача собственности.

[61] Dig., VIII, 2.8.15, § 1.

[62] Dig., VI, 2.1, § 1; VIII, 1.16; VI, 2.12, § 2.

[63] Dig., XXII, 1.25, § 1.

собственность с момента их отделения (separatio) [64]. Он мог изменять хозяйственное назначение вещи, делать различные постройки и насаждения на участке, но все эти изменения должны были быть направлены в сторону хозяйственного улучшения, а не ухудшения участка [65]. В тех же целях он мог отдавать эмфитевсис в залог [66], предоставлять любым лицам на него сервитуты [67]. И самое главное, он имел право отчуждать эмфитевтический участок inter vivos и mortis causa, т. е. завещать, дарить и продавать, но обязательно надежным приобретателям, которые продолжат обработку земли [68]. Правда, право эмфитевта на отчуждение участка было ограничено некоторыми, не особенно тяжелыми условиями. Если он намерен продать участок, то обязан предупредить об этом собственника, и тот в течение двух месяцев может воспользоваться своим правом предпочтительной покупки (προτίμησις) эмфитевсиса. При отчуждении участка любым способом собственник взимает в свою пользу с эмфитевта особый сбор (laudemium), равный 2% покупной платы или цены эмфитевсиса. За несоблюдение этих правил хозяин (dominus) при желании может лишить его участка [69]. Обязанности эмфитевта складывались прежде всего из уплаты поземельной подати и других государственных налогов [70] и ежегодного взноса ренты (canon, pensio, vestigal) собственнику земли [71]. Рента могла вноситься как деньгами, так и натурой. В случае уменьшения участка или сильного неурожая эмфитевт, в отличие от обыкновенных земельных арендаторов, *не мог требовать снижения канона* [72]. Но зато его канон, как правило, был несколько ниже обычной арендной платы. Если эмфитевт не вносит государственные подати или не платит канон собственнику земли в течение трех лет, он лишается своих прав на участок [73]. Собственники церковных земель были еще более строги к своим эмфитевтам и отнимали у них участок в случае неуплаты канона в течение хотя бы двух лет [74].

При отчуждении эмфитевсиса все повинности переходили на нового владельца. Государство настолько тщательно следило за поступлением налогов с эмфитевтических владений, что, например, предписывало считать дарение такого участка действительным только при условии уплаты в казну в срок эмфитевтом всех налогов [75]. Эмфитевты освобождались от экстраординарных повинностей, но должны были принимать участие в сооружении дорог [76].

Другие обязанности эмфитевта сводились к постоянной заботе о полученном им участке. Он должен был следить за поддержанием и улучшением культуры земледелия. Если он, по своей нерадивости или оплошности, совершит хозяйственный промах и нанесет серьезный ущерб участку или произведет порчу насаждений, то собственник (dominus) может лишить

---

[64] Dig., XXII, 1.25, § 1.
[65] Nov. Just. 7, cap. 3, § 2; Nov. 120, cap. 8.
[66] Dig., XIII, 7.16, § 2.
[67] Dig., VII, 4.1, praef.
[68] Inst. Just., III, 24, § 3; Dig., VI, 3.1, pr.; XXX, 71, § 6; CJ, XI, 58 (59).2. Правда, продажа эмфитевтического участка не должна была нарушать нормального ведения хозяйства всего имения и уплаты податей, поэтому покупатель должен был обеспечить взнос налогов и обработку участка (ibidem).
[69] CJ, IV, 66.3 (De jure emphyteutico). Конституция Юстиниана, 529—530 гг.
[70] CJ, IV, 66.2; XI, 64(65).4.
[71] Inst. Just., III, 24, § 3; Dig., VI, 3.1.2; CJ, IV, 66.2, § 1. CJ, IV, 66.3, § 3.
[72] CJ, IV, 66.1; Inst. Just., III, 24, § 3.
[73] CJ, IV, 66.2.
[74] Nov. Just., 7, cap. 3, § 2; Nov. 120, cap. 8.
[75] CJ, XI, 61 (62).1.
[76] CJ, XI, 64 (65).1.

его прав на эмфитевсис [77]. Самовольное оставление эмфитевтом участка и односторонний отказ им от эмфитевтического права (derelictio) не имели силы, ибо это могло привести к новому запустению земли, с которой платилась подать государству, а государство этого отнюдь не поощряло. Поэтому закон предписывал, что «. . . всякий, кто получит эмфитевтическое владение, не может возвратить его, ссылаясь на то, что эти земли начали становиться запущенными» [78].

Иногда государство, заинтересованное в расширении возделанных земель, заставляло эмфитевтов дополнительно брать для обработки определенное количество заброшенных земель, даже если они уже сами владели землями среднего качества [79].

Льготные условия эмфитевсиса (прочная исковая защита, практически не ограниченная сроком длительность аренды, более низкая рента и др.) предоставлялись государством именно для того, *чтобы эмфитевты исправно платили государственные налоги, заботились о культуре земледелия и приносили доход собственникам земли.* Это было взаимно выгодно как государству, поскольку помогало подъему сельского хозяйства на заброшенных землях и увеличивало государственные налоги с этих земель, так и земельным собственникам, которые, не ведя сами хозяйство (по той или иной причине), исправно получали от эмфитевтов ренту. Поэтому правительство так охотно сдавало в долгосрочную аренду запущенные государственные и императорские земли. Эмфитевсис был выгоден и самим долгосрочным арендаторам, поскольку они приобретали широкие права распоряжения эмфитевтическим участком, гарантированные исковой защитой, что *давало большой простор их хозяйственной инициативе.* Поэтому правом эмфитевсиса в VI в. пользовались лица, располагающие известными средствами, достаточными для распашки заброшенного участка и налаживания на нем доходного хозяйства, которое давало бы возможность платить подати и канон и улучшать культуру земледелия. Скорее всего, эмфитевты выходили из среды новых, разбогатевших собственников (как городских, так и деревенских), вкладывавших свои средства в обработку земли. Это, очевидно, могли быть и potentissimi, как полагает М. В. Левченко [80], и представители состоятельных слоев городского населения, и зажиточное крестьянство. Размер имений, отдаваемых в долгосрочную аренду, был различен — от больших земельных массивов до сравнительно незначительных участков. Но к эмфитевту всегда предъявлялось требование известной состоятельности как гарантии хорошей обработки заброшенного участка. «Пусть всякий, — гласил закон, — кто становится эмфитевтом патримониального или государственного имения, прочно и официально закрепит за собой это патримониальное владение в том случае, если у него будет достаточно средств для восстановления запущенных владений» (si redundantia fortunarum idoneus fuerit ad restituenda) [81].

Однако законодательством предусматривались и такие случаи, когда эмфитевт не был состоятельным человеком, и тогда для обеспечения возделывания участка он должен был выставить влиятельных поручителей; по этому поводу в законе сказано: «Если же у него средств будет меньше (чем необходимо), то пусть получит (данное владение) на эмфитевтическом

---

[77] Nov. Just., 120, cap. 8.
[78] CJ, XI, 61(62).3.
[79] CJ, XI, 58 (59).7.
[80] М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи в V—VI вв., «Византийский сборник». М.—Л., 1945, стр. 68.
[81] CJ, XI, 61 (62).7.

праве при условии предоставления достойных поручителей» [82]. Понятно, что таким эмфитевтом мог быть небогатый *крестьянин*, а поручителями — крупные землевладельцы, которые могли в случае необходимости сами покрыть из своих средств нужные расходы по эмфитевтическому владению, конечно, извлекая из этого выгоду и для себя.

Таким образом, социальный состав эмфитевтов был, видимо, пестрым, но преобладали все же состоятельные землевладельцы. Это подтверждается еще и тем, что эмфитевты обрабатывали полученные ими в долгосрочную аренду земли не сами, а при помощи своих *рабов* и живущих в их владениях *колонов*. Закон давал им право отпускать на свободу рабов из эмфитевтических имений [83]. Эмфитевты обязаны были заботиться о мелиорации всего имения и регулировать его орошение, поэтому колоны, живущие на этих землях, платили им за поливку садов и огородов особые деньги [84].

Итак, развитие института эмфитевсиса, получившее юридическую санкцию в законодательстве Юстиниана, — яркий показатель того, как господствующий класс Византии искал путей выхода из аграрного кризиса VI в. Стремясь не подорвать рабовладельческой основы общества и не особенно сильно задеть интересы старой рабовладельческой аристократии, представлявшей опасную оппозицию правительству, Юстиниан и его помощники видели один из таких путей в предоставлении наиболее обеспеченной и хозяйственно инициативной части новых крупных и средних земельных собственников законных прав на пустующие земли с целью подъема агрикультуры в стране.

Аналогичные явления мы наблюдаем и в городах империи VI в. Подобно развитию долгосрочной аренды в деревне, в городе и в городских пригородах к этому времени широкое распространение получает институт суперфиция (superficies) — долгосрочная аренда здания, построенного на чужой земле [85].

Суперфиций во многом аналогичен эмфитевсису: как и эмфитевсис, он первоначально возник на землях городских общин, храмов и государства, позднее распространился и в частных владениях [86]. Как и эмфитевт, суперфициар с течением времени получил для защиты своих прав вещные иски, аналогичные искам, защищающим права собственности и все владельческие интердикты [87]. Как и эмфитевт, суперфициар имеет самые широкие права пользования зданием: он передает свои права по наследству [88], может отчуждать здание inter vivos [89] и mortis causa [90], закладывать [91], предоставлять сервитуты [92]. Суперфиций возможен относительно строящегося здания, уже построенного или того, которое еще только будет построено [93]. В некоторых отношениях права суперфициара даже шире

---

[82] CJ, XI, 61 (62).7: «Si vero minor facultatibus probabitur, datis fideiussoribus idoneis ad emphyteusin accedat». Большинство же, видимо, держало эмфитевтические имения без поручителей [CJ, XI, 61 (62).11].

[83] CJ, XI, 61 (62).12; 62 (63).2.

[84] CJ, XI, 62 (63).1.

[85] Dig., XVIII, 1.32. По воззрениям римских юристов, дома и другие постройки — это составные части почвы и принадлежат собственнику земли (superficies solo cedit). Однако признано и вещное право пользования чужой землей, которое дает его обладателю возможность наследственно владеть на чужой земле зданием или его частью (Dig., XLIII, 17.3, § 7).

[86] Dig., XLIII, 18.1, pr., § 4; XLIII, 17.3, § 7.

[87] Dig., XLIII, 18.1, pr., § 6; VI, 1.73, § 1; 75; VI, 2.12, § 3. В. М. Хвостов. Система . . ., II, стр. 91—95.

[88] Dig., X, 2.10.

[89] Dig., VI, 2.12, § 3.

[90] Dig., XLIII, 18.1, § 7.

[91] Dig., XIII, 7.16, § 2.

[92] Dig., XLIII, 18.1, § 6; XLIII, 18.1, § 9.

[93] Dig., XLIII, 17.3, § 7.

прав эмфитевта: например, эмфитевт терял эмфитевсис в случае порчи участка, а суперфициар мог сам разрушить здание, с правом постройки нового, и при этом не терял суперфиций. Материалы, оставшиеся после разрушения здания, находились в собственности суперфициара. При отчуждении здания суперфициар не связан ограничениями по отношению к собственнику, как эмфитевт.

Но, как эмфитевт, суперфициар обязан платить собственнику земли арендную плату за здание (solarium pensio) и нести расходы по ремонту и содержанию всех построек [94].

В Юстиниановом законодательстве постановления римского права относительно суперфиция были сведены воедино с целью придать суперфицию, как и эмфитевсису, прочную юридическую защиту. Стимулом к этому являлось все то же стремление правительства Юстиниана дать бóльший простор хозяйственной инициативе состоятельных элементов торгово-ремесленного населения городов для застройки и эксплуатации зданий на пустующих землях городских общин, государства и тех крупных магнатов, которые хотя и владели землями в городах и пригородах, но не проявляли желания или не имели уже средств для застройки этих участков, предпочитая извлекать из них доход путем сдачи в суперфиций. Суперфициары из числа торгово-ремесленной верхушки городов и новых разбогатевших дельцов вкладывали свои деньги в постройку зданий, которые потом в свою очередь сдавали в наем жителям городов, нещадно эксплуатируя их, особенно городскую бедноту.

О сложности экономических взаимоотношений между городом и деревней в VI в. говорит одно важное постановление Юстиниана, касающееся долгового права. Новеллой 535 г. Юстиниан предписал следующее: если должник не имеет денег и не может сам продать свою недвижимость для уплаты долга, то кредитор *обязан* принять в уплату *земельный участок* по справедливой оценке судей [95]. Этот закон, как подчеркивает сам законодатель, был направлен против «немилосердных» кредиторов и в защиту должников. Если учесть, что кредиторами в большинстве случаев были богатые «банкиры» и дельцы-горожане (реже крупные землевладельцы), то понятно, что правительство в данном случае помогало мелким земельным собственникам как-то выбраться из долговой кабалы ростовщиков, хотя бы ценой потери их земельного участка. Вместе с тем указание на то, что должник сам не может найти покупателя земли, говорит о том, что земли все больше теряют цену, снижается их доходность и интерес к их покупке. Поэтому-то богатые кредиторы принуждаются законом к принятию *участков земли* в счет погашения долга. Одновременно это является косвенным свидетельством нужды в деньгах среди земельных собственников и сокращения земельного оборота, против чего правительство тщетно принимает различные меры. В целом этот закон является показателем начавшегося упадка денежного хозяйства в империи.

Ослабление обмена и сокращение денежных операций нашло свое отражение также и в том, что в законодательстве Юстиниана был уничтожен такой вид обязательства, как receptum argentariorum, носящий абстракт-

---

[94] Dig., VI, 1.74; XLIII, 18.2.

[95] Nov. Just., 4. cap. 3. В области залогового права законодательство Юстиниана отличается большим пристрастием к законным, привилегированным ипотекам, что иногда мешает развитию кредитных сделок, так как лишает кредиторов прочного обеспечения. Привилегированные ипотеки обычно даются в пользу жены и других родственников должника, что связано с изменениями в семейном праве. См.: В. М. Хвостов. История. . ., стр. 412—413; его же. Система. . ., II, стр. 96—126; G. Cassimatis. Les intérêts dans la législations de Justinien et dans le droit byzantin. Paris, 1931; М. Я. Пергамент. Договорная неустойка и интерес в римском и современном гражданском праве. Одесса, 1899.

ный характер обещания «банкира» заплатить за счет клиента по обязательству независимо от материальной основы соглашения; теперь receptum argentariorum потеряло свой всеобъемлющий характер и превратилось в обычное обязательство уплаты долга за другого (constitutum debiti alieni) [96].

Запрет продажи обязательств посторонним лицам (lex Anastasiana) [97], правда, содействовал борьбе против спекуляции на скупке обязательств, но, с другой стороны, все же стеснял нормальный ход деловых сделок и также в какой-то мере служит показателем сокращения денежного оборота.

Упомянутое выше уничтожение разделения между res mancipi, включавшими главным образом *земли в деревне, сельских рабов и сельскохозяйственный инвентарь*, и res nec mancipi, состоявшими из движимых вещей и собственности *в городах*, способствовало не только более интенсивному обмену между городом и деревней, что поощряло правительство, но *и укреплению частной собственности в городах*, которая теперь была унифицирована с собственностью в деревне, имевшей ранее привилегии, и *уравнена с ней в правах и исковой защите*. Это было весьма серьезным шагом по пути укрепления в городах частной собственности новых хозяев в противовес старой муниципальной собственности.

Все возрастающий индивидуализм производственных отношений способствовал усилению борьбы против коллективных форм собственности [98]. Значительно развивается правовое учение о собственности, усложняются взаимоотношения собственников, совладельцы в коллективной собственности получают большие права. Теперь любой соучастник собственности может наложить veto на любой акт распоряжения общим имуществом со стороны другого совладельца [99]. Каждый участник коллективной собственности теперь может требовать раздела общей собственности (кроме тех случаев, когда хозяйственные интересы использования собственности временно не допускали ее раздела) [100].

Однако в сложных условиях разложения муниципальной собственности и социально-политической борьбы в городах под влиянием муниципальной знати Юстинианом одновременно делались попытки укрепить курию и муниципальное землевладение [101]. В частности, для сохранения муниципальной собственности декурионам запрещалось без разрешения магистратов отчуждать недвижимость и рабов [102]. Запрещение отчуждать

---

[96] CJ, IV, 18.2. Под влиянием греческих обычаев формальные юридические сделки все чаще и чаще заменяются неформальным изъявлением воли. В то же время законодательство Юстиниана проявляет явное пристрастие к *письменной форме* различных сделок. Вместе с тем, оно *теряет вкус к абстрактным сделкам*, которые имели бы силу, независимо от материального основания, по поводу которого они заключались (CJ, IV, 21.17). Стипуляция при Юстиниане почти что превратилась в письменный контракт. Всякая сделка, которую стороны решили заключить в письменном виде, не имела силы до составления письменного акта. Документы составлялись обычно в присутствии трех или пяти свидетелей или нотариуса, часто заносились в протоколы курии или другого учреждения (apud acta condita), а иные даже подтверждались рескриптом императора (per rescriptum principis) (CJ, IV, 18.2).

[97] CJ, IV, 35.22.23.

[98] В. З е л е р. Учение о праве общей собственности по римскому праву. Харьков, 1895. В. Н. П е р ц е в. О форме собственности в античном обществе. «УЗ Белорусского университета», серия историч., вып. 1, 1939, стр. 141—147; е г о ж е. О форме собственности в античном обществе. «Исторический журнал», 1939, № 10. стр. 41—44.

[99] Dig., VIII, 5.11; VIII, 3.2.27; X, 3.28. См. В. М. Х в о с т о в. Система. . ., II, стр. 10—14.

[100] CJ, III, 37.5; Dig., X, 3.14, § 2, 3; XVII, 2.16, § 1. Ср. Dig., X. 3.21; CJ, III, 37.3.

[101] Nov. Just. 38.

[102] CTh., XII, 3.1; Nov. Maj., 7.9 (a. 438).

рабов именно в городах говорит косвенным образом о сохранении значения труда рабов для муниципального землевладения.

Подводя некоторые итоги изучению реформ Юстиниана в сфере собственности и владения [103], мы можем прийти к выводам, что к VI в. в основном заканчивается длительный процесс правового освобождения собственности *от пут старой римской исключительности и ограниченности*, ликвидация пережитков древней римской собственности различных видов и создание единой универсальной формы собственности, сохранившей, однако (совершенно неправомерно), древнее название квиритской собственности (dominium ex jure Quiritium). Сохранение устаревшего названия объясняется приверженностью юристов Юстиниана к консервативной форме правовых норм [104]. В старые мехи, однако, было влито новое вино, и под покровом старой квиритской собственности скрывалась новая универсальная собственность с единой формой передачи и прочной исковой защитой.

Стремление стабилизировать земельные отношения привело к тому, что законодательство Юстиниана одновременно защищает интересы и фактических владельцев, обрабатывающих землю; отсюда вытекают все реформы в правах владения и в правах на чужие вещи (эмфитевсис и др.).

Значение этих реформ было очень велико: именно создание единой формы собственности обеспечило рецепцию Юстинианова права в законодательстве средних веков и нового времени.

Продолжение следует

---

[103] В. А. Ю ш к е в и ч. Исследование в области учения о владении, ч. 1 («УЗ имп. Лицея в память цесаревича Николая», вып. 1—4. М., 1907—1910. Приложение, стр. 1—213).

[104] См. F. P r i n g s h e i m. Die archaistische Tendenz Justinians («Studi in Onore di Pietro Bonfante», I. Milano, 1930).

К. В. ХВОСТОВА

ῬΊΖΑ ΧΩΡΊΟΥ В XIV В.

(К вопросу об особенностях налогообложения в Византии)

Особенности византийской системы обложения известны в значительной мере благодаря той счастливой случайности, что сохранился интересный источник — Трактат об обложении X века [1]. Этот источник нередко подвергался исследованию и хорошо известен в науке. Не менее известна засвидетельствованная в этом источнике распространенная в Византии система определения общей суммы налогов с какого-либо финансового округа. Она носит название ῥίζα χωρίου. Внимание исследователей привлекала и так называемая операция ἐπιβολὴ καὶ τῆς ῥίζης ἱκάνωσις, также зафиксированная Трактатом об обложении.

Трактат об обложении показывает, что при определении ридзы учитывались как действительные платежи, среди которых были полные налоговые ставки — τελούμενα, так и облегченные с запущенных земель — συμπάθειαι, равно как и суммы, фактически вовсе не поступающие в казну: налоги с заброшенных земель, полностью упраздненные (κλάσματα), а также налоги с владений, пользующихся податным иммунитетом (λογίσιμα) [2].

Относительно учета при определении ридзы платежей с владений, пользовавшихся податным иммунитетом и называемых поэтому самостоятельными (ἰδιόστατα), в Трактате говорится следующее. Если с каких-либо владений (церковных, монастырских, странноприимных домов) вообще не взыскиваются налоги, то графы с платежами с этих владений целиком вычеркиваются из кадастров. Однако — и здесь следует весьма существенная оговорка — суммарно эти непоступающие налоги, равно как и размеры соответствующих земель, учитывались при операции ἐπιβολή [3], а следовательно, и при подсчете ридзы [4].

В Трактате говорится, что сущность эпиболы заключается в том, что число, обозначающее размеры земельной площади податного округа, делится на число, равное величине налоговой суммы, причитающейся с этого округа. Итог показывает, сколько модиев земельной площади приходится на одну номисму [5], т. е. показывает норму обложения. В науке было отмечено, что эпибола — это средняя норма обложения [6], так как индивидуаль-

---

[1] F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Darmstadt, 1960, S. 114 ff.

[2] Ibid., S. 114. 22—34.

[3] Ibid., S. 117.17—18.

[4] Ibid., S. 114.33.

[5] Ibid., S. 115.2—8.

[6] G. Rouillard. L'épibolé au temps d'Alexis I Comnène. Byz., 10, 1935, p. 82. Ж. Руар солидаризируется в этом вопросе с Ф. Дэльгером, который также до-

ные нормы обложения определялись в зависимости от качества и количества земли и определение их являлось исходным моментом всей системы налогообложения [7].

Однако, в свою очередь, возникает вопрос, как определялись индивидуальные налоговые ставки. Эмпирически, в зависимости от экономического состояния налогоплательщика, или же в результате раскладки в пределах определенных районов заранее предназначенной финансовыми органами налоговой суммы? В Диоклетианово время, как установлено в новейших исследованиях, была распространена практика раскладки в пределах определенных районов заранее предназначенной налоговой суммы. Нормы обложения отдельных податных объектов определялись в результате деления общей налоговой суммы на количество jugum и caput [8]. К позднему времени, как известно, исчезли податные единицы jugum и caput, поэтому система определения индивидуальных налоговых ставок не могла сохраниться в неизменном виде. С исчезновением названных фискальных единиц исчезла практическая возможность пропорционального распределения заранее предназначенной суммы между отдельными податными объектами. В таких условиях система обложения могла базироваться только на эмпирическом определении налоговых ставок каждого податного объекта и их последующем суммировании. Поэтому мы согласны с мнением Н. Звороноса, что исходным моментом обложения уже в X в. являлись ψηφία, т. е. налоговые ставки отдельных объектов обложения. Зворонос основывает свое мнение на сведениях Трактата об обложении, в котором говорится, что ῥίζα χωρίου являлась суммой определенных, изначально определяемых налоговых ставок. О том, что исходным моментом обложения в позднее время были индивидуальные объекты обложения, в частности земля, свидетельствуют трактаты землемеров XIII в., в одном из которых приведены индивидуальные нормы обложения, определяемые в зависимости от качества и количества земли [9]. Свидетельством эмпирического определения индивидуальных налоговых ставок в позднее время является, возможно, отраженный Ивирскими практиками факт определенной зависимости размеров икуменона (сумма телосов), взимаемого с париков, от числа париков в данном селе (подробнее см. ниже).

Итак, как нам кажется, можно считать, что в Византии как в позднее время, так уже и в X в. в связи с исчезновением фискальных единиц jugum и caput исчезла применяемая в позднеримское время система раскладки заранее предназначенной налоговой суммы между отдельными податными объектами. Податные объекты становятся исходным моментом

пускал такое понимание эпиболы, называя ее эпиболой в широком смысле слова (op. cit., S. 132 f.). При этом Дэльгер считал, что в Византии термин «эпибола» продолжал применяться и в своем прежнем — римском — значении, т. е. в значении коллективной податной ответственности общинников за покинутые земли. Такое употребление термина Дэльгер называет употреблением его в узком смысле. С этим последним пониманием эпиболы Дэльгером не согласна Ж. Руяр (op. cit., p. 82). Точку зрения Дэльгера разделяет Н. Зворонос (N. G. S v o r o n o s. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles. Le cadastre de Thèbes. Paris, 1959, p. 121), а также И. Караяннопулос и П. Лемерль (см. об этом: К. А. О с и п о в а. Аллиленгий в Византии в X в. ВВ, XVII, 1960, стр. 29). Советские исследователи (А. П. Каждан, К. А. Осипова) солидаризируются с Ж. Руяр (см. К. А. О с и п о в а. Указ. соч., стр. 28—29).

[7] N. G. S v o r o n o s. Op. cit., p. 124 sq.

[8] A. D é l é a g e. La capitation du Bas-Empire. Macon, 1945, p. 69 sq., 132; J. K a r a y a n n o p u l o s. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958, S. 89 f.

[9] Ф. И. У с п е н с к и й. Византийские землемеры. «Труды VI археологического съезда», ч. II. Одесса, 1888, стр. 307.

обложения. Но следует иметь в виду, что хотя в позднее время податные ставки определялись эмпирически для каждого податного объекта, тем не менее, бесспорно, при определении индивидуальных ставок учитывались и финансовые потребности государства, т. е. принималась в расчет идеальная сумма государственных доходов, необходимая для покрытия государственных расходов. Учет финансовых потребностей государства, которые также влияли на высоту индивидуальных налоговых ставок, означает, что государственный бюджет в Византии, как и бюджет любого другого государства, строился по принципу учета как финансовых потребностей государства, так и экономических возможностей налогоплательщиков [10]. Финансовые потребности государства — идеальная сумма государственного налога — определяли, вероятно, пределы колебания индивидуальных норм обложения. Именно учетом идеальной суммы государственных доходов может быть объяснен хорошо известный факт роста византийских налогов, несмотря на ухудшающееся имущественное положение налогоплательщика [11].

На высоту эмпирически определяемых индивидуальных норм обложения основным налогом влияли и иные факторы, прежде всего — социальный статус налогоплательщика. Об этом свидетельствует сравнение практиков Ивирского монастыря 1317 и 1321 гг. Можно заметить, что, несмотря на отсутствие каких-либо изменений в имуществе некоторых налогоплательщиков-священников, т. е. привилегированных членов сельской общины, в 1321 г. по сравнению с 1317 г., телос, взимаемый с этих священников в 1321 г., понизился по сравнению с 1317 г.[12] Вероятно, это объясняется привилегированным статусом этих налогоплательщиков. На высоту индивидуальных налоговых ставок основного налога влияли, возможно, и размеры других податей, а также иные факторы, не всегда поддающиеся учету. Например, практик деревни Мелинциан 1341 г. свидетельствует о резком понижении норм обложения в 1341 г. по сравнению с 1317 и 1321 гг. В 1317—21 гг. подать в I перпер платили трое маломощных владельцев, среднее имущество которых равнялось 0,7 модия под виноградником и 1 свинье. В 1341 г. эту подать уплачивали 10 значительно более состоятельных налогоплательщиков, среднее имущество которых выражалось в следующих цифрах: 0,5 зевгаря, 0,5 модия под виноградником, 2,2 коровы и 2,4 свиньи [13]. Причины резкого понижения норм обложения в данном случае неясны, в других владениях Ивирского монастыря в 1341 г. не произошло понижения норм обложения. Возможно, понижение норм обложения в Мелинциане вызвано перераспределением налоговых тягот.

В связи с особенностями определения ридзы, включающей разнообразные платежи — полные, облегченные и даже фактически не поступающие, возникает вопрос, с какой целью производился учет фактически не поступающих платежей, причем даже таких, которые упразднены навечно? Интересно также понять, какое значение имела операция эпиболы, которая, как, по-видимому, справедливо считает Н. Зворонос, не имеет ничего общего с определением индивидуальных норм обложения.

Учет фактически не поступающих платежей, вероятно, производился в целях получения идеальной суммы государственных доходов. Некото-

---

[10] R. Chez. Introduction au contrôle budgétaire. Paris, 1961, p. 101.

[11] О росте налогов в позднее время см. D. Zakythinos. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIII-e au XV-e siècle. Athènes, 1948, p. 82 sq.

[12] К. В. Хвостова. Некоторые вопросы феодальной ренты по материалам Ивирских практиков XIV века. «Византийские очерки». М., 1961, стр. 264, табл. № 6.

[13] Там же, стр. 249—255, табл. № 1—3.

рые платежи отменялись не навсегда, а на время, поэтому их важно было записать, чтобы потом восстановить. Процедура восстановления платежей отражена в Трактате об обложении [14]. Что же касается тех платежей, которые формально отменялись навечно (это относится к платежам с владений, на которые был пожалован податной иммунитет), то на практике податные привилегии в Византии, как известно, нередко отменялись [15], так что и в отношении владений, обладающих податным иммунитетом, было целесообразно фиксировать платежи, от уплаты которых иммунист в данное время освобождался. Неспроста государственный чиновник — апографевс, составляющий опись частного земельного владения и уступленных с него иммунисту государственных налогов, один экземпляр описи (практика) передавал землевладельцу, а другой отправлял в соответствующее государственное ведомство [16]. Государству важно было знать об этих налогах, так как в случае отмены податных привилегий они в конечном счете восстанавливались в том размере, в каком были учтены при вычислении ῥίζα. В Трактате об обложении говорится, что еще при императоре Льве, называемом Философом, была произведена регистрация всех уступленных землевладельцам налогов [17].

Кроме того, даже если и не происходило восстановление платежей, учет их при исчислении ридзы имел, по-видимому, то значение, что финансовые органы, зная величину недостающих сумм в государственном бюджете, могли изыскивать способы получения этих сумм иными путями, главным образом, вероятно, путем повышения существующих налогов и введения новых. Налоги, как известно, постоянно увеличивались на протяжении византийской истории [18]. Таким образом, имела место своеобразная форма контроля и исправления бюджета при помощи практики. Такой контроль и исправление характерны в разных формах для всех государственных бюджетов [19]. Что же касается операции ἐπιβολὴ καὶ τῆς ῥίζης ἱκάνωσις, т. е. определения средней нормы обложения для данной финансовой единицы, то практическое значение этой операции должно было состоять в том, что только после определения средних норм обложения финансовые органы получали возможность сравнивать высоту обложения в разных податных единицах. Сравнение средних норм обложения в разных фискальных единицах зафиксировано хорошо известными в науке хрисовулами Алексея Комнина монастырю Лавры [20]. В этих хрисовулах сравнивается эпибола в разных владениях Лавры. Вероятно, учет средней высоты обложения в разных финансовых единицах был необходим, так как это открывало возможности перераспределения налогового бремени, а также позволяло в случае надобности производить увеличение или уменьшение размеров налогов.

Относительно учета при определении ῥίζα фактически не поступающих платежей следует еще сказать следующее. Возникает вопрос, как отражалась практика включения в состав ῥίζα фактически не поступающих платежей, в том числе платежей с иммунитетных владений, на размере эпиболы, способствовало ли это возрастанию или уменьшению эпиболы, т. е. средней нормы обложения. К. А. Осипова полагает, что указанная практика способствовала повышению норм обложения [21]. Однако вряд ли

[14] F. Dölger. Beiträge. . ., S. 119. 38 f.
[15] А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты в Византии в X в. «Византийские очерки», стр. 206.
[16] См., например, MM, VI, p. 35. 11—17.
[17] F. Dölger. Beiträge. . ., S. 117. 20—25.
[18] D. Zakythinos. Op. cit., p. 82.
[19] R. Chez. Op. cit., p. 9.
[20] G. Rouillard. Op. cit., p. 82 sq.
[21] К. А. Осипова. Указ. соч., стр. 36 сл.

можно согласиться с этим. Прежде всего, Осипова не права, полагая, что эпибола — это индивидуальные нормы обложения, возникающие в результате раскладки заранее определенной налоговой суммы между отдельными податными объектами. Мы говорили выше, что такое понимание неверно. Эпибола — это средняя норма обложения, определение которой происходило после установления индивидуальных норм обложения и производилось из соображений чисто практического порядка. Но вряд ли можно считать, что особенности определения ῥίζα, а именно учет фактически не поступающих платежей, приводили к увеличению средних норм обложения. Как отметила и сама К. А. Осипова, при определении ῥίζα и операции эпиболы учитывались не только фактически не поступающие платежи, но и соответствующие земли [22]. Поэтому нельзя считать, что результатом такой системы, принципом которой в равной мере являлся учет как неподступающих платежей, так и соответствующих земель, могло быть искусственное завышение средних норм обложения. Более того, если и говорить о влиянии рассмотренной практики исчисления ῥίζα на высоту средних норм обложения, то надо признать, что эта практика способствовала отнюдь не завышению средних норм, а наоборот, их занижению. В самом деле, индивидуальные нормы обложения владений, обладающих податным иммунитетом, и вообще крупных привилегированных владений нередко были более низкими, чем нормы обложения крестьянских земель. В Патмосском практике 1073 г. парики-зевгараты, обладающие земельными наделами в 100—300 модиев, платили $^1/_5$—3 номисмы [23], тогда как эпибола с владений Лавры, согласно указанным выше хрисовулам Алексея Комнина, составляла 1 номисму примерно с 500 модиев. Если эпибола была столь низка, то и индивидуальные нормы были соответственно низки.

О неравномерности обложения привилегированных феодальных владений и париков свидетельствуют также донесения финансовых чиновников Алексею I Комнину, в которых вскрывается практика злоупотреблений при сборе налогов, связанная с обесцениванием византийской монеты. В этих донесениях говорится, что в некоторых селах взимается в связи с обесцениванием денег вместо 1 милиарисия 1 номисма, в других вместо 2 милиарисиев 1 номисма, а в отношении πρόσωπα и монастырей, т. е. привилегированного сословия, вместо 12 милиарисиев — 1 номисма [24]. Императорское распоряжение на этот счет предписывало, чтобы налоги в отношении всех категорий налогоплательщиков взимались одинаково. Такое предписание свидетельствует, что разные нормы обложения привилегированного и зависимого сословия были результатом не системы налогообложения, а практики взимания налогов.

Доказательством того, что различие в нормах обложения основным налогом привилегированного сословия крупных земельных собственников и непривилегированного — свободных крестьян и париков — было результатом не принципа обложения, а практики предоставления льгот привилегированному сословию, являются также зафиксированные источниками факты наличия в ряде случаев одинаковых норм обложения земель париков и владений крупных земельных собственников, не переданных в парические держания. Практики деревни Мамицоны и стримонских владений Хиландаря свидетельствуют о том, что нормы обложения парических стасей колеблются в пределах 1 номисмы с 25—100 модиев [25], т. е. в тех же пределах, что и нормы обложения земель, не находящихся

[22] К. А. Осипова. Указ. соч., стр. 36.
[23] MM, VI, p. 6.
[24] N. Svoronos. Op. cit., p. 90.
[25] Actes de Chilandar, ed. L. Petit. BB, XVII, 1911, № 92; В. Мошин. «Споменик САН». Београд, 1939, стр. 239.

в пари́ческом держании, зафиксированные теми же практиками, а также многими другими известными нам практиками XIV в. Однако предоставление льгот привилегированному сословию и допущение произвола в отношении непривилегированного, установление разных норм обложения поземельным налогом различных сословий — все это могло получить в сословном государстве широкое распространение. Особенно заметна разница в нормах обложения крупных привилегированных феодальных владений и крестьянских земель в случае, если крестьяне не имели земельных наделов значительных размеров. В таких случаях объектом обложения выступало все хозяйство в целом, а не только земля, и при наделах в несколько модиев крестьяне уплачивали нередко несколько номисм [26]. Но если нормы обложения привилегированных земель обычно ниже норм обложения крестьянских земель, то размеры земельных владений крупных собственников превосходили крестьянские наделы во много раз, поэтому при определении эпиболы один из компонентов, а именно общая земельная площадь податного округа, особенно сильно возрастал из-за того, что присчитывалась огромная земельная площадь владений иммунистов, тогда как ῥίζα — общая налоговая сумма с податного округа — возрастала в значительно меньшей степени от прибавления сравнительно меньших налоговых платежей с владений привилегированного сословия. В итоге деления сильно возросшего числа, обозначающего земельную собственность, на сравнительно менее возросшее число, обозначающее ῥίζα, средняя норма обложения — эпибола, естественно, получается ниже, чем та, которая получилась бы, если бы не присчитывались огромные земельные владения иммунистов. Таким образом, более низкие индивидуальные нормы обложения крупных привилегированных владений должны были обусловить более низкие средние нормы в округах, в состав которых входили эти владения. Низкой была эпибола и на самих привилегированных владениях: на этих владениях, называемых самостоятельными, действовали, как мы покажем ниже на примере Ивирских практиков, те же правила исчисления ῥίζα и те же правила определения ἐπιβολή, что и в пределах других фискальных единиц.

Итак, особенности определения ридзы и эпиболы имели определенное практическое значение и являлись характерной чертой византийской системы налогообложения. Возникает вопрос, были ли распространены эти институты в позднее время? В поздневизантийских практиках мы встречаем постоянные упоминания о государственных налогах, пожалованных землевладельцу и, следовательно, превратившихся в частновладельческую ренту [27]. Эти пожалованные налоги не исчерпывали всех доходов землевладельца с определенного земельного комплекса, так как значительная часть доходов с земель, не находящихся в парическом держании, состояла из доходов от арендной платы и барщины, а с парических стасей, кроме телоса, взимались еще и сборы частноправового происхождения. Об этом свидетельствует, например, орисмос Андроника II Палеолога монастырю св. Дионисия от 1417 г., в котором телос противопоставляется τό δέκατον и τό εἰσόδημα, т. е. сборам, по-видимому, частноправового характера [28].

[26] F. D ö l g e r. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrh. für Athosklöster Iberon. «Abh. der Bayer. Akademie der Wissenschaften», N. F., Heft 28, 1949, passim.

[27] Не прав Г. Острогорский, утверждающий, что в практиках зафиксирован не налог, а среднегодовой доход (Г. О с т р о г о р с к и й. Византийские писцовые книги. BS, IX, № 2, 1948, стр. 240; е г о ж е. Пронија. Прилог истоји феудализма у Византији и јужнословенским земљама. САН, посебна издања, књ. 176, византолошки институт, књ. I, стр. 69—70, 79.

[28] F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 30. 10, 12; 10 B.

Зафиксированные в практиках пожалованные землевладельцу налоги с земель, не находящихся в парическом держании [29], как правило, растворялись в общей сумме доходов от барщины и арендной платы и не взимались как самостоятельная доля [30]. Однако практики, в силу специфики своего формуляра, восходящего к римским кадастрам, не фиксируют (или почти не фиксируют) доходов частноправового характера.

Индивидуальные нормы обложения налогом земель, не находящихся в парическом держании, в практиках не значатся, приводится только общая налоговая сумма, т. е., применяя терминологию Трактата об обложении, ридза, в данном случае ридза самостоятельного иммунитетного владения, и земельная площадь этого владения — ипотаги. Посмотрим, как составлялась в XIV в. ридза. В практике Иериссо Ивирского монастыря указывается, что с земли (γῆ — термин, обозначающий обычно землю под пашней) Праулука, равной 1740,5 модия, доход равняется 20 перперам [31], так как это земля II и III качества. Ниже, однако, после описания границ этого владения, вновь — как это характерно для формуляра практиков — указывается размер земли в модиях [32]. При этом говорится, что земля I, II и III качества, а также покинутая — ἐναπελείφθη — составляла лишь 1140,5 модия, а остальное — 600 модиев — была не пригодная к обработке почва (πετρώδες, ἀκανθώδης καὶ ἀχρησίμεντος).

Точно так же в описи деревни Гомата того же монастыря вначале указывается, что с земли в 2484 модия следует получить 30 перперов, так как это земля II и III качества, а ниже разъясняется, что в состав этого комплекса входили 70 модиев под виноградником, земля под пастбищем и не пригодная к обработке (χερσαιὰ καὶ ἀνήροτος) в количестве 514 модиев, а также земля покинутая и находящаяся под пашней (ἐναπελειφθὴ καὶ γῆ ὕπεργος), равная 1900 модиям [33].

Таким образом, очевидно, что суммы в 20 и 30 перперов, зафиксированные в практиках, — это отнюдь не индивидуальные налоговые ставки, как могло бы показаться, если бы не ценное указание рассмотренных практиков относительно характера этих сумм. В действительности эти суммы представляют собой ридзу, составленную по принципам Трактата об обложении. Это совокупная налоговая сумма с земель различного качества, а также с покинутых (с них, вероятно, в соответствии с Трактатом об обложении, причитался облегченный налог, а иногда, возможно, он вовсе упразднялся) и не пригодных к обработке. Соответственно и земельная площадь в 1740 и 2484 модиев — это отнюдь не единый земельный комплекс определенного качества, а ὑποταγή Трактата об обложении — земельная площадь, включающая земли разного качества, покинутые и даже не пригодные к обработке.

Практик деревни Хандак также фиксирует ридзу и ипотаги. В практике упоминается комплекс монастырской земли в 575 модиев, переданный

---

[29] Мы будем рассматривать только эти налоги, так как налог с парических стасей — телос — отличался некоторыми особенностями взимания, связанными с сословным статусом налогоплательщика.

[30] За исключением случаев перекладывания этих налогов на париков. О существовании такой практики свидетельствует опись владений Михаила Мономаха, составленная по поводу пожалования части его пронии в наследственное безусловное владение. Пожалованный Михаилу Мономаху налог в размере 7 перперов с земель, первоначально не находившихся в парическом держании, площадью в 575 модиев, был переложен на париков (Actes de Zographou, ed. W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev. Actes grecs. BB, XIII, 1907, приложение, № 29).

[31] F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika. . ., A 251.

[32] Ibid., A 269. Однако на этот раз говорится, что в состав этого комплекса входила земля I, II и III качества.

[33] Ibid., A 119/20; K 122; P 194; V 303 (в K денежная сумма равна не 30, а 31 перперу, а в P и V — 33).

в держание парикам за уплату икуменона. В составе этого комплекса упоминается земля в 150 модиев, из которой 50 модиев ὕπεργος, а 100 — ἀνήρωτος и βαλτώδης γῆ [34]. Указания практиков Ивирского монастыря и практика деревни Хандак относительно характера зафиксированных в практиках налоговых сумм и размеров земельной площади особенно ценны, поскольку они носят единичный характер. Большинство практиков не содержит никаких сведений о характере налоговых сумм, а также о том, какие категории земель входят в состав зафиксированной в практиках земельной площади, с которой причитается записанная налоговая сумма.

Рассмотренные примеры показывают, что в XIV в. оставалась в силе система составления ридзы и ипотаги. Рассмотренный материал, кроме того, несколько расширяет наше представление о способах составления ридзы, полученное на основе Трактата об обложении. Практики показывают, что при определении ὑποταγή учитывались земли не только временно запущенные, но и вообще не пригодные к обработке. При определении индивидуальных норм обложения, как показывают источники, эти земли не учитывались. Трактаты землемеров свидетельствуют, что при обмере в целях налогообложения делалась скидка в 10% на необрабатываемые земли [35].

Поскольку в XIV в. сохранялась практика составления ῥίζα, зафиксированная Трактатом об обложении, то, надо полагать, практиковалась и операция эпиболы. В таком случае зафиксированные в Ивирских практиках суммы в 20 и 30 перперов, представляющие собой ῥίζα χωρίου, и величины 1740 модиев и 2484, обозначающие площади ипотаги, — это компоненты для вычисления эпиболы, т. е. средней нормы обложения, которая и составит в рассмотренных случаях 1 перпер соответственно с 87 и приблизительно с 83 модиев.

Следует, однако, отметить, что не во всех поздневизантийских практиках фиксируется именно ридза. Иногда мы встречаем запись индивидуальных налоговых ставок, причитающихся непосредственно с указанной земельной площади указанного качества. Так, в практике деревни Мамицоны, принадлежащей Хиландарскому монастырю, говорится, что с земель в 600 модиев лучшего качества, обрабатываемых при помощи барщины, причитается 25 перперов [36]. В данном случае зафиксирована налоговая ставка, непосредственно причитающаяся с названного земельного комплекса (в 600 модиев) лучшего качества. Земли, не пригодные к обработке, запущенные, не присчитываются. Дальше в этом практике указывается, что с земель, сдаваемых в аренду, причитается с 1500 модиев 30 перперов [37]. Следовательно, в данном практике приводятся отдельные компоненты ридзы и ипотаги, но не указываются их размеры в целом. Соответственно, если на основе данных частей ридзы и ипотаги вычислить нормы обложения, которые составят 1 перпер с 25 модиев для земель, обрабатываемых при помощи барщины, и 1 перпер с 50 модиев для земель, сдаваемых в аренду, то эти нормы будут означать индивидуальные нормы обложения, а не эпиболу.

Но надо сказать, что индивидуальные налоговые ставки указывались, по-видимому, в практиках крайне редко. Как правило, в известных нам практиках встречается запись не индивидуальных налоговых ставок, а общих, включающих ряд индивидуальных ставок, а соответственно и

---

[34] Actes de Zographou, № 29. 78.
[35] Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 288.
[36] Actes de Chilandar, № 92.
[37] Ibidem.

указание общей площади ипотаги, включающей отдельные земельные комплексы различного качества, а в том числе и вообще необрабатываемые земли.

Поздневизантийские практики свидетельствуют, кроме того, еще об одной особенности определения ридзы, отличной от системы Трактата об обложении. В Трактате при опр делении ридзы, как известно, присчитывалась и арендная плата — пакт [38]. В Ивирских практиках земельные участки, сдаваемые в аренду на основе уплаты пакта, записывались отдельно от остальной ипотаги, отдельно от ридзы высчитывались и суммы пакта. Пакт упоминается в Ивирских практиках дважды, составляя 3 перпера с 27 модиев и 8 перперов с 64 модиев [39].

Отдельная запись пакта в практиках Ивирского монастыря объясняется, возможно, тем, что в поздней Византии при обложении имело место противопоставление наследственного владения и собственности аренде земли. О таком противопоставлении свидетельствует, в частности, отраженный в ряде императорских актов спор эпиков села Малахион и Патмосского монастыря [40]. Эпики утверждали, что они владели данным селом как наследственным владением и платят за него государственные налоги. Монахи возражали, что владение принадлежит монастырю, и ссылались при этом на императорские документы. Император Михаил VIII Палеолог предписал произвести надлежащее расследование и в случае, если окажется, что эпики действительно владели землей как наследственные собственники и платили за нее налоги, передать землю им; в случае же, если они держат землю как арендаторы, уплачивая арендную плату государству или прониарам, которым пожаловано село, спорная земля должна быть передана монастырю. Расследование показало, что земля принадлежала эпикам на правах аренды, они не платили за нее налог, а платили арендную плату или государству, или тому, кто держал названное село в пронии. Поэтому в силу императорского предписания иск эпиков монастырю был отклонен и монастырь был полностью восстановлен в правах на спорное владение. Эта тяжба, бесспорно, свидетельствует о противопоставлении аренды и собственности в целях налогообложения.

Указанное противопоставление отличает практику налогообложения позднего времени от налогообложения позднеримской и ранневизантийской эпох, когда, как известно, аренда при налогообложении приравнивалась к собственности. Крупные арендаторы государственных доменов платили налоги [41], колоны — субарендаторы государственных доменов

---

[38] F. D ö l g e r. Beiträge. . ., S. 123.

[39] F. D ö l g e r. Sechs byzantinische Praktika, A 316, 387/88; K 435/36, 516/17; P 423/24, 507; V 331, 397. Однако пакт и в позднее время сохранил свой характер особой арендной платы, приравниваемой иногда к налогам. Об этом свидетельствует тот факт, что в освободительных клаузулах хрисовулов пакт нередко фигурирует в перечнях наряду с государственными налогами, от которых освобождался иммунист (MM, VI, p. 33, 9; VI, p. 47, 17; G. A s t r u c. Un document inédit de 1163 sur l'éveche thessalien de Stagi. «Mélanges H. Gregoire», 4, 1953, p. 215, III, 35—37). Статус земель, арендованных на основе уплаты пакта, приравнивался к собственности и владению. Об этом свидетельствует, например, хрисовул Андроника II Палеолога епископству Канина в Албании, в котором наряду с земельными владениями епископства перечисляются также земли, арендованные епископством на условии уплаты пакта (P. I. A l e x a n d e r. A Chrysobull of the emperor Andronicus II Paleologus in favor of the see Kanina in Albania. Byz., 15, 1940—41, p 179, III, 50—51). Об этом же свидетельствует и хрисовул Иоанна Кантакузина Димитрию Кавасиле от 1347 г. (ed. I. Θεοχαρίδος, «Ἑλληνικα», 17, 1962, σελ. 5, 35—38). Д. Закифинос вообще отождествляет пакт и налог (D. Z a k y t h i n o s. Op. cit., p. 90). Последнее неверно — об этом свидетельствует раздельная запись пакта и налога в Ивирских практиках.

[40] MM, VI, p. 212—214.

[41] R. H i s. Die Domänen der römischen Kaiserzeit. Leipzig, 1896, S. 108; A. D é l é a g e. Op. cit., p. 186.

и арендаторы частновладельческих сальтусов уплачивали capitatio humana, terrena, animalium, хотя и не через курию, как свободное сословие, а через посредство крупных земельных собственников или непосредственных крупных арендаторов государственных доменов [42].

Остановимся еще на одном вопросе, связанном с особенностями византийского налогообложения. Каков характер налога с земель, не находящихся в парическом держании? Не зная особенностей формуляра практиков, фиксирующих, как правило, не индивидуальные налоговые ставки с земель каждого качества, а общую налоговую сумму — ридзу, можно было бы подумать, что зафиксированный в практиках налог с земель, не находящихся в парическом держании, взимался и с необрабатываемых земель, т. е. это налог на земельную площадь, для взимания которого необходимо лишь наличие права земельной собственности, но отнюдь не обязательна обработка земли. Истории древних обществ известен такой принцип налогообложения [43]. Но, зная особенности фиксации налогов с земель, не находящихся в парическом держании в византийских практиках, мы не можем рассматривать этот налог как налог на земельную площадь. Практики создают лишь иллюзорное впечатление о таком характере налога. В действительности индивидуальные нормы обложения определялись, как мы говорили выше, без учета земель, не подлежащих обработке. Рассматриваемый налог скорее можно квалифицировать как налог на средний урожай, так как при обложении учитывалось качество земли.

Однако требуется некоторая поправка. Трактаты землемеров свидетельствуют, что обложению подлежали и пастбищные земли [44]. Надо сказать, что такой же характер налогообложения существовал и по Диоклетиановой системе. Налог также зависел от качества земли, т. е. от средней урожайности; земли, не пригодные к обработке, не учитывались при обложении, а пастбищные учитывались [45].

Таким образом, византийский поземельный налог с земель, не находящихся в парическом держании, сохранил основные признаки поземельного налога Диоклетиановой системы. Однако в XV в., как свидетельствуют некоторые документы, наряду с традиционным византийским налогом, взимаемым независимо от конкретного урожая, но с учетом средней урожайности, получил некоторое распространение налог на урожай (десятина урожая) [46]. Это явление говорит о стремлении в трудное для страны время усилившейся турецкой экспансии увеличить доходы фиска. В то же время распространение налога на урожай отражает определенные сдвиги в неподвижной и традиционной византийской системе налогообложения.

* * *

Обратимся теперь к парическим стасям и отметим еще одну особенность, связанную с составлением ридзы. Нет ли в поздневизантийских

---

[42] A. Déléage. Op. cit., p. 27.

[43] C. D. Sterghiopulos. Les finances grecs au VIe siècle. Athènes, 1949, p. 39. Приводится материал, свидетельствующий о распространении указанного принципа обложения в Греции VI в. до н. э.

[44] Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 307.

[45] См., например, A. Déléage. Op. cit., p. 152.

[46] Об этом свидетельствуют документы Лавры XV в., содержащие упоминание ὁ δέκατον τῶν γεννηματικῆς κατασπορᾶς (G. Rouillard. Les actes de Lavra à l'époque des Paléologues. «Atti del V Congresso internationale di studi bizantini», v. I, 1939, p. 303). Δεκατία τῶν γεννημάτων упомянута также в одном из документов Дохиарского монастыря от 1409 г. (F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, № 63. 92)

практиках каких-либо следов коллективной податной ответственности налогоплательщиков — аллиленгия Трактата об обложении или какой-либо иной формы этой ответственности? Ряд исследователей (Ф. Дэльгер, П. Лемерль, И. Караяннопулос, Н. Звонорос [47]) считают, что податная ответственность в той или иной форме существовала на протяжении всей византийской истории. Письма Михаила Хониата свидетельствуют, что в той или иной форме эта ответственность существовала в XII в. В одном из писем говорится о неравномерном распределении между налогоплательщиками снятых платежей, способствующем их разорению [48]. Практики деревни Иериссо Ивирского монастыря показывают, что за покинутые стаси отдельных крестьян подать падала на монастырь [49]. Вероятно, это подаренные монастырю класмы, покинутые владения, поступившие в распоряжение казны, подать с которых упразднялась; право казны дарить или продавать класмы засвидетельствовано Трактатом об обложении [50].

Таблица 1

Село	Год	Число налогоплательщиков	Икуменон в перперах
Иериссо	1301	36	30
»	1317	30	$21^1/_4$
»	1321	30	$23^1/_6$
»	1341	34	29,5
Гомат	1301	50	64
»	1317	47	62
»	1321	47	$60^1/_3$
»	1341	31	$33^1/_3$
Като Волвон	1301	33	33
»	1317	21	$13^1/_3$
»	1321	24	14,5
»	1341	19	22,5

Но если покинутые земли оставались в ведении крестьянской общины, кто платил за них налог? Прямых сведений на этот счет в практиках нет. Думается, что если аллиленгий и существовал, то во всяком случае на общину подать за покинутые стаси перекладывалась в облегченном виде. О том, что подать если и перекладывалась, то в облегченном виде, свидетельствует факт определенной зависимости величины суммы налогов (телосов) с париков определенного села, называемой икуменон, от числа парических хозяйств. Приведенная таблица показывает эту зависимость в ряде владений Ивирского монастыря.

Мы видим, что, как правило, икуменон увеличивался вместе с ростом числа налогоплательщиков и уменьшался вместе с его уменьшением. Это значит, что подать с заброшенных хозяйств если и перекладывалась на общину, то перекладывалась в облегченном виде. В этой связи не исключено, что аллиленгий в позднее время существовал только в отношении свободных крестьянских общин, тогда как в отношении зависимых происходило пожалование как самих запущенных стасей, так и налога с них крупному земельному собственнику. О переходе покинутых стасей в распоряжение крупных земельных собственников свидетельствуют не только Ивирские практики, но и другие документы. О переходе покинутых ста-

---

[47] Историографию этого вопроса см. К. А. Осипова. Указ. соч., стр. 28, 29.

[48] Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα, ἐκδιδ. ὑπὸ Σπ. Λάμπρου, τ. Β'. Ἀθῆναι, 1880, σελ. 48. Некоторые примеры аллиленгия XII в. приведены А. П. Кажданом («Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.» М., 1952, стр. 88) и Н. Звороносом (op. cit., p. 121).

[49] F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika. . ., A 155—157.

[50] F. Dölger. Beiträge. . ., S. 116. О класмах см. К. А. Осипова. Указ. соч., стр. 31 сл., а также е е ж е. Система класм в Византии в X—XI вв. «Византийские очерки», стр. 174—185.

сей, на которые ранее распространялся аллиленгий, в распоряжение монастыря говорит хрисовул императора Алексея Комнина от 1364 г. монастырю на горе Сумела [51].

Итак, мы рассмотрели некоторые аспекты византийской налоговой системы поздневизантийского времени, в основном связанные с особенностями составления ридзы. Мы пришли к выводу, что в византийской налоговой системе позднего времени продолжали действовать некоторые принципы, зафиксированные трактатом об обложении X в., а также характерные еще для Диоклетиановой системы. Наряду с этим появились и некоторые изменения. Эти изменения — отказ от присчета пакта к ридзе, изменение методов исчисления индивидуальных налоговых ставок, распространение налога на урожай и сокращение размеров коллективной податной ответственности крестьян — носят серьезный характер и свидетельствуют о естественном процессе разложения фискальных институтов X в. и более ранней эпохи.

---

[51] MM, V, p. 280.

В. П. МУТАФЧИЕВА

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В СИРИИ в XIV — XVI вв.

Вопрос о значении местных особенностей для формирования институтов османского феодализма не является новым. Он рассматривался во многих исследованиях, как одна из основных проблем османской истории раннего периода [1].

Вполне естественно, что в марксистском византиноведении, османистике и балкановедении при определении роли местного наследия в формировании османских феодальных институтов основное внимание уделяется выяснению значения византийских, болгарских и сербских элементов. Это объясняется, с одной стороны, тем фактом, что балканские народы являлись основными производителями материальных благ в османском государстве; с другой стороны, указанная тенденция является реакцией на попытки некоторых турецких буржуазных историков представить османский феодализм как прямое развитие ранних исламских обществ. Эти историки отрицают всякую связь османского феодализма с западноевропейским феодализмом, отстаивая тезис так называемого «турецкого исламского феодализма» [2].

Предвзятость этого тезиса, приверженцы которого полностью игнорируют тот важный исторический факт, что общество завоевателей (если вообще можно говорить об оформлении османского общества до завоевания) расположилось и развивалось не на пустом пространстве, а на территории, густо населенной немусульманскими народами, находившимися на более высоком уровне общественно-экономического развития, совершенно очевидна. Этот тезис представляет собой одно из многочисленных доказательств стремления турецкой буржуазной историографии сознательно приуменьшить вклад балканских народов в создание мощи многонациональной империи в период позднего средневековья [3].

В борьбе с подобными фальсификациями истории Юго-Восточной Европы в период позднего средневековья современная марксистская историография до сих пор не уделяла внимания изучению вопроса о роли феодальных институтов Малой и Передней Азии в формировании османского феодализма. Этот вопрос стоял в центре внимания только турецких

---

[1] M. F. Köprülü. Les origines de l'Empire Ottoman. Paris, 1935; I. H. Uzunçarşılı. Osmanli devleti teşkilâtına methal. Istanbul, 1941; H. Inalcık. Od Stefana Dušana do Osmankog carstva. «Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom», t. III—IV.

[2] I. H. Uzunçarşılı. Op. cit.; M. F. Köprülü. Ortazaman Türk-islam feodalizmi. «Belleten», c. V, 1941, s. 19.

[3] О фальсификации средневековой истории Турции турецкой буржуазной историографией см. А. С. Тверитинова. Фальсификация средневековой истории Турции в кемалистской историографии. ВВ, VII, 1953, стр. 19.

буржуазных историков, которые, как уже говорилось, подходят к нему сугубо предвзято.

В настоящем исследовании мы постараемся на основе данных одного неизданного источника осветить частный вопрос, являющийся одной из сторон общей проблемы преемственности некоторых аграрных феодальных институтов, освященных исламом, в османском государстве.

Развитие феодальных отношений в мусульманских государствах Передней и Малой Азии XIV—XVI вв. сопровождалось широким распространением форм безусловного землевладения, т. е. владения с правом собственности на землю [4]. Система феодального землевладения в рассматриваемых государствах, ее исключительное многообразие, являющееся результатом не только развития феодальных отношений, но и политической раздробленности, господствовавшей в Малой и Передней Азии в период до османского нашествия, еще далеко не изучены. Несомненно, определенное значение имеют объемистые труды И. Х. Узунчаршилы, посвященные анатолийским турецким княжествам в период их завоевания [5], а также Аккоюнлу и Каракоюнлу [6]. Эти труды основаны преимущественно на материалах более поздних османских источников и не достигают поставленной цели — показать систему феодального землевладения в рассматриваемых государствах. Последнее объясняется главным образом скудостью источников, относящихся к Малой и Передней Азии XIV—XVI вв.

В связи с малым количеством сведений, относящихся к феодальному землевладению в указанных областях накануне завоевания, всякий новый источник, еще не известный исследователям, представляет значительный интерес. Рассматриваемый ниже документ содержит сведения относительно некоторых форм феодального землевладения в Сирии непосредственно накануне ее завоевания и свидетельствует о заимствовании этих форм со стороны новой власти. Таким образом, этот документ может помочь выяснить характер землевладения в государстве мамелюков XIV—XVI вв. и роль местного исламского наследия в формировании аграрных институтов молодого османского феодализма.

Документ представляет собой опись владений, принадлежащих к категории вакф и мюльк, в казах Хама, Хомс, Зор и других санджака Халеб (Алеппо) в Сирии. Прежде чем приступить к анализу документа, необходимо дать некоторые разъяснения по поводу характера упоминаемых в нем форм землевладения.

Мюльк (араб.) или мильк (перс.) как форма владения недвижимостью, главным образом землей, отчуждаемая и передаваемая по наследству и признанная шариатом, известна с первых веков существования ислама. Она появилась вместе с возникновением Арабского халифата. Сама по себе эта форма землевладения не имеет никаких феодальных черт. Но в результате феодализации районов, входящих в состав Халифата, термином «мюльк» стали обозначать как мелкую поземельную собственность непосредственных производителей, так и безусловное владение с правом собственности более или менее значительной территорией с ее населением. Мюльк, таким образом, превратился в феодальный институт, напоминаю-

---

[4] Ö. L. Barkan. Şeri' miras hukuku ve evlâtlık vakıflar· Istanbul Üniversitesi Hukuk fakültesi mecmuası», c. VI, № 1, s. 156—157; I. H. Uzunçarşılı. Op. cit., s. 125.

[5] I. H. Uzunçarşılı. Op. cit.; idem. XIV ve XV, ıncı asırlarda Anadolu beyliklerinde toprak ve halk idaresi. «Belleten», c. II, № 5—6, 1938, s. 99—106.

[6] Idem. Anadolu beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu devletleri. Ankara, 1937.

щий франкский аллод [7]. После упадка Халифата во всех тюрко-монгольских государствах, где был принят шариат, продолжал существовать институт мюльк в его разных видах.

Малик (владелец мюлька) имел право полного распоряжения своим мюльком. В этом основное отличие мюлька от владений на праве «мемлекет» или «мирие». Владелец последних имел сильно ограниченные права распоряжения своими владениями. Используя возможности, которые давал статус мюлька, его владельцы обыкновенно его вакфировали, т. е. завещали какому-либо религиозному или благотворительному учреждению, которое должно было содержаться на доходы с этого мюлька. Так во всех государствах, где был воспринят шариат, многочисленные вакуфы возникали из мюльков, мульков, мильков. В Османской империи, например, согласно данным, приводимым некоторыми авторами, доля таких вакуфов в землевладении достигала одной трети всей обрабатываемой площади [8].

В вопросе о происхождении вакфа существуют определенные разногласия, на которых мы не будем останавливаться подробно. Однако то обстоятельство, что рассматриваемый нами источник относится к Сирии, заставляет нас напомнить некоторые известные положения. Так, последние исследования Н. В. Пигулевской показали, что в III—IV вв. н. э. в Иране и в завоеванных им провинциях Сирии были широко распространены завещания земельных владений зороастрийским храмам. Это практиковалось затем и в отношении христианских церквей и монастырей Передней Азии [9]. Известно также, что в Юстиниановом законодательстве, а именно в 65-й и 131-й новеллах, говорится о так называемых «piae causae», которые означали не что иное, как завещания владений религиозным институтам [10]. Таким образом, очевидно, что вакф не являлся порождением ислама, а представлял собой заимствование от более ранних государств. Особенно длительные традиции эта форма имела в Сирии, где византийцы восприняли ее из Ирана. Что же касается государства мамелюков, которое владело этими землями до османского нашествия, то оно унаследовало вакф от Арабского халифата. Османы переняли вакф не от мамелюков, а от завоеванных ранее, еще в XIV в., турецких феодальных княжеств в Малой Азии, где, как и в других государствах, возникших на развалинах Иконийского султаната, вакф был широко распространен.

Известно, что вакфирование, т. е. превращение мюльков в вакфы, предпринималось отнюдь не из религиозных побуждений или же диктовалось таковыми лишь в незначительной степени. Обычно владелец мюлька, превращая его в вакф, стремился таким образом обеспечить доходы со своего владения для собственного потомства, так как вакф считался вечным, существующим «до конца света» [11]. Еще в Халифате была создана разновидность вакфов — «вакф-и-евляд» (соответствующие турецкому «евлятлык-вакф»), т. е. вакфы, завещанные потомству, а после его прекращения — низшим членам мусульманской религиозной общины [12]. Наряду с широким распространением во всех мусульманских государ-

---

[7] И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, стр. 222.

[8] A. Heffening. Wakf. «Enzyklopädie des Islam». Leiden—Leipzig, 1934, Bd. IV, S. 1189.

[9] Н. В. Пигулевская. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. «УЗ Ин-та востоковедения АН СССР», т. XVI, стр. 14—15.

[10] Saleilles. Les piae causae dans le droit de Justinien. «Mélanges Gerardin». Paris, 1907, p. 513.

[11] Ö. L. Barkan. Op. cit.

[12] I. Krečsmárik. Das Wakfrecht nach der Hanefitische Schule. ZDMG, Bd. 45, S. 554.

ствах, включая и османскую империю, вакфов, завещанных потомству, существовали также и другие их разновидности: истинные вакфы («вакф-и-асл») и потомственные — «вакф-и-тевлиет». При истинных вакфах определенная (иногда значительная) часть их доходов расходовалась на благотворительные цели. При потомственных вакфах завещатель сохранял для своих потомков право управления вакфами, мютевели, управитель вакфа, неограниченно распоряжался его доходами [13].

Такова общая характеристика мюлька и вакфа, необходимая для понимания предлагаемого документа.

Здесь неминуемо возникает вопрос: уничтожили ли османы найденные ими в завоеванных территориях мюльки и вакфы или они были вынуждены подтвердить права на эти владения и, таким образом, дали возможность ряду собственников — как крупным феодалам, так и мелким непосредственным производителям — без всякого изменения сохранить свое место в аграрной структуре нового государства? Нас интересуют в данном случае не мюльки и вакфы как особые институты, а отношение османов к земельным владениям завоеванного населения вообще. Известно ведь, что непосредственные производители немусульманских стран не были лишены турками своих владений. Именно так следует, по-видимому, понимать следующее место в хорошо известной фетве Абуссууда: «Они (мирийские земли) не являются собственностью раи. Райет владеет ими на правах найма. Он ими владеет до своей смерти. Если умрет, сын его заместит его и владеет ими на основе старого постановления» [14]. Следовательно, османский фиск, сохраняя верховную собственность на мирийские земли, оставил непосредственному производителю право пожизненного и наследственного владения ими.

В отличие от непосредственных производителей феодальный класс завоеванных христианских государств был экспроприирован и в значительной степени физически уничтожен. Несомненно, многочисленные исключения из этого правила нужно отнести за счет предательской роли ряда местных феодалов.

Таким было и положение на землях, входивших до османского завоевания в состав мусульманских государств. В ряде малоазийских государств аристократия была полностью ликвидирована, так как она, боясь, что ее земельные привилегии будут уничтожены в государстве, которое объявило верховную собственность фиска на завоеванные земли, оказала османам упорное сопротивление. На ее владениях были созданы многочисленные военные лены [15].

Но если экспроприацию аристократии можно было оправдать тем, что владения были ей пожалованы прежней, ныне ликвидированной государственной властью, то не так легко было оправдать такую меру, как уничтожение вакфов, существование которых было освящено исламом. Однако у нас мало сведений относительно вакфов в Анатолии предосманского периода, сохранивших своих владельцев и при османах. Вероятно, это объясняется тем, что науке просто остались недоступными подобные источники. Впрочем, не исключено, что новая власть оказалась в данном случае далеко не педантичной в соблюдении шариата. Когда дело касалось выгоды фиска, нарушение шариата нередко практиковалось. Так, османская власть не сохранила за населением ряда завоеванных и населенных мусульманами земель статуса обязанных уплатой зекята или

---

[13] О разновидностях вакфа см. В. Мутафчиева. Аграрните отношения в Османската империя през XV—XVI вв. София, 1962.

[14] Ö. L. Barkan. XV ve XVI inci asırlarda Osmanlı imparatorluğunda ziraî ekonominin hukukî ve malî esasları, c. I. Kanunlar. Istanbul, 1943, s. 298.

[15] Ö. L. Barkan. Ser'i miras hukuku ve evlâtlık vakıflar, s. 156—158.

даже хараджа, как того недвусмысленно требовал шариат [16], а включила всю Малую Азию, населенную главным образом мусульманами, в категорию мирийских земель.

Отличным, однако, был статус Сирии, названной в фетве Абуссууда землей, обязанной уплатой хараджем [17]. На подобных землях чаще сохранялись существовавшие раньше формы землевладения, здесь в большей мере соблюдалось религиозное право. А на территории санджака Халеб, как это следует из нашего источника, сохранились не только вакфы, но и мюльки.

Рассматриваемый источник представляет собой очень важный фрагмент описи вакфов и мюльков в санджаке Халеб, точнее — только восемь листов этой описи. Вследствие того, что документ находится в очень плохом состоянии и могут быть прочтены лишь отдельные, главным образом стереотипные места, мы вынуждены привести этот фрагмент лишь в извлечениях, а не полностью [18]. По той же причине невозможно установить точную дату фрагмента. Но, принимая во внимание, что султан Кансух Гури был убит в Халебе в 1516 г. и только после этого Селим I (1512—1520) окончательно покорил государство мамелюков [19], можно считать, что документ не мог появиться ранее правления Селима I и превращения Сирии в османскую провинцию.

Хотя нам и не известна точная дата источника, в нем содержится ряд дат: 861 г. хиджры (1456—1457 гг.); 745 г. хиджры (1344—1345 гг.); 701 г. хиджры (1301—1302 гг.); 841 г. хиджры (1438—1439 гг.); 926 г. хиджры (1519—1520 гг.). Это даты вакфирования описываемых владений, владельческие документы на которые подтверждаются данной регистрацией. Как видно, последний вакф был создан после завоевания Сирии османами, тогда как все остальные являются предосманскими.

Возникает вопрос, почему из двух десятков вакфов и мюльков, перечисленных в фрагменте, при некоторых из них указывается дата вакфирования? По-видимому, это объясняется особой влиятельностью завещателей. Так, первый из датированных вакфов был завещан некиим Шехабеддином Юсуфом, сыном Салафеддина Османа, господина Шираза. Второй вакф был завещан Суджумеддином Мухаммедом, сыном Карнаса (Картас?) Али, сына Таджеддина Абдуллы, сына Тахира. Третий, наиболее древний вакф (1301—1302 гг.), был завещан Бедреддином Бекташей, сыном Абдуллы. Четвертый вакф был завещан Аминой, дочерью Мухаммеда, погибшего в бою с иноверцами. Очевидно, завещатели вакфов, при которых указана дата их завещания, не были простыми людьми. Это явствует как из титула «господин Шираза», так и из перечисления предков второго завещателя вплоть до четвертого колена, что практиковалось в отношении лиц знатного рода.

Естественно, наибольший интерес в данном документе представляют сведения о сохранении в санджаке Халеб владений доосманского периода. К счастью, эти сведения достаточно подробны. В отношении каждого вакфа и мюлька даются пространные разъяснения. Наиболее распространенная форма этих разъяснений следующая: «Указанное хиссе указанного лица, будучи вакфом от старого времени, было записано до завоевания, после завоевания и позднее. Оно записано и в новый регистр» [20]. Эта

[16] A b o u Y o s s o u f Y a'k u b. Le livre de l'impôt foncier, traduit et annoté par E. Fagnan. Paris, 1921, p. 40—41.

[17] Ö. L. B a r k a n. XV ve XVI inci asırlarda. . ., s. 298—299.

[18] Документ хранится в Восточном отделе Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия. София, ф. I, № 15124.

[19] M. S o b e r n h e i m. Mamluken. «Enzyklopädie des Islam», Bd. III. Leiden—Leipzig, 1936, S. 237.

[20] Стр. 1, 5, 6 и другие данного документа.

неоднократно встречаемая в документе формулировка подтверждает, что завоевание Сирии не сопровождалось уничтожением вакфов, однако она не раскрывает процедуру их подтверждения со стороны новой власти. В этом отношении более важными оказываются другие, более детальные разъяснения, имеющиеся в документе, например следующие: «Так как было точно установлено, что указанное хиссе и земельный надел являются вакфом данного лица, они были записаны как вакф в вакфные регистры, составленные в начале завоевания, и в регистры, составленные позднее. Теперь, после проверки местными аянами, установлено, что этот вакф существовал без всякого изменения со времени, предшествующего завоеванию, после завоевания и в дальнейшем. Согласно этому, как показали беспристрастные свидетели и как это следует из имеющихся [у владельца] шариатских документов, а также из старого регистра [составленного] на основе более раннего распоряжения, [владение] было записано в новый регистр и в другие документы как вакф» [21].

Этот отрывок раскрывает процедуру подтверждения османами сохранившихся в Сирии от предосманского периода мюльков и вакфов. Еще в период завоевания была проведена регистрация владений по их видам. Это делалось на основе владельческих документов и устных показаний местных жителей. Проверка этих сведений была поручена шариатским властям и местным аянам. После проверки, если она подтверждала статус владения, оно регистрировалось как мюльк или вакф в османском кадастре.

То, что описанная практика относится не только к вакуфам, но и к мюлькам, вытекает из следующего места источника: «Указанное хиссе указанного лица является мюльком. Поскольку это следует из шариатских документов и из показаний беспристрастных свидетелей, а также была найдена запись [о нем] в регистрах, составленных по старым распоряжениям, то оно было записано как мюльк [и] в новом регистре» [22].

Рассмотренные отрывки, таким образом, свидетельствуют, что османская власть проводила не только перерегистрацию мюльков и вакфов в землях, обязанных хараджем, но и периодические проверки того, на каком основании данные владения трактуются как мюльки и вакфы. Об этом наглядно свидетельствует еще и следующее место нашего источника: «Указанные хиссе были записаны после завоевания Абу эл-Фадл эфенди. . . [23] После этого, согласно высочайшей заповеди, были проверены оставшиеся мюльки и вакфы. . . и было установлено. . . получил шариатское подтверждение, и на основе его [владения были вновь вписаны как вакф. — *В. М.*] в регистр кадии Али бея с тем, чтобы оно и впредь считалось вакфом. Теперь в присутствии настоящего кадии Халеба Мухиеддина эфенди. . . на основе шариатских документов и показаний беспристрастных свидетелей. . . от времени до завоевания, после завоевания. доказано и установлено, что оно являлось вакфом. Так как имелось распоряжение относительно вакфных владений, было издано шариатское подтверждение и владение было записано в новый регистр» [24].

Таким образом, новая власть в Сирии не принимала на веру вакфный статус владений, а требовала многочисленных подтверждений его. По всей вероятности, эта особая строгость диктовалась фискальными соображениями, тем, что османская власть стремилась, насколько возможно, увеличить свои доходы за счет феодальной ренты частных собственников. Это стремление, вероятно, явилось причиной уничтожения некоторых

[21] Стр. 4 данного документа.
[22] Стр. 4 данного документа.
[23] В этом месте документ сильно поврежден.
[24] Стр. 6 данного документа.

мюльков и вакфов в Сирии, которые потеряли свой привилегированный статус при одной из перерегистраций, возможно, из-за того, что их владельцы не смогли достаточно убедительно доказать свои привилегии. Об этом повествует следующее место источника: «Указанное хиссе и. . .[25] и мельница. . . и весь доход. . . являются. . . указанного лица. В. . . регистре.. . значатся как вакф. Так как имеется высочайшая заповедь о проверке оставшихся вакфов и мюльков, кадия Халеба установил в присутствии Мимарзаде [следующее]: при проверке, проведенной Караджи пашой. . . и так как не установлено при проверке пополнения сел, что их положение было изменено, на основе шариатских документов и показаний беспристрастных свидетелей было доказано и установлено, что в период, предшествующий завоеванию, после завоевания и до сих пор это владение являлось вакфом. Так как было издано распоряжение относительно данного вакфа, написано было и шариатское подтверждение и он был записан в новый регистр»[26].

Из цитированного отрывка, несмотря на его неполноту, вытекает, что упомянутое «пополнение сел» было результатом регистрации, которая лишила ряд владений их статуса мюльков и вакфов. Иначе неясно, зачем владельцам некоторых вакфов и мюльков потребовалось доказывать, что их владения не были затронуты при «пополнении сел». Не совсем ясно, что следует понимать под «проверкой пополнения сел», но очевидно, что «пополнение сел» имело целью подчинить как можно большее количество сел непосредственно фиску путем лишения владений статуса безусловных владений. Вспомним, что для периода правления Сулеймана I (1520—1566) характерна тенденция низведения различных категорий владений к единому статусу. В его время, например, были лишены своей «свободы» некоторые села, населенные войнуками, в Румелии[27] и были низведены до положения раи многие категории населения, обязанные до этого специальными повинностями[28]. Не исключено, что упомянутое «пополнение сел» в Сирии было также одним из мероприятий Сулеймана, осуществленным в целях увеличения доходов фиска.

Итак, приведенные отрывки нашего документа убедительно показывают, что в Сирии владения, имевшие статус вакфов и мюльков, сохранили его и после османского завоевания, но после строгой проверки. Это еще одно доказательство того, что в османском государстве не только существовала преемственность между османскими феодальными институтами и институтами завоеванных государств, но в новом государстве были сохранены многие ранее существовавшие владения.

Другой вопрос, на который проливает свет анализируемый документ, представляется не менее важным. Рассматриваемый регистр содержит ценные сведения о состоянии землевладения в государстве мамелюков. Поскольку османская власть оставила без изменений, как это следует из регистра, занесенные в него владения, очевидно, что они в том же виде существовали и при мамелюках.

Характерно, что вакфы в санджаке Халеб, описанные в документе, существенно отличаются от османских вакфов, например, в Румелии[29]. Сирийские вакфы, найденные османами, представляли собой владения, не превышающие размеров одного крестьянского хозяйства. В этом нас убеждает следующий отрывок:

---

[25] В этом месте документ сильно поврежден.
[26] Стр. 15 данного документа.
[27] Ö. L. Barkan. XV ve XVI inci asırlarda. . ., s. 265.
[28] Ibid., S. 18, 72.
[29] В. Мутафчиева. Указ. соч., стр. 129.

Вакф Суджумеддина (?) — 4 чифта в различных селах казы Хама
Мюльк шейх . . . .[30] — 1 чифт
Вакф Кутубеддина — 1 чифт и 1 земельный надел
Потомственный вакф Абу Надира — 3 чифта
Вакф Амины, дочери Исмаила — 1 бостан
Вакф Бедреддина Хасана — 3 чифта
Вакф Бедреддина Бекташи — . . . .[31]
Вакф Сараджеддина Омера — 3 чифта
Вакф Амины, дочери Надира — 3 чифта в разных селах Хамы и Зора
Вакф Таджеддина Абдулвели — 2 чифта
Вакф . . .[32] — 1 бостан
Вакф шейха Османа — 1 чифт
Вакф Мувфакеддина — 2 чифта
Вакф Рабтеддина с совладельцами — 2 чифта
Вакф Зейнеддина с совладельцами — 2 чифта
Вакф Абу Бекира — 1 бостан
Вакф . . . . . .[33] — 2 чифта и 1 бостан
Вакф Ахмеда и Мухаммеда — 2 чифта
Вакф . . . .[34] — 9 чифтов и 1 бостан[35]

Ясно, что перечисленные владения являются наделами непосредственных производителей, завещанными мусульманской церкви. А так как, согласно шариату, в вакф могли быть отданы только владения, находившиеся в полной собственности завещателя [36], то очевидно, что в Сирии до османского завоевания существовали непосредственные производители, свободные от уплаты феодальной ренты и от феодальной зависимости. Хотя на основании одного единственного источника мы не можем делать окончательных выводов, но наличие в Сирии хозяйств, имеющих статус мюльков, очень показательно. Вспомним, что чифлики в Анатолии и Румелии, расположенные на мирийских землях, не могли быть отданы в вакф ни при каких обстоятельствах, так как их владельцы не имели права полной собственности.

Тот факт, что в санджаке Халеб после османского завоевания были сохранены только мелкие мюльки и вакфы, также показателен. Нельзя предположить, что в этой провинции до завоевания существовали только мелкие вакфы и мюльки, размером от одного бостана до четырех-пяти чифтов земли. Как и в других мусульманских государствах, так и в государстве мамелюков были и крупные вакфы [37]. Куда девались эти крупные владения и почему мы их не встречаем в османской Сирии?

Объяснение этого факта может быть только одно. Хотя Сирия и признавалась землей, обязанной хараджем, и не была включена в систему мирийских владений, османы не могли допустить, чтобы представители местной феодальной аристократии сохранили свои экономические привилегии и свое место в системе феодального землевладения. По всей вероятности, крупные мюльки и вакфы были конфискованы центральной вла-

---

[30] Это место повреждено.
[31] Это место повреждено.
[32] Это место повреждено.
[33] Это место повреждено.
[34] Это место повреждено.
[35] Мы привели данные лишь из части документа, поддающиеся прочтению.
[36] I. Krečsmárik. Op. cit., S. 512—513.
[37] A. Heffening. Wakf, S. 1189.

стью. Подобный прецедент имел место при Мехмеде II [38] при проверке кадастра; может быть, это и была проверка «пополнения сел». Так или иначе полное отсутствие мюльков и вакфов в Сирии, которые по своему характеру и размерам напоминали бы крупные феодальные владения, может быть объяснено только уничтожением их после завоевания.

Такого рода посягательство на экономическую мощь местной феодальной аристократии находилось в полном соответствии с общей политикой османской власти в первые века новой империи. Но, чтобы сохранить видимость соблюдения шариата, завоеватели сохранили в областях, обязанных уплатой хараджа, в том числе и в Сирии, мелкие вакфы.

Рассмотренный источник позволяет сделать и некоторые другие наблюдения, например о размерах отдельных сельских хозяйств в данной области. В этой связи заметим, что наряду с турецкой единицей земельной площади — «чифтом» используются и местные меры площади — «феддан» и «карат», причем они встречаются не эпизодически, а постоянно сопутствуют турецкой мере. Это показывает, что по крайней мере в первое время после завоевания османы вынуждены были измерять обрабатываемую площадь как при помощи своей, заимствованной у Византии, единицы измерения «чифт», так и при помощи местных мер. Заметим, кстати, что «чифт» в Сирии, как и в других областях империи, был разным по площади в зависимости от качества земли.

Наш документ, вернее — его сохранившаяся часть, содержит следующие сведения о размерах чифта в санджаке Халеб:

1 чифт — 6,5 феддана, доход — 1344 акче
1 чифт — 0,5 феддана, доход — 95 акче
1 чифт — 2,5 карата, доход — 94 акче
1 чифт — $1^1/_3$ феддана, доход — 640 акче
1 чифт — 1 феддан, доход — 168 акче
1 чифт — 3 феддана, доход — 981 акче
1 чифт — 2 феддана, доход — 216 акче
1 чифт — 0,5 феддана, доход — 45 акче
1 чифт — 2 феддана, доход — 180 акче
1 чифт — 5 федданов, доход — 605 акче
1 чифт — 2 феддана, доход — 84 акче

Как видно, размеры хозяйств, завещанных в вакф, весьма невелики. При низком уровне землевладельческой техники хозяйства таких размеров, как это и следует из документа, приносили незначительный доход.

Подводя итог исследованию, мы выражаем надежду, что, несмотря на отрывочный характер сведений нашего документа, они все же проливают некоторый свет как на сложную проблему аграрных отношений в Сирии XIV—XVI вв., так и на проблему преемственности османских феодальных институтов и феодальных институтов завоеванных немусульманских обществ.

---

[38] О секуляризации при Мехмеде Завоевателе см. В. М у т а ф ч и е в а. Указ. соч., стр. 167 сл.

Л. Н. ГУМИЛЕВ

БИОГРАФИЯ ТЮРКСКОГО ХАНА В „ИСТОРИИ“ ФЕОФИЛАКТА СИМОКАТТЫ И В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Любимым литературным жанром древних тюрок было жизнеописание. Знаменитые орхонские надписи — либо автобиографии (надписи Тоньюкука и Альп Эль-этмиша), либо биографии (надписи Кюль-тегина и Бильге-хана), написанные близким родственником (Йоллыг-тегином).

Очевидно, и в VI в. автобиографии ханов составлялись, но памятников тюркской письменности от эпохи первого каганата до нас не дошло. Тем не менее одна биография сохранилась, хотя и фрагментарно. Это знаменитое письмо кагана тюрок к императору Маврикию, пересказ которого попал в «Историю» Феофилакта Симокатты [1].

В отличие от семи других писем, приведенных Симокаттой полностью, текст письма кагана тюрок дан отрывочно и снабжен многословными пояснениями, весьма интересными сами по себе, но по отношению к письму имеющими только вспомогательное значение. Они настолько отличны от текста письма по интонации, что нетрудно отслоить их и выделить первоначальное содержание послания тюркского владыки в весьма приблизительном греческом переводе. Этот текст весьма важен как потому, что он является самым ранним произведением тюркской литературы, дошедшим до нас, пусть не в подлиннике и не полностью, так и потому, что это первоклассный исторический источник, проливающий свет на наиболее темную страницу истории первого каганата. На это уже однажды указывалось [2], но установление жанра и тенденциозной направленности источника позволит нам извлечь из него еще несколько крайне ценных уточнений по наиболее спорным вопросам истории тюркютов.

Восстановление текста. Первая фраза письма переведена буквально: «Царю ромеев каган, великий владыка семи племен и повелитель семи климатов (областей) вселенной» [3]. Дальше идет пересказ, который мы, выделив из контекста, для удобства комментирования перенумеруем.

(1) Разбив наголову [4] вождя племени абделов (я говорю о тех, которые называются эфталитами), этот каган победил их и присвоил себе власть над ними.

---

[1] Theophilacti Simocattae Historiae, ed. de Boor. Lipsiae, 1887, p. 257—260; русск. пер. С. П. Кондратьева: Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, стр. 159—162.

[2] Л. Н. Гумилев. Великая расиря в Первом Тюркском каганате в свете византийских источников. ВВ, XX, 1961, стр. 75—89.

[3] Цитируя перевод С. П. Кондратьева, я позволил себе заменить чтение β с «в» на «б» в собственных именах тюрок, чтобы приблизить транскрипцию к оригиналу.

[4] Или: «напав на» (καταπολεμήσας).

(2) Сильно возгордившись этой победой и сделав Стембис-кагана [5] своим союзником, он поработил племя абаров.

Затем идет разъяснение, что это не европейские авары.

(3) После того как абары были побеждены (я опять возвращаюсь к своему рассказу), одни из них бежали и нашли убежище у тех, которые занимают Табгаст.

Следует пояснение, что такое Табгаст.

(4) Другие из абаров, вследствие поражения низведенные до более унизительного положения, остались жить [6] у так называемых мукри.

Краткая справка о мукри.

(5) Совершил каган и другое предприятие и подчинил себе людей племени огор.

Идет длинное объяснение, кто такие огоры и предки европейских аваров — уары и хунны.

(6) Когда племя огор было окончательно побеждено, каган предал вождя племени (ἐθνάρχην) колхов на истребление мечу. Из этого племени во время войны было уничтожено триста тысяч человек, так что непрерывным рядом убитых была покрыта дорога на расстоянии четырех дней пути.

Кто такие колхи, Феофилакту казалось незачем объяснять, это и так было ясно его читателю.

(7) Когда победа столь явно улыбнулась кагану, у тюрок началась междоусобная война. Один человек по имени Турум, по роду близкий к кагану, задумав государственный переворот, собрал большие силы.

(8) Когда в битве перевес оказался на стороне этого захватчика власти (τοῦ τετυραννηκότος), каган отправил посольство к другим трем великим каганам.

(9) Их имена следующие: Спарзебгун, Кунаксолан и Тульдих (Σπαρζεβγοῦν καὶ Κουναξολὰν καὶ Τουλδίχ).

(10) Когда все войско собралось у Икара (это местечко окружено большими равнинами) и когда в этом же месте противники выступили против них и геройски сражались, пал в этой битве сам захватчик власти (ὁ τύραννος) и союзные силы заставили противников обратиться в бегство.

(11) Произошла большая резня, и каган вновь стал владыкой своей земли.

Затем объясняется, где Икар и «Золотая гора», а также дается справка о нравах тюрок и бегстве от них племен тарниах, котзагиров и забендер [7].

(12) Закончив благополучно гражданскую войну, каган тюрок стал приводить в порядок свои дела; он заключил договор с жителями Табгаста, чтобы, добившись прочного спокойствия, безмятежно установить свою власть.

Следует длинное описание Табгаста, полученное Феофилактом не из письма кагана и не имеющее прямого отношения к тюркам [8].

Назначение письма — и тем самым литературный жанр памятника — точно определено самим Симокаттой: это перечисление побед кагана, т. е. его биография. Действительно, историей это повествование назвать нельзя,

---

[5] Истеми-каган, брат Бумына. J. Marquart. Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften. «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. XII, s. a., S. 185; E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. «Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI. СПб., 1903, стр. 249.

[6] Или: «прибыли к. . .» (παραγίνονται πρὸς τοὺς. . .).

[7] Думается, что именно к этому месту относится фраза Симокатты: «Я кончаю свои замечания относительно скифов, живущих в Бактриане, Согдиане и на Черной реке» («История», стр. 62).

[8] P. A. Boodberg. Marginalia to the histories of the Northern Dynasties, I. Theophilactus Simocatta on China. «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 3, 1938, № 3—4, p. 223—243.

потому что в нем опущены многие важные события, как, например, войны с Китаем и Ираном, подчинение киданей и кыргызов. Очевидно, автор письма в этих операциях не участвовал.

Был ли он великим каганом? Нет, потому что сам упоминает трех других великих каганов (фрагмент 8). Его пышный титул, где фигурирует число семь, по-видимому, связан с тем особым отношением к этому числу, которое встречается в надписях Кюль-тегина и Тоньюкука [9]. На основе проделанного нами анализа [10] подтвердилось мнение Шаванна, что это не кто иной, как Дяньгу Дату-хан, он же Кара-Джурин Турк Биягу [11], сын Истеми и последний общетюркский хан. Действительно, все упомянутые в письме события могут быть связаны именно с этой личностью, что соответствует мнению самого Симокатты.

Послужной список этого хана начинается с победы над эфталитами (фрагмент 1), но это не может быть окончательная победа 566 г., ибо тогда собственно эфталитские земли отошли к Ирану, а тюркютам досталась только Согдиана. К тому же покорение огоров (фрагмент 3), после которого племена уар и хунны появились на Северном Кавказе, совершилось в 557—558 гг., а до этого упомянутый хан еще покорил абаров. Значит, победа над какой-то частью эфталитов и покорение абаров имели место в пятидесятых годах VI в.

Но кто такие были эти покоренные тюркютами абары? В европейской науке очень распространено мнение, что жужани были теми самыми племенами, которые описаны Приском Панийским и Феофилактом Симокаттой под именем «истинных авар», хотя специально оговорено, что авары, пришедшие в Европу в VI в., ничего общего с «истинными аварами» не имеют.

Несмотря на столь категорическое разъяснение, данное источником, А. Н. Бернштам [12] считает возможным отождествить европейских аваров и жужаней. Мак-Говерн также утверждает, что авар-вархониты пришли из Центральной Азии [13], что они идентичны с жужанями, которых он называет руран [14], и что они монголы [15]. Тут необходимо внести ясность, так как остается открытым вопрос, кто же были настоящие авары.

Первое упоминание о них содержится у Приска Панийского и датируется 461—465 гг.: «Около сего времени к восточным римлянам отправлены были посольства от сарагуров, урогов и оногуров, народов, оставивших свою страну, потому что с ними вступили в бой савиры, изгнанные аварами, на которых напали племена, живущие на берегах Океана» [16].

Этих азиатских подлинных аваров Вивьен де Сен-Мартен [17], Маркварт [18], Пельо [19] и Шаванн [20] пытались отождествить с жужанями, од-

---

[9] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 37, 65.

[10] Л. Н. Гумилев. Указ. соч., стр. 89.

[11] Предположение Шаванна, некритически принятое мною (указ. соч., стр. 87), что Биягу (перс.) и Бугя (кит.) значит Бильге, т. е. «мудрый», должно быть исправлено. Правильно будет Бёке — «герой». Анализ иероглифов сделан М. Ф. Хваном для меня. Сопоставление с звериным именем «Буга» (бык) менее удачно, так как наша фонема лежит в мягком ряду.

[12] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1950, стр. 190.

[13] W. Mc Govern. The early empires of Central Asia. London, 1939, p. 398.

[14] Ibid., p. 396.

[15] Ibid., p. 405.

[16] Сказания Приска Панийского, пер. Дестуниса. «УЗ второго отд. ИАН», кн. VII, вып. I. СПб., 1861, стр. 87.

[17] Lebeau. Histoire du Bas-Empire, t. 9. Paris, 1828, p. 136.

[18] J. Marquart. Eranšahr. . ., Berlin, 1901, S. 53—54.

[19] P. Pelliot. La Haute Asie. Paris, s. a., p. 12.

[20] E. Chavannes. Op. cit., p. 229—233: «Эти краткие указания склоняют нас отождествить истинных аваров с жужанями, которые в самом деле были великими

нако уже сам Шаванн оговаривался, что это возможно лишь путем произвольного искажения текста Симокатты. В самом деле, разгром аваров хронологически следует за разгромом эфалитов, тогда как жужани были разбиты и уничтожены раньше, чем эфалиты. Для того, чтобы обойти это затруднение, Шаванн предлагает под народом «Абдел» разуметь не эфталитов, а телесцев, но сам отмечает шаткость своей гипотезы.

Согласно тексту Приска, истинные авары V в. должны были жить по соседству с сабирами, т. е. в Восточном Казахстане. С востока авар прикрывала Юебань, и, следовательно, они были открыты для ударов только с юга. Западная часть Средней Азии в этот год принадлежала хионитам, а восточная степная область — кидаритам. Ни те, ни другие не могли быть врагами истинных аваров, так как хиониты находились в числе потерпевших [21], а кидариты в это время были заняты войной с Ираном, закончившейся три года спустя полным их разгромом.

Значит, остается только один путь для врагов аварских — дорога по Вахшу, соединяющая горные припамирские районы с тяньшаньскими, а по ней могли идти только эфталиты. Если учесть, что к середине V в. у эфталитов уже были большие владения в Индии, то станет ясно, почему Приск определил их как «племена, живущие на берегах Океана».

Вернемся к истинным аварам, для коих необходимо установить истинное имя. Византийские греки β (бета) читали как *в*, но изображали ею звук *б*. Значит ἀβαροις должно читаться как абар. В китайском языке конечное *р* опускается, значит, по-китайски это имя должно звучать а-ба. Это название мы находим: так называлось небольшое племя, жившее в VI—VII вв. на Тянь-Шане, покоренное тюркютами в 556—557 гг., слившееся с мукринами, западносяньбийской ордой, и впоследствии вошедшее в состав тюргешей [22]. Итак, автор письма в 555 г. командовал отрядом тюркютов, вытеснившим эфталитов из Семиречья, занятого ими в 516 г.[23]; в 566 г. он, с разрешения своего отца Истеми-кагана, подчинил непосредственно себе южную Джунгарию, где на землях абаров основал свое удельное княжество. В 558 г. он участвовал в походе на Урал и Волгу, но остался там, в качестве удельного князя, его младший брат Турксанф [24].

В 576 г. умер Истеми-каган, и наш герой унаследовал его место, что видно из присвоенного ему титула — Тардуш-хан, т. е. правитель западного крыла державы [25]. Тут он перестал непосредственно командовать войсками, а ограничился тем, что давал указания младшим удельным князьям. Соответственно появился описательный оборот речи: «каган предал вождя племени колхов на истребление мечу» (фрагмент 5). Вторжением тюркютов в византийские владения руководили Турксанф, Бо-хан и Анагей [26]. Менандр сообщает только о взятии тюркютами Боспора в 576 г. и об их набеге на Крым в 580 г.[27] Из письма мы узнаем, что около

завоевателями, к середине V века выглядели наиболее значительными из варварских народов и наконец, разбитые тюрками в 552—555 годах, частично убежали к китайцам, управлявшимся тогда тунгусской династией Вей». Но жужани бежали в 552 г. не к Вей, а к их соперникам Ци (Северо-Восточный Китай), и такой путаницы тюрки не допустили бы при описании столь близких событий.

[21] Л. Н. Гумилев. Эфталиты и их соседи в IV в. ВДИ, 1959, № 1.

[22] Л. Н. Гумилев. Три исчезнувших народа. Страны и народы Востока. II. М., 1961, стр. 106—109.

[23] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. I, стр. 218.

[24] Менандр. В кн.: «Византийские историки», пер. С. Дестуниса. СПб., 1860, стр. 418—421.

[25] Л. Н. Гумилев. Удельно-лествичная система у тюрок в VI—VIII веках. «Советская этнография», 1959, № 3, стр. 23—24.

[26] Менандр, стр. 422.

[27] Там же, стр. 462.

582/583 г. тюркюты пытались проникнуть в Византию через Кавказ, но не имели успеха. Сам Тардуш-хан был занят на востоке, где шла война с Китаем. Участие в этой войне не принесло ему славы, и он отвел свои войска. Китайский император обнародовал эдикт, где говорилось, что Тардуш-хан отступил потому, что против него «возмутились персы, эфталиты и хотанцы» [28]. Об этой странице ханской биографии в письме нет ни слова. Сведение из китайского императорского эдикта [29] о внезапно вспыхнувшей войне на западной границе каганата вызывает сомнение. Оно не вяжется с тем положением, которое имело место в 582 г. в Средней Азии и Иране. Хотан был маленьким княжеством. Его военные силы состояли из 4 тыс. воинов [30]. Эфталиты в этом году находились в составе Персидской монархии, а последняя была связана напряженной войной с Византией в Месопотамии [31]. Все указанные враги каганата были за границей и слово «восстали» к ним не применимо. Затем, если бы Тардуш-хан действительно одержал над ними победу, то ему незачем было бы об этом умалчивать. Наконец, поздние китайские хроники, Суйшу и Таншу, исключили этот рассказ из описания событий, по-видимому, считая его недостоверным. С этим согласен и я. Надо думать, что император Вэнь-ди стал жертвой плохого знания географии. В 582 г. китайцы знали о странах западнее Кашгара не больше, чем византийцы о странах к востоку от него. Поэтому слух о войне с Византией на западной окраине каганата они интерпретировали как сведение о войне с Персией, которой в это время и быть не могло. Зачем бы персы стали нападать на своего союзника? [32]

Необходимо отметить, что китайские сведения о событиях в западной части Азии и в Европе, хотя и имеют некоторые черты сходства с действительностью, но столь приблизительны, что безусловное доверие к ним должно быть исключено [33]. С примером подобной аберрации мы столкнемся ниже.

Предлагаемый корректив китайского сведения позволяет увязать данные Менандра, Суйшу и Симокатты. Тардуш-хан с 576 по 583 г. вел войну с Византией, но не лично, а через своего младшего брата Турксанфа, имевшего удел на западной окраине каганата. Рассказ о победах тюркютов над византийцами в письме, адресованном императору Маврикию, естественно, опущен. Акцент перенесен на лазов (колхов), хотя и бывших

---

[28] E. Chavannes. Op. cit., p. 49.

[29] Шаванн (там же) делает сноску на Бэйши (гл. XCIX, стр. 4).

[30] E. Chavannes. Op. cit., p. 125; Н. Я. Бичурин. Указ. соч., II, стр. 301.

[31] Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946. стр. 67—70.

[32] Отсутствие второй версии описания войны 581—584 гг., кроме китайской, ввело в заблуждение Г. Е. Грумм-Гржимайло («Западная Монголия и Урянхайский край», II. Л., 1926, стр. 229, прим. 4) и меня (ВВ, XX, 1961, стр. 79), но, приняв на веру сообщение о войне Персии против каганата в 582 г., оба автора не придали ему значения, и ошибка не повлияла на вывод. Это же сведение ввело в заблуждение Х. Хаусига, предположившего, что Турум — эфталитский князь, женатый на дочери Тардуш-хана (H. W. Haussig. Theophilakts Exkurs über die skythischen Völker. Byz., t. XXIII, 1954, p. 300, 379—383). Помимо изложенной здесь критики китайского сообщения, против позиции Хаусига говорит то, что война была названа в тексте письма «междоусобной» и «гражданской», а эфталиты в этой связи не упомянуты.

[33] См. описания Ирана, Византии и Аравии в Таншу (Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 326—333). Например, один житель из Босы (Персия) пас скот, рассыпавшийся по горам Модина. Зверь сказал ему: «На западной стороне гор в третьей пещере есть острое оружие и черный камень с надписью белыми буквами; получивший будет царствовать. Пошел осмотреть, и оказалось, как сказано. Он утвердился на западных пределах, объявил себя государем, перенес черный камень и берег как драгоценность» и т. д. Это — о проповеди ислама Мухаммедом!

подданными Восточно-Римской империи, но сохранявших в VI в. автономию. Таким образом, была соблюдена дипломатическая деликатность с наибольшим приближением к истине. Конец тюркюто-византийской войны датируется началом гражданской войны в каганате, т. е. началом 584 г. После неудачного вторжения в Крым тюркюты ограничились Кавказом. Северная граница Лазики или царства Эгриси проходила по Кавказскому хребту; Абхазия составляла часть этого царства [34]. Тут, видимо, и разворачивались военные действия тюркютских князей. Вряд ли они смогли проникнуть далеко на юг. О сопротивлении лазов не сказано ничего, а говорится только об убийстве 300 тыс. человек, трупы которых лежали вдоль дороги длиной около 160 км (четыре дня пути). Это похоже на убийство пленных, которых отступающая армия не могла увести с собою. Дальше объяснено, почему тюркюты все-таки не победили, что свидетельствует о проигранной войне. И в самом деле, в 588 г. Византия вернула Боспор, чем было восстановлено исходное положение.

Дальше следует рассказ о гражданской войне в каганате, приуроченной нами к восстанию Або-хана [35]. Но и здесь, анализируя сведения письма с позиций исторической критики, можно извлечь из источника несколько важных уточнений. Прежде всего, при общем совпадении китайской и греческой версий наблюдаются и некоторые разногласия. В письме сказано, что Турум, «задумав переворот, собрал большие силы» (фрагмент 6), а в Суйшу — что войско для войны против великого хана ему дал Тардуш-хан [36]. Похоже, что Тардуш-хан умолчал о своей роли подстрекателя, на которую его толкнула личная ненависть к великому хану Шаболио [37]. Когда же Або-хан усилился, то Тардуш-хан спохватился, но «в битве перевес оказался на стороне захватчика власти» [38] (фрагмент 7). Тогда, согласно письму, Тардуш-хан обратился за помощью к трем великим каганам, т. е. заключил мир с Шаболио. Об этом мире в Суйшу нет сведений, но косвенные данные подтверждают версию письма. Пока Або-хан сражался с войсками Шаболио и поддерживавшей того китайской экспедиционной армией, его ставку разгромили абары, находившиеся, как было установлено выше, в непосредственном подчинении Тардуш-хана. Вот тут-то, по-видимому, кроется одна из причин разрыва между Тардуш-ханом и Або-ханом: последний посягнул на удел первого [39]. В результате произошла перегруппировка сил, и мятежник оказался в изоляции. Однако это событие имело место осенью 585 г., а окончательный разгром Або-хана — весной 587 г. Что произошло за полтора года, кроме смерти хана Шаболио (начало 587 г.)? Суйшу не дает никаких сведений, а в письме только приводятся «имена трех великих каганов». Мало, но принятый нами аспект исследования дает возможность восстановить ход событий даже по столь скудным данным. Сделаем только одно предположение, что это место источника, подобно всем прочим, не буквальный перевод текста, а приблизительный пересказ, сделанный не очень опытным

[34] Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии. Тбилиси, 1946, стр. 101—102; о взаимозаменяемости терминов «колхи» и «лазы» см. там же. По поводу сближения Хаусигом терминов «колх» и «Халха» и отождествления «колхов», упоминаемых в письме, с жужанями см. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 138, прим. 24.

[35] ВВ, XX, 1961, стр. 88.

[36] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 238.

[37] St. Julien. Documents sur les Tou-kiue. «Journal Asiatique», 6-me série, 1864, № 3, p. 359.

[38] О военных действиях между Або-ханом и Тардуш-ханом китайцы не имели сведений. Очевидно, в этот напряженнейший момент войны китайская военная разведка была обнаружена тюркютами и, за исключением Чжан-сунь Шэна, уничтожена.

[39] Его (Або-хана) владения в момент наибольшей удачи простирались от Хангая «на запад за Золотые горы» (Алтай) (Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 279).

переводчиком. Собственно говоря, это даже не предположение, а вывод из всего проделанного анализа, являющийся ныне посылкой для дальнейшей интерпретации текста письма. А если так, то фраза: «их имена следующие» — вставка переводчика, а за ней следуют не «имена», а слова.

Первое имя, Спарзебгун, легко понять как почетный титул «Išbara jabgu» [40], т. е. «могучий», «свирепый [41] джабгу» [42], или «князь-джабгу».

Этот титул в 585—587 гг. носил младший брат хана Шаболио—Чулохоу, тот самый, который разгромил Або-хана. Исходя из реального положения, мы можем истолковать и два остальных слова: кунаксолан тульдих — qunaq qa sol/d/an toldy. . .

Тюркская фраза буквально переводится: «в гости (по приглашению) с левой стороны (с востока) наполнил. . . (наступил, наполнил войсками). . .» (фрагмент 9) [43]. Согласно версии Суйшу, так оно и было.

Предлагаемое здесь понимание текста не исключает наличия в каганате трех ханов, кроме автора письма, выступивших против мятежника. Это второстепенные ханы, и китайцы отмечают иерархическую градацию, прибавляя к их титулам свой титул «хоу» — князь второго ранга. Эта прибавка, по-видимому, не была ни транслитерацией, ни переводом тюркского термина, а указывала исключительно на фактическую сторону дела.

Итак, мы вносим еще одно уточнение в канву событий. Хотя на сторону Тардуш-хана в гражданской войне встали три хана: безымянный «багадур-хоу», впоследствии (в 630—631 гг.) Сибир-хан, удельный князь западных владений, заменивший там Туркcанфа, примкнувшего к мятежникам, сын Шаболио, Юнюйлюй, унаследовавший ставку отца, но не престол [44], и Чулохоу, «могучий» или «строгий» джабгу [45], только этот последний помог войскам Тардуш-хана разгромить узурпатора, Або-хана [46] (фрагмент 10). Одержанная победа позволила Тардуш-хану возвратить свой удел — земли абаров в южной Джунгарии (фрагмент 11).

Дальше в пересказе Симокатты ощутима значительная хронологическая купюра. Последнее сведение — мир и договор с жителями Табгаста (фрагмент 12) датируется 593 г. Значит, выпало описание шести лет.

---

[40] В греческой передаче тюркских имен выпадает начальное i (ср. Истеми-каган—Стембикаган, а у Никифора Каллиста — Στεμειτσχαγαν; E. C h a v a n n e s. Op. cit., p. 246, n. 2); звук j передается через ξ, š (ш) заменяется s (с).

[41] Слово Išbara//Iṣvara часто встречается в орхонских надписях как составная часть титула, эпитет. Значение его трактуется по-разному: G. C l a u s o n (личное сообщение) возводит его к санскритскому īśvara(s) lords, princes, а Д. М. Позднеев к уйгурскому «исбар» — «свирепый», «строгий», «злой» («Исторический очерк уйгуров». СПб., 1899, стр. 144).

[42] Джабгу — жекающее произношение титула ябгу, характерное для карлукского диалекта.

[43] Значит, письмо было написано по-тюркски, но почему перевод такого плохого качества? Менандр сообщает, что «турки давно жили в Византии, быв в разное время посланы туда от своего народа. . . всех скифов, из племени так называемых турков, собралось до ста шести человек. Валентин (576 г.) вышел из столицы, со всеми этими турками» (М е н а н д р. Указ. соч., стр. 416—417). Следовательно, члены разных посольств покинули Византию из-за начала тюркюто-византийской войны. Надо думать, что некоторые любознательные греки за время общения с тюркютами ознакомились с их языком, разумеется, разговорным, и они-то смогли кое-как сделать перевод письма кагана 20 лет спустя, когда язык был ими полузабыт из-за отсутствия практики. Это только догадка, но она объясняет особенности сохраненного Феофилактом Симокаттой текста и наличие устарелых данных в пояснениях, касающихся Срединной Азии и Китая.

[44] Л. Н. Г у м и л е в. Удельно-лествичная система. . ., стр. 16—17.

[45] Чуло—тюрко-монгольское слово, означающее каменистую пустыню. Значит, удел этого хана располагался неподалеку от Гоби; Джабгу-каган (кит. Шеху-кэхань) — один из его титулов.

[46] Еще одно уточнение: Або-хан был разбит и взят в плен войсками и восточного и западного ханов вместе, а не одного из них. См. ВВ, XX, 1961, стр. 81—82.

Жаль, но дело не безнадежно: метод интерполяции может пролить свет на период, слабо освещенный источниками.

С. П. Толстов для решения этой проблемы привлек персидские источники: трагичный эпизод с Абруем, которого он сопоставил с Або-ханом, и гибель от стрелы Бахрама Чубина «хана турок Китая» Савэ-шаха, отождествленного им с Чулохоу» [47]. Главным затруднением для принятия концепции С. П. Толстова является то, что если принять первое отождествление, согласно которому Абруя // Або-хана погубили тюркюты, жившие в Семиречье [48], то исключается второе; и наоборот, если признать, что под Гератом в августе 589 г.[49] был убит хан восточных тюркютов Чулохоу, — то отпадает первое [50]. Попытки передатировать Абруя и изобразить его эфталитским вождем не дали результатов [51], а дата гибели Чулохоу — зима 587/88 г. [52] — исключает соблазнительное отождествление его с Савэ-шахом. Если следовать источникам без критики, то получится, что на протяжении двух лет два тюркютских хана погибли «от раны стрелой», что вызывает сомнение.

С другой стороны, текст письма, по которому мятеж Або-хана восточные и западные тюркюты подавили в 587 г. совместно, как будто противоречит тому несомненному факту, что война их между собою затянулась до 593 г. Оба сомнения поодиночке неразрешимы, но при сопоставлении двух вопросов можно получить один ответ, способный устранить недоумение. И снова ключом будет текст Симокатты — на этот раз не сведения, а умолчание.

Начнем с известного. Чулохоу ходил походом на запад дважды: весной 587 г., для расправы с Або-ханом, и полгода спустя, когда был убит сам. Против кого был второй поход, Суйшу не указывает. Война тюркютов с Персией еще не началась. Значит, остается только один возможный противник — Тардуш-хан. Если принять это предположение, то становится понятно, почему война между восточными и западными тюркютами затянулась до 593 г. Видимо, летом или осенью союз, заключенный против мятежника, распался, война возобновилась, и восточный хан погиб в походе.

Но почему указывается, что он был застрелен? Ведь застрелен Бахрамом Чубином был другой хан, сын которого был вынужден капитулировать и только после переговоров в Ктезифоне освобожден шахом Хормиздом [53].

---

[47] С. П. Толстов. Тирания Абруя. «Исторические записки», 1938, № 3, стр. 3—39.

[48] Мухаммед Наршахи. История Бухары, пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 12—13.

[49] Л. Н. Гумилев. Бахрам Чубин. «Проблемы востоковедения», № 3, 1960, стр. 229—230; его же. Война 589 г. и Гератская битва. «Известия АН ТаджССР», 2 (23), 1960, стр. 67—68. Здесь в текст статьи вкралась опечатка: начало войны на одиннадцатом году царствования Хормизда, т. е. после 30 июня 589 г. (надо 588 г.). Война началась 5 мая и, следовательно, в 589 г., а битва с «турками Китая» была в августе, т. е. на двенадцатом году Хормизда. См. точный перевод Фирдоуси: Л. Н. Гумилев. Подвиг Бахрама Чубины. Л., 1962, стр. 16.

[50] ВВ, XX, 1961, стр. 85—87.

[51] Там же, стр. 75—76.

[52] В декабре 587 г. или январе 588 г. (см. Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 239).

[53] В данной связи следует вернуться к персидским и арабским источникам по этому периоду. Динавери сообщает, что царевич добровольно поехал к шаху для переговоров (А. Э. Шмидт. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. «УЗ Ин-та востоковедения», т. XVI, 1958, стр. 480—481). Этот царевич у Динавери назван ايل (йаль)-тегин, а не ايل (иль)тегин. Слово «йаль» имеет второе значение: «освобожденный», что подтверждает идентичность Нили-хана (Суйшу), Пармуды (Фирдоуси, Балями) и Яль-тегина (Динавери) (см. ВВ, XX, 1961, стр. 87). Был ли он взят в плен при штурме крепости Аваза или капитулировал, дела не меняет. Хормизд его освободил, и это отразилось у Динавери в написании его имени.

Сын Чулохоу Жангар [54] жил далеко на востоке, в Халхе, и в плен к персам не попадал. Тут приходит на помощь уже проделанный анализ — не все верно в китайских сведениях! Слух о гибели тюркского хана далеко на западе от раны стрелой ассоциировался у информатора или историка со смертью известного китайцам хана. Два сведения, наложенных друг на друга, превратились в одно, и только генеалогия ханов династии Ашина дала возможность выявить ошибку источника. Не обязательно, что Чулохоу был убит стрелой, а если даже так, то не стрелой Бахрама Чубина. Верно лишь, что зимою 587/88 г. он погиб в войне с Тардуш-ханом, которой, очевидно, предшествовал конфликт, о котором мы ничего не знаем.

Теперь понятно, почему этот эпизод в письме опущен. Письмо писалось не позднее 598 г., а скорее — в 596 г. [55], когда западные и восточные тюркюты заключили между собой мир и дорожили им. В такое время хвалиться убийством законного великого хана было бы слишком бестактно. Это могло вызвать политические осложнения в отношениях с восточным ханом Юнюйлюем, племянником погибшего. Юнюйлюй Дулань-хан был по иерархии выше Тардуш-хана и, без всякого сомнения, наблюдал за его дипломатической перепиской. Исходя из этих обстоятельств, следует считать, что хронологический пробел — вина не Симокатты или его переводчика, а составителя письма, тюркского грамотея в ставке Тардуш-хана.

Предложенное нами объяснение смерти Чулохоу осталось бы гипотезой, если бы не последующий ход событий, который объясним только с этой точки зрения. Причины распадения тюркютского каганата на восточный и западный до сих пор не выявлены не случайно. Не было никаких экономических, политических, идеологических и социальных причин, которые бы стимулировали вражду между двумя разделами одного племени в то время, когда единство обеспечивало им господствующее положение и процветание. А между тем вражда, и чрезвычайно жестокая, разорвала каганат на две части. Возникла она в начале VII в. при следующих обстоятельствах.

Главной опасностью для каганата была растущая мощь Суйского Китая. Это понимали Великий хан Юнюйлюй, казнивший за связь с китайцами своего родного брата [56], Тардуш-хан и его внук Нили-хан, поддерживавшие китайских политических эмигрантов, и большинство беков и многие рядовые воины. Исключение составлял сын Чулохоу— Жангар Толис-хан, т. е. правитель восточного крыла державы. Среди ханов он был одинок, но среди воинов у него было много сторонников.

Это не были подданные, связанные верностью князю. Удел Толис-хана охватывал земли киданей и татабов, но вокруг сына погибшего хана собрались именно тюркюты, и напрашивается мысль, что это были родственники сподвижников Чулохоу, убитые вместе с ним. Для VII в. кровная месть — то же, что для XVI в. война за веру, а для XIX в. борьба за прибыли. Сторонники Толис-хана оказались более падкими на китайские подарки, чем прочие тюркюты, потому что ненависть их к западному хану не ослабевала, так же как и у их князя. Эти чувства китайцы подогрели щедрыми дарами и создали прокитайскую партию внутри каганата.

---

[54] У Бичурина (указ. соч., т. I, стр. 241) Жаньгань//Жангар ошибочно назван сыном Шаболио. См. E. Chavannes. Op. cit., p. 49.

[55] B. Grafenauer. Nekai vprašanj iz dobe naseljevania juznih Slovanov. «Zgodovinski časopis», t. IV. Ljubljana, 1950, p. 63—64.

[56] Liu Man-tsai. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (Tu-küe). Wiesbaden, 1958, S. 56, 530.

Война вспыхнула в 598 г., и ставка Толис-хана была разгромлена. Сам он еле ускакал с пятью всадниками. Тюркюты наступали, но сторонники Толис-хана были в их рядах, и в 600 г. великий хан Юнюйлюй был зарезан тайным убийцей в своем шатре. На его престол воссел Тардуш-хан, но народ восточной половины каганата не пошел за ним. Восстали телесские племена и даже абары, прельщенные китайским золотом и шелком; изменили и покорились Китаю татабы, а восточные тюркюты разбежались и покинули хана в беде [57].

Хан остался с верной дружиной, приведенной с запада. Пробиться в родные кочевья было невозможно, и он отступил в Тогон, но там стал жертвой тибетцев, истребивших его истомленный отряд в 604 г. [58] Теперь на западе заплакали вдовы и сироты, справедливо обвиняя восточных сородичей в предательстве. После этого мир между западными и восточными тюркютами стал немыслим, и это было подлинным разделением каганата.

Вот чем обогатило науку письмо кагана, спасенное от забвения Феофилактом Симокаттой.

---

[57] Liu Man-tsai. Op. cit., S. 555, 108, 538.

[58] Так я понимаю сообщение Ладакской хроники о покорении тибетским царем Намри «труку», т. е. тюрков, незадолго до 607 г. (цит. по кн.: В. А. Богословский. Очерк истории тибетского народа. М., 1962, стр. 34—35). До 607 г. тюркютам и тибетцам больше негде было встретиться. До сих пор о смерти Тардуш-хана сведений не было и считалось, что он пропал без вести.

А. П. КАЖДАН

ГРИГОРИЙ АНТИОХ

Жизнь и творчество одного чиновника

Светлой памяти Н. И. Новосадского

До недавнего времени имя византийского писателя XII в. Григория Антиоха было почти совершенно неизвестным, его сочинения оставались неизданными или неточно атрибуированными: К. Крумбахер упоминает лишь одно опубликованное сочинение Григория Антиоха, адресованное, по мнению издателя, С. Ламброса, Михаилу Хониату — в действительности же Николаю Айофеодориту; впрочем, Крумбахер знал также о существовании рукописных сборников, содержащих речи и письма нашего автора [1].

Постепенно, однако, сведения об этом писателе расширялись. В 1917 г. В. Регель опубликовал речь Антиоха, обращенную к Исааку II Ангелу [2]. В 1940 г. Ф. Дэльгер и М. Бахман издали другую речь Антиоха — к Константину Ангелу, брату Исаака II, снабдив ее филологическим и реальным комментарием [3]. Прошло еще 20 лет, и П. Вирт установил, что Антиоху принадлежат две изданные Регелем речи, считавшиеся до тех пор анонимными [4]. Наконец, совсем недавно Ж. Даррузе составил список сочинений Антиоха, насчитывающий 35 номеров, попытался наметить основные линии жизненного пути этого писателя и издал еще три его произведения [5].

Задолго до Дэльгера, Бахмана, Вирта и Даррузе над сочинениями Антиоха работал известный русский эллинист Н. И. Новосадский, списавший из Эскуриальской рукописи Y II 10 (далее *Э*) ряд речей и писем, которые он предполагал, по-видимому, издать вместе с Регелем в одном из очередных выпусков «Fontes rerum byzantinarum». Но Регель умер, обстоятельства изменились, и переписанные Новосадским сочинения

---

[1] K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 472, 475. Ср. краткую заметку: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 292.

[2] W. Regel. Fontes rerum byzantinarum. Petropoli, 1892—1917, f. 2, p. 300—304.

[3] M. Bachmann, F. Dölger. Die Rede des μεγας δρουγγάριος Gregorios Antiochos auf den Sebastokrator Konstantinos Angelos. BZ, 40, 1940, S. 353—405.

[4] P. Wirth. Untersuchungen zur byzantinischen Rhetorik des XII. Jahrhunderts. München, 1960, S. 10—12. Ср. ibid., S. 22 f.

[5] J. Darrouzès. Notice sur Grégoire Antiochos. REB, 20, 1962; idem. Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173. BS, 23—24, 1962—1963. Ср. рецензии: P. Wirth. BZ, 56, 1963, 105—108, 339 f.

Антиоха оставались мертвым грузом в домашнем архиве, покуда вдова Новосадского не передала в сектор византиноведения Института истории АН СССР три общие тетради, содержащие 14 сочинений Антиоха, в том числе 11 неопубликованных, а именно:

1) Письмо игумену монастыря на острове Антигона (по Даррузе — № 6);

2) Утешительное слово к логофету [Михаилу] Айофеодориту (№ 7);

3) Монодию на смерть сына протосеваста [Алексея Комнина] (№ 8);

4) Слово к патриарху Василию Каматиру (№ 9);

5) Эпитафию Николаю Катафлорону (№ 10);

6) Письмо [начальнику] (№ 13) (см. Приложение III);

7) Утешительное слово к царскому грамматику Константину Апибифиуму (№ 14);

8—9) Два слова к великому друнгарию Андронику Каматиру (№ 15—16);

10) [Письмо без заглавия патриарху] (№ 17);

11) I письмо митрополиту Новых Патр Евфимию Малаки (№ 19).

Рукопись завершалась первыми строками II письма Евфимию Малаки (№ 20). Остальные тетради, по-видимому, потеряны.

Список Новосадского был положен в основу моего исследования. Вместе с тем я привлек и другие сочинения Антиоха, содержащиеся в *Э*; ее микрофильм был получен Государственной библиотекой им. В. И. Ленина из парижского Института истории и разыскания текстов благодаря любезности проф. М. Ришара. К сожалению, пятна на отдельных листах рукописи местами оказались на микрофильме препятствием, которое далеко не всегда удавалось преодолеть.

Ниже все ссылки на неизданные сочинения Антиоха даются по *Э*.

Дата рождения Григория Антиоха неизвестна. Во всяком случае к концу 50-х годов он уже был сложившимся человеком. В 1160 г. он выступил с эпитафией Николаю Катафлорону, а несколько раньше — с речью к патриарху Луке Хрисовергу (1157—1169/70), где Антиох говорил о своем пробуждении от глубокого сна, когда его светильник красноречия находился под спудом, о своем вступлении в ряды составителей речей (л. 496). Возможно, что этой речью началась (или возобновилась?) ораторская деятельность Антиоха. Поскольку основное содержание речи — рассказ о том, как император взял Луку из монастыря Источника, подобно дочери фараона, извлекшей Моисея из реки (Исх., 2.5—9), и поставил его во главе сиротствовавшей церкви: [εἰς] πατέρα τοῖς ἐκκλησίας τέκνοις ἀπωρφανισμένοις (л. 498об.); поскольку, далее, Лука выступает в речи как торжественно облаченный жених церкви (л. 503), можно думать, что Антиох писал свое слово довольно скоро после поставления Луки патриархом.

Впрочем, речь эта не могла быть произнесена непосредственно вслед за поставлением Луки патриархом, потому что Антиох упоминает в ней о достигнутом примирении враждующих членов церковного тела: τὰ στασιάζοντα τοῦ τῆς ἐκκλησίας σώματος μέλη (л. 502), т. е. после завершения II собора против Сотириха в 1157 г., где уже участвовал новый патриарх. А так как автор прославляет разгром варваров, которые оплакивают собственную гибель (л. 496), наиболее вероятной датой следует признать 1159 г., принесший византийцам ряд побед на Востоке.

Итак, первое датируемое произведение Антиоха ориентировочно можно отнести к 1159 г.

Антиох был родом из Константинополя: я здесь не чужой (ὀθνεῖος), говорил он о себе Василию Каматиру, не пришедший откуда-то извне (ἔξωθέν ποθεν ἔπηλυς), но местный (αὐθιγενής) и кровный (γνήσιος) (л. 251).

Даррузе высказывает предположение, что наш Антиох находился в родстве с царствующим домом Комнинов [6]. Ход рассуждений исследователя таков: стихотворение Продрома, сохраненное в Венецианской рукописи (Marc., XI, 22), оплакивает некоего Антиоха, который умер, оставив сына Стефана и дочь, вышедшую замуж за Константия, сына севаста Исаака, принадлежащего к роду Комнинов. Константий же, согласно Даррузе, не кто иной, как Константин, третий сын севастократора Исаака, адресат Феофилакта Болгарского. А так как в неизданной печати XII в. упомянут Григорий, по материнской линии Антиох, то Даррузе допускает, что матерью оратора была дочь Стефана Антиоха и соответственно племянница Константина Комнина.

Легко видеть, что аргументация Даррузе строится на серии недостаточно строгих отождествлений. К тому же она приводит к трудно преодолимым противоречиям. Стихотворения из Marc., XI, 22 — независимо от того, будем ли мы считать их автором Продрома или Псевдо-Продрома,— относятся к середине XII в., т. е. ко времени, когда Григорий Антиох *уже начал выступать с речами. Но у оплаканного «Продромом» Антиоха* (предполагаемого прадеда оратора) еще не было не только правнуков, но и внуков — во всяком случае поэт молчит об этом. Стефан Антиох скорее сверстник, чем дед Григория, и его сестра вряд ли могла быть женой Константина Комнина, дуки болгарской фемы Веррия на рубеже XI—XII вв. К тому же ее супруг назван у «Продрома» Константием, а не Константином, его отец — севастом, а не севастократором. Титул севастократора принадлежал при Алексее I старшему брату императора, и, следовательно, Константин был племянником василевса — трудно думать, что о таком родстве Григорий ни разу не упомянул бы.

Он же, напротив, всячески подчеркивает скромность своего происхождения. Он называет себя бедняком, с детских лет испытавшим превратности судьбы [7], простым обывателем, человеком низкого положения [8]. Он принадлежит к мелким торговцам (μικρεμπόροις), плавающим по жизненному морю, а не к важным крупным купцам (σεμνοί τε καὶ μεγαλέμποροι) (л. 251). Обращаясь к Димитрию Торнику, он подчеркивал коренное различие между ними: Торника отличает высокое рождение (γένεσις αἰθέριος), и Григорий далек от него, как просяное зернышко от небесного свода (л. 396). Вряд ли подобные слова могли принадлежать близкому родственнику императорской фамилии.

Мы не знаем, находился ли Григорий в родстве со Стефаном Антиохом или с другим Антиохом, который был современником и личным врагом Феофилакта Болгарского [9]. Лишь из сочинений самого Григория мы можем извлечь кое-какие сведения о его родственниках.

Отец Антиоха был человеком состоятельным, коль скоро он смог получить запустевшую церковь, превращенную в склад ячменя и других припасов, и создать на ее месте женский монастырек, где обитало 12 монахинь. Он собирался также построить дома, на арендную плату с которых монахини могли бы существовать после его смерти [10]. Сестра отца была монахиней в каком-то монастыре, подчиненном хартофилаку: если верить Антиоху, старуха была ложно обвинена и подвергнута строгой эпи-

[6] J. Darrouzès. Notices. . ., p. 76 sq.
[7] M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 385. 1—3; 386. 9.
[8] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 187. 20—26.
[9] См. о нем Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 137.
[10] J. Darrouzès. Notice. . ., p. 87—89. Еще до Даррузе на этот текст обратил внимание Вирт, который, впрочем, считал ктитором Григория, а не его отца (P. Wirth. Miszellen zu den Patriarchaten von Konstantinopel und Jerusalem. JÖBG, 9, 1960, S. 47 f.).

тимье хартофилаком, и писатель просил освободить ее от наказания перед наступающей пасхой (см. Приложение I). Трудно предполагать, что хартофилак обошелся так круто и своевольно с близкой родственницей Комнинов.

Высшее образование Антиох получил в Константинополе под руководством Николая Катафлорона, умершего в 1160 г. Из эпитафии Катафлорону, составленной Антиохом, мы узнаем, что покойный посвятил свой талант истолкованию посланий апостола Павла, затем стал «вселенским учителем евангелия» и, наконец, магистром риторов [11]. Он получил эту должность из рук императора, который ввел его также в синклит. Вместе с тем Катафлорон был духовным лицом (τοῖς ἱερᾶσθαι λαχοῦσιν ἀποκεκλήρωται) (л. 268), и ожидали, что он будет поставлен епископом (χρισθῆναι τῷ ἐλαίῳ τῆς χρίσεως) (л. 269об.). Замечу, что подобное назначение обычно следовало за карьерой магистра риторов, — но Катафлорон умер, так и не увидев церкви, куда был определен пастырем (л. 270).

Антиох прямо называет Катафлорона своим учителем (л. 266); по его словам, все окружали Катафлорона, словно юные, неоперившиеся птенцы, и, раскрыв рот, внимали ему (л. 267об).

По-видимому, Антиох продолжал занятия в школе риторов и после 1160 г. Он называет себя учеником (φοιτητής) ипертима афинского, т. е. Николая Айофеодорита (л. 403об.). Николай — известное лицо. Он умер в 1175 г., и ему было посвящено несколько эпитафий, составленных виднейшими ораторами, в том числе Евстафием Солунским (надгробное слово Евстафия содержится в *Э*, но пока еще не издано). По словам Псевдо-Евфимия Торника, Николай, прежде чем стать епископом, занимал «софистическое кресло» [12], т. е. пост магистра риторов. Так как он получил епископат между 1157 и 1166 гг. (как можно судить по подписям на протоколах церковных соборов), естественно видеть в нем преемника Катафлорона в руководстве школы риторов.

Евстафий Солунский, племянник (?) Катафлорона, также был учителем Антиоха, который в одном из писем вспоминал о наставлениях Евстафия, сделавшего его, Антиоха, человеком из праха [13]. Хронология жизненного пути Евстафия еще недостаточно выяснена; возможно, что он стал магистром риторов в конце 60-х годов XII в. [14]

Пребывание Григория в школе риторов сблизило его с тем же кругом лиц, к которому принадлежал и Евстафий. Николай Катафлорон и Николай Айофеодорит были учителями Антиоха. Евстафий переписывался с Антиохом и щедро расточал похвалы ораторскому искусству своего ученика [15]. Ближайший друг Евстафия Евфимий Малаки также обменивался письмами с Антиохом: два письма Антиоха Евфимию сохранились в *Э*. И вместе с тем в отношении Григория к Евстафию и его близким чувствуется какая-то ущербность, ощущение собственной неполноценности, обида на судьбу. «Ты живешь на небесах, — обращается он к Евстафию, — тогда как я пресмыкаюсь на земле» (л. 402). Эти жалобы связаны, по-видимому, с тем, что Антиох оставил научные занятия, рассчитывая сде-

[11] Этот фрагмент издан: P. W i r t h. Zu Nikolaos Kataphloros. «Classica et mediaevalia», 31, 1960, S. 213.

[12] А. И. П а п а д о п у л о - К е р а м е в с. Noctes Petropolitanae. СПб., 1913, стр. 160. 4—5. Николай отсутствует в списке магистров риторов, составленном Р. Браунингом (R. B r o w n i n g. The Patriarchal School at Constantinople in the XIIth Century. Byz., XXXII—XXXIII, 1962—1963).

[13] J. D a r r o u z è s. Deux lettres. . . [II], p. 71. 302—304.

[14] А. П. К а ж д а н. Рец. на: E u s t a z i o d i T e s s a l o n i c a. La espugnazione di Tessalonica. BB, XXIV, 1964, стр. 256.

[15] E u s t a t h i i T h e s s a l o n i c e n s i s Opuscula. Francofurti a. M., 1832, p. 325. 71—81; 327. 17, 57—58, 74; 328. 45—46.

лать административную карьеру, но его ожидания, если и сбылись, то далеко не сразу. Он сам, обращаясь к Андронику Каматиру, повествует о перемене в своей жизни. Он жил в сладком саду (τὸ γλυκὺ κηπίον), изобилующем деревьями познания, без которых человек впадает в невежество и тупость (εἰς ἀγνωστίαν καὶ ἀγροικίαν). Его наставник заповедовал Григорию пользоваться всеми плодами этого рая, впитывать всякие знания, всякую мудрость. Но ему не следовало касаться деревьев, растущих за оградой, дабы не впитать вместе с плодами смертоносный яд (μὴ καὶ θάνατον συγκατασπάσαιμι τῷ λαιμῷ). Пребывание вне сада, по словам Антиоха, это рабская служба и несвободная жизнь (ἡ ἀνδραποδώδης θητεία καὶ ἀνελεύθερος βιοτή) (л. 380 об.).

И все же Антиох покинул сад милых книг и обучения; у него не стало времени даже заглянуть туда; он смотрел издали на блага, которыми прежде наслаждался (л. 381).

О служебной карьере Григория Антиоха мы располагаем очень скудными данными. В 1181 г. в речи на смерть Мануила I оратор назвал себя рабом (δοῦλος) императора и императорским секретарем (γραμματεύς) [16]. С юности, сообщает Антиох в более позднем сочинении, он проводил жизнь в трудах на должности императорского секретаря, занимаясь делами тайными и сокровенными [17]. С юных лет (ἐξ ἔτι νεάζοντος) он был царским человеком (βασιλικός), одним из многочисленных слуг во дворце (л. 258 об.). «Мы слуги в царском доме (τοὺς ἐν τῇ οἰκίᾳ βασιλικῇ θεραπευτικούς)», — говорил он о себе (л. 386).

Из императорской канцелярии он перешел в судебное ведомство. Евстафий Солунский обращается к нему как к судье вила [18].

В поздних сочинениях Антиох вспоминал обычно именно о своей деятельности на судебном поприще. Он ведал судом и правосудием (περὶ κρίσεως καὶ δίκης) (л. 452 об.), оставаясь неподкупным судьей (ἀνάλωτον δικαστήν) (л. 453), — так он уверяет в слове в честь Иоанна Крестителя, написанном уже после 1186 г. Примерно в то же время было написано слово к Константину Ангелу; и там Антиох обращается памятью к далеким временам, когда могучий государь — по-видимому, Мануил I — переводил его от чина к чину, от низкого положения к высокому, от сидящих на последних скамьях к восседающим впереди [19]. Перед его мысленным взором встают два белых шнура, служивших ему отличием [20]. И уж, конечно, собственная справедливость восхищает Антиоха-судью [21]. «У меня не было ни желания, ни умения, — говорит он в этой речи, — обогащаться ценой насилия и душить тех, кто приходил ко мне» [22].

Впрочем, столь идиллическая картина вырисовывается только в поздних воспоминаниях — сочинения же, возникшие в царствование Мануила I (1143—1180), полны жалобами на трудности и тяготы службы.

Риторическое описание этих лет жизни мы находим в I слове к Андронику Каматиру. После того как Антиох покинул «сладкий сад», он проводил дни и ночи в трудах (κόποις καὶ μόχθοις ἡμέρας ἐκκείμενος καὶ νυκτός);

---

[16] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 193. 20; 205. 3. Ср. еще p. 214. 4—5. Даррузе ошибается, утверждая, что в этой речи Антиох не называет себя секретарем императора (J. Darrouzès. Notice. . ., p. 64, n. 10). Отождествление Григория Антиоха с императорским грамматиком Григорием, осмеянным Иоанном Цецом (M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 360, A. 2. Ср. S. Pétridès. Deux canons inédits de Georges Skylitzès. BB, X, 1903, стр. 464), проблематично.

[17] M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 386. 9—10.

[18] Eustathii Opuscula, p. 324.

[19] M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 393.10—13.

[20] Ibid., S. 393. 15—16.

[21] Ibid., S. 396. 1—4.

[22] Ibid., S. 395. 11—12.

на его пути встречались шипы и колючки (л. 381). Он был небогат, вел жизнь незаметную, не требующую больших трат (οὐδὲ φιλαναλῶτιν), удовлетворяясь необходимым. Но его потянуло к лучшему положению (εἰς βίον ἐπὶ μέσον σοβεῖν φιλοῦντα καὶ θεατρικώτερον μετεσκεύασμαι). И тут-то, нуждаясь в средствах, соответствующих его новому образу жизни (τῷ νῦν αἱρεθέντι βίῳ), Антиох почувствовал себя бедняком. Я не скор на взятки (τὸ τῆς χειρὸς περὶ τὸν λημματισμὸν ὀκνηρόν), заявляет он Андронику Каматиру, нет у меня умения обогащаться (οὐδεμία γοῦν μοι πρὸς τὸ χρηματίσασθαι λυσιτέλεια) — и потому я остаюсь бедняком (γυμνός) и должен стыдиться своей нищеты (л. 381 об.).

Жалобы на бедность Антиох повторяет на все лады. Его дети садятся за простую и неизысканную трапезу (л. 386 об.). Он не может обеспечить отцу достойную старость (л. 381 об.). Он не создал себе садов, не насадил виноградников, ни выкопал бассейнов для воды (л. 380).

К тому же скоро произошел поворот к худшему. В уже цитированном слове к Андронику Каматиру Антиох жалуется на изменчивую судьбу, на сослуживцев (τῶν ὁμοδούλων), которые жадно смотрят на ничтожные крохи (λεπτὰ σπέρματα) в руках Иосифа (т. е. самого Антиоха), собранные им, горемычным, по зернышку (κατὰ κόκκον). Ныне же (τανῦν) они захватывают это добро, запихивают его в свое ненасытное горло (εἰς τὸν μαργῶντα λαιμόν) (л. 379). Антиоху грозят тяжкие беды (л. 380), над ним нависает грозное наказание (βαρύ μοι τὸ ἐπικρεμαμένον ἐπιτίμιον) (л. 379 об.).

Как видно из цитированного только что слова, Антиох находился в ту пору в подчинении Андроника Каматира. «Ты ради любви ко мне, рабу (δοῦλον), сошел с твоих небес», — обращается он к Андронику (л. 382). «Меня, принадлежавшего к рабам (εἰς δούλων μοῖραν), ничтожным и низким (ταπεινὴν καὶ χαμαίζηλον), ты — о диво! — вознес на возлюбленную высоту», — говорит он в другом месте (л. 379).

Севаст Андроник Каматир — известная личность. В лемме речи Антиоха он назван великим друнгарием. Этот пост он занял между 1161 и 1166 гг. Таким образом, I слово к Андронику Каматиру не могло появиться ранее 1161 г. К сожалению, мы не знаем, до какого времени Андроник сохранял эту должность: во всяком случае он назван великим друнгарием еще в скрепе на простагме 1176 г. [23]

Можно предполагать, однако, что I слово было написано в начале служебной карьеры Антиоха: он еще молодой чиновник, и ему хочется заверить начальника в том, что он обладает достаточным знанием предмета (ἀποχρῶσαν ἀθροίσας γνῶσιν πραγμάτων) (л. 380 об.). Упоминание об отце Антиоха также позволяет думать, что речь была написана, когда писатель делал первые шаги по служебной лестнице [24].

В пользу подобной датировки можно привести еще одно соображение. Из других сочинений Антиоха мы знаем, что он тяжело заболел. Болезнь эта не упомянута в I слове (хотя оратор не забыл бы причислить и эту беду к списку своих невзгод), зато во II слове, обращенном к тому же Андронику, Антиох неоднократно жалуется на заболевание. Особенно он страдает от распухших ног (τοὺς πόδας οἰδοῦντας), которые не дают ему двинуться из дому (л. 383 об.).

В упоминании о болезни можно усмотреть намек на время написания обоих слов к Андронику Каматиру. В слове в честь Иоанна Крестителя

---

[23] E. L. Vranousis. Πατμιακά Β'. «Χαριστήριον εἰς Α.'Ορλάνδον», vol. II. Athenai, 1964, p. 89. Об Андронике см. еще С. Шестаков. Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524. ВВ, XXIV, 1923—1926, стр. 50 и сл. Сохранились также два письма Малаки, адресованных великому друнгарию Андронику Каматиру (Euthymios Malakes. Τὰ σωζόμενα. Athenai, 1937, p. 69 sq.).

[24] Ср. J. Darrouzès. Notice. . ., p. 68.

Антиох вспоминает, что он был прикован болезнью к постели (κλινοπετής) еще в молодые годы (ἐξ ἔτι νεάζοντος) и только горячие молитвы и помощь таинственного монаха принесли ему исцеление (л. 430—430 об.). Об этой же болезни Антиох упоминает в речи к Мануилу I: он говорит о себе как о расслабленном, прикованном к постели; его несут на носилках к императору в надежде исцелить [25]. Речь к Мануилу I может быть датирована: она произносилась, скорее всего, в начале 1176 г.

От этой болезни, начавшейся в молодые годы Антиоха, во всяком случае до 1176 г., нужно отличать другое его — подлинное или мнимое? — заболевание: в 1183 г., услышав о поставлении Василия Каматира патриархом, Антиох, по его собственным словам, оставил свой угол (γωνιᾶς) и постель (κλίνης), к которой приковала его болезнь (л. 250 об.). В тех же словах Антиох говорит о своей болезни и в письме игумену монастыря на острове Антигона: «Мы, так сказать, заслужившие постель и угол» (л. 199 об.).

Итак, мы приходим к выводу, что II слово к Андронику относится примерно к 1176 г., а I слово — к более раннему времени, когда Антиох был еще молод.

Во II слове к Андронику упоминается одно событие, сыгравшее, видимо, важную роль в жизни Антиоха. Ритор говорит о нем иносказательно: некто призвал его работником на свой виноградник (εἰς τὸν αὐτοῦ ἀμπελῶνα ἐργάτην) за плату (μισθοῦ); он с радостью (ἄσμενος) трудился, несмотря на тяжесть работы, а когда день кончился, Антиоху пришлось уйти, не получив обещанного динария (ἄμισθος καὶ τὸ συμφωνηθὲν δηνάριον) (л. 384 об.). Эта «распрекрасная служба» (ἡ βελτίστη θητεία) — причина его болезни (л. 384). «Постоянные труды добровольного рабства (ἐθελοδουλίας), — восклицает он в другом месте, — украсили меня морщинами» (л. 383—383 об.). И может быть, чересчур нажимая на педали, Антиох преждевременно жалуется на наступление старости (л. 383).

О своей рабской службе Антиох говорит неоднократно: он вспоминает в речи к Константину Ангелу, что прежде был свободным (τὴν πρώτην ἐλεύθεροι φῦντες), а затем оказался в числе купленых рабов и выполнял ненавистную свободным службу, получая за нее ничтожную оплату (φαυλοτάτης μισθοφορᾶς) [26]; он пишет о своей несвободе близким по школе риторов людям: Николаю Айофеодориту, Евстафию Солунскому, Евфимию Малаки.

Из этих писем следует, что Антиох находится в числе добровольных рабов (ἐθελοδούλους), лишенных самостоятельности (л. 401); что он выполняет свою подневольную службу за плату (ἐπὶ μισθῷ) [27], хотя и ничтожную: ἄχρυσα δὲ γὰρ ἡμῖν τὰ τῆς ἐργασίας παντάπασι καὶ ἀνάργυρα (л. 401 об.); что его служба далека от умственной деятельности и приводит его в «ад тупости» (л. 402); что бесконечные труды истощают его плоть (л. 400 об.); что занятия эти вызывают презрение окружающих [28]; что служба связана с разъездами, с пребыванием вне отечества (л. 399 об., 402 об.), хотя Антиох бывал в это время и в столице (л. 392 об.).

Что представляло собой это «добровольное рабство» Антиоха? Вероятнее всего, после первых неудач на государственной службе он поступил к кому-то из влиятельных частных лиц, так сказать, коммендировался, если пользоваться западной средневековой терминологией. Это был шаг, нарушающий привычные для Антиоха нормы; отсюда обостренный страх

---

[25] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 184. 6—14. Ср. еще p. 185. 12—17; 189. 13—22.
[26] M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 393. 13—394. 2.
[27] Michael Akominatos. Τὰ σωζόμενα, vol. II. Athenai, 1880, p. 401. 3—6.
[28] Ibid., p. 402. 5—12. Ср. p. 407. 8. О том же скорбит он и во II письме Евфимию Малаки (л. 394).

перед «недоброй славой» и стремление оправдаться. Этот шаг ставил его, если не в реальности, то в моральном отношении, на одну ступеньку с рабами и мисфиями: «Я записался, — пишет он Евстафию Солунскому, — в ряды купленых рабов и беглецов от блага» (л. 400).

Но подобное отношение к частной службе было далеко не всеобщим в Византии, особенно при Комнинах, когда стали укрепляться элементы феодальных институтов. Трагедия Антиоха порождалась его субъективным отношением к «коммендации»: человек, выросший в традициях византийской государственности, он считал единственно достойным свободного служением государственную службу и потому столь остро воспринимал необходимость оставить ее.

Среди писем Антиоха, полных жалоб на «добровольное рабство», одно может быть датировано довольно точно — письмо Николаю Айофеодориту, названному в лемме ипертимом афинским. Николай был ипертимом с 1173 по 1175 г. Следовательно, «коммендация» Антиоха приходится примерно на 1174 г. Вслед за тем он заболел — как уже говорилось, он был тяжело болен в начале 1176 г.

Итак, можно предполагать, что около 1160 г. Антиох находился в школе риторов и выступал в ту пору с речами (слово к Луке Хрисовергу, эпитафия Катафлорону); до конца 60-х годов он оставался в школе риторов, затем оставил ученую карьеру и поступил на государственную должность; его беспокойная натура не удовлетворилась и новым местом, он искал довольства на частной службе (около 1174 г.), но тяжелая болезнь (около 1175 г.) заставила его отказаться и от этого места.

Что произошло с Антиохом дальше, неясно. Во всяком случае в начале 1181 г. он выступал в синклите с речью о недавно умершем Мануиле I. «Прежде, — говорил в этой речи Антиох, — и не очень давно (οὐ πολὺ πρότερον) это собрание имело меня в своем составе. . . И вот я снова среди вас (καὶ πάλιν ἐν μέσοις ἐγώ)» [29]. По-видимому, еще при Мануиле Антиох, продвигаясь по служебной лестнице [30], достиг места в синклите; затем он потерял его, а после смерти Мануила вновь приобрел.

Как известно, в первые годы после смерти Мануила I власть в империи находилась в руках протосеваста Алексея. Среди сочинений Антиоха имеется монодия на смерть сына протосеваста, написанная еще до смерти Мануила; однако она настолько риторична, что мы не в состоянии выяснить, сколь близкими были отношения между оратором и племянником всемогущего государя. Можно лишь гадать о том, в какой степени протосеваст Алексей содействовал возвращению Антиоха в синклит.

В 1183 г. патриархом стал Василий Каматир. Сразу же после занятия им патриаршего престола (л. 250 об.) Антиох обратился к нему с речью, сам назвав ее записью в рабство (δουλογραφίαν) (л. 251) [31].

Речь Антиоха знакомит нас с личностью этого преданного соратника Андроника I Комнина [32]. По словам Антиоха, Василий был пловцом в море

---

[29] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 193. 22—194. 3.

[30] Любопытно, что в I слове к Андронику Каматиру Антиох, тогда еще незаметный (судейский?) чиновник, гордится расположением к нему членов синклита: τῶν τε τὴν σύγκλητον πληρούντων βουλήν (л. 380).

[31] Тем же термином Антиох пользуется, характеризуя свою речь к Мануилу I (W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 184. 22).

[32] По словам Евстафия Солунского, Василий Каматир был во всем заодно с Андроником (Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1961, p. 48. 6—11). Никита Хониат сообщает, что Василий даже дал письменное обещание делать все, что угодно Андронику (Nic. Chon., p. 339. 20—25). Некоторые данные о патриархе Василии содержатся в неизданных речах Льва Валианита (см. R. Browning. The Patriarchal School. . . [I], p. 180 f.) и Иоанна Кастамонита (ibid., p. 200).

эллинской мудрости (τὴν ἁλμυρὰν τῆς Ἑλλήνων σοφίας), скрывающем в своей глубине драгоценный жемчуг. Он был ритором среди риторов, радовавшим и слух и душу (л. 251 об.). Покойный император (т. е. Мануил) любил его и поручал ему различные должности (δημόσια λειτουργήματα), так что он поднимался по служебной лестнице от низших ступеней к самым высоким: ἐπὶ τὰ κρείττω καὶ ὑψηλότερα (л. 252).

«Ты сопровождал императора в походе», — говорит Антиох (л. 252 об.), но главное внимание уделяет дипломатической деятельности Василия. Он отправлялся к различным народам, говорящим на иных языках (ἑτεροδιαλέκτοις δὲ καὶ ἀλλογενέσιν) (л. 252), и своей деятельностью приносил великую славу и пользу и всей империи ромеев (τῇ τε κοσμικῇ Ῥωμαίων ἡγεμονίᾳ) и пославшему его императору. Он совершал дальние поездки по чужой земле и сходился в словесных битвах с владыками варваров (βαρβαραρχοῦσι), слушая их и отвечая, возражая и выдвигая неопровержимые аргументы и, наконец, убеждением подчиняя варваров (πειθοῖ καταδημαγωγήσας τὸ βάρβαρον) (л. 252об.).

Подобно апостолу Павлу, рассказывает далее Антиох, Василий прибывает в Рим (περὶ τὴν πρεσβύτιδα Ῥώμην), и этот город принимает его, как Павла Дамаск. Городом управлял этнарх, и Василий силой своего убеждения обратил его «посреди его этнархии» в раба императора и сторонника ромеев. Но, видимо, успехи Василия были не так велики, как хочется ритору, потому что вскоре византийскому дипломату пришлось спасаться хитростью, «перелетая через западню, устроенную охотником». И оратор ставит в особую заслугу послу то, что он унес назад «царское золото» — редкий случай, если иметь в виду сребролюбие и жадность тамошних жителей (л. 253).

В. Лоран издал печать севаста и протонотария Василия Каматира, которого он отождествил с севастом и протонотарием Василием Каматиром, участвовавшим в заседаниях собора в мае 1166 г.[32а] Так как протонотарий — один из высших чинов дипломатической службы, не исключается (хотя и не может быть доказано), что этот протонотарий Василий — не кто иной, как будущий патриарх [33].

По-видимому, на дипломатической службе Василия Каматира ждали неудачи. Антиох вспоминает суровые испытания (σφυδρῷ τινι σάλῳ πειρατηρίου βασανισθείς) и бурю ненависти (αἱ τοῦ φθόνου δριμεῖαι λαίλαπες), после которых Василий нашел тихое пристанище в церкви. Эти испытания длились 14 лет (τὸ τεσσαρεσκαιδεκαετὲς ἅπαν συναπαρτίζει σοι πειρατήριον) (л. 253 об.).

Подобно Христу, рассуждает далее Антиох, Василий умер и потом воскрес; он говорит о возрождении своего героя после незаслуженных невзгод (τῆς ἀδίκου νεκρώσεως ἐξανάστασιν), о несправедливости (ἀδικήματος), затмившей блеск жемчугов Василия (л. 256), о наступлении тяжкой зимы, вслед за которой пришла весна, и голос Василия — голос горлицы — вновь услышали «в этом божественном граде» (л. 257 об.).

Наконец, Антиох переходит к «твоему после 14 лет (μετὰ τετρακτὴν ἐτῶν καὶ δεκάδα) сперва восхищению на третье небо церкви, т. е. прохождению этих высоких ступеней, которые ты занял и украсил, а после — [вступлению] в высший рай вселенской патриархии» (л. 253 — 253 об.). Мудрость не медлила (μὴ δ'ἀποκνήσασα), и ты быстро (θᾶττον) достиг высокой должности (л. 257 об.).

[32а] V. Laurent. Un sceau inédit du protonotaire Basile Kamatéros. Byz., VI, 1931, p. 259.

[33] По мнению Г. Штадтмюллера, аколуф Василий Каматир, принимавший участие в посольстве в Антиохию в 1160—1161 г., — будущий патриарх (G. Stadtmüller. Zur Geschichte der Familie Kamateros. BZ, 34, 1934, S. 354).

Конечно, мысль автора выражена крайне риторично, но все-таки мы можем предположить, что за 14 лет до 1183 г., т. е. примерно в 1169 г., дипломат Василий подвергся монаршей немилости. Связано ли это с участием Василия в византийско-римских переговорах, которые происходили как раз в 1169 г. [34], мы, разумеется, не можем знать.

Антиох сообщает кое-что и о мероприятиях вновь поставленного патриаха. Прежде всего он проводил чистку клира: целью Василия было, говорит Антиох, «да не останется в вертограде (имеется в виду церковь) бесплодной лозы (μὴ μένον ἐν τῇ ἀμπέλῳ κλῆμα καὶ ἄκαρπον)» (л. 255 об.). «Всеобъемлющая храмина церкви (ἡ πανδεχὴς οἰκία τῆς ἐκκλησίας), — читаем мы в другом месте (л. 254 об.), — очищено (σεσάρωται), и выметен из нее скопившийся мусор несправедливости (βαθὺς τῆς ἀδικίας ἀποτετίνακται φορυτός)».

Антиох подчеркивает демократизм Василия: «Ты не закрываешь дверей, не преграждаешь доступ стучащимся. Напротив, ты растворяешь все входы (πᾶσας ἀναζυγοῖς τὰς εἰσαγωγάς)» (л. 254).

По-видимому, церковь должна была распроститься с частью своих богатств. Теперь она не покрывалась чуждыми ей накладными украшениями (ὀθνείοις καὶ περιθέτοις ἔξωθεν κάλλεσιν), которые собирала вчера и позавчера, — ее красота стала природной (л. 255).

Эти сведения дополняют известия Никиты Хониата и Евстафия Солунского о деятельности Андроника I. По всей видимости, перестройка, проведенная узурпатором, коснулась и церкви.

Осуществляя перестройку церкви, Василий собирался привлечь и Григория Антиоха. «Я знаю, что ты хочешь, чтобы я служил богу (ἐθέλεις οἶδα στρατολογεῖν με θεῷ)», — говорит Антиох, но он отказывается стать «священным гоплитом» (τὸν ἱερὸν ὁπλίτην). «Я уже достаточно занят мирскими делами, служа кесарю (στρατευσάμενος καίσαρι); я обременен великими трудами» (л. 258).

Вместо себя Антиох рекомендует сына (л. 258 об.). В письме патриарху он говорит об этом подробнее: его первенец был болен, и врачи уже отреклись от него, но Антиох молил бога, и сын был вырван из власти Аида (л. 385 об.). Теперь отец поручает его небесному царю и полководцу, а также патриарху — духовному военачальнику и великому стратигу божьего воинства. «А так как, — добавляет Антиох, — я не могу выделить ему соответствующий стратиотский опсоний (εἰ μηδὲν αὐτῷ κατάλληλον ἔχω στρατιωτικὸν προσερανίζειν ὀψώνιον), то надеюсь, что общий податель пищи снабдит и его (σιτομετρήσας ἐκποριεῖ)» (л. 386 об.).

Так, пользуясь приходом к власти близкого к нему человека, Антиох торопится получить для сына доходную церковную должность.

Режим Андроника I продержался недолго. Вскоре после расправы с узурпатором наступила очередь патриарха. Исаак II в 1186 г. добился низложения Василия, хотя перед тем и пользовался некоторое время его услугами (Nic. Chon., p. 530. 3—5). По-видимому, судьбу Каматира разделил и прославивший его оратор.

В речи к Константину Ангелу Антиох сообщает об этом в весьма туманных выражениях. Оказывается, император (Исаак II), который для Антиоха — второй (после бога) спаситель, пожелал вновь вернуть оратора к службе [35], однако Антиох, ссылаясь на болезнь и возраст, ответил отказом. «Кто, подобно нам, — восклицает он с нескрываемой обидой, — освобожденный от службы, за свои обильные труды награжденный от-

---

[34] См. P. L a m m a. Comneni e Staufer, vol. II. Roma, 1957, p. 172 sg.
[35] M. B a c h m a n n, F. D ö l g e r. Op. cit., S. 387. 10—11.

ставкой (τὴν ἀστρατείαν λαβών) и уже долгое время находящийся вне строя, затем вновь силком (βίᾳ) был привлечен к оружию?» [36].

Трудно сказать, к какому времени относится отставка Антиоха, но, может быть, его обида была вызвана именно тем, что Исаак II освободил его от должности (ведь если бы Антиох был уволен в отставку при Андронике I, он не преминул бы подчеркнуть это обстоятельство в речи, произнесенной при преемнике и враге последнего Комнина). Как бы то ни было, он жаловался Константину Ангелу на отсутствие средств к существованию и просил высокопоставленного покровителя о помощи.

Вполне вероятно, что Антиох, который при Андронике «служил кесарю», вскоре после переворота Исаака II должен был уйти в отставку. Предположению о близости Антиоха к правительству Андроника не противоречит, разумеется, грубая брань в адрес низложенного императора — «грязного и дряхлого тирана» [37], «Навуходоносора» (л. 453): все эти эпитеты рассчитаны на то, чтобы заслужить внимание победившей династии.

По-видимому, мало-помалу положение Антиоха упрочилось. Косвенное свидетельство этому можно извлечь из письма Антиоха Димитрию Торнику.

Димитрий Торник, как повествует его панегирист, был выходцем из беотийских Фив [38]. Аристократическое происхождение и отличное образование позволили ему достигнуть высоких служебных постов. При Алексее II он был судьей вила, но навлек на себя гнев Андроника и едва избежал смерти (Nic. Chon., p. 344. 14—345.3). По-видимому, свержение Андроника принесло ему должность начальника каниклия: во всяком случае Михаил Хониат в письме начальнику каниклия Димитрию Торнику велеречиво выражает свою радость, вызванную переворотом «человеколюбивого императора» Исаака II [39]. В несколько более позднем письме (от 1185—1186 г.) Михаил Хониат называет Торника уже логофетом [40].

Вслед за тем, однако, Торник навлек на себя немилость императора; Михаил Хониат утешает его в письмах, которые, правда, могут быть датированы лишь по их положению в сборнике (как известно, этот сборник составлен по хронологическому принципу): они относятся ко времени между патриаршеством Леонтия Феотокита (1189 г.) и смертью Евстафия Солунского (1195 г.) [41].

Опала Торника была лишь временной: в 1199 г. мы застаем его на посту логофета дрома [42], но вскоре после этого, около 1200 г., он умер, передав свой пост сыну Константину [43].

Торник поддерживал с Антиохом давние отношения: два письма Антиоха к Торнику, сохраняющиеся в Венецианской рукописи (Marc., XI, 22), содержат, по словам Даррузе, традиционные выражения друже-

---

[36] Ibid., S. 388. 4—6.
[37] Ibid., S. 376. 19—20.
[38] А. И. Пападопуло-Керамевс. Указ. соч., стр. 187. 21.
[39] G. Stadtmüller. Michael Choniates, Metropolit von Athen. Roma, 1934, S. 122 f.
[40] Ibid., S. 124.
[41] Ibid., S. 125 f. Приводимые Г. Штадтмюллером даты патриаршества Леонтия (1190—1191) и смерти Евстафия (после 1 сентября 1193 г.) теперь устарели. См. V. Grumel. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople, f. 3, 1947, p. 180; P. Wirth. Ein neues Terminus ante quem non für das Ableben des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike. BZ, 54, 1961, S. 86 f.
[42] L. Petit. Actes de Chilandar, I. BB, XVII, 1911. Приложение, № 5. 82.
[43] А. И. Пападопуло-Керамевс. Указ. соч., стр. 134. 3—7. Ср. G. Stadtmüller. Michael Choniates. . ., S. 130.

ственных чувств [44]. Совсем иной характер носит третье письмо Антиоха Торнику, включенное в *Э* и представляющее собой ответ на жалобы друга.

Письмо это не имеет внутренних признаков, достаточных для его датировки. Автор лишь упоминает о своем почтенном возрасте (ὁ μακρὸς χρόνος) и жизненном опыте (πεῖρα) (л. 396) — следовательно, мы могли бы отнести послание Антиоха к концу его жизни. Впрочем, поскольку это письмо связано с опалой Торника, мы вправе предположить, что оно было написано одновременно с утешительными посланиями Михаила Хониата, т. е. в начале 90-х годов.

Как разнятся между собой письма Михаила Хониата и ответ Антиоха! Михаил Хониат не просто утешал опального вельможу, подчеркивая, сколь опасна вообще близость к опаляющему солнцу, к громовержцу Зевсу [45], но и заверял, что не только любил Торника, покуда тот был начальником каниклия, севастом, видным царедворцем, но и ныне продолжает восторгаться его мудростью [46]. Антиох же поспешно открещивался от своего впавшего в немилость друга.

Прежде всего он заявлял, что сам скорее, нежели Торник, нуждается в утешении, ибо достигнутая им гавань полна волн и он боится потерпеть кораблекрушение у спасительной пристани (л. 395 об.). Жалобы Торника, оказывается, безжалостны, ибо они еще больше растравляют раны несчастного Антиоха (л. 396)!

Уже в этих словах проскальзывает искусственность отговорок Антиоха: он все-таки достиг «гавани», обладает прочным положением — недаром Торник обратился к нему за сочувствием и поддержкой. Во второй половине письма — еще более лукавый предлог, чтобы отклонить просьбу. Между нами, рассуждает Антиох, существует лишь мнимое единство (ἐν ἡμῖν δὲ χωλεῦον εὕρῃ τὸ ἕν) — да и откуда быть единству, если Торник и происхождением, и образованием неизмеримо превосходит своего корреспондента (л. 396)? За изысканной лестью отчетливо вырисовывается уродливое лицо страха: Антиох боится связать себя с тем, кто опален императорской немилостью, повержен молнией Зевса.

К середине 90-х годов Антиох действительно сумел достигнуть солидного положения: в лаврской грамоте от июня 1196 г. он назван великим друнгарием [47]. Великим друнгарием именуют его и титулы многих его сочинений — при этом не только поздних, как речь к Константину Ангелу или слово в честь Иоанна Предтечи, но и наиболее ранних (эпитафия Катафлорону, слово к патриарху Луке Хрисовергу). Разумеется, около 1160 г., когда создавались эти произведения, Антиох еще не был великим друнгарием; не был он им и когда писал утешительное слово логофету Михаилу Айофеодориту (л. 201) — еще при жизни его брата, митрополита Николая, т. е. до 1175 г. (напомню, что по крайней мере до 1176 г. этот пост занимал Андроник Каматир).

Следовательно, титулы *Э* не принадлежат автору. [Кстати сказать, их позднейшее происхождение обнаруживается также в их неточности, в несоответствии тексту: например, обращенное к Константину Апибифиуму сочинение сам Антиох назвал письмом, γράμμα (л. 377 об., 378 об.), тогда как в титуле стоит «утешительное слово», λόγος παρηγορητικός (л. 377).] Составитель сборника не употреблял названия прежних должностей Антиоха (императорский секретарь или судья вила), но повсюду — даже в титулах его ранних сочинений — именовал его великим друнга-

[44] J. Darrouzès. Notice. . ., p. 75.
[45] Michael Akominatos. Op. cit., II, p. 79. 11—13, 18—20.
[46] Ibid., II, p. 85. 12—17.
[47] P. Lemerle. Notes sur l'administration byzantine à la veille de la IVe croisade d'après deux documents inédits des archives de Laura. REB, 19, 1961, p. 262.

рием. Значит, титулы *Э* не могут определить время, когда Антиох получил пост великого друнгария.

Как бы то ни было, Антиох вернулся на государственную службу к 1196 г., а может быть, даже раньше — если справедливы предложенная выше датировка и истолкование письма Димитрию Торнику. Почему же в таком случае он, ссылаясь на старость. отказался от этого, когда Исаак II предлагал ему какой-то пост? Ведь не стал же он к 1196 г. более молодым, чем в царствование Исаака II.

Разгадку этого противоречия можно было бы искать в том, что первоначально Исаак II предложил Антиоху слишком низкую должность. Можно было бы предположить (чисто гипотетически!), что должность великого друнгария виглы, которую — по крайней мере до 1176 г. — занимал Андроник Каматир, Антиох получил уже при Андронике I. Исаак II, расправляясь со сторонниками своего предшественника (в том числе с покровителем Антиоха Василием Каматиром), и Антиоха отправил в отставку. Некоторое время спустя, когда утихли первые страсти, император предложил ему другой пост, но обиженный Антиох отказался. Лишь к началу 90-х годов (по ходатайству Константина Ангела?) престарелому ритору был возвращен его прежний пост.

Григорий Антиох прожил беспокойную и трудную жизнь. Его тянуло к литературно-научной деятельности, к кружку Николая Катафлорона и Евстафия Солунского, но он покинул сладкий сад, где росли деревья познания. Обстоятельства заставили его «коммендироваться», поступить на частную службу, — но Антиох краснел со стыда и мечтал о карьере чиновника. Он был императорским секретарем и судейским и к концу жизни достиг видного положения в византийской административной машине. Антиох был гражданским чиновником в полном смысле слова: не без некоторого кокетства он называл себя книжным человеком, привыкшим пользоваться стилем и тростниковым пером вместо копья, непрочной бумагой — вместо щита и панциря. Он, оказывается, чужд воинских упражнений и настолько слаб и немощен, что ветер может унести его, словно соломинку [48].

Неустойчивым было существование византийского чиновника — и Антиох пережил подъемы и падения, ласку и немилость самодержцев. Его ораторское дарование служило ему при разных государях, при разных режимах: при воинственном Мануиле I, при Андронике I, игравшем роль народолюбца, при реставраторе Исааке II. Он умел отказываться от старых кумиров и отворачиваться от старых друзей.

Его материальное положение было столь же шатким, как и социальный статус. Угроза бедности постоянно стояла перед его глазами, гнала его от школы риторов в императорскую канцелярию, на частную службу. Главная мечта Антиоха — обеспечить жалование, достаточное для его многочисленного семейства: «Αὐτάρκη πανοικεσίᾳ περιποίησαι τὰ ὀψώνια», — с такой мольбой обращается пожилой оратор даже не к реальным властям империи, а к самому Иоанну Крестителю (л. 453). Из речи в речь клянется он своей честностью и бескорыстием; он гордится неумением и нежеланием брать взятки. «Моя природа не наделена склонностью к наживе (τὸ κέρδος συλλεκτεῖν)», — заявляет он Евстафию (л. 400). И может быть, эти уверения звучат чересчур навязчиво, чтобы нам принять на веру честность и бескорыстие Антиоха.

Мировоззрение этого византийского чиновника отвечало его практическим жизненным принципам.

---

[48] J. Darrouzès. Deux lettres. . . [II], p. 68. 168—171; 69. 201—204. Тот же образ: M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 388. 11—13.

В речи, обращенной к Мануилу I и произнесенной, скорее всего, в 1176 г., Антиох выставляет себя поборником равенства (ἰσότης) [49]. Перифразируя отцов церкви, он заявляет, что бог создал воздух, воду, огонь и солнце не для одних праведников, но и для всех грешников [50].

Те же мысли развивал Антиох и в I слове к Андронику Каматиру. Творец, оказывается, создал земные блага не для одного только знатного (εὖ γεγονότι) или отмеченного высокой судьбой (τύχην εἰληχότι περίοπτον); не лишил он и человека низкой судьбы (τῷ δὲ τύχης φαυλοτέρας τελοῦντι) обладания ими. Нет, он предоставил их всем (τοῖς πᾶσι) равномерно (ὁμοτίμως), поскольку все люди созданы из той же самой глины (διὰ τὸ ταὐτὸν τῆς κατὰ φύσιν κεραμείας ὁμότιμοι). «Каждого явившегося в мир человека, — продолжает Антиох, — ты считаешь сообитателем, ибо у вас одна крыша — небо; и каждого считаешь сотрапезником, ибо у вас один стол — земля и вы питаетесь общим хлебом и общей солью (κοινοῦ ἄρτου καὶ κοινῶν ἁλῶν)». Лишь кажущимся неравенством (ταῖς δοκούσαις περὶ τὸν βίον ἀνισότησι) разделены люди (л. 382).

Конечно, Антиох имеет в виду не реальное равенство, имущественное и социальное, ибо он хорошо знает, что бог одного человека унижает, а другого возвышает, что жизненное море несет пловцов неравной судьбы (ἀνίσου τύχης) [51]. Он считает нормальным, что у бедняка (πτωχός) есть господин (κύριος), который воспитывает, карает и исцеляет (л. 380). Симпатии Антиоха на стороне господ: недаром он говорит о невежестве бедняков [εὐεπιβουλεύτων (может быть, εὐεπιβούλων?) πενήτων ἡ ἀγροικία], которые со всей страстью (ὅλοις θυμοῖς) нападают на нас (ἡμῶν καταστρατηγεῖ) (л. 266).

Откуда проистекает «кажущееся неравенство» — на этот вопрос мы не найдем у Антиоха однозначного ответа. То он утверждает, что смертные на жизненном стадионе бегут по твердо установленному пути (τακτοῖς τισι δρόμοις) (л. 378), то ему кажется, что судьба тиранически распоряжается людьми (л. 379). Как бы то ни было, человек должен терпеливо сносить выпавшие на его долю невзгоды, не сгибаясь и не обращаясь перед ними в бегство (л. 268). Роза наделена шипами, полагает Антиох, чтобы ее аромат казался еще более сладким (л. 379—379 об.).

Иными словами, Антиох не требует социального переустройства мира. То, к чему он стремится, — это чтобы император управлял, опираясь не на одних только высших сановников, но и на ту общественную группировку, к которой принадлежал сам оратор. Вот почему он превозносит государя, который дает лицезреть себя не только ближайшим к нему (τοῖς ἐγγυτάτω ἑστάναι λαχοῦσι), не только окружающим императорский трон и золотое седалище, но уделяет блеск своего лика и нам, простым и ничтожным людям (τοῖς κατὰ τὸν πολὺν ἄνθρωπον καὶ ταπεινότερον) [52].

Напомню еще раз, что эти слова прозвучали в правление Мануила I, государя, полагавшегося в первую очередь на клан своих родственников — Комнинов — и на высшую аристократию. Демократическая фразеология Антиоха отвечала скорее официальной программе Андроника I, выставлявшего себя защитником бедняков и восстановителем справедливости. Программе Андроника отвечало также и суровое осуждение ритором взяточничества.

С официальной идеологией времен Мануила I Антиох расходится еще и в том отношении, что скептически отзывается о положении воинов.

---

[49] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 187. 14.

[50] Ibid., p. 188. 7—12. Ср., например, у Григория Богослова, одного из любимых писателей Антиоха: PG, t. 36, col. 200 B.

[51] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 188. 12—13; M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 369. 21—22.

[52] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 187. 15—18.

Если армия была любимым детищем и предметом особых забот Мануила, то Антиох писал о ней с иронией. Лишь поверхностные наблюдатели, по его словам, могут восхвалять судьбу воина. Они видят только львиную шкуру, наброшенную на осла, и восхищаются ее косматой гривой, но им невдомек, что скрывается под этим великолепием. А там на самом деле существо, обреченное таскать тяжести и подвергаться побоям или даже трудиться на мельнице, где оно не знает свободы ни днем, ни ночью, вечно кружась на одном месте, вечно двигаясь и не продвигаясь вперед, с плотной повязкой на глазах, мешающей увидеть беду [53].

Из двух основных группировок, боровшихся за власть в XII в., — феодальной знати и столичного чиновничества — Антиох отдал свои симпатии второй. В соответствии с ее принципами культ императора принимает под пером Антиоха воистину космические размеры: ты бог, заявляет Антиох Мануилу, бесплотная сущность, сверхъестественное естество, нечеловеческий человек [54]. То равенство, поклонником которого выставлял себя оратор, есть равенство бесправия, равенство слепого подчинения императорской воле. Каждый должен преклоняться перед императором, низко сгибая шею, смиряя дух и речь [55]. Подданный ничтожен, он подобен капле в беспредельном море [56], и перед лицом императора его охватывает сложное чувство любви и страха, верности и восхищения [57].

Самое понятие свободы выбора Антиоху, вжившемуся в византийский деспотизм и произвол, кажется ирреальным. Казалось бы, рассуждает он, что может быть более чуждым друг другу, нежели свобода выбора (γνώμη) и тирания; в действительности же различие ничтожно, ибо свобода выбора внушает людям иллюзию добровольности (ἡ μὲν γὰρ ἐθελοντὴς ἐμπέφυκε τοῖς ἀνθρώποις, ἡ γνώμη), а тирания насильно увлекает и не желающих (ἡ δ' ἕλκει πρὸς ἀνάγκην καὶ μὴ ἑκόντας, ἡ τυραννίς), — но и тот, кто сам *избрал свой жребий* (τὸν προαιρούμενον), и тот, кто *подчинился тирании* (τὸν τυραννούμενον), одинаково должны двигаться в том же направлении (л. 402).

Поклонник императорского всевластия, Антиох вместе с тем — сторонник синклита — совокупности высших гражданских чинов империи. В молодые годы он гордится расположением синклитиков (см. выше, прим. 30); не забывает сказать, что Катафлорон был членом синклита (л. 268); по его словам, логофету Айофеодориту отдал свое сердце император и весь синклит благоволил ему (л. 201об.).

Эти слова — не общие, пустые фразы. Как известно, первые Комнины с пренебрежением относились к синклитикам [58], и Зонара в XII в. писал, что синклит пришел в упадок (PG, t. 137, col. 488 C). Напротив, Андроник I, создавая иллюзию демократичного режима, постоянно апеллировал к синклиту: в синклите обсуждался вопрос о браке незаконной дочери Андроника (Nic. Chon., p. 338.5—7); в синклите император докладывал об отмене берегового права (Nic. Chon., p. 424.10); видного чиновника Льва Монастириота Андроник уважительно называл устами синклита (Nic. Chon., p. 406.19).

Таким образом, не одним своим служебным положением, но и взглядами Григорий Антиох принадлежал к той группировке господствующего класса Византии, которая тесно связала свою судьбу с централизованным бюрократическим государством и противилась тенденциям к феодальному развитию страны. Антиох вполне мог быть в числе лиц, поддержи-

---

[53] J. Darrouzès. Deux lettres. . . [II], p. 71. 316—326.
[54] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 190. 4—5.
[55] Ibid., p. 190. 8—10.
[56] M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 399. 3.
[57] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 184. 8—9.
[58] Zonaras. Epitomae, vol. III. Bonnae, 1897, p. 766. 17—19.

вавших режим Андроника I, хотя природная осторожность, по-видимому, заставила его в самый момент переворота сказаться больным и отлеживаться до поставления патриархом Василия Каматира (см. выше, стр. 83).

Как писатель Григорий Антиох воспитан на принципах классической средневековой литературы. В его представлении основная задача искусства — поучительность, и речи Евстафия Солунского он хвалит прежде всего за их дидактичность: они, по словам Антиоха, ведут прямым путем тех, кто двинется по их следам (л. 402 об.). Библейские цитаты и высказывания отцов церкви для Антиоха, как для большинства его современников, остаются высшим авторитетом и постоянным источником сравнений. Его язык изобилует штампами: так, в утешительном слове к логофету Айофеодориту и в монодии на смерть сына протосеваста встречаются до буквальности совпадающие образы. Одними и теми же словами описана в обоих сочинениях кончина тех, кто погибал в морских волнах или становился добычей диких зверей (л. 202 и л. 205 об.); одинаково выражена мысль, что покойник сменил уже мирские одежды на ангельские одеяния (л. 202 об. и л. 205 об.). Свежее, новое, индивидуальное выражение действительности не стало законом творчества Антиоха: подобно тому, как он вновь и вновь перемещает бесконечно знакомые библейские высказывания, расставляет он в различных комбинациях трафаретные и традиционные образы, расцвеченные столь же трафаретными и традиционными эпитетами [59].

Но иногда утомительное многословие оратора [60] внезапно прерывается живой картиной, и Антиох предстает перед нами внимательным наблюдателем, умеющим заметить смешное. Евстафию Солунскому Антиох рассказывает о трудностях далекого похода, где людям не хватало еды и питья. Даже хлеб здесь — испеченный из мякины и совершенно несъедобный. Мы едим его, смеется Антиох, словно булыжники глотаем, испытывая муки Кроноса, которому супруга подсунула камень вместо ребенка. Хлеб застревает у нас во рту, обыгрывает Антиох ту же мысль, он — камень преткновения. И еще: «Так крепость нашего желудка бомбардируется камнями» [61].

В более раннем письме тому же Евстафию Антиох живо и с заметным сарказмом описывает климат Болгарии и образ жизни ее обитателей [62]. Все в этой стране раздражает изысканный вкус заезжего византийца, но в живости наблюдений ему нельзя отказать. Ему кажется, что эта часть вселенной не знает ни лета, ни осени, ни весны, а одну только зиму — самое мучительное из времен года. Небо тут вечно затянуто облаками, постоянно льет дождь, словно оплакивая бесплодие этой земли. Жители одеты в овчину, а головы покрывают войлочными шапками. Они живут в крохотных хижинах с соломенными крышами, сложенных из тростника и хвороста. Здесь, восклицает Антиох, не ступала нога Деметры, сюда не приходил Дионис — нет поэтому в окрестностях Сердики ни плодовых деревьев, ни винограда. На дорогах не услаждают твой слух сладкоголосые птицы — и не удивительно: тут не встретить ни рощ, где бы они могли щебетать, ни лугов, чтобы им расправить крылья, ни листвы, скрывающей их от ливня и жары.

Особенно издевается Антиох над болгарскими продуктами: хлеб тут из отрубей и проса, пропеченный только наполовину, недостаточно по-

---

[59] О стиле Антиоха см. M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 357 f.

[60] Оправдание многословия см. J. Darrouzès. Deux lettres... [II], p. 72. 369—371.

[61] J. Darrouzès. Deux lettres... [II], p. 67. 90—130.

[62] Ibid. [I], p. 278—280. Ср. описание Керкиры в письме Василия Педиадита (S. Lampros. Κερκυραϊκὰ ἀνέκδοτα. Athenai, 1882, p. 48 sq.).

знакомившийся с огнем и вымазанный в золе (другой раз Антиох насмешливо заметил, что в Болгарии едят черный хлеб, годный только для траурного стола [63]); вино — кислое и враждебное желудку; копченая рыба — гнилая и заплесневевшая, а свежая [64], пойманная в реках и озерах, — грязна и пропитана илом. Да и что вообще могут породить озерные воды, кроме лягушек и пиявок!

Несмотря на свое презрение ко всему болгарскому, Антиох не мог не заметить богатств этой страны, обилия в ней скота. Но как он рассказывает о скотоводстве! Твое ухо, иронизирует он, раздражает здесь то блеянье овец, то крик коз, то мычание коров, то хрюканье поросят. Дешевизна молочных продуктов удивила его: целые бочки молока отдают в Сердике за драхму, целые корзины сыра — за мелкую монету. И все-таки Антиох не в силах удержаться от язвительного замечания: от болгарского сыра пахнет козлом.

Пусть читатель простит мне затянувшийся пересказ письма Евстафию, но послание Антиоха по своей натуралистичности, по желчной и субъективной наблюдательности — уникальное в греческой литературе XII столетия.

В средневековом мышлении причудливо сочетается спиритуализм, дематериализация главнейших образов с натурализмом деталей, пренебрежение плотью с повышенным интересом к плоти. Натурализм Антиоха отнюдь не означает распада средневековой формы видения, он вырастает на средневековой почве.

Антиох не боится будничных, бытовых подробностей и часто пользуется ими для сравнений. И это не исключительное свойство Антиоха или вообще литературы XII в. Но Антиоха отличает раскрытие, распространение сравнения, превращение его из абстрактной вывески в самостоятельную картинку или серию картинок. Когда в монодии на смерть сына протосеваста писатель пользуется образом коня, давящего человека, словно виноград (л. 204 об.), он остается в полной мере в рамках традиционной эстетики: грубо-натуралистическая по существу сценка складывается из абстрактных элементов — конь, человек, виноград вообще. Но вот в одной из речей Антиох возвращается вновь к тому же образу: он сравнивает воина с работником на давиле — его конь копытами давит врага, забрызгивая седока кровью. Он сравнивает воина с рыбаком, острогой поражающим рыб, дрожащих и извивающихся на острие. Он сравнивает воина с искусным птицеловом, который ловит по две и по три птицы на одну ивовую ветку, намазанную клеем [65]. Сравнение осложняется, приобретает самостоятельное бытие, материальную ощутимость.

О людях, не улавливающих сущности событий, Антиох говорит: они видят хлеб, но не видят того, что́ предшествует хлебу, — что земля первоначально рождала колючки и терния и потребовался немалый труд для ее расчистки, что ее вскапывали и пахали, засевали (ἔσπαρται) и боронили (ηὐλάκισται) [66]. Потом другие заботы, — чтобы звери острыми мордами не перевернули комья земли и не сожрали семена прежде, чем они прорастут. Дурная погода рождала новые волнения, а потом наступало время уборки [67]. . . Когда воспринимаешь мир в деталях, предметы оживают, становятся живыми существами. Что за фрукты в Болгарии, воз-

---

[63] J. Darrouzès. Deux lettres . . . [II], p. 65. 29—32.

[64] Греческое νεαλῆ (свежие) Даррузе ошибочно переводит salés (соленые) (ibid. [I], p. 283).

[65] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 216. 20—217. 8.

[66] J. Darrouzès. Deux lettres. . . [II], p. 72. 338—343. Даррузе (ibid., p. 85) неточно переводит это место: pour recevoir ensuite les semences et les plants.

[67] Ibid. [II], p. 72. 346—351.

мущается Антиох в письме Евстафию, — затвердевшие, больные, пожелтевшие, подобно пленникам! Яблоки сморщились в плетеных корзинах, груши побились и покрылись ссадинами, фиги — лишь сушеные, потерявшие за время долгого путешествия былую сладость, а от винограда, привезенного издалека, остались только кожица да косточки [68]. В другом письме Евстафию он описывает растрескавшийся гранат: «В обнажившихся складках его, подобных устам, сверкал ряд окрашенных пурпуром зубов (т. е. косточек), и казалось, будто эти безгласные уста зовут отведать плод. . .» [69].

Можно сослаться еще на одно письмо, отправленное тому же Евстафию, где Антиох жалуется на утомительный труд, на безумную усталость: он не успевает взяться вечером за чтение, как сон овладевает им и он засыпает, положив книгу то под локоть, то под щеку (л. 400 об.). Несчастная книга превращается в живое существо: она заброшена, ее покрывает плотный слой паутины и пыли, она мертвец, засыпанный прахом забвения, выброшенный из нашего сердца, ее надо освободить от ненужного облачения, разбудить, вызвать к жизни (л. 400).

Если плоды и книги Антиох представляет живыми, то животных он наделяет разумом. Рыбы, если верить Антиоху, насмехаются над рыболовом: они то толкнут мордой леску, заставляя вздрогнуть руку удильщика, обманутого тщетной надеждой добыть улов; то заглатывают весь крючок, а потом выплевывают его [70]. В письме Евстафию он говорит об упрямых лошадях, которые не желали тащить вьюк в горах: ни удары бича, ни ласки не действовали на них. Они только вставали на задние ноги и болтали передними в воздухе, словно собираясь взлететь. Лошадь, шутит Антиох, делит себя между землей и небом, воображая, будто она крылатый Пегас [71].

Антиох, хотя и оставался в рамках средневековой системы видения мира, индивидуальностью восприятия нарушал традиционные принципы византийской риторики. Но вот что примечательно: он делал это крайне нечасто и главным образом в переписке с Евстафием Солунским. Евстафий — один из крупнейших писателей XII столетия, язвительный памфлетист и чуткий наблюдатель, и, обращаясь к нему, Антиох — невольно или сознательно — начинал перенимать манеру своего корреспондента. В других случаях он, как правило, сохранял традиционные эстетические штампы: не потому, что он не мог писать иначе, не потому, что не мог увидеть мир своими глазами, но прежде всего потому, что он, как мы видели, был человеком, который никак не собирался стать сокрушителем традиций. Он принадлежал старому и защищал его, причем он отнюдь не был героем реакции, и вся его жизнь (как и его творчество) оказывается памятником приспособления и компромисса.

Приложение I

ПИСЬМО ГРИГОРИЯ АНТИОХА ХАРТОФИЛАКУ

Э. л. 402 об.

Τῷ χαρτοφύλακι[a]

Ἐβουλόμεθα[6] μὲν αὐτοπροσώπως τῇ ἁγιωσύνῃ σου ἐντυχεῖν καὶ τὴν παροῦσαν θέσθαι αὐτῇ καὶ ἀξίωσιν καὶ παράκλησιν· ὅτι δὲ διὰ τὸ ἀπαραίτητον τῆς ἐπικειμένης ἡμῖν δουλείας οὐκ ἔσχομεν καὶ πέρας ἐπιθεῖναι τῷ τοιούτ[ῳ] βουλήματι, διὰ τῆς παρούσης

[68] J. Darrouzès. Deux lettres. . . [I], p. 279. 39—50.
[69] Ibid. [II], p. 66. 55—57.
[70] Michael Akominatos. Op. cit., II, p. 406. 1—5.
[71] J. Darrouzès. Deux lettres. . . [II], p. 70. 257—278.

γραφῆς ἀναπληροῦμεν ἡμῶν τὸ ὑστέρημα. Ἡ μοναχὴ γραῦς καὶ δούλη σου, ἡ πρὸς πατρὶ θεία μου, ἐπιτιμίῳ παρὰ τῆς ἁγιωσύνης σου δεσμοθεῖσα διὰ τὴν ἐπενεχθεῖσαν αὐτῇ // συκοφαντίαν παρά τινος ἀπαιδεύτου, σφοδρῶς δυσχεραίνει τὸ ἐπαχθὲς τοῦ δεσμοῦ· καὶ εἰ μὲν ἦν ἀποχὴ βρωτοῦ τινος ἢ ποτοῦ, ἤλγει μὲν ἂν καὶ οὕτως, ἔφερε δ' οὖν ὅμως πάλαι πρὸς τοῦ μακροῦ γήρως ἀποσιτίᾳ ἢ καὶ ἀσιτίᾳ ἐνατενισθεῖσα[в]· ἐπεὶ δὲ τῶν ἱερῶν καὶ θείων περιβόλων ταύτην ἀπείργει τὸ ἐπιτίμιον, οὐκ ἐστι ὅπως καὶ οἴσει καὶ ταύτ[ης] ἐκ συκοφάντιδος γλώσσης καὶ ψελλιζούσης ἐξ ἐωλοκρασίας, ὡς τὰ πολλά. Εἴ τι οὖν καὶ ἡμῶν μέλει τῇ ἁγιωσύνῃ σου (πάντως δὲ μέλει, δι' ἣν ἔχει περὶ ἡμᾶς διάθεσιν ἐκ μακροῦ), ἐπεὶ καὶ ἀρκούντως ἔχει τῷ δεσμῷ παρακαθήμενον τὸ γραΐδιον, λυθήτω, δυσωπῶ, διά τε τὸ γῆρας, διά τε τὸ ἀσθενές, ἵνα μὴ κατὰ τὴν προσελαύνουσαν μεγάλην δεσποτικὴν ἑορτὴν τοῦ ἱεροῦ τεμένους ἔξω που θυραυλῆσαν, δακρύων ὄμβροις τοῦ βίου παρασυρῇ καὶ οἴχηται ἀπευκτῶς· πάντως δὲ μετὰ τὴν ἑορτήν, εἰ βουλητὸν τῷ ἀντιδικοῦντι, ὅπερ οὐκ οἶμαι, παρὰ τῷ ἱερῷ τῆς ἁγιωσύνης σου δικαστηρίῳ τὰ τῆς ὑποθέσεως προτεθήσεται καὶ ἡ μοναχὴ ἑτοίμως ἀπαντήσει, ποιήσουσα τὸ προσταχθησόμενον. л. 403

[а] *На полях.*

[б] *Даррузе (J. Darrouzès. Notice..., p. 71):* ἐβουλόμην, *но в рукописи отчетливо:* ἐβουλόμᾱ

[в] *Э:* ἐνετισθεῖσα

Приложение II

ГРИГОРИЙ АНТИОХ ОБ ИСТОРИИ СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЕЙ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Григорий Антиох несколько раз упоминает о событиях, связанных с историей северных областей Балканского полуострова.

1. В неизданном слове в честь Иоанна Крестителя, упомянув о Навуходоносоре-Андронике, Антиох переходит к другой беде, постигшей в ту пору Византию, — к мятежу Алексея Враны. Он был послан, повествует Антиох (л. 453), против братьев — западных беглых рабов (δούλοις ἑσπερίοις δραπέταις)[1]; он обратил их в бегство (κατὰ τὸν δρασμὸν ἐπιστρέψων), преследовал (ἐπιδιώξων) и сурово наказал, а затем сам (л. 453 об.) поднял восстание (ἀποστατεῖ), подобно первому мятежнику — Сатане. Гордо закинув голову и вознесясь в своем воображении выше облаков, он водрузил там трон и противостоял высочайшему царю (βασιλεῖ ὑψίστῳ), утвердившему по всей земле (πάσης ἐπὶ γῆς) свою власть. Но господь низверг его оттуда в глубочайшую пропасть, которую он сам себе вырыл, и, поднявший меч на своих соплеменников (κατὰ συμφυλετῶν), он погиб от меча прежде остальных (πρὸ τῶν ἄλλων), показав себя и первым военачальником, и первым мертвецом.

Τοῖς δὲ φυγαδίαις ἐκείνοις καὶ ἀποστάταις ἄνετοι τοῦ λοιποῦ πόδες, ὁπόσα καὶ συάγρων πόδες ἀγριοθύμων, Ῥωμαΐδος ἀμπέλου κατασκιρτῶντες καὶ συχνὸν συμπατοῦντες[а] καὶ ἀποχρειοῦντες βότρυν αὐτῆς. Καὶ τὸ κατ' αὐτοὺς πρὸς ἀφηνισμὸν καχεκτοῦν ἐς τὸ τῶν ἀνιάτων κακόηθες ἀπηγριῶται. Οὐδὲ γὰρ οὐδὲ τραῦμα τοῦτό φησιν

А у тех беглецов и мятежников ноги стали вольными, как ноги дышащих гневом кабанов, и они накинулись на ромейский виноградник, часто топтали и портили лозы его. Их дурное неповиновение превращалось в неизлечимое зло. Это не назовешь раной, синяком или

[1] Византийские риторы XII в. часто говорят о болгарах как о западном народе. Τὸ δυτικὸν τοῦτο κακόν — называет Петра Иоанн Сиропул (M. B a c h m a n n. Die Rede des Johannes Syropulos an den Kaiser Isaak II. Angelos. München, 1935, S. 17. 15). По словам Никиты Хониата, болгарское восстание охватило «наши западные земли» (τὴν ὑφ' ἡμᾶς ἑσπέριον γῆν) (C. S a t h a s. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I. Venetia, 1872, p. 96. 29); после войны с болгарами Алексей III Ангел возвращается «из западных трудов» (Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs, II. Paris, 1881, p. 500 B).

ὁ λέγων, οὐ μώλωψ [б], οὐ πληγὴ φλεγμαίνουσα, ὡς ἔκ τινος δὲ πρωτοπαθοῦς μέλους, τῆς αὐτῶν πονηρᾶς ἀδελφικῆς ξυνωρίδος, καὶ τοῦ φυλετικοῦ τούτοις [в] ἔθνους παντὸς τὸ δεινὸν καθέρπει, ὅσα καὶ σώματος εὐπαθοὺς προύχώρησεν εἰς ὁλομελές.

воспаленным шрамом, так как от первого зараженного члена, от этой упряжки дурных братьев, болезнь распространилась на все родственное им племя, словно на легко восприимчивое тело.

[а] *Э:* συμπαθοῦντες
[б] *Э:* οὐ μωλωψ ου μωλωψ
[в] *Даррузе:* τουτου

В самом конце речи Антиох просит Иоанна Крестителя даровать императору победу над болгарами (κατὰ Μυσῶν) и возвратить в рабство этот народ, издавно пребывавший в рабстве (ἔθνος τοῦτο ἀρχέδουλον), поклявшийся быть в повиновении еще тому государю, который прежде поработил его (τὴν δουλογραφίαν κἀκείνῳ φθάνει τῷ πρὶν ἐξανδραποδισαμένῳ διομοσάμενος βασιλεῖ); он молит замкнуть их уста, дерзнувшие кричать о свободе (ἐλευθεροῦν θρασυνόμενα).

Уже Даррузе, впервые обративший внимание на этот пассаж. отметил, что Антиох имеет в виду восстание Петра и Асеня [2]. Мятеж Враны Даррузе безоговорочно датировал 1187 г., не упомянув о работе И. Дуйчева, отнесшего это событие к 1186 г. [3] Хотя хронология Дуйчева вызвала в последнее время некоторые сомнения [4], ни один из его критиков не смог без оговорок вернуться к старой дате (1187 г.), теперь возрождаемой Даррузе.

2. В речи Антиоха к Исааку II Ангелу упомянуты два события, которые по другим источникам неизвестны: смерть матери Исаака II Евфросинии и поход императора на Эпидамн (Диррахий).

Упрочив положение на западе и на востоке, так повествует Антиох, император двинулся против Эпидамна. Рыскавшие кругом лютые волки (Деян., 20, 29) зарились на город, а его правитель оказался ложным пастырем, беглым наемником (Иоанн, 10, 12): он оставил Эпидамн в поисках спокойного местечка и позволил жадным зверям ворваться в город. Тогда император сам двинулся против неприятеля, осадил Эпидамн, и под угрозой голодной смерти враги были вынуждены отворить ромеям ворота [5].

Кто эти лютые волки, о которых говорит Антиох? Бахман считал их норманнами, которые, действительно, овладели Диррахием в 1185 г. [6] Однако подобное отождествление наталкивается на ряд трудностей. Набег норманнов произошел в правление Андроника I, и Антиох непременно упомянул бы об этом обстоятельстве, если бы имел в виду вторжение 1185 г., как это сделал, например, Михаил Хониат [7]. Правда, Бахман, исходя из эпитетов «тиран» и «убийца овец», предлагает видеть в беглом пастыре Андроника, но Антиох скорее говорит о правителе города, покидающем опасное место, нежели о государе.

Далее, при взятии Диррахия норманнами его комендант Иоанн Врана попал в плен (Nic. Chon., p. 411.14—15), а отнюдь не высказал себя трусом, ищущим спокойного местечка. Разгром норманнов произошел в самом

[2] J. Darrouzès. Notice. . ., p. 72 sq.
[3] И. Дуйчев. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология. ИИБИ, 6, 1956.
[4] См. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия. . ., стр. 439, прим. 29 и мои дополнения: КСИС, 37, 1963, стр. 99, прим. 8, а особенно рецензию М. Войнова *на статью Дуйчева (ИП, 1962, № 4, стр. 104—111).*
[5] W. Regel. Fontes. . ., f. 2, p. 300. 15—301. 22. Даррузе несколько неточно излагает содержание речи: по его мнению, там рассказывается о сдаче города взбунтовавшимся правителем (par son chef revoltè) (J. Darrouzès. Notice. . ., p. 67).
[6] M. Bachmann. Die Rede des Johannes Syropulos. . ., S. 53 f.
[7] Michael Akominatos. Op. cit., I, p. 210. 21—22.

начале царствования Исаака II, после чего они добровольно (ἑκόντως) оставили Диррахий (Nic. Chon., p. 472. 15), тогда как Антиох рисует совершенно иную картину: император отправляется в поход по прошествии известного времени, когда ему уже удалось, по выражению ритора, привести в порядок дела на западе и на востоке; он овладевает городом после упорной осады.

Наконец, Антиох говорит о волках, постоянно окружающих (κυκλόθεν ἀεὶ περιχάσκοντες) «наше богоспасаемое стадо», а не о вторгшемся из-за моря неприятеле, которого византийские риторы обыкновенно именовали сицилийской Харибдой или Тифоном.

Остается предположить, что «лютые волки», захватившие Диррахий, это какой-либо из народов, населявших север Балканского полуострова. Как известно, в 1189—1190 г. Стефан Неманя значительно расширил сербскую территорию, заняв район Стримона и верховья Вардара [8]. Нельзя ли допустить, что в это же время сербы овладели Диррахием? В таком случае поход Исаака II на Диррахий можно было бы связывать с его контрнаступлением на сербов в 1191 г. *после* III крестового похода.

3. Григорий Антиох посетил Сердику и прислал оттуда письмо Евстафию с насмешливым описанием Болгарии (см. выше, стр. 92 и сл.). Впрочем, в следующем письме Антиох признает свои нападки чрезмерными: оказывается, он мечтал найти в Сердике сибаритскую роскошь, но, не обнаружив ломящихся от припасов столов, стал порицать кормившую его страну. Теперь же, вспоминая минувшее, он готов признать район Сердики землей блаженных [9].

Из этого письма мы узнаем, что Антиох участвует в походе, направляясь к чужой (ἀλλοδαπὴν καὶ ὑπερορίαν) стране. Положение отряда все ухудшается, трудности все возрастают, и Антиох пишет уже не чернилами, а слезами. Воды не хватает, ибо кругом безводные пустыни (ἐρήμαις ἀνίκμοις). По горным кручам (τραχεινοῖς χωρίοις... καὶ ἀποκρήμνοις) лошади отказываются тащить вьюки [10].

По этим неопределенным замечаниям нелегко определить, куда двинулся Антиох из Сердики; скорее всего, горные области, лишенные воды, это Динарские карстовые нагорья, где на значительных участках можно не встретить поверхностных вод.

Уже Даррузе обратил внимание на другое письмо Антиоха, перекликающееся с только что рассмотренным посланием Евстафию [11]. Обращаясь к какому-то высокому начальнику, Антиох жалуется, что у него нет продуктов, необходимых для столь длительного пути. Подобная дорога, продолжает он, требует меднозадых коней — и для вьюков, и для всадников — или от головы до копыт выкованных из железа, или вырезанных из адаманта, или крылатых Пегасов (он пользуется тем же мифологическим образом, что и в письме Евстафию). Но те лошади, что везли спутников Антиоха из Константинополя до этих мест, вымотались и изголодались — они пренебрегают кнутом и шпорами. Люди вынуждены идти пешком вслед за усталыми лошадьми. «Конечно, — заявляет Антиох, — если моему господину угодно, я охотно проделаю весь путь пешком». Он готов идти вместе со своим господином до первых истоков Истра, пере-

---

[8] M. Paulová. Účast Srbů při třetí výpravě křížové. BS, 5, 1933—1934, str. 292, 301.

[9] J. Darrouzès. Deux lettres... [II], p. 66. 70—79.

[10] Ibid. [II], p. 65—73. См. также Г. Цанкова, П. Тивчев. Нови данни за историята на Софийската област през последните десетилетия на византийското владичество. ИИБИ, 14—15, 1964, стр. 315—324.

[11] J. Darrouzès. Notice..., p. 67.

прыгивать через ущелья на пути, перелетать через рвы и пропасти, всходить на горы (см. Приложение III).

Если это письмо относится к тому же походу, что и описанный в посланиях к Евстафию, то маршрут отряда Антиоха в общих чертах вырисовывается: от Сердики византийцы двинулись в сербские земли и должны были выйти к Дунаю.

Даррузе датировал болгарские письма Антиоха «примерно 1173 г.» Эту дату он даже включил в заголовок статьи. Однако предложенная французским ученым хронология не представляется столь бесспорной.

Даррузе исходил из того, что письма были отправлены в то время, когда Евстафий жил в столице и занимал пост магистра риторов; по мнению Даррузе, Евстафий стал магистром риторов незадолго до 1174 г., а в 1174—1175 гг. он уже был поставлен митрополитом. К тому же после 1167 г. на севере Балкан не было военных действий, если не считать конфликта с Венгрией и Сербией в 1173 г.[12]

Рассуждения Даррузе при всей их внешней стройности не выдерживают проверки. Он сам обратил внимание на то, что Антиох не упоминает о присутствии императора, хотя в 1173 г. Мануил I как раз находился в Сердике (в этом году он принимал капитуляцию Стефана Немани). Далее, Евстафий стал магистром риторов задолго до 1174 г., скорее всего еще в конце 60-х годов (см. выше, стр. 80). Наконец, титул письма Антиоха гласит: «Бывшему (τῷ γεγονότι) магистру риторов господину Евстафию Солунскому из Сердики (ἀπὸ Τριαδίτζης)». Если следовать этому титулу, письмо придется относить к тому времени, когда Антиох уже перестал быть магистром риторов и сделался солунским митрополитом. Правда, Антиох посылает свое письмо в Константинополь, но это обстоятельство не должно нас смущать: ведь Евстафий не раз бывал в столице после 1174—1175 гг., и еще в 1179 г. он произносил здесь речь на прибытие Агнесы, невесты наследника престола Алексея [13], а может быть даже он жил в Константинополе до 1179 г., — но хронология жизни Евстафия нуждается в специальном рассмотрении.

Поэтому более осторожным было бы воздержаться от датировки болгарских писем Антиоха.

Даррузе отнес к тому же времени и письмо Евстафия Антиоху [14]. Действительно, оно адресовано человеку, находящемуся вдалеке от родины [15], но этого, мне кажется, еще маловато для отождествления.

Приложение III

ПИСЬМО ГРИГОРИЯ АНТИОХА [НАЧАЛЬНИКУ]

Э. л. 273 об.

Τοῦ αὐτοῦ

Ἐπιστολή

Αἰδὼς δ' οὐκ ἀγαθὴ κεχρημένον ἄνδρα κομίζει[a]· τοῦτο πάλαι μὲν φθάνει γνωματεύσας ὁ μουσόληπτος ποιητής. Οἶσθα τὸν Ἀσκραῖον; οὐκ ἀγνοεῖς[б] τὸν Ἡσίοδον; Ἐγὼ δὲ νῦν ἐκ τῶν ἔργων ἠκριβωσάμην, αὐτὴν εὑρὼν τὴν πεῖραν τὴν διδάσκαλον. Ἐπεὶ γὰρ ἄκαιρος εἰδήμων ἐγὼ καὶ τοῖς οὐκ ἀξίοις αἰδοῦς ἐπαισχύνομαι (οὐκ οἶδ', ὁπόθεν τοῦτο λαχών), πείθομαι δὲ ἀπὸ φύσεως, οὐ κεχρημένος μόνον, ἀλλὰ καὶ βαρὺ σφόδρα λελυπημένος κομίζομαι· κεχρημένος μέν, ὅτι τῶν πρὸς τὴν μακρὰν ταύτην ὁδοιπορίαν

[12] J. Darrouzès. Notice. . ., p. 75 sq.; idem. Deux lettres. . ., [I], p. 276—278. Ср. мои возражения: ВИ, 1964, № 3, стр. 214 и сл.
[13] W. Regel. Fontes. . ., f. 1, p. XIV sq.
[14] J. Darrouzès. Deux lettres. . . [I], p. 277.
[15] Eustathii Opuscula, p. 324. 14.

χρήζων ἐπιτηδείων, εἶτα οὐκ ἐῶμαι[в] πρὸς τῆς κάκιστ' ἀπολουμένης αἰδοῦς εἰς τὸ σὸν ὕψος ἀνατεῖναι περὶ τούτων τὴν αἴτησιν· λελυπημένος δέ, ὅτι ἐπὶ σφετέρῳ κακῷ τὴν οὐκ ἀγαθὴν αἰδῶ ταύτην ἔλαχον σύνοικον. Καὶ οὔκουν ἐπ' οὐδενί μοι ξυμφέροντι τὸ ἐρυθριᾶν ἐπανθεῖ· ὅμως ἐπεὶ τῶν οὐκ ἐπαινουμένων ἔστι μοι τὸ αἰδούμενον, ἀπαναιδευτέον[г] ἔνθα τὸ ἀναιδὲς ἀνεπίληπτον, καὶ οὐδὲ τοῦτ' αὐτὸ ἀναιδές, ἀλλ' ἀναγκαία τις ἐξ ἀπαραιτήτου παρρησία ψυχῆς, καὶ ἀπερυθριαστέον ἔνθα τὸ ἀκαίρως ἐρυθριᾶν μωμητόν· καὶ οὐδὲ τοῦτ' ἐκεῖνο ἐρυθριᾶν ἐστιν, ἀλλά τι ἐλάττωμα φυσικὸν ἐν ἀπαρρησιάστῳ διατιθὲν ἀεὶ τὸν αἰσχυντηλόν. Ἀλλ' ὑπέρφευ τοῦ πάθους· ὡς ἀκαταγώνιστον, ὡς ἀήττητον[д], ὃ γὰρ φεύγω, μεταδιώκω, καὶ οὗ καταδρομὴν ποιοῦμαι, τοῦθ' ὑποστρέψαν ὥσπερ καταλαμβάνει με, καὶ πρὸς ὅπερ ἀπεχθῶς ἔχω, σπένδομαι.

Δέον γάρ με τῇ γλώσσῃ χρήσασθαι πρὸς τὴν αἴτησιν, τὴν οὐκ ἀγαθὴν αἰδῶ παρωσάμενον· ἐγὼ δὲ ἀλλὰ καὶ αὖ πάλιν εὐλαβοῦμαι τὸ πρᾶγμα καὶ τὴν ἐγχείρησιν ἀναδύομαι, καὶ καινοτόμος[е] ὁρῶμαι, καὶ τῇ χειρὶ φθέγγομαι, καὶ δακτύλοις χρῶμαι, ὅσα καὶ ὀργάνοις φωνῆς, ὡς ὑπὸ παραπετάσματι τῷ τῆς γραφῆς ἐδαφίῳ καλύπτων γνώμην ὁμοῦ καὶ γλῶτταν αἰδήμονα.

Καὶ δὴ καί φημι ὅτι τοι περὶ[ж] τὴν προκειμένην ταύτην ὁδὸν χαλκοπύγων ἔδει καὶ τῶν ἵππων ἡμῖν, τῶν τε φορτηγῶν καὶ τῶν ἱππασίμων, οἵους ἄρα καὶ τεθρύλληκεν Ὅμηρος[з], ἢ μᾶλλον ἀπὸ σιδήρου σφυρηλάτων ἐκ κεφαλῆς ἐς λοίσθας ὁπλὰς καὶ ὅλων λαξευτῶν ἐξ ἀδάμαντος, ἢ ἄλλων Πηγάσων τὰ νῶτα καταπτέρων, ὡς ὁ μῦθος τερθρεύεται· οὕτω γὰρ ἂν καὶ τοσαύτης ὁδοῦ ἀπέχρησαν διαστήματι, κἂν ἀκμῆτες πάντῃ διέμειναν, ὡς οἵ γε ἀπὸ τῆς Βύζαντος ἡμᾶς ὧδέ πῃ διασωσάμενοι κεκμήκασιν, ἀπειρήκασι, βουλιμιῶσιν, ἐπισειομένην αὐτοῖς περιφρονοῦσι τὴν μάστιγα, οὐκ ἐπιστρέφονται κέντρων (л. 274) πληττόντων ἑκατέρας πλευράς· τοιγὰρ καὶ πεζεύειν[и] ἀναγκαζόμεθα καὶ ἀποκεχρῆσθαι τοῖς φυσικοῖς ὀχήμασι τῶν ποδῶν, καὶ τῶν κεκμηκότων ἵππων ἰέναι κατόπιν, ὃ δὴ ποιοῦντας καὶ τοὺς ὀνηλάτας ἔστιν ἰδεῖν. Εἰ οὖν τοῦτο δοκοίη καὶ τῷ κυρίῳ μου, στέργω καὶ οἴσω διανύων τὴν ὁδὸν αὐτοποδητί[к], ἀναζωσάμενος ἐς γόνυ θοιμάτ[ι]ον· ἢ μᾶλλον ἀναβαίνοντός σου τὸν ταχὺν ἵππον ἢ τὴν δρομάδα ἡμίονον, τοῖς τῆς σῆς ἐφεστρίδος τελαμῶσι συρράψομαι[л] καί τινι τούτων τὴν ἑτέραν ἐπιβαλὼν ταῖν χεροῖν[м], ὥσπερ τι τῶν φαυλοτέρων ἀνδράποδον, ἅσμενος ἕψομαί σοι πεζῇ καὶ ἐς αὐτάς που τὰς πρώτας τοῦ Ἴστρου ἐκβολὰς καὶ πηγάς, καὶ ὑπερπηδήσω μὲν τὰς μεταξὺ τῆς ὁδοῦ χαράδρας, ὑπεραλοῦμαι δὲ αὐτορύκτους τάφρους καὶ χάσματα, ἀναρριχήσομαι δὲ περὶ τοὺς βουνοὺς καὶ τῷ ἄναντα προσεπιβήσομαι, ῥίψω δεῆσαν καὶ καθ' ὑδάτων καὶ τελμάτων κατατολμήσω καὶ τεναγῶν, καὶ πάντων δράσω προθύμως, ὁπόσα καὶ τοῖς ἀλωνήταις δραπετίσκοις ὁ τῆς δουλείας ἐπιτρέπει θεσμός.

[а] *Гесиод. Труды и дни, стк. 317.*
[б] *Новосадский:* ἀγνοῖς
[в] *Новосадский:* ἰῶμαι?
[г] *Новосадский:* ἀπαναιδευτέρον
[д] *Э:* ἀήττιτον
[е] *Может быть,* κενοτόμος
[ж] *Может быть,* πρὸς
[з] *Не знаю, где*
[и] *Новосадский:* πλεξεύειν
[к] *Новосадский:* αὐτοποδοτὶ
[л] *Новосадский:* συγγράψομαι
[м] *Новосадский:* χερσοῖν

И. Н. ЛЕБЕДЕВА

СПИСКИ ХРОНИКИ ПСЕВДО-ДОРОФЕЯ В СОБРАНИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Во многих книгохранилищах разных стран хранятся кодексы, содержащие греческую хронику XVI в., которая в современной литературе известна как хроника 1570 г. или, в своем более позднем и более обширном варианте (который неоднократно издавался под именем Дорофея, митрополита Монемвасии), как хроника Псевдо-Дорофея. Эта хроника — одно из самых значительных и самых распространенных произведений послевизантийской историографии. Хроника написана на греческом разговорном языке; она имеет сложный состав, сложную литературную историю [1], до сих пор не установлен ее автор или авторы отдельных ее частей, и многочисленные рукописи, содержащие данную хронику, представляют исследователю широкую возможность ее изучения.

В собраниях Советского Союза хроника Псевдо-Дорофея представлена пятью списками, содержащими различные ее варианты (или редакции).

I. В Москве, в Отделе рукописей Государственного исторического музея, в Синодальном (патриаршем) собрании греческих рукописей хранится рукопись № 457 (Владимир, 408) [2–3], которая достаточно полно описана архимандритом Владимиром. К этому описанию остается добавить немного. Рукопись написана в 1622 г. (о чем свидетельствует запись писца на л. II), книжной скорописью, на 273 лл. Размер листа — 21,0×14,0; размер текста — 15,0×10,0. Рукопись украшена двухцветной заставкой в начале текста, инициалы и заголовки глав вписаны киноварью. Хроника, содержащаяся в рукописи № 457, начинается от сотворения мира и заканчивается рассказом о взятии острова Кипра султаном Селимом II в 1571 г. Рукопись не имеет заглавия и начинается словами: Θέλων ὁ σοφὸς δημιουργὸς ὁ κ(ύριο)ς ἡμῶν καὶ θ(εὸ)ς νὰ κάμῃ τὸν κόσμον... Текст заканчивается на л. 273: ...εἰς τὰς αυοδ' (1474) ἀπὸ χ(ριστο)ῦ γεννήσεως.

Текст, содержащийся в данной рукописи, является одним из вариантов хроники 1570 г., дошедшим до нас и во многих других рукописях. По мнению исследователей, этот вариант является наиболее близким к первоначальному варианту хроники 1570 г. (который до нас не дошел), так как изложение событий в нем доведено до 1571 г. Этот же вариант хроники 1570 г. содержат также следующие рукописи: рукопись Британ-

[1] О литературной истории, списках и изданиях хроники см. Th. Preger. Die Chronik vom Jahre 1570 («Dorotheos» von Monembasia und Manuel Malaxos). BZ, XI, 1902, S. 4—15; D. Russo. Cronica dela 1570. Turcograecia lui Crusius. Cronografele lui Dorotei şi Cigala. Cronografele romaneşti. «Studii istorice greco-române», t. I. Bucureşti, 1939, p. 51—100; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. 2. Aufl. Berlin, 1958, S. 412—414.

[2–3] Архимандрит Саввa. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. 2-е изд. М., 1858, стр. 141; архимандрит Владимир. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 605—606.

ского музея Harleianus 5742 [4], рукопись Ксеропотамского монастыря на Афоне № 248 (Ламброс, 2581) [5], рукописи Ивирского монастыря на Афоне № 167 и 494 (Ламброс, 4287 и 4614) [6], рукопись № 1205 Национальной библиотеки в Афинах [7], рукопись № 64 Μεγάλης τοῦ Γένους Σχολῆς в Константинополе [8] и другие. В некоторых из этих рукописей сохранилось заглавие, в котором указана дата составления первоначальной редакции хроники: август 1570 г.

Интересна история рукописи № 457 Синодального собрания. На л. II находится запись писца: 1622, αὐγούστῳ πρ(ώ)τῳ ἔκαμα νὰ ἀντιγράψω // τὸν παρόντα χρονογράφον τοῦ κυρίου Ἰωάννου // Σταυράκη διὰ γρόσια 15. Следующий владелец рукописи — некий Леонард Харбур (Λεωνάρδος Χάρβουρ), о чем свидетельствует запись на л. III. Затем рукопись принадлежала Ивирскому монастырю на Афоне. На лл. III и I сохранилась надпись τῶν Ἰβήρων, а на л. II об. находится криптограмма, которая расшифровывается записью Н. П. Попова на внутренней стороне верхней крышки переплета: Τὸ παρὸν βιβλήον ὑπάρχει τῆς Μονῆς τῶν Ἰβήρων // καὶ ὅπως τὸ ἀποξενόσι νὰ ἔνι τήν κατάραν // τοῦ χ(ριστο)ῦ ἀμήν. В Россию рукопись была привезена в 1655 г. Арсением Сухановым, который в 1653 г. был отправлен патриархом Никоном на Афон для покупки греческих рукописей [9]. На л. I находятся записи Арсения: τοῦ Ἀρσενήου и «Арсений чѣ (95)». Привезенная Арсением рукопись поступила на печатный двор: на л. I есть помета «Казенной». На этом же листе сделана еще одна запись: «Сесь гранограф был для свидетельства // перевода с печатным гранографом». Здесь имеется в виду русский перевод хроники Псевдо-Дорофея, который был сделан Арсением Греком и Дионисием Греком по приказу царя Алексея Михайловича в 1665 г. [10] Из этой записи видно, что русский перевод был сделан с печатного текста хроники. В XVIII веке рукопись из Типографской библиотеки поступила в Патриаршую библиотеку [11], в составе которой она и хранится в Отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве.

II. Второй список хроники хранится в Ереване, в национальной сокровищнице рукописей — Матенадаране (Научно-исследовательский институт древних рукописей), в фонде иноязычных (неармянских) рукописей, под № 25 [12]. Рукопись датируется XVI—XVII вв. [13] Она состоит из

[4] R. Nares. A Catalogue of the Harleian Manuscripts in the British Museum, vol. III. London, 1808, p. 292.

[5] Sp. Lambros. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, vol. I. Cambridge, 1895, p. 217.

[6] Ibid., vol. II, 1900, p. 45, 156.

[7] Ἰ. Σακκελίων, Ἀ. Σακκελίων. Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς Ἐθνικῆς Βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος. Ἐν Ἀθήναις, 1892, σελ. 219.

[8] Δ. Σάρρος. Παλαιογραφικὸς ἔρανος. Ὁ ἐν Κωνσταντινούπολει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος, τ. 33, 1914, σελ. 58—60.

[9] С. А. Белокуров. Арсений Суханов, ч. I. М., 1891, стр. 365.

[10] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1350—1351; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 356—358.

[11] Библиотека Московской синодальной типографии, ч. I. Рукописи. Вып. 1. М., 1896, стр. XII.

[12] Мы не имели возможности ознакомиться с данной рукописью de visu, поэтому описываем ее по фотокопиям нескольких листов, которые были получены Е. Э. Гранстрем из Матенадарана в 1954 г., и на основании сведений, приводимых в следующих изданиях: Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи в собраниях Советского Союза (дополнительные сведения). ВВ, XI, 1956, стр. 285—287; Б. Т. Горянов. Греческая рукопись № 25 фонда иноязычных памятников Матенадарана. ВВ, XVII, 1960, стр. 354—356; его же. Греческая рукопись № 25 фонда иноязычных памятников Матенадарана. «Вестник Матенадарана», 1960, № 5, стр. 317—323.

[13] XVI веком датирует рукопись Б. Т. Горянов (см. ВВ, XVII, 1960, стр. 354); Е. Э. Гранстрем относит ее к XVII в. (см. ВВ, XI, 1956, стр. 285).

501 листа, написана книжной скорописью, украшена заставкой и рисунками пером (изображения императоров). Размер листа — 20,5×14,5; размер текста — 14,5×9,0. Текст начинается рассказом об Энее и заканчивается взятием Кипра султаном Селимом II в 1571 г. Рукопись имеет следующее заглавие:

Χρονογραφικῶν, περὶ ἔχων περὶ τοῦ // πότε ἐκτήστη ἡ Ῥῶμη· κ(αὶ) περὶ τῶν // βασιλέων αὐτῆς· κ(αὶ) περὶ τῆς Κωνστ(αν) // τίνουπόλεως πότε ἐκτήσθη· κ(αὶ) πό // σι βασιλεῖς ἐβασίλευσαν ἐν αὐτῇ· κ(αὶ) // περὶ τοῦ πῶς αἰχμαλωτὶσθη ὑπὸ // τῶν Ἀγαρινῶν· κ(αὶ) πόσοι βασιλεῖς // ἐβασίλευσαν· ἀπὸ τῶν κ(αι)ρῶν ὁποῦ // ἐπήραν τὴν βασιλείαν.

Начало текста: Ἀπὸ τὸν καιρὸν ὁποῦ ἀφανί // σθη ἡ Τροάδα ἀπὸ τοὺς Ἕλη // νας, ἕνας στρατιγὸς ὀνόματ(ι) // Αἰνεί(ας), υἱὸς Ἀχίστου, ἐληθρό // θη, ὑπο τῆς βοη-θεί(ας) τοῦ Με // νελάου... Конец текста: ...ἔλαβεν ἀποθανόντος τοῦ Ῥεγάτζου.

Текст, содержащийся в этой рукописи, является частью текста хроники 1570 г. Хроника 1570 г. содержит, кроме данного текста, библейскую историю от сотворения мира, историю персидских царей, Александра Македонского, Птолемея Филадельфа, после чего следует рассказ об Энее. Таким образом, текст рукописи № 25 Матенадарана представляет собой еще один вариант хроники 1570 г., являющийся, видимо, результатом сокращения первоначального текста [14]. Этот вариант хроники известен и по другим рукописям. Е. Э. Гранстрем [15] указала на подобный текст, существующий в рукописи Национальной библиотеки в Париже (Cod. Paris., Suppl. gr. № 467 [16]). Известны еще три рукописи, озаглавленные таким же образом, имеющие такое же начало и конец текста, как рукопись Матенадарана. Это рукопись Кутлумушского монастыря на Афоне № 217 (Ламброс, 3290) [17], рукопись Ивирского монастыря на Афоне № 170 (Ламброс, 4290) [18] и рукопись № 3 монастыря Олимпиотиссы в Елассоне [19]. Кроме того, еще три рукописи содержат хронику, начинающуюся рассказом об Энее, и хотя начало текста в них несколько отличается от текста рукописи Матенадарана, содержание и конец текста свидетельствуют об их принадлежности к этой же группе. Это рукописи Афонской лавры № 1364, 1533, 1569 [20].

III. В Москве, в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в фонде 201 (фонд А. С. Норова) под № 27 хранится третий список хроники [21]. Рукопись написана в 1605 г., на 277 листах; размер листа — 32,5 × 20,5, размер текста — 22,0 × 13,0. Рукопись написана книжной скорописью, украшена киноварными заставками и инициалами. Заглавия также вписаны киноварью. На листе VIоб. находится запись писца: Οὗτος ὁ παρὸν χρονογράφος ἐγράφη διὰ χειρὸς ἐμοῦ ἁμαρτ-

---

[14] Известен еще более краткий вариант хроники 1570 г., который начинается описанием царствования Константина Великого.

[15] Е. Э. Гранстрем. Указ. соч., стр. 278.

[16] H. Omont. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale, part 3. Paris, 1888, p. 265; K. Krumbacher. Geschichte der byzantinische Literatur. 2. Aufl. München, 1897, S. 400. Крумбахер приводит заглавие и начало текста Парижского кодекса.

[17] Sp. Lambros. Op. cit., vol. I, p. 298.

[18] Ibid., vol. II, p. 45—46.

[19] Ἰ. Παπαδόπουλος. Τὸ ὑπ' ἀριθμὸν 3 χειρογράφον τῆς ἱερᾶς Μονῆς Ὀλυμπιωτίσσης. ΕΕΒΣ, 10, 1953, σελ. 95—96.

[20] Spyridon of the Laura and Sp. Eustratiades. Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Laura on Mount Athos (Harvard Theological Studies, XII). Cambridge, 1925, p. 230, 271, 278.

[21] См. Д. Попов. Описание греческих рукописей, принадлежащих г-ну Норову. ЖМНП, 1836, декабрь, стр. 421—422; А. П. Каждан. Греческие рукописи Библиотеки им. В. И. Ленина. ВИ, № 10, 1946, стр. 108; И. М. Кудрявцев. Рукописное собрание А. С. Норова. «Записки Отдела рукописей Гос. ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 18, 1956, стр. 54.

ωλοῦ Ἰ(ε)ρεμίου // τάχα καὶ ἱερο(μον)α(χοῦ) ἁγιοσαββίτου, ἐν ταῖς ἡμέραις τοῦ εὐσεβεστάτου αὐθέντ(ος) // Ἰω(άννου) Ἱερεμίου βοεβόνδ(α) ἐν ἔτει ζριγ' (7213=1605) ἐν μηνὶ Μαρτίῳ.

Κ(αὶ) μηδὶς τολμίσῃ ἀποξεν(ῶσι), ἢ κλέψῃ ἀπὸ ἐμοῦ Ἱερεμίου διὰ τὸ νῦν // ἢ νὰ μὴ λάβῃ τὰς ἁρᾶς τῶν τιὴ θεοφόρ(ων) π(ατέ)ρων, κ(αὶ) ἐμοῦ τοῦ τάλαν(ος) // τοῦ κόπῳ κ(αὶ) μόχθῳ γράψαντος, εἰς τὸ Μετόχιον τοῦ Γιασίου τῆς Μολδοβλαχί(ας).

Писец — иеромонах лавры св. Саввы Иеремия — известен еще по одной рукописи — № 213 Патриаршей библиотеки в Иерусалиме [22]. Список Библиотеки им. В. И. Ленина [23] содержит редакцию хроники, отличающуюся от первых двух. Рассказ начинается от сотворения мира и доведен, как и в двух вышеописанных рукописях, до взятия Кипра турками в 1571 г., после чего следуют несколько других глав. На л. I помещается заглавие хроники:

Σύνοψις ἱστοριῶν, ἀρχομένη ἀπὸ κτίσεως κόσμου μέχρη τ(ῆς) βασιλείας // Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγ(ου) τοῦ ἐσχάτου βασιλέ(ως) τῶν Ῥωμαίων· ἔτι περι // ἔχουσα κ(αὶ) τ(ῆς) βασιλεί(ας) τῶν Τουρκῶν μέχρι τοῦ νῦν. Ἔτι δὲ κ(αὶ) περὶ τ(ῆς) Βε // νετί(ας) πότε ἐκτίσθη, κ(αὶ) πόσοι τ(ῶν) δουκῶν ὅρισαν αὐτ(ήν), κ(αὶ) πόσα κάστροι ἔλαβον. // Ἔτι δὲ κ(αὶ) περὶ τῶν π(ατ)ριαρχῶν, κ(αὶ) πῶς ἐπατριάρχευσαν ἐν τῷ θρόνῳ τῆς ἁγιωτάτ(ης) // τοῦ θ(εο)ῦ μεγάλης ἐκκλησίας. Συναχθέντα ταῦτα πάντα ἐκ διαφόρων βιβλίων // τὰ ἀναγκαιότερα κ(αὶ) γλυκύτερα, κ(αὶ) εἰς πεζὴν φράσιν γραφέντα.

Далее на полях той же рукой:

ἐν ἔτει ζοή (7078) ἀπὸ κτίσεως κόσμου, // ἀπὸ δε ἐνσάρκου οἰκονομί(ας) // α^{ω} φ^{ω} o^{ω} (1570) ἔτει μη(νὶ) // αὐγούστῳ. Начало текста: Θέλων ὁ σοφὸς δημιουργὸς... Л. 266, последняя строка (конец текста хроники 1570 г.): ...κ(αὶ) ἐπῆραν τὴν ἀποθανόντος τοῦ Ῥεγάτζου ἐν ἔτει αυδ' (1404) ἀπὸ Χ(ριστο)ῦ. Ниже приписка той же рукой: ἐν ἔτει ϛλλή (6938=1430) ἔλαβαν οἱ Τοῦρκοι τὰ Ἰωάννηνα. На л. 266об. начинается новая глава, глава о патриархах Константинополя:

ὧδε ἀναφέρνωμεν κ(αὶ) περὶ τῶν λοιπῶν π(ατ)ριάρχων. Начало текста: Μετὰ τὸν κὺρ Παχώμιον ἔγινε π(ατ)ριάρχης ὁ κύριος Θεόλυπτος κ(αὶ) ἐπέρασεν εἰρηνικά... Конец этой главы на л. 270: ...πλὴν ἦτον σώφρων, κ(αὶ) ἔμαθεν εἰς τὸν Μονεμβασίαν εἰς... недописано, далее приписка другой рукой: ...διδάσκαλον τὸν κὺρ // Ματθαῖον. Лл. 270об.—271 чистые, после чего на л. 272 начинается новая глава об основании Венеции:

Ἐδῶθ(εν) ἑρμηνέβη περὶ πότε ἐκτίσθη ἡ Βενετία· κ(αὶ) περὶ τῶν ἐνδοξο // τάτ(ων) δουκῶν ὁποῦ ἔγιναν εἰς αὐτ(ὴν) κ(αὶ) ποίῳ χρόνῳ ἔγινε ὁ καθ'ένας // κ(αὶ) πῶς ἔζησεν εἰς τὴν αὐθεντί(αν). Κ(αὶ) περὶ τὰ κάστρη ὁποῦ ἔλαβαν // κ(αὶ) ἐν ποίῳ χρόνῳ. Начало текста: Εἰς τοὺς υκα (421) χρόνους ἀπὸ Χ(ριστο)ῦ καταβάσεως ἐπιάσθη ἀρχὴ ἡ Βενετία, ἤγουν // τὸ Ῥιάλτο. Конец главы на л. 272об.: ...ὅσοι δὲν τὴν εἶδαν χαίροντ(αι) καὶ εὐφραίνοντ(αι) ἀ // κούοντα τὴν τοιαύτην φημὴν κ(αὶ) ἐνδοξότητα, κ(αὶ) τὸ κάλος // τ(ῆς) τοιαύτ(ης) πόλεως // τ(ῆς) Βενετί(ας). После этого на л. 272об. следует новое заглавие:

Οἱ δὲ ἐνδοξότατοι δούκιδες ὁποῦ ἔγιναν ἀπ' ἀρχῆς εἰς τὴν αὐτ(ὴν) λαμπροτάτην // Βενετί(αν) εἶναι τοῦτοι οἱ κάτωθεν κατ'όνομαν εἰς ποιον κρόνον ἔγι(νε) κα // θ'ένας, καὶ πόσους κρόνους, κ(αὶ) μη(νὰς) καὶ ἡμέρ(ας) ἀφέντευσεν. Начало текста: Ὁ δὲ πρῶτ(ος) δοῦκα ὁποῦ ἐγίνη ἦτον Παῦλος Ἀνατζάτος... Конец главы на л. 274: Μετὰ τοῦτον ἐγίνη Πιέρος Λάντος εἰς τοὺς αφλ' (1537). Καὶ εἰς τὰς

---

[22] M. Vogel und V. Gardthausen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance («Beihefte zum Zentralblatt für Bibliothekswesen»). Leipzig, 1909, S. 160; Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη ἤτοι κατάλογος τῶν ἐν ταῖς Βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων Ἑλληνικῶν κωδίκων, τ. IIIος. Ἐν Πετρούπολει, 1894, σελ. 324.

[23] Далее — список БЛ.

ἡμέρας τούτου ἐγί(νη) ἀγάπη τοῦ μεγάλου αὐθεντὸς μετὰ τῶν Βενετίκων· καὶ ἔδωκαν οἱ αὐτοὶ Βενέτικοι τὸ 'Ανάπλην//καὶ τ(ὴν) Μονεμβασίαν, καὶ τριακοσίαις χιλιάδες φλωρία διὰ τ(ὴν) ἀγάπην ὁποῦ//ἔκαμαν· ἦτον δὲ εἰς τὰ αφμ' (1540) Νοεμβρίῳ κά(21). Л. 274об. — чистый. На л. 275 новое заглавие:

'Ιδοῦ κ(αὶ) τὰ κάστρη ὁποῦ ἔλαβαν οἱ αὐτοὶ Βενετίκοι χρόνους ἀπερασμένους. Начало текста: Εἰς τὰ ατ' (1300) ἀπὸ χ(ριστο)ῦ καταβάσεως ἐπῆραν τὸ νεσὶ τῶν Κορυφῶν μ(ε)τ(ὰ) καστελία... Конец: ...τὸ 'Αργος, τὸν 'Αβαρίνον,//τὴν Μονεμβασί(αν), τὰ ὁποῖα τὰ ἔλαβαν οἱ αὐθένται οἱ Τούρκοι. На л. 275об. начинается другая глава:

Περὶ τῶν Φραγκῶν πῶς ἐσχίσθησαν ἀπὸ τῶν π(ατ)ριάρχων τ(ῆς) κωνσταντινουπόλεως//καὶ τῶν λοιπῶν, ἤγουν ἡ 'Ρώμη. Начало: οἱ ἐν τῇ 'αγίᾳ εὐδόμῃ συνόδ(ῳ)· 'Ανδριανὸς καὶ οἱ μετ' ἔκεινον, Λέων, Στέφανος, Πασχάλι(ος)... Конец на л. 276об.: ὁ γὰρ ῥὴξ τῶν Οὐανδάλων ἤγουν τῶν ἐμιτέρων, ὁ κυριεύσας αὐτῶν τοι//αῦτα φρονεῖν αὐτούς κ(αὶ) πράττειν ἐδίδαξεν. Далее на л. 276об. следует:

Τό προτότυπ(ον) ἦν γεγραμμ(έν)ον παρὰ φιλαιρίου ἀ(γίου) 'Ιωσὴφ//ἐπονομαζόμενον, ἐπὶ ἔτους εωις' (5816-308) τῶν ἰσημηρίων διαγράμμα(τα) (приложена таблица) и ниже:

Περὶ τοῦ ἁγίου πάσχα. Начало: Ἡ ἁγία κ(αὶ) μεγάλη κ(αὶ) οἰκουμενικῇ πρώτη σύνοδος· ἐνομοθέτησεν κ(αὶ) περὶ τοῦ ἁγίου πάσχα πῶς//νά τὸ κάμνουν ὅλοι οἱ χριστιανοῖ με(τὰ) τὴν ἰσημηρί(αν). Конец на л. 277: ... κ(αὶ) γράφοιδιν ὅτι μετὰ τὴν ἰσημηρίαν εἰς τάς//δεκατέσσαρας τοῦ φεγκαρίου, κάμνουν τὸ πάσχα.

Таким образом, рукопись БЛ принадлежит к той группе списков, в заглавии которых указана дата составления хроники: август 1570 г. Таких списков, кроме рукописи БЛ, известно еще шесть [24]. Во всех них одно и то же заглавие с очень небольшими различиями. Список БЛ также обнаруживает некоторые отличия в заглавии от остальных списков этой группы; сами по себе эти отличия были бы незначительны, если бы не одно обстоятельство: заглавие рукописи БЛ дословно совпадает с заглавием (вторым) печатного варианта [25]. Эти отличия следующие:

Список БЛ и печатный вариант:	Остальные списки:
1. ... μέχρι τοῦ νῦν...	1. по-разному: а) ... μέχρι τοῦ νῦν σουλτάν... б) ... μέχρι τοῦ νῦν σουλτὰν Σελήμη... (Ламброс, 4287) в) ... μέχρι τοῦ σουλτὰν Μουράτη... (Ламброс, 3286).
2. ...ἔτι δὲ καὶ περὶ τῆς Βενετίας...	2. ...προσ τούτοις διαλαμβάνουσα καὶ περὶ τῆς Βενετίας...
3. ...εἰς πεζὴν φράσιν γραφέντα...	3. ...εἰς πεζὴν φράσιν μεταγλωττισθέντα...

Совпадение заглавий в рукописи БЛ и в печатном варианте позволяет предположить определенную связь между этими двумя текстами. Возможно, что они восходят к одному и тому же списку. Далее, список БЛ

---

[24] Рукопись Британского музея Harleianus 5742, рукопись Ксенопотамского монастыря на Афоне № 268 (Ламброс, 2581), рукопись Кутлумушского монастыря на Афоне № 213 (Ламброс, 3286), рукопись Ивирского монастыря на Афоне № 167 (Ламброс, 4287), рукопись Ватопедского монастыря на Афоне № 753 и рукопись монастыря τοῦ Τιμίου Σταυροῦ № 28 в Иерусалиме.

[25] Сравнение производилось с заглавием издания 1631 г.

приобретает особенно важное значение для изучения литературной истории хроники Псевдо-Дорофея в связи с тем, что на лл. 266об.—270 находится незаконченная глава о патриархах Константинополя (. . . περὶ τῶν λοιπῶν πατριάρχων.). Этот текст представляет собой часть большой главы, которая в полном виде существует только в печатном варианте [26]. Что касается рукописей, то еще два списка, кроме списка БЛ, содержат ту же часть этой главы — рукопись Национальной библиотеки в Париже Cod. Paris. gr. 1790 и рукопись τῆς βιβλιοθήκης Κοραῆ 162 на Хиосе [27]. Парижский кодекс имеет следующее название:

Βιβλίον χρονογραφικὸν περιέχον ὡς ἐν συντόμῳ τὰ ἀπὸ κτίσεως κόσμου ἕως καὶ τῆς βασιλείας τοῦ σουλτὰν Μουράτη· συλλεχθὲν καὶ διορθωθὲν παρὰ τοῦ λογιωτάτου κυροῦ Μανουὴλ τοῦ Μαλάξου.

Как видно из этого названия, автор хроники — Мануил Малаксос. Списков хроники с именем Малаксоса имеется в настоящее время пять (из них три содержат более краткий вариант хроники, начинающийся царствованием Константина Великого). Мануил Малаксос известен как переписчик рукописей [28], и не исключено, что, неоднократно переписывая хронику и внося в нее какие-нибудь изменения и дополнения, он ставил в заглавии свое имя (как это было свойственно переписчикам). Парижский кодекс заканчивается теми же словами, что и глава о патриархах в списке БЛ, но по описанию Прегера неясно, обрывается ли здесь текст или переписчик закончил его этими словами. Скорее всего, Мануил Малаксос и писец Иеремия переписывали с рукописей, содержащих один и тот же текст, причем Иеремия сохранил заглавие оригинала, а Малаксос изменил его, вставив свое имя.

Хиосская рукопись имеет такое же название, что и список БЛ, но в ней не указана дата составления хроники. До сих пор наличие главы о патриархах только в списке с именем Малаксоса рассматривалось как довод в пользу авторства Малаксоса в отношении данной главы. Наличие этой же главы в двух рукописях, в заглавии которых автор не указан, лишает этот довод убедительности.

Следует также отметить, что глава об основании Венеции в списке БЛ обширнее, чем в издании: в списке она занимает целую страницу, в то время как в издании это лишь абзац в несколько строк.

Все вышесказанное позволяет предположить, что рукопись БЛ содержит вариант хроники, очевидно, более поздний, чем два предшествующих, вариант, в котором к основному тексту хроники добавлены новые главы.

Несколько слов об истории списка БЛ. Рукопись была привезена в Россию из Палестины известным деятелем XIX в. А. С. Норовым (1795—1869). В книге «Путешествие по Святой Земле», изданной в Петербурге в 1838 г., Норов описывает свое пребывание в лавре Саввы Освященного, где ему удалось приобрести для своей библиотеки славянские и греческие рукописи, среди которых оказалась и рукопись хроники Псевдо-Дорофея. В дальнейшем рукопись вместе со всей библиотекой Норова поступила в Румянцевский музей в Москве (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

---

[26] Издание 1814 г., стр. 439—453. Все последующие ссылки будут даваться по данному изданию.

[27] H. Omont. Op. cit., part 2, p. 144. На наличие этой главы в Парижском кодексе указывает Т. Прегер (op. cit., S. 10); К. Ἀμάντος. Τρεῖς ἄγνωστοι κώδικες τοῦ Χρονογράφου. «Ἑλληνικά», 1, 1928, σελ. 58—63.

[28] О Мануиле Малаксосе см. литературу, указанную в примечании 1.

IV. Четвертый список хроники хранится в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР в Ленинграде под шифром F240 [29]. Рукопись написана в 1622 г., крупным прямым письмом. Размер листа — 30,0×21,0; размер текста — 23,6×14,2. Начало рукописи утрачено. Листы рукописи нумерованы: первый сохранившийся лист — έ (5), последний — υή (408). Недостает лл. 280, 375—378, 400, 401, 404—407. Утрачены также части лл. 53, 70, 135, 174, 218, 219. Рукопись украшена рисунками пером, изображающими библейских царей, римских и византийских императоров, и киноварными инициалами. Заголовки также вписаны киноварью. На л. 286об. находится запись писца: Παναγία δέσποινα θ(εοτό)κε ... βοήθησον (καὶ) τὸν δοῦλον σου Γεώργιον // τὸν ποιήσαντα τὴν ἔξοδον τοῦ βιβλίου τοῦτου, ἅμα καὶ // τῇ συμβίᾳ αὐτοῦ Φραγγούλα... // Ἐτελειώθη ὁ παρὸν χρονογράφος διὰ χειρὸς ἐμοῦ τοῦ εὐ // τελοὺς ἱερέως Στυλιανοῦ τοῦ ἐκ πόλεως Ἰωαννήνων, ἐ // πὶ ἔτους ͵αχκβ (1622) μηνὶ μαΐῳ κθ (29) ἰνδ(ικτίων)ος έ (5) // ἀρχιερατεύοντος κυρίου κυρίου Γαβριὴλ Τορνόβου εἰς Ἀλ // βανὴ τὸ χώριον εἰς τ(ὸν) ναὸν τοῦ μεγάλου Δημητρίου [30].

Рукопись БАН содержит текст хроники, наиболее близкий (лишь с небольшими отличиями) к напечатанному варианту. Поэтому при описании отдельных глав рукописи мы будет ссылаться ниже и на страницы издания 1814 г., содержащие описываемый текст.

Начало рукописи на л. 5 (издание, стр. 18): ... εἶπε σας ὁ θ(εό)ς· νὰ μὴν φά(γε)τε ἀπὸ τοὺς καρποὺς ὁποῦ ἔχει ὁ παράδεισος· τὸ ὄνο // μα τοῦ θ(εο)ῦ οὔτε ὁ Ἀδάμ, οὔτε ἡ Εὔα τὸν ἤξευραν...

После главы об Иоанне VIII Палеологе (1425—1448) на л. 286об. находится вышеприведенная запись писца, после которой следует глава о происхождении турок-османов (издание, стр. 406):

Ἐνταῦθα γράφωμεν καταλεπτῶς πόθεν κατάγεται οὗτος ὁ σουλτᾶν Μουράτης· (καὶ) πότε, (καὶ) πῶς ἔλαβαν τὴν βασιλείαν // οἱ προπάτορες αὐτοῦ, οἱ ὁποῖοι λέγονται Ὀτμανλίδες...

Начало текста: Ἰστέον ὅτι ἔναι πλέον παρὰ ἑξακόσιοι χρόνοι ἀπερασμένοι // ἀφ' οὗ οὗτοι οἱ Τούρκοι ἐν πρώτοις ἐπέρασαν εἰς τὴν Ἀνατο // λήν,... На л. 328об. — конец текста хроники 1570 г. (взятие Кипра Селимом II в 1571 г.; издание, стр. 439): ... ὅρισαν δὲ // οἱ Φράγγοι ἤγουν οἱ Βενέ // τικοι τὴν Κύπρον χρό(νους) // κζ' (27) ἀποθανόντος τοῦ // Ῥεγάτζου, εἰς τὰ ἀφοῦ (1474) // ἀπὸ Χ(ριστο)ῦ γεννήσεως.

На л. 329 начинается продолжение хроники, которое отсутствует в трех вышеописанных рукописях, — прозаический вариант стихотворной Морейской хроники [31]:

Ἡ βασιλεία Ἀλεξίου, τοῦ υἱοῦ Ἰσαακίου τοῦ Ἀγγέλου // (καὶ) εἰς τὸν καιρὸν τούτου ἐπῆραν οἱ Φράγγοι τὴν πόλιν. Начало текста: Μετὰ δὲ τὸν θάνατον τοῦ Ἀλεξίου τοῦ υἱοῦ Ἰσαακίου τοῦ Ἀγγέλ // λου ἐβασίλευσεν Δοῦκας ὁ Μούρτζουφλος, ὁ ὁποῖος ἐσκότωσε τόν Ἀλέξιον... Конец на л. 347об.; ...ἄλλοι δὲ λέγουν ὅτι εἰς τὸν πόλεμον ἐσκοθώθη. Далее на том же листе оставлено место для заголовка, который так и не был вписан. Начало текста (издание, стр. 476): Μετὰ δὲ τὸν θάνατον τοῦ Βαλδοβίνου ἔβαλαν τὸν ἀ // δελφὸν αὐτοῦ βασιλέαν, τὸν Μισὲρ Ῥουμπέρτον... Ниже также оставлено место для заголовка. Начало (издание, стр. 477): Μετὰ δὲ τὸν θάνατον τούτου, ἔγινεν μεγάλη φιλονικία // (καὶ)

[29] Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР. В кн.: «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. II. М.—Л., 1958, стр. 276—279.

[30] Е. Э. Гранстрем (там же, стр. 276) указывает еще на две рукописи, переписанные тем же писцом Стилианом из Янины.

[31] О Морейской хронике см. Ἀ. Ἀδαμάντιος. Τὰ χρονικὰ τοῦ Μόρεως. «Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος», τ. 6, 1906, σελ. 453—682; G. Moravcsik. Op. cit., S. 238—240, Börje Knös. L'histoire de la littérature néo-grecque («Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Graeca Upsaliensia», I). Uppsala, 1962, p. 97—104.

σύγχησις ἀναμέσον τῶν Βενετίκων... Конец на л. 349: ...καλὸς (καὶ) θε // αρέστος, (καὶ) ἀπὸ ἀσθενείας ἀπέθανεν. На л. 349 также оставлено место для заголовка. Начало текста (издание, стр. 478): (М)ετὰ δὲ τὸν θάνατον τούτου ἔλαβεν τὴν βασιλείαν ὁ // γαμπρὸς αὐτοῦ Ἰωάννης Δούκας ὁ Βατάτζης... Конец на л. 350: ...ὁποῦ εἶχεν εἰς τὴν καλογερικήν, (καὶ) ἐ // κεῖ ἀπέθανεν. На л. 350 (оставлено место для заголовка): Ἔλαβε δὲ τὴν βασιλείαν ὁ Μιχαὴλ ὁ πρῶτος τῶν Πα // λαιολόγων, ὁ ὁποῖος ἐβασίλευσεν χρόνους κδ (24), (καὶ) ἐλα // τίνιζεν...

Конец на л. 355об.: ...(μ)ετὰ δὲ // καιρὸν ἔδωκεν πάλιν τοῦ ἀνεψιοῦ αὐτοῦ τὴν αὐθεντίαν. Далее на том же листе — заглавие (издание, стр. 482):

Ἐδὼ γράφωμεν τὴν ἐπιβουλὴν ὁποῦ ἔπαθεν ὁ ἐλεεινὸς πρίντζη // πος ἀπὸ τὸν γυναικαδελφόν του τὸν Νικηφόρον τὸν δεσπότην // τῆς Ἑλάδος. Начало: λοιπόν, ἔσοντας νά γένῃ ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ τοῦ // Νικηφόρου ὁ Θεόδωρος ὁ μπαστάρδος... Конец на л. 361об.: ...ἔκαμε δὲ (καὶ) μέγαν θρῆνον ὁ Ῥήγας // διὰ τὸν περιπόθη τόν του υἱόν· διὰ τὸν θάνατον αὐτοῦ ἀ // ποθανόντος τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ. Далее — заголовок (издание, стр. 488):

Ἐδώ γράφωμεν περὶ τὴν κυ // ράτζαν Μπέταν ὁποῦ ἐχήρευσεν πῶς ἔλαβεν τὸ πρην // τζηπάτον τοῦ π(ατ)ρ(ό)ς της, καὶ ἦλθεν εἰς τὸν Μορέαν. Начало текста: Τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἦσαν δύο φλαμπουραρέοι εἰς τὸν Μο // ρέαν... Конец на л. 363об. (издание, стр. 489): ...(καὶ) ὁ βασιλεὺς Μιχαὴλ ὁ Παλαιολόγος ἀσθενήσας ἀπέθα // νεν.

На этом кончается прозаический вариант Морейской хроники, и далее следуют главы об Иоанне VIII Палеологе и Флорентийском соборе 1439 г. Л. 363об. — заголовок (издание, стр. 490):

Γράφωμεν δὲ (καὶ) περὶ τοῦ Ἰωάννου τοῦ Παλαιολόγου, πῶς // ἔλαβεν τὴν βασιλείαν τῆς Κωνσταντινουπόλεως. Начало: Αὐτὸς δὲ ὁ Ἰωάννης ἔλαβε γυναῖκαν εὐλογητικήν, τὴν ὁποίαν τὴν ἤφεραν // ἀπὸ τὴν Λουμπαρδίαν... Конец на л. 374 (издание, стр. 500): ...καὶ ὑπῆγεν ὁ καθένας // εἰς τὸ σπήτι του. На том же листе — заголовок:

Ἀρχὴ τῆς συνόδου τῆς ὀγδόης εἰς τὴν Φεράραν. Начало: Μετὰ δὲ ὀλίγας ἡμέρας ἐζήτησεν ὁ πατριάρχης καὶ ὁ βα // σιλεὺς τὸν πάπαν διὰ νὰ γένῃ σύνοδος... Л. 403об. (последние строки. Издание, стр. 529): Ὅμως ὡσὰν ἐμίσευσαν οἱ ἀρχι // ερεῖς (καὶ) ὁ βασιλεὺς ἀπὸ τὴν Φηορέντζαν, αὐτὸς ἀπόμει // νεν μὲ τὸν πάπαν, (καὶ) ἔκαμεν αὐτὸν γαρδηνάλιον.... Лл. 404—407 утрачены. И, наконец, на последнем листе — заглавие (издание, стр. 541):

Ἐδὼ γράφωμεν περὶ τὰ ὀφφίκια τῆς βασιλείας τῶν Ῥω // μαίων, ὁποῦ τὰ ἐτύπωσεν (καὶ) τὰ ἔστησεν ὁ μέγας Κων // σταντίνος ὁ πρῶτος βασιλεὺς τῶν χριστιανῶν τῶν ὀρθοδό // ξων, ὁποῦ ἔκτισεν τὴν περίφημον (καὶ) ἑξάκουστον πόλιν.

α. Πρῶτος βασιλεύς.

β. Ὁ σεβαστοκράτορ.

Конец рукописи на л. 408об.: ...τὰ δὲ συρ // ματερὰ σκιάδια ἀ πότοῦ // μεγάλου πρημικύρου, μέ // χρη τοῦ κουροπαλάτου.

Как видно из описания, текст рукописи БАН имеет гораздо более сложный состав, чем три предшествующих списка. Из всех существующих вариантов хроники (известных до сих пор по имеющимся спискам) этот текст по своему составу наиболее близок к варианту, изданному под именем Дорофея Монемвасийского. Основу текста рукописи БАН составляет хроника 1570 г. (вариант, который содержится в списке ГИМ). Следует отметить, что в рукописи БАН запись писца находится не в конце текста хроники, а в середине, на л. 286, непосредственно перед изложением событий, связанных с турецким завоеванием Византии. Писец Стилиан из Янины пишет: ... Ἐτελειώθη ὁ παρὸν χρονογράφος... («...закончен настоящий хронограф...»), а далее тот же писец продолжает хронику, не указывая на то, что это уже другое сочинение.

После текста хроники 1570 г. начинается текст, который до сих пор был известен только по изданию хроники, — прозаический вариант стихо-

творной Морейской хроники (в рукописи БАН лл. 329—363об.). Наличие Морейской хроники в списке БАН делает этот список чрезвычайно важным для изучения литературной истории хроники Псевдо-Дорофея. Сама история издания хроники до сих пор еще не вполне выяснена. До нас не дошла рукопись, с которой было сделано издание, и поэтому можно было делать любые предположения о ее составе. Издатель рукописи мог дополнить ее из других источников в тех ее частях, где он считал это необходимым. Рукопись БАН, переписанная в 1622 г., т. е. за девять лет до издания хроники (первое издание вышло в 1631 г.), свидетельствует о том, что хроника Псевдо-Дорофея в том составе, в котором она была издана, еще до издания имела обращение в списках. Это подтверждается и тем, что по каталогу рукописей Афона удалось обнаружить еще одну рукопись такого же состава — рукопись Кутлумушского монастыря № 213 (Ламброс, 3286) [32]. Афонская рукопись имеет одно очень важное отличие от рукописи БАН: она переписана двумя писцами. Первый из них переписал текст хроники 1570 г., к которому добавлена небольшая заметка о начале царствования султана Мурада III (этой заметки нет в рукописи БАН). Запись первого писца находится на л. 197 и датирована 1616 г. Следующая часть рукописи, начинающаяся прозаическим вариантом Морейской хроники, написана другим писцом (конец рукописи утрачен, поэтому трудно судить о дате переписки этого текста). Не является ли вторая часть Афонской рукописи автографом самого автора прозаической переработки Морейской хроники? Рукопись БАН, переписанную одним писцом, следует рассматривать как более позднюю по отношению к Афонской.

В той части рукописи БАН, которая содержит Морейскую хронику, в нескольких случаях оставлены места для заглавий. Описание Афонской рукописи, составленное Ламбросом, позволяет эти заглавия восстановить, а в одном случае даже исправить. В рукописи БАН на л. 329 в заглавии стоит: Ἡ βασιλεία Ἀλεξίου, τοῦ υἱοῦ Ἰσαακίου τοῦ Ἀγγέλου. . . .

Здесь ошибочно указано имя Алексея, сына Исаака Ангела. В действительности речь идет об Алексее Дуке Мурзуфле. Писец ошибся и в заглавие вписал то имя, которое стоит дальше, в первой строке текста: Μετὰ δὲ τὸν θάνατον τοῦ Ἀλεξίου τοῦ υἱοῦ Ἰσαακίου τοῦ Ἀγγέλλου ἐβασίλευσεν Δοῦκας ὁ Μούρτζουφλος. . . В Афонской рукописи на л. 198 находится этот же заголовок, в котором этой ошибки нет: Βασιλεία Δοῦκα τοῦ Μουρτζούφλου καὶ περὶ πῶς ἐπῆραν οἱ Φράγγοι τὴν Κωνσταντινούπολιν.

Что касается остальных частей рукописи БАН, то они также есть в печатном варианте хроники. Правда, утрачено несколько листов перед последним листом рукописи, где в соответствии с изданием должны находиться заметка об основании Венеции (и перечень ее дожей) и описание пророческой надписи на могиле Константина Великого. Заканчивается рукопись БАН, так же как и первое издание хроники, перечнем чинов византийского двора (Ὀφφίκια τῆς βασιλείας).

Таким образом, список БАН представляет наиболее полную по составу редакцию хроники Псевдо-Дорофея, и поэтому должен быть использован как один из основных списков при изучении истории этого памятника.

V. Наконец, пятый список хроники хранится также в Отделе рукописей БАН СССР в собрании Русского археологического института в Константинополе (РАИК) под № 150. Рукопись датируется первой половиной XVII в. (филиграни: корона со звездой и полумесяцем, якорь в круге с трилистником и три полумесяца; соответствует № 166, 167 и 176 у В. Николаева [33]). Подтверждением этой датировки может быть и то, что в списке

[32] Sp. Lambros. Op. cit., vol. I, p. 297—298.

[33] В. Николаев. Водяные знаки Оттоманской империи, т. I. Водяные

греческих патриархов на л. 83 последним указан Тимофей (1612—1621) [34]. В конце и в начале рукописи недостает многих листов, сохранившихся листов — 214. Размер листа — 27,7×19; размер текста — 21×10,6. Рукопись написана двумя писцами, первый почерк кончается на листе 59об. Переплет XIX в., на корешке вытеснено Βυζαντίνη ἱστορία. Лл. 208—213 вплетены неверно, они должны следовать за л. 189, не хватает также многих листов перед последним листом.

Рукопись содержит часть хроники начиная от библейского предания об Иосифе (таким образом, рукопись начиналась от сотворения мира) и кончая царствованием Исаака II Ангела (1185—1195). Хотя при описании предшествующих рукописей эта часть хроники не описывалась подробно, здесь необходимо это сделать, так как рукопись РАИК имеет некоторые отличия.

Начало текста на л. 1: Ἡ δὲ γυνὴ τοῦ Πεντεφρῆ ἰδοῦα τὸν Ἰωσὴφ νέον εὐμορφώτατον ἠγάπησεν // αὐτόν πολλά... На л. 63 об. заглавие:

Περὶ τῶν ὀνομ(άτων) τῶν Ῥωμαίων βασιλέων τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης. Начало: α̅. Ῥώμουλος ὁποῦ ἔκτισεν τὴν Ῥώμην... Конец: να̅. Κωνσταντῖνος εὐσεβέ // στατος βασιλεὺς ὁ ὁποῖ(ος) ἐνίκησεν τὸν Μαξέντιον κ(αὶ) ἔλαβε τὴν βασιλείαν. На л. 64 заголовок:

Περὶ τ(ῆς) τῶν Ῥωμαί(ων) βασιλεί(ας) πῶς ἄρχησε καὶ περὶ τοῦ Αἰνείου. Начало: Μετὰ τ(ὴν) κατάλυσιν τῆς Τρωάδ(ης) ἕνας στρατηγὸς Αἰνεί(ας)... Конец на л. 80: ...ὡς γνώσιον καὶ καθολικ(ὸν) βασιλέον αὐτῶν. Далее заголовок:

Περὶ τῶν βασιλέ(ων) τ(ῆς) Κων(σταντιν)ουπόλεως τ(ῆς) νέ(ας) Ῥώμης. Начало: α̅. Κωνσταντῖνος ὁ μέγ(ας) ὁ ἅγι(ος) καὶ φιλόχριστος... Конец на л. 80об.: πθ̅. σουλτὰν Παγιαζήτης ὁ υἱὸς αὐτοῦ. ρ̄ σουλτ(άν).... Л. 81 чистый. На л. 81об. заголовок:

Ἡ ἑρμήνευσις τῶν ὑψικίων πάσ(ης) τάξε(ως) τοῦ παλατίου // τοῦ Ξανθοπούλου. Начало: Μετὰ τόν ἀνακταδεσπότος ἐστί // δεύτερος ἀξίωμα σεβαστοκράτωρ. Конец на л. 82: ...δορυφόρων ἔπαρχοι κ(αὶ) πραιτωρί(ων). Далее заголовок:

Περὶ τῶν π(ατ)ριαρχῶν τ(ῆς) Κωνσταντ(ινου)πόλε(ως) καὶ πόσους χρόνους ἔζησεν ὁ καθένας. Начало: Στάχυς ἐκ τῶν ο̄ ἀποστόλων ὃν ἐχειροτόνησεν Ἀνδρεί(ας) ὁ ἀπόστολος... Конец на л. 83: ...Νεόφυτος πάλιν. // Τιμόθεος... Лл. 83об. — 84 чистые. На л. 84об. заголовок:

Περὶ τῆς βασιλεί(ας) τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου καὶ ὅτι ἠλευθέρωσε τοὺς χριστιανούς. Начало: Κωνσταντῖνος ὁ μέγας βασιλεὺς εἰς τὴν Ῥώμην...

Последний лист внизу испорчен сыростью, поэтому конец текста разобрать трудно, виден лишь заголовок Βασιλεία Ἀλεξίου (речь идет об Алексее II Ангеле, 1195—1203). Как видно из описания, основное отличие списка РАИК состоит в том, что перечень чинов византийского двора находится в тексте самой хроники, а перечень императоров Рима и Византии разбит на две части, разделенные несколькими главами.

Кроме указанных пяти списков, в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифром греч. 478 хранится фрагмент хроники, состоящий из двух листов. Он представляет собой часть рукописи монастыря τοῦ Τιμίου Σταυροῦ в Иерусалиме № 28 (рукопись ранее принадлежала лавре Саввы Освященного) [35]. В Публичную библиотеку эти листы поступили от Порфирия Успенского, который привез их из своего путешествия по Востоку [36]. На этих листах сохранилась нумерация рукописи: τιδ′ — τιέ (314—315), а их текст соответствует стр. 340—342 издания 1814 г.

знаки на бумаге средневековых документов болгарских книгохранилищ. София, 1954, стр. 72 и 74.

[34] Μ. Γεδεών. Πατριαρχικοὶ πίνακες. Ἐν Κωνσταντινούπολει, 1890, σελ. 549.

[35] Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Op. cit., τ. III, σελ. 66—67.

[36] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1883 г., стр. 157.

Н. В. СИНИЦЫНА

ПОСЛАНИЕ МАКСИМА ГРЕКА ВАСИЛИЮ III ОБ УСТРОЙСТВЕ АФОНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ (1518—1519 гг.)

В трех русских рукописных сборниках XVI в. сохранилось почти неизвестное сочинение «Изложение отчасти пребываниа и чина сущих в Святей горе святейших монастырей общих и глаголемых особных» [1]. Упоминания о нем есть в описаниях Флегонта Смирнова [2] и П. М. Строева [3], но эти авторы не высказывают никаких суждений об авторе сочинения, времени и обстоятельствах его создания.

Два списка «Изложения» были известны Н. К. Никольскому. В 1898 г. он делал сообщение в заседании Общества любителей древней письменности «О неизвестном доселе послании ватопедского монаха великому князю Василию Ивановичу». В кратком отчете о заседании не сообщено о существе доклада, сказано лишь, что в послании содержится «описание двух форм монастырской жизни на Афоне — общежития и келлиотской жизни» и «льстивая похвала благотворительности великого князя» [4]. Шифр рукописи, в которой находится послание, не указан. В более поздней работе Н. К. Никольский приводит цитату из этого послания и указывает шифр рукописи — Соф. б-ка, № 1490 [5].

Другой список этого сочинения (в рукописи Боровского Пафнутиева монастыря) также был известен Н. К. Никольскому: он опубликовал по этому сборнику сохранившиеся лишь в нем послания Федора Карпова и Максима Грека, характеризующие начало их знакомства вскоре по приезде на Русь афонского монаха [6], а также легенду мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском перело-

---

[1] ГПБ, Новг.-Соф., № 1498, л. 289—305об. ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 4025, л. 126об.—141об.; ГПБ, Кир.-Бел., № 131/1208, л. 172—223об. Последний сборник был обнаружен, когда статья уже находилась в печати, поэтому публикация осуществлена по двум первым спискам. Впрочем, существенных разночтений текст Кирилло-Белозерского сборника не содержит и является самым поздним (конец XVI в.). Подробное описание сборника см. в статье Н. Н. Розова в «Археографическом ежегоднике за 1964 год».

[2] Флегонт Смирнов. Описание 24-х рукописных сборников XVI в. новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1865, стр. 92.

[3] П. М. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина Сторожевского и Пафнутиева Боровского. СПб., 1891, стр. 296—297. Рукопись принадлежала Боровскому Пафнутиеву монастырю, а затем была передана в архив Синода. См. «Описание рукописей, хранящихся в архиве Синода», т. II, вып. 2. СПб., 1910, стр. 893—899, № 4025 (*в настоящее время ЦГИА, шифр. см. выше*).

[4] «Исторический вестник», 1898, т. 72, № 5, стр. 689.

[5] Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII-го. «Христианское чтение», 1907, № 8, стр. 168. Шифр указан неточно — следует № 1498. Возможно, опечатка.

[6] «Христианское чтение», 1909, № 8—9, стр. 1119—1125.

жении [7]. Здесь Н. К. Никольский также не высказывался об авторе и датировке послания.

Между тем авторство Максима Грека не вызывает сомнения. «Изложение» начинается сообщением автора, что он написал его, во-первых, в ответ на неоднократные вопросы («въпроси множицею») великого князя Василия Иоанновича Палеолога «о пребывании и о устроении» афонских монастырей, во-вторых, с целью обличения лиц, хулящих афонские порядки. Один из списков послания — в рукописи Боровского Пафнутиева монастыря — имеет подпись «Максим монах». Мы не знаем другого «Максима монаха», к которому мог бы обращаться Василий III с вопросом об организации афонских монастырей и который выступал бы столь ревностно против «оклеветати хотящих честнаа она и боголепнаа божиа жилища».

Кроме того, еще Н. К. Никольский называл «Изложение» посланием в а т о п е д с к о г о монаха на том, вероятно, основании, что, во-первых, при описании чудес, происшедших на Афоне, автор выбирает такие, *которые так или иначе связаны с Ватопедом, и называет его «н а ш и м* монастырем»; во-вторых, в конце послания автор обращается к Василию III с просьбой о благотворительности Ватопедскому монастырю. А Максим Грек, как известно, был постриженником именно Ватопедского монастыря, и именно этот монастырь направил его в Москву.

Наконец, язык, стиль, манера изложения, его логическая последовательность, четкость композиции вызывают аналогии с другими сочинениями Максима Грека.

Анализ состава сборников, в которых сохранилось «Изложение», служит также косвенным доказательством его принадлежности Максиму Греку, так как в этих сборниках переписано большое число других его оригинальных сочинений и переводов.

Сборник новгородской Софийской библиотеки, составленный в первой половине XVI в.[8], содержит две группы сочинений — жития русских святых (Авраамия Смоленского, Зосимы и Савватия Соловецких) и переводы с греческого. Среди одиннадцати переводных статей, помещенных на лл. 119—236, восемь являются переводами Максима Грека (остальные три невелики по объему; по значению среди них выделяются лишь Главы Агапита к царю Юстиниану). Это следующие переводы: 1) «Житие богородицы» Симеона Метафраста [9]; 2) «Констянтина Порфирогенита о Христе царя греческаго повесть от различных собрана историй о посланнем ко Авгарю. . . образе Христа бога нашего и како от Едеса пренесеся к Коньстянтинюграду. Переведеся с греческиа книги Максимом Греком святогорьским иноком» [10]; 3) Симеона Метафраста — «Слово вспоминательно на праздник Иоанна Богослова» [11]; 4) его же — «Мучение великомуче-

---

[7] «Памятники древней письменности и искусства», вып. 174. СПб., 1909, приложение II, стр. 83—93. Здесь — подробное описание сборника.

[8] Водяные знаки на бумаге относятся к 1508, 1524—1526, 1529—1530, 1552—1553 гг. (№ 1355—1399, 3920, 4170, 1551, 1572, 1573, 619 по Лихачеву; см. Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I—III. СПб., 1899).

[9] В сборнике не указано, что перевод осуществлен Максимом Греком, но мы узнаем об этом из судного дела Вассиана Патрикеева 1531 г., где упоминается «Житие Пречистые, Метафрастово творение, Макъсимова переводу» (см. Н. А. К а з а к о в а. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 295). Здесь же указано, что перевод был сделан десять лет назад, т. е. в 1521 г. (стр. 297).

[10] См. также А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 272.

[11] Указано А. И. Соболевским среди переводов Максима Грека (указ. соч., стр. 267).

ника Никиты [12]; 5) его же «О чудеси святого Михаила архистратига иже в Хонех» [13]; 6) Василия Великого — «О св. мученике Варлааме» [14]; 7) Симеона Метафраста — «Мучение св. Дионисия Ареопагита» [15]; 8) *его же — «Слово въспоминательно о св. апостоле Фоме»* [16].

Сборник Боровского Пафнутиева монастыря, второй половины XVI в., разнообразный по составу, содержит большое число оригинальных сочинений и переводов Максима Грека, причем здесь «Изложение» об Афонской горе помещено непосредственно в окружении произведений Максима Грека: лл. 106—120об. — «Слово обличительно отчасти латинскаго злословия в нем же и на Алманака . . .» — сочинение против астрологии [17]; лл. 120об. — 123об. — Послание Николаю Немчину [18]; лл. 123об. — 126об. — Переписка с Федором Карповым [19]; лл. 126об. — 141об. «Изложение» об афонских монастырях. После «слова» Григория Нисского следуют переводы Максима Грека: 1) лл. 159—162 — Симеона Метафраста «Слово воспоминательно о житии и скончании святого апостола и евангелиста Матфея»; 2) лл. 189—199об. — Симеона Метафраста «Мучение Дионисия Ареопагита»; 3) лл. 200—217 — «Константина Порфирогенита о Христе повесть . . .». Последние два перевода были помещены и в предыдущем сборнике. Лл. 217—253 — послания Максима Грека Федору Карпову [20]. Интересно отметить, что все оригинальные сочинения Максима Грека, помещенные здесь, написаны до первого суда над ним, до 1525 г.

Датировать послание следует 1518—1519 гг. Для этого есть следующие основания. Известен еще целый ряд посланий Максима Грека великим князьям — Василию III и Ивану IV. Все они непременно содержат просьбу отпустить его на Афон. Так, в послании по поводу перевода Толковой псалтири Максим Грек извещает Василия III об окончании дела, ради которого он был приглашен в Москву, и просит: «Мне же и сущим со мной братии возвращение ко святей горе» [21]. В другом послании Василию III, опубликованном В. Ф. Ржигой и датированном им 1521 г., также читаем: «Мы же и себе и честную обитель Ватопед поручаем царствию твоему, яко да изволит отпустити нас восвояси» [22]. В «Главах поучительных начальствующим правоверно» (1548 г., по датировке В. Ф. Ржиги) среди царских добродетелей Максим Грек называет следующую: «любочестне прилежати к пришельствующим странным, или купци суть, или призваны быша от них. . . ниже обидими от тутородных, ниже силою удержатся и возбраняются возвратитися восвояси» [23]. В. Ф. Ржига справедливо видит здесь личный намек [24].

С просьбой отпустить его на Афон Максим Грек обращается в трех посланиях к Ивану IV [25].

---

[12] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 266—267.
[13] Там же, стр. 265.
[14] Там же, стр. 270.
[15] Там же, стр. 265.
[16] Там же, стр. 266.
[17] Сочинения Максима Грека, ч. I, стр. 457—484. Здесь и далее сочинения цитируются по первому казанскому изданию 1859—1862 гг.
[18] Там же, стр. 341—346.
[19] «Христианское чтение», 1909, № 8—9, стр. 1119—1125.
[20] Сочинения Максима Грека, ч. I, стр. 347—376, 235—267.
[21] Там же, ч. II, стр. 316—317.
[22] В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. ТОДРЛ, I, 1934, стр. 116 (далее — В. Ф. Ржига. Максим Грек).
[23] Сочинения Максима Грека, ч. II, стр. 183.
[24] В. Ф. Ржига. Максим Грек, стр. 68.
[25] Сочинения Максима Грека, ч. II, стр. 356, 376—379; В. Ф. Ржига. Максим Грек, стр. 119.

И только одно публикуемое послание Василию III не содержит просьбы Максима Грека отпустить его на Афон, хотя в этом послании, специально посвященном афонским монастырям, эта просьба была бы наиболее уместной. Причина этого может быть только одна — послание было написано тогда, когда Максим Грек еще не закончил той работы, для которой он был вызван с Афона — перевода Толковой псалтири. Перевод этот занял у Максима Грека год и пять месяцев, как он сообщает в послании Василию III [26]; приезд его на Русь относится к марту 1518 г.[27]; следовательно, перевод был им закончен к концу 1519 г. Этим промежутком времени и следует датировать послание об афонских монастырях.

В тексте послания также есть указание на то, что оно было написано очень скоро по приезде Максима Грека в Москву. В конце послания, призывая Василия III к благотворительности Ватопедскому монастырю, Максим Грек замечает, что этот монастырь всегда пользовался расположением предков великого князя; об этом и «златопечатленное слово приснопамятнаго Андроника изъявляет, его же и принесохом семо убо, не явихом же *силному царству твоему даже до сего дни, ожидающе твоего царскаго повелениа*» (л. 305). Если Максим Грек писал, что еще не успел передать великому князю специально привезенный для него документ, то это могло быть, конечно, лишь вскоре после его приезда.

Настойчивое упоминание о милостях к Ватопеду Андроника Палеолога, называемого «праотцом» великого князя московского, и царствовавшего после него Иоанна содержится и в другом месте «Изложения» (л. 293об.) и снова со ссылкой на «златопечатное слово приснопомнимого Андроника». В грамоте властей Ватопедского монастыря Василию III о Максиме Греке читаем: «Воспомянухом мы многую и великую любовь бывших царей кир Иванна и Андроника Палеологов, твоего царствия прародителей и праотец, ими же начась иж о нас священная сиа и царская обитель Ватопеди, сущую их ктиторию и жилища призираа добре, устроаху всегда» [28].

Максим Грек привез с собою не только «златопечатное слово» (хрисовул?) Андроника Палеолога, но и какие-то другие документы: известно, что в Царском архиве в XVI в. хранился «список з грамоты, что дали в Святую гору прежние государи з земли, списан у Максима Грека» [29]. Если власти Ватопеда, отправляя Максима Грека в Москву, снабдили его такой солидной «исторической аргументацией», то это показывает, что Максим Грек имел специальное поручение — добиваться благотворительности московского правительства в пользу этого монастыря [30].

* * *

Чтобы охарактеризовать публикуемое сочинение Максима Грека, необходимо выяснить, во-первых, его место среди других русских описаний афонских монастырей; во-вторых, причины его возникновения, связанные с интересом московского правительства к Афону; в-третьих, его

[26] Сочинения Максима Грека, ч. II, стр. 300.

[27] ПСРЛ, т. VI, стр. 261; т. VIII, стр. 263.

[28] Временник ОИДР, кн. V, 1850, Смесь, стр. 33. Действительно, Андроник Палеолог Старший, Андроник Палеолог Младший и его сын Иоанн Палеолог (первая половина XIV в.) известны богатыми и многочисленными пожалованиями не только, впрочем, Ватопеду, но и другим афонским монастырям (Порфирий Успенский. Восток христианский. История Афона, ч. III, отделение II. СПб., 1892, стр. 150—156).

[29] Описи царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, стр. 20 (л. 238об.).

[30] О миссиях Максима Грека в другие страны с подобными же поручениями подробно см. E. Denissoff. Maxime le Grec et L'Occident. Paris, 1943, p. 322—329.

значение для анализа мировоззрения Максима Грека в момент его приезда на Русь.

От XV и предшествующих веков сохранилось небольшое число «сказаний» об Афоне. Известно «Правило святыя горы», принесенное с Афона печерским архимандритом Досифеем; А. С. Архангельский датирует его XIII—XIV вв [31]; А. В. Горский предполагает XIII век [32] (сохранилось в сборниках XV [33] и XVI [34] вв.). Здесь содержится описание главным образом богослужебных порядков.

К началу XV в. относится «Хождение инока Зосимы» в Царьград, Афон и Иерусалим (1419—1422 гг). Описание Афона очень кратко, содержит лишь перечисление названий 22 афонских монастырей [35].

Несколько полнее запись устного рассказа хиландарского монаха Исайи (вторая половина XV в.). Один из его списков [36], по которому оно было впервые напечатано [37], называет дату 7087 (1579) год. Другая публикация [38] осуществлена по списку макарьевских Четьи-Миней, где стоит явно ошибочная дата «в лето 6097». Издатели исправили ее на 7027—1519 г. на следующем основании: «В рукописном житии св. Саввы Сербского (Царск., № 111) в заглавии сказано: в лето 7025 (1517) пришел от св. Горы старец Исайя и принес к государю и в. кн. житие св. Саввы Сербского. Это исправляет очевидную ошибку писца, написавшего 6097 вместо 7027 (1519)». Однако данное рассуждение основано на случайном совпадении имен.

Леонид о дате послания пишет следующее: «По списку сборника Хлудовской б-ки XVI в. оно относится к 6997 (1489) году; по списку макарьевских Четьи-Миней — к 6097 (очевидно, здесь буква, означающая сотни, опущена по ошибке писца). . . Да и по языку оно древнее двух других сказаний о св. Горе XVI в., о коих будет слово ниже» [39].

В самом послании содержится следующее интересное указание: «Да тот же старец Исайя сказывал: была де в Святой горе грамота великого князя Василья Васильевича перерезана с угла на угол за золотою печатью, и тое де грамоты половина у великого князя в казне, а другая половина

---

[31] А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, ч. I. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882, стр. 20.

[32] А. В. Горский. О сношениях русской церкви с святогорскими обителями до XVIII столетия. «Прибавление к изданию творений св. отцов в русском переводе», VI. М., 1848, стр. 134.

[33] К. Ф. Калайдович, П. М. Строев. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей. . . Ф. А. Толстова, отд. III, № 63 (лл. 128—138). СПб., 1825, стр. 589—591.

[34] ГБЛ, собр. Троице-Серг., № 804, л. 281об.—283об. Водяной знак всего сборника — рука в рукавчике, на котором изображено сердце, над пальцами корона — 1563 г. по Лихачеву (№ 1862, 1863).

[35] Существует несколько изданий: И. П. Сахаров. Путешествия русских людей по святой земле, ч. II. СПб., 1839, стр. 33—62; его же. Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849, стр. 57—69; Леонид. Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV—XVI вв. Чтения ОИДР. М., 1871, кн. I, отд. II, стр. 16—18, а также «Православный палестинский сборник», т. VIII, вып. 3. СПб., 1889, стр. 11—12.

[36] ГБЛ, собр. Троице-Серг., № 793, л. 347—349, 357об.

[37] Чтения ОИДР. М., 1846, год первый, № 4, отд. IV, стр. 32—34.

[38] [В. Григорович-Барский]. Три древних сказания о св. горе Афонской и краткое описание св. Горы, составленное в первое посещение оной В. Барским (1725—1726 гг.). М., 1882, стр. 3.

[39] Памятники древней письменности, вып. 30. СПб., 1882, стр. 2. К сожалению, не указан шифр сборника XVI в. По описанию (см. А. Н. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872) его также не удалось выяснить. А. И. Соболевскому (указ. соч., стр. 388—389) были известны еще три списка сказания: два Гос. публ. библ. — Погод. № 1553 и Увар. № 1776 — имеют дату [70]97=(1589) г.; список Чудова монастыря № 236 имеет дату 6007 г. «Судя по титулу: великий князь, наиболее вероятная дата — 6997=1489 г.».

в Святой горе згорела, да затем де святогорские старцы к великому князю ехати не смеют бити челом» [40]. Это показывает, что Исайя приезжал в княжение преемника Василия II — Ивана III, т. е. в 1489 г., согласно списку Хлудовского сборника и Четьи-Миней. Если предположить, согласно списку Троице-Сергиевой Лавры, что Исайя приезжал в 1579 г., то ссылка на сгоревшую грамоту Василия II становится бессмысленной: к 1579 г. на Афоне было достаточно грамот Ивана III, Василия III и Ивана IV.

Сказание Исайи сообщает о размере дани, которую платят афонские монахи солунскому митрополиту, константинопольскому патриарху и турецкому султану, а также очень краткое описание монастырей. Возможно, подробное перечисление всех даней турецкому султану имело целью побудить Ивана III дать «милостыню» афонским монастырям.

От XVI в. сохранилось гораздо больше сочинений, посвященных Афону. В сборнике 30-х годов XVI в.[41] содержится «Въспоминание отчясти святыа горы Афоньскиа, како наречена бысть святаа гора и коих ради дел тако прозвася» — апокрифическое сказание о пришествии богородицы на Афон. Порфирий Успенский писал, что это сочинение «в еллинском подлиннике и в переводах греческом и славянском появилось между 1568 и 1659 годами. . ., поводом к нему послужило ходячее народно-монашеское предание» [42]; Порфирий опубликовал это сказание по рукописи афонского сербского монастыря св. Павла [43]. Самый факт наличия этого сочинения в русском сборнике 30-х годов XVI в. (редакция более пространная) опровергает утверждение Успенского о возникновении его между 1568 и 1659 гг. Не было ли связано появление его на Руси с Максимом Греком? [44]

В 1550 г. приходившим в Москву игуменом хиландарского монастыря Паисием было составлено для митрополита Макария Сказание об Афонской горе [45]. Сказание содержит сведения о количестве монахов, размере дани туркам и географическом положении афонских монастырей.

Гораздо полнее другое описание афонских порядков, составленное в 1560 г. игуменом русского Пантелеймонова монастыря Иоакимом также по просьбе митрополита Макария [46]. Сохранилось также описание Афона Иваном Мешениновым, посланным туда в 1584 г. с богатой милостыней от Ивана IV [47].

По полноте и обстоятельности изложения, по выбору предметов и тем для описания из всех сочинений XVI в., посвященных Афону, наибольший интерес представляют послание Максима Грека Василию III 1518—1519 гг. и сказание Иоакима 1560 г.

---

[40] [В. Григорович-Барский]. Три древних сказания, стр. 7. Известно послание Василия II проту Пахомию и всем афонским монастырям о действиях митрополита Исидора и об осуждении его московским собором 1441 г. См. Флегонт Смирнов. Описание. . ., Приложения, стр. 3—11. Но это едва ли та грамота, о которой говорит Исайя.

[41] ГБЛ, ф. 173 (Фунд.), № 50, л. 44—48. Водяной знак всего сборника — гербовый щит под короной, в щите три геральдические лилии, под щитом буква Р — 1534 г. по Лихачеву (№ 1589—1590).

[42] Порфирий Успенский. Указ. соч., ч. II. Киев, 1877, стр. 21.

[43] Там же, стр. 129—131.

[44] См. также Порфирий Успенский. Указ. соч., ч. III, отд. II. СПб., 1892, стр. 453—457.

[45] Опубликовано дважды: [В. Григорович-Барский]. Три древних сказания, стр. 8—10; Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым, вып. X. М., 1881, стр. 60—63.

[46] Опубликовано дважды: Чтения ОИДР. М., 1846, год первый, № 4, отд. IV, стр. 15—31; Памятники древней письменности, вып. 30. СПб., 1882.

[47] Сношения России с Востоком по делам церковным, ч. 1. М., 1858, стр. 137—144; см. также Чтения ОИДР. М. 1871, кн. I, отд. II, стр. 63—66.

Уже этот краткий обзор русских сочинений XV—XVI вв., посвященных Афону, показывает большой интерес к нему русского общества. Послание Максима Грека Василию III засвидетельствовало интерес к Афону со стороны правительства. Если Василий III неоднократно обращался («въпроси множицею») к приехавшему в Москву ученому афонцу с вопросом об организации афонских монастырей, а тот написал для великого князя специальное сочинение на эту тему, то возникает вопрос о причинах подобного интереса.

Не только памятники древнерусской письменности, но и другие источники — летописи, статейные списки и посольские книги — характеризуют связи России с Афоном. Так, Воскресенская и I Софийская летописи под 1496 г. содержат следующее известие. В августе возвратились в Москву русские послы в Валахию Иван Ощерин и Лука Волошанин, и вместе с ними прибыл волошский посол Иван Питар. «Да с тем же послом волошким приидоша к в. кн. игумена да три старцы из Святыя горы, из монастыря св. Пантелеймона, милостыня ради. И князь велики их пожаловал, милостынею издоволил, а на иные монастыри святыа горы милостыню с ними же послал и отпустил их с тем же послом вместе, понеже бо из старины тот монастырь святаго Пантелеймона в Святей горе строение беаше первых великих князей рускых» [48]. На основании этого известия М. Н. Тихомиров делает вывод: «Русский Пантелеймонов монастырь на Афоне окончательно делается патрональной обителью московских царей» [49].

Сохранилась (в списке XVIII в.) жалованная грамота Ивана III от ноября 1499 г. Пантелеймонову монастырю о свободном проезде в Россию монахов этого монастыря для сбора «милостыни» [50].

Особенно оживленны были сношения России с Афоном в княжение Василия III. Воскресенская летопись сообщает о том, что в 1507 г. в Москву приходили дьякон Пахомий и монах Яков за милостыней [51]. В январе 1509 г. в Москву приходили монахи Пантелеймонова монастыря Василий, Симеон и Яков и принесли великому князю две грамоты. Первая — от прота всех афонских монастырей Паисия, в которой он извещал о получении милостыни, посланной через Пахомия («златниц сто шестьдесят»), называл Василия III «кормителем и ктитором» и желал ему победы «над иноплеменными языки» [52]. Другая грамота — от игумена Пантелеймонова монастыря Саввы — также говорит о получении большой милостыни («соболей пять сороков, пять тысяч белок и чара серебряная»). Здесь же содержится интересное упоминание о каких-то пожалованиях Ивана III Пантелеймонову монастырю: «Он имел доброе усердие и желание за сии монастыри вашей ктитории и впредь больше хотел жаловать, но прешел к богу» [53].

Почти одновременно с афонскими монахами в Москву приходили посланцы из сербских земель: от белградского митрополита Феофана, от вдовы деспота Стефана инокини Ангелины, от деспота Иоанна и из Кучайны, из монастыря Преображения с просьбами о милостыне [54]. Монахи белградского Успенского монастыря сообщают Василию III, что они «были пред сим посланы к благочестивому его отцу, который принял их

---

[48] ПСРЛ, т. VIII, стр. 232—233; т. VI, стр. 41—42.

[49] М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник». [М.], 1947, стр. 182.

[50] ЦГАДА, ф. 197. Рукописное собрание А. Ф. Малиновского, портфель № 2, д. 33.

[51] ПСРЛ, т. VIII, стр. 247.

[52] Сношения России с Востоком по делам церковным, ч. 1, стр. 12—13.

[53] Там же, стр. 13—14.

[54] Там же, стр. 14—20.

милосердно и даровал милостыню монастырю их, дал от себя грамоту, чтобы когда захочет митрополит, посылал бы с сею грамотою за сбором милостыни» [55].

В ответ на эти просьбы Василий III отправил 24 июня 1509 г. милостыни и грамоты: на Афон в Пантелеймоновский монастырь и проту Паисию на нужды всех монастырей по пять сороков соболей и пять тысяч белок и грамоты о свободном сборе милостыни в России. Посланы были пожалования белградскому митрополиту Феофану (причем в грамоте ему содержится указание на то, что великий князь посылал прежде милостыню «предместнику его Григорию»), деспотице Ангелине [56] и в Кучаинский монастырь Преображения [57].

Интересен факт совместного в 1496 г. и почти одновременного в 1509 г. прихода в Москву афонских монахов: в первый раз — с волошским послом, а во второй — с посланцами из сербских земель, и одновременное отправление Василием III грамот и милостыни на Афон и в Сербию. Это говорит о связях судеб Афона после турецкого завоевания с судьбами южнославянских и молдовлахийских земель, о надеждах православного балканского населения на помощь Русского государства. М. Н. Тихомиров, говоря об ослаблении политической и культурной роли Византии в XIV—XV вв., пишет: «Вместе с тем бесконечно выросло значение южнославянских центров культуры. Сербская и болгарская образованность сильно развилась в XIV—XV вв., несмотря, вернее вопреки, тяжелому политическому положению этих стран, сопротивлявшихся турецкой агрессии. Центром славянской и греческой взаимности в это время окончательно сделалась Святая Гора — Афон» [58].

1515—1517 гг. — важная страница в истории взаимоотношений России с Афоном.

12 декабря 1512 г. московское правительство направило в Турцию посла М. И. Алексеева, который вернулся на Русь с турецким послом Феодоритом Камалом [59]. 15 марта 1515 г. Камал был отпущен из Москвы, а в Турцию направилось посольство В. А. Коробова. Вместе с посольством в Турцию были отправлены на Афон Василий Копыл и Иван Варавин [60], а также приходившие в Москву в конце 1514 — начале 1515 г. монахи афонской лавры св. Афанасия и Ватопедского монастыря [61]. С ними отправлены на Афон (проту и всему освященному собору) три грамоты: одна о милостыне в две тысячи рублей афонским монастырям, другая с просьбой о присылке «переводчика книжного», третья — жалованная грамота на свободный проезд в Россию афонских монахов для сбора милостыни [62]. Весьма примечателен факт совместного отправления посольств в Константинополь и на Афон. Чтобы ответить на вопрос о целях афон-

---

[55] Там же, стр. 16.

[56] Сын Ангелины, сербский деспот Иован, имел жену Елену Яшкич, сестра которой, Анна, была матерью Елены Глинской, будущей жены Василия III. См. М. Н. Тихомиров. Исторические связи. . ., стр. 189—192.

[57] Сношения России с Востоком по делам церковным, ч. 1, стр. 20—22.

[58] М. Н. Тихомиров. Россия и Византия в XIV—XV столетиях. ЗРВИ, кн. 7. Белград, 1961, стр. 35. См. также И. Дуйчев. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. ТОДРЛ, XIX, 1963, стр. 121—129.

[59] ПСРЛ, т. VI. стр. 253, 254. См. также Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1. «УЗ МГУ», вып. 94, 1946, стр. 73 и сл.

[60] ПСРЛ, т. VI, стр. 257. См. также Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО), т. 95. СПб., 1895, стр. 105—106.

[61] Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916, стр. 8. Факт взят из греческих статейных списков.

[62] Сношения России с Востоком по делам церковным, ч. 1, стр. 22—24; Временник ОИДР, кн. V, Смесь, стр. 31—32.

ского посольства, попытаемся проследить историю путешествия Василия Копыла и Ивана Варавина.

Достигнув Кафы в начале июня 1515 г., посольство направилось на корабле в Царьград лишь 3 августа [63]. В. А. Коробов вернулся в Москву *19 февраля 1516 г. и сообщил, что «Копыл с Варавиным остались в Царьграде»* [64]. Следовательно, через год после отправления Копыла и Варавина на Афон они еще не достигли цели своего путешествия, а находились в Турции. Интересные сведения об их дальнейшей судьбе содержит грамота к великому князю от русского посла в Крыму Ивана Мамонова 22 октября 1516 г.[65]: «Да здесь, государь, прислал ко мне изо Царя-города Варавин грамоту, а в ней только и писано: здесь нам жити нужно; а тамгу с нас взяли, а другую хотят взяти. А боле того, государь, в ней не писано ничего. А про турского, государь, про посла к тебе ко государю слуху нет, а турскому, государь, на се лето валка будет с Кизылбашем, а сам в Ядрене поле [66] турской, а Копыл зимовал у него в Ядрене, а во Святую гору пошел пред Великим днем, а турской ему дал своих дву чегушов. Да оттоле Копыл еще не бывал». Об этом же сообщают и летописи: «Василий Копыл из Царягорода пошел в святую гору Афонскую. . . с милостынею, а Варавин остался в Цареграде великого князя для потреб» [67].

Таким образом, русские посланцы на Афон нашли необходимым свое столь длительное пребывание в Константинополе; Василий Копыл поехал за султаном в Адрианополь и зимовал там, в то время как Иван Варавин оставался в Константинополе. Только весной 1516 г., перед Пасхой, Василий Копыл отправился на Афон; Иван Варавин туда вообще не ездил, оставаясь в Константинополе. Это подтверждает и грамота властей Ватопедского монастыря Василию III об отправлении к нему Максима Грека, сообщающая о приходе на Афон одного Копыла: «Василий Копыл многими и великими труды и искушенми и убытки, их же прият от безбожных агарян, едва дойде до нас смиренных здрав» [68].

И. Денисов, определяя дату отъезда Максима Грека с Афона, предполагает, что Василий Копыл, Максим Грек и сопровождавшие их лица в июле 1516 г. уже были в Константинополе, выехав с Афона в июне [69]. Он делает это предположение на том основании, что грамота константинопольского патриарха Феолипта, привезенная в Москву митрополитом Янины Григорием (он прибыл вместе с Максимом Греком) [70], датирована июлем 1516 г.[71]

В апреле 1517 г. посольство было еще в Константинополе, как мы узнаем из наказа, данного русскому послу в Турцию Дмитрию Степанову (посольство не состоялось, так как посол был убит по дороге татарами) [72].

И. Денисов предполагает, что Максим Грек, Василий Копыл и все внушительное греческое посольство были на девять месяцев насильственно задержаны в Константинополе. Однако причины этой задержки остаются неясными.

---

[63] Сб. РИО, т. 95, стр. 229.
[64] ПСРЛ, т. VI, стр. 257. См. также Сб. РИО, т. 95, стр. 236.
[65] Сб. РИО, т. 95, стр. 369—370. В датировке этого документа в сборнике РИО явная ошибка; грамота привезена в Москву «лета 7025 октября 22» (стр. 354), т. е. в 1516 г., а не в 1517 г., как в публикации.
[66] Вероятно, Адрианополь, который был столицей турецких султанов до завоевания Константинополя.
[67] ПСРЛ, т VIII, стр. 259.
[68] Временник ОИДР, кн. V, Смесь, стр. 33.
[69] E. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident, p. 348—349.
[70] ПСРЛ, т. VI, стр. 261; т. VIII, стр. 263.
[71] Акты исторические (далее — АИ), т. I, СПб., 1841, стр. 175, № 121.
[72] Сб. РИО, т. 95, стр. 427.

В конце ноября 1516 г.[73] посольству Ильи Челищева был дан и такой наказ: «Да и о Копыле ему и о Варнавине пытати, где они ныне, и отпустил ли их салтан» [74].

Интересно, что весной 1517 г. русское правительство уже предполагало совместное возвращение с Афона Копыла и Варавина и прибытие из Константинополя турецкого посла, которого ждали в Москве: в наказе Дмитрию Челищеву давались инструкции на случай, если он встретит на пути турецкого посла, Василия Копыла и Ивана Варавина [75].

В мае 1517 г. посольство выехало из Константинополя; Василий Шадрин и Илья Челищев сообщают великому князю из Крыма: «Да здесе, государь. . . Копыл и Варавин в Кафу вышел поздорову со всем, а с ним, государь, вышел митрополит [76], да и иные с ним черньци, а дополна, государь, не ведаем, сколько с ним черньцов» [77]. В Кафе посольство задержалось долго, существовала какая-то переписка между ним и великим князем; Василий Шадрин и Илья Челищев сообщали в августе 1517 г.: «А Копыл, государь, и Варавин в Кафе, и мы, государь, к нему грамоту послали, что государь, ты к нам отписал» [78].

В феврале 1518 г. Василий Шадрин, сообщая о своем возвращении из Крыма, писал: «Да едет, государь, со мною Копыл и Варавин, а с ними, государь, едут митрополит сам-друг от патриарха изо Царя-града, да из твоего, государь, монастыря от Пантелеймона святого едет Сава проигумен, а из Вартопета, государь, едет к тебе, государю Максим старец сам-третей, а торговых, государь, людей едет со мною с Чарыгом Затрегуб кафинец. . . Доехали есмя до Сулы дал бог поздорову» [79]. В марте, как известно (т. е. ровно через три года), посольство вернулось в Москву.

Таким образом, русские посланцы на Афон ехали туда не только за ученым переводчиком, не только везли богатую милостыню от Василия III и Соломонии на поминовение родителей и молитву о рождении наследника, но и выполняли какие-то иные поручения. Указание на тамгу, которую с них взяли в Константинополе, вряд ли показывает, что они выступали там единственно в роли купцов. Вероятно, они выполняли и какие-то политические поручения, о характере которых источники ничего не сообщают; мы не знаем, каковы были «потребы великого князя», о которых сообщают летописи и ради которых Иван Варавин, посланный на Афон, так и не добрался туда, оставаясь в Константинополе, а другой посланец на Святую гору, Василий Копыл, перед поездкой на Афон зимовал в Адрианополе, отправившись туда вслед за уехавшим султаном.

Однако документы, привезенные посольством [80], позволяют сделать некоторые предположения на этот счет.

Особенно интересна грамота к великому князю от игумена русского Пантелеймонова монастыря [81]. Он обращается к Василию III: «Будь

---

[73] В датировке документа в сборнике РИО снова ошибка. Следует: 1516 г.=ноябрь 7025 г. (стр. 419).

[74] Сб. РИО, т. 95, стр. 407.

[75] Там же, стр. 428.

[76] Григорий, митрополит Янины. См. выше.

[77] Сб. РИО, т. 95, стр. 438, 441.

[78] Там же, стр. 474.

[79] Там же, стр. 495—496.

[80] Всего было привезено пять грамот: три к митрополиту Варлааму (константинопольского патриарха Феолипта, игуменов Ватопедского монастыря Анфима и Пантелеймонова монастыря Паисия (АИ, т. I, стр. 175—177, № 121—123) и две к великому князю: от властей Ватопеда (о ней говорилось выше) и от игумена Паисия (Сношения России с Востоком по делам церковным, ч. I, стр. 29—31).

[81] Сношения России с Востоком по делам церковным, ч. 1, стр. 29—31. Здесь высказана интересная мысль об авторе: «Несколько малороссийских оборотов речи дают повод думать, что писавший ее игумен был сам из числа малороссиян» (стр. 29).

новым ктитором отчины своей, дому и обители св. Пантелеймона; малым трудом ты потрудишься, а великую мзду и милость восприимешь от бога, и почесть и похвалу в будущем веке, и сие тебе вменится от бога, как бы тому, кто от основания его создал; ибо сам господь пречистыми устами извещает: будут первии последними, а последнии — первими». Интересно, что афонский монах обосновывает будущую роль московского великого князя той же аргументацией, ссылкой на тот же евангельский текст (Матф., XIX, 30), что и московский митрополит Зосима, автор «Изложения пасхалии» — литературного произведения, где излагается воззрение, получившее в XVI в. форму теории «Москвы — третьего Рима» [82].

В той же грамоте Паисия изложена и другая просьба монахов Пантелеймонова монастыря: «Еще приносим любовное моление великому государю, что какая есть пшеница на пашне, чем монастырь содержится, с той турки берут у нас десятину; пошли о том некую речь турскому царю, ибо знает твое государство, чтобы не брали с нас десятины и нашему бы монастырю не давать им ничего» [83]. Не удивительно, что, получив такую просьбу, Василий III особенно заинтересованно расспрашивал Максима Грека об афонских монастырях. Мы не знаем, выполнил ли эту просьбу Василий III; но когда монахи Хиландарского монастыря, приходившие в 1550 г. в Москву для сбора милостыни, просили о том же Ивана IV, он писал турецкому султану в 1551 г.: «И мы, не презря их моления, пишем к твоей любви, да дастся им от тебя защищение и облегчение дани твоей» [84]. В 1560 г. к Ивану IV прибыло большое посольство от нескольких монастырей Афона с целью «бити челом благоверному царю и просити милостыни на сограждение монастырская и святых церквей и на искупление братии от безбожных турков» [85].

Таким образом, связи Русского государства с Афоном были вызваны взаимным стремлением обеих сторон — стремлением ряда афонских мона-

---

[82] Я. С. Л у р ь е. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 375, 377, 380 и др. М. Н. Тихомиров пишет, что с начала XVI в. «в грамотах болгарского, сербского и греческого духовенства появляются новые мотивы: мысли о великой роли России в деле будущего освобождения славянства» («Исторические связи. . .», стр. 182).

[83] Сношения России с Востоком по делам церковным, ч. 1, стр. 31.

[84] Л е о н и д. Историческое описание сербской царской лавры Хиландаря. М., 1868, стр. 96—98.

[85] Памятники древней письменности, вып. 30, стр. 5. История взаимоотношений России с Афоном в период правления Василия III и Ивана IV значительно шире настоящей темы. Приведем лишь некоторые известные факты. Известно протестующее участие афонских монахов в деле о разводе Василия III. М. Н. Тихомиров предполагает, что основа споров лежала глубже чисто церковных мотивов («Исторические связи. . .», стр. 193). Вероятно, сношения России с Афоном на какое-то время были прерваны в связи с осуждением Максима Грека в 1525 г., но уже от 1543 г. известна жалованная грамота о свободном проезде в Россию монахов Пантелеймонова монастыря для сбора милостыни (Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I. СПб., 1857, стр. 127—128). Уже говорилось о посольстве монахов Хиландаря к Ивану IV в 1550 г.; другое такое посольство было отправлено в 1555 г. с целью просить московского царя взять Хиландарь под свое непосредственное покровительство: «чтобы его богомолья была другая во Святой горе» (первой был Руссик) (ПСРЛ, т. XX, ч. 2, стр. 558). Просьба эта была исполнена: в 1556 г. Хиландарский монастырь получил грамоту о сборе милостыни, в 1557 г. богатые дары, а в 1571 г. жалованную грамоту на владение двором в Москве (Л е о н и д. Указ. соч., стр. 99, 101). Эта грамота сохранялась в монастыре до XIX в. (Порфирий У с п е н с к и й. Указатель актов, хранящихся в обителях Святой горы Афонской. ЖМНП, 1847, ч. 55, № 8, стр. 196). Афонские монастыри получили богатые дары в результате их посольства 1560 г., о котором говорилось выше, а также с посольством Андрея Кузминского 1571 г. к султану Селиму, константинопольскому патриарху и на Афон (Л е о н и д. Указ. соч., стр. 102). В 1584 г. на Афон с богатой милостыней был отправлен Иван Мешенинов (Сношения России с Востоком по делам церковным, ч. 1, стр. 137—144; Чтения ОИДР, 1871, кн. I, отд. II, стр. 63—66).

стырей пользоваться покровительством богатых московских государей, надеждой на их помощь в избавлении от турецкого ига — и заинтересованностью московских великих князей в Афоне в связи с определением основных задач внешней политики по отношению к Турции, в связи с растущей активностью в сношениях России и Турции, в связи с расширяющейся турецкой экспансией. «Сношения России с южнославянскими странами, — пишет М. Н. Тихомиров, — кажутся явлением чисто культурного порядка, но за ними скрываются большие политические интересы. . . Русское государство . . . сделалось единственным покровителем порабощенных славянских народов. . . Однако на протяжении почти двух столетий московское правительство вело себя крайне осторожно по отношению к Турции и избегало крупных и неприятных конфликтов, а еще более вооруженного столкновения с империей султанов, несмотря на упорные попытки германских императоров, римских пап и польских королей привлечь московских государей в общую коалицию против турок» [86].

* * *

Но не только соображения внешней политики заставляли Василия III интересоваться Афоном. Максим Грек отмечает в начале своего сочинения, что написал его не только в ответ на просьбу великого князя, но и с целью обличения лиц, хулящих афонские монастыри. Он не сообщает, кто эти люди, какой характер носила эта «хула». Но мы знаем, насколько актуальным продолжал оставаться в это время вопрос о монастырском землевладении [87], знаем, что каждая из борющихся сторон выдвигала в качестве одного из аргументов ссылку на афонские порядки. Так, в соборном ответе 1503 г., отразившем победу иосифлян над секуляризационными устремлениями великого князя, читаем: «Також и монастыри имели села в прежних летех после великаго Антония, преподобный и великий отец наш Геласий села имел, и Афанасий Афонскый села имел, и Феодор Студискый села имел» [88]. Вассиан Патрикеев, наоборот, утверждает противоположное: «Но преже сего вси святии отцы начальницы сел у монастырей не держали — ни Антоней, ни Пахомий Великий. . . ни Афанасий Афонский. . .» [89].

Поэтому вполне естественно, что по приезде на Русь ученого афонца великий князь попросил его рассказать «о пребывании и о устроении» афонских монастырей. Максим Грек, таким образом, сразу же оказался втянутым в полемику вокруг вопроса о монастырском землевладении. Но публикуемое послание показывает, что он не сразу выступил как нестяжатель, как противник монастырского землевладения. Максим Грек, приехав на Русь, обладал богатым опытом и большими знаниями относительно монастырского устройства благодаря знакомству с нищенствующими католическими орденами, с знаменитыми афонскими православными монастырями. Но только непосредственное влияние русской действительности, изучение конкретных условий и целей борьбы, знакомство с живыми ее участниками окончательно сформировали его взгляды по этому вопросу. Это особенно наглядно выступает при сравнении послания Василию III с другим его сочинением — посланием какому-то духовному лицу, также посвященным Афонской горе, но относящимся, как отмечал обнаруживший и опубликовавший его В. Ф. Ржига, «к последнему периоду

---

[86] М. Н. Тихомиров. Исторические связи. . ., стр. 187—188.
[87] Подробно см. Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 53—64.
[88] Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 325.
[89] Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 224—225.

жизни и литературной деятельности автора» [90]. Здесь взгляды публициста получили четкую и законченную формулировку.

В этих посланиях описаны разные стороны монастырской жизни. Не пытаясь подвергнуть анализу все аспекты этих сочинений, обратим внимание на то, как Максим Грек освещает в них два вопроса, которым уделяет наибольшее внимание: об общежитных и особножитных монастырях; о собственном труде монахов и вообще об источниках материального существования и благосостояния монастырей.

Факту различия общежитных и особножитных монастырей Максим Грек придает большое значение, отмечая его уже в самом заголовке своего сочинения. В тексте послания он не описывает все афонские монастыри по порядку (такой способ изложения «мало имат полезное»), но характеризует два основных типа монастырского устройства — общежитный и особножитный, приведя для примера два общих монастыря (Дионисиев и Зограф) и два особных (лавра св. Афанасия Афонского и Ватопед). Интересно отметить, что симпатии Максима Грека всецело на стороне общежитных монастырей, тем не менее он начинает описание с особных — лавры Афанасия и Ватопеда. Почему? Лавра Афанасия Афонского — один из самых главных и крупных монастырей Афонской горы (если не самый главный); сам Афанасий Афонский, создатель ее, вообще считается основателем афонского монашества, и потому Максим Грек именно с нее начинает свое «Изложение», несмотря на то, что экономические порядки ее он считает менее совершенными: богослов берет в нем верх.

Начиная описание особножитной Лавры, Максим Грек подчеркивает, однако, что не с самого начала для нее характерно именно такое устройство: «древле убо, егда благоденьствоваше, общее житие съблюдаше. . . Последи же от грех наших изнемогши и сиа, якоже и прочии, и не могущи питати общежителне своа чада многа бывшаа и попечение тех в всем творити» (л. 291). Таким образом, Максим Грек связывает общежитие с «благоденствием», а особножитие — с «изнеможением». Отметим, что под «изнеможением» Максим Грек понимает отсутствие «милостыни», «благодеаниа» со стороны «царей и благочестивых деспот» (л. 294). По причине этого оскудения была проведена реформа (с санкции константинопольского патриарха), сущность которой Максим Грек излагает следующим образом: «раздели по келиам чада своа по два и по три и по четыре, дающи им на всяк день хлеб доволен и сочиво и от сада своего зелие всяческое, и на келию подаде толик виноград и толики маслицы и инаа некаа плодовитаа древеса, яже сами тружающеся и добре делающе изобилують присно и вина и елеа и всяческих овощев, от них же доволнаа себе съхранивше, преизлишняа продают» (л. 291). Следовательно, особный монастырь обеспечивает своих монахов, живущих в кельях по два, три или четыре человека, хлебом, чечевицей («сочивом») и некоторыми плодами («от сада своего зелие всяческое»). Виноградные же и масличные участки распределены между кельями, и монахи каждой кельи сами обрабатывают их, оставляя себе необходимое для питания, а излишки продавая.

В позднем послании об Афонской горе, вообще более кратком по сравнению с посланием Василию III, порядки особных монастырей описаны более полно. В те дни, когда все монахи выполняют какие-то общие монастырские работы (это бывает обычно раз в неделю, но иногда и чаще), «монастыр кормить обильно всех»; в остальные дни «колачи толико емлють ис трапезы», все остальное получают с своих участков: «Всякой келии свой виноград, из него же вино братиам довлъно, овощи всякые, и огоро-

[90] В. Ф. Ржига. Неизданные сочинения Максима Грека. BS, VI. Prague, 1935—1936, str. 85—86. Текст на стр. 95—99.

дище у них своё всякой келии, в нем же сеют и луку и чесноку и всякие шти и дыни и огурцы и капуста. Такжо у них мрежи свои и всякое орудие рыболовное, ими же добывают всякие рыбы. . . Еству кождо варять в келии». Впрочем, и в особных монастырях есть такие монахи, которые постоянно выполняют какие-то монастырские работы («за которым братиам службы монастырскыя живут»). Они находятся на полном обеспечении монастыря [91].

Общежитие Максим Грек характеризует на примере монастыря Дионисия. Начиная его характеристику, Максим Грек подчеркивает, что он «в истину чист от особства есть» (л. 294об.); эта обитель «общее житие от начала имевше и даже доселе пребывающе чистейша» (л. 295). Два основных отличия от особножитных монастырей характеризуют его. Первое — всякое отсутствие у монахов личной собственности («ниже до иглы. . . власти дръжати в келии, кроме изволениа настоащаго» — л. 295). Второе: вклад, который могут внести в монастырь поступающие в него, не влияет на положение монаха в монастыре: «Аще некы от приходящих приносит с собою сребро, — не истязуются [92] сиа нужне или аки о согласии вклада. . . [93] Ниже сребро нужне истязуеться отцы, ниже аще не дасть, изженуть его; не буди таковое братоненавидение, но и приат бысть любезне в монастырь и упокоен бысть добре, наипаче лучше имеють единаго трудника брата, неже десять въкладщика» (лл. 296—296об.).

В особных же монастырях самый факт и размер вклада существенно влияют на будущее положение монаха: «В Лаврах же аще кто от своего изволениа. . . принесеть сребро. . . — и сотворят его свободна от тяжких служеб, и по всех в покое пребываеть, иже аще произволить, в монастырскых потребах служить» (л. 296). Максим Грек осуждает такой порядок, называя его «сребролюбием» и «братоненавидением».

В более позднем сочинении Максима Грека, посвященном Афонской горе, мы уже не встречаем таких резких выступлений против особножитных монастырей. Он так же, как и в послании Василию III, описывает порядки общих и особных монастырей в целом, не характеризуя каждый монастырь. Но здесь описание еще более отвлеченно; не описываются порядки какого-то конкретного общежитного или особножитного монастыря, а именно общежитие и особножитие в целом. Максим Грек начинает изложение, в отличие от послания Василию III, описанием общежития, а затем уже — особножития. Отсутствует же критика некоторых порядков особных монастырей потому, вероятно, что в условиях русской действительности различие общежитных и особных монастырей имело другой реальный смысл, чем в условиях Византии и Афона, и это было понято Максимом Греком за время его длительного пребывания на Руси. Н. А. Казакова считает, что признание Иосифом Волоцким общежитного монастыря идеальной формой организации монашества означало в то же время признание им монастырского землевладения и вотчинных прав монастырей [94]; в учении же Нила Сорского «признание скита основной формой организации монашества означало de facto отрицание монастырского землевладения» [95]. Поэтому Максим Грек, противник монастырского землевладения, «нестяжатель», опускает в более позднем сочинении критику порядков особножитных монастырей, высказанную им в момент приезда на Русь, а характеристику этого типа монастырского устройства делает более полной.

---

[91] В. Ф. Ржига. Неизданные сочинения Максима Грека, стр. 97.
[92] «Истязатися» — соперничать (Срезневский).
[93] «О согласии вклада» — согласно вкладу, в соответствии с вкладом.
[94] Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 22.
[95] Там же, стр. 24.

Оценивая отношение Максима Грека к общежитию и особножитию, надо отметить, что в своих симпатиях к общежитию и в осуждении особножития [96] он выступает как противник личной собственности монахов, сторонник суровой дисциплины в монастыре (он допускает возможность таких порядков, когда «в темницу въврьзатися нужа будет, и в юзы благодушне сиа облекаются чюднии» — л. 292об.); он утверждает необходимость для всех монахов трудиться, а также их полное равенство в труде, потреблении и общем положении, противопоставляет «вкладщиков» особножитных монастырей «трудникам» общих, всецело отдавая свои симпатии последним (надо заметить, однако, что сам Максим Грек постригся в особножитном Ватопеде). Но в то же время необходимо иметь в виду еще одну сторону различий между общими и особными монастырями, о которой сам Максим Грек ничего не пишет, но не знать о ней не мог.

Переход афонских монастырей к особножитию (идиоритму) и связанная с этим реформа, о которой говорит Максим Грек, относятся к концу XIV в.[97] Борьба между сторонниками агиоритма (общежития) и идиоритма проходит через всю историю афонского монашества вплоть до XIX в. О ее наличии в XVI в. свидетельствуют по крайней мере два памятника — сочинение афонского инока Пахомия о преимуществах киновитства перед идиоритмизмом (1530 г.)[98] и устав константинопольского патриарха Иеремии (1575 г.), регулирующий внутреннюю жизнь афонских монастырей и специально предписывающий им придерживаться общежития [99]. В чем смысл этой борьбы? Исследователь Ф. Мейер разделяет всю историю афонского монашества на два периода, гранью между которыми он считает конец XIV—начало XV в., время возникновения идиоритмической системы подвижничества, и связывает это событие «с концом средних веков». Он отмечает, что в монастыри-идиоритмы проникает интерес к образованию и знанию, к задачам культуры, к национальности»; в монастырях этого типа «монахи суть личности» [100]. Другие исследователи пишут о том, что монастыри-идиоритмы отличаются от киновитских не только наличием у монахов личной собственности и разным положением монахов в монастыре в соответствии со вкладом, но и менее строгими уставами, менее строгой дисциплиной, меньшей регламентированностью всех сторон жизни монаха. Они способствуют более свободному развитию личности, монахи пользуются в них большей самостоятельностью; в то время как в общежитных монастырях личность полностью подавлена, монастыри-идиоритмы создают условия, обеспечивающие ее относительную свободу [101].

Максим Грек выступает сторонником общежитных монастырей; другой нестяжатель, Нил Сорский, чье учение сложилось также в какой-то степени благодаря влиянию афонских порядков, наоборот, идеальной формой организации монахов считал скит, т. е. в сущности идиоритм.

---

[96] Необходимо сделать оговорку, что Максим Грек критикует не самый принцип особножития, а как бы только одну его сторону, но в сущности главную, такую, которая составляет его материальную основу, — возможность обеспеченного положения монаха в монастыре в соответствии с вкладом, который он дал при поступлении в монастырь.

[97] Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, S. 57; E. Herman. Die Regelung der Armut in den byzantinischen Klostern. «Orientalia Christiana Periodica», vol. VII, 1941, S. 450—460; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 127—128.

[98] Ph. Meyer. Op. cit., S. 212—214.

[99] Порфирий Успенский. Восток христианский. . ., ч. III, отд. II, стр. 563—567.

[100] Ph. Meyer. Op. cit., S. 1—5.

[101] Порфирий Успенский. Восток христианский. . ., ч. III, отд. II, стр. 552—556. См. также И. Соколов. Монашеская республика. «Исторический вестник», 1903, № 6—7, стр. 954—956.

Другой вопрос, которому Максим Грек уделяет большое внимание при описании афонских монастырей, — это вопрос о собственном труде монахов. Характеризуя особные монастыри, он пишет, что там «кождо и себе питает и другаго» (л. 291об.); в общих монастырях монахи также «непрестанно тружаються» (л. 295). Максим Грек подробно перечисляет их занятия: земледелие, ремесла, рыболовство, строительные работы. Французский путешественник Беллони, посещавший Афон в середине XVI в., также отметил эту черту афонской жизни [102].

Но сразу же возникает вопрос: является ли собственный труд монахов, по мысли Максима Грека и в его изображении, единственным источником существования монахов? Каковы вообще материальные источники существования монастырей? Этот вопрос является весьма существенным при анализе мировоззрения любого публициста «нестяжательского» направления. Прямого ответа на эти вопросы в «Изложении» Максима Грека мы не находим; своего отношения к монастырскому землевладению (и афонских, и русских монастырей) автор никак не выражает. Правда, при описании всякого рода занятий монахов особножитных монастырей указывается следующее: «Ови убо на брег устремишася к еже превести от пашня жито, еже инии пришедше в житница събраша» (л. 292). Значит, монастыри владеют пашней, расположенной где-то вне Афонской горы, с которой по морю на корабле привозят жито. Но ничего конкретного об этом Максим Грек не сообщает.

Кроме того, после описания особножитных и общежитных монастырей, а также Кареи — местопребывания прота, Максим Грек рассказывает об основных монастырских службах. О должности скевофилакса (сосудохранителя) Максим Грек пишет, что его обязанностью является также «по списком взимати събираемое от вне сребро от господарей и князей и от всякого православнаго христианина» (л. 300об.). Намечается, таким образом, еще один источник материального обеспечения монастырей.

Читая об обязанностях эконома, узнаем о применяемом в монастырях наемном труде: «Иконом же свое дело имать настоати над всеми службами внешними и внутрьними монастырскыми, о наемницех сущих попечение имети, да имеють потребную пищу в вечер, заутра посылати их идеже дело будет монастырское» (л. 301).

Таким образом, мы видим, что в своем пространном послании Василию III Максим Грек уделяет мало внимания экономическому устройству афонских монастырей. Гораздо подробнее он говорит об этом в другом сочинении об Афонской горе, относящемся к последнему периоду его жизни и публицистической деятельности. Нестяжательские взгляды Максима Грека приобретают в этот период четкую и законченную форму.

Послание, опубликованное В. Ф. Ржигой, адресовано какому-то духовному лицу. Гораздо более краткое по сравнению с посланием Василию III, в композиционном отношении оно сходно с ним: начав с изложения причины написания — просьбы не названного по имени «преподобия», Максим Грек говорит, что не будет полно и подробно описывать все монастыри — это потребовало бы много времени и труда, — и опишет лишь в целом общежитие и особножитие. Но прежде чем непосредственно, сразу же, как он это сделал в послании Василию III, перейти к описанию этих двух форм монастырской жизни, Максим Грек дает четкую характеристику экономического положения афонских монастырей, отсутствовавшую в послании великому князю. Здесь нестяжательские воззрения Максима Грека выражены с полной определенностью.

---

[102] Порфирий Успенский. Восток христианский. . ., ч. III, отд. II, стр. 535—536.

«Вси бо монастыри без имениих, рекже без сел живут, одными своими рукоделии и непрестанными труды в поте лица своего добывают себе вся потребна житийская. Нест у них в казне сребро лишне лежаще, ни в людех по здешнему обычаю; чиста есть Святаа гора от сицевых непохвальных прибыткох» [103].

Здесь отразились три черты нестяжательского идеала Максима Грека: 1) критика монастырского землевладения, как владения «селами» с феодальнозависимым населением; 2) утверждение необходимости для монахов собственным трудом добывать себе средства к жизни; 3) осуждение практики отдачи серебра «в рост», что вообще составляет пафос многих произведений публициста. Однако последующее изложение (непосредственное продолжение вышеприведенного отрывка) вносит существенные коррективы в этот идеал: «Одны у них виногради вне и около монастырех, да вне святыа горы в миру у пашни и двор потребен, и тамо старец строител, келарем его зовут, да два мужика наймита, те орют и сеют. А как настанет жатва, отпущают из монастыря з денгами, и тъи пришед тамо, наймует мужиков и жат и молотит и в житницу сыплет. Из монастыря же отпущают з братиею корабль монастырский взяти оттуду в монастыр весь запас» [104].

Следовательно, Максим Грек не осуждает монастырское землевладение, если оно представляет собою не владение селами с феодальнозависимым населением [105], а владение землей, которая обрабатывается с применением наемного труда. Оплачивается этот наемный труд деньгами, серебром — «милостыней от христолюбцев»; это и пожалования частных лиц, и руга от государства (об этом он писал в послании Василию III — лл. 300об.—301) [106]. Все это, по его мнению, «стяжанием» не являлось. Интересно отметить в этой связи, что Зиновий Отенский, посвятивший целую главу своего сочинения полемике с нестяжательскими воззрениями Вассиана Патрикеева и Максима Грека, развитыми Феодосием Косым и его сторонниками [107], понимал стяжательский характер пожалований государственной власти: «Сами убо, — упрекает он Вассиана Патрикеева и Максима Грека, содержание которых в монастыре обеспечивалось средствами из великокняжеской казны, — со вся иже Руси сел и градов от великого князя всем преизобилующе, — убогим же мнихом нужное притяжати от церковных числом малых деревень возбраняют» [108]. И в адрес

---

[103] В. Ф. Р ж и г а. Неизданные сочинения Максима Грека, стр. 96.

[104] Там же.

[105] А. А. Зимин обратил внимание на следующий факт: «В литературе принято говорить о том, что нестяжатели выступают против монастырского землевладения. Это не совсем точно. Речь шла о владении монастырями селами, т. е. об эксплуатации труда крестьян» (А. А. З и м и н. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв. «История. Фольклор. Искусство славянских народов. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов». М., 1963, стр. 116).

[106] Отсюда понятно, почему афонские монастыри так стремились иметь богатых ктиторов в лице византийских императоров, сербских деспотов, валашских господарей, московских великих князей. Это одинаково как для XVI, так и для XIX вв. «Без постоянно правильного притока на Афон значительных денежных средств из разных концов православного мира существование иноков и обителей на Афоне решительно невозможно, несмотря на все высокие духовные качества прежде бывших и наличных обитателей» [Н. К а п т е р е в. Русская благотворительность монастырям св. горы Афонской в XVI, XVII и XVIII столетиях. «Чтения в обществе любителей духовного просвещения», 1882, кн. V (май), стр. 480—481].

[107] «Реша крылошане: „Максим Грек зело принуждает хранити заповедь нестяжания. . . от него же приемля Косой глаголаше. . .“» («Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия». Казань. 1863, стр. 909).

[108] Там же, стр. 904.

одного Вассиана: «И благоговейный мних Васиян князь разньствовав в брашне от Симонова монастыря ради стяжания двою тысящу вытей. . . — не разньствова же Васьян в брашне от христолюбиваго и благолюбиваго великого князя, имеющаго тмы тмами вытей» [109].

Таким образом, осуществление нестяжательского идеала на практике неизбежно требовало и применения наемного труда, и получения «милостыни от христолюбцев» — руги и частных пожалований.

Нил Сорский, выступавший против стяжаний «иже по насилию от чюжих трудов събираема», в то же время допускал и милостыню от христолюбцев, делая, однако, оговорку: «нужная, а не излишняя», и возможность применения наемного труда: «Такоже делающих у нас, аще лучится от мирских, не подобает должнаго урока отщетевати [110], наипаче подаяти с благословением и отпущати с миром» [111].

В учении Вассиана Патрикеева собственный труд монахов также не является единственным источником их существования. Утверждая в своем каноническом трактате для Кормчей «Собрание некоего старца», что «иноком. . . сел не дрьжати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии, питаяся своима рукама», он в то же время считает: «Аще ли не удовлимся сим, подобает у христолюбцев милостыня приимати нужная, а не излишнее, ни сел, ни многаго богатьства» [112].

Таким образом, если в раннем произведении Максим Грек ничего не говорит о землевладении афонских монастырей, то в более позднем находит необходимым объяснить его с точки зрения своих нестяжательских воззрений и пишет, что эти земли обрабатываются с помощью наемного труда, не являющегося, по его мнению, эксплуатацией, подобной той, которую он наблюдал в русских вотчинно-владельческих монастырях.

Для представителей противоположного, иосифлянского направления, утверждающего право церкви на владение землями, ссылка на порядки афонских монастырей была весьма существенной. Поэтому, когда в 1560 г. в Москву прибыло большое посольство от трех афонских монастырей (о целях его сообщалось выше), митрополит Макарий, защитник неприкосновенности церковной собственности, неоднократно приглашал к себе участников посольства и выспросил у них все об афонских монастырях, что он мог бы использовать для обоснования своих взглядов: «И тех игуменов и старцов святогорских господин преосвященный Макарий митрополит всея Русии м н о г а ж д ы спрашивал со многим духовным и любовным испытанием о святой Афонской горе и о святых тамошних монастырех и церковных чинех, чтобы испытали доподлинно» [113]. В результате появилось «Сказание» об Афонской горе, где, помимо прочих сведений, подробно перечислены все владения одного афонского монастыря — лавры св. Афанасия, а также упомянуты владения ряда других [114]. Вопрос о применяемом здесь труде почти не затронут; есть лишь глухое и не совсем понятное упоминание: «По пашням же у мужиков жонки и детей

[109] Там же, стр. 900.

[110] «Отщетевати» — лишать (Срезневский).

[111] [М. С. Б о р о в к о в а - М а й к о в а]. Нила Сорского предания и устав. СПб., 1912, стр. 6.

[112] Н. А. К а з а к о в а. Указ. соч., стр. 232, 240.

[113] Памятники древней письменности, вып. 30. СПб., 1882, стр. 2.

[114] Это перечисление может послужить источником при анализе землевладения афонских монастырей после турецкого завоевания. Интересно отметить, что в 1560 г. афонские монастыри сохранили многие из тех владений, которые у них были в XIV в.: на островах Скирос, Лемнос, Имброс, в Македонии, Кассандре, «близ Селуняграда». О землевладении в XIV в. см. Г. О с т р о г о р с к и й. Византийские писцовые книги. BS, IX, 2. Prague, 1948 (здесь и литература вопроса). В русском описании 1560 г. упоминается, в частности, метох Гомат (стр. 13, 29), известный среди владений XIV в. (Г. О с т р о г о р с к и й. Указ. соч., стр. 223). Известно, что лишь

несть, ни дворов, но казаки наймуют аспрами, кои пашут хлебы и делают виноградьі»[115]. Для представителей иосифлянского направления было достаточно того, что афонские монастыри владеют землей, вне зависимости от того, кто ее обрабатывает.

Послание Максима Грека Василию III 1518—1519 гг. занимает, таким образом, важное место среди русских описаний афонских порядков; оно интересно также тем, что характеризует интерес русского правительства к Афону и его монастырям в начале XVI в., связанный как с внешнеполитическими, так и с внутренними проблемами Русского государства; наконец, оно является важным источником при изучении эволюции нестяжательских взглядов и вообще мировоззрения Максима Грека.

Текст публикуется по списку ГПБ, Новг.-Соф., № 1498, лл. 289—305об. (условное обозначение — С) с основными (без орфографических) разночтениями по списку ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 4025, лл. 126об.—141об. (А).

л. 289 **Изложение отчасти пребыванна и чина сущих и Святей горе святейших монастырей общих и глаголемых особных и отчасти сказание, яко не от человек ниже человекы, но от божественаго промышленна и помощи съблюдается гора она до днесь.**

Понеже убо крепкое и многохвалное господство твое, в царех благочестивейший и самодръжче божественейший Москвы и всеа Росиа великый княже Василие Иоанновиче Палеологе [1], въпроси множицею нас смиреных о пребывании и о устроении сущих в Святей горе честных обителей, яже [2] еще съблюдаються божественою благодатию, — изволися мне благословно [3] изложение некое отчасти сътворити к твоему величьству, едино убо да сие извещу о всей истинне, второе же и да иже завистию и ненавистию оклеветати хотящих честнаа она и боголепнаа божиа жилища възъущу и в покаание тех приведу их дръзоглаголание, аще и отнюдь
л. 289 об. възмогу сие // съделати, понеже разума завистию и ненавистию единою потоплена преложити покушатися весма неудобьтворимое да не глаголю невъзможное есть.

Възвещу же уложениа и образы и създателей тех не всех — сие бо не точию мне невъзможно, понеже ниже сам сиа от иного слышах, но и мало имат полезное, — но еже в всех просте жительствуемый чин же и устроение в чем и како межи собою разньствують, любоистиннейше излагаю о бозе сведетели, ничто же развратив истины, възвещу же сиа въкратце, сиречь два токмо предложив: единаго от особных монастырей и от общих единаго, аще бо который в сих дву жительствуеть чин и устроение, — и в прочих всех той же узрится.

Начну же сице некако. Гора убо Афон преименована последи гора Святаа ради пришествиа, бывшаго в ней древле, якоже древняя весть пре-
л. 290 дает, еще [4] живе богоматери, егда к Кипру прехо//жаше видети Лазаря,

---

в 1568 г. имения церквей и монастырей были объявлены султаном Селимом II вакуфами государства с предоставлением прежним владельцам права выкупить их [А. П. Каторский. Состояние православного восточного монашества со времени завоевания Константинополя турками (1453). Казань, 1919, стр. 28]. С этим была связана, вероятно, перепись земель, как свидетельствуют несколько опубликованных Порфирием Успенским вакуфнаме афонских монастырей («Восток христианский ...». ч. III, отд. II, стр. 307—315).

[115] Памятники древней письменности, вып. 30, стр. 28.

[1] *А* и Палеологе [2] *А* яже и [3] *А* богословно [4] *А* и еще

и ради крайние добродетели и святыни подвизавшихся божественых мужей в ней древними времены. Есть убо гора Македонии Селунскаго краа к морю, яже простирается внутрь моря к востоком на сто връст, якоже нещую, яже от пръваго вхожениа еже в неа, его же сице некако глаголем Мегалин виглан, сиречь Велиа стража, въздвизается от земля въсхожением жестоким же и острейшим, яко поприщь единаго и пол, от него же пръваго вхожениа донеле же скончается в крайнейшея горы части — на болшее присно и въздвизаеться и утолстеваеться и холмы и хребты высочайшими и частьми [5] съгнетаема. В крайнейшую же часть горы на толику высоту въземлеться много, яко въсходящих в крайнейшее еа верха, аще убо ведрить въздух — видети доброчестнейший остров Еврип отстоаще // далече от Афона, яко поприщь двесте и вяще. Но и древнии писатели л. 290 об. глаголють, яко егда преклониться солнце к западом, достизаеть сень краа верха Афона в острова Лимнос [6] далече отстоащаго яко поприщ 60, который верх до дву поприщь близ к нижней стране есть всенаг [7] камень ради зелныа студени, яко не обретатися что ино тамо, разве трава *некаа малейшаа в каменных щелех, в безсолнечных же удолиих, сущих* под връхом еа, обретаеться снег весь год.

[8] [О вели] [9] цей лавре [10]. Под крайнею убо ногою горы к морю, еже к востоком, на месте равне убо, елико мощно есть, обаче жестоце зелне и каменне, создана есть божественаа в истину и царскаа великаа Лавра преподобнаго [11] и богоноснаго [12] отца нашего Афанасиа Афонскаго, долга и уска, стенами высокыми и толстыми и столпы [13] крепкими округ огражена. Создатель же тоа бысть иже в царех приснопомнимый Никифор Фока, его же уби Иоан // Цимисхис. Лежит же сиа священнаа и честнаа л. 291 обитель прямо к вешним въстоком, коа древле убо, егда благоденьствоваше [14], общее житие съблюдаше [15] по божественых преданиих преподобнаго отца Афанасиа. Последи же от грех наших [16] изнемогши и сиа, якоже и прочии [17], и не могущи питати [18] общежителне своа чада многа бывшаа и попечение тех в всем творити — съвет съвещаша зело мудр и добр, възложив свою нужу священному собору пресвятейшаго патриарха Констянстиняграда и прощение оттуду прием, раздели по келиам чада своа по два и по три и по четыре, дающи им на всяк день хлеб доволен и сочиво и от сада своего зелие всяческое, и на келию [19] подаде толик виноград и толики маслици и инаа некаа плодовитаа древеса, яже сами тружающеся и добре делающе изобилують присно и вина и елеа и всяческых овощев, от них же доволнаа себе съхранивше, преизлишняа // про- л. 291 об. дают; иже неискуства ради или и немощи не могущим братиам сиа делати, ова же и туне немощнейшим дарують. Не в сих же точию упражняются иже на вся преподобнии, но и хитрости всяческиа делають и рукоделиа: ов убо сапожник, ов же ковачь, ин же швець, другый же древодел, ин же здець, ин же точить сосуды, другый на холмех древеса сечет и доски скоблит и брусиа, ин прядет и вязеть клобуки и пояски, другий пишет, ин переплетает, другый сад делаеть, ин же виноград добре делает, другый рыбы ловит и сети плететь, и сим чином кождо и себе питает и другаго, но и того приемшую духовную матерь честную глаголю обитель [20] от своих потов лишену прохладил. Сице убо братиа живуть в себе и обитель [21] изнемогшую ничим же отягчают, но и паче облегчають и упокоают от преизлишних попечений, якоже неции матерелюбцы дети престаревшую матерь ста//рость л. 292 питающе, не до сего же к ней показуют любовь, но и на множайше сию простирают. Егда бо сетвы время настанет или жатвы или гроздособраниа

---

[5] *А* частыми [6] *С на полях; А в тексте* [7] *А* всенаг на [8–9] *доб. по А; С срезано* [9–10] *С на полях киноварью; А в тексте* [11–12] *А нет* [13] *А* пирги [14–15] *А нет* [16–17] *А написано дважды* [18] *А* пытати [19] *А* келии [20–21] *А нет*

или рыбъловитва или зданиа и обновлениа некоего [22] нужа понужает, — которую братию иже по временех преподобнейший игумен с честнейшими старци събора изберет, да ови убо пристоат делом, ови же повелевающим служат и покоряються абие с усердием многым и душевным веселием под иго послушаниа подтицают и ови убо на брег устремишася к еже превести от пашня жито, еже инии предшедше в житница събраша. Друзии же чресла своа мужествене препоасавше и яже [23] к потребе пригоднаа орудиа в руках приемше, наставнику и вожу [24] обители строителю последующе честне, господеви поюще и веселящеся духовне на предлежащее им делание устремишася; и сие не бываеть единою или дважды на год, но
л. 292 присно и не//престано, — едина работа другой последуеть, и един труд
об. другаго присно приносит, и инне убо в мори тружаются, инне же на земли злостражуть, некогда убо ради нужныа потребы монастырей, некогда же ради неправедных вин и злохитръств, яже нечестивии от лихоимственаго изволениа и зависти на благочестивых сътворяют, оних [25] же аще и в темницу въврьзатися нужа будет и в юзы благодушне сиа облекаются чюднии и о тех веселятся мученица [26] образ нещующе бываемаа, иже и аще толикыми труды и бедами ради еже о Христе любве облиаеми во всем животе своем, обаче ниже сице ниспадають, ниже утомляются, но аки некии адаманти мыслении непобедими пребывають и оно едино приобретение помышляюще, аще своею смертию честных обителей съставление искупити възмогут, како убо неправедно есть всякого благочестиваго христианина
л. 293 отвсюду тем съ//страдати истещи всею силою и сподвизатися добрым сим подвигом и спасителным еже отнюдь твоему благочестию в попечение будеть, понеже и над всех имаши прием дань от бога добродетель [27] победителнаа [28]. Но пребывание убо и труды обретающихся богоносных мужей в лаврах Святыа горы, их же пръваа есть честнаа обитель преподобнаго отца нашего Афанасиа, таковое есть въкратце рещи и истиннолюбне, в ней же обретаются мнихи некогда убо 200, некогда же и множайше.

Втораа же по сей есть божественаа и священнаа царскаа обитель пресвятыа богородица Благовещениа нарицаемаа Ватопедин, яже и [29] лежить к полунощней стране горы выше от моря, яко стрелы испущение отстоаща, стенами и сиа высокыми и столпы [30] 9-ми округ огражена в образе тригловидне [31], толико кратчайшаа [32] священныа Лавры преподобнаго отца Афанасиа суща, *елико она тоа есть теснейша* [33]. Създатель же тоа бе, яко
л. 293 при//ахом от блаженых отець, Ватос некто от Испаниа, брат великаго [34]
об. Феодосиа, тем же и [35] древнейша много есть священныа Лавры, понеже [36] Феодосие древнейши Никифора [37]. Но морьское воинство безбожных Аравии тогда владычьствующих нашед, опусти [38] ю и множайшиа красоты лиши, и на лета доволна пребыв пуста, обновися паки при царстве Никифора Фоки прилежанием и сребром пять некых велможь андрианополскых, иже и [39] мнихы бывше в той же честней обители, освящением от бога прославишася; скиптра же [40] греческых царства, иже в царех приснопомнимый господин Андроник Палеолог твой праотець прием многаа благодеаниа от яже в ней чествуемыа иконы богоматере множицею прием, яко же сам исповедаеть в своем златопечатном слове. Многыми и великими благодеании сам и иже по нем царствовав господин Иоанн сию укрепиша и на пръвую еа красоту паки приведоша благодатию и помощию //
л. 294 еже в ней почитаемыа всечистыа богоматере, ныне же и сиа изнемогши подобным образом, яко же и священнаа Лавра, зане лишени быща сии яже

---

[22] *А* некое [23] *А* яко же [24] *А* вождy [25] *А* от них [26] *А* моченица [27] *С на полях; А в тексте* [28] *А* победителную [29] *А нет* [30] *А* стрелници [31] *А* триуголне [32] *А* кратчайши [33] *А* теснейши [34] *А* великаго царя [35] *А нет* [36] *А* понеже царь [37] *А* Никифора бысть [38] *А* опустоши [39] *А нет* [40] *А нет*

от царей и [41] благочестивых деспот благодеаниа. Подобное [42] и сиа пребывание и чин и жителство по всему жителствуеть, яко и священнаа Лавра, и та же паки [43] глаголати не подобает: все бо, что речено бысть мною тамо о трудех и напастех и ревности божественыа и тщаниа и усръдиа еже на дела, тако же и о хитрости и сообщениа еже в немощнейших братей — безразньствене и в той священней обители Ватопеди обрящеши исполняема; разньствует же сиа от оноа множьством иноков в 300 бо сиа умножаеться, и местоположениа имат кратчайшаа и зело веселителна, тако же и недро морское, сиречь пристанище много и кругловидно, вод же не толико изобилуеть, елико Лавра. Но особых убо обителей две сии честнии обители суть доволнаа образованиа // жителства подобных тем. л. 294

От сущих же у нас в истинну общежителей пръваа и в истину чист от об. особства есть в греческых убо честнаа обитель честнаго Предтеча, яже нарицается Дионисиева, в блъгарских же и сербьских честнаа обитель великаго [44] Георгиа, именуемаа Зографова, от них же единого съжитиа *изложивше, доволне покажем аки образом и прочих. Едино бо и в тех* пребывание и та же заповеданиа, аще и друга другую разньствует по тщанию или нерадению тех предстателей, движимаа бо присно человеческаа суть [45] и невъзможно в тех же всегда съблюдатися мерах. Повествуемо убо есть мною священныа обители Дионисиевы известное съжительство, понеже множицею тамо приидох и тех равноаггелное житие известнейше познах, неже иных, елико убо познах, сие реку любоистинне. Сиа убо честнаа обитель създателя име преподобна некоего Дионисиа, тамо подви//завшася, трапезонтянина родом и брата бывша иже тамо тогда митро- л. 295 полита, създана есть и сиа под малым глаголемым Афоном к полудни на камени высоце доволне от моря, обаче не толь [46] велика, якова [47] ныне зриться, но малейша; последи же при наших днех распространися расходы [48] святейшаго патриарха Нифона, иже в ней житие скончавшаго преподобне и освящением от бога прославльшася; стенами же крепкыми всюду ограженa, имат же посреди церковь единовръхну [49] краснейшу честнаго предтеча Рожество празнующи; его же окрест братей келиа двокровны же и трикроны, обитают же братиа яко 95, а не болши, общее житие от начала имевше и даже доселе пребывающе чистейша, яко ниже до иглы, по реченому, власти дръжати в келии, кроме изволениа настоащаго, иже единомыслене вся, яже обители исправляюще непрестанно тружаються и внутрь и вне и на земли и на мори //, яко же и живущеи л. 295 в святейших Лаврах, тии же суще и корабници, и посланници, и винооб. града делатели, и земледелатели, и строители, и келари, и хлебници, и повары и всякую просте службу и потребу обители усръднейше исполняюще, ничто же нигде от общих вещей братьства отнудь усвоающе, но паче прибавляти присно сиа тщатся. Толико же тружающеся ниже духовных нерадят трудов, аще пригоднаа места точию имуть, идеже аще прилучатся тружающеся, егда настанеть время песнопениа, от дел преставше, псалмопение съвръшают священником тем присно споследующим. И обычай общаго житиа правило повсюду съблюдают, сиречь понедельник, среду, пяток единою ясти без масла, вина и рыб и 300 поклонов на всяк день творити.

И яко же тии по вся обители служат, сице паки обитель тех и безсребрене приемлет и постризает, ничто же ино от них истязавши, точию от всеа // душа вконец послушание и благопокорение. Аще некы *от приходя-* л. 296 *щих* приносит с собою сребро, — не истязуются сиа нужне или [50] аки о [51]

---

[41] *А нет* [42] *А* подобне [43] *А* паче [44] *А* великаго мученика [45] *С на полях; А в тексте* [46] *А* толико [47] *А* якова же [48] *А* расходы строением [49] *А* единоверховну [50–51] *А* от

согласии въклада; да не буди таковое сребролюбие и безместие [52], но сами, яко уже чада обители бывше, самоизволне и свободне сие принесуть богови и братству. В Лаврах же аще кто от своего изволениа покоа своего ради или памяти ради своих прародителей принесеть сребро, — приемлють сие отци и покоят его в келии ключиме и подають ему и виноград, и сад, и вино, и елей пръвый год, дондеже уплодит его виноград, и сотворят его свободна от тяжких служеб и по всех в покое пребываеть, иже аще произволить, в монастырских потребах служить. Ниже сребро нужне истязуеться отцы, ниже аще не дасть, изженуть его; не буди таковое братоненавидение, но и приат бысть любезне в монастырь и упокоен бысть добре, наипаче лучше имеють единаго трудника брата, неже десять
л. 296 въклад//щика [53]; в киновиах же вкладщики не именуются, но равне вси
об. · тружаются кождо по своей силе и възрасту и равне вси от обители имуть и одеаниа и обувениа доволнаа в весь свой живот, оно же ведати должни есми, яко аще и равне всех тружатися рехом.

Но есть и в тех некое различие и разсужение потребное — честнейшии бо от братиа, елици искусством вещей и разумом украшени суть, монастыря правление и братии предстательство со игуменом устраают, иже и старци съборныа именуются, суть же сии десять или двенадцать; отнюду же и коих убо тии испытают от среды их, онех и посылают аки наставники и началники всякиа потребныа службы, имеющих под собою братии доволно, иже и послушают тех и всяко служение исполняют тем; священници же и диакони вся церковнаа со всем прилежанием и честию исполняют; среднии же тех, сии убо в сих, друзии же во инех упражняются
л. 297 делех, // яко же рехом, и что по единому сиа глаголю, никто тамо празден видиться пребываа, никто же не в постоании [54] колеблеться; но аще въсхощет некто к иной обители преходити — не попущается; аще же утаився избежит, призывается многажды от игумена своего, и аще не послушает, тогда под юзами отлученна его полагаеть, он же отлученна боязнию наказан, възвращается в свой монастырь и своему пастырю повинуеться, еже подобает везде хранитися и преступаемое исправлятися, благому владыце всегда радующуся о исправлении своего наследиа. Но убо о благочинии и житии иночьском Лавр и киновии толикаа довлеют, могущаа и прочаа участне показати, яже мы изволением преходим ради продлъженна.

Ныне же о общем всеа Горы правлении и их единомыслии речем, но преж даже сиа начнем, потребно нещную изьявити места образ, в нем же собираеми вся Святаа гора о общих ползах советують. Ведомо же да есть,
л. 297 яко // средине хребту Горы начинающу от самыа Великиа стражи и по-
об. среди всю гору разделяющу и на коейждо стране удолиа превелиа и потокы творящу, от них же множайши ради глубины и лесов отнюд непроходимы суть, под страною еже к северу тоа хребта простирается и аки изливается равно некое место и водами изобилно даже до брега морскаго и многыми иными красотами и украшении украшаемо, то место именуеться Карее — или зане орешыны великиа пред монастырем отдревле насажени суть, или зане Каре, сиречь главы всеа Святыа горы место то показуеться [55], зане тамо от всех монастырей събираются преподобнии игумени о укреплении и потребе всех [55а] [совето][55б] ватися [56]. В том месте создана есть священнаа и честнаа Лавра всепреподобнаго отца нашего Прота, в ней же божественаго успениа вышеестественое таинство богоматере празнуется; стенами и та от вне огражена, но ветхыми. Есть же //
л. 298 в ней церковь посреде прекраснейша и превелиа и много старее Святыа Лавры преподобнаго Афанасиа. Округ же того священнаго монастыря

---

[52] *А* безвестие [53] *А* вкладщиков [54] *А* постоани [55] *А* именуется [55а–55б] *доб. по А*; *С срезано* [55б–56] *С на полях*; *А в тексте*

Протова на лици равнины тоа разсеаны суть келии и столпы и кафисмата, сиречь малыа общины, и многы и нарочиты божественых мужей и подвижников в себе имеющиа и церкви, вне же виногради и краснейшиа сады всеразличныа овощи приносящиа. Келлии же те разсеани в ските Карейском, ови убо суть всепреподобнаго Прота, инии же тамо изначала създани от преподобных мужей, инии же священных монастырей суть, от них же множайшии продаются хотящим на месте том пребывати, и на толики лица купяться[57] и на два[58] [и три][59], яже умръшим купившим паки възвращаются под власть монастырскую.

В том месте събираеми преподобнии игумени и честнии старци Святыа горы межь себе советують и лучшаго иже священством и искусством вещей светлейши будет // ис тех избравше власть еже быти пръваго всем иным л. 298
и главу ему дадут, Прота его именовавше, оттого и место Прота то име- об.
нуеться. Егда убо случиться нужа велиа всей Святей горе, тогда обретаемый всепреподобный Прот посылает два мирскых делателей по всем монастырем, дав им грамоты, кои от единыа страны писаны греческы, а от другыа болгарскы, кои и разделивше себе, всю гору Святую обходят по всем монастырем, показующе игуменом грамоты Протовы, тии же абие своих монастырей старцев събравше и Протову грамоту пред ними прочетше, посылають в Карею на утрений день их же от среды себе изберут, иже тамо дошедше и с Протом седевше о них же подобаеть советують, или тамо дело исправиша[60], или мнихов достойных от среды избравше, вне к владящим послаша[61] к коемуждо[62] граду треба будет, давше им и сребро доволно и братию на службу. Сребро же приемлють от общины // от приносимаго бо сребра от вне, и еже благочестивии милостыня ради по- л. 299
сылають, съблюдають часть себе, у Прота да имеют на общую службу всеа Горы, Проту же по вся годы на праздник Успениа пречистыа дають монастыри толико мукы и елеа и вина и воска. Тако же и кождо монастырь длъжен есть дръжати тамо[63] единаго клирика на пение церковных правил, а питаеть коегождо свой монастырь, а пребывают тамо до года или дву кождо по своей силе и тако пременяються. Но коа убо о всепреподобнем Проте и о его съборе толика и таковаа суть вькратце глаголати.

Еще же о уставленых великых службах в Лаврех глаголавше, каково коегождо служение есть, повесть сице заключим. Обычай убо великым Лаврам есть, тако же и меншим монастырем събор имети честнейших старцев, яко же предрекохом, кои с преподобнейшим игуменом седяще, вся монастырскаа с богобоязньством и прилежанием управляют, // восмь л. 299
некоих началных и велиих служб уставивше в монастыре, от них же перваа об.
служба по игумене еклисиархис есть, потом типикарис, третий съсудохранитель, четвертый иконом, пятый болных назиратель, шестый дохиариос, сиречь келарь, семой трапезарь, осмой хортулариос, сиречь скотоблюститель; хлебъня бо и житници и подобнаа тем аки мала суща не съчитаем не яко неключимаа, но зане таа осмь чин дръжат началный и имеют под собою служащих их повелением, а[64] таа не тако, но тии собою потребнаа делають.

Еклисиарха убо сущее дело есть попечение имети церковнаго благолепиа и священничьскаго благочинства и пригожьства, иже и на соборех всегда близ игумена седить и на клиросе тако же от игумена пръвый стоит; того ради игумену преставльшуся или игуменство оставльшу той избирается в игумена; той же и в вне//шних и внутрених монастырьских послу- л. 300
жениих настоательствуеть и братию подвизаеть и место дръжить игуменское в всем, егда тому не сущу, иже и посох дръжить в таковых службах.

[57–58] *С на полях; А в тексте* [58–59] *доб. по А; С срезано* [60] *А* исправит [61] *А* посылают [62] *А* к коему же [63] *А* тако [64] *А* а не

Типикар же священник, и той сый избирается от собора честнейший и доброречив в священникех и устава церковнаго паче искусен, иже имать под собою новоначальных два или три их же и наказуеть всякому служению и благочинию церковному; тии егда послужать доволна лета и искушении аще обрящутся достойни священства и хиротонисаються диакони, и в диаконстве пребывше елико время игумен с собором искусить, совръшаються в священники и в священстве просветившеся приводяться в чин уставщика и еклисиарха и игумена.

Уставщик убо яко рехом пръвое попечение имат хранити с прилежа-
л. 300 нием чин устава иерусалимьскиа церкви, да//вся съвръшаются полнейша
об. в свое время, бдениа на бдениих, славословие на славословиих, и да един кождо тръжественый празник имат уставленое исперва просветление и светлость духовную, господскаа господскы, мученичьскаа мученичьскы, преподобных преподобне. Второе же его дело говорити полунощница велегласно да три псалмы предекса псалмы, и пръвой час и третий и шестый и девятый и мефимон, но служба уставщикова такова есть да вкратце реку.

Скевофилакс [65] же свою службу имат хранити божественыа и священныа съсуды церковныа, коа и износить на господскыа праздники в славу божию и благолепие божественаго дому его и в память вечную освятивших таа приснопамятных царей и деспот. Еще дело его есть по списком взимати събираемое от вне сребро от господарей [66] и князей и от
л. 301 всякого православнаго христианина. Той же съсудохрани//тель, егда повелится от игумена и от всего собора, раздаваеть потребныа расходы и должен есть по щти месяцех дати росчет приходов и расходов.

Иконом же свое дело имать настоати над всеми службами внешними и внутрьними монастырскымы [67] и виноградных делателей управляти и пред враты монастырскыми [68] о наемницех сущих попечение имети, да имеють потребную пищу в вечер, заутра посылати их идеже дело будеть монастырское. Еще дело его есть приходящих иноков и мирян на поклонение в монастырь въводити в онь и поставляти пред игуменом,[69] аще честнейши будут [70], или глаголемому гостиннику, иже и приемлеть их в гостинницу и покоить их елико дней пребудет в монастыре.

Носокомос свое дело имать настоати болнице и попечение имети о бо-
л. 301 лящих братиах в всем; болница же есть дом велик // отделен внутрь мо-
об. настыря, келлиа имеа и вся потребнаа в них же хотящии от братиа егда болезнують тамо приносяться и тамо врачуются с всякою любовию. Имать же и храм внутрь краснейший святых Козмы и Домиана безсребреник, в нем же непрестанно поется служба за братию болящую.

Келар же свою имать службу въсприимати в келарницю коаждо снедиаа суть кроме хлеба и вина, коа и раздаваеть братии по игуменскому и его собора [71] велению.

Трапезар же свое дело имать дръжати хлеб и вино и раздаати таа братии по вся дни, не сам пекучи хлебы, но повелеваа хлебнику да приготовить всегда хлебы; той и в трапезе служить братии с многыми иными подружник.

Скотоблюстителя же дело есть над безсловесными животными, сиречь над конми и мсками, имеа под собою пастухов и служебников доволных //
л. 302 на послужение и управление тех.

Сими убо осмию болшиа службы игумен и старци събора управляють добре вся монастырскаа благодатию господа нашего Иисуса Христа и заступлении пресвятейшиа владычици нашеа богородици, коа и

---

[65] *A* Вкевофилакс [66] *A* и от государей [67–68] *A нет* [69–70] *A нет* [71] *C на полях; A в тексте*

избранне испроси место оно от единороднаго сына еа и бога, да пребудеть в век ей наследие избранное и освященное, яко же яве слышим в житии преподобнаго отца нашего Петра афонскаго, иде же великий Никола и Симеон богоприимец егда изведоша его ис темници, научиша его, где подобаеть ему иночьский подвиг съвершити, Афона быти рекше, его же самаа богомати в обитание себе избра и что треба есть многых словес, иде же сами вещи показуютъ истину. Колици бо горы и пустыни и места на встоце и в Европии и в Ливии и в Палестине и при Иордане от мних обитаема древле и в крайнюю славу и в благый слух // дошедши, завистию л. 302
злоначалника диавола руками варварскыми отнюд запустеша! Сиа же об.
судбами, ими же бог весть, съхранена есть в Европе невредима и аще и безчисленых имат борющих еа от моря и земли. Но откуду ей толика сила и помощь — от премудрости ли человеческой или силы или от крепости места? Никако; но от бога ей необоримаа сиа крепость и заступление есть. Колици бо колижды нечестивии хотевше истребити тоа от хранящиа еа благодати, избавлена бысть, богоборцем истребленым.

Но добро есть, в сей части слова дошедши, и особное некое поведание чюдес, бывших от бога на съхранение и пребытие места, предложити крепкой твоей дръжаве, да имаши наиболшее желание к святому оному месту. Слыши убо, слышах в Святей горе многажды от многых старцев достоверных, поведающих некую таковую чюдную повесть. Глаголаху бо, яко богоненавистный агарянь//ский властелин, благочестивых царей разо- л. 303
ритель Мехмет султан, възшед на гору Косинскую близ града Серрскаго, идеже създан есть чюдный [72] некий монастырь во имя почитаем пресвятейшиа владычица нашеа богородица, к речем прииде с пресвятейшим патриархом Констянтинограда господином Дионисием, тамо тогда пребывающим, ему же глаголаше, яко желаше ехати видети горы Афонскыа и сущаа тамо монастыри, како ся имеють, блаженнейшему же патриарху отвещавшу, яко в власти его есть ехати и не ехати. Он же рече: добро есть нам господарем [73] греческым бывшим познати нам работающих, по словесех же тех на сон обратившуся нечестивому. Священный Дионисие скорбен бысть, всенощную молитву владыце Христу приношаше за Святую гору, моля, да некоим премудрым смотрением [74] отвратит нечестиваго пагубное устремление; его же молитвам услышанным от бога сновидение предста нечестивому //, видяше бо ся ему уже въсходити на Великую л. 393
стражу и в восхожении срести его от връха Горы мужей неких страшных об.
огнеобразных и въоруженных на конех огненых седящих и претящих ему ту, скоро погубити его [75], аще нескоро въспять обратиться. Той же устрашився възбну священному Дионисию страшный сей сон поведа и яко не полезен себе есть, еже тамо приход глаголав, преста проклятый от умышлениа. Сие чюдное поведа многажды блаженый Дионисие, последи пришед в нашь священный монастырь Ватопед.

И бысть явно тамо всем отцем и есть непререкованно: ин некий пръвый советник [76] султан[ь] Баязит[ов] [77], зело ненавидя Святую гору и ища ю истребити [78], прети посланным к нему [79] с дары отцем нашим, яко скоро еа опустит [80] и агарян вместо мнихов вселит в монастыри. Отцем же нашим възопившим с въздыханием и глаголавшим: мы на владычицу нашу пречистую богородицу надеемся и вемы, яко та защитит // и нас и место л. 304
святое свое. Богоборець той нужи пришедши молнии бо с небеси о некий пирг приразися, в нем же лежаше пучетное зелие, еже и възгореся внезапу, многы и великиа домы истреби и человекы многы погуби, тамо скоро пришед за еже помощи, — каменем от стены силне устреленым в бедру

---

[72] *A* чуд [73] *A* государем [74] *A* смирением [75] *A* ему [76–77] *исправлено по A; C* султан Баязит [78] *A* истребити въскоре [79] *A* к нему пришедшим [80] *A* отпустит

поражается смертне, от того болезнию ят зле умирает по неколицех днех, прещении не възмог съвръшити.

Мних некий некоеа ради беды избег от Фесолоникыа, к нашему священному [81] монастырю прибежа, идеже обрете книгу царя Иоанна Кантакузина ю же он на Маамефа написа, прочиташе любезне; по некоем же времени възвратися в Фесалоникею и ят от агарян и незлобием веры Христовы отвръжеся; по сих же болший студ неже славу получити желаа, възыде в Констянтиныград и мучителю пръвых советников друг бываеть,
л. 304 иже и пръвое на Святую гору вины взыскующа //, тогда обретоша благо-
об. получну вину и достойну их злобе, богоотвръженый же той откры им, яко в монастыре Ватопеди есть книга некаа, Маамефа зело похуляа, и злохитрьство съставивше на всю Святую гору, мучителю сие възвестиша и богоотметника оного похваливше пред мучителем, въставляху его на Святую гору, он же ибо бе свыше удръжан, осудив отступника оного и уничижив, бити зельне повеле, преклятый же той, отвсюду отчаався, в печаль зелну впаде и к печали моровым недугом поражается и обезумився чрез всю нощь аки пес лааше даже до зори и своа уды изъяд скверную свою душу зле отрыгну, другый Иуда быв.

Ин нечестивый, предний писарь послан в Европию, лихоимством зелным и нечестием одръжим, запрети внити в Святую гору, и вся яже там написати, даже и до древ плодоносных и дань тяжчайшу наложити Свя-
л. 305 той горе. Входя же // с великою яростию и сверепством, доиде до некиа пашни наша ватопедьскиа, еладьава нарицаема, иде же яд и пит, вечере здрав прескверный, усовным недугом зелне поражается в полунощи и до зорей прескверную свою душу с зелнейшими болезньми извръже.

Но чюдес поведание таково есть, твое же боговенчанное царство, аки суще в всех и надо всеми благочестивейшее и разумнейшее, сице и превзыти всех благоизволи изъобилными даровании и царьскими заступлении, место то святое богородици благотворя и наипаче честный и священный монастырь Ватопедь, иже и изначала приснопамятным Палеологом твоим прародителем весь бе и оттуду благодааниа аки реки текущиа приемляше, яко же и златопечатленное слово приснопамятнаго Андроника изьявляеть, его же и принесохом семо [82] убо, не явихом же силному царству твоему
л. 305 даже до сего дни, ожидающе твоего // царскаго повеления. Но сиа убо
об. такова суть и к толику довлеють. Аще же негде речено есть, что не исполнене, несть дивно, зане не о всех подробну глаголати обещахом в начале, и сие не по страсти некоей сътворивша мя некто да мнит или по зависти сиречь или ради лености, яко некто недобре възмнит, милосерд ми да будет господь, — не того ради, но убоався да неискусством речи и неведением коегождо монастыря истины одръжим, досажу убо честным и в истинну божественым тем обителем, обрящужеся и к твоему божественому и высокому царству лжущь, им же что может быти паче поносно и зазорно житие иночское избравшему.

Здрава в всех и победителя и благоденствена да съхранит господь благочестивейшаго самодръжца нашего и царя Василиа Ивановича Палеолога.[83] [*Максим монах* [84]].

---

[81] *А нет* [82] *А* вемо [83–84] *Добавлено по А; С нет.*

М. А. ЗАБОРОВ

СОВРЕМЕННИКИ—ХРОНИСТЫ И ИСТОРИКИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

1. Важнейшие латинские хроники крестовых походов *

Основные сведения о крестовых походах содержатся в западноевропейских хрониках и других исторических повествованиях XI—XIII вв., к которым примыкают также произведения историков латинского Востока. Одни из этих сочинений непосредственно посвящены крестовым походам, главным предметом изложения в других является или всеобщая история того времени, или история отдельных стран, городов, церкви и т. п., но при этом крестоносные сюжеты также занимают в них значительное место. Собственно говоря, как справедливо заметил К. Каэн, «нет ни одной хроники или анналов (этого времени. — *М. З.*), в которых не упоминались бы крестовые походы» [1]. Перечень хроник, приводимый нами, включает в себя только наиболее значительные из них, и притом главным образом такие, темой которых являются собственно «священные войны» на Востоке.

Первый крестовый поход (1096—1099 гг.), результатом которого явилось завоевание западноевропейским рыцарством прибрежной полосы Сирии и Палестины и создание там Латино-Иерусалимского королевства, привлекал к себе едва ли не наибольшее внимание современных ему и позднейших историков XII—XIII вв. Его описывают прежде всего произведения, созданные самими участниками событий 1096—1099 гг. Это, во-первых, «Деяния франков и прочих иерусалимцев» безвестного итало-норманского рыцаря из отряда князя Боэмунда Тарентского: они представляют собой единственную хронику, принадлежащую перу светского очевидца похода, и написаны на основе его дневника (около 1100 г.) [2]; во-вторых, «История франков,

* Имеются в виду крестовые походы, предпринимавшиеся в страны Ближнего Востока в 1096—1270 гг.

[1] C. Cahen. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche. Paris, 1940, p. 3.

[2] Далее цит. по изд.: Histoire anonyme de la première croisade, ed. L. Bréhier. Paris, 1924. Аноним, автор Gesta Francorum, находился сперва в отряде Боэмунда Тарентского, а начиная с лета 1098 г., после победы крестоносцев над Мосульским атабегом Кербогой под Антиохией, сражался в ополчениях графа Раймунда Тулузского и герцога Роберта Нормандского. Его хроника охватывает события похода до битвы при Аскалоне с египтянами (12 августа 1099 г.). Вопрос об авторской принадлежности этой наиболее ранней хроники похода 1096—1099 гг. уже с начала XVII в., когда она впервые была опубликована в издании Ж. Бонгара (J. Bongars. Gesta Dei per Francos. Hanoviae, 1611), и вплоть до нашего времени остается предметом небывалой по длительности научной дискуссии. См. об этом памятнике: H. Sibel. Geschichte des ersten Kreuzzuges, 2. Aufl. Leipzig, 1881, S. 22—31 [автор убедительно доказал — вопреки мнению прежних исследователей — аутентичность Gesta Francorum и принадлежность этой хроники итало-норманскому рыцарю Анониму, у которого позднее заимствовали основное содержание его произведения Тудебод (ibid., S. 31—32), Гвиберт Ножанский (ibid., S. 32—35), Бодри Дольский (ibid., S. 35—38),

которые взяли Иерусалим» провансальского священника Раймунда Агильерского (писалась главным образом во время осады Антиохии в 1098 г. и в конце 1099 г.[3]); и в-третьих, «Иерусалимская история» французского клирика Фульшера Шартрского (около 1059 г. — около 1128 г.) (ее отдельные части создавались, по мнению исследователей, соответственно в 1101, 1106, 1124 и 1127 гг.[4]). К ним примыкает по своему характеру также принадлежащая очевидцу, но несколько более поздних событий (периода утверждения крестоносцев в Сирии и Палестине в два ближайшие после взятия Иерусалима десятилетия) хроника «Антиохийские войны» Готье Канцлера [5] (ее первая часть написана около 1115 г., вторая — около 1119 г.) [6].

Роберт Монах (ibid., S. 44—46) и некоторые другие современные историки Первого крестового похода]; Ch. Turot. Études critiques sur les historiens de la première croisade. De l'ouvrage anonyme intitulé Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. «Revue historique», t. I, fasc. 1, 1876, p. 67—77; H. Hagenmeyer. Das Verhältnis der Gesta Francorum zu dem Hierosolymita Ekkehardt von Aura. «Forschungen zur deutschen Geschichte», Bd. XV. Göttingen, 1875, S. 21—42 (автор показывает зависимость хроники Эккехарда Аврейского от Gesta Francorum, как ее основы); A. Molinier. Les sources de l'histoire de France, t. I, № 2115, p. 281; L. Bréhier. Histoire anonyme de la première croisade. Paris, 1924, Introduction, p. XII sq. (здесь была выдвинута гипотеза, согласно которой сохранившаяся редакция хроники принадлежит двум лицам: рыцарю Анониму, автору первоначального, весьма точного в фактическом отношении произведения, и некоему клирику, исправившему стиль Анонима, вставившему в его текст речи, цитаты из библии и пр.); см., кроме того, блестяще написанный, но почти полностью лишенный научного аппарата очерк об Анониме в книге румынского историка N. Jorga. Les narrateurs de la première croisade. Paris, 1928, p. 62—73 [очерк был назван «Тудебод» в связи с тем, что, в отличие от Г. Зибеля и Л. Брейе, Иорга считал автором первоначальной редакции хроники французского клирика Тудебода (op. cit., p. 62—64), в действительности, как показал Зибель, являвшегося лишь компилятором]. Из новейших исследований этого вопроса отметим статьи: E. Jamison. Some Notes on the Anonymi Gesta Francorum. «Studies in French Language and Medieval Literature, presented to M. K. Pope». Manchester, 1939, p. 183—208 (приводится ряд новых доказательств достоверности и аутентичности хроники); H. J. Witzel. Le problème de l'auteur des Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. «Le Moyen Age», t. 61. Bruxelles, 1955, p. 319—328 (путем анализа стиля хроники и ее основных речевых оборотов отвергается теория Л. Брейе, доказывается единство Gesta и также утверждается принадлежность всех ее частей одному автору).

[3] Далее цит. по изд.: Raimundi de Aguilers Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. RHCoc., t. III. Paris, 1866. Автор этой хроники состоял в свите и являлся духовником графа Раймунда Тулузского; он был близок также к папскому легату в крестоносном войске — епископу Адемару Монтейльскому из Пюи. Подобно Анониму, Раймунд Агильерский находился в центре многих важных событий Первого крестового похода. См. подробней о нем и его хронике: C. Klein. Raimund von Aguilers. Quellenstudien zur Geschichte des ersten Kreuzzuges. Berlin, 1892.

[4] Далее цит. по изд.: Fulcherii Carnotensis Historia. Iherosolymitana (Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium). RHCoc., t. III. Paris, 1866. Автор этой хроники вначале сопровождал отряд Роберта Нормандского, а затем, с 1097 г., участвовал в действиях крестоносцев Балдуина Булонского в Киликии; в качестве капеллана последнего находился в 1098 г. в Эдессе и поэтому не присутствовал при взятии главным войском ни Антиохии, ни Иерусалима; когда Балдуин занял трон Иерусалимского королевства (после смерти Готфрида Бульонского в 1100 г.), он переселился в Иерусалим, где занимал высокие должности при дворах двух первых королей и фактически являлся официальным историографом Латино-Иерусалимского королевства, в котором прожил почти 30 лет. См. о нем и его хронике: H. Hagenmeyer. Fulcherii Carnotensis. Historia Hierosolymitana. Heidelberg, 1913, Einleitung; D. C. Munro. A Crusader. «Speculum», vol. VII, № 3, 1932, p. 321—335. Бо́льшая часть этого исследования американского историка (оно полностью лишено научного аппарата) посвящена доказательству набожности Фульшера (см. особенно стр. 327 и сл.).

[5] Далее цит. по изд.: Gualterii Cancellarii Bella Antiochena, ed. H. Prutz. Quellenbeiträge zur Geschichte der Kreuzzüge. Danzig, 1876, p. 1—55. Автор был канцлером Рожера Антиохийского и участвовал в его двух походах против эмира Ильгази Халебского (во время первого он попал к нему в плен).

[6] См. подробней: H. Prutz. Op. cit., p. XVII.

Кроме того, история Первого крестового похода не раз освещалась в других специально посвященных этой теме летописях XII в., авторы которых, однако, только в незначительной степени основывались на собственных наблюдениях (и в этом случае нередко приводили оригинальные и свежие данные), в остальном же использовали готовые образцы, главным образом «Деяния франков» Анонима и «Историю» Фульшера Шартрского, компилятивно перерабатывая их и кое-где включая дополнительные материалы, почерпнутые из устных рассказов очевидцев, писем и иных документов. Таковы: хроника участника похода, пуатевинского клирика Пьера Тудебода из Сиврей — «История Иерусалимского похода» (написана преимущественно по «Деяниям франков» Анонима в период между 1101 и 1111 гг.[7]); «Иерусалимская история» епископа Бодри Дольского (около 1047 г.—1130 г.) из Бретани (время ее составления 1108—1110 гг.) [8]; знаменитая «История, называемая Деяния бога через франков» аббата Гвиберта Ножанского (1053—1124 гг.) (написана около 1109 г.) [9]; «Иерусалимская история» реймсского монаха Роберта (? — около 1122 г.) (написана им по поручению аббата Бернара из обители Марм утье около 1107 г. либо между 1112 и 1118 гг.): это первая полная история похода 1096—1099 гг. (от Клермонского собора до 1099 г.) [10]; «Иерусалимец, или книга об угнетении, освобождении и восстановлении святой Иерусалимской церкви» немецкого аббата Эккехарда Аврейского (?—1130 г.) (написана им по возвращении из Палестины, где он пробыл полтора месяца в 1101 г., на основе хроники Анонима, а отчасти — по личным впечатлениям и рассказам очевидцев) [11]; «Деяния Танкреда» нормандского рыцаря Радульфа (Рауля) из Каэна (около 1050—1130 гг.) (написаны на основе личного дневника, рассказов Танкреда и других лиц) [12].

---

[7] Далее цит. по изд.: P e t r i T u d e b o d i seu T u d e b o v i sacerdotis Sivracensis Historia de Hierosolymitano itinere. RHCoc., t. III. Paris, 1866. См. о нем и его хронике: C. P o l l o k. Questionum de quatuor primi belli sacri historiis quae sub Tudebodi nomine comprehenduntur, pars I. Wratislaw, 1872.

[8] Далее цит. по изд.: B a l d r i c i episcopi Dolensis Historia Jerosolimitana. RHCoc., t. IV. Paris, 1879. См. о нем и его хронике: Ch. T h u r o t. Études critiques sur les historiens de la première croisade. Baudri de Bourgueil. «Revue historique», t. I, fasc. 2, 1876, p. 372—386.

[9] Далее цит. по изд.: G u i b e r t i abbatis monasterii Sanctae Mariae Novigenti Historia qui dicitur Gesta Dei per Francos. RHCoc., t. IV. Paris, 1879. См. о нем и его сочинениях: B. M o n o d. Le moine Guibert et son temps. Paris, 1896; L. B o e h m. Studien zur Geschichtsschreibung des ersten Kreuzzuges. Guibert von Nogent. Diss. München, 1954 (нам не доступно).

[10] Далее цит. по изд.: R o b e r t i M o n a c h i Historia Iherosolimitana. RHCoc., t. III. Paris, 1866. См. о нем и его хронике: G. M a r q u a r d t. Die Historia Hierosolimitana des Robertus Monachus. Ein quellenkritischer Beitrag zur Geschichte des ersten Kreuzzuges, Diss. Königsberg, 1892; A. M o l i n i e r. Op. cit., t. I, № 2118, p. 282, а также: F. K r a f t. Heinrich Steinhöwels Verdeutschung der Historia Hierosolymitana des Robertus Monachus. Eine literarhistorische Untersuchung. Düsseldorf, 1905. Эта работа отсутствует у Майера (H. E. M a y e r Bibliographie zur Geschichte der Kreuzzüge. Hannover, 1960, № 1150).

[11] Далее цит. по изд.: E k k e h a r d i U r a u g i e n s i s abbatis Hierosolymita seu libellus de opressione, liberatione ac restauratione sanctae Hierosolymitanae ecclesiae. Ed. H. Hagenmeyer. Tübingen, 1877. См. об авторе и его хронике: H. H a g e n m e y e r. Op. cit., Einleitung, S. 1—38.

[12] Далее цит. по изд.: R a d u l p h i C a d o m e n s i s Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. RHCoc., t. III. Paris, 1866. Автор этой хроники непосредственно в иерусалимской экспедиции не участвовал. Он был свидетелем и очевидцем сражений племянника (двоюродного брата?) Боэмунда — итало-норманского авантюриста Танкреда в Палестине, куда отправился после неудачной войны Боэмунда Тарентского с Византией в 1107 г., и писал свою хронику в Иерусалиме после смерти Танкреда (между 1112 и 1118 гг.). См. об авторе и его хронике: L. B o e h m. Die Gesta Tancredi des Radulph von Caen. «Historisches Jahrbuch», Bd. 75, 1956, S. 47—72; H. G l a e s e n e r. Raoul de Caen, historien et écrivain. «Revue d'histoire ecclésia-

К этой же категории нарративных источников по истории Первого крестового похода, в основном носящих компилятивный характер, могут быть отнесены: «Иерусалимская история» лотарингского каноника Альберта Аахенского (написана между 1120 и 1158 гг.) [13] и в данной своей части покоящаяся преимущественно на этой хронике, но гораздо более поздняя по времени написания «История деяний в заморских землях» архиепископа Гийома Тирского (около 1130—1186 гг.) [14] (создана между 1169 и 1184 гг.) [15]. Этот труд, впрочем, имеет гораздо более широкое зна-

---

stique». Louvain, 1951, t. 46, № 1—2. p. 5—21; R. Manselli. Raoul di Caen nella cultura del secolo XII. «Rendiconti delle sedute dell'Academia Nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storice et filologiche», serie 8, vol. 10, 1955, p. 447 sg.

[13] Далее цит. по изд.: Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana. RHCoc., t. IV. Paris,1879. Произведение Альберта Аахенского содержит, наряду с довольно точными и оригинальными сведениями, массу недостоверных, полулегендарных известий, почерпнутых, вероятно, у пилигримов, купцов, сказителей, возвращавшихся из Палестины и проходивших через Аахен. Именно поэтому хроника Альберта, прежде всего проблема ее достоверности, являлась объектом длительных споров исследователей, которые, как нам представляется, так и не привели к окончательному решению ряда вопросов. Дискуссия эта начиная еще с 40-х годов XIX в. породила большое число специальных исследований. См. H. Sybel. Geschichte des ersten Kreuzzuges. Düsseldorf, 1841, S. 62—107; F. Krebs. Zur Kritik Alberts von Aachen. Münster, 1881; B. Kugler. Albert von Aachen. Stuttgart, 1885; F. Kühn. Zur Kritik Alberts von Aachen. «Neues Archiv der Gesellschaft für deutsche Geschichtskunde», Bd. 12, 1887; B. Kugler. Analekten zur Kritik Alberts von Aachen. Tübingen, 1888; F. Verkruisse. Essai critique sur la chronique d'Albert d'Aix. «Annales de la faculté de philosophie et lettres de l'université libre de Bruxelles», t. I. Bruxelles, 1889; T. Wolff. Die Bauernkreuzzüge des Jahres 1096. Tübingen, 1891; K. Partisch. Über die Glaubwürdigkeit der Historia Hierosolymitana des Albertus Aquensis, Th. 1—3. Arnau, 1903—1908; Th. 4. Wien, 1909; A. Beaumont. Albert of Aachen and the County of Edessa. The Crusades and other Historical Essays Presented to D. C. Munro. New York, 1928.

[14] До последнего времени датой смерти этого историка считался 1185 г. Недавно западногерманский исследователь Г. Майер документально установил, что Гийом Тирский умер осенью 1186 г. См. H. E. Mayer. Zum Tode Wilhelms von Tyrus. «Archiv für Diplomatik», 5/6, 1959/1960, S. 182—201, а также аннотация автора в «Deutsches Archiv für Mittelalter», Köln—Graz, 1961, S. 300.

[15] Далее цит. по изд.: Willermi Tyrensis. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. RHCoc., t. I. Paris, 1844. Сочинение Гийома Тирского, уроженца Палестины, проведшего здесь бóльшую часть своей жизни, охватывает, помимо истории Первого крестового похода, события истории франкского Востока (включая и Второй крестовый поход) вплоть до 1184 г. Первые 15 книг Historiae rerum, в которых излагаются события до 1144 г., являются компиляцией, базирующейся главным образом на данных хроники Альберта Аахенского, отчасти — хроник Раймунда Агильерского, Фульшера Шартрского и Бодри Дольского, а также (для времени между 1127 и 1144 гг.) на сведениях, почерпнутых из бесед с людьми старшего поколения, равно как и из архивных документов. В последующей части своего произведения, рисующей события 1144—1184 гг., автор опирался на собственные воспоминания и впечатления, на свидетельства старших современников, а начиная особенно с 1162 г. (в этом году каноник Гийом Тирский вернулся на родину из Европы, где учился, по-видимому, в Италии) и в значительной мере на материалы архивов, к которым он имел доступ в силу занимаемого им высокого положения в церкви и государстве: в 1168 г. Гийом, посвященный в сан архидьякона, по поручению короля Амори I находился в дипломатическом вояже в Константинополе (вел переговоры с императором Мануилом о союзе против Египта), где прожил более полугода; с 1174 г. был канцлером и наставником юного короля Балдуина IV, с 1175 г. — архиепископом в Тире; в 1178 г. с делегацией церковных сановников был направлен на третий Латеранский собор (1179 г.) в Рим; дальнейшие сведения о его жизни противоречивы и неопределенны. Имеются основания предполагать, что после возвращения из Рима на родину (по пути Гийом выполнил дипломатическое поручение папы Александра III при Константинопольском дворе) архиепископ Тирский не принимал более активного участия в политической жизни Иерусалимского королевства и почти целиком посвятил себя завершению своего исторического труда. См. A. C. Krey. William of Tyre, the Making of an Historian in the Middle Ages. «Speculum», v. XVI, № 2, 1941, april, p. 157—158. В этом исследовании американского историка предпринята удачная в целом попытка

чение, представляя собой первое в летописях сводное сочинение по истории крестовых походов и франкского Востока, охватывающее события почти за целое столетие (с 1095 по 1184 г.).

Бесславно закончившийся Второй крестовый поход (1147—1149 гг.) лучше всего рисуют: хроника «О походе Людовика VII, короля франков, на Восток», принадлежащая участнику похода, королевскому капеллану, монаху, а впоследствии аббату Сен-Дени — Одо Дейльскому (?—1162 гг.) (он излагает события начальной стадии похода — до прибытия войска Людовика VII в Антиохию весной 1148 г., так что сама война крестоносцев в Сирии не описывается) [16], и обстоятельно документированные «Деяния императора Фридриха», автором которых является также участник похода, баварский епископ из Фрейзингена (близ Мюнхена), сводный брат Конрада III и дядя Фридриха Барбароссы — Оттон (около 1110—1158 гг.) (его повествование охватывает всю историю похода, вплоть до провала попыток крестоносцев овладеть Дамаском и пр., но автор излагает все события довольно сжато — в 34—44 и 58—60 главах своего труда) [17].

Известия о Третьем крестовом походе (1189—1192 гг.), единственным успехом которого было отвоевание у «неверных» Акки (Акры) в 1191 г., сохранили многие французские, английские, немецкие и другие западноевропейские хроники. Важнейшие из них: а) большая стихотворная (12 352 стиха) «История священной войны» нормандского жонглера из Эврэ — Амбруаза, сопровождавшего Ричарда Львиное Сердце и по возвращении в Европу написавшего около 1195 г. свою поэму-хронику (на французском языке); в ней излагаются прежде всего события

выделить отдельные этапы работы Гийома Тирского над его историческим произведением, поставив их в связь с фактами его биографии. К сожалению, Крей лишь крайне бегло касается философских воззрений и политических взглядов Гийома Тирского, как они отразились в его «Истории» (см. p. 162—163). Литература о Гийоме Тирском (мы предпочитаем называть его именно «Гийом», а не «Вильгельм», как обычно принято, поскольку сам он считал себя французом: французский язык, что отмечал еще Ф. Лундгрин, историк определяет словами lingua nostra; см. F. Lundgreen. Wilhelm von Tyrus und der Tempelorden. Diss. Berlin, 1911, S. 43) весьма обширна: H. Sybel. Geschichte des ersten Kreuzzuges, S. 108—142; P. Jaffe. Das Verhältnis der Gesta Ludovici zu Wilhelm von Tyrus. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1844; T. Arrighi. Juglielmo di Tiro. «Terre Sainte», № 2, 1878; B. Kugler. Analekten zur Geschichte des zweiten Kreuzzugs. Tübingen, 1878 (глава о Гийоме Тирском, где рассматривается вопрос об оригинальности его свидетельств относительно Второго крестового похода сравнительно с показаниями других хроник; автор доказывает, что Гийом Тирский черпал свои данные из того же источника, что и анонимный составитель Gesta Ludovici VII, см. p. 1—4); H. Prutz. Studien über Wilhelm von Tyrus. «Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde», Bd. VIII. Hannover, 1882, S. 93—132; F. Lundgreen. Op. cit.; A. C. Krey. Op. cit., p. 149—166; H. E. Mayer. Zum Tode Wilhelms von Tyrus. Ed. cit.

[16] Далее цит. по изд.: Odo of Deuil. De profectione Ludovici VII in Orientem. A dissertation. . . for the degree of doctor of philosophy by Virginia Gingerick Berry (The University of Chicago). Columbia University Press. New York, 1948 (далее — Odo de Diogilo). Основные сведения об авторе и его хронике собраны этой канадской исследовательницей в обстоятельном Введении к изданию (см. Introduction, p. XIII—XLIV).

[17] Далее цит. по изд.: Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I imperatoris, rec. G. Waitz. Hannoverae et Lipsiae, 1912, p. 1—161. См. об авторе и его произведениях: G. Waitz. Ed. cit., Prefatio, p. VII—XXVI; P. Brezzi. Ottone di Frisingia. «Bulletino dell'Istituto storico italiano per il medio evo e archivio Muratoriano», t. 54, 1939; J. Spörl. Die «Civitas Dei» im Geschichtsdenken Ottos von Freising. «La Cuidad de Dios», I, 1954, а также в работах: В. В. Стоклицкая-Терешкович. Западноевропейские хроники XII в. как источник для истории международных отношений. «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 113 сл.; Е. А. Косминский. Историография средних веков. М., 1963, стр. 23 сл.

крестового похода английского короля и его воинства в 1190—1192 гг.[18]; б) «Итинерарий паломников и деяния короля Ричарда», написанный каноником (с 1222 г. — деканом) лондонского собора святой Троицы и капелланом ордена тамплиеров — Ричардом[19] (время написания — около 1199 г.)[20]; в) принадлежащая немецкому участнику похода, клирику, близко стоявшему к Фридриху Барбароссе и его канцелярии, обильно насыщенная документами «История похода императора Фридриха»[21], написанная на основе информационных письменных сообщений, с пути направлявшихся автором в Германию[22] (это произведение часто по ошибочной традиции именуется также хроникой Ансберта)[23]; г) близкая к ней

---

[18] A m b r o i s. L'Estoire de la guerre sainte. К сожалению, нам оказалось недоступным издание французского подлинника этого произведения, опубликованного Гастоном Пари в 1897 г. Мы пользовались щедро комментированным английским переводом поэмы Амбруаза в изд.: M. J. H u b e r t and J. L. L a M o n t e. The Crusade of Richard Lion-Heart («Columbia University Records of Civilization. Sources and Studies», № XXXIV). New York, 1941.

[19] Далее цит. по изд.: H. E. M a y e r. Das Itinerarium peregrinorum. Eine zeitgenössische englische Chronik zum dritten Kreuzzug in ursprünglicher Gestalt. Stuttgart, 1962, S. 245—357.

[20] Вопрос о взаимоотношениях поэмы-хроники Амбруаза и Ричардова «Итинерария» в свое время вызвал длительную полемику. У. Стэббс, первый издатель «Итинерария», полагал, что это произведение создано было на основе дневника, ведшегося в Палестине и частями посылавшегося в Англию (см. Itinerarium peregrinorum. . ., ed. W. Stubbs. London, 1864, Introduction, p. XXXIX), а опубликование его относил ко времени вскоре после смерти Ричарда Львиное Сердце (ibid., p. LXIX). Г. Пари, издатель «Истории» Амбруаза, напротив, пришел к заключению, что «Итинерарий» является простым переводом поэмы нормандского жонглера латинской прозой, и, следовательно, именно эта поэма — оригинальный памятник. Только некоторые части ее, по мнению Пари, были заимствованы очевидцем событий Амбруазом из вторых рук (описание осады Акры). См. A m b r o i s. L'Estoire de la guerre sainte, ed. G. Paris. Paris, 1897, p. LX sq. Приводим по: A. M o l i n i e r. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie (1494), t. III. Paris, 1903, № 2332, p. 35; см. также M. J. H u b e r t and J. L. L a M o n t e. The Crusade of Richard. . ., Introduction, p. 4, 6 f. Эту точку зрения отвергла английская исследовательница Кэйт Норгэйт (см. K. N o r g a t e. The Itinerarium peregrinorum and the Song of Ambrois. «The English Historical Review», vol. XXV, 1910, p. 523—547). Установив путем сопоставления обоих текстов, что «Итинерарий» был написан раньше поэмы Амбруаза (Норгэйт датировала латинскую хронику 1199—1202 гг., а французскую поэму — 1203—1207 гг.), исследовательница признала приоритет «Итинерария»; она доказывала вместе с тем, что и каноник Ричард, и жонглер Амбруаз — оба были участниками похода и даже друзьями, находившимися в переписке друг с другом. Новейшие исследователи вопроса — англичанин Дж. К. Эдвардс (см. J. C. E d w a r d s. The Itinerarium regis Ricardi and the Estoire de la Guerre Sainte. «Historical Essays in Honour of James Tait». Manchester, 1933, p. 59—77), а вслед за ним американцы М. Дж. Губер и Дж. Л. Ламонт (см. M. J. H u b e r t and J. L. L a M o n t e. Op. cit., Introduction, p. 3, 10 и др.), отказавшись от воззрений своих предшественников, высказали взгляд, согласно которому авторы обоих произведений писали независимо друг от друга, но пользовались при этом общим источником. На этом основании Губер и Ламонт склонны были даже рассматривать «Итинерарий» и «Историю священной войны» как единое произведение (ibid., p. 22). К сожалению, нам недоступна диссертация американки D o r o t h y B o v é e. The Sources of the Third Crusade, s. a. (рукопись хранится в б-ке Университета Миннесоты; см. M. J. H u b e r t and J. L. L a M o n t e. Op. cit., p. 457; не учтена в «Библиографии» Майера). Майер в своем исследовании об «Итинерарии» пришел к заключению, что этот памятник (точнее — его вторая редакция) является переводом поэмы Амбруаза.

[21] Далее цит. по изд.: Historia de expeditione Friderici imperatoris. Ed. A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Friedrich I. Berlin, 1928, S. 1—115.

[22] Ibid., Einleitung, S. XLII, LXIV—LXV.

[23] Дело в том, что долгое время автором хроники считался австрийский клирик Ансберт. Изучивший рукописи хроники Антонин Хроуст показал, однако, что традиционное мнение об ее авторстве покоится на недоразумении: имя Ансберта действительно фигурирует в заглавии одной из рукописей XIII в. (Штраховского монастыря в Праге), но, как показывает палеографический анализ этого заголовка, он является позднейшей припиской к тексту, сделанной притом двумя лицами: аббатом монастыря Герлахом (1165—1221) и каким-то неизвестным писцом, добавившим к словам Гер-

по тексту анонимная «История пилигримов», написанная около 1194 г. неким салемским монахом на материале этой так называемой хроники Ансберта [24] и свидетельств какого-то очевидца [25] (высказывалась гипотеза, что «История пилигримов» создана была с пропагандистской целью в цистерцианском монастыре в Нейбурге) [26]; д) хроника участника похода, церковного декана из Пассау—Тагенона (?—1190 гг.) «Описание азиатского похода Фридриха» [27] — краткий, но довольно точный походный дневник (от 1189 до 21 июня 1190 г.) [28].

Существует также большое число других хроник и повествований на латинском и французском языках о событиях, относящихся к предыстории и истории Третьего крестового похода. Они написаны как авторами-крестоносцами, так и представителями летописания франкского Востока. Укажем лишь некоторые из этих произведений. Это — анонимная, но

лаха: «edita a quodam Austriense clerico» слова «nomine Ansberte» (A. Chroust. Op. cit., Einleitung, S. XIV, а также XL—XLI). А. Д. Люблинская («Источниковедение средних веков». Л., 1955, стр. 119), следуя традиции, безоговорочно называет автором данной хроники Ансберта, полагая к тому же, что ему принадлежит весь текст произведения, включая изложение событий, происшедших уже после крестового похода (до 1196 г.). Между тем еще Хроуст выделил в хронике две части (первая освещает события собственно похода до гибели Фридриха I, вторая доводит изложение материала до начала 1197 г.), каждая из которых, как он убедительно доказал, должна была иметь своего автора (A. Chroust. Op. cit., Einleitung, loc. cit.). Текстологический разбор первой части позволил Хроусту заключить, что «История похода императора Фридриха» была составлена путем обработки дневниковых заметок, сделанных автором во время похода и тремя частями отправленных (в качестве информационного материала) на родину. После смерти Фридриха Барбароссы автор заметок, который, возможно, явился и гонцом, возвестившим Генриху VI гибель его отца (ibid., p. XL), подверг эти сообщения переработке, в частности снабдил их введением и заключением, а также дополнил известиями, заимствованными из других хроник (ibid., p. XLII). Впрочем, по мнению K. Zimmert («Die Entstehung der Historia de expeditione Friderici I Imperatoris des sogenannten Ansberts». «Mitteilungen des Instituts für österreichischen Geschichtsforschung», Bd. XXI, 1900, S. 71 ff.), это произведение было создано в цельном виде уже во время самого похода.

[24] Далее цит. по изд.: Historia peregrinorum. Ed. A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Fridrich I, p. 117—172.

[25] Ibid., Einleitung, S. XCI.

[26] Ibid., p. LXXXV—LXXXVI.

[27] Tagenonis Descriptio expeditionis Asiaticae Friderici. MGH SS, t. XVII. Hannoverae, 1861, p. 509—523. Многочисленные текстуальные совпадения в дневнике Тагенона с названными выше хрониками (Псевдо-Ансберта и «Историей пилигримов») давно уже обусловили многократные попытки определить взаимоотношения этих трех источников. В процессе текстологического анализа было установлено, в частности, что текст, изданный впервые в 1522 г. немецким гуманистом И. Авентином под видом подлинного дневника Тагенона, на самом деле представлял собою стилистическую обработку в гуманистическом духе произведения этого средневекового автора, сделанную самим издателем (см. M. Kaufmann. Das Tagebuch des Tageno. Kritische Untersuchung der Überlieferung einer Quelle zur Geschichte des Kreuzzuges Friedrich I. Würzburg, 1924). Было высказано предположение о том, что автор так называемой хроники Ансберта был лично знаком с Тагеноном и некоторые свои сведения черпал из его дневника (см. A. Chroust. Op. cit., Einleitung, S. LXIII) и т. п. Подробно полемику о Тагеноне см. также у: H. Steinacker. Zu Aventin und den Quellen des dritten Kreuzzuges. «Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung», Bd. XLI, Hf. 1 u. 2. Innsbruck, 1926, S. 159—184; A. Chroust. Tageno, Ansbert und die Historia peregrinorum. Drei kritische Untersuchungen zur Geschichte des Kreuzzuges Friedrich I. Graz, 1892, S. 12—47; K. Zimmert. Über einige Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Friedrich I. «CXXXV Jahreberichte des II. deutschen Staatsrealschule in Prag», 1907 (1908) (все эти исследования совершенно не учтены Майером в его «Библиографии»); см. также статью F. Guterbock. Il diario di Tageno e alte fonti della terza crociata. «Bulletino dell'Istituto storico per il medio evo. . .», t. 55, 1941.

[28] Автор сопровождал в походе епископа Дитпольда Пассауского [А. Люблинская (указ. соч., стр. 119) неточно называет его епископом «Нассауским»] и умер незадолго до смерти последнего (ее дата — 3 ноября 1190 г.).

явно принадлежащая какому-то образованному теологу с франкского Востока «Книга о завоевании святой земли» — незаконченное произведение, в котором излагается история войн Иерусалимского королевства с Саладином — до завоевания им Иерусалима в 1187 г.[29] (возможно, что Аноним черпал свои сведения из того же источника, которым пользовался лондонский каноник Ричард, автор «Итинерария») [30]; «Повесть о морском походе в святую землю» безвестного немецкого или фламандского клирика, участника описываемых событий (рисует путь флота немецких крестоносцев в апреле—октябре 1189 г. от Бремена до Марселя) [31]; произведение бывшего флорентинского монаха, сделавшего головокружительную церковную карьеру в Иерусалимском королевстве, — Эймара (?—1202 гг.) [32], посреди служебных дел написавшего хронику о взятии Акры [33]; антифранцузский «Роман о Ричарде Львиное Сердце» (написан около 1230 г. по «Итинерарию» и поэме Амбруаза) [34]; составленное около 1194 г. латинское «Продолжение Гийома Тирского» [35] и другие.

Особо следует выделить так называемую «Историю императора Иранлия», иначе именуемую также «Книгой завоевания и утраты святой земли» или «Историей заморской земли» и в целом представляющую собой продолженный французский перевод хроники Гийома Тирского [36].

---

[29] Далее цит. по изд.: Anonymi Chronicon Terrae Sanctae seu Libellus de expugnatione. Ed. H. Prutz. Quellenbeiträge zur Geschichte der Kreuzzüge, p. 63—99.

[30] См. H. Prutz. Op. cit., p. XXXX. Как показал этот исследователь, в своей начальной части, описывающей поражение крестоносцев при Хиттине, хроника покоится на устных сообщениях очевидцев, в частности участника событий, принадлежавшего к окружению графа Раймунда III Триполийского (см. p. XXIX—XXX, XXXVII), а в остальной, рисующей взятие Иерусалима Саладином, является переработкой известий другого крестоносца, принимавшего участие в битве за Иерусалим (ibid., p. XXVIII). Проконтролировав материал хроники показаниями ряда западных и восточных источников, Прутц пришел к выводу о высокой степени достоверности Libelli de expugnatione Terrae Sanctae (ibid., p. XXXI). Он отверг мнение У. Стэббса, считавшего автором хроники английского летописца из Эссекса Радульфа де Коггесхэйль (ibid., p. XXIV sq.), и высказал кажущееся нам правдоподобным предположение, что хроника эта является произведением некоего франкского теолога, который предпринял было предварительную обработку имевшегося в его распоряжении материала с целью написать затем пропагандистское сочинение, содержащее призыв к новому крестовому походу, однако задача, поставленная им, не была выполнена до конца, и произведение осталось незавершенным (ibid., p. XXXVII).

[31] Далее цит. по изд.: Narratio itineris navalis ad Terram Sanctam. Ed. A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Friedrich I, S. 179—196.

[32] Поднимаясь по ступенькам церковной иерархии, Эймар, вначале каноник флорентийского собора Сан-Джованни, затем каноник в Акре и церкви святого гроба в Иерусалиме, в 1180 г. занял должность архиепископа в Кесарии, а с 1194 г. стал патриархом Иерусалимским.

[33] Haymarus. De Expugnando Accone liber tetrastichus. Ed. P. Riant. Paris, 1865. Кроме этого сочинения, Эймар в своем Narratio patriarchae, иначе — De viribus Agarenorum, дал обзор положения в мусульманском мире в конце XII в. Этот своего рода политико-географический трактат был написан в качестве донесения высокопоставленного прелата Палестины папе Иннокентию III (по просьбе последнего).

[34] Le Roman de Richard Coeur de Lion. Ed. G. Paris. «Romania», t. XXVI, p. 353—393.

[35] Continuatio Guilelmi Tyrii, ed. M. Salloh. Greifswald, 1934. В результате позднейших добавлений это произведение в его настоящем виде охватывает события за время от 1192 до 1220 г. Возможно, автор его пользовался тем же источником, который лежал в основе «Итинерария» лондонского каноника Ричарда. Ср. C. Cahen. La Syrie du Nord à l'époque des croisades. . ., p. 18—19.

[36] Далее цит. по изд.: L'Estoire d'Eracle empereur et la conqueste de la Terre d'Outremer. RHCoc., t. II. Paris, 1859. Рукописи, содержащие разные варианты этого произведения (их более 70), отличаются друг от друга, в частности, и своими хронологическими рамками: одни излагают события до 1228 г., другие — до 1231 г., третьи — до 1248 г., четвертые — до 1261 г. (так называемая «Ротелинская рукопись»), пятые — до 1266, 1275 или 1277 гг., а самый обширный вариант обнимает всю эпоху крестовых

Четвертый крестовый поход (1199—1204 гг.), приведший к завоеванию французско-итальянским рыцарством Константинополя и образованию Латинской империи, был описан в различных мемуарах и хрониках. Самые полные, содержательные и надежные из них принадлежат двум феодалам, участникам и очевидцам этого разбойничьего предприятия, и одному клирику, писавшему со слов участника похода. Это — записки видного предводителя крестоносцев маршала Шампанского Жоффруа Виллардуэна (около 1150—1213 гг.) [37] «Завоевание Константинополя» [38], продиктованные им в конце жизни (после 1207 г.) на французском языке и, как полагал еще К. Климке, имевшие своей основой дневниковые заметки, более или менее систематически ведшиеся автором с 1201 г.[39]; это, далее, написанные также по-французски (на пикардийском диалекте) мемуары амьенского рыцаря Робера де Клари (около 1170—

походов (до падения Акры в 1291 г.). Многократно предпринимавшийся исследователями анализ рукописного материала показал, что так называемая «История Ираклия» является компиляцией, основная, начальная часть которой есть не что иное, как французский перевод хроники Гийома Тирского. Перевод этот, как предполагал К. Каэн, был выполнен в начале XIII в. во Франции, а затем обрастал дополнениями (продолжениями), сделанными частью на Западе, частью — на франкском Востоке (см. C. C a h e n. Op. cit., p. 20—21). В качестве одного из наиболее ранних продолжений Гийома Тирского, вошедших позднее в «Книгу завоевания», было включено сочинение некоего Эрнуля, сирийского франка, оруженосца барона Бальяна д'Ибелин (имя этого автора — Эрнуля — открыл Л. Мас-Латри; см. La Chronique d'Ernoul et de Bernard le Tresorier. Ed. L. Mas-Latrie. Paris, 1871; i d e m. Essai de classification de continuateurs de l'histoire des croisades de Guillaume de Tyr. «Bibliothèque de l'École des Chartes», t. XXI, 1860). Работая в замке своего сеньора — Лакемон, близ Акры, великодушно возвращенном Саладином барону Бальяну д'Ибелин после взятия Иерусалима в 1187 г. (P. P a r i s. Guillaume de Tyr et ses continuateurs, t. I. Paris, 1879, Préface, p. VII), Эрнуль описывал события и Третьего и Четвертого крестовых походов. В свою очередь произведение Эрнуля, подвергнув его обработке (сокращению), дополнил французский монах, казначей Корвэйского аббатства, по имени Бернар, доведший изложение материала до 1228 или 1231 г. До открытия Мас-Латри этот вариант «Продолжения Гийома Тирского» целиком приписывался Бернару Казначею, который на деле в лучшем случае являлся «издателем» продолженной им хроники Эрнуля. По предположению издателя «Продолжателей Гийома Тирского» Полэна Пари, именно Бернар Казначей был и переводчиком на французский язык произведения Гийома Тирского (P. P a r i s. Op. cit., p. XIII). В XIV—XV вв. L'Estoire d'Eracle много раз переписывалась под самыми различными названиями. Часто копиисты называли эту хронику просто Roman d'Eracle. Подробный разбор проблем, относящихся к генезису хроник, составляющих L'Estoire d'Eracle (это название, в конце концов, чисто условное: оно было закреплено за «Продолжением Гийома Тирского» по той причине, что первая фраза его, гласившая: «Les anciennes estoires dient que Eracle, qui fut mout' bons crestiens, gouverna l'empire de Rome» и т. д., содержала в себе упоминание имени этого византийского василевса), см., помимо указанных здесь работ, в исследованиях: P. R i a n t. Inventaire sommaire des manuscrits de l'Eracles. «Archive de l'Orient latin», t. I, 1881; F. O s t. Die altfranzösische Übersetzung der Geschichte der Kreuzzüge Wilhelms von Tyrus. Diss. Halle, 1899; P. R i c h t e r. Beiträge zur Historiographie in den Kreuzfahrerstaaten. «Mitteilungen des Instituts für österreichischen Geschichtsforschung», Bd. XIII—XV, 1892—1894.

[37] См. о его жизни и военно-дипломатической деятельности: J. L o n g n o n. Recherches sur la vie de Geoffroi de Villehardouin. «Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Section filologique et historique», t. 276. Paris, 1939.

[38] Далее цит. по изд.: G e o f f r o i V i l l e - H a r d o u i n. La Conquête de Constantinople. Paris, 1882 (ed. N. de Wailly). О других изданиях, а также о литературе, посвященной запискам Виллардуэна, см. H. E. M a y e r. Bibliographie, № 1026. Одно из лучших среди множества сочинений о Виллардуэне и его записках — исследование Борислава Примова: «Жофроа дьо Вилардуен, чътвертият кръстоносен поход и България». «Годишник на Софийския университет», истор.-филол. фак-т, т. XIV, кн. 2. София, 1949. Кстати, эта работа, так же как и обстоятельно комментированный болгарский перевод труда Виллардуэна В. Николаевым («Хрониката на Жофроа дьо Вилардуен. Завладяването на Цариград». София, 1947) остались неизвестны Майеру.

[39] C. K l i m k e. Die Quellen zur Geschichte des Vierten Kreuzzuges. Breslau, 1875, S. 3 ff.

после 1216 гг.) — «О тех, кто завоевал Константинополь»; известные также под названием «Завоевание Константинополя» [40], они составлялись, по-видимому, в течение многих лет (во всяком случае уже по возвращении автора на родину, последовавшем вскоре после битвы при Адрианополе в 1205 г.) и излагали события до 1216 г. — дата, на которой обрываются и мемуары Робера де Клари и вместе с тем исчезают всякие сведения о нем самом; это, наконец, хроника эльзасского монаха Гунтера из Пэрис (середина XII в. — около 1210 г.) — «Константинопольская история» [41], написанная им в 1207—1208 гг. в основном по рассказам вернувшегося из Константинополя пэрисского аббата Мартина (но использована также переписка Иннокентия III и другие источники).

Кроме того, о событиях Четвертого крестового похода более кратко и фрагментарно повествуют другие западные очевидцы или просто современники, писавшие с их слов, прежде всего — церковники, собравшие в результате ограбления Константинополя обильную «жатву» — всевозможные реликвии, благочестиво похищенные воинами христовыми в храмах византийской столицы. Назовем «Паломничество в Грецию» безвестного немецкого монаха из Гальберштадта [42] (хроника, написанная им в 1208 г. по воспоминаниям или отрывкам из дневника епископа Гальберштадского Конрада фон Крозиг, непосредственно участвовавшего в походе); «Константинопольское опустошение» — также безвестного автора [43], судя по некоторым данным, принадлежавшего к окружению главного вождя похода Бонифация Монферратского; «О взятии и ограблении Константинополя латинянами» — краткое повествование, написанное епископом Ричардом Амьенским (?—1211 гг.) по рассказу своего каноника Валона, доставившего по возвращении из похода реликвии в родной город [44]; столь же лаконичная хроника, написанная около 1205 г. неизвестным клириком (или каноником) Суассонской церкви в качестве введения к составленной им описи святынь, привезенных из Константинополя [45], — «О земле

---

[40] Далее цит. по изд.: Robert de Clari. La Conquête de Constantinople Ed. Ph. Lauer. Paris, 1924. См. об авторе и его мемуарах: A. Rambaud. Robert de Clari, guerrier et historien de la quatrième croisade. Caen, 1872; C. Klimke. Op. cit., S. 7 ff.; K. Nyrop. Zu Robert de Clari. «Zeitschrift für romanische Philologie», III, 1879, p. 97—98; G. Boudon. Robert de Clari en Amienois, chevalier, auteur d'une chronique de la IV-e croisade. «Bulletin de la Société des Antiquaires de Picardie», XIX, 1895—1897, p. 372—379; F. Chambon. Un historien peu connu de la quatrième croisade: Robert de Clari. «Bulletin historique et scientifique de l'Auvergne», 1897, p. 264—277; E. Wanner. Robert de Clari, ein altfranzösischer Chronist des IV-ten Kreuzzuges. Diss. Zürich, 1901; G. H. Quignon. Un historien picard de la Quatrième croisade, Robert de Clari. Cayeux-sur-Mer, 1908 («Collection des Rosati Picard d'Amiens», t. XXIX); Ph. Lauer. Ed. cit., Introduction, p. V—XI; A. Pauphilet. Sur Robert de Clari. «Romania», t. LVII, № 227. Paris, 1931, p. 289—311. В перечне у Майера (Bibliographie. . ., № 1151) — упущения и неточности.

[41] Далее цит. по изд.: Guntheri Parisiensis Historia Constantinopolitana. Ed. P. Riant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae, t. I. Genevae, 1877, p. 57—126. Подробно об авторе и его хронике см.: E. Assmann. Gunter von Pairis. Die Geschichte der Eroberung von Konstantinopel. Köln—Graz, 1956, Einleitung.

[42] Далее цит. по изд.: Anonymi Halberstadensis De peregrinatione in Greciam et adventu relinquarum de Grecia libellus. Ed. P. Riant. Exuviae sacrae. . ., t. I, p. 10—21.

[43] Далее цит. по изд.: Devastatio Constantinopolitana. Ed. Ch. Hopf. Chroniques greco-romanes. Berlin, 1873, p. 86—92. См. об этой хронике: M. Kandel. Quelques observations sur la Devastatio Constantinopolitana. Byz., t. IV, 1929, p. 179—188.

[44] Ricardi de Gerboredo episcopi Ambianensis De capta et direpta a Latinis Constantinopoli, et quo modo Walo caput S. Johannis Baptistae invenit et ad Ambianum deportavit. Ed. P. Riant. Exuviae sacrae. . ., t. I, p. 35—44; см. об этом авторе там же, Préface, p. LXIII—LXVII. Не учтена в «Библиографии» Майера.

[45] Anonymi Suessionensis De Terra Iherosolymitana et quomodo ab urbe Constantinopolitana ad hanc ecclesiam allata sunt reliquiae. Ed. P. Riant. Exuviae sacrae. . ., t. I, p. 3—9; см. Préface, p. LIII—LV.

Иерусалимской и каким образом были доставлены реликвии из города Константинополя в эту церковь» [46], и ряд других хроник, в том числе более поздние венецианские хроники Мартина да Канале (?—после 1274 г.) [47] и Андреа Дандоло [48].

Нашли своих летописцев и последние крестовые походы. История Пятого похода (1217—1221 гг.), завершившегося изгнанием крестоносного воинства из Египта, была рассказана в двух крупных произведениях и большом числе сравнительно мелких хроник. Крупные повествования — это «Восточная, или Иерусалимская история» Жака Витрийского (1180—1240 гг.) [49], французского кюрэ из Аржантейля, ненавистника альбигойцев, ставшего в 1216 г. епископом Акры и лично участвовавшего в Пятом крестовом походе [50], а также произведения видного адепта крестовых походов, проповедовавшего их в 1215 и 1224 гг. [51], жившего в 1216—1221 гг. на Востоке, падерборнского каноника и церковного проповедника в Кельне, с 1233 г. — епископа в Падерборне, а с 1236 г. — кардинал-епископа Сабины — Оливера Схоластика: «*Дамиеттская история*» и «*История королей святой земли*» (*первая представляет собой сведенные воедино письма автора; частично они были использованы и Жаком Витрийским в третьей части его «Восточной истории»; вторая, написанная во время осады Дамиетты в начале 1219 г., излагает историю Иерусалимского королевства до 1213 г.*) [52].

Остальные хроники Пятого похода — это сравнительно небольшие рассказы его участников: «О походе фризов» неизвестного автора, анонимные же «Деяния рейнских крестоносцев» и три близких друг к другу по тексту, основанных на дневниковых записях, сделанных во время осады Дамиетты, повествования об этой военной кампании: «Деяния во время осады Дамиетты» Анонима, «О короле Жане Иерусалимском (1218—1220)» итальянского клирика Иоанна из Тульби и «Книга доподлинной христианской войны при осаде Дамиетты (1218—1220)» — также безвестного повествователя [53].

---

[46] П. Риан отмечает сходство повествования суассонца с тем, которое дает Гунтер Пэрисский (см. op. cit., Préface, p. LIV—LV).

[47] Далее цит. по изд.: La Chronique des veniciens de Maistre Martin da Canal. «Archivio storico italiano», t. VIII, 1845, p. 269—706. Не учтена в «Библиографии» Майера.

[48] Andreae Danduli Chronica Venetiarum. Ed. L. A. Muratori. «Scriptores Rerum Italicarum», t. XII. См. H. Simonsfeld. Andreas Dandolo und seine Geschichtswerke. München, 1876.

[49] Далее цит. по изд.: Jacobi de Vitriaco Historia Orientalis seu Hierosolymitana, in: J. Bongars. Gesta Dei per Francos. Hanoviae, 1611. Из трех книг этого произведения в издании Бонгара напечатаны первая, описывающая историю Сирии и Палестины до 1193 г. (главным образом на основе «Истории» Гийома Тирского) и характеризующая природные условия, народонаселение, хозяйство, обычаи, верования этих стран, и третья, содержащая историю франкского Востока в 1211—1216 гг. и рассказ о событиях Пятого крестового похода.

[50] См. о нем и его «Истории»: F. L. Matzner. De Jacobi Vitriacensis crucis praedicatoris vita et rebus gestis. Diss. Münster, 1863; G. Zachner. Die Historia Orientalis des Jakob von Vitry. Diss. Königsberg, 1885; R. Röhricht. Il vescovo Giacomo da Vitriaco a Milano nel 1216. «Archivio storico lombardo», t. 20, 1893; P. Funk. Jakob von Vitry. Leben und Werke. Leipzig, 1909.

[51] См. анализ его крестоносных проповедей: R. Röhricht. Die Kreuzpredigten gegen den Islam. «Zeitschrift für Kirchengeschichte», Bd. VI. 1883, S. 565—572 (не учтено у Майера. См. Bibliographie. . ., № 1056).

[52] Oliveri Scholastici Historia Damiatina: Historia regum Terrae Sanctae. Ed. H. Hoogweg. Die Schriften des Kölner Domscholasters, späteren Bischof von Paderborn und Kardinalbischof von S. Sabina Oliverius. Tübingen, 1894. Анализ обоих произведений см. там же, p. CXL—CLXXIX, LXXXIX—CXXXIX.

[53] De itinere Frisonum; Gesta crucigerorum Rhenanorum; Gesta obsidionis Damiatae; Johannis de Tulbia De domino Johanne, rege Jerusalem (1218—1220); Liber duelli christiani in obsidione Damiatae exacti (1218—1220). Все эти хроники

О заключительных эпизодах крестоносной эпопеи рассказывается в меньшем числе специальных хроник, чем о предшествующих. Более всего насыщены сведениями жизнеописания Людовика IX, возглавлявшего неудачные Седьмой (1248—1254 гг. — в Египет) и Восьмой (1270 г. — в Тунис) крестовые походы, особенно «История Людовика Святого» его придворного историографа Жана сира де Жуанвилль (1224—1318) [54], принимавшего непосредственное участие в Седьмом крестовом походе и разделявшего вместе со своим государем тяготы мусульманского плена.

Таковы важнейшие произведения западноевропейских и франко-сирийских авторов XI—XIII вв., описывающие события крестоносного движения.

2. Мнимые и действительные цели написания хронистами истории крестоносных предприятий

Как видно из приведенного перечня, хронисты, первыми проявившие живой интерес к крестовым походам западного рыцарства на Восток и постаравшиеся со всей доступной им полнотой изложить их историю, были, за немногими исключениями, ц е р к о в н и к а м и. Они являлись не только религиозными людьми, но и занимали определенное, часто довольно высокое положение в церковной иерархии. И в силу своих убеждений, и по долгу служителей «невесты Христовой» все эти монахи, каноники, священники, аббаты, епископы не могли, конечно, изображать события, происходившие у них на глазах или даже при их непосредственном участии, иначе как преимущественно под специфически церковным углом зрения. Правда, среди историков крестовых походов встречаются и светские авторы, главным образом феодалы разного ранга и положения и изредка — горожане (к примеру, Каффаро ди Каскифелоне из Генуи). Однако следует иметь в виду, что в понимании крестовых походов их современниками не было принципиальной, существенной разницы между хронистами (историками), облеченными церковным саном, и светскими авторами. Люди своего времени, рыцари и горожане, писавшие о крестовых походах, всецело разделяли взгляды церковников на эти войны. Всем хронистам, историкам, мемуаристам XI—XIII вв., описывавшим крестоносные предприятия, — идет ли речь о и с т о л к о в а н и и ими темы в целом или об объяснении отдельных событий — свойственны были специфические атрибуты исторической ограниченности, присущие средневековой церковно-феодальной историографии [55].

Ограниченность эта, определявшаяся классовой принадлежностью и социально обусловленными общими воззрениями хронистов, в значительной мере усугублялась к тому же различными субъективными факторами, прежде всего н а м е р е н и я м и, которыми руководствовались сами исто-

---

изданы и прокомментированы в собрании: R. R ö h r i c h t. Quinti belli sacri scriptores minores. Paris, 1879, p. X—XVI, XVII—XXIX. Эта первоклассная работа осталась неизвестной Майеру и не была включена в его «Библиографию».

[54] Далее цит. по изд.: Mémoires de Jean sire de Joinville ou Histoire et Chronique du très-chrétien roi Saint Louis. Ed. F. Michel. Paris, 1859.

[55] *К хроникам крестовых походов целиком применимо с этой точки зрения* принятое в советской медиевистике положение о единстве мировоззрения средневековых историков, имевшего «в своей основе философию истории Августина и методологию патристической богословско-исторической литературы». В этом единстве нашла свое выражение «классовая однородность средневековой историографии». См. О. Л. В а й н ш т е й н. Некоторые черты средневековой историографии. СВ, вып. 25, 1964, стр. 258.

рики крестовых походов, описывая последние, и теми целями, которые они преследовали, создавая свои произведения.

Хронисты не были лишь регистраторами исторических событий, вносившими в свои летописи известные им факты с абсолютным беспристрастием, без каких-либо сторонних умыслов. Поэтический образ такого, до конца объективного монаха-летописца, который стремится только к тому, чтобы правдиво фиксировать совершающееся вокруг него, менее всего соответствовал бы реальной действительности XI—XIII вв., если иметь в виду любого из католических хронистов крестовых походов. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все они, даже если иные из них внешне и отгораживались от мира в своих монашеских кельях (а ведь многие хронисты отнюдь не были такими и находились в самой гуще описываемых событий), всегда имели перед собой определенные практически-пропагандистские, говоря современным языком, цели. Важнейшими из них являлись всемерное возвеличение «священных войн» и прославление их вождей и рядовых участников в качестве образца для подражания, а также восхваление церкви, главной вдохновительницы этих войн.

Наличие такого рода пропагандистских целей у хронистов крестовых походов может быть установлено не только путем анализа объективного содержания хроник и выявления тенденций, их пронизывающих (то и другое не входит в задачи данной статьи). Этот факт засвидетельствован в известной степени и непосредственно признаниями самих хронистов.

Признания эти встречаются, однако, не слишком часто: хронисты предпочитали уверять свою аудиторию, что их цель состоит лишь в том, чтобы правдиво, точно и объективно поведать потомкам о совершившемся, и притом сделать это просто ради увековечения событий, без каких бы то ни было побочных намерений. В подобных уверениях нет недостатка ни в произведениях очевидцев крестовых походов, ни тех, кто писал на основе изложенного очевидцами ранее; такими уверениями заполнены и сочинения летописцев ранних и поздних крестоносных предприятий. Все они изъявляют притязания на то, чтобы быть прочитанными и услышанными в качестве носителей объективной истины и «чистого знания».

«Прошу и умоляю, всех кто услышит то, о чем пишу, верить, что это было именно так» [56], — обращается Раймунд Агильерский к будущим *слушателям* своей «Истории». Он заранее готов навлечь всяческие проклятия на свою голову, если обнаружится, что сообщаемое им не соответствует действительности или продиктовано какими-либо иными мотивами, нежели бескорыстное стремление к истине: «Если я сообщал что-либо, кроме того, что видел или *чему верил* (sic! — *М. З.*), или если я излагал что-либо *по пристрастию или по ненависти к кому бы то ни было* (здесь и далее курсив наш. — *М. З.*), пусть поразит меня господь всеми муками ада, (пусть) вычеркнет меня из книги жизни» [57]. Хронист изо всех сил клянется и божится, что имел в виду только святую правду и ничего более.

Раймунд как бы заранее стремится отвести от себя подозрения в предумышленной фальсификации фактов в угоду кому бы то ни было или против кого бы то ни было. В обоснование собственной искренности и правдивости он не находит никакого более веского довода, кроме как напомнить о своем духовном сане, который один уже обязывает своего носителя быть правдивым: «Ибо хотя я многого не ведаю, но знаю одно, что, будучи посвящен в сан во время похода по стезе господней, я *обязан скорее вы-*

---

[56] Raimundi de Aguilers Historia Francorum. . ., p. 275: Oro igitur et obsecro omnes qui haec audituri sunt, ut credant haec ita fuisse.

[57] Ibid., p. 275—276: Quod si quicquam ego praeter credita et visa studio vel odio alicuius apposui, apponat mihi Deus omnes plagas inferni, deleat me de libro vitae.

казывать послушание богу, свидетельствуя истину, нежели желать чьих-либо даров, сплетая ложь» [58].

Правдивость и объективность своего повествования выставляет перед читателем и Фульшер Шартрский: «Все это, — пишет он в начале своей хроники, подчеркивая, что был прямым свидетелем описываемых событий, — я, Фульшер Шартрский, отправившийся с остальными пилигримами, *тщательно и точно* собрал позже, *как я видел своими глазами*, чтобы передать памяти потомков» [59]. Подобно своему провансальскому собрату по перу, Фульшер также декларирует недопустимость искажения исторической истины, тем более что речь идет о «божественных деяниях». Свою краткость при описании захвата Антиохии крестоносцами в 1098 г. он прямо оправдывает тем, что «*в рассказе о божественном надо крайне остерегаться неправды*, (а потому), чтобы не ошибиться в чем-либо, я многое изложу вкратце» [60].

Точно так же Робер Монах заклинает своих читателей (слушателей) с доверием относиться к написанному им: «И пусть ведают те, кто прочитает или услышит все это, что мы *не расскажем ничего нелепого, ничего вздорного, — ничего, кроме правды*» [61]. Предупреждая возможную критику и заблаговременно ограждая свой труд от нареканий, он по сути дела в оправдание своей недостаточной грамотности сам спешит закрыться щитом против тех, «вскормленных изучением классиков, кому не понравится это наше произведение». Чем же оно может не понравиться? Оказывается, якобы чрезвычайным правдолюбием автора, которое и заставило его выражаться тяжелым стилем: «Тому, кому наш труд придется не по вкусу, хотим заметить, что, употребляя тяжелый слог, мы зато им (т. е. этим слогом. — *М. З.*) *описывали более правдиво* (голую истину), (ибо) полагаем более заслуживающим одобрения простою речью освещать сокрытое, нежели, философствуя, затуманивать явное» [62].

Спустя полвека Одо Дейльский, хроника которого проникнута поистине яростной ненавистью к Византии, тем не менее старается убедить читателя в том, что, говоря сплошь да рядом о коварстве греков, он следовал исключительно фактам: «Пусть никто не подумает, что я несправедливо преследую ненавистное племя и измышляю в ненависти к этим людям вещи, которых вовсе не видел» [63]. Хронист подчеркивает якобы присущее ему, в отличие от других, стремление исследовать предмет полно и со всех сторон: «Тот, кто узнал (о событии) только часть, и судит односторонне, да и не может вынести верное суждение (тот), кто не изучит сполна причину» [64].

---

[58] Raimundi de Aguilers Historia Francorum..., p. 276: Etenim, licet ut plurima ignorem, hoc unum scio, quia quum promotus ad sacerdotium in itinere Dei sim, magis debeo obedire Deo testificando veritatem, quam in texendo mendacia alicuius muneris captare dispendia.

[59] Fulcherii Carnotensis Historia Iherosolymitana, p. 327: Quod ego Fulcherus Carnotensis, cum ceteris iens peregrinis, postea, sicut oculis meis perspexi, diligenter et sollicite in memoriam posteris collegi.

[60] Ibid., p. 342: In rebus quidem Domini ne in aliquantis deviem, quia in eis mentiri valde cavendum est, multa breviabo.

[61] Roberti Monachi Historia Iherosolimitana, p. 723: Et sciant qui haec legerint vel audierint quia nihil frivoli, nihil mendacii, nihil nugarum, nisi quod verum est enarrabimus.

[62] Ibid., p. 721—722: Unde si cui academicis studiis innutrito displicet haec nostra editio, ob hoc forsitan quia pedestri sermone incedentes plus justo in ea rustificaverimus, notificare ei volumus quia apud nos probabilius est abscondita rusticando elucidare quam aperta philosophando obnubilare.

[63] Odo de Diogilo, p. 56: Nec me putet aliquis odiosum genus hominum persequi et odio eorum fingere quem non vidi.

[64] Ibid., p. 72: Ex parte judicat qui rem novit ex parte, sed non potest facere rectum judicium, qui causam ex integre non cognoscit.

Аналогичные уверения в правдивости, в том, что ими руководило исключительно желание излагать истину в неприкрашенном виде, встречаются и во многих других хрониках крестовых походов. Одни авторы, как, например, Гийом Тирский в своей «Истории деяний в заморских землях», многословно распространяются о необходимости для историка заботиться об одной истине, другие говорят об этом лаконично, но почти все так или иначе указывают на свое правдолюбие.

Гийом Тирский явно «со знанием дела» пишет о том, какие опасности подстерегают историка, который отважится рассказать правду о минувшем: он неизбежно навлечет на себя гнев и недовольство: «Следовать событиям (не искажая их), не отступая от правил истины, — это дело, которое чаще всего вызывает обычно негодование» [65]. И тем не менее, заявляет автор «Истории деяний в заморских землях», «если даже утаивать истину о содеянном непозволительно и противоречит долгу писателя, то *еще более грешно будет пятнать истину ложью и ложное передавать легковерному потомству*» [66]. Сам он, уверяет Гийом, стремился в своем труде к истине, руководствуясь при этом «чувством нежной любви к родине», которая «властно требует от нас не допустить, чтобы забвение овладело тем, что свершилось у нас за последние почти сто лет, погребенное под спудом молчания» [67].

Гийом настойчиво повторяет и подчеркивает мысль о своем стремлении к голой правде, как бы она ни была горька для последующих поколений. «В труд, который перед нами, — пишет он, — мы включили многое о нравах, жизни и привычках королей (т. е. государей Иерусалимского королевства. — *М. З.*), то достохвальное, то подлежащее порицанию, но *нам казалось необходимым вести рассказ в соответствии с ходом (положением) дел (обо всем подряд)*» [68]. И далее: «Быть может, их преемники прочитают это с негодованием и обрушатся на историка незаслуженно, объявят его завистником или лжецом; но, видит господь, *мы старались не допускать такой заразы* (избегать подобного, как чумы)» [69]. Правда, одна лишь правда и ничего более — вот что, если верить словам архиепископа Тирского, стояло у него всегда на первом плане: «мы были *мало озабочены тем, что скажет о нас потомство* и какой приговор заслужит наша ничтожная речь о столь замечательном предмете» [70].

К этому вопросу Гийом Тирский возвращается и в заключительной части своего труда, во вступлении к 23-й книге, в которой описывается плачевное состояние дел в Иерусалимском королевстве за несколько лет до его падения (в начале 80-х годов XII в.). Переходя к характеристике современных ему событий, автор не без рисовки заявляет, что ему «недостает мужества писать дальше, ибо у нас недостаточно отвращения

---

[65] Willermi Tyrensis Historia rerum. . ., t. I, part. 1, p. 3: Rerum autem incontaminatam prosequi gestarum seriem, et veritatis regulam non deserere, res est quae indignationem solet saepius excitare.

[66] Ibid., p. 3—4: Si enim rerum veritatem gestarum occultare secus est et deficiens a scriptoris officio, multo fortius peccatum reputabitur mendacii naevum veris immiscere, et quod a vero deficit credulae pro vero posteritati contradere.

[67] Ibid., p. 4: Instat et auctoritate qua praeminet imperiose praecipit, ut quae apud se centum pene annorum gesta sunt curriculis, silentio sepulta, non patiamur sentire posse oblivionis incommodum.

[68] Ibid.: Nam in opere, quod gestamus prae manibus, multa de regum moribus, et vita, et corporum habitudine, sive commendabilia, sive notae subjacentia, prout rerum gestarum serie videbatur deposcere, interseruimus. . .

[69] Ibid.: . . . quae eorum posteri relegentes impatienter fortasse putabunt, et adversus chronographum praeter meritum incandescunt; aut invidum aut mendacem reputabunt: quorum utrumque (vidit Dominus) tanquam rem fugimus agere pestilentem.

[70] Ibid.: . . . non multum attendentes, quid de nobis censura sit posteritas, et quid in tam excellente materia exsanguis nostra mereatur oratio.

к (своему) настоящему, и можем (только) изумляться тому, что видим и слышим и что недостойно быть предметом песнопений Кодра или какого-нибудь Мевия. Ведь в деяниях наших князей не случается ничего, что́ бы мудрый муж счел необходимым сохранить в сокровищнице памяти (истории), что́ бы доставило читателю удовольствие, а писателю послужило бы к чести» [71]. Первоначально он, Гийом Тирский, даже собирался вообще отказаться от продолжения своего труда, дойдя до этого времени: «было бы предпочтительнее умолчать об этом и набросить мрак ночи на наши слабости, чем выставлять их на свет солнца к (нашему) стыду» [72]. И только уговоры друзей, ссылавшихся на примеры древних авторов, да его собственное сознание долга историка превозмогли это намерение: «Ведь составители анналов (здесь Гийом даже распространяет представление о своем правдолюбии на всех собратьев по перу. — *М. З.*) обыкновенно *предают письменам не то, что им самим нравится, а то, чем распоряжается* (что предоставляет им) *время*» [73].

Почти в тех же словах, но более кратко высказывается на эту тему и безвестный немецкий клирик, описавший в своей «Истории паломников» начало Третьего крестового похода: «Избрав голую правду, *я ничего не стану добавлять и не вставлю* (в свой рассказ) *ничего вымышленного*» [74]. Лондонский каноник Ричард, приступая к повествованию о заморском предприятии своего короля — Ричарда Львиное Сердце, прямо заклинает читателя во всем верить его рассказу: он достоин того, ибо «*мы свидетельствуем о том, что видели сами*» [75]. Отклоняя возможные упреки со стороны «утонченного слушателя», который может потребовать «более изящного по форме рассказа», хронист указывает ему: («пусть знает»), что «мы были в военном лагере, когда писали, а воинский шум не дает досуга для спокойного размышления» [76], иначе говоря, всячески подчеркивает в качестве главного достоинства своего «Итинерария» его достоверность.

Пикардийский рыцарь Робер де Клари, уже закончив, по сути дела, свои мемуары о Четвертом крестовом походе, полагает необходимым, однако, продиктовать писцу еще одну заключительную фразу, в которой обращает особое внимание своих будущих слушателей на правдивость и достоверность своего повествования о завоевании крестоносцами Константинополя: «*Теперь вы слышали правду*, — гласит последняя фраза его записок, — (о том), как был завоеван Константинополь. . ., ибо *свидетельствует об этом тот, кто был при этом и видел и слышал* (как происходило дело. — *М. З.*), — Робер де Клари, рыцарь, который и

---

[71] Willermi Tyrensis. Op. cit., t. I, part. 2, p. 1132: . . . deficimus in nobis ipsis detestatione praesentium, obstupescentes materiam, quae se oculis et auribus ingerit, quae nec Codri carmine, nec cujuslibet Maevii digna est relatu. Nihil enim in nostrorum principum gestibus occurrit quod memoriae thesauris vir prudens credat esse mandandum; nihil quod est lectori recreationem conferat aut scriptori proficiat ad honorem.

[72] Ibidem: . . . Ideoque silendum erat, consultiusque videbatur nostris defectibus noctem inducere, quam solem inferre pudendis.

[73] Ibidem: . . . Annalium enim conscriptores non qualia optant ipsi, sed qualia ministrant tempora, mandare solent litteris.

[74] Historia peregrinorum, ed. A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzugs Friedrichs I. Berlin, 1928, S. 116: . . . nudam eliciens veritatem, nullum annectam figmentum, nil inseram fabulosum.

[75] H. Mayer. Das Itinerarium peregrinorum. . ., S. 246: . . . Nobis. . . historiam Jerosolimitanam tractantibus non idigne fides debetur, qui quod vidimus, testamur. . .

[76] Ibidem: At si cultiorem dicendi formam deliciosus exposcit auditor, noverit nos in castris fuisse cum scripsimus; et bellicus strepitus tranquille meditationis otium non admisisse.

предал письменам истину, как был завоеван город» [77]. Не довольствуясь этим, Робер снова и снова выставляет перед слушателями правдивость своего рассказа сравнительно с другими, которые им, быть может, придется услышать: «И хотя, — читаем мы в конце его записок, — он (Робер де Клари) не так хорошо изложил (историю) завоевания, как могли бы поведать (о том) многие добрые повествователи, но зато *он всегда передавал чистую правду, а немало еще правдивого и пропущено*, ибо он не все мог припомнить» [78].

Другой бытописатель Четвертого похода Жоффруа Виллардуэн, дабы также создать впечатление полной правдивости и достоверности своих записок, сплошь да рядом прибегает к усиливающему риторическому приему: «И знайте, что. . .», «И да будет вам ведомо, что» и т. д.[79] А рисуя сцену отплытия флота крестоносцев с острова Корфу в сторону Константинополя (24 мая 1203 г.), он считает даже нужным специально отметить как правдивость этого описания, так и всего своего повествования: «И Жоффруа, маршал Шампанский, который продиктовал этот труд, свидетельствует вам, что еще не видано было когда-либо ничего столь прекрасного, а ведь *он в нем* (т. е. в своем произведении. — *М. З.*) *никогда умышленно не лгал ни единым словом* и был человеком, присутствовавшим на всех советах» [80].

Верностью истине в своем повествовании похваляется и третий историограф событий 1202—1204 гг. — монах Гунтер из Пэрис. Во вступлении к «Константинопольской истории» он заявляет, что ни единая страница его рассказа «*не будет содержать чего-либо ложного или сомнительного, но правдиво следовать действительному ходу событий*, в соответствии с тем, как весьма смиренно и по истине поведал нам эту чистую и простую историю» аббат Мартин Пэрисский, возвратившись с Востока («тот муж, о котором мы еще многое скажем») [81]. Гунтер уверяет читателя и в точности описываемого. Его труд, по собственным уверениям хрониста, — это само воплощение точности и соответствия правде. Она словно сама сходит со страниц хроники: «Тот, кто (только) прикоснется рукой к этой нашей книжечке, или, читая, приблизит к ней око, тот как бы уже этим приложит старания души своей к тому, чтобы разобраться в самих событиях, о которых здесь повествуется с такой точностью» [82]. Эти предварительные уверения, видимо, показались Гунтеру недостаточно убедительными. В 19-й главе своей хроники, где повествуется о разграблении константинопольских храмов крестоносцами в апреле 1204 г., хронист

---

[77] Robert de Clari. La Conquête de Constantinople, ed. P. Lauer. Paris, 1924, p. 109; Ore avés oï le verité, confaitement Constantinoble fu conquise. . ., que chis qui i fu et qui le vit et qui l'oï le tesmogne, Robers de Clari, li chevaliers, et a fait metre en escrit le verité, si comme ele fu conquise. . .

[78] Ibidem. . . Et ja soit chou que il ne j'ait si bellement contee le conqueste, comme maint boin diteeur l'eussent contee, si en a il toutes eures le droite verité contee, et assés de verités en a tentes qu'il ne peut mie toutes remembrer.

[79] Jeoffroi de Ville-Hardouin. La Conquête de Constantinople. Ed. N. de Wailly. Paris, 1882, p. 42—44: Et sachiez que. . .; p. 50: Or poer savoir, seignor. . .; p. 72: Et sachiez que il; p. 86: Et sachiez que ce fu etc., etc.

[80] Ibid., p. 68: Et bien tesmoigne Joffrois li mareschaus de Champaigne qui cestre oevre dita (qui ainc n'i menti de mot a son escient, si con cil qui à toz conseil fu), que one si bele chose ne fu vue.

[81] Gunteri Parisiensis Historia Constantinopolitana, p. 58: cuius nostre narrationis pagina nil prorsus falsum vel ambiguum continebit, sed vereum ac certam rerum gestarum seriem prosequetur, sicut idem vir, de quo plurima dicturi sumus (i. e. abbas Martinus. — *М. З.*), humiliter satis ac verecunde, puram nobis ac simplicem enarravit historiam.

[82] Ibid., p. 58—59: Quisque ergo huic nostre paginule manum vel oculum lecturus admoverit, animi quoque diligentem sollertiam rebus ipsis, de quibus hic agitur, subtiliter intuendis, studiosus adhibeat.

решил еще раз вернуться к этому сюжету и подтвердить высказанное вначале мнение о правдивости всего своего рассказа. (Гунтер сделал это, заметим попутно, довольно невпопад, именно в том месте хроники, которое *являет собой бесспорное смешение полуправды с явной ложью.*) Причем хронист избрал на этот раз для самовосхваления стихотворную форму и ради большей выразительности прибегнул к усиливающим сравнениям: он сопоставил свое якобы полностью правдивое повествование с творениями великих поэтов древности, и сопоставление это оказалось не в пользу последних. В отличие от Гомера и Вергилия, «каждый из которых, — так пишет Гунтер, — в достаточной мере сплетал поэтический вымысел с истиной» [83], «мы *поем истинную правду и строго придерживаемся в нашем сочинении* (того), *что совершилось в наш век*» [84]. И далее трафаретное: «Если же мы пишем не столь изящно, то зато наверняка правдивее, чем они, и не приукрашиваем зла никакими блестками» [85].

И все же посреди такого рода довольно часто повторяемых в хрониках и других сочинениях сентенций, выражающих притязания авторов на якобы свободную от всяких посторонних соображений любознательность и стремление к объективности как единственный побудительный мотив к написанию их трудов [86], мы находим в них и иные признания, свидетельствующие, что труды эти писались подчас даже с нарочито поставленными, хорошо осознанными практически-пропагандистскими целями.

Робер Монах прямо заявляет, что тема хроники [87] такова, что она должна быть «самым тщательным образом» раскрыта в его сочинении «к уразумению как ныне живущих, так и будущих (поколений)». Для чего же, спрашивается, это нужно? «*Дабы таким образом*, — отвечает он, — *сильнее укрепилась и надежда христиан на бога, и слава его живее возбудилась бы в их душах*» [88]. Этот благочестивый хронист описывал крестовый поход 1096—1099 гг. отнюдь не для удовлетворения лишь любознательности своей аудитории. Его труд предназначался к тому, чтобы укрепить веру в сердцах всех тех, «которые прочитают эту историю или услышат, как ее будут читать и выслушанное уразумеют» [89]. Примечательно, что и Раймунд Агильерский (как это явствует из ранее приведенного нами текста) [90] также имел в виду тех, «кто *услышит*» написанное

---

[83] Gunteri Parisiensis Historia Constantinopolitana, p. 108: Doctus uterque satis miscere poetica veris. . .

[84] Ibidem: Nos simplex verum canimus, scriptoqie fideli prosequimur nostro fieri que contigit evo.

[85] Ibid.: Si non tam lepide, certe veracius illis scribimus, nullo decoramus vilia fuco. . .

[86] Как показала М. Шульц, выяснявшая на материале прологов и предисловий к хроникам VI—XIII вв. осознававшиеся авторами задачи их сочинений, «нет почти ни одного исторического труда той эпохи, который не содержал бы заверений на этот счет» (см. M. Schulz. Die Lehre von der historischen Methode bei den Geschichtsschreibern des Mittelalters. Berlin—Leipzig, 1909, S. 10). В этом смысле хроники крестовых походов не составляют исключения. Они интересны, однако, тем, что в них особенно четко выступает несоответствие прокламаций хронистов (риторических или искренних) относительно правдивости и пр., с одной стороны, и с другой — признания ими же самими практических, религиозно-политических целей, которые преследовались при написании хроник. См. ниже.

[87] В «Предисловии» к хронике Робер сообщает, что писал ее, «побужденный обетом послушничества», и притом *по прямому указанию аббата Бернара* (Roberti Monachi Historia Iherosolimitana, p. 721).

[88] Ibid., p. 723: Et ideo litterali compaginatione commendari debet notitiae tam praesentium quam futurorum, ut per hoc et spes in Deum Christiana magis solidetur, et laus ejus in eorum mentibus vivacior incitetur.

[89] Ibid., p. 721: . . . Universos qui hanc historiam legerint, sive legere audierint et auditam intellexerint. . .

[90] См. выше, стр. 149.

им: предполагалось, видимо, что хроники крестового похода станут предметом самой широкой «устной пропаганды», чтения вслух, в результате чего с ними познакомятся не только клирики, владеющие грамотой, но и неграмотные люди (а таковыми в ту пору, как известно, были и крестьяне, и большей частью рыцари), которые будут воспринимать ore ad os описание подвигов крестоносцев и «*услышанное уразумеют*», т. е. сделают из него надлежащие выводы. О характере этих желательных для церкви выводов Робер Монах также пишет вполне откровенно, завершая «Пролог» к своей хронике [91]: «Да поможет нам премудрость господня, *ради прославления же имени божьего и пишем*» [92].

Итак, «прославление имени божьего», следовательно, и прославление церкви, действовавшей в «священной войне» от этого имени, — такова сокровеннейшая и наипервейшая цель увековечения реймсским монахом «Иерусалимской истории» в его одноименной хронике. Он создавал ее ad majorem Dei gloriam.

Не менее выразительно формулируется аналогичная цель в другой «Иерусалимской истории» — Фульшера Шартрского. В «Прологе» к ней этот священник пишет, что «счел достойным изложить по порядку (оставить в памяти) деяния франков» [93], дабы «те, кто живут на свете, услышав о благочестивых намерениях (устремлениях, деяниях) верных своих предшественников, *воодушевились ревностью и любовью к богу еще более пламенно*» [94].

С большой четкостью практически-пропагандистские, апологетические задачи латинской хронографии крестовых походов выступают в «Деяниях Танкреда» Рауля Каэнского, который, заметим кстати, и писал свой исторический труд по заданию феодальных предводителей, поставленных им затем в центр повествования, — Боэмунда Тарентского и Танкреда [95]. Рауль Каэнский в довольно прозрачных выражениях определяет, говоря языком наших дней, «идейно-воспитательное» назначение своего повествования: «рассказывать о деяниях князей — дело благородное» [96] и потому, что такой рассказ спасает от забвения их самих и потому, что он «*прославляет мертвых и услаждает переживших*

---

[91] «Иерусалимская история» Робера Монаха предваряется, помимо «Предисловия», еще и «Прологом».

[92] R o b e r t i M o n a c h i. Op. cit., p. 723: Inferat ergo nobis Dei sapientia quod ad laudem sui nominis proferamus.

[93] F u l c h e r i i C a r n o t e n s i s. Op. cit., p. 319: . . . Francorum gesta. . . ordinatione. . . dignum ducens memoriae commendandum. . .

[94] Ibid., p. 319: . . . Nam qui vivunt in mundo, audita intentione pia praedecessorum fidelium. . ., ad diligendum eum (i. e. Deum. — *M. З.*) ardentius conjuncti ipso aspirante animantur.

[95] В «Прологе» к своему сочинению Рауль Каэнский пишет, что Боэмунд и Танкред часто вспоминали при нем о минувших схватках и каждый из них восклицал: «Увы! Вот как губит нас леность! Почему для прежних поэтов высшим удовольствием было писать? А ведь они сочиняли баснословные выдумки; наши же современники молчат о победах воинства христова». . . И порицая таким образом «во всеуслышание» этих «молчащих современников», «оба все чаще обращали на меня свои очи, не знаю, с каким намерением, словно намекая: «Это мы для тебя говорим, на тебя рассчитываем» (R a d. C a d o m. Op. cit., p. 603: «Papae! Aiebant, quonam modo nos segnities perdit; quum priscis summa votibus fuerit scribere voluptas. Et illi quidem adinventiones fabulosas ordiuntur; militiae Christi victorias tacent hodierni». . . Haec publicae moventes, specialiter in me, nescio quo auspicio, saepius visi sunt oculos retorquere, ac innuerent: «Tibi loquimur, in te confidimus»). И Рауль сделал надлежащий вывод из этих намеков! См. подробней об обстоятельствах создания «Деяний Танкреда» в исследовании: L. B o e h m. Die Gesta Tancredi des Radulph von Caen. «Historisches Jahrbuch», Bd. 75, 1956, S. 50—51.

[96] R a d. C a d o m. Op. cit., p. 603: Nobile est studium res probe gestas principum recensere. . .

(их)» [97]. А во-вторых, самое важное, с точки зрения этого княжеского историка, заключается в том, что повествование о деяниях князей и об истории рыцарских подвигов «воскрешает то, что минует, *показывает победы, прославляет победителей* (sic! — *М. З.*), выводит на свет медлительность, *возвышает* доблесть, клеймит пороки, внушает добродетели — короче говоря, творит много хорошего» [98].

Прославление победителей в назидание потомкам — вот в чем, следовательно, усматривает историк-рыцарь смысл повествования о «священной войне». Об этом же он пишет и в других местах «Пролога» к своему труду.

Похваляясь собственной правдивостью, автор указывает, что намеревался написать историю «счастливого паломничества» лишь после смерти Танкреда с тем, чтобы избежать упреков в лести со стороны завистников: «тогда и завистливый смолкнет, и ропот утихнет, ибо с твоею смертью прекратятся подарки, которыми ныне беспрестанно я осыпан тобою при твоей жизни, и ядовитые языки не смогут уже злопыхательствовать, называя меня продавцом побасенок, а тебя — их покупателем» [99]. Однако существенно то, что независимо от времени написания «Деяний Танкреда», Рауль Каэнский с самого момента зарождения у него замысла написать свой труд исполнен желания прославить героя: «Я не стану хвалить тебя при жизни, но *воздам хвалу* после смерти, *возвеличу* после завершения» [100]. Историк рассказывает, как часто, предаваясь воспоминаниям о «счастливом паломничестве», о «славном (пролитом нами) поте, который вернул нашей матери (т. е. церкви. — *М. З.*) ее наследство — Иерусалим, искоренил идолопоклонство, восстановил веру» [101], думал, что отнюдь «не будет нелепым», если каждый, кто восстановит в памяти эти события, «*станет рукоплескать* (совершенному), восклицая при этом: «Вот твои сыны, Иерусалим; они явились издалека, и тогда дщери твои (к примеру, Яффа и многие другие, лежавшие во прахе) восстали из безвестности!» [102].

О практических, в том числе назидательно-пропагандистских мотивах написания хроник крестовых походов, о тех политических «страстях», бурное кипение которых нередко вызывало к жизни эти сочинения, свидетельствует и Одо Дейльский. Подробной (подчас даже чрезмерно) передачей фактов он хочет иной раз *предостеречь последующих крестоносцев* от повторения тех или иных ошибок, допущенных французским воинством в 1147 г.

Когда франки, оставив Регенсбург, где отыскалось достаточно барок, двинулись к Болгарии, «многие из наших», рассказывается в хронике Одо Дейльского, отправились не сушей, а по Дунаю. При этом «некоторые вместе с людьми и походным скарбом погрузили на суда и двух- и четы-

---

[97] Rad. Cadom. Op. cit., p. 603: . . . sepultos celebrat, oblectat superstitis. .

[98] Ibidem: . . . dum quod transiit refert, dum victorias profert, dum victoribus defert, segnitiem aufert, probitatem affert, vitia transfert, virtutes infert, plurimum confert.

[99] Ibid., p. 603—604: «Porro invidus tacebit, ommutiscet susurro, quum te exstincto, munera cessabunt, quibus nunc incessanter a superstite muneratum, venenosae linguae fabularum me venditorem circumagerent, te emptorem».

[100] Ibid., p. 603: . . . non te laudabo in vita tua, laudabo post mortem, magnificabo post consummationem. . .

[101] Ibidem: Haec mihi saepius attentiusque consideranti occurit felix illa peregrinatio, sudor ille gloriosus, qui matri nostrae Jerusalem haereditatem suam restituit, idolatriam exstinxit, fidem reparavit. . .

[102] Ibidem: . . . ut scilicet non absurde quis in his applauserit: «Ecce filii tui, Jherusalem, de longe venerunt, et filiae tuae (Joppe, videlicet, compluresque alii ruinam passae) de latere surrexerunt. . .»

рехколесные повозки: (это было сделано) в надежде наполнить их в степях Болгарии, возместив там потери, понесенные в начале похода» [103]. Однако ожиданиям этим не суждено было сбыться: надежда, которая вначале, да и впоследствии, возлагалась на повозки, «оказалась большей, чем действительная польза от них» [104]. Повозки эти лишь загромождали дороги, создавали заторы, возницы наскакивали в общей сумятице друг на друга [105], «от (всего) этого продвижение на конях чрезвычайно замедлялось» и к тому же «вспыхивало много ссор из-за нехватки корма» [106]. Упомянув об этом, Одо Дейльский тут же определяет и мотивы, заставляющие его описывать такого рода мелочи: «Мы все это рассказываем *ради предостережения потомков*» [107], т. е. имея в виду будущих крестоносцев. В их интересах он отмечает полезные, как ему кажется, хотя и второстепенные, детали событий, в которых сам участвовал.

Его сочинение предназначается прежде всего для возбуждения к «священным войнам» новых ратников на Западе. Поэтому хронист подчас прибегает и к противоположному приему изложения материала, а именно: он опускает кое-какие подробности в тех случаях, где они, загромоздив страницы хроники, лишь помешали бы выполнению ею этой задачи. Сообщив о переправе на азиатский берег Босфора вслед за основным ядром французского войска других отрядов крестоносцев, прибытия которых Людовик VII ждал несколько дней, Одо заявляет, что не станет перечислять имена всех вождей этих отрядов не только потому, что ему прискорбно называть имена тех, свидетелем чьей преждевременной смерти он сам является, но и потому, в особенности, что «читателю, вероятно, было бы скучно читать это»: ведь он, читатель, в хронике «ищет пользы и примеров доблести» [108]. Признание в высшей степени ценное: «примеры доблести» — вот что хронист стремится в первую очередь преподнести читателю!

Но, пожалуй, самым откровенным образом помыслы Одо Дейльского выдает лирическое отступление, которым завершается рассказ о разгроме сельджуками немецких крестоносцев в Малой Азии, о том, как остатки разбитого войска императора Конрада III соединились под Никеей с французским ополчением, двигавшимся после немецкого, и о кознях, которые при этом якобы чинили отступавшим немецким крестоносцам коварные византийцы. Они лишали их возможности производить закупки в своих владениях и ежедневно грабили и истребляли воинов креста [109]. Сравнивая плачевное положение германских народов в настоящем с их славным прошлым, хронист сперва выражает скорбь об участи своих единоверцев из-за Рейна: «О горе! Сколь печальна судьба этих саксонцев, диких батавов и прочих алеманнов, перед которыми некогда, как мы читаем в старинных историях, трепетало могущество Рима и которых

---

[103] Odo de Diogilo, p. 24: Ad hanc urbem (i. e. Ratisbonam. — *M. Z.*). . . invenerunt navium multitudinem copiosam quae sarcinas nostras multumque populum usque Bulgariam deportabunt. Bigas etiam et quadrigas nonnulli navibus imponebant, ut damnum praeteritum in desertis Bulgariae compensarent.

[104] Ibidem: . . . sed prius et postea magis fuere spei quam utilitati.

[105] Ibidem: . . . si vero plures inveniebant, omnes pariter aliquando saepiebant, et summarii vitantes earum impedimentum persaepe gravius incurrebant.

[106] Ibidem: Ex hoc erat mora frequens equorum et de parvis dietis quaerelae multorum.

[107] Ibidem: Ad cautelam haec omnia dicimus posterorum.

[108] Ibid., p. 80: . . . Quorum nomina mihi dolor est recitari, quia mortes eorum immaturas aspexi (et esset forsitan legenti taedium qui quaerit utilitatis vel probitatis exemplum).

[109] Ibid., p. 96: . . . Cotidie Graeci rebus et vita spoliabant.

ныне столь злосчастно губят хитрости трусливых греков»[110]. Вслед за этим он предупреждает читателя, что намерен в свое время рассказать также о гибели французов (разумеется, по вине греков) в Малой Азии: «И будет нестерпим двойной вопль (т. е. от этого рассказа. — *М. З.*); и тот и другой народ будут иметь, от чего всегда сокрушаться, *если*, — многозначительно добавляет хронист, — *сыновья не отплатят за смерть отцов*»[111].

Здесь перед нами довольно откровенный, хотя и приглушенный, призыв к отмщению византийцам за гибель крестоносных армий. Этот мотив далее развивается хронистом и более обстоятельно. Он, Одо, рассчитывает, что «божественная справедливость подарит нам, которые перенесли столько мерзких преступлений греков, надежду увидеть их отомщенными»[112]. Не довольствуясь выражением надежды на небесное вмешательство, капеллан французского короля обращается непосредственно к сердцам «верных» — немцев и французов, провоцируя их на выступление против Византии: «ведь наши народы *не привыкли долго сносить столь постыдные обиды*»[113].

И вот как раз в этом месте Одо предельно ясно формулирует подлинные задачи своего исторического труда: «Итак, утешим этим (т. е. надеждой на скорое отмщение грекам. — *М. З.*) печальные души и продолжим рассказ о наших бедствиях, *дабы потомки изведали гнусные преступления греков*»[114].

Возбуждение деятельной ненависти к последним как цель хроники вырисовывается в этих словах со всей очевидностью.

Но у Одо Дейльского имеется еще одна задача практически-апологетического свойства: успокоить и направить должным образом общественное мнение своего времени, раздраженное неудачей и потерями Второго крестового похода[115]. Хронист стремится поэтому в особенности оправдать те действия вождей крестоносцев, которые, как ему представляется, могут показаться ошибочными французской общественности. Так, Одо старается доказать правильность линии поведения главарей похода в один из критических моментов его, именно — при оставлении баронами Атталии (февраль 1148 г.), когда они действовали далеко не «по-рыцарски»: бросив на произвол судьбы «меньших братьев», бедняцкую часть ополчения, бароны и епископы во главе с Людовиком VII сели на корабли, безвозмездно предоставленные им греческими властями по указанию уполномоченного Мануила Комнина, и отбыли в Антиохию. Тысячи их покинутых соратников погибли вскоре в Малой Азии от истощения, болезней и в неравных схватках с противником[116].

Одо Дейльский прилагает все усилия к тому, чтобы реабилитировать феодальных руководителей предприятия, явно запятнавших себя трусостью и своекорыстием, не подобающими «истинным» крестоносцам, и смягчить таким образом ропот, поднявшийся в стране по возвращении Людо-

---

[110] Odo de Diogilo, p. 98: Heu, quam miseranda fortuna Saxones, Batavosque truces et alios Alemannos quos, in antiquis historiis legimus, quondam Romanam fortitudinem timuisse,nunc dolis Graecorum inertium tam misericorditer interisse!

[111] Ibidem: Refertur quoque suo tempore Francorum occasus, et erit intolerabilis geminus luctus, et habebunt gentes utraequae quod semper defleant, si filii mortes parentum non vindicant.

[112] Ibidem: Dat autem nobis qui pertulimus Graecorum scelera divina justitia spem vindicta.

[113] Ibidem: . . . et quod nostrae gentes non solent verecundias injurias diu ferre.

[114] Ibidem: His interim maestos animos consolamur et, ut sciant posteri Graecorum dolosa facinora, nostra infortunia prosequemur.

[115] См. М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956, стр. 148 сл.

[116] Odo de Diogilo, p. 136 sq.

вика VII из-за моря. Повествуя о событиях, развернувшихся в Атталии, событиях, которые не делали чести королевскому окружению и самому Людовику VII, хронист вставляет в свое повествование целую защитительную тираду, призванную уберечь крестоносных предводителей от обвинительного приговора современников. Обращаясь к читателю, Одо Дейльский пишет: «Быть может, те, кто не знает (дела), скажут, что (нам) надо было овладеть этим городом (т. е. Атталией. — *М. З.*) и отплатить за козни жителей [117]. Пусть, однако, они поразмыслят (над тем), что лишенные каких бы то ни было запасов, мы были окружены справа и слева внутренними и внешними врагами и что для нас было невозможно опрокинуть без осадных приспособлений высокие башни или произвести быстро подкоп под двойные стены» [118]. «Конечно, — продолжает автор, — можно было бы взять в плен градоначальника и императорского посла, когда они явились к королю, но даже если бы они были повешены (нами), жители бы от этого не сдали (нам) город. Да это и против обыкновения короля было брать город столь предательским путем и (к тому же) подвергать всех франков опасности безо всякой надежды на успех» [119].

Вывод, который должен вытекать из всего этого, по замыслу хрониста, ясен: вожди сделали все, что могли при сложившихся обстоятельствах, и, следовательно, винить их ни в чем дурном нет никаких оснований. Таким образом, и в этом плане, т. е. стремясь восстановить подорванную репутацию крестоносных предводителей, Одо Дейльский предстает перед нами как автор, преследующий очевидные пропагандистско-политические цели. Его хроника составлялась с тем, чтобы так или иначе *повлиять на общественное мнение* в духе, благоприятном для Людовика VII и феодальной знати, запятнавших себя трусостью и крайним своекорыстием, выгородить своих «героев» и расчистить путь для проповеди новых «священных войн».

Аналогичную тенденцию мы обнаруживаем и у современника Одо Дейльского — баварца Оттона Фрейзингенского. Он решительно восстает против тех критических суждений в адрес организаторов и вождей крестового похода (и особенно против той общей скептической оценки этого провалившегося предприятия), которые высказывались даже церковниками. «Некоторые из малодушной церковной братии, — наставительно пишет Оттон Фрейзингенский, — посрамленные (неудачей похода. — *М. З.*), удивляются и, удивленные, стыдятся (бесплодности) тех трудов, которые были вынесены в нашем походе, (стыдятся) того, что, имея столь пылкое и доброе начало, он получил столь унизительный и скверный конец» [120]. Этого делать, однако, не следует, полагает историк, и вот почему: несмотря на дурной исход, несмотря на то, что по своим непосредственным практическим итогам поход и в самом деле оказался неблагополучным, он все же «*послужил для спасения многих*

---

[117] Хронист имеет в виду прежде всего высокую плату, которую греки запросили за доставку крестоносного воинства морем в Антиохию, всевозможные проволочки, чинившиеся властями Атталии во время переговоров о предоставлении кораблей и пр. См. ibid., p. 134.

[118] Ibid., p. 134: Dicturi vero sunt ignari talium hanc urbem debuisse capi, et vindictam sumi de dolis civium. Recogittent illi dextra llaevaque privatis et extraneis hostibus sine victualibus nos obsessos et esse impossibile turres arduas sine machinis ruere vel cito posse suffodi duplices muros.

[119] Ibidem: Poterant quidem dux et imperatoris nuntius capi quando veniebant ad regem, sed cives pro illorum suspendio non redderent civitatem. Eratque regi abominabile, contra morem suum hanc proditione capi et commune periculum sine captione temptari.

[120] Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I imperatoris, p. 91: Nonulli ex pusillis eclesiae fratribus scandalizati mirantur, mirando scandalizantur de praetaxatae nostrae expeditionis labore, quod tam arduo et bono inhoata principio, tam humilem et non bonum exitum acceperit. . .

душ» [121]. Значит, нечего — таков подтекст рассуждений Оттона Фрейзингенского — сетовать на провал крестового похода, в принципе остающегося и впредь богоугодным делом!

Прославление крестоносцев составляет одну из центральных задач, поставленных и автором «Истории деяний в заморских землях» — Гийомом Тирским. В «Прологе» он возвещает о своем намерении изложить события, начиная от «похода *доблестных* мужей и *любезных богу* князей, которые, выйдя по призыву господню из западных царств, сильною рукою завоевали землю обетованную и с нею почти всю Сирию» [122]. Набор эпитетов сам по себе говорит об отношении автора к героям его будущего повествования. В 7-й главе первой книги Гийом Тирский еще более открыто заявляет: «В настоящем труде рассказано обо многом из того, что турки содеяли против наших, и *о тех великих и изумительных подвигах*, которые чаще *были нашими совершаемы* против них» (турок) [123]. Эта апологетическая направленность большей части труда Гийома Тирского выявляется и в его собственной оценке основного содержания «Истории деяний в заморских землях», данной в авторском вступлении к 23-й книге, где историк так резюмирует все предшествующее повествование: «До сих пор, в предыдущих книгах, мы описывали, как умели, *славные деяния отважных героев*, которые в течение восьмидесяти лет с лишним управляли страною на нашем Востоке, прежде всего в Иерусалиме» [124]. И здесь, следовательно, автор недвусмысленно утверждает, что свою задачу он видел главным образом в том, чтобы воспеть знаменитых героев и их великие, в его глазах, деяния.

Каковы бы ни были скрытые побуждения, толкавшие Гийома Тирского на пути героизации «заморских деяний» и их исполнителей [125], апологетический характер и направленность основной части его «Истории» выступает в этих признаниях достаточно явственно. Сам он формулирует несколько дальше задачи историков, как они ему представляются, с несколько наивной прямотой средневекового церковного политика, говоря: «Мы хорошо сознаем двойственное предназначение историков: (с одной стороны), (они) воодушевляют потомков своими рассказами о счастливо свершившихся деяниях, (с другой), примером испытавших несчастную судьбу делают их (потомков. — *М. З.*) более осмотрительными в подобных же обстоятельствах» [126].

---

[121] Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I imperatoris, p. 93: . . . non fuit bona pro dilatione terminarum vel commoditate corporum, bona tamen fuit ad multarum salutem animarum.

[122] Willermi Tyrensis. Op. cit., t. I, part. 1, p. 5: . . . ab exitu virorum fortium et Deo amabilium principum, quia regnis Occidentalibus, vocante Domino, egressi, Terram Promissionis et pene universam Syriam manu forti sibi vendicaverunt.

[123] Ibid., p. 21: . . . in opere praesenti erant dicenda quamplurima, quae ipsi contra nostros, nostrique adversus eos viriliter magnificeque saepius gesserunt.

[124] Ibid., part. 2, p. 1132: Qui enim hactenus in superioribus libris, virorum fortium qui in nostro Oriente maximeque Hierosolymis, per annos octoginta et amplius principatum tenuerunt, egregia facta, quali quali stylo descripsimus. . .

[125] Гийом Тирский хотел, думается нам, картиной доблестных подвигов и великих успехов первых крестоносцев, рисовавшейся его воображению, возможно резче оттенить глубокий упадок франкских государств в Сирии и Палестине в начале 80-х годов XII в. Происками возобладавшей в то время в межпартийной борьбе клики Гюи Лузиньяна отстраненный от участия в государственных делах и фактически находившийся в опале, целиком уйдя в свой труд, Гийом Тирский, естественно, особенно болезненно переживал удары судьбы, и все происходившее представлялось ему в весьма мрачном свете; отсюда — стремление заклеймить современных ему, погрязших в пороках восточных франков сравнением их с «великими мужами», действовавшими в начале эпохи крестовых походов. Биографические данные о Гийоме Тирском в 80-х годах см. А. С. Krey. Op. cit., p. 158.

[126] Willermi Tyrensis. Op. cit., t. I, part. 2, p. 1132: Rerum gestarum scriptoribus utramque sortem pari esse ratione propositam, ut sicut gestarum feliciter

К этому остается лишь добавить, что Гийом Тирский писал свой труд по «государеву велению». Изложение мотивов, заставивших его взяться за перо, он завершает следующим образом: «Ко всему этому *присоединилось приказание государя Амори*. . ., которым нелегко было пренебречь (которое я не мог не уважить); его многократные настояния особенно, — замечает автор, — побудили меня приняться за труд» [127].

И даже особенно настойчиво подчеркивающий достоверность своего изображения событий (Четвертого крестового похода) Гунтер Пэрисский, очевидно, не замечая противоречия в своих проникнутых пафосом самовосхваления рассуждениях, признается, что в конце-то концов он писал «Константинопольскую историю» ради того, чтобы «*воздать честь германскому народу* и к его *радости*», а также «в утешение и *в защиту всей западной церкви*» [128] — признание, которое важнее многих комментариев!

Из всего этого явствует, что в действительности описание крестовых походов их католическими летописцами-современниками преследовало отнюдь не прокламировавшиеся ими самими отвлеченно-идеальные цели, вроде бескорыстного служения исторической истине или стремления удовлетворить любознательность потомков. Напротив, латинско-франкские историки крестовых походов обычно ставили перед собой задачи сугубо практического свойства, и в первую голову — прославление и возвеличение войн с иноверцами. То и другое должно было, как предполагалось, т а й н о и я в н о способствовать пропаганде новых «священных походов» на Восток, что соответствовало интересам наиболее агрессивно настроенных кругов феодалов и упрочению позиций церкви — идейного вдохновителя, а в значительной степени и прямого организатора крестовых походов.

Все отмеченные ранее обстоятельства, а именно: классовая принадлежность хронистов, особенности их исторического мировоззрения, вытекавшие из этого, наконец, осознанные ими или неосознанные, но всегда так или иначе имевшиеся налицо апологетические побуждения, — все это определяло характерные качества трудов современных крестовым походам писателей. Их разбор — дело дальнейшего исследования.

---

narratione posteros ad quandam animositatem erigunt, sic, infortuniorum subjectorum exemplo, eosdem reddant in similibus cautiores.

[127] Ibid., part 1, p. 5: Accessit praeteria domini Amalrici regis. . . jussio, non facile neglegenda, et instantia multiplex, quae ad idipsum nos maxime impulsit. . .

[128] G u n t h e r i P a r i s i e n s i s Historia Constantinopolitana, p. 58: . . . ad solatium et tutelam universe occidentalis ecclesie. . .

К. В. ГОЛЕНКО

КЛАД ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ VII В., НАЙДЕННЫЙ БЛИЗ АНАПЫ

Публикуемые семь монет Константа II и его сына Константина IV Погоната, принадлежащие Анапскому музею [1], представляют собой сохранившуюся часть клада, найденного в 1955 г. около сел. Сукко (в 20 *км* к югу от Анапы) [2]. По сведениям, полученным от А. И. Салова, выехавшего на место находки и доставившего монеты в музей, клад был обнаружен при плантажной пахоте на так называемой «горе Павлиди» и состоял примерно из 20 монет.

Доступная изучению часть клада из Сукко состоит из монет трех групп: солидов Константа II (№ 1—3 [3]), солидов Константина IV (№ 4—5) и серебряных монет — гексаграммов [4] того же Константина IV (№ 6—7). В отличие от многих византийских монет, публикуемые поддаются достаточно точной датировке. Все наши солиды Константа II, помимо самого императора, несут и изображения его сыновей — Константина, Ираклия и Тиберия; возведение в сан кесаря двух последних падает на 659 г. Таким образом, следуя общепринятому мнению В. Роса [5], монеты этого типа нужно датировать от 659 г. вплоть до 668 г., когда Констант II был убит.

Еще более точно датируются обе группы монет Константина IV, на них имеются изображения двух братьев императора, которые были отстранены от правления в 680 г. Но одна особенность монет [6], аналогичных нашим, позволяет относить их к первым двум годам правления императора. Дело в том, что Константин IV получил свое прозвище Погонат после возвращения из Сицилии, где им было подавлено восстание Мазизия. За время пребывания на Сицилии он отпустил бороду, которая отсутствовала в момент провозглашения его императором в Константинополе [7]. На наших монетах Константин IV везде изображен безбородым, иными словами, они чеканены в 668—669 гг.

Таким образом, если часть клада из Сукко дает нам право судить о полном его составе, то в нем представлен византийский чекан сравни-

---

[1] Пользуемся случаем принести искреннюю признательность работникам Анапского музея, предоставившим нам право публикации этих монет.

[2] Краткие сведения о находке клада опубликованы: В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, Е4-4 (М., 1962), № 26.

[3] Здесь и далее номера даны по общему списку монет. См. Приложение.

[4] Серебряная монета в 6 греческих граммов (теоретический вес 6,82 г), введенная Ираклием в 615 г.; практически ее прекратили чеканить при Константине IV.

[5] W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, vol. I. London, 1908, p. 255.

[6] W. Wroth. Op. cit., vol. II. London, 1908, p. 313.

[7] См., например, Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I. СПб., 1914, стр. 717 сл.

тельно узкого отрезка времени, максимальные рамки которого равны десятилетию — 659—669 гг. Если принять во внимание широкое распространение на Кавказе византийского золота и серебра более раннего времени, то хронологическая компактность клада из Сукко позволяет выдвинуть три весьма вероятных предположения. Во-первых, монеты клада были привезены на Кавказ целиком, всем комплексом, чему, кстати, не противоречит тот факт, что оба гексаграмма чеканены одной парой штемпелей. Во-вторых, если наше первое предположение верно, то монеты практически не обращались на месте. И, в-третьих, монеты были доставлены морем, очевидно, в один из ближайших от места находки клада пунктов. Действительно, возможности сложного передвижения монет внутри Кавказа противоречит их однородный состав.

Значение клада из Сукко не исчерпывается этим. Он представляет большой интерес с различных точек зрения, прежде всего в связи с наличием в нем монет Константина IV. Это единственный известный нам кавказский клад, зарытый при упомянутом императоре. Далее, наш клад — единственный, содержавший и золотые, и серебряные монеты Константина IV[8]. И, наконец, перед нами первый случай обнаружения на Кавказе серебра Константина IV[9]. Отсутствие находок такого рода тем более бросается в глаза, что Кавказ служил областью преимущественного распространения гексаграммов Ираклия и Константа II[10], что нужно ставить в прямую связь с ирано-византийскими войнами VII в. Очевидно, сфера распространения более позднего византийского серебра, т. е. Константина IV, в большей своей части связана с иным районом — западными владениями авар. Действительно, оба известных нам клада серебряных монет VII в., принадлежащих этому району — окрестности Галаца (Румыния) [11] и Земьянска Врбовка (Словакия) [12], зарыты при Константине IV. Это мнение не подрывает публикуемая находка: она единична и в основном представлена солидами, практически, единственной византийской монетой, чеканенной со второй половины правления Константа II [13], в кавказских находках.

Если игнорировать серебряную часть клада из Сукко, то он находит себе многочисленные аналогии в единичных находках на Кавказе солидов императоров V—рубежа VII—VIII вв. Подробное исследование этих находок, по-видимому, приведет к выводу, согласно которому определяющим моментом завоза византийского золота на Кавказ служили события ирано-византийских, а затем и арабо-византийских войн. Факт широкого распространения солидов на Северном Кавказе не может служить свидетельством высокого уровня развития товарно-денежных отношений в среде местных племен [14]. Систематический завоз золота, бес-

[8] S. McA. Mosser. A bibliography of Byzantine coin hoards. NNM, № 67 (1935), по указателю.

[9] Впрочем, в кладе неизвестного происхождения, состоящего из гексаграммов, имеется монета Константина IV [В. В. Кропоткин. Указ. соч., рис. 20, 8; в тексте (№ 489) монета не отмечена].

[10] См., например, клады этих монет в Закавказье: В. В. Кропоткин. Указ. соч., № 360, 364, 370, 373, 375, 387, 454.

[11] I. Dimian. Cîteva descoperiri monetare Bizantine pe teritoriul R. P. R. SCN, I (1957), p. 196—197.

[12] P. Radoměrský. Byzantinské mince z pokladu v Zemianském Vrbovku. «Památky archeologické». XLIV. Praha, 1953, str. 109—122.

[13] В находках византийские гексаграммы представлены в основном чеканом Ираклия и Константа II (до 654 г.), монеты 654—659 гг. на Кавказе отмечены лишь единичными экземплярами.

[14] Примечательно, что в отличие от находок, сделанных в Закавказье, многие монеты с Северного Кавказа пробиты, обрезаны или вмонтированы в украшения (см., например, В. В. Кропоткин. Указ. соч., № 9, 25, 27, 33, 132, 136, 142), большинство их обнаружено в составе погребального инвентаря.

спорно, отражает одну из сторон византийского влияния в этом районе, которое давало возможность империи контролировать пути в Закавказье с севера и держать в своих руках порты северной части восточного побережья Черного моря. Но затронутые проблемы, тщательное исследование которых необходимо, далеко выходят за рамки частной публикации остатков клада из Сукко.

Приложение

ОБЩИЙ СПИСОК МОНЕТ КЛАДА ИЗ СУККО

Констант II, Константин, Ираклий и Тиберий (659—668 гг.)

Солиды (мон. дв. Константинополь)

1. 5-я мастерская; 4,43 г

Л. ст. . . . AN

Погрудные изображения Константа (слева, с длинной бородой и усами) и Константина (справа) впрямь, оба в панцирях, палудаментумах, застегнутых у правого плеча фибулой, у Константа с двойной подвеской, у Константина — с тройной; в коронах, состоящих из двух рядов жемчуга с сферой с крестом, наверху, корона Константа с султаном из перьев. Вверху крест.

Об. ст. . . . VICTORIA A VYYЄ

По сторонам высокого креста с перекладинами на верхних концах, на голгофе в четыре ступени, изображения стоящих во весь рост впрямь Ираклия и Тиберия, оба в длинных плащах, в коронах с крестом наверху, в правой руке каждого сфера с крестом, внизу CONOB . Ободок.

Σβορῶνος,* 138.

2. 8-я мастерская; 4,45 г

Л. ст. ƆNC AN.

Как № 1.

Об. ст. . . . VICTORIA A VYYH

Как № 1.

Толстой**, 304.

3. 9-я мастерская; 4,35 г

Л. ст. ƆNC AN

Как № 1.

Об. ст. . . . VICTORIA A YYΘ

Как № 1.

Толстой, 305, вар.

Константин IV Погонат, Ираклий и Тиберий (668—669 гг.)

Солиды (мон. дв. Константинополь).

4. 2-я мастерская; 4,33 г

Л. ст. ƆNCON A NYSR

Погрудное изображение Константина впрямь, его голова повернута несколько вправо, на нем панцирь, палудаментум и шлем, украшенный перьями, к нижнему краю шлема прикреплена диадема из двух рядов жемчуга с крестом в центре; в правой руке императора копье, положенное на плечо, конец которого виден справа из-за головы, левая рука прикрыта щитом с изображением всадника и поверженного врага. Ободок.

Об. ст. . . . VICTORIA A VYYB

* Σβορῶνος. Θησαυροὶ βυζαντίνων χρυσῶν νομισμάτων. JIAN, VII (1907).

** И. И. Толстой. Византийские монеты. СПб., 1912—1914.

Рис. 1. Монеты клада из Сукко

Как № 1.

Wroth, II, 2.

5. 3-я мастерская; 4,40 г

Л. ст. δNCONS ZANЧPP

Как № 4, но изображение императора почти поясное.

Об. ст. VICTORIA A VЧЧГ

Как № 1.

Гексаграммы (мон. дв. Константинополь).

6. 6,70 г

Л. ст. δNCONS A NЧSPP

Как № 5.

Об. ст. δ... ЧΛ IЧГΛOR⅂A:·

Как № 1, но крест с четырьмя перекладинами на концах, на сфере и голгофе в три ступени, без надписи внизу.

Wroth, II, 24, var.

7. 6,62 г

Чеканена одной парой штемпелей с № 6 .

В. В. КРОПОТКИН

НОВЫЕ НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Экономические связи Византии с народами Закавказья, Средней Азии и Восточной Европы исследованы еще совершенно недостаточно, несмотря на то, что эта тема имеет важное значение для изучения социально-экономической истории Византии, древней Руси и других государств средневековья.

Ценным источником для изучения торговых связей и торговых путей в средние века являются многочисленные находки восточных, византийских и западноевропейских монет на территории СССР.

Настоящая статья является дополнением к опубликованной в 1962 г. работе: «Клады византийских монет на территории СССР» [1].

Изучение рукописного фонда Н. П. Бауера, хранящегося в архиве Института археологии АН СССР в Ленинграде, новые публикации, просмотр нумизматических коллекций в музеях Москвы, Ленинграда, Таллина, Киева, Керчи, Севастополя, Бахчисарая, Орджоникидзе и Махач-Калы позволили за короткий срок собрать новые драгоценные сведения по топографии византийских монет, а также уточнить ранее опубликованные материалы. Описание находок ведется по следующей схеме: порядковый номер находки, затем в скобках общий порядковый номер с 490 по 587[2], место, год и обстоятельства находки, состав клада и дата зарытия. В конце указаны места хранения клада или находки и дается перечень источников, которые были использованы автором. В тех случаях, когда те или иные данные не были установлены, это специально не оговаривается; указаны также, когда это было возможно, вес монеты в граммах, диаметр в миллиметрах, соотношение осей лицевой и оборотной сторон, степень сохранности монеты. Определение монет производилось по наиболее распространенным пособиям: каталогу Британского музея [3], каталогам Ж. Сабатье [4] и И. И. Толстого [5].

Перечень находок византийских монет составлен в следующем порядке: РСФСР, Украинская ССР, Молдавская ССР, Белорусская ССР, Эстонская ССР, Армянская ССР, Грузинская ССР, Киргизская ССР,

---

[1] В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. «Археология СССР». Свод археологических источников. Серия Е4—4. М., 1962.

[2] Находки под номерами 1—489 опубликованы в нашей работе 1962 г. (см. В. В. Кропоткин. Указ. соч.).

[3] W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, vol. I—II. London, 1908.

[4] J. Sabatier. Description générale des monnaies byzantines, vol. I—II. Paris, 1862.

[5] И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. I—IX. СПб., 1912—1914.

Узбекская ССР и дополнения. При составлении перечня мы использовали последний справочник по административно-территориальному делению СССР [6].

Ценные сведения о находках византийских монет автор получил от В. А. Кузнецова, Н. И. Сокольского, Г. Б. Федорова, А. А. Формозова (Москва), В. Д. Белецкого, Б. Я. Ставиского, М. К. Каргера, Г. Ф. Корзухиной, В. М. Потина, И. В. Соколовой, И. Г. Спасского, А. Л. Якобсона (Ленинград), А. Н. Молвыгина, В. М. Сыэрд, Э. Тыниссона (Таллин), В. А. Анохина, В. К. Гончарова (Киев), П. О. Карышковского (Одесса), В. А. Падина (Трубчевск), А. М. Гилевич (Севастополь), Е. В. Веймарна (Бахчисарай), Е. А. Пахомова (Баку). Автор выражает благодарность всем, кто своим содействием и помощью способствовал сбору интересующих автора материалов по топографии византийских монет на территории СССР.

РСФСР

Краснодарский край

1 (490). Баракаевская станица, Лабинский район, 1961 г. При археологических раскопках П. Аутлева и П. Дитлера в пещере Губский навес № 3 обнаружено средневековое погребение VIII—IX вв. н. э., где найдены следующие вещи: бусы, стеклянные кольца, раковина каури, серьга с привеской и золотая монета — варварское подражание византийскому солиду VII—VIII вв. н. э. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Адыгейский музей в г. Майкопе. Лит.: Отчет об археологических раскопках П. У. Аутлева и П. А. Дитлера в 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2467.

2 (491). Голубинская, Темрюкский район, не позже 1928 г. При плантаже виноградника близ станицы, на берегу моря местные жители нашли на древнем поселении византийскую номисму Никифора Фоки (963—969), которую в 1928 г. приобрел М. В. Покровский. В 4,0. Хр.: ГЭ (поступил от М. В. Покровского 28 марта 1937 г., № 583/362). Лит.: Сообщение И. Г. Спасского 9 VIII 1963 г.

3 (492). Запорожская станица, Темрюкский район, 1962 г. Около станицы случайно найдена византийская анонимная медная монета типа: Wroth, II, p. 497, № 10, pl. LVIII, 4 (вариант). В 9,69. Д 27—30. Сохранность средняя. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГИМ, инв. № 98.359. Лит.: не издана, сообщение Н. И. Сокольского (монета получена от И. А. Власенко).

4 (21а). Сенная, Темрюкский район, 1950 г. На Фанагорийском городище случайно найдена серебряная монета Никифора III Вотаниата (1078—1081). Определение Л. П. Харко. Хр.: ГИМ, инв. № 95. Лит.: Д. Б. Шелов. Находки монет из Фанагории в 1947—1957 гг. НЭ, III, стр. 125, № 1285; Кропоткин. Клады, стр. 47, № 21а.

5 (20). Сенная, Темрюкский район, 1954 г. На Фанагорийском городище случайно найдена медная монета Константина X и Евдокии (1059—1067) с двумя отверстиями для подвешивания, типа: Wroth, II, pl. LXI, 7. В 6,16, Д 25,5—27. Сохранность хорошая. Хр.: ГМИИ, инв. № 163. Лит.: Д. Б. Шелов. Находки монет . . ., стр. 110, № 945; Кропоткин. Клады, стр. 22, № 20.

---

[6] «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик». М., 1962.

6 (21). Сенная, Темрюкский район, 1955 г. На городище древней Фанагории найдено подражание византийскому милиарисию Василия II и Константина VIII (976—1025), медь. В 1,48. Сохранность очень хорошая. Хр.: ГМИИ, инв. № 16. Лит.: Д. Б. Шелов. Находки монет. . ., стр. 117, № 1088; Кропоткин. Клады, стр. 22, № 21.

7 (26). Сукко, Анапский район, 1955 г. При прополке виноградника близ селения (в 20 км от г. Анапы) найден клад золотых византийских монет VII в. в количестве 14 экз. Монеты разошлись по рукам; по-видимому, монеты были извлечены на поверхность земли при плантажной вспашке. Анапский музей приобрел 5 византийских солидов отличной сохранности: Константа II (641—668) — 3 экз., Константина IV (668—685) — 2 экз. По сообщению находчиков, в составе клада были найдены 4 серебряные монеты, одна из которых оказалась византийской гексаграммой Константина IV (668—685) типа: Толстой, VII, стр. 806—807, № 53, табл. 58 (определение по карандашному оттиску). Золотые византийские монеты определены нами по фотографии и слепкам: 1) Константа II (641—668), солид, чеканенный в Константинополе, officina 5, типа: Толстой, VII, стр. 778, № 296, табл. 56. В 4,4. 2) Констант II (641—668), солид, чеканенный в Константинополе, officina 8, типа: Толстой, VII, стр. 779, № 304, табл. 56. В 4,4. 3) Констант II (641—668), солид, чеканенный в Константинополе, officina 9, типа: Толстой, VII, № 305, табл. 56. В 4,35. 4) Константин IV (668—685), солид, чеканенный в Константинополе, officina 2, типа: Толстой, VII, стр. 798, № 4, табл. 57. В 4,3. 5) Константин IV (668—685), солид, чеканенный в Константинополе, officina 3, типа: Толстой, VII, стр. 798, № 1—2, табл. 57. В 4,4 (?).

Принадлежность византийской гексаграммы Константина IV к кладу золотых монет очень сомнительна. Возможно, что серебряные монеты были найдены после плантажной вспашки на винограднике отдельно от золотых монет, но находчики соединили все монеты в одну находку и передали их сотрудникам Анапского музея. Хр.: Анапский краеведческий музей, инв. № 1162—1166 (поступили в 1955 г.). Лит.: сообщение А. И. Салова и Н. П. Хамзиной; Кропоткин. Клады, стр. 22, № 26.

Ставропольский край

Карачаево-Черкесская АО.

8 (493). Нижний Архыз, Зеленчукский район, 1962 г. В ущелье р. Большой Зеленчук, левого притока Кубани, при археологических раскопках В. А. Кузнецова в могильнике у северного храма в верхней части засыпи каменного ящика 59 найдена византийская медная монета Константина VII, чеканенная в Константинополе между 27 января—апрелем 945 г. типа: Wroth, II, p. 463, № 45, pl. LIII, 8. В 3,14, Д 23,5—25. СО↓. Сохранность плохая, монета помята. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Фонды ИА АН СССР, инв. № 23. Лит.: не издана, сообщение В. А. Кузнецова: В. А. Кузнецов. Отчет о работе Северно-Кавказской экспедиции. 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2459.

Белгородская область

9 (44). Гаевка, Борисовский район, 1904 г. В кочевническом погребении были обнаружены две византийские номисмы Василия II и Константина VIII (976—1025), одна из них типа: Wroth, II, pl. LXI, 3. В 4,2, Д 19. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГЭ, ОИПК, инв. № 991/1. Лит.: ИАК, вып. 19, 1906, стр. 153—154; Кропоткин. Клады, стр. 24, № 44.

10 (46). Столбица, Волоконовский район, 1896 г. В кочевническом погребении были найдены два византийских солида: Феодосия III (715—716) и Льва III Исавра (716—741). В публикациях монеты были определены ошибочно как солиды Анастасия II (714—715) Льва IV (775—780). Определение Н. П. Бауера и В. В. Кропоткина (по фотографии, хранящейся в фотоархиве ЛОИА АН СССР, негатив III—2490). Лит.: Кропоткин. Клады, стр. 24, № 46.

Брянская область

11 (494). Трубчевск, Трубчевский район, 1962 г. При археологических раскопках В. А. Падина в урочище Гай, в кургане среди бус в женском погребении найден пробитый в двух местах милиарисий Константина VII и Романа II (945—959) типа: Wroth, II, p. 466, № 67—69, pl. LIII, 15. Д 23. Сохранность средняя. СО↑. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Трубчевский краеведческий музей. Лит.: не издан, сообщение В. А. Падина. 1962 г.

Владимирская область

12 (495). Владимир, 1837 г. В городе была найдена херсоно-византийская медная монета Льва VI и Александра (886—912). Лит.: Бауер, л. 403, № 78.

Кировская область

13 (496). Мальцево, Подсосенский район, 1961 г. Летом ученик В. Бурков нашел около конюшни византийскую анонимную медную монету типа: Wroth, II, pl. LX, 6. Определение И. В. Соколовой. Лит.: не издана, сообщение И. В. Соколовой.

Курская область

14 (52). Коробкино, Конышевский район, 1915 г. В составе клада вместе с серебряными браслетами найдена византийская номисма Романа I, Константина VII и Христофора (921—944), чеканенная в Константинополе около 927 г., типа: Wroth, II, p. 459, № 39, pl. LIII, 2. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГЭ, ОИПК, инв. № 1001/8. Лит.: Кропоткин. Клады, стр. 25, № 52.

Псковская область.

15 (497). Псков, 1907 г. При разрушении вала Довмонтовой крепости осенью 1907 г. была найдена медная монета Василия I (867—886), чеканенная совместно с сыновьями Константином и Львом. Лит.: «Труды Псковского археологического общества за 1907—

1908 гг.», вып. 5. Псков, 1909, стр. 187; вып. 10 (за 1913—1914 гг.). Псков, 1914, стр. 251; Бауер, л. 400, № 61.

16 (498). Псков, 1961 г. При археологических раскопках В. Д. Белецкого на территории Довмонтова города, у юго-западной стены крепости на глубине около 3 м в выбросе найдена номисма Константина VII и Романа II (945—959) с двумя отверстиями для подвешивания. Д 19. Сохранность хорошая. Определение И. В. Соколовой. Хр.: ГЭ, ОИПК, инв. № 271. Лит.: не издана, сообщение В. Д. Белецкого.

Ростовская область

17 (84). Романовская станица, Романовский район, 1884 г. При раскопке кургана на левом берегу Дона случайно обнаружено погребение с золотыми вещами (золотая застежка с инкрустацией, маленькая золотая застежка, золотая пряжка и три обломка круглой бляхи с тисненым орнаментом) и двумя византийскими солидами:

1. Константин IV (668—685), солид, чеканенный в Константинополе, officina 2, типа: Wroth, II, p. 315, № 14. Av.: PCONSTA[NPSPPA], бюст императора прямо, голова повернута немного вправо. Rv.: крест на четырех ступенях, круговая легенда; VICT[ORIA AVG...], внизу: CONOB.

2. Лев III Исавр (716—741), солид, чеканенный в Константинополе, officina 7, типа: Wroth, II, p. 365, № 2, pl. XLII, 8. В 4,276, Д 18. Сохранность хорошая. Хр.: ГИМ, инв. № 78607 (солид Льва III). Лит.: ДАК, 1891, № 17, л. 82; ДАК, 1894, № 203, л. 13; Указатель ГИМ. М., 1893, стр. 364—365, № 599—603; Каталог выставки IX АС, стр. 118, № 9; Кропоткин. Клады, стр. 27, № 84.

Саратовская область

18 (97). Канаевка, Ивантеевский район, 1925 г. На р. Иргизе, выше впадения р. Камелик был найден византийский милиарисий X или XI в. Лит.: Зайковский, стр. 6, № 108; Бауер, л. 257, № 42; Кропоткин. Клады, стр. 28, № 97.

Смоленская область

19 (103). Гнездово, Смоленский район, 1895 г. При археологических раскопках В. И. Сизова и Ю. Н. Сперанского в кургане была найдена медная монета Льва VI (886—912) с ушком для подвешивания, типа: Wroth, II, p. 447, № 8, pl. LI, 13. В 7,045, Д 21—22. Сохранность плохая. Хр.: ГИМ, инв. № 44792. Лит.: Древности, XXII, приложение 9; ИАК, прибавление к вып. 58, Пг., 1915, стр. 77; МАР, № 28, стр. 47, табл. IV, 3; Кропоткин. Клады, стр. 28, № 103.

20 (110). Новоселье (Саки), Слободской район, 1905 г. В погребении были найдены 4 серебряные монеты с ушками для привешивания: Германия, Генрих III (1039—1056), чеканенные в Эрфурте, — 2 экз.; Чехия, Яромир (1004—1012) — 1 экз.; Византия, милиарисий Константина VII и Романа II (945—959) типа: Wroth, II, p. 466, № 67—69, pl. L III, 15, ушко отломано. В 2,47, Д 22. Сохранность плохая. Хр : ГЭ, ОИПК, № 812/555. Лит.: ЗРАО, VIII, вып. 1. СПб., 1906, стр. 200; ZfN, XXXIX, S. 149, № 61; Кропоткин. Клады, стр. 28, № 110.

Дагестанская АССР

21 (131). Верхний Чирюрт, Кизилюртовский район, 1956 г. При археологических раскопках могильника V—VII вв. на правом берегу р. Сулак были найдены две золотые монеты: а) Погребение 40 а. Варварское подражание византийскому солиду Ираклия и Ираклия Константина (613—641) типа: Толстой, VI, табл. 47, № 127—148, 161—169. Av.: погрудное изображение Ираклия и его сына Ираклия Константина, круговая легенда варваризована и не читается. Rv.: крест на четырех ступенях, в поле слева 5 точек, справа 4 точки, легенда варваризована и не читается. Д 21—22. СО↓. Монета с отверстием для привешивания; б) Погребение 79а. Варварское подражание византийскому солиду Ираклия и Ираклия Константина (613—641), с ушком для привешивания, типа: Толстой, VI, табл. 47, 127—148, 161—169. Д 22. СО↓. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Фонды Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, инв. № 358 и 763. Лит.: Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение). «Материалы по археологии Дагестана», т. II. Махачкала, 1961, стр. 256 и 262; Кропоткин. Клады, стр. 30, № 131.

Кабардино-Балкарская АССР

22 (499). Нижний Былым (быв. Озоруково), не позже 1894 г. В могильнике при впадении р. Гестанты в р. Баксан были найдены: сасанидская драхма Хосрова I (531—579), золотые индикации византийского солида Юстиниана II и его сына Тиберия (705—711) — 2 экз., золотые индикации солида Льва III Исавра (716—741) — 11 экз. Хр.: ГИМ, инв. № 29200. Лит.: В. Д. Айналов. Обломок пиксиды и другие древности из Озоруковского могильника, находящиеся в Историческом музее. «Археологические известия и заметки», т. II. М., 1894, стр. 8; МИА, № 106, стр. 77.

Северо-Осетинская АССР

23 (500). Архон, Орджоникидзевский район, 1956 г. Византийский солид Анастасия (491—518) с двумя отверстиями для подвешивания, чеканенный в Константинополе, officina 10, типа: Толстой, II, стр. 180, № 9. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Северо-Осетинский краеведческий музей. Лит.: не издана.

24 (501). Нижний Садон, Алагирский район, 1928 г. При археологических раскопках в катакомбе № 1 найдена золотая индикация византийского солида Фоки (602—610) с двумя отверстиями для привешивания. На лицевой стороне бюст императора с бородой, в короне с крестом, в правой руке держит крест: См. Толстой, V, табл. 42, № 22. В 2,3, Д 20. Сохранность плохая. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Северо-Осетинский краеведческий музей, инв. № 19. Лит.: не издана.

25 (502). Северная Осетия (ближе неизвестно). Византийский солид Ираклия, Ираклия Константина и Ираклиона (632—641) с двумя отверстиями для привешивания, чеканенный в Константинополе, officina 2, типа: Толстой, VI, стр. 702, № 377, но в поле,

как у № 372. В 4,2, Д 19. СО↓. Сохранность средняя. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Северо-Осетинский краеведческий музей, инв. № 18. Лит.: не издана.

Украинская ССР

Винницкая область

26 (503). Тростянец, Тростянецкий район, не позже 1909 г. В селе найдены медная монета Михаила III и Феодоры (842—867) и византийские анонимные монеты конца X и начала XI в. Хр.: Каменец-Подольский музей (до 1917 г.). Лит.: Е. Сецинский. Опись предметов старины музея Подольского церковно-археологического общества. Каменец-Подольск, 1909, стр. 91; Бауер, д. 390, № 7.

Восточная Галиция

27 (504). Восточная Галиция, не позже 1933 г. Медная византийская монета. Хр.: Львов, ГИМ (быв. музей НТШ, инв. 23767).

Днепропетровская область.

28 (505). Волошское, Днепропетровский район, 1962 г. При осмотре берега Днепра близ села 4 ноября 1962 г. в устье речки Суры в культурном слое поселения «эпохи переселения народов» А. В. Бодянский нашел медную византийскую монету Маврикия (582—602), чеканенную в Херсонесе, типа: Толстой, V, стр. 567, № 331 (вариант). Определение И. В. Соколовой. Лит.: не издана, сообщение И. В. Соколовой.

29 (506). Любимовка, Днепропетровский район, не позднее 1962 г. На острове Малый Дубовый в районе с. Любимовки на Днепре была найдена медная византийская сцифатная монета Иоанна II Комнина (1118—1143). Определение И. В. Соколовой. Хр.: фонды ИА АН УССР. Лит.: сообщение А. В. Бодянского и И. В. Соколовой.

30 (507). Никополь, Никопольский район, 1936 г. При археологических раскопках А. П. Манцевич на территории трубного завода в кургане № 27 во впускном кочевническом погребении № 1 был найден обломок милиарисия Константина IX Мономаха (1042—1055). В 1,0, Д 20. Определение В. А. Шугаевского. Вместе с монетой в погребении находились: меч, золотые кольца, золотая серьга с бусиной и другие вещи. Хр.: КГИМ (до 1941 г.). Лит.: А. П. Манцевич. Дневник раскопок за 1936 г., Л. Д. Дмитров. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935—1936 рр. «Наукові записки Інститута історії і археології АН УССР», кн. II, 1946, стр. 65; Бауер, л. 391, № 10 (сообщение В. А. Шугаевского).

Запорожская область

31 (508). Днепровские пороги, не позже 1864 г. В районе Днепровских порогов были найдены 6 медных византийских монет. Лит.: ДАК, 1864, № 3; Бауер, л. 391, № 11.

32 (158). Конка, не позже 1873 г. На левом протоке Днепра, р. Конке, найден был клад золотых византийских монет Василия I (867—

886), Романа II (959—963), Иоанна Цимисхия (969—976), Константина VIII (1025—1028) и Константина X (1059—1067), всего 43 экз. По мнению И. Г. Спасского, клад идентичен находке на берегу Днепровского лимана, в 40 верстах от Кинбурна. Часть монет из клада поступила в собрание известного нумизмата и коллекционера П. О. Бурачкова. Лит.: ЗООИД, IX, 1875, стр. 39; Архив ИА, фонд 28, 1880, № 22, л. 47, № 11; Кропоткин. Клады, стр. 31, № 158; стр. 37, № 267.

Киевская область

33 (509). Безродная, Киевский уезд, не позже 1875 г. Медная византийская монета конца X и начала XI в. Лит.: Бауер, л. 397, № 47 (сообщение В. А. Шугаевского).

34 (510). Белгородка, Киевский район, 1882 г. Номисма Романа III (1028—1034). Лит.: ЗРАО, I, н. с., протокол от 29. IV 1883 г., стр. XII; Древности, XXIII, вып. 2, протоколы, стр. 206; Бауер, л. 396, № 45.

35 (511). Вигуровщина, Киевский район, 1934 г. На берегу Днепра была найдена медная византийская анонимная монета конца X—начала XI в. Лит.: Бауер, л. 396, № 42 (сообщение В. А. Шугаевского).

36 (512). Вышгород, Киевский район, 1824 г. Номисма (?) Феодоры (1055—1056). Лит.: «Сборник материалов для истории Румянцевского музея», вып. I. М., 1882, стр. 180; Бауер, л. 395, № 39.

37 (513). Вышгород, Киевский район, 1906 г. Во время раскопок в Вышгороде на берегу Днепра была найдена медная византийская монета конца X—начала XI в. Лит.: Бауер, л. 396, № 40 (сообщение В. А. Шугаевского).

38 (514). Вышгород, Киевский район, 1937 г. На городище были найдены две византийские медные монеты: Константина X (1059—1067) и Романа IV Диогена (1068—1071). Определение С. В. Коршенко (по каталогу Британского музея). Лит.: Бауер, л. 396, № 41 (сообщение В. А. Шугаевского).

39 (515). Киев, 1824 г. На погосте Десятинной церкви были найдены византийские монеты. Лит.: Бауер, л. 393, № 23 (сообщение В. А. Шугаевского).

40 (516). Киев, 30-е годы XIX в. При рытье погребов была найдена номисма Феодоры (1055—1056), приобретенная известным нумизматом С. де-Шодуаром. Лит.: С. де-Шодуар. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен, т. I. СПб., 1837, стр. 59; Бауер, л. 393, № 24.

41 (170). Киев, 1882 г. В усадьбе Т. В. Кибальчича на Большой Дорогожицкой ул., д. № 40, в грунтовой могиле (погребение № 94) на глубине около 3,0 м подле истлевшего костяка были найдены 2 медные чашки от весов, складное коромысло к ним, 9 обтянутых бронзой железных гирек и обломанная византийская медная монета Константина VII (913—959), чеканенная в Константинополе между 919 и 921 гг., типа: Sab., II, 128, № 12, pl. XLVI, 15; Wroth, II, p. 455, pl. 11, LII, 7. Лит.: К. Болсуновский. Древние гирьки, найденные в Киеве, и отношение их к различным весовым системам. Киев, 1898, стр. 8, табл, I, 8; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 155, 161; Янин, стр. 174; Кропоткин. Клады, стр. 32, № 170.

42 (517). Киев, 1893 г. При устройстве канализации была найдена визан-

тийская монета Константина VII и Романа II (945—959). Лит.: Бауер, л. 394, № 32 (сообщение В. А. Шугаевского).

43 (518). Киев, не позже 1899 г. На быв. Трехсвятительной ул. (ныне ул. Героев Революции) в усадьбе Кравцова были найдены 5 византийских монет и бронзовые вещи (половина креста, пряжка и др.). Хр.: Музей Киевского университета (запись 1899 г.). Лит.: Архив ИА АН УССР, № 13, № 69, лл. 10—11 (инвентарная книга Музея древностей при университете за 1896—1902 гг.).

44 (519). Киев, 20-е годы XX в. На левом берегу Днепра Н. Г. Захаревич-Захарьевский нашел византийский милиарисий Иоанна Цимисхия (969—976). Лит.: Бауер, л. 253, № 15 (сообщение В. А. Шугаевского).

45 (520). Киев, 1939 г. На Лукьяновке были найдены медные византийские монеты от Константина VII до Константина X (или Михаила VII?): а) Константина VII (913—959); б) периода от Иоанна Цимисхия до Романа III; в) Феодоры (1055—1056); г) Исаака I (1057—1059); д) потертая монета Константина X (1059—1067) или Михаила VII (1071—1078). Очевидно, бóльшая часть монет относится к разряду анонимных. Определение С. В. Коршенко. Лит.: Бауер, л. 395, № 37а (сообщение С. В. Коршенко).

46 (521). Переяслав-Хмельницкий, Переяслав-Хмельницкий район, не позже 1831 г. По сведениям Е. Болховитинова, в городе было найдено несколько византийских (?) монет («константинопольские монеты»). Лит.: «Старина Русской земли. Исследования и статьи И. Снегирева», т. I, кн. 1. СПб., 1871, стр. 120 (письмо Е. Болховитинова И. М. Снегиреву от 8 июля 1831 г. из Киева).

47 (188а). Ржищев, Ржищевский район, 1960 г. При археологических раскопках В. К. Гончарова на городище Ивангорода были найдены византийская монета и вислая печать. Хр.: фонды ИА АН УССР. Лит.: не изданы, сообщение В. К. Гончарова; Кропоткин. Клады, стр. 33, № 188а.

48 (522) Трилесы, быв. Васильковский уезд, 1866 г. В кургане в кочевническом погребении была найдена золотая монета, по всей вероятности, византийская номисма XI—XII вв. Лит.: И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною, с объяснениями и XX таблицами рисунков, вып. 1. Киев, 1896, стр. 107.

Крымская область

49 (523). Аршинцево, Керченский горсовет, 1957 г. В поселке найден солид Василия I и Константина (869—879), типа: Wroth, II, pl. L, 12. В 4,30, Д 19—19,5. Сохранность средняя. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Керченский музей, инв. № 9654 (поступил 4 мая 1957 г. от А. И. Туранова). Лит.: не издана.

50 (524) Аршинцево, Керченский горсовет, 1959 г. Медная византийская монета Константина VII (913—959) хорошей сохранности, чеканенная в Константинополе между 27 января и апрелем 945 г. Av.: +COnSTⷭbASIL'ROMⷭ, бюст императора прямо. Rv.: четырехстрочная надпись: +COnSTⷭЄnΘЄOЬA/SILЄVSR/OMЄOn Тип: Wroth, II, p. 463, № 45—46, pl. LIII, 8. Д 26. Хр.: Керченский музей, инв. № 9638 (поступила от С. К. Николина 31 января 1960 г.). Лит.: не издана.

51 (225). Бахчисарай, Бахчисарайский район, 1952 г. При археологических раскопках могильника Чуфут-Кале в склепе № 24 была

найдена среди бус золотая субэратная монета с медным ядром — подражание византийскому солиду VI—VII вв. Av.: золотая пластинка, покрывавшая монету, сохранилась плохо. Rv.: стоящая Ника прямо, в правой руке держит вертикальный скипетр, увенчанный символом Христа (хризма), в левой — сфера с крестом. Легенда сохранилась плохо: VICT[O]RI[A AVG], под обрезом: CO[N]. Изображение на оборотной стороне нанесено двойным ударом и смещено в верхней части влево. Монета имела отверстие для подвешивания. Вероятно, монета является местным, алано-готским варварским подражанием солиду Юстиниана I (527—565). В 1,70, Д 18—19. Сохранность плохая. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: БИАМ, № 5805. Лит.: СА, XXVIII, стр. 210, рис. 5, 1; Кропоткин. Клады, стр. 34, № 225, табл. 17, 5.

52 (525). Бахчисарай, Бахчисарайский район, 1961 г. При археологических раскопках могильника Чуфут-Кале в склепе № 110 были найдены две монеты: а) солид Константина V Копронима с именем его сына Льва IV Хазара (741—775), типа: Толстой, VII, стр. 956, № 33, табл. 67, № 33—34; Wroth, II, p. 379, № 7—10, pl. XLIII, 23 или XLIV, 1. В 3,66, Д 18—18,5. Сохранность хорошая. Монета обрезана по кругу; б) золотая субэратная монета с медным ядром — местное алано-готское варварское подражание византийскому солиду Константина V (741—775), типа: Wroth, II, p. 378, № 1, pl. XLIII, 22. В 1,85, Д 20. CO↓. Сохранность средняя. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГИМ, инв. № 98357/кп-1.038682-1.038.683. Лит.: Кропоткин. Клады, стр. 11, прим. 41.

53 (526). Гончарное, Куйбышевский район, 1962 г. При археологических раскопках А. Л. Якобсона на средневековом поселении (раскоп 2) найдена херсоно-византийская монета Маврикия (582—602). Определение А. Л. Якобсона. Хр.: ГХМ. Лит.: не издана, сообщение А. Л. Якобсона.

54 (527). Керчь, 1956 г. При археологических раскопках В. Д. Блаватского на Ново-Эспланадном раскопе (площ. XXI, яма 93) найдена херсоно-византийская монета Романа I (920—944) (?). Монета обрезана, плохой сохранности, типа: Бурачков, XVII, № 142 (?). Определение Д. Б. Шелова. Хр.: ГМИИ, 1956, п/о 2916. Лит.: К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея, 1945—1961 гг. «Нумизматика и сфрагистика», I. Киев, 1963, стр. 26 и 47, № 431.

55 (528). Керчь, 1959 г. На горе Митридат по Верхне-Митридатской ул., близ дома № 31 В. В. Вагнер нашел 1 июня 1959 г. медную византийскую монету плохой сохранности (не очищена). Av.: бюст императора прямо, легенда не читается. Rv.: в центре буква М, внизу Г, под обрезом: CON: Константинополь, officina 3, 40 нуммов. На оборотной стороне надчеканка: В. Д. 26—28. Хр.: Керченский музей, инв. № 9598. Лит.: не издана.

56 (529). Керчь, 1960 г. В 20-х числах ноября 1960 г. в районе Боспорской загородной усадьбы И. Г. Голдовский нашел медную византийскую монету плохой сохранности (не очищена). Д 23—26. Хр.: Керченский музей, инв. № 9777. Лит: не издана.

57 (530). Керчь, Керченский горсовет, 1963 г. При археологических раскопках Т. И. Макаровой близ церкви Иоанна Предтечи были найдены 4 медные византийские монеты:
а) Маврикия (582—602), типа: Wroth, I, p. 159, № 291, pl. XX, 1

(=Толстой, V, табл. 40, № 334—336). В 12, 13. Сохранность очень плохая, изогнута;
б) Маврикия (582—602), 40 нуммов, типа: Wroth, I, p. 131, № 32, pl. XVII, 7(=Толстой, V, табл. 38, № 188—189). В 5,53. Сохранность очень плохая;
в) Фока (602—610), 40 нуммов, типа: Wroth, I, p. 175, № 102, pl. XXII, 2(=Толстой, VI, табл. 44, № 143). В 14,30. Сохранность плохая;
г) херсоно-византийская монета IX—XI вв. очень плохой сохранности, может быть, Константина VII и Романа II (945—959), типа: Wroth, II, pl. LIV, 3. В 2,40. Определение автора. Хр.: Фонды ИА АН СССР. Лит.: Материал не издан, сообщение Т. И. Макаровой, 1963 г.

58 (531). Ласпи, Куйбышевский район, 1961 г. В бухте Ласпи при рытье траншеи для водопровода была найдена херсоно-византийская монета Маврикия (582—602). Хр.: ГХМ. Лит.: не издана, сообщение А. М. Гилевич.

59 (532). Ленино, Ленинский район, 1961 г. В 3 км к западу от села при раскопке кургана в кочевническом погребении была найдена золотая византийская вогнутая монета Иоанна II Комнина (1118—1143) с отверстием для подвешивания, типа: Wroth, II, pl. LXVI, 10—12 или LXVII, 1—3. Определение В. А. Анохина. Хр.: Керченский музей. Лит.: не издана, сообщение В. А. Анохина.

60 (533). Ново-Бобровка (быв. Бага), Куйбышевский район, 1960 г. При археологических раскопках А. Л. Якобсона на средневековом поселении (раскоп 7, помещение 2), у стенки на полу помещения была найдена херсоно-византийская монета Маврикия (582—602). Д 25—28. Сохранность плохая. Определение А. Л. Якобсона. Хр.: ГХМ, инв. № 20. Лит.: не издана, сообщение А. Л. Якобсона.

61 (534). Пампук-Кая, Куйбышевский район, 1962 г. При археологических раскопках А. Л. Якобсона внутри разрушенного средневекового храма, в плитовой могиле № 6, во рту костяка найден византийский солид Ираклия, Ираклия Константина и Ираклиона (632—641), типа: Wroth, I, p. 190, pl. XXIII, 11. Определение А. Л. Якобсона. Лит.: А. Л. Якобсон. Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму. КСИА АН СССР, вып. 99, 1964, стр. 70.

62 (535). Приозерное, Приморский район, 1958 г. При сооружении фундамента В. Д. Романов нашел 2 октября 1958 г. медную византийскую монету Юстина I (518—527) хорошей сохранности. Av.: бюст императора вправо в диадеме, DN IVSTI [NVSPPAVG]. Rv.: буква M (40 нуммов), под ней Г, под обрезом: CON. — Константинополь, officina 3, Д 29. Тип: Толстой, III, стр. 235, № 33. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Керченский музей, инв. № 9553. Лит.: не издана.

63 (216). Севастополь, 1949 г. Летом 1949 г. во время археологических раскопок Г. Д. Белова на Северном раскопе Херсонесского городища в пристройке к базилике 1935 г. найден клад херсоно-византийских монет: Василия I (867—886) — 6 экз., Льва VI (886—912) — 1 экз., Константина VII (913—959) — 4 экз., Константина VII и Романа II (945—959) — 12 экз., Романа II (959—963) — 18 экз., Романа II и Василия II (960—963) — 2 экз., Никифора Фоки (963—969) — 2 экз., Иоанна Цимисхия

(969—976) — 3 экз., Василия II и Константина VIII (976—1025) — 19 экз., неопределенные IX—X вв. — 1 экз., всего 68 экз. Определение Л. Н. Беловой. Хр.: ГХМ, инв. № 8096—8110. Лит.: СА, XXIV, 1955, стр. 276; Кропоткин. Клады, стр. 34, № 216 (сведения о распределении монет ошибочны); А. М. Гилевич. ВВ, XXIV, 1964, стр. 157.

64 (536). Севастополь, 1961 г. В Херсонесе при перекопке сада близ монетного двора сын А. М. Гилевич нашел византийский солид Василия I и Константина (869—879) типа: Wroth, II, pl. L, 12. В 4,33, Д 19—20,5. Сохранность хорошая. Определение А. М. Гилевич. Хр.: ГХМ, инв. № 8561. Лит.: не издана, сообщение А. М. Гилевич.

65 (537). Скалистое, Бахчисарайский район, 1960 г. При археологических раскопках Е. В. Веймарна в склепе 771 (костяк 7) найдена медная византийская монета Тиберия Константина (578—582) или Маврикия (582—602) с отверстием для подвешивания. Av.: бюст императора прямо в короне (?), легенда не сохранилась. Rv.: буква М (40 нуммов), под ней маленькая буква А или В. Д 30—35. Монета очень плохой сохранности. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: БИАМ, инв. № 2518. Лит.: сообщение Е. В. Веймарна, 1963 г.

66 (538). Уютное, Судакский район, 1963 г. У подножия Судакской крепости, в прибрежном песке в июле 1963 г. местная школьница Л. Сандетова нашла солид Константина IV (668—685), чеканенный в Константинополе, officina 9, типа: Wroth, II, p. 313—314, pl. XXXVI, 2—3. В 4,32, Д 18—19. Определение И. Н. Осиновского. Лит.: сообщение И. Н. Осиновского.

67 (539). Уютное, Судакский район, 1964 г. При строительстве пансионата близ Судакской крепости бульдозерист А. Ф. Чебышев на глубине 2,5 м обнаружил медный сосуд, в котором лежали золотые сцифатные византийские монеты XIII—XIV вв. и обломок золотой ручки сосуда, украшенный гравированным растительным орнаментом. Византийские монеты были определены А. М. Гилевич: Михаил VIII (1261—1282) — 1 экз., Андроник II (1282—1295) — 2 экз., Михаил IX (1295—1320) — 18 экз., всего 21 экз. Клад, вероятно, был зарыт в 20-е годы XIV в., когда татары дважды громили город. Хр.: КГИМ. Лит.: М. Фронджуло. Шесть веков спустя. «Советский Крым», 1 августа 1964 г.

Львовская область

68 (540). Реклинец, Великомостовский район, 1914—1918 гг. Во время 1-ой мировой войны найден клад золотых византийских монет; в составе клада находились вещи: кольцо и серьга. Хр.: частное собрание. Лит.: H. Swiencickyi. Die Kultur- und Kunstbeziehungen Westukrainas mit Byzanz. «Actes du IVe Congrès international des Études Byzantines», t. II. Sofia, 1936, S. 75.

Николаевская область

69 (541). Парутино, Николаевский район, 1945—1960 гг. При археологических раскопках Ольвии найдена мелкая византийская медная монета Юстиниана I (527—565), чеканенная, скорее всего, в начале царствования императора, типа: Толстой, IV, стр. 376, № 514, табл. 26, а также две херсоно-византийские монеты

IX—X вв. Определение П. О. Карышковского. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР. Лит.: не изданы, сообщение П. О. Карышковского.

70 (542). Первомайск, Первомайский район, не позже 1911 г. В окрестностях города была найдена медная византийская анонимная монета конца X или начала XI в. Лит.: «Летопись Херсонского музея», вып. 2, стр. 33; Бауер, л. 389, № 4.

Одесская область

71 (243). Плоское, быв. Балтский уезд, 1891 г. Близ села в могиле была найдена золотая сцифатная византийская монета, вероятно, иперпер XII или XIII в. Лит.: Тр. XI АС, т. I, стр. 253; Бауер, л. 390, № 6; Кропоткин. Клады, стр. 35, № 243.

Полтавская область

72 (543). Кременчуг, Кременчугский район, не позже 1940 г. Близ города на берегу Днепра была найдена херсоно-византийская монета Василия I (867—886). Определение В. А. Шугаевского. Лит.: Бауер, л. 391, № 12 (сообщение В. А. Шугаевского).

73 (544). Макуховка, Полтавский район, 1882 г. На р. Коломак, левом притоке Ворсклы, в 5 верстах от Полтавы на дюнных песках пастух нашел клад золотых вещей, в составе которого был обнаружен византийский солид Ираклия, Ираклия Константина и Ираклиона (632—641). Хр.: быв. собрание И. А. Зарецкого. Лит.: И. А. Зарецкий. Клад, найденный при селе Малая Перещепина Константиноградского уезда Полтавской губернии. «Труды Полтавской ученой архивной комиссии», вып. 9. Полтава, 1912, стр. 204.

Сумская область

74 (258). Спасское, Кролевецкий район, 1879 г. Клад золотых византийских монет: Константина X (1059—1067) — 1 экз., Иоанна II Комнина (1118—1143) — 2 экз., Мануила I Комнина (1143—1180) — 2 экз. Определение Ю. Б. Иверсена. Хр.: ГЭ. Лит.: Архив ГЭ, ф. I, опись VI «и», дело № 178, л. 5; Кропоткин. Клады, стр. 36, № 258.

Тернопольская область

75 (545). Кременец, Кременецкий район, 1930—1931 гг. Трапезундский аспр династии Комнинов конца XIII в. Сохранность хорошая. Лит.: A. Cynkalowski. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961, str. 150, № 78.

Хмельницкая область

76(546). Городище, Шепетовский район, 1961 г. При археологических раскопках М. К. Каргера на городище Изяславля найдены две медные монеты: херсоно-византийская Романа I (920—944) и неопределенная, вероятно, того же типа. Хр.: фонды ЛОИА АН СССР. Лит.: не изданы, сообщение М. К. Каргера.

Черкасская область

77 (547). Гамарня, Каневский район, конец XIX в. В селе найдена номисма Василия II и Константина VIII (976—1025). Лит.: Бауер, л. 392, № 15 (сообщение В. А. Шугаевского).

78 (548). Канев, Каневский район, не позже 1836 г. В окрестностях города находили много разных византийских медных монет. Лит.: Чернышев. Памятная книжка Киевской губернии, 1836, стр. 131; Бауер, л. 392, № 21 (сообщение В. А. Шугаевского).

79 (549). Каневский уезд, 1899 г. В уезде была найдена сцифатная номисма Андроника II и Михаила IX (1295—1320). Определение С. В. Коршенко. Хр.: КГИМ. Лит.: Бауер, л. 417 (сообщение С. В. Коршенко).

80 (550). Краснополка, Уманский район, не позже 1882 г. Византийские монеты Льва I (457—474) и Юстина I (518—527). Лит.: «Известия церковно-археологического общества за июль 1882 г. Труды Киевской духовной академии», 1882, № 9 (сентябрь), стр. 125.

81 (551). Пекари, Каневский район, не позже 1898 г. При археологических раскопках городища на Княжей горе были найдены медная херсоно-византийская монета Романа I (920—944) и медная сцифатная монета одного из Комнинов (XII в.) Лит.: Бауер, л. 392, № 16 (сообщение В. А. Шугаевского).

82(552). Поповка, Звенигородский район. Близ села была найдена византийская (?) монета. Лит.: не издана, сообщение В. А. Стефановича в 1962 г.

83 (553). Умань, Уманский район, 1934 г. Близ города была найдена медная византийская анонимная монета первой половины XI в. Определение В. А. Шугаевского. Лит.: Бауер, л. 390, № 8 (сообщение В. А. Шугаевского).

Черниговская область

84 (554). Анисово, Черниговский район, не позже 1912 г. Милиарисий Константина VII и Романа II (945—959). Лит.: Бауер, л. 257 (сообщение В. А. Шугаевского).

85 (555). Батурин, Бахмачский район, до 1879 г. В местечке была найдена херсоно-византийская монета Михаила III и Василия I (867—869). По сообщению С. В. Коршенко в инвентарной книге музея: Василий I без указания на Михаила III. Лит.: Бауер, л. 398, № 55 (сообщение В. А. Шугаевского).

86 (556). Батурин, Бахмачский район, не позже 1893 г. И. Д. Ситников нашел херсоно-византийскую монету Василия I (867—886). Лит.: Архив ИА АН УССР, ф. 13, № 136, л. 22 (письмо И. Д. Ситникова в Киевский университет от 2 июля 1893 г.).

87 (557). Выползово, Остерский район, не позже 1910 г. Близ села была найдена медная византийская анонимная монета конца X—начала XI в. Лит.: Бауер, л. 397, № 48 (сообщение В. А. Шугаевского).

88 (558). Любеч, Любечский район, 1936 г. В горшке обнаружен клад куфических монет, из которого удалось определить только 4 монеты; среди них византийский милиарисий Иоанна Цимисхия (969—976) и три дирхема; младшая куфическая монета относится к 961—976 гг., древнейшая монета чеканена в 856/57 г. Определение С. В. Коршенко. Лит.: Бауэр, л. 233, № 12 и л. 253, № 16 (сообщение В. А. Шугаевского).

89 (559). Любеч, Любечский район, 1957 г. На берегу Днепра близ затона была случайно найдена медная византийская анонимная монета 1-го типа по: M. Thompson. The Athenian Agora, vol. II. Princeton, 1954, p. 73, Class A-1 (= Wroth, II, p. 488, № 24, pl. LVI, 13). В 14, 70, Д 32—325. Сохранность средняя. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Фонды ИА АН СССР. Лит.: не издана, сообщение Б. А. Рыбакова.

90 (287). Любеч, Любечский район, 1958 г. Близ затона на Днепре случайно найдена медная византийская анонимная монета X—XI вв. типа: Wroth, II, 477, № 10—11, pl. LV, 2 или 4 (=M. Thompson. The Athenian Agora, vol. II, p. 73, Class A-1 или A-2). В 5,44, Д 28. Сохранность плохая, с двумя отверстиями. Rv.: четырехстрочная надпись. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Фонды ИА АН СССР, инв. № 1. Лит.: Кропоткин. Клады, стр. 38, № 287.

91 (288). Любеч, Любечский район, 1958 г. Близ села случайно найдена медная византийская анонимная монета типа: Wroth, II, p. 497, № 10, pl. LVIII, 4 (= M. Thompson. The Athenian Agora, vol. II, p. 73, Class B). Монета перечеканена из более ранней монеты, следы перечеканки сохранились на лицевой стороне слева от головы Христа, но сохранившуюся часть надписи (оборотной стороны) не удалось разобрать. Rv.: IS—XS/bAS—ILE/bAS—ILE. В 8,26, Д 26—30. Сохранность средняя. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: фонды ИА АН СССР. Лит: Кропоткин. Клады, стр. 38, № 288.

92 (560). Нежин, Нежинский район, не позже 1917 г. В окрестностях города на берегу р. Остер, левом притоке Десны, были найдены монеты Льва V (813—820), Льва VI и Александра (886—912). По мнению Н. П. Бауера, находка монеты «Льва VI и Александра» мало вероятна. Лит.: Бауэр, л. 397, № 49 (сообщение В. А. Шугаевского).

93 (561). Седнев, Черниговский район, 1910 г. В местечке была найдена медная византийская монета Романа I (920—944); Лит.: Бауэр, л. 398, № 54 (сообщение В. А. Шугаевского).

94 (562). Чернигов, не позже 1910 г. В предместье города, в урочище «кладбище в Березках» была найдена номисма второй половины X в. Лит.: Бауэр, л. 398, № 53 (сообщение В. А. Шугаевского).

95 (563). Чернигов, 1922 г. На Болдиных горах в районе хутора Елецкого монастыря была обнаружена номисма X—XII вв. Лит.: Бауер, л. 398, № 52 (сообщение В. А. Шугаевского).

96 (564). Украина (ближе неизвестно), 40-е годы XIX в. Найдено несколько медных вогнутых монет времени Комнинов (1081—1204). Лит.: ЗАО, IV, СПб., 1852, стр. 15; ДАК, 1915, № 181; ОАК, 1913—1915, стр. 196 и 255; Бауер, л. 399, № 57.

Молдавская ССР

97 (565). Алчедар, Резинский район, 1961 г. При археологических раскопках Г. Б. Федорова на городище (раскоп XXII, в выбросе) была найдена медная монета Ираклия (610—641), перечеканенная из фолла Фоки (602—610), 40 нуммов, Константинополь, officina 2, типа: Толстой, VI, стр. 670—671, табл. 48, № 226 и сл. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Фонды Института истории АН Молдавской ССР. Лит.: не издана, сообщение Г. Б. Федорова.

98 (243). Плоское, быв. Тираспольский уезд, 1902 г. В 15 верстах от г. Тирасполя по дороге, ведущей в д. Красногорку, при археологических раскопках И. Я. Стемпковского в еле заметном кургане № 14, с левой стороны от центральной могилы обнаружено впускное кочевническое погребение, перекрытое дубовыми бревнами. Рядом со скелетом, лежавшим на спине, найдено погребение лошади. С левой стороны от костяка человека, у пояса обнаружены железная сабля с клыком кабана у рукояти, нож и три наконечника стрел различной формы. На груди находилась византийская вогнутая золотая монета Иоанна II Комнина (1118—1143). Д 21. Хр.: Артиллерийский музей в г. Ленинграде (поступила 14.VII 1906 г.), № 891. Лит.: ДАК, 1902, № 14, л. 8, 16, 17, 25 (фотография монеты, стрел и костяной накладки); В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903, стр. 75—77; Бауер, л. 389, № 2; Кропоткин. Клады, стр. 35, № 243 и 244 (по-видимому, все эти находки идентичны).

Белорусская ССР

Брестская область

99 (298). Пинск, Пинский район, 1804 г. Близ города найден клад золотых византийских монет Романа IV Диогена (1068—1071). Среди 20 монет, присланных находчиком в Эрмитаж, как выяснил И. Г. Спасский, было несколько русских златников Владимира I, которые, видимо, были приняты за византийские номисмы. Из 20 монет в коллекцию вложили только 12 экз., среди них — 4 златника Владимира. Хр.: ГЭ (12 экз.). Лит.: Кропоткин. Клады, стр. 38, № 298; И. Г. Спасский. Русская монетная система. Л., 1962, стр. 41.

Эстонская ССР

100 (315а). Вайда, Харьюский район, 1896—1897 гг. На городище Иру, расположенном на р. Пирита, в глиняном горшке был найден клад серебряных монет в количестве 447 экз.: Англия — 216 экз. (Этельред II, 978—1016 — Стефан, 1135—1154); Германия — 222 экз. (монеты Оттонов?); Дания — 8 экз. (Канут, 1018—1035, Магнус, 1042—1047); куфические монеты — 1 экз. По некоторым сведениям, в составе клада обнаружено подражание византийскому милиарисию. Клад зарыт в середине XII в. Лит. BKELK, V, 1900, S. 223—225, 318, 430; VI, 1907, S. 483; Bauer, S. 27, № 36; Friedenthal, № 36; Jammer, S. 166, № 428; Кропоткин. Клады, стр. 39, № 315а; стр. 49, № 315; Tõnisson, p. 190, № 15.

101 (330). Ванамыйса (быв. Фридрихсгоф), Харьюский район, около 1913 г. Клад серебряных монет: куфические — 759 экз., дирхемы Волжской Булгарии — 24 экз., подражания дирхемам — 137 экз., неопределенные дирхемы — 8 экз., Византия (?) — 2 экз. Младшая куфическая монета датируется 340 г. х.—951/52 г. Определение Р. Р. Фасмера. Хр.: ГЭ и собрание П. В. Зубова (поступило в ГИМ). Лит.: SBGEG, 1926. S. 26—118; S. 84—88; SBGEG, 1912—1920, S. 84; Фасмер, стр. 292, № 40; Mosser, p. 75—76; Кропоткин. Клады, стр. 40, № 330; Tõnisson, p. 189, № 8.

102 (317). Вылла, Пярнуский горсовет, 1903 г. В быв. поместье Вылла (Велла) был найден клад, состоявший из многих сотен монет

(вероятно, около 900), из них А. К. Марков определил 298 экз.; к ним надо добавить две монеты, хранящиеся в ИМ АН Эстонской ССР (1 — Византия, 1 — Германия), всего 300 экз.; Германия — 137 экз. (Майнц, Оттон I, 936—973 — Девентер, Оттон III, 983—1002); Византия — 123 экз. (Константин VII и Роман II, 945—959 — 1 экз., Никифор II Фока, 963—969 — 1 экз., Иоанн Цимисхий, 969—976 — 1 экз., Василий II и Константин VIII, 976—1025—119 экз., подражание милиарисию Василия II и Константина VIII — 1 экз.); куфические монеты — 39 экз. (862—1002/3 гг.). Возможно, что в составе клада находились еще византийские монеты Василия II и Константина VIII и грузинская монета Давида Куропалата (983—1011). Определение А. К. Маркова и И. В. Соколовой. По мнению А. К. Маркова и И. В. Соколовой, клад был зарыт в начале XI в., но среди монет, приобретенных Стокгольмским королевским минцкабинетом, которые Н. Расмуссен относит к кладу Выллa, находится денарий архиепископа Лиумара (1072—1105), что отодвигает дату зарытия клада к началу XII в. По данным Н. П. Бауера (1942 г.), из клада было определено 418 монет: дирхемов — 59 экз., византийских милиарисиев — 126 экз., германских пфеннигов — 236 экз. Дата зарытия клада 1105 г., что совпадает с данными Н. Расмуссена. Лит.: ИАК, вып. 17, 1905, стр. 136—137; ДАК, 1903, № 224, л. 1—25; ОАК, 1903, стр. 134, 208; Пахомов, I, стр. 77, № 257; Tallgren, S. 147; Sitzungsberichte der Altertum forschenden Gesellschaft zu Pernau, t. III, S. 177—186; SBGGA, 1911, Bd. 2, S. 284; Bauer, S. 38, № 64; Friedenthal, № 12; Jammer, S. 168, № 448; Vasmer, S. 210; Потин, стр. 287—288, № 57; Кропоткин. Клады, стр. 39, № 317; И. В. Соколова. Византийские монеты клада Велла. Труды ГЭ, т. IV. Нумизматика, 2. Л., 1961, стр. 10—22; NNA, 1950, S. 160; Mosser, p. 96; Бауер, л. 351, № 1; Tõnisson, 204, № 117.

103 (334). Ийыхви, Кохтла-Ярвеский горсовет, 1903 г. В быв. поместье Эдизе (Этц), примерно в 3 км от города был найден клад, состоявший из 525 монет: Англия — 110, Германия — 381, Дания — 23, Чехия — 2 (Ольдржих, 1012—1034; Вратислав II, 1061—1092); Венгрия — 1 экз. (Петр, 1038—1041); Византия — 1 экз. (Константин VII, 913—959); куфические монеты — 7 экз. Дата зарытия 1090 г. Лит.: BELG, VI, 1907, S. 456; Tallgren, S. 148; Bauer, S. 33, № 46; Friedenthal, № 55; Потин, стр. 278, № 34; Кропоткин. Клады, стр. 40, № 334; Tõnisson, p. 196, № 54.

104 (319). Кайсвере, Кингисеппский район, 1880 г. Севернее районного центра около д. Кекко в быв. поместье Клаусхольм (Кайсвере) был найден клад, состоявший из 553 монет: Англия — 336, Германия — 171, неопределенные западноевропейские — 18, Византия — 2, восточные монеты — 26 экз. Позднейший дирхем чеканен в 997 г. Дата зарытия 1175 г. (?). Лит.: Frank, S. 393—394, № 51; S. 315—316, 832, № 416; Tallgren, S. 147—148; Bauer, S. 35, № 50; Friedenthal, № 20; Потин, стр. 280, № 39; Кропоткин. Клады, стр. 40, № 319; Tõnisson, p. 206, № 135.

105 (321). Клооди (быв. Пейт), Раквереский район, 1906 г. В 7,5 км от районного центра в быв. поместье Клооди был найден клад, состоявший из 158 монет (цельных и обломков): Англия — 5 экз. (Этельред II, 978—1016), Германия — 45 экз. (из них 1 обломок, Верден, Генрих I, 919—936; Дортмунд, Генрих II, 1002—1014); западноевропейские монеты (точнее в литературе не ука-

зано, но не английские и не германские) — 2 экз.; Византия — 3 обл. (Никифор II Фока, 963—969 — 1 обл.; Василий II и Константин VIII, 976—1025 — 2 обл.); дирхемы — 103 экз. Дата зарытия 1005 г. Лит.: ДАК, 1906, № 119; л. 1—11; ОАК, 1906, стр. 119 и 150; ВКЕ, XII, 1927, S. 65—100; SBGEG, 1911, S. 284; Bauer, S. 31, № 41; Friedenthal, № 46; Jammer, S. 150, № 279; Потин, стр. 274, № 26; Кропоткин. Клады, стр. 40, № 321; Tõnisson, p. 193, № 32.

106 (322). Кохтла-Кява, Кохтла-Ярвеский горсовет, 1957 г. В мае 1957 г. при вспашке поля был найден клад, находившийся в круглой бронзовой коробке и состоявший из 779 монет и из 9 четырехугольных монетовидных пластинок: западноевропейские монеты XI—XII вв. — 771, куфические монеты — 7 экз., Византия — 1 экз. (Василий II и Константин VIII, милиарисий). Клад зарыт около 1130 г. Хр.: Институт истории АН ЭССР, инв. № 14056. Лит.: Потин, стр. 277—278, № 33; Кропоткин. Клады, стр. 40, № 322; Tõnisson, p. 195, № 49.

107 (566). Левала (быв. Роель), Йыгеваский район, 1937 г. В быв. Паламузеском приходе был найден клад из 38 монет: Англия — 8, Германия — 11, куфические дирхемы — 18 и одна византийская монета — милиарисий Василия II и Константина VIII (976—1025) типа: Wroth, II, pl. LVI, 11. В 2,69, Д 21. Сохранность средняя. Общий вес монет 88,05 г. Хр.: Фонды Института истории АН ЭССР, инв. № 40688—40725 (13751 : 68). Лит.: Tõnisson, p. 198, № 64; Потин, № 74.

108 (325а). Лымала, Кингисеппский район, 1840 г. На полуострове Сырве найден клад, содержавший более 234 серебряных монет: Англия — 8, Германия — 19, Византия — 7, куфические монеты — более 200 экз. Монеты находились в сосуде из зеленого стекла. Лит.: SBGGA, 1885, S. 10; Марков, стр. 22, № 124; Tallgren, S. 147; Bauer, S. 34, N 49; Потин, стр. 281—282, № 42; Кропоткин. Клады, стр. 40, № 325а; Tõnisson, p. 206, № 138.

109 (326). Пальясаар (быв. о-в Карлов), Таллинский горсовет, 1926 г. В октябре 1926 г. на острове (ныне полуострове) недалеко от г. Таллина найден клад, состоявший из 127 монет (110 целых и 17 обл.): Англия — 19 экз. (Эдгар, 959—975; Этельред II, 978—1016); Германия — 97 экз. (Кельн, Оттон I, 936—973; Дортмунд, Генрих II, 1002—1014); Скандинавия (?) — 1 экз.; Византия — 2 экз. (Константин VII, 913—959); куфические монеты — 8 экз. (898—1010/11). Дата зарытия 1015 г. Лит.: Friedenthal, № 32; Bl. f. Mzfde, 1927, № 1, S. 14; ВКЕ, H. 18, 1932, S. 1—4; Jammer, S. 136, № 152; Потин, стр. 267, № 7; Кропоткин. Клады, стр. 40, № 326; Tõnisson, p. 189, № 10.

110 (567). Паривере, Хаапсалуский район, начало 20-х годов XX в. В начале 20-х годов XX в. найден клад, состоявший из вещей и 55 серебряных монет: дирхемы — 54, Византия — 1 экз. Из клада сохранились подвеска из серебра и 5 монет: византийский милиарисий Константина VII и Романа II (945—959) и 4 саманидских дирхема. Старшая куфическая монета — дирхем Исмаил ибн Ахмеда, аш-Шаш, 284 г. х.—897 г. н. э. Младшая куфическая монета — дирхем Ахмед ибн Исмаила, аш-Шаш, 301 г. х.— 913/14 г. Хр.: Фонды Института истории АН ЭССР, инв. № 2575. Лит.: Nerman, S. 169; Tõnisson, p. 204, № 121.

111 (568). Паункюла, Харьюский район, 1959 г. Осенью 1959 г. недалеко от местечка найден клад, состоявший из серебряных монет и

обломков серебряных украшений: Англия — 2, Германия — 3, Византия — 14 экз., в том числе: Никифор II Фока (963—969) — 2 экз., Иоанн Цимисхий (969—976) — 2 экз., Василий II и Константин VIII (976—1025) — 10 экз., сасанидская драхма — 1 экз., дирхемы — 94 экз., всего 112 экз. Подавляющее большинство монет имеет ушки. Определение А. А. Быкова и И. В. Соколовой. Хр.: Фонды Института истории АН ЭССР, Таллин. Лит.: не издан, сообщение А. Н. Молвыгина, 1963 г.; Tõnisson, p. 191, № 24а.

112 (333). Ряпизе (быв. Репсгоф), Йыгеваский район, 1870 г. При прокладке дороги на границе двух быв. приходов Лайузе (Лайс) и Лохусуу (Торма) был найден клад, состоявший из серебряных украшений и монет. Клад разошелся по рукам, но можно восстановить 29 монет клада: Англия — 16 экз. (Этельред II, 978—1016; Гаральд I, 1035—1039); Германия — 2 экз. (анонимный магдебургский денарий и регенсбургская монета с именем герцога Генриха; Генрих I, 948—955; Генрих VIII, 1053—1056); Византия — 1 экз. (Василий II и Константин VIII, 916—1025); куфические монеты — 20 экз. (904/5—977/8). Дата зарытия клада — не ранее 1040 г. Лит.: SBGEG, 1870, S. 95; 1875, S. 73; Марков, стр. 21, № 20; KA X AK, S. 109, № 685; Bauer, S. 51, № 93; Friedenthal, № 64; Потин, стр. 295—296, № 77; Кропоткин. Клады, стр. 40, № 333; Tõnisson, p. 198, № 63.

113 (335). Эрра-Лиива, Кохтла-Ярвеский горсовет, 1939 г. В быв. приходе Пюсси найден клад серебряных украшений и монет: дирхемы — 176 экз. (определены аббасидские и саманидские дирхемы, позднейшая определенная монета — дирхем Наср ибн Ахмеда 324 г. х. — 935/6 гг. н. э.), индийская монета — 1 экз., византийские милиарисии — 2 экз., в том числе милиарисий Константина VII и Романа II (945—959). В 2,23, Д 22,5. Общий вес монет 290,87 г. В составе клада обнаружена также ложновитая шейная гривна, согнутая в два оборота. Клад зарыт в землю не ранее середины X в. Хр.: Таллин, Институт истории АН ЭССР, № 13751 : 219. Лит.: Кропоткин. Клады, стр. 40, № 335; Tõnisson, p. 195, № 46, рис. 26, 1.

114 (569). Эстония (ближе неизвестно), не позже 1940 г. В составе клада (?) были найдены следующие серебряные монеты: Византия — 3 экз., в том числе: Иоанн Цимисхий (969—976)—1 экз., Василий II и Константин VIII (976—1025) — 2 экз.; Германия — 3 экз. (среди них Оттон II) и монета Латинской империи (1204—1261). Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Таллин, Институт истории АН ЭССР, инв. № 69842—69848 (13751 : 778). Лит.: не изданы,

Армянская ССР

115 (570). Алучалу, Мартунинский район. Византийская гексаграмма Ираклия и Ираклия Константина. Хр.: ГИМА, инв. № 1367. Лит.: Мушегян, стр. 36, прим. 1.

116 (571). Гошаванк, Иджеванский район, 1917 г. Близ монастыря Гошаванк (XIII в.) найден большой клад золотых византийских монет, в составе клада преобладают номисмы Константина X Дуки (1059—1067). Клад поступил в Гос. Эрмитаж. Лит.: Мушегян, стр. 24, прим. 5 (сообщение И. А. Орбели).

117 (572). Гошаванк, Иджеванский район, 1937 г. Клад золотых византийских монет: Константин X Дука (1059—1067) — 29 экз.,

Роман IV с Евдокией (1068—1071) — 5 экз. Хр.: ГИМА, инв. № 14038—14070. Лит.: Мушегян, стр. 24, прим. 6.

118 (573). Караглух, Егекнадзорский район. Византийская гексаграмма Ираклия и Ираклия Константина. Хр.: ГИМА, инв. № 1466. Лит.: Мушегян, стр. 36, прим. 1.

119 (574). Хнаберд, Апаранский район. Византийская гексаграмма Ираклия и Ираклия Константина. Хр.: ГИМА, инв. № 1386. Лит.: Мушегян, стр. 36, прим. 1.

Грузинская ССР

120 (575). Кведа Вани, Ванский район, 1957 г. Летом во время земляных работ была найдена медная византийская монета Михаила IV (1034—1041). Определение Т. Я. Абрамишвили. Хр.: ГМГ, № 9735. Лит.: ВВ, XVIII, стр. 235, № 46.

121 (576). Новый Афон, Гудаутский район, 1935 г. При археологических раскопках краеведческого музея Абхазии была найдена серебряная монета Юстиниана I (527—565), чеканенная в Константинополе, типа: Толстой, III, табл. 20, № 53. В 4,20, Д 22. Определение Е. А. Пахомова. Хр.: ГМ Абхазии, инв. № 58, Лит.: Пахомов, III, 31 : 790.

122 (577). Новый Афон, Гудаутский район, 1957—1958 гг. При раскопках М. М. Трапша на Иверской горе, на месте средневековой Анакопии найдено 13 медных византийских монет, в том числе: 1) Лев VI (886—912) типа: Wroth, II, p. 446—447, № 7—10; 2) Лев VI (886—912) или Константин VII (945) типа: Wroth, II, p. 446—447, № 7—10 или p. 463, № 45—57; 3) Роман I (?) типа: Wroth, II, p. 455—457, № 14—29 (?); 4) Константин VII (945) типа: Wroth, II, p. 463, № 45—57; 5—10) анонимные монеты времени Иоанна Цимисхия (969—976) — 5 экз.; 11) анонимная монета времени Василия II и Константина VIII (976—1025); 12) анонимная монета времени Романа III (1028—1034); 13) Константин IX Мономах (1042—1055) типа: Wroth, II, p. 503, № 18. Хр.: Сухуми, фонды Института истории, языка и литературы. Лит.: ВВ, XIX, 1961, стр. 260 сл.; ВВ, XXIV, 1964, стр. 159—165.

123 (578). Ока, Ахалкалакский район, 1953 г. В мае 1953 г. была обнаружена медная анонимная монета Василия II и Константина VIII (976—1025). Определение Т. Я. Абрамишвили. Хр.: ГМГ, № 8708. Лит.: ВВ, XVIII, 1960, стр. 235, № 44.

124 (579). Оками, Ахалкалакский район, 1956 г. В мае 1956 г. была обнаружена медная монета Феофила (829—842). Определение Т. Я. Абрамишвили. Хр.: ГМГ, № 9566: Лит.: ВВ, XVIII, 1960, стр. 235, № 45.

125 (580). Пицунда, Гудаутский район, 1954—1960 гг. При раскопках А. М. Апакидзе на городище Питиунта найдены византийские монеты: Юстиниан I (527—565) — 6 экз., Ираклий (610—641) — 1 экз., Хр.: ГМГ. Лит.: К. В. Голенко. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964, стр. 79, № 57.

126 (581). Телави, Телавский район, 1953. В марте—апреле 1953 г. во дворе дома З. М. Лурсманишвили (по ул. 1 Мая, № 36) была найдена византийская золотая монета Константина X (1059—1067). Хр.: Телавский историко-этнографический музей. Лит.: ВВ, XVIII, 1960, стр. 235, № 42.

127 (582). Угудети, Тетрицкаройский район, 1950 г. В 20—25 м от развалин церкви на горе Кедекари в ущелье была найдена византий-

ская золотая монета Константина X (1059—1067). Монета осталась у находчика. Лит.: ВВ, XVIII, 1960, стр. 235, № 38.

128 (583). Ходашени, Телавский район, 1953 г. В апреле 1953 г. во время земляных работ была обнаружена византийская золотая монета Иоанна II Комнина (1118—1143). Хр.: Телавский историко-этнографический музей. Лит.: ВВ, XVIII, 1960, стр. 235, № 43.

129 (584). Хопи, Гудаутский район, 1940-е годы. Византийская золотая монета Константина V Копронима (741—775). Д 19—20. Хр.: собрание А. А. Лукина. Лит.: Пахомов, IX, № 2098(в печати)

Киргизская ССР

Фрунзенская область

130 (483). Сокулук, Сокулукский район, 1941 г. При археологических раскопках А. Н. Бернштама на трассе Большого Чуйского канала были найдены: электровый брактеат (индикация?) золотого солида Ираклия и Ираклия Константина (613—631) и брактеат (индикация?) варварского подражания византийской монеты Константина IV (668—685). Определение Л. А. Мацулевича. Лит.: Кропоткин. Клады, стр. 46, № 483.

Узбекская ССР

Самаркандская область

131 (486а). Чилек, Пай-Арыкский район, 1940 г. При археологических раскопках Г. В. Григорьева на городище Чилек, расположенном на р. Сурхоб в 40 км к северо-западу от Самарканда, найдена медная монета Тиверия III Апсимара (698—705) типа: Wroth, II, p. XL, 26. В 3,26. Монета плохой сохранности. Определение Н. П. Бауера и И. В. Соколовой. Хр.: ГЭ, Отдел Востока, СА-7567. Лит.: не издана, сообщение Б. Я. Ставиского; Кропоткин. Клады, стр. 51, № 486а.

* * *

РСФСР

Калужская область

132 (535). Колодези, Мещовский район, 1964 г. В конце мая 1964 г. при вспашке огорода найден клад серебряных монет весом около 1,5 кг, лежавших в горшке. Среди куфических и западноевропейских монет и обрезков обнаружен один милиарисий Василия II и Константина VIII (976—1025). Хр.: ГИМ и Калужский краеведческий музей. Лит.: не издан, сообщение С. А. Яниной.

Украинская ССР

Тернопольская область

133 (586). Даниловка, Кременецкий район, не позже 1964 г. На городище близ хутора найдена медная византийская анонимная монета времени Михаила IV (1034—1041) с отверстием для подвешивания. Av.: бюст Христа с нимбом. Rv.: крест на трех ступенях, по сторонам надпись: IS—XS/bAS—ILE/bAS—ILE. Тип: Wroth, II, p. 497, № 6—10, pl. LXIII, 3—4. Лит.: М. Н. Островский. Разведки в Тернопольской и Ровенской областях. СА, 1964, № 4, стр. 224, рис. 1,1.

Поправки к работе В. В. Кропоткина «Клады византийских монет на территории СССР»

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
10 прав.	18 сверху	Маврикий Стратег	Псевдо-Маврикий
10 прав.	29 сверху	Чибати, № 475	Мцхета, № 425а
11 лев.	1 сверху	Сиредней	Средней
12	1 табл.	Користово	Коростово
12	1 табл.	Ряяги, 1016 г.	Ряяги, 1005 г.
13	15 снизу	11%	41%
14 прав.	25 сверху	Византийские монеты XIII в., как и монеты XIV—XV вв., на территории древней Руси не встречаются совершенно (см. карту 10). Редкие единичные находки этого времени отмечены в Закавказье, на Северном Кавказе, в Крыму: Дербенте (№ 130), Новороссийске (№ 16), Крепком (№ 230), Городище (272), Агдаме (336). Монеты XIV в. обнаружены в Прикумске на Северном Кавказе (№ 37), у станицы Ярославской (№ 34), в Мингечауре (№ 344), Али (№ 390). Византийские монеты XV в. найдены только в двух пунктах: Луцке (№ 148), Атоци (№ 391)	Византийские монеты XIII в. на территории древней Руси встречаются очень редко (№ 65а, 92б, 130, 197, 235, 248, 272). См. карту 10. Единичные находки этого времени отмечены в Закавказье № 336, 349, 390, 393а, 395, 415, 416, 421, 459а, 462, 463, 480), на Северном Кавказе (№ 130) и в Крыму (№ 230). Монеты XIV в. обнаружены на Северном Кавказе (№ 34) и в Закавказье (№ 420, 434). Византийские монеты XV в. найдены также только на Кавказе (№ 141б, 347, 380, 391, 413)
22	21	Константина VII и Евдокии (913—959)	Константина X и Евдокии (1059—1067)
27 прав.	29 сверху	В средней части Дона	В среднем течении Дона
28 лев.	12 сверху	Р. Р. Фасмана	Р. Р. Фасмера
32 средн.	33 сверху	IX—XI вв.	X—XI вв.
32 прав.	22 сверху	стр. 11	Стр. 119
32 прав.	32 сверху	— I типа:	— I, типа:
33 прав.	34 сверху	монет	монет из коллекции:
36 средн.	24 снизу	Januasz 115 : 185;	Janusz, 115 : 185;

Окончание

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
38 лев.	5 снизу	в 636—668 гг.	в 659—668 гг.
39 лев.	11 сверху	1937 г.	1837 г.
39 прав.	33 сверху	бронзовые византийские монеты	бронзовые анонимные византийские монеты
39 лев.	7 снизу	(1010—1061)	1011/12 г.
46 лев.	2 сверху	Анастасия I (491—518)	Алексея I Комнина (1081—1118)
46 прав.	5 снизу	Константином IV Погоната (641—668)	Константина IV (668—685)
47 прав.	7 сверху	золотых	серебряных
50 лев.	14 снизу	3 экз.	22 экз.
50 лев.	2 снизу	до 4,48 г.	до 4,48 г. Хр.: ГМГ, инв. № 3069—3118. Лит.: Mosser, p. 28; Пахомов, III, стр. 33—34, № 802; ВВ, XVIII, 1960, стр. 226—235
52 прав.	20 сверху	Историография	Топография
62 лев.	9 снизу	Ризи	Ристи
62 лев.	28 снизу	Птиизбянская	Пятиизбянская

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический съезд
Бауер — Н. П. Бауер. Древнерусское денежное обращение. Рукопись в архиве ЛОИА АН СССР, ф. 41, № 1.
БИАМ — Бахчисарайский историко-археологический музей
Бурачков — П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России, ч. I. Одесса, 1884
В — Вес
ВВ — «Византийский временник»
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГИМА — Государственный исторический музей Армении (Ереван)
ГМАбхазии — Государственный музей Абхазии (Сухуми)
ГМГ — Государственный музей Грузии (Тбилиси)
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств (Москва)
ГХМ — Государственный Херсонесский музей (Севастополь)
ГЭ — Государственный Эрмитаж (Ленинград)
Д — Диаметр
ДАК — Дело Археологической Комиссии
Древности — «Древности. Труды Московского археологического общества».

Зайковский — Б. В. Зайковский. Из монетной летописи Нижне-Волжской области. Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных находок древнего времени до XIII в. включительно. «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения», вып. 36, часть 1. Саратов, 1926, стр. 41—49 (с картой).
ЗАО — «Записки Археологического общества»
ЗООИД — «Записки Одесского общества истории и древностей»
ЗРАО — «Записки Русского археологического общества»
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
ИАК — «Известия Археологической комиссии»
КГИМ — Киевский государственный исторический музей
Кропоткин. Клады — В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. «Археология СССР». Свод археологических источников. Серия Е4-4. М., 1962.
МАР — «Материалы по археологии России»
Марков — А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
Мушегян — Х. А. Мушегян. Денежное обращение и торговые связи Двина по монетным данным. Ереван, 1961
НТШ — Научное товарищество им. Т. Г. Шевченко (Львов)
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — «Отчет Археологической комиссии»
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
Пахомов — Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. I—IX. Баку, 1926—1959
Потин — В. М. Потин. Экономические связи Древней Руси по материалам кладов западноевропейских монет. Рукопись. Архив ИА АН СССР, Р-2, № 1746
СА — «Советская археология»
СО — Соотношение осей
Толстой — И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. I—IX. СПб., 1912—1914.
Тр. (I—XV)АС — Труды (I—XV) Археологического съезда
Указатель ГИМ — Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893.
Фасмер — Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики АИМК. «Сообщения ГАИМК», I. Л., 1926.
Янин — В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
Bauer — N. Bauer. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. ZfN, 39—40. Berlin, 1929—1930; Nachträge. . . ZfN, 42, Heft 3/4, S. 153—173
BELG — «Beiträge der Estlandischen literarischen Gesellschaft».
BKE — «Beiträge zur Kunde Estlands»
BKELK — «Beiträge zur Kunde Est-Live- und Kurlands». Reval
Bl. f. Mzfde — «Blätter für Münzfreunde»
Frank — H. Frank. Die baltisch-arabischen Fundmünzen. Riga, 1908.
Friedenthal — Friedenthal. Baltische Münzfunde des 9—12. Jahrhunderts. SGGA. Vorträge zur Hundertjahrfeier 1934. Riga, 1936.
Jammer — V. Jammer. Die Anfänge der Münzprägnag im Herzogtum Sachsen. «Numismatische Studien», H. 3—4. Hamburg, 1952.
KA X AK — Katalog der Ausstellung zum X. Archäologischen Kongress in Riga, 1896. Riga, 1896
Mosser — S. Mc. A. Mosser. A Bibliography of byzantine Coin Hoard. «Numismatic Notes and Monographs», № 67. New York, 1935.
Nerman — B. Nerman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929
NNA — «Nordisk Numismatisk Arsskrift» (Stockholm)
Sab. — J. Sabatier. Description générale des monnaies byzantines, vol. I—II. Paris, 1862
SBGEG — «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat»
SBGGA — «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga»
Tallgren — A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, I—II. Dorpat, 1922—1925
Tõnisson — E. Tõnisson. Eesti aardeleiud 9.—13. sajandist. Древние могильники и клады. «Археологический сборник», II. Таллин, 1962 (на эстон. яз.).
Vasmer — R. Vasmer. Ein neuer Münzfund des elften Jahrhunderts in Estnischem Privatbesitz. SBGEG, 1934. Tartu, 1936, S. 155—223
Wroth — W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum vol. I—II. London, 1908
ZfN — «Zeitschrift für Numismatik»

Н. Н. ВОРОНИН

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ БОРЬБЫ XII В.

I. КУЛЬТ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ

1

В специальной статье «Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг»[1] мы осветили историю церковно-политической борьбы 60-х годов XII в. вокруг вопроса о церковной независимости Владимирского княжества. Притязания на особую митрополию или епископию для Владимира, борьба за его церковно-политический приоритет в Русской земле, а также «самовластие» Андрея и его стремление к общерусскому господству требовали серьезной идеологической аргументации. Еще в XI в. борьба между отдельными домами князей, потомков Ярослава Мудрого, заставляла их прокламировать особое покровительство тому или иному пришедшему на киевский стол князю национальных святых Бориса и Глеба[2], и если еще Юрий Долгорукий поставил храм их имени в Кидекше, где якобы было их «становище», то Андрей Боголюбский вовсе не почтил их память и не построил в их честь ни одного храма. Только меч Бориса был его династической реликвией, и упоминание в «Повести» об убийстве Андрея, что «князь бо не туне меч носит», приобретало особое значение. Возможно, что и самый смысл культа святых братьев, пропагандировавший безропотное подчинение старейшему и своего рода непротивление злу, резко противоречил воспитанным на историческом опыте борьбы Юрия за Киев взглядам Андрея. Кроме того, для намечавшихся им широких политических целей была необходима и более широкая и значительная идеологическая база. Владимирская земля должна была приобрести свою христианскую историю, свои святыни, политическое возвышение нужно было подкрепить доказательством особого покровительства небесных сил. «Политические идеи Андрея Боголюбского осмыслялись по-церковному и оформлялись в стилистической традиции житийной и церковно-учительской литературы»[3]. Однако столица Андрея — Владимир — была молодым городом без всяких исторических традиций; угро-финский Северо-Восток еще недавно стал Северо-Восточной Русью, и едва миновало столетие с начала его христианизации. Поэтому идеологическое обоснование церковно-политических притязаний Владимирской земли не могло не

---

[1] ВВ, XXI, 1962.

[2] Л. В. Черепнин. Повесть временных лет. «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 39.

[3] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 277.

пойти опасным путем создания религиозных и исторических легенд, подобно тому, как таким же путем шло позднее идейное оформление московского самодержавия. Так возникла легенда «Жития Леонтия ростовского», утверждавшая начало христианизации Северо-Востока во времена Владимира Святославича и греческое происхождение самого Леонтия, что было важно и для канонизации этого первого ростовского «святого»[4]. Так, в связи с установлением владимирского княжеского культа Спаса была создана горделивая версия о равенстве и «братстве» Андрея Боголюбского с самим византийским императором Мануилом Комнином[5].

Необходимость опоры на авторитет религии в предстоявшей политической борьбе была ясно осознана Андреем еще до ухода из Вышгорода на владимирский Север. Решившись на это нарушение отцовской воли, он начал советоваться с вышгородским духовенством, ища такую значительную реликвию, которая могла бы освятить своим именем его дела. Ему указали на икону богоматери в храме вышгородского женского монастыря, вокруг которой вышгородские попы уже создали ореол чудотворной славы. Рассказывали, что она не раз даже проявляла желание покинуть Вышгород и не раз «сходила» со своего места. Это было как раз то, что требовалось для политических планов Андрея. Вместе с тем эта икона была и исключительным в художественном отношении произведением византийского мастера XI в., незадолго перед тем привезенным на Русь из Константинополя. Вопреки мертвящему церковному канону, богоматерь была изображена здесь художником не в образе гордой и неприступной «царицы небесной», но в виде глубоко страдающей о грядущих судьбах своего ребенка молодой матери. Ее прекрасное тонкое лицо с маленькими губами и полными скорби глазами склонилось к младенцу, сидящему на руках и тянущемуся с детской нежностью к лицу матери. Сама утонченная живопись этой иконы прекрасно гармонировала с ее лиризмом и одухотворенностью: сквозь нежную смуглую кожу лица просвечивал слегка играющий румянец, скорбные глаза матери как бы сияли изнутри полным любви и тревоги чувством. Эти черты реализма и волнующей эмоциональности, прорвавшиеся сквозь отвлеченные нормы церковного искусства, усиливали культовую действенность иконы: она действовала на молящихся живостью и человечностью образа богородицы. Этой иконе и суждено было стать палладиумом Владимирской державы Боголюбского. Андрей увез ее с собой.

Чтобы оценить политический смысл и значение развития во Владимире культа богоматери, следует коротко остановиться на его роли в Греции и Киеве.

В Византии почитание богородицы и ее икон особенно усилилось с VII в. Частые нападения на империю различных народов, и в их числе славян, способствовали усиленной пропаганде «чудотворной» «защитной» силы богородичных икон. С ними духовенство обходило стены города при его осаде; покидая столицу, император Ираклий поручает ее «охрану» чтимой иконе богородицы; победы императорских войск приписываются «помощи» ее иконы. Этот культ особенно усиливается после разгрома иконоборцев. Возвращаясь из победоносного похода, император Иоанн Комнин с особой пышностью встречает икону богородицы. В Византии богоматерь почиталась прежде всего как заступница, а образ богоматери-

---

[4] Н. Н. Воронин «Житие Леонтия ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. ВВ, XXIII, 1963.

[5] Н. Н. Воронин. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса. В кн.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963.

оранты рассматривался как символ ее покровительства византийским царям и Константинополю[6].

На Руси была особенно известна царьградская реликвия — «риза богоматери», хранившаяся во Влахернском храме[7]. В русской летописи было описано и знаменитое «чудо» этой святыни. Когда в 860 г. русские дружины осадили Константинополь, патриарх Фотий, после всенощной молитвы в храме, вынес «ризу богоматери» и омочил ее в водах Босфора; после этого будто бы сразу поднялась буря, которая потопила русские корабли, и город был спасен[8]. Хотя Византия и после этого должна была пойти на договор «мира и любви» с Русью, патриарх Фотий составил по случаю «чуда» обширный хвалебный акафист богоматери, послуживший в дальнейшем образцом и источником для многих, в том числе и владимирских, церковных сочинений в честь богородицы[9]. Составленное по этому же поводу по поручению Фотия церковником Софийского собора Георгием «Слово»[10], восхвалявшее влахернскую реликвию, прямо называло Царьград «градом богородицы», изобиловавшим храмами в ее честь[11]. Особое заступничество богоматери за столицу православия Царьград было подчеркнуто и в популярном на Руси, переведенном в XII в. «Житии Андрея Юродивого» (славянина родом)[12].

С принятием христианства культ богоматери и ее икон распространился и на Руси, где также вскоре приобрел характер городского культа. Первый каменный храм в Киеве — митрополичья Десятинная церковь — был посвящен Успению богородицы. По словам митрополита Илариона, Ярослав «предал люди твоя и град [Киев] святей вселавней, скорей на помощь христианом святей Богородици. . .». С этим было связано грандиозное мозаическое изображение богоматери-оранты в Софийском соборе Киева. Позднее Успенская «великая церковь» была построена в первом русском Печерском монастыре в Киеве. Церковная легенда о чудесном прибытии из Царьграда мастеров-строителей, записанная в «Печерском патерике», обнаруживает новую тенденцию в русском богородичном культе. По словам этой легенды, мастера-зодчие якобы были вызваны самой Влахернской богородицей, которая дала им «на три лета злата» и повелела идти в Русь и построить там, в Печерском монастыре, храм

---

[6] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. I. СПб., 1914, стр. 347—348, 352; т. II. Пг., 1915, стр. 25, 33, 92—102; В. Сахаров. Апокрифические и легендарные сказания о деве Марии. «Христианское чтение», 1888, кн. III—IV, стр. 320—323; В. Н. Лазарев. Мозаики Софии киевской. М., 1960, стр. 29.

[7] Н. П. Кондаков. Указ. соч., т. II, стр. 56. Об этом подробнее см. ниже.

[8] ПСРЛ, т. I, стб. 21—22; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 214—215.

[9] А. И. Пападопуло-Керамевс. Акафист божьей матери. ВВ, X, вып. 1—2, 1903.

[10] Хр. Лопарев. Старое свидетельство о положении ризы богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 г. ВВ, II, вып. 4, 1895, стр. 587—588.

[11] «Сей царственный и богохранимый град, который говорящий или пишущий должен с похвалою назвать «градом богородицы», украшен многими, до бесконечной меры простирающимися (если не грубо это слово), божественными храмами; выше же громадной части и числа их стоят божественные храмы девы-богоматери. Одни заняли одну часть города, другие — другую, и никто не нашел бы общественного места, царского дворца, смиренного жилища, или правительственного учреждения, где бы не было храма или молитвенного дома богородицы. . . Но сей царь-град имеет нечто изрядное во всяком месте: в стольких храмах и молитвенных домах богородица прославляется, вдохновенно почитается, или чисто восхваляется всечестное имя (ее), и оно вполне считается стеною и забралом спасения. Весь город так и блистает и возносится в этой красоте». И далее Георгий особо выделяет Влахернский храм, где хранилась «риза богоматери» (Хр. Лопарев. Указ. соч., стр. 588—589).

[12] Сергий. Св. Андрей, христа ради юродивый, и праздник Покрова Богородицы. СПб., 1898.

в ее честь. При этом «покровительница» Царьграда якобы выразила желание «переселиться» в Киев: «Прииду же и сама видети церкви и в ней хощу жити»[13]. Хотя Печерскую церковь строили русские, киевские зодчие и никаких греков из Константинополя не вызывали[14], смысл печерской легенды был весьма актуален для развития русского национального самосознания: Влахернская богоматерь, будто бы избавившая во времена патриарха Фотия Царьград от захвата Русью, теперь сама «поселялась» на Руси, в Киеве, становясь его специальной покровительницей. «Уход» чудотворной вышгородской иконы с Андреем из Киевщины на владимирский Север как бы продолжал развитие печерской легенды: тогда богоматерь покидала Царьград для Киева, теперь она покидала Вышгород для Владимира.

Мысль о покровительстве богородицы русским княжествам была подчеркнута в XII в. строительством во всех стольных городах главных соборов, посвящавшихся, по печерской традиции, Успению богородицы. Ее патронат распространялся тем самым на все русские княжества — такие храмы были созданы в Смоленске, Ростове, Суздале, Рязани, Галиче, Владимире Волынском. Однако нигде этот культ не нашел такого подчеркнутого развития, как во Владимире. Князь Андрей не жалел средств для его монументальной пропаганды. Его исключительное значение во Владимире было подчеркнуто посвящением ему новых храмов. Главный собор столицы был посвящен Успению богоматери; здесь и была поставлена вышгородская икона, ставшая отныне «Владимирской». Церковь на Золотых воротах посвятили празднику Положения риз богородицы: это имело явно особый смысл: реликвия, спасавшая в прошлом Царьград от руссов, теперь прославлялась во Владимире и становилась покровительницей русского города и князя, осмелившихся пойти на борьбу с византийским авторитетом. Новому учрежденному Андреем празднику Покрова богородицы (о нем см. ниже) была посвящена церковь Покрова на Нерли. Рождеству богородицы посвятили дворцовый собор Боголюбовского замка. Исключительное обилие богородичных храмов в столице Андрея и его пригородном замке выражало стремление сравнять Владимир с «градом богородицы» Константинополем, множество храмов которого было так выпукло описано в цитированном выше «Слове» Георгия.

Андрей и его церковники позаботились о том, чтобы центральная святыня стольного Владимира и Владимирской Руси — Владимирская икона — продолжала «творить чудеса». Они-то и послужили темой особого литературного произведения владимирских писателей.

2

«Сказание о чудесах Владимирской иконы» было издано в 1878 г. В. О. Ключевским. Основной текст опубликован по списку середины XVII в. в милютинских Минеях (VIII, лл. 14—22). Здесь «Сказанию» предшествует рассказ о болгарском походе 1164 г. и установлении праздника Спаса, изданный по более раннему списку XV—XVI вв. (в сборнике № 556 Синодальной библиотеки, л. 426—429) вместе с летописным рассказом о 1164 г. в милютинской Минее[15].

---

[13] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1910 (далее — Патерик), стр. 5—6.

[14] Н. Н. Воронин. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике. ТОДРЛ, т. XI, 1955.

[15] «Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери». СПб., 1878 (далее — Сказание), предисловие В. О. Ключевского, стр. 14—15; см. также Н. Н. Воронин. Сказание о победе над болгарами. . .

В. О. Ключевский предпослал тексту «Сказания» краткое, но очень содержательное предисловие, в котором высказал свою оценку памятника, отметил его некоторые особенности и его значительный исторический интерес. «Несмотря на столь позднее время, в этом списке легко заметить некоторые особенности языка и орфографии, которые писец пощадил, переписывая более древний оригинал. Эти особенности, простота изложения и, наконец, отношение автора к действующим лицам, о которых он выражается, как будто они известны всем, для кого он составлял свою повесть, — все это дает основание догадываться, что рассказчик был очень близок к рассказываемым событиям». Далее исследователь указал на подтверждающие это заключение датировочные моменты: упоминание в «Сказании» вышгородского попа Микулы, известного из летописной повести о смерти князя Андрея[16]; заключительное в данном списке «Сказания» чудо с падением Золотых ворот, построенных в 1164 г.; прибавление к циклу из 10 рассказов «нового» чуда — победы над болгарами в 1164 г.; наконец то обстоятельство, что автор «Сказания» не знает еще о пожаре Успенского собора, происшедшем в 1185 г. «Итак, — заключает В. О. Ключевский, — печатаемая повесть о чудесах владимирской иконы Богородицы, по нашему мнению, памятник северно-русской литературы XII в. Суздальский край второй половины XII в. так любопытен, что даже мелкая черта его жизни, остававшаяся неизвестной, дает научную цену памятнику, ее сохранившему»[17].

Однако, несмотря на серьезность данной исследователем характеристики памятника, «Сказанию» не посчастливилось в науке. После его издания Ключевским, кажется, лишь И. Е. Забелин коснулся вопроса о его происхождении и значении[18]. Но все же «Сказание» осталось вне поля зрения историков литературы, выпало и из ее общих обзоров, как, впрочем, и владимирская литература XII в. в целом.

Интерес к Владимирской иконе и ее чудесам особенно возрос в 1395 г., когда по распоряжению Василия Дмитриевича она была временно перенесена в Москву и якобы помогла отвратить опасность нашествия Темир-Аксака. В честь «сретения» владимирской святыни в Москве был основан монастырь и установлен особый праздник 26 августа[19]. В этой связи возник и новый литературный памятник — «Повесть на Стретение» иконы, вошедшая позднее в «Степенную книгу»[20]. Ее составитель явно знал древнее «Сказание» и использовал его, но в новой «Повести» его содержание было вытеснено историей о Темир-Аксаке, «чудесной помощи» иконы и основании монастыря. «Повесть на Стретение» нашла большее отражение в русской письменности, ее списки многочисленнее, нежели списки «Сказания». В. О. Ключевский отметил, что с тех пор, как «икона стала московской святыней, и литературное предание, по-видимому, начало забывать ее владимирские чудеса. Может быть, на это указывает то обстоятельство, что издаваемый памятник так редок в нашей письменности XV—XVII вв.»[21].

Литературная история текста «Сказания» и ее отношение к «Повести» заслуживают специального текстологического изучения с выявлением и

---

[16] Н. Н. Воронин. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор. «История СССР», 1963, № 3.

[17] Сказание, предисловие, стр. 11—16.

[18] И. Е. Забелин. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. «Археологические известия и заметки», 1895, стр. 37—49.

[19] ПСРЛ, т. XI, стр. 161; А. И. Анисимов. Владимирская икона божьей матери. Прага, 1928, стр. 18 сл.

[20] ПСРЛ, т. XXI, стр. 424—440; Н. С. Державин. «Степенная книга» как литературный памятник. Батум, 1902, стр. 32.

[21] Сказание предисловие, стр. 9.

сопоставлением всех их списков. Сейчас же мы должны привести новые данные, подтверждающие выводы В. О. Ключевского о близости изданного им текста к первоначальному и позволяющие принять этот текст за основу для оценки «Сказания» как памятника владимирской литературы XII в. Этот текст дает один из ярких примеров того, что часто поздние списки доносят до нас древнейшую редакцию памятника.

3

Текст «Сказания» в милютинских Минеях открывается вступлением, рассказывающим, как Андрей Боголюбский вывез икону из Вышгородского монастыря во Владимир. Сюда включено не выделенное особо I чудо со спасением тонувшего в Вазузе «повозника». Далее идут рассказы о чудесах, помеченные порядковым номером: II — о спасении от взбесившегося коня попадьи попа Микулы; III — об исцелении владимирца от «огненной болезни»; IV — об облегчении родов жены князя Андрея; V — об исцелении некоего отрока, отравленного заколдованным яйцом; VI — об исцелении некой жены в Муроме от «сердечной болезни»; VII — об исцелении ослешей Марии Жидиславны в Переславле-Южном; VIII — об исцелении сердечной болезни некой Евфимии; IX — об облегчении родов некой тверской боярыни; X — о спасении людей во время катастрофы Золотых ворот.

Обратимся к некоторым подробностям этих рассказов.

В рассказе о чуде с микулиной попадьей интересны несколько древних бытовых деталей и терминов.

Конь сшиб с себя «повозника», т. е. возницу, который ехал не в колах с попадьей, а верхом на везшем колы коне. Этот способ езды хорошо описан в колоритной сценке в «Житии Феодосия Печерского», как он, будучи в бедной одежде, сел на воз и как «возяй [т. е. возница] его видевы и в такои одежи сущааго и мьнев яко един от убогых есть, глаголя ему: черноризьче, се бо ты по вься дни пороздьн еси, аз же трудьн сый се не могу на кони ехати, но сице сътвориве да аз ти лягу на возе ты же могый на кони ехати. Той блаженыи съ всякыимь съмерениемь вста въседе на кони, а оному же легъшю на возе и идяше путьмь радуяся и славя бога и егда же въздремаашеся тъгда же съсед тек идяаше въскраи коня, дондеже трудяашеся ти тако пакы на конь въсядяше. . .»[22]. Этот способ езды долгое время держался в древней Руси[23] и дожил до XIX в. в виде «вершника», или форейтора при упряжке цугом. Сам термин «повозник», т. е. крестьянин, отбывающий повозную повинность, напоминает о «повозниках», везших Яна Вышатича и собранную им дань, в рассказе летописи о поволжском восстании смердов 1071 г.[24] Само название колесной повозки «кола» является древнейшим названием, встречающимся в памятниках XI—XII вв.[25]

Особенный интерес представляют названные в этом рассказе детали одежды микулиной попадьи. Взбесившийся конь сбил ее с ног, запутался ногами в ее «кортли» и стал кусать попадью. «Кортель»—это название старинной женской легкой летней одежды типа халата «летника» с длинными

---

[22] А. А. Шахматов и П. А. Лавров. Сборник XII в. Московского Успенского собора. М., 1899, стр. 65.

[23] См., например, Альбом Мейерберга. СПб., 1903, рис. 69 и др.

[24] ПСРЛ, т. I, стб. 178.

[25] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (далее — И. Срезневский. Материалы), т. I. СПб., 1893, стб. 1254; Н. Н. Воронин. Средства и пути сообщения. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 309.

широкими рукавами; в зимнее время кортель подбивался мехом. Время этого «чуда» — ранняя весна (незадолго перед тем поезд с иконой должен был переходить разлившуюся Вазузу). Возможно, следовательно, что кортель попадьи был еще с меховой «подкладкой»[26]. Видимо, в этой одежде и «завертешася» ноги коня. Особое внимание привлекает название двух деталей женской одежды. Попадья, «чудом» оставшаяся невредимой, с огорчением говорит «жалми увисла же отлог еже изъяде конь», т. е. что ей особенно жалко, что конь изжевал эти части ее одежды. В других древнерусских письменных памятниках эти термины, кажется, нигде не встречаются[27]. Они находят объяснение в народном языке и этнографических материалах. «Отлог» — видимо, несколько деформированное южнорусское, украинское «видлога» — название пришивного к верхней дополнительной одежде — «кирее» или «опонче» — капюшона типа откидного колпака или башлыка: капюшон во время непогоды надвигался на голову и лицо и был снабжен отверстиями для глаз[28]. Наличие такой верхней накидки в одеянии попадьи вполне уместно в условиях холода ранней весны, когда еще недавно было половодье. Что такое «увисла», мы точно не знаем, может быть, это кожаная бахромчатая оторочка «видлоги»[29] или же это длинные концы — завязки — «видлоги»[30]. Так или иначе в костюме попадьи есть украинские особенности, переданные автором рассказа о «чуде» с пониманием дела и в областных украинских терминах.

Конкретной деталью, уже отмеченной И. Е. Заблиным, является упоминание урочища «Рогожских полей», вероятно, в районе Богородска (совр. Ногинск) [31].

В рассказе о IX чуде тверская боярыня послала к иконе богородицы во Владимир «златыя косы и серязи свои». «Серязи» это серьги или колты; термин в форме «усерязь» встречается в древнейших памятниках письменности, и в частности у Даниила Заточника (позднее, примерно с XIV в., — уже «серьга») [32]. В рассказе о VIII чуде с некой женой Евфимией в составе ее дара к иконе названы «усерязи златыя», т. е. применена наиболее древняя форма названия серег[33]. «Косы» — это, видимо, «косник» — либо «женский наголовник наподобие шапочки с обручем впереди около верха тульи до ушей», либо украшение девичьей косы «в виде бисерной поду-

[26] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка (далее — Словарь), т. II. СПб., 1905, стб. 729. Позднее, в XV—XVI вв., кортель стал женской парадной одеждой на дорогом меху (см. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950, стр. 312—350). По предположению М. В. Щепкиной, в кортель одета девушка, изображенная на шитой пелене XV в. из собрания Гос. исторического музея (М. В. Щепкина. Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. М., 1954, стр. 14).

[27] На эти детали рассказа обратил внимание еще И. Е. Забелин: «Увисло, как мы полагаем, означает какую-либо перевязку. В областном языке вяслом, повяслом, перевяслом, называется поясок, вязка, которой перевязывают снопы; свясло значит опояска; увясло — головная повязка. Что значит отлог, объяснить не можем. В древнем языке это слово могло обозначать какую-либо часть женской одежды» (И. Е. Забелин. Следы литературного труда. . ., стр. 42).

[28] В. Даль. Словарь, т. II, стб. 1905; Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 553, 697, 708. См. также И. Е. Репин. Далекое близкое. М., 1953, стр. 142 (упоминание киреи с видлогою).

[29] Сообщено Д. В. Найдич.

[30] Едва ли «увисло» можно сопоставить с височным украшением, дополнявшим кику — бисерные снизки «вислюги» (см. Г. С. Маслова. Указ. соч., стр. 670, рис. 66).

[31] И. Е. Забелин. Первобытные обитатели Московской промышленной области. «Живописная Россия», т. VI, ч. 1. СПб., 1898, стр. 2.

[32] И. Срезневский. Материалы, т. III, стб. 1264—1265, 340.

[33] Сказание, стр. 40.

шечки иногда на медной пряжке» [34]. Боярыня могла пожертвовать как золотые пряжки своих уже ненужных девичьих косников, так и золотые обручи со своих наголовников. В составе пожертвования Евфимии названы также «рясы златыя» — характерные для богатого убора XII—XIII вв. подвески «рясна» с коническим полым верхом и длинными свисающими цепочками. Обычно рясна серебряные. Переход к серебряным украшениям от золотых происходит в середине XII в.[35] Следовательно, золотые рясна Евфимии—какая-то наследственная драгоценность. Это имеет некоторое значение и для датировки «Сказания». Характерно также архаическое наименование драгоценностей, пожертвованных некой муромской женой, «кузнью»: «посла в Володимерь к у с н ь с в о ю к святей Богородицы в клирос»[36].

Для истории городов Северо-Восточной Руси драгоценно первое упоминание в рассказе о тверской боярыне и Твери, видимо, уже связанной с Владимирским княжеством. Оно особенно существенно теперь, когда другой документ, называвший «тверского гостя», — уставная грамота новгородской церкви Ивана на Опоках — оказался составленным в конце XIV—начале XV в.[37] Существование Твери в XII в. археологически доказано [38], так что и в этой подробности текст «Сказания» не расходится с действительностью.

Все эти наблюдения над элементами древнерусского быта и точностью деталей рассказов «Сказания» действительно подтверждают хорошую сохранность его древнего текста в изданном В. О. Ключевским позднем списке.

Можно еще более уточнить этот вывод.

Особенно ценны местные владимирские подробности, свидетельствующие о составлении «Сказания» коренным владимирцем и подтверждающие датировку памятника. В этом смысле интересны некоторые детали III чуда об исцелении некоего болевшего «огненною болезнию» владимирца, который «от этой болезни онеме и рука ему усше» [39]. Он жил, как указывает «Сказание», поблизости от церкви Николы вне города. Во Владимире за Золотыми воротами и теперь существует построенная в 1734 г. на месте деревянной церковь Николы, стоящая на склоне к Клязьме и сохранившая древнее название «Николы Галейского», или «Николы Мокрого в галеях» (или в «галее»), т. е. у речной пристани галер — «галей», известных в древней Руси речных судов [40]. Церкви покровителя путешествующих Николы ставились обычно у пристаней или в начале далеких дорог: церковь Николы Мокрого стояла на москворецкой пристани на Великом посаде, на Великой улице, соединявшей пристань с Кремлем [41]. Церковь Николы есть в углу Суздальского кремля при выходе на большую дорогу и мост через Каменку. Таким образом, упоминание церкви Николы «Сказанием» является конкретной владимирской реалией.

---

[34] В. Д а л ь. Словарь, т. II, стб. 441—442.

[35] Г. Ф. К о р з у х и н а. Русские клады IX—XIII вв. Л., 1954, стр. 28 и 30.

[36] Сказание, стр. 38.

[37] А. А. З и м и н. Уставная грамота Всеволода Мстиславича. Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952, стр. 129; см. возражения М. Н. Тихомирова в кн.: «Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв.». М., 1955, стр. 181 и сл.

[38] Н. П. М и л о н о в. Археологические разведки в Тверском кремле. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10; А. Н. В е р ш и н с к и й. Возникновение феодальной Твери. Там же; Э. А. Р и к м а н. Новые материалы по топографии древней Твери. КСИИМК, вып. XLIX, стр. 46—48.

[39] Сказание, стр. 34—35.

[40] С. Н и к о л ь с к и й. Церковь св. Николая чудотворца, что в Галее во Владимире. Владимир, 1872; Н. Н. В о р о н и н. Средства и пути сообщения, стр. 290.

[41] М. Н. Т и х о м и р о в. Древняя Москва. М., 1947, стр. 170.

Далее рассказывается, как больного привезли «во град ко святей Богородицы на заутренюю», где с ним случился припадок, в связи с чем «извлекоша и в притвор и ту лежащу ему до обедни». Успенский собор во Владимире, построенный князем Андреем в 1158—1160 гг., после пожара 1185 г. был восстановлен Всеволодом III в 1185—1189 г., причем старое здание было обстроено с трех сторон закрытыми высокими галереями. Реконструируя облик первоначального здания, мы сомневались в справедливости упоминания «Сказания» о притворе. Однако при строительных работах, производившихся в 1951 г. в северной галерее собора, было установлено наличие сохранившихся под полом остатков фундамента притвора перед северным порталом андреевского собора [42]. Таким образом, «Сказание» упоминает действительно существовавшую часть храма 1158—1160 гг., которая уже исчезла при реконструкции здания в 1185—1189 гг. Т. е. «Сказание» действительно было составлено до этого года.

Завершающее цикл рассказов чудо о падении Золотых ворот имеет дату — Золотые ворота были окончены в 1164 г. В этом рассказе нас вновь удивляет конкретность сведений автора — он хорошо знает причину катастрофы: «бе бо еще не суха известь во вратех», в связи с чем массивные петли, на которых висели тяжелые, окованные золоченой медью полотнища ворот, вырвались из своих гнезд в белокаменной кладке стен [43]. Так описать происшествие мог только очевидец, который по его свежим следам осмотрел и, может быть, потрогал места вырвавшихся петель. Это был, несомненно, владимирец.

Отмеченные терминологические особенности и реальные бытовые подробности подтверждают определение и оценку «Сказания» В. О. Ключевским и позволяют нам признать данный его список близким к первоначальному и рассматривать его как текст, составленный во Владимире до 1164 г.[44], и в этом его виде принять для исторического и литературного анализа и оценки.

В. О. Ключевский отметил, что в списке «Сказания» в милютинской Минее «встречаются неясные места, происшедшие, вероятно, от неисправности переписчика» [45]. В свете сделанных нами дополнительных наблюдений о близости милютинского списка к древнему можно думать, что его погрешности не столько результат небрежности переписчика, сколько следствие ветхости и древности самого оригинала, с которого списывалось «Сказание».

Но, видимо, этот оригинал не был полным сборником «чудес».

4

Есть основания считать, что первоначальный состав рассказов «Сказания» был значительно шире.

Первые чудеса были организованы вышгородскими церковниками еще до уноса иконы на север. Во вступительной части «Сказания» сообщается, что икона чудесным образом трижды переходила в вышгородском храме с места на место, заявляя о своей воле покинуть Вышгород, и «и н е х

[42] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1. М., 1961, стр. 162 и сл.

[43] Позднейшее понимание данного текста, отраженное в миниатюре Лицевого летописного свода XVI в. и в существовавшей до недавнего времени росписи 1764 г. в переходах Боголюбовского дворца, связывало «чудо» с городскими Золотыми воротами, хотя неверно представляло катастрофу, как падение *с в о д а* Золотых ворот. См. Н. Н. Воронин. Зодчество. . ., т. 1, стр. 132—134,

[44] А. И. Анисимов, не аргументируя своей точки зрения, полагал, что «Сказание» составлено между 1163—1180 гг. (указ. соч., стр. 14).

[45] Сказание, предисловие, стр. 10.

ч ю д е с множество». Здесь также сказано, что эта икона «прешла бо всех образов», т. е. была наделена наибольшей магической силой, с которой не могли равняться известные в Киеве иконы богородицы Десятинной и Пирогощей [46]. Можно думать, что еще в Вышгороде эти чудеса записывались и образовали начало цикла рассказов «Сказания». Составители «Степенной книги», видимо, имели под руками такой более полный текст «Сказания», где все три перемещения иконы изложены как отдельные рассказы [47]. Возможно, что эти рассказы имели свою нумерацию (ср. «и паки, в т о р о е чюдо видеша», «и паки т р е т и е видеша. . .») [48]. В приведенной здесь же молитве Андрея, явно распространенной и переделанной, есть элементы древнего текста, в частности намек на установленный Андреем праздник Покрова («тебе бо имеем. . . стену тверду и п о к р о в н е р у ш и м з е м ь л и н а ш е й») [49]. Передав несколько рассказов о древних чудесах иконы, составитель «Степенной книги» подтверждает, что в его распоряжении был пространный текст «Сказания» — «многа чюдеса содеяшася [от иконы] тогда и потом, о них же потреба есть особому сказанию быти. Зде же настоящии вкратце мало да глаголется» [50].

Передавая древний текст «Сказания», «Повесть о Стретении» очень сокращает его. Так, в рассказе о чуде с микулиной попадьей опущено указание, что она была «непраздна туне», а в отношении повозника добавлено, что он был «раб иереев», т. е. Микулы. Была ли эта деталь в древнем «Сказании» — сказать трудно. Существеннее другое, что «Повесть» содержит рассказы, опущенные в тексте милютинских Миней.

Так, в «Сказании» отсутствует весьма важное в политическом смысле чудо с остановкой везших икону коней на месте будущего Боголюбовского княжеского замка. Этого следует коснуться подробнее.

Текст данного рассказа передан «Степенной книгой» под особым заголовком «Чюдо в Боголюбове» (или «Чюдо о Боголюбьском месте»): «И оттоле дошед близь града Владимера, и егда бывша на реце на Клязьме, и ту сташа кони со иконою Богоматери и не поступиша никамо же. И многи кони изменяху и чюдную икону н а с а н и поставляху, и не един же конь не може с а н е й двинути со святою иконою. Великий же князь Андрей на том месте постави две церкви камены во имя Святыя Богородица и ту сотвори град и нарече имя месту тому — Боголюбимое» [51].

В этом тексте обращает на себя внимание очень важная деталь: икону везут на санях, тогда как люди ехали уже на «колах». Эта подробность подтверждает древность рассказа: в древней Руси был обычай в торжественных случаях пользоваться санями и летом. Так, на санях перевозили гробницу Глеба в новую вышгородскую церковь [52].

В статье «а се князи русьтии» в Комиссионном списке Новгородской I летописи, внесенной в 40-х годах XV в., под 6663 (1155) годом приведен текст о вокняжении Андрея Юрьевича и увозе им вышгородской иконы: «И помолися князь Андрей той чудней иконе матери божии, и взя нощию

---

[46] Сказание, стр. 30.

[47] ПСРЛ, т. XXI, стр. 426. В «Степенной книге» материал «Сказания» привлечен дважды. Сначала в рассказе о переносе иконы во Владимир и ее чудесах (ПСРЛ, т. XXI, стр. 230—235) и вторично в «Повести на Стретение» (ПСРЛ, т. XXI, стр. 425—440).

[48] ПСРЛ, т. XXI, стр. 231.

[49] Там же, стр. 426.

[50] Там же, стр. 427.

[51] ПСРЛ, т. XXI, стр. 233 и 427. Сходный текст в «Повести на Стретение» в сборнике 1642 г. ростовского происхождения (Гос. публичная библиотека, собрание Общества любителей древней письменности, Q-CIX, л. 325 об.); Хр. Л о п а р е в. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. II. СПб., 1893, стр. 155 и сл.

[52] А. А. Ш а х м а т о в и П. А. Л а в р о в. Сборник XII в. . ., стр. 32.

святую ту икону без отчя повеления, и поеха на Русскую землю съ своею княгинею и съ своим двором и поят с собою крилошаны вышегородскыя: попа Микулу и зятя его Нестера диакона, и с их попадьями; и многа чюдеса быша, идущем им до Володимеря, от чюдные иконы матерь божии: и постави ей храм на реце Клязьме, 2 церкви каменны во имя святыя Богородица, и сътвори град и нарече ему имя: «се есть место Боголюбимое». Ту же коня много били, а конь с того места с иконою не идеть; и створи ту многы церкви, 30» [53]. Автор этой статьи был явно знаком с каким-то списком «Сказания», где было и это «чудо». При этом данный список отличался некоторыми подробностями от текста милютинской Минеи. Так, вместо краткого и глухого «поеха на Ростовскую землю, поим крылос с собою» в списке, использованном в Новгородской I летописи, север назван «Русской землей», упомянут княжеский «двор», тронувшийся в путь вместе с князем, а вместо «клироса» указаны поименно Микула и дьякон Нестер, причем составитель счел уместным отметить их родство: Нестер приходился Микуле зятем. Эти детали свидетельствуют об отражении данным списком подробностей первоначального текста, опущенных позднейшими переписчиками.

В Боголюбовом монастыре, возникшем на территории княжеского замка Андрея, первоначальная редакция чуда обрастает новыми домыслами, связанными уже с главной святыней монастыря — Боголюбовской иконой богоматери. Так, поздний летописец монастыря — игумен Аристарх, составлявший свою летопись в 1767—1770 гг., используя сюжет с остановкой коней, передает отраженную в позднем житии Андрея монастырскую легенду, что в сущности не это послужило поводом к основанию Боголюбова, а явление богородицы Андрею во сне, которая и заявила протест против Ростова: «не хощу да образ мой несеши в Ростов, но во Владимире постави его, а на сем месте во имя моего рождества церковь каменную воздвигни». Далее, по словам легенды, Андрей и приказал живописцам написать икону богородицы такой, как она явилась во сне, и установил праздник этой иконы 18 июня [54].

При том же боголюбовском «летописце» Аристархе была сделана в 1764 г. роспись сеней и перехода у монастырского собора на темы «Сказания». Любопытно, что X чудо, где говорится о катастрофе Золотых ворот, сообщает об обрушении свода, а не о падении воротных полотнищ, как это ясно изложено в «Сказании». Следовательно, в монастыре был его текст, уже вольно переосмысленный. Но здесь же было изображено «чюдо в Боголюбове», причем художник изобразил и отмеченную выше интересную деталь — икону везут летом на санях. Следовательно, и монастырский список «Сказания» содержал рассказ о «чюде в Боголюбове».

Собственно «чюдо о Боголюбовьском месте» является важнейшим в комплексе «чудес»: икона вторично «санкционирует» уход Андрея с юга на север, избрание столицей молодого города Владимира и постройку у устья Нерли княжеского каменного замка, взявшего под контроль важнейшую артерию Владимирской земли. Изложение политической программы Андрея самой богородицей в «видении» было в духе всей идеологии церковно-литературных памятников 60-х годов. Некоторой аналогией этому сюжету является внесенная в Киево-Печерский патерик упомянутая выше легенда о «явлении» Влахернской богородицы греческим зодчим, которых она направляла в Киев для постройки Великой церкви — «и

[53] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 467; А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 171—172.

[54] Летопись Боголюбова монастыря. . . Чтения ОИДР, 1878, кн. 1, стр. 3—4; В. Доброхотов. Древний Боголюбов город. М., 1852, стр. 105—106.

в ней хощу жити» [55]. Вспомним также, что «чудеса» санкционировали обычно особенно значительные княжеские мероприятия. Так, например, построенный Мономахом Остерский городец, сыгравший столь важную роль в последующей борьбе Юрия Долгорукого за Киев, был также освящен видением «огненного ангельского столпа» [56]. «Чюдо о Боголюбовьском месте» прикрывало божественной волей один из важных шагов Андрея — сооружение Боголюбовского замка.

Таким образом, несомненно, что «чюдо о Боголюбовьском месте» входило в круг организованных княжескими церковниками чудес, было хорошо известно и оформлено соответствующей записью в «Сказании».

Если рассказ о начале Боголюбова был в «Сказании», то естественно думать, что он-то и заканчивался сведениями о постройке Андреем храмов в Боголюбове и Владимире. В изучаемом же списке «Сказания», где «чюдо о Боголюбовьском месте» опущено, упоминание о строительстве только владимирского Успенского собора оказалось соединенным с рассказом о спасении микулиной попадьи. В справедливости нашего предположения убеждает приведенный выше текст Комиссионного списка Новгородской I летописи, где о строительстве храмов Андреем сказано именно в связи с боголюбовским чудом.

Цикл рассказов «Сказания» в изучаемом Милютинском списке завершается X чудом о падении створ Золотых ворот и спасении придавленных ими владимирцев. Этот рассказ о происшедшем в 1164 году событии датирует, как мы говорили, и основной цикл рассказов «Сказания» [57].

История с Золотыми воротами занимает особое место в ряду чудес иконы. Все предшествующие чудеса весьма «камерны» — их реальность лежит на совести упомянутых в рассказах о них немногих лиц. Владимирские церковники не очень заботились о какой-либо документации занесенных ими в «Сказание» чудес показаниями «послухов»; таково VI чудо, совершенно лишенное указаний на конкретных людей, — не названо и имя «некой жены в Муроме», не назван никто из соборян, отпустивших ей воду от иконы; так же безымянно V чудо об отроке, отравившемся яйцом, — тут неизвестно даже, где произошло это чудо. Пожалуй, только рассказ III об исцелении больного «огненною болезнью» сухорукого владимирца выходит из узкого круга самих организаторов чудес — владимирских соборян и их высокопоставленных клиентов. Свидетелями чуда с сухоруким были молящиеся в соборе — «множеству людем видящим в в церкви». Поп Нестер «сотвори праздник, призва к себе князи и боляре, и исцелившего одарившe и пустиша. И бысть радость велика во граде Владимире того дни». Несомненно, пир был богатый, на нем была собрана княжеско-боярская знать, и ясно, что туда горожане не попали. Несомненно также, что не зря одарили героя инсценировки — сухорукого, чтобы не болтал лишнего, чтобы славил «чудо». Не знаем, насколько реальной была всенародная «радость велика» во Владимире. Но ясно одно — это было первое чудо, организованное широко, с расчетом на массовый эффект. Чудо с Золотыми воротами, вернее — случайность, осмысленная как чудо, произошло при большом стечении народа — «снидеся народ ко вратом». Когда под воротными створами оказались живые люди, — «се

---

[55] Патерик, стр. 5—6.

[56] ПСРЛ, т. II, стб. 268.

[57] Осторожное предположение В. О. Ключевского, что речь могла идти о «златых вратах» в порталах Успенского собора, оконченного постройкой в 1160 г., и что цикл рассказов «Сказания» завершен был в этом году (Сказание, предисловие, стр. 13), едва ли вероятно, так как последовательность повествования такова, что после сообщения о постройке Успенского собора (чудо II) следуют два рассказа (III и IV), действие которых происходит в Успенском соборе.

чюдо видяще народи чудишася». Случайность вынесла «чудотворную» славу иконы в широкие массы горожан.

В этой же связи следует рассмотреть рассказ о победе 1164 г., одержанной владимирскими войсками над болгарами и приписанной чуду Владимирской иконы. В милютинском списке «Сказания» этот сюжет вынесен вперед и снабжен точной датой [58]. Текст почти точно совпадает со статьей Владимирского летописного свода под 1164 г [59]. Это в сущности один и тот же текст. Существенно, что это первое упоминание Владимирским сводом о чуде Владимирской иконы. Думаю, что этот рассказ был и в «Сказании», где он должен был следовать за X чудом о Золотых воротах. Таким списком «Сказания» располагал составитель «Степенной книги», где и в истории приноса иконы во Владимир, и в «Повести на Стретение» следом за X чудом идет «чюдо о победе на Болгары». Однако в обоих случаях место простого и ясного «летописного» текста здесь занял более сложный рассказ не столько о чуде иконы, сколько об установлении праздника Спаса 1 августа [60]. Этот сюжет в виде особой повести или проложной статьи присутствует и в милютинской Минее (текст издан В. О. Ключевским по более исправному списку сборника Синодальной библиотеки № 556, XV—XVI вв.) рядом с кратким «летописным» рассказом и также перед основным текстом «Сказания». Вопрос о том, случайно ли это сочетание, выводит нас за рамки изучения собственно «Сказания». Поэтому остановимся лишь на летописной статье о болгарском походе.

Этот рассказ очень краток и конкретен, и в этом смысле подобен другим рассказам «Сказания». После разгрома владимирской ратью болгар в открытом бою князья вернулись к «пещцам», стоявшим под княжескими стягами «на полчищи» у Владимирской иконы, и поклонились иконе, «хвалы и песни въздавающе ей». После этого поход был продолжен, захвачены и сожжены четыре болгарских города и «град их славный Бряхимов». Ни о каких чудесных знамениях нет и речи. Но успех похода приписан помощи иконы. Автор статьи и заключает: «Се же бысть чюдо новое святое Богородици Володимерское, юже взял бяше с собою благоверный князь Андрей; и принес ю с славою, и постави ю в святей Богородице Володимери, в Золотоверсей, идеже стоить и до сего дне». Последние слова указывают, что текст о болгарской победе вошел в круг летописных записей не сразу, а некоторое время спустя после 1164 г. Тождество штампа «се же бысть чюдо новое» в летописной статье и в «Сказании» (ср. в VII чуде: «се же бысть святей богородицы велие чюдо володимерской», в VIII чуде: «се ж бысть новое чюдо святей богородицы») позволяет предположить, что автором статьи и «Сказания» было одно лицо [61].

Само изложение статьи о болгарской победе, где своевременно не сказано, что в поход была взята икона, где сначала сообщается о взятии Бряхимова и уже потом говорится, что до того были захвачены еще четыре города, и лишь в конце читатель узнает об участии иконы в походе, — все это свидетельствует, что автор летописной статьи излагал какой-то другой и более полный, и более последовательный рассказ о событии.

Как и в чуде с Золотыми воротами, пропаганда чудесной силы Владимирской иконы здесь обрела вновь широкую аудиторию. Икона, осененная княжескими стягами, в своем драгоценном уборе сияла в окружении воинов городского ополчения — пещцов.

---

[58] Сказание, стр. 27—28.
[59] ПСРЛ, т. I, стб. 352—353.
[60] ПСРЛ, т. XXI, стр. 234—235 и 428.
[61] В Никоновской летописи чудо о болгарской победе названо «вторым», что подтверждает его принадлежность к основному циклу рассказов «Сказания». Сама победа отнесена ошибочно к 1160 г. (ПСРЛ, т. IX, стр. 230).

Эффект был умножен песнопениями в честь иконы: «хвалы и песни въздавающе ей». Возврат иконы во Владимир также происходил «съ славою». Видимо, это были вольные импровизации. Возможно, что эти «песни» и «славы» оказали влияние и на автора летописного рассказа. Во всяком случае в тексте есть следы ритмической речи — местами ясной, местами неудавшейся, сглаженной или нарушенной при переписках вставкой новых слов. Поясним это наблюдение разбивкой текста. Думаем, что начало его варианта в милютинской Минее близко передает зачин «славы».

А се ся содея в лето (нынешнее)
Иде князь Андрей на Болгары
С сыном своим Изяславом,
И с братьм своим Ярославом,
И с Муромьским князем Гюргем.
И поможе им Бог и святая Богородица на Болгары:
Самех исекоша множество,
А стяги их поимаша,
И одва в мале дружине
Утече князь Болгарьский
До Великаго города.
Князь же Ондрей воротися с победою.
Видев поганыя Болгары избиты,
А свою дружину всю сдраву.
Стояху же пещи со святою Богородицею
На полчище под стягы.
И приехав до святое Богородици
Князь Андреи с Гюргем, и со Изяславом,
И с Ярославом, и со всею дружиною —
Удариша челом пред святою Богородицею
С радостью великою и со слезами,
Хвалы и песни воздавающе ей.
И шедше взяша град их славный Бряхимов
А переди четыре городы их пожгоша.
Се же бысть чюдо новое
Святое Богородици. . .

С этой чертой — склонностью прозаического письменного текста к ритмике устной поэзии — мы встретились при анализе последнего владимирского литературного памятника рассматриваемого времени — «Повести об убийстве Андрея Боголюбского», автором которой мы считаем княжеского духовника и советника, вышгородского выходца попа Микулу [62].

Эти полусветские-полуцерковные «славы» в честь Владимирской иконы, отражающие ее популярность и действенность ее культа, были созвучны тем торжественным празднествам, которые устраивали в ее честь владимирские церковники. В престольный праздник Успенского собора они организовывали массовое паломничество к иконе горожан и пришедших издалека богомольцев. От сеней епископского дома около собора к его северным дверям натягивали «две верви чюдных», на которых развешивали драгоценные ткани и облачения, пожертвованные собору князьями великолепные одежды. Этот колеблемый ветром «коридор» сверкавших золотом, многоцветными шелками и бесценным жемчугом тканей вводил внутрь храма, где около царских врат алтаря сияла своим золотым убором и драгоценными камнями Владимирская икона [63]. Можно представить, как это

[62] Н. Н. Воронин. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор.
[63] ПСРЛ, т. I, стб. 392.

великолепие действовало на воображение простого народа, как усиливало его слепую веру в могущество князя и его покровительницу.

Сейчас же мы должны продолжить наблюдения над стилем, формой и содержанием «Сказания о чудесах» и коснуться вопроса о его авторе.

5

Чтобы оценить значение и литературные качества «Сказания о чудесах», следует помнить, что в русской литературе в ту пору не было аналогичных по теме произведений, которые могли бы послужить образцом для владимирских витий. Культ отдельных богородичных икон был еще слабо развит. Источники упоминают ряд таких икон. «Киево-Печерский патерик» рассказывает об иконах выдающегося киевского живописца XI в. Алимпия, вся необычность которых состояла в том, что они якобы не сгорали во время пожаров; такая богородичная икона была послана Мономахом в Ростов [64]. «Слово о полку Игореве» говорит об особом почитании иконы богородицы «Пирогощей» [65]. Летопись упоминает о «чуде» иконы богородицы «Десятинной», обеспечившей победу Михалки Юрьевича над половцами в 1169 г [66]. Однако нигде культ богородичной иконы не был столь планомерно развит, как во Владимире, нигде не было попытки привлечь к этому помощь литературы. Таким образом, владимирским церковникам пришлось выступать в своем «Сказании» в известной мере пионерами в этом жанре. Тем больший интерес приобретает этот памятник, живо ответивший выдвигавшимся идейно-политическим задачам и обнаруживший незаурядный литературный талант его авторов.

Призванный ходом политической борьбы упрочить позиции и авторитет Владимирской земли и дать широким массам владимирских «мизинных людей» уверенность в освященной небом правоте действий княжеской власти, культ Владимирской иконы приобрел особый отпечаток. В. О. Ключевский справедливо отметил, что для владимирских горожан «чудотворная икона получила. . . не церковное только, но и политическое значение» [67]. Еще до публикации В. О. Ключевским «Сказания о чудесах» О. Миллер отмечал связь культа Владимирской иконы с зарождавшимися задачами объединения Руси, с утверждением приоритета Владимира над Ростовом и писал о князе Андрее: «любо было ему и распространение слухов о богородице: народу, таким образом, внушалось, что сама она, матерь господа, идет против Ростова» [68]. «Сказание» усиливало эту пропаганду.

Другой важнейшей стороной и задачей культа Владимирской иконы было воспитание в сознании народа веры в единство его интересов и интересов феодалов, создания патриархального миража, маскирующего нарастающую остроту классовых противоречий. Эта была та же задача пропаганды гражданского мира, необходимость которой была осознана еще в конце XI в. и в пору Мономаха [69]. Этой же задаче отвечало и владимирское искусство, где была особенно популярна тема Деисуса — моления богородицы и Ивана Предтечи к Христу «за род христианский». «Мы имеем здесь дело, — замечает В. Н. Лазарев, — со своеобразной формой средневековой утопии, вбиравшей в себя социальные чаяния народных масс» [70].

---

[64] Патерик, стр. 124.
[65] «Слово о полку Игореве». Л., 1950, стр. 31.
[66] ПСРЛ, т. I, стб. 357—361.
[67] Сказание, предисловие, стр. 7.
[68] О. Миллер. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1863, стр. 103—104.
[69] И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, стр. 103—148.
[70] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии киевской, стр. 30—31.

Сложность задачи «Сказания о чудесах» увеличивалась тем, что оно обращалось к очень трудной аудитории — к «новопросвещенным» людям. Не прошло и столетия с начала миссионерской деятельности на Северо-Востоке епископа Леонтия среди двуязычной массы славяно-мерянского языческого населения, которое восставало под водительством волхвов и которое, видимо, было повинно в «мученическом» конце Леонтия, павшего от руки восставших «невегласей». Несомненно, что не только крестьянство, но и рекрутировавшиеся в новые города Северо-Востока из деревни «мизинные люди» владимирские были сильнейшим образом заражены пережитками языческой идеологии и патриархальной старины, принося в город свои деревенские нравы и обычаи. Поэтому связанные с пропагандой нового культа и его центральной святыни — Владимирской иконы — произведения литературы должны были учитывать сознание не только славянского, но и мерянского населения Владимира и его округи, они должны были быть понятны простым людям, затрагивать их кровные интересы, волновать их чувства. Религиозные вымыслы и фантастические чудеса должны были облечься реальными чертами, владимирским писателям было необходимо «создавать сказочные образы как действительность», стать на позиции народного творчества. И они сумели решить эту тонкую задачу с большим мастерством и тактом.

«Сказание о чудесах» подчеркнуто «демократично». Оно не содержит рассказов о прямой помощи самому князю; икона будто бы помогала главным образом простым людям в их человеческих бедах, а князь и его окружающие являлись лишь благодарными «свидетелями» ее чудес. Более всего икона помогала женским недугам, особенно при тяжелых родах: в этом она помогла жене князя Андрея. Она исцелила какого-то сухорукого, жившего на посаде за владимирскими Золотыми воротами, далее — отравившегося испорченным яйцом отрока, ослепшую внучку боярина Славяты в Переславле-Русском, «сердечную болезнь» некой Евфимии и «некой жены» в Муроме и т. п.

Просто передается и обстановка этих «чудес». Мы видим попа Лазаря, гостящего в Твери у боярыни, которая мучилась родами и затем, отдав «златые косы и серязи [серьги] свои ко иконе», «исцелилась». Разговор Лазаря с попом боярыни передан живо и выразительно: «он же [Лазарь] вопроси попа о здравии, он же рече: здравы есмы, но не велми: болярыня наша в кончине есть. . .» В этой беседе как бы слышится народная поговорка: «здоров, да не очень». Пригласившая обоих попов — своего и владимирского — к себе в опочивальню боярыня просто говорит, что она не стыдится их в своем положении, так как она почти при смерти: «Не при сраме есть, понеже смертна есмь». Во всех подобных особенностях текста звучит народная, просторечная основа «Сказания». Язык рассказов очень выразителен и ясен, насыщен, как мы видели, живыми бытовыми терминами того времени, например в описаниях одежды и убора. Проникаясь чертами народного просторечия и как бы свободного, разговорного течения мысли, эти «сказания» уподобляются народным сказам, создавая впечатление «реальности» чудес, умело и тонко вплетенных в ткань бытовой обстановки, связанных с знакомыми местами города и известными людьми. В этом отношении «Сказание» резко отличается, например, от крайне условного и отвлеченного «Чтения» о житии Бориса и Глеба, где почти начисто исчезли имена и географические определения и события развертываются как бы в некой абстрактной среде [71]. Здесь же, в «Сказании», все на редкость конкретно, жизненно, как бы приземлено.

---

[71] Н. Н. Воронин. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. ТОДРЛ, т. XIII, 1957.

Самые рассказы о чудесах просты по построению и кратки, в них нет никаких нарочитых литературных украшений и искусственных приемов, столь характерных для торжественного и витиеватого литературного стиля церковных писателей того времени, каков, например, Кирилл Туровский. Эти рассказы кажутся бесхитростными записями современника, почти не переработанными для какого-либо официального употребления. Вот, например, удивительные по лаконизму и почти летописной деловитости рассказы о четвертом и шестом «чудесах». «По неколицех же временех пришедшу празднику госпожину дни. Князь же Андрей на каноне стояше во церкви, пения лики сотворяя, а сердцем боляше: бе бо княгиня его боляше детиною болезнию — два дни напрасно боляши. Яко по каноне бысть, омывше водою икону пресвятыя богородица, посла ко княгине. Она же вкуси воды тоя и роди дитя здраво и сама бы [сть] здрава том часе молитвами святыя богородицы». Или «Чюдо шестое»: «Боляшет некая жена в Муроме сердечною болезнию. И слышавши о иконе святей богородицы бываемая чудеса и посла в Володимерь кусньсвою [кузнь, т. е. драгоценности] ко святей богородицы в клирос и воды взяти от святыя богородицы иконы. И яко принесоша воду, вкусивши и бысть здрава, и нача не чюти сердечныя болезни».

Если эти два текста слишком кратки и скупы на жизненные подробности, как бы протокольны, то замечательным образцом живого, реалистического, короткого рассказа является II чудо — о Микулиной попадье. Оно начинается очень просто, словно автор продолжает прерванное бесхитростное повествование: «Князю же сущу на Рогожских полех, се же микулиная попадья еха на колех [повозке] со снохою своею. Бывшима же има на истоце и соидоста с кол: бе бо попадья микулиная непраздна туне. Яко хотеша минути конь и нападе бес на конь и зби [сшиб] повозника с себе и ногу ему изломи. И порази попадью микулину передними ногами, и завертешася ему копыта в кортли [женская одежда] и се на мног час ядяшеть ю [ее], мнеша бо [ее] мертву сущу. И возвестиша попу Микуле, яко попадья твоя мертва есть. Он же, возрев на икону пречистыя богородицы, и рече: «Госпожа, пречистая богородице владычице, аще ты не избавиши ея от смерти — се уже мертва есть. . .» Конь же исторг нозе ис кортля и бежа в лес, и завис [запутался], и стал. [Тогда] вопросиша ю [ее, т. е. попадью] о ядении коня, и [она] рече, яко здрава есмь молитвами пресвятыя богородица, жал ми увисла же отлог еже — изъяде конь [т. е. «Я-то молитвами богородицы здорова, да вот жаль платье, которое изгрыз конь. . .»]. И приеха в Володимер благородный князь Андрей, и созда церковь во имя пресвятыя богородица, украсив ю всяким благочестием и поставиша в ней чюдотворную икону пресвятей владычицы нашей богородицы. . .». Таков этот замечательный по своей изобразительной выпуклости рассказ, заставляющий нас своим крепким образным языком и сквозящим меж строк народным юмором вспомнить лучшие страницы «Соборян» Н. С. Лескова.

Нельзя не отметить некоторых особенностей самих «чудес». Икона только в Вышгороде да в Боголюбове проявила «свою волю», переходя с места на место или останавливая коней. Никаких эффектных «знамений» она не творит. Во всех рассказах чудо сводится к помощи иконы в болезнях и житейских обстоятельствах, особенно женщинам: из двенадцати чудес иконы шесть занимают исцеления или помощь женщинам. На первых порах Владимирская икона сохраняет полуязыческие черты женского божества — она, в сущности, и действует как языческий «оберег». Существенно также, что особой магической силой обладает не столько сама икона, сколько вода от нее, что связывает культ Владимирской иконы также с языческими представлениями. Вспомним восходящие к язычеству народные

верования об очистительной силе воды («Матушка святая водица. . . сними с раба божья [имярек] всякие болезни и скорби. . .») [72]. У пограничных с Владимирской землей мордовских племен было особое божество воды Ведь-ава, своя у каждого водоема; была и какая-то связь культа воды с деторождением — бесплодные женщины обращались к воде с молением о даровании детей [73]. Вода от Владимирской иконы помогала при родах. «Житие Константина муромского» свидетельствует о распространении на Северо-Востоке и конкретного представления о целебной силе воды в отношении именно глазных болезней — язычники умывались у колодцев «очныя ради немощи» и бросали в них сребренники; [74] также и вода от Владимирской иконы «исцелила» от слепоты Марию Жидиславну. Так, в самой «аранжировке» чудес иконы были использованы народные языческие верования, что облегчало внедрение нового культа в сознание недавних «невегласей».

Можно с большой осторожностью указать на возможность учета авторами «Сказания» представлений и местной языческой среды. Любопытно, что «чюдо о Боголюбовьском месте» с остановкой коней, везших вышгородскую икону, перекликается с мордовским фольклором. Так, в мордовской сказке о богине домашнего очага Юрт-аве («содержащей корень дома») рассказывается, как один парень-мордвин, переезжая на новое место жительства, забыл взять с собой Юрт-аву. Его лошадь стала, а колеса повозки перестали вертеться. Старухи объяснили это обидой Юрт-авы и велели парню заложить тройку и плакать; телега сначала едва шла, так как села Юрт-ава, потом по просьбе парня она сошла на землю, и кони пошли вскачь [75]. Вспомним, что как Владимир, так и две другие левобережные крепости на Клязьме — Сунгиревское городище и Боголюбов-город — ставились в районе, густо заселенном аборигенным мерянским населением [76].

Все эти черты «режиссуры» чудес Владимирской иконы и «Сказания» о них делали это произведение доходчивым и действенным.

В заключение следует остановиться на вопросе об авторе «Сказания о чудесах». К нему уже подходили исследователи памятника. В. О. Ключевский заметил, что автор «был очень близок к рассказываемым событиям. Одно из лиц, упоминаемых в повести (чудо II), поп Микула, известен и по летописи. Он, очевидно, был близок к князю Андрею, с которым ехал из Киева. . .» [77]. Однако исследователь так и оставил свою мысль в форме намека. И. Хрущов полагал, что рассказы о чудесах Владимирской иконы были составлены близкими к князю людьми [78]. И. Е. Забелин, заподозрив причастность князя Андрея к составлению особого произведения — рассказа о празднике Спаса, высказал предположение, что и «Сказание о первоначальных чудесах Владимирской богородичной иконы было составлено также при его участии, как это может обозначаться лично до него касающимися обстоятельствами чудесных событий. . .» [79]. Нет сомнения, что «Сказание» составлялось с ведома и по распоряжению князя

---

[72] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868, стр. 189—190.

[73] Е. И. Горюнова. Очерки истории культуры мордовского народа (рукопись), стр. 226.

[74] А. Афанасьев. Указ. соч., т. II, стр. 207.

[75] А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910, стр. 77—80, 95.

[76] Н. Н. Воронин. Из ранней истории Владимира и его округи. «Советская археология», 1959, № 4.

[77] Сказание, предисловие, стр. 11—12.

[78] И. Хрущов. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. Киев, 1878, стр. 137.

[79] И. Е. Забелин. Следы литературного труда. . ., стр. 49.

Андрея, что, может быть, от него был услышан и внесен рассказ о помощи иконы в трудных родах княгини. Но «Сказание» называет и нескольких духовных лиц из числа владимирских соборян, тесно связанных с чудесами Владимирской иконы и организовавших их. Это вышгородские выходцы — Лазарь, Нестер и Микула. Лазарь, видимо, играл главную роль. При его участии устроено исцеление некой «жены именем Еуфимии», жившей, видимо, во Владимире. Он совершает поездки в Переяславль-Южный и Тверь, где происходят эффектные исцеления именитых боярынь — монахини Марии Жидиславны и некой тверской «болярыни». С именем попа Нестера связана организация первого «массового» чуда — исцеления сухорукого в Успенском соборе («множеству людем видящим в церкви») и больших торжеств по этому поводу. Микула занимает в «Сказании» скромное место: он выступает в пассивной роли в рассказе о спасении по его молитве беременной попадьи, сбитой взбесившимся конем.

Драгоценной деталью текста, подтверждающей составление «Сказания» рукой вышгородцев, южан, являются рассмотренные нами в начале главы местные украинские названия частей костюма микулиной попадьи. В какой-то мере «Сказание о чудесах» было плодом коллективного труда трех названных соборян, объединенных участием самого князя Андрея.

Но можно с большой вероятностью выделить из этого триумвирата Микулу и отвести ему главную авторскую роль. Прямым указанием на причастность Микулы к составлению «Сказания» являются подробности чуда с микулиной попадьей, его особая «выписанность», а также сохраненное в пересказе в Новгородской I летописи упоминание о родственных связях Микулы и его зятя дьякона Нестера, не представляющее никакого значения для истории чудес иконы и интересное лишь для автора. Но главное даже не в этом. Несомненным произведением Микулы была великолепная «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» [80]. Многое в стиле и литературной манере «Повести» очень близко к «Сказанию». Это тяготение к ритмической прозе, которое мы видели в рассказе о «чуде новом» — болгарской победе 1164 г., это ярко выраженная любовь к конкретной реальности повествования, его ясность и простота, умение даже в краткий рассказ о чудесах ввести живой диалог, превратив схему в занимательную новеллу. Все эти качества, присущие «Сказанию», с особой силой развернулись в позднейшем труде Микулы — «Повести об убийстве».

II. ПРАЗДНИК ПОКРОВА

1

Владимирское приурочение культа богоматери не ограничилось чрезвычайным развитием культа Владимирской иконы и строительством храмов, посвященных ее каноническим праздникам. Князь Андрей установил новый, специально владимирский, праздник Покрова богородицы, который одновременно получил свое закрепление в произведениях искусства и литературы.

Долгое время в русской науке считалось, что праздник Покрова был установлен в Византии и оттуда пришел на Русь. Последним защитником этой точки зрения был Г. П. Георгиевский [81].

Специальное изучение вопроса Сергием убедительно показало ее ошибочность [82]. Обследование византийских источников выяснило, что там

---

[80] Н. Н. Воронин. Повесть об убийстве Андрея Боголюбского. . .

[81] Г. П. Георгиевский. Русский ли праздник Покров? «Чтения в обществе любителей духовного просвещения», 1893, ноябрь.

[82] Сергий. Указ. соч.

нет упоминаний о празднике Покрова. Сергий привлек и важнейшие для решения вопроса русские источники. Основными и древнейшими являются краткое «Проложное сказание» [83] и «Служба Покрову», известная по списку XIV в [84]. В Великих Минеях Четьих митрополита Макария есть два «Слова на Покров». Первое — очень пространное — несомненно, использовало «Проложное сказание» и «Службу», оно имеет ряд сходных с ними оборотов и выражений. Сергий считал его относящимся «по всей вероятности, к домонгольскому периоду», но позднее первых двух памятников, как дополнение к «Службе» [85]. Второе «Слово», как явствует из его заголовка, — «творение смиренаго ермонаха Пахомия» (Серба), т. е. *принадлежит XV в.* [86] *Анализ этих произведений показал, что праздник* Покрова установлен не в Византии, а на Руси, что версия о его византийском происхождении оформляется лишь во второй редакции «Слова» XV в., приписываемой Пахомию.

Собрав данные, явно указывающие на связь праздника Покрова с Владимирской землей (постройка церкви Покрова на Нерли в 1165 г.; первое изображение Покрова на западных вратах Суздальского собора 30-х годов XIII в. и пр.), Сергий все же считал, что праздник мог быть установлен только центральной церковной властью совместно с князем, т. е. митрополитом в Киеве. К этому выводу его склоняло «самоличное», без «указания свыше» решение об этом мероприятии, сообщаемое в «Проложном сказании», а также не местное, но общерусское значение памятника. К Киеву вели и моления к богородице о помощи против «поганых», под которыми Сергий разумел южных врагов Руси — половцев. Обращения о заступничестве за «город» казались исследователю «более приличествующими великокняжескому царствующему граду Киеву». Нахождение праздника Покрова уже в древнейших прологах, подтверждая раннее время его установления (по Сергию — до 1157 г., до «разделения России на два великие княжества: киевское и владимирское»), вновь вело исследователя к мысли о киевском происхождении праздника, так как в прологе преобладают праздники киевские и лишь память об открытии мощей Леонтия ростовского явно не связана с Киевом [87].

К мысли о русском происхождении праздника склонялся и Е. Голубинский, сомневавшийся, однако, в отнесении его к домонгольскому времени [88].

Конец этим колебаниям положила затерявшаяся в церковном журнале и не замеченная учеными статья М. А. Остроумова [89]. Автор убедительно доказал, что праздник был установлен не в Киеве, а во Владимире при Андрее Боголюбском (около 1165 г.) и входил в ряд его мероприятий по развитию богородичного культа.

Однако авторов-церковников интересовала собственно церковно-историческая сторона вопроса, сами же литературные памятники культа

---

[83] Великие Минеи Четьи, Октябрь. СПб., 1870 (далее — ВМЧ), стб. 4—5; Сергий. Указ. соч., стр. 60.

[84] Пергаменная псалтырь (около 1340 г.) Синодальной библиотеки. Отдел рукописей Гос. исторического музея, отд. III, № 431 (далее — Служба), лл. 126—128.

[85] ВМЧ, стб. 6—17; Сергий. Указ. соч., стр. 84—87.

[86] ВМЧ, стб. 17—23.

[87] Сергий. Указ. соч., стр. 61—84, 107 и след.

[88] Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, ч. 2. М., 1894, стр. 400—406.

[89] М. А. Остроумов. Происхождение праздника Покрова. «Приходское чтение», 1911, № 19. Позднее Н. П. Кондаков исходил из старых данных работы Сергия («Иконография богоматери», т. II, стр. 94). Также не учел выводов М. А. Остроумова искусствовед Лату (R. P. Latoud. La téme iconographique du «Pokrov» de la Vierge. «L'art byzantin chez les slaves», t. II. Paris, 1932). См. также В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, стр. 103—104.

Покрова как замечательные исторические источники и произведения художественного слова не вызывали их интереса.

Крупным вкладом в разработку этих сторон темы явилась кандидатская диссертация покойной Е. С. Медведевой, где в связи с историей иконографии Покрова были вновь изучены и ее литературные источники; некоторые наблюдения, сделанные в этой работе, мы частично используем в данной главе [90].

2

Сюжетное зерно культа Покрова восходит к житию Андрея юродивого [90а]. Там рассказывалось, как на всенощном богослужении в константинопольском Влахернском храме «узре блаженый Андрей святую богородицю очивесть вельми сущю высоку пришедшю царскими враты [со] страшнами слугами, в них же беаше честный Предтеча и громный сын, обапола держащю ю, и инеи святци мнози в белах ризах идяху перед нею, а друзии по ней с песнеми духовными. . . И по молитве прииде ко алтарю, молящися о стоящих людей тамо. Да егда ся отмоли, амафор ея яко молнийно видение имея, еже на пречистем ея версе лежаще, отвивши от себя пречистыма рукама своима вземше, страшно же и велико суще, верху всех людей простре стоящих ту, еже на многы часы видеста святца [Андрей и Епифаний] верху людей прострено суще и сиа якоже иликтор [янтарь]. . .» [90б]. Это «чудо» было отражением повторявшейся еженедельно во Влахернском храме тонко организованной духовенством инсценировки. Она, по словам источников, состояла в том, что пурпурный покров на иконе богоматери «без всякого содействия, божественным чудом как бы подымался к небу», «покрывало остается поднятым, пока солнце совершает свое течение» [91]. Этот малозначительный в обширном тексте «Жития Андрея юродивого» сюжет, темой которого было «чудо», символизировавшее покровительство богоматери, и привлекло внимание князя Андрея и владимирских церковников. На это указывают прямые ссылки на «Житие Андрея юродивого» как в «Службе на Покров» [92], так и в «Проложном сказании».

Последнее в сущности имеет задачу мотивировать самостоятельное, без санкции митрополита, установление праздника Покрова и оправдать это нарушение церковной дисциплины и субординации [93]. Речь здесь ведется от лица автора, который, коротко описав видение Андрея юродивого, о котором он узнал из слушания чтения «Жития», замечает: «Се убо, е г д а с л ы ш а, п о м ы ш л я х: како страшное и милосерд-

---

[90] Е. С. М е д в е д е в а. Древнерусская иконография Покрова. Диссертация на ученую степень кандидата искусствоведения. Архив Института археологии АН СССР, Р-2, № 1728. Работа Е. С. Медведевой велась параллельно с моей работой над теми же источниками, связанной с исследованием владимирской архитектуры XII—XIII вв. Работая в тесном контакте (консультация работы Е. С. Медведевой), мы очень часто приходили к общим или сходным выводам. И. У. Будовниц не уделил должного внимания памятникам покровского культа, ограничившись лишь кратким упоминанием об установлении праздника: «С походом на Волжских болгар в 1164 г. связано и установление Андреем Боголюбским нового праздника Покрова богородицы. Характерно, что этот праздник был установлен без согласия киевского митрополита и даже константинопольского патриарха» («Общественно-политическая мысль древней Руси XI—XIV вв.», стр. 244).

[90а] Житие написано в VI в. и переработано и дополнено в X в.; русский перевод появился в XII в. (И. И. С р е з н е в с к и й. Житие Андрея юродивого. «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках», № LXXXVII. СПб., 1879).

[90б] ВМЧ, стб. 207.

[91] Н. П. К о н д а к о в. Иконография богоматери, т. II, стр. 57, 59, 99—100.

[92] Служба, л. 127.

[93] ВМЧ, стб. 4—5; С е р г и й. Указ. соч., стр. 60.

ное видение, паче надеяние наше и заступление, бысть без праздника?». Далее следует молитва богородицы, где она просит Спаса о покровительстве славящим ее людям. В этой связи автор пишет: «Тем словесем [т. е. молитвы] надеяся, восхотех, да не без праздника останет святый покров твой, преблагая». Таким образом, во Владимире просто вспомнили о забытом греками чуде и установили в честь него праздник. Существенна и прямо изложенная идейно-политическая задача нового праздника: «Яко же тамо [т. е. в Царьграде] сущая народы в церкви милостивно покры, тако и нас, грешных раб твоих покрый кровом крилу твоею, низлагающи советы же и думы помышляющих на нь злая, и спаси ны по милости сына твоего. . .» Эта молитвенная формула не только реально отражает напряженную борьбу Андрея с боярской знатью, с другими князьями, заключавшими союзы против «владимирского самовластца» и сопротивлявшимися его энергичной политике, но и уравнивает Русь и Византию, Владимир и Царьград, в равной мере находящиеся под патронатом богородицы. Мы уже встречались с данными, говорящими о близкой причастности князя Андрея к руководству церковно-литературной работой его сподвижников. Нет сомнения, что и здесь, в прорвавшихся личных заявлениях, мы слышим его голос, а может быть, можем признать его и автором краткого и властного «Проложного сказания».

Ту же задачу раскрытия смысла праздника Покрова и причин его установления решает и первое «Слово на Покров». Вопрос о его датировке спорен. Сергий, как мы упоминали, с некоторым колебанием отнес его к домонгольской поре. Е. С. Медведева очень убедительно оспорила эту дату, показав, что «Слово» в известном нам виде составлено не ранее XIV в.; центр тяжести здесь перемещен с политической идеи праздника в плоскость морально-этических задач Покровского культа; в отличие от лаконизма двух древнейших сочинений, «Слово» необычайно многоречиво и сложно, а его литературная ткань рыхла и вяла; очень подробно описано видение Андрея юродивого, что как бы предрешает появившееся в «Слове» Пахомия Серба произвольное утверждение об установлении праздника Покрова в Византии, а не на Руси [94].

Думаем, что оба автора правы в своих наблюдениях, но истина лежит посередине. «Слово» показывает, что составитель его поздней редакции использовал какой-то древний текст, аналогичный «Проложному сказанию», но не адекватный ему. Это было более пространное и торжественное сочинение, видимо, также «Слово», выполнявшее те же задачи, что и «Проложное сказание». Подробное описание видения Андрея юродивого подводило слушателя к выводу, что оно-то «настоящему празднику вина... таковому торжеству притча», т. е. повод к установлению праздника Покрова [95]. «Сего ради. . . днесь аз недостойный предначинаю торжество страшного сего чудесе» [96], т. е. чудо, не отмеченное в Византии специальным праздником, получает его только теперь, «днесь» на Руси: «торжествующе же сие, обновляем древле бывшее схождение богородица и чюдное видение тоя» [97]. В проскользнувшей в позднюю редакцию уничижительной ремарке «недостойного» учредителя «днесь» нового праздника нельзя не видеть снова руку самого князя Андрея. При составлении же «Слова» вновь в XIV в. едва ли в нем нашли бы место эти уместные и понятные только во Владимире XII в.

[94] Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 160—168.
[95] ВМЧ, стб. 11.
[96] Там же, стб. 7.
[97] Там же, стб. 11.

древние детали. В «Слове» с еще большей остротой сформулирована и политическая сущность праздника Покрова: богородица защищает своим покровом «от стрел, летящих во т ь м е р а з д е л е н и а н а ш е г о» от одного его [покрова] прикосновения «всяк соуз злых решится [рушится]» и низлагаются «советы помышляющих злая на души наши и телеса»[98]. Здесь в ярких образах раскрыто основное зло, в борьбу с которым вступал Андрей и его союзники-горожане, — это «тьма разделения нашего», рознь русских сил. Именно поэтому, разъясняет «Слово», и нужно празднование Покрова: «того нуждно нам есть, яко дыхание животу и страшное всем съпротивным имя ее [богородицы] призывати» [99]. Вся эта аргументация, существенная в пору установления праздника Покрова и необходимости пропаганды его смысла, едва ли была бы приведена, если бы «Слово» составлялось заново в XIV в. Его автор распространял и, вероятно, портил и искажал аналогичное сочинение XII в.

Владимирское происхождение и политический смысл праздника Покрова наиболее ярко раскрываются в «Службе на Покров».

Здесь живо встает образ стольного Владимира. Получается даже так, что это о нем уже говорил древнееврейский пророк Исайя как о «горе господней», увенчанной храмом. Теперь-де это пророчество сбылось: «горы бо и холми украсишася многоименитыми церквами твоих [богородицы] праздник» [100]. Действительно, все созданные Андреем храмы были посвящены, как говорилось, различным («многоименитым») праздникам богородицы. На краю Владимирской горы стоял величественный златоглавый Успенский собор, над главными Золотыми воротами столицы был храмик Положения риз богоматери, дворцовый собор Боголюбовского замка был посвящен Рождеству богородицы. В честь нового праздника Покрова владимирские зодчие создали у устья Нерли под княжеским замком великолепную церковь, окруженную стройной галереей и поднятую над равниной поймы на искусственном, облицованном белым камнем холме — в полном согласии с пророчеством Исайи и образным представлением о богородице как «усыренной», т. е. белой, как творог, «горе»[101].

Обилие владимирских богородичных храмов и преимущественное почитание богородицы во Владимирской земле и дают владимирцам первоочередное право на ее заступничество. Они требуют: «о нас молися, славящих верно твоего покрова праздник», «молися избавити град и люди, славящих тя верно» [102], «тебе едину ведуще, верою покланяющеся. . . молися за рабы своя на тя бо надеемся. . .» [103] Владимирцы претендуют даже на то, чтобы богородица перешла из Греции, где было видение Андрея, в новую владимирскую церковь: «Приди ныне въ славе въ свою си церковь, богородице [т. е. во владимирский Успенский собор], с соборы всех святых, с ними же тя тогда святый Андрей виде на воздусе светле за крестьяны молящюся. . .» [104]

Однако новый праздник Покрова лишен местной ограниченности — он мыслится как торжество всего христианского мира, и особенно всей Русской земли: богородица «в с е м у м и р у предивный покров», «придете в с и к о н ц и з е м л я честный покров божия матере

---

[98] ВМЧ, стб. 11, 13, 16.
[99] Там же, стб. 11.
[100] Служба, л. 126 об.
[101] Там же, л. 128. См. также Н. Н. В о р о н и н. Зодчество..., т. 1, стр. 262—301.
[102] Служба, л. 126 об.
[103] Там же, л. 129.
[104] Там же, л. 127 об.

ублажим», «тебе вся земля дары приносить яко царице божии мати», «за ны грешныя к богу помолися твоего покрова праздник в русстей земли прославльшим» [105]. В отличие от идей византийского культа богоматери с его исключительностью, утверждением вселенского господства, подавляющего другие народы, владимирский культ был более широк и гуманистичен [106].

Но наряду с этой объединяющей всю Русь и весь мир силой нового культа он все же обращен прежде всего к насущным нуждам владимирской жизни — это праздник владимирский по преимуществу. Владимирские нужды вполне реальны и конкретны, как вполне четко сформулирован и самый объект божественного покровительства. Вот наиболее выразительные тексты «Службы»: «молися избавити град и люди», «защити князя и люди от всякого зла», «за град и люди богородице, молися, твой славящих честный праздник», «господь спасаеть град и люди на тя надеющихся», «спаси град и люди умножи и дажь князю сдравие телеси, на поганыя победу» [107]. В этих обращениях с полной отчетливостью выступает триединая формула — «князь, город и люди», лежавшая в основе политической деятельности Андрея как внутри княжества, так и за его рубежами. Характерно моление об «умножении людей», т. е. городского населения, о чем особенно пеклись Юрий Долгорукий и Андрей. Столь же ясно изложены и основные нужды князя и людей. Это борьба с «погаными», — конечно, не с далекими половцами, а соседними болгарами и племенами Поволжья; это жажда мира, а если он нарушен — то победы над врагом. У богородицы просят «мира мирови, а князем державы и утверження», «молися победу подати князю на врагы да, яко мадиамы низложив, прославляется святый твой праздник», «укрепи, владычице, славящего тя князя на противныя врагы яко Давида на Гольяда», богородица молится «подати победу князю нашему и погубити на нас воюющих» [108]. Особенно выразительна восьмая песня канона: «Гордыню и шатания низложи и совет неправедных князь разори, зачиняющих рати погуби. . . и верному князю нашему рог [силу, крепость] възнеси» [109]. В приведенных строках молитв ясно звучит мысль о борьбе с феодальным хаосом, о жестоком сопротивлении, которое встречала тогда эта рано начатая борьба, вызывавшая гордыню, заговоры и шатания «неправедных князь», поднимавших усобицы. Этим силам и противостоял союз горожан и княжеской власти; усиление могущества последней передано здесь библейским оборотом «вознести рог».

Праздник Покрова был приурочен, по данным «Проложного сказания», к 1 октября, — видимо, по связи с празднованием памяти Андрея юродивого 2 октября [110].

Сопоставляя литературные памятники культа Покрова с предшествующим им «Сказанием о чудесах Владимирской иконы», нельзя не заметить их существенной разницы. «Сказание», утверждая культ Владимирской иконы, обращалось в первую очередь к народным массам, которые нужно было убедить в силе новой реликвии, конкретной вещи, иконы. Отсюда простота и непосредственность рассказов об ее «чудесах», утверждение ее «скорой помощи» рядовому человеку. «Служба на Покров» и «Слово» (в его начальном виде) направлены на пропаганду отвлечен-

---

[105] Служба, л. 126 об., 128, 128 об.
[106] Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 112 и 347.
[107] Служба, л. 126 об., 127 об., 128 об.
[108] Там же, л. 127—128.
[109] Там же, л. 128 об.
[110] ВМЧ, стб. 5.

ного чуда, «видения» и более широких задач культа: помощи богородицы князю и его союзникам-горожанам в их трудной политической борьбе за приоритет Владимирского княжения в Русской земле. Отсюда их более отвлеченная форма и торжественность, пространность и сложность литературной ткани «Слова».

«Служба на Покров» и «Слово» являются весьма своеобразными произведениями церковно-служебной литературы. По своей композиции и форме «Служба на Покров» следует приемам, установленным в византийской и киевской гимнографии. Но, в отличие от обычных сочинений этого рода, во владимирских литературных памятниках с откровенной обнаженностью выявлен политический смысл культа Покрова, его жизненная, практическая целеустремленность; сочинения владимирских церковников проникнуты горячим дыханием действительности и непосредственности. В этом отношении памятники Покровского культа сближаются со «Сказанием о чудесах Владимирской иконы». «Служба на Покров» представляет собой как бы цепь похвал божеству и его заклинаний с единой целью, с единым лейтмотивом.

«Служба на Покров» — очень цельное как по идейно-политическому замыслу, так и по своим художественным средствам поэтическое произведение, обнаруживающее незаурядный литературный талант автора. В «Службе», как в «Проложном сказании» и «Слове на Покров», мы встречаемся с вкравшейся в текст прямой авторской речью: «Многыми отягощихъся грехи и недоумею по достоянию написати твоего, богородице, покрова похвалы. . .» [111]. Автору явно непривычен литературный труд, он явно не духовное лицо. Уничижительное признание в своей греховности было характерно для Андрея, у которого демонстративное самоуничижение действительно было «паче гордости» [112]. Целостность политического замысла, пронизывающего «Службу», где на первом месте — нужды князя и моления за него, явно указывает и здесь, в составлении всех этих сочинений, на руководящую роль владимирского князя. Следует при этом подчеркнуть, что ни в «Сказании о чудесах», ни в памятниках Покровского культа нет и намека на причастность к этим литературным предприятиям помощника Андрея — епископа Федора, а он, конечно, играл в этом деле не последнюю роль. Видимо, неопределенность его положения не позволяла упоминать о нем.

Время сочинения рассмотренных памятников Покровского культа не вызывает сомнения: это то же начало 60-х годов, когда составлялся основной цикл рассказов «Сказания о чудесах Владимирской иконы». В 1165—1166 гг. уже была построена знаменитая церковь Покрова на Нерли.

3

По очень обоснованному предположению Е. С. Медведевой, культ Покрова был развитием ранее установившегося культа так называемой Боголюбской иконы [113]. Выше мы говорили о связанной с ней монастырской легенде, отраженной в XVIII в. в «Житии Андрея Боголюбского» и летописи Аристарха, о том, что якобы сама богородица явилась Андрею в его походном шатре на месте будущего княжеского замка и что это видение князь приказал изобразить в большой иконе, названной князем «Боголюбской».

Дошедшая до нас в крайне разрушенном виде Боголюбская икона была произведением тонкого художественного мастерства, видимо, не

[111] Служба, л. 128 об.

[112] См. названные выше наши статьи о владимирских литературных памятниках 60-х годов XII в.

[113] Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 47—55.

уступавшим Владимирской иконе. Высокая и стройная фигура богоматери занимает почти всю узкую плоскость иконной доски; в правой руке она держит свиток, левая поднята в молитвенном жесте к Спасу, изображенному в правом верхнем углу. Верхний край иконы занят Деисусом, якобы воспроизводящим иконы, которым молился Андрей в ночь перед видением. Возможно, что в правом нижнем углу иконы был изображен и сам Андрей, коленопреклоненный перед богоматерью, как это имеет место на иконах типа богоматери-заступницы [114].

Сергий заметил, что текст молитвы, помещенной на хартии, явно переиначенный позднейшими поновителями [115], сходен по смыслу с молитвой богородицы к Спасу, приведенной в «Проложном сказании»: «Царю небесный, приими всякого человека, славящего тя и призывающего имя твое на всяком месте, идеже бываеть память имени моего, святи место се и прослави прославляющего тя именем моим, приемля их всяку молитву и обет» [116]. Исходя из этого наблюдения, Е. С. Медведева высказала очень правдоподобную гипотезу, что первоначально на иконе и был помещен этот текст [117]. Он выражает в сущности ту же, что и в «Службе на Покров», идею о божественном патронате над тем местом, где чтят богоматерь, следовательно, — над Владимиром и Боголюбовом, и особенно над инициатором прославления здесь богородицы — самим Андреем. Сергий заметил, что цитированной молитвы «Проложного сказания» вообще нет в житии Андрея юродивого и что она сочинена русским автором, который вовсе *не связывал* молитву с влахернским чудом явления богородицы! [118] Сходство текста на хартии Боголюбской иконы и молитвы «Проложного сказания», а также постоянное упоминание в «Службе на Покров» о молении богородицы к Спасу позволяют предположить, что Боголюбская икона и была древнейшим изображением смысла нового праздника Покрова [119] как моления богородицы Спасу, как бы разновидностью Деисуса.

Таким образом, легенда о явлении богородицы князю Андрею как покровительницы его дел и его стольного Владимира как бы вытесняла и замещала видение Андрею юродивому в Царьграде, составляющее второстепенный сюжет в его «Житии». Как видим, князь Андрей в своем стремлении русифицировать культ Покрова шел на весьма смелые меры, пустив в обращение слух о явлении непосредственно ему самой богоматери и подкрепив эту легенду заказом специальной иконы. Этот акт еще выше поднимал авторитет «боголюбивого князя», «сподобившегося» такого же внимания богородицы, как и его древний святой тезка — Андрей юродивый. *От византийского зерна культа Покрова в сущности ничего не оставалось*; оно было лишь предлогом, оправдывающим установление русского праздника, пропагандировавшего не вселенский патронат богородицы, а ее особое покровительство Русской земле, и в первую очередь Владимир-

[114] В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. В кн.: «История русского искусства», т. 1. М., 1953, стр. 444—446.

[115] «Владыко многомилостиве, господи Иисусе Христе, сыне и боже мой! Молю тя, да пребудет божественная благодать на людех твоих и светозарный луч славы твоея да нисходит всегда на место мною избранное» (Сергий. Указ. соч., стр. 105).

[116] ВМЧ, стб. 4.

[117] Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 53—54.

[118] В старшем «Слове на Покров» эта молитва, более распространенная и подробная, связана с влахернским чудом; в редакции же «Слова» Пахомия Логофета молитва еще более изменена и в «Слове» введено утверждение, что праздник Покрова был установлен в Византии (Сергий. Указ. соч., стр. 85—86).

[119] На связь иконографии Покрова с Боголюбской иконой указывал еще В. Т. Георгиевский («Фрески Ферапонтова монастыря», стр. 103—104); Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 244—251, 259.

скому княжеству. Поэтому владимирские писатели глубоко переработали свои византийские источники в направлении русификации богородичного культа и приурочения праздника Покрова в особенности к условиям и нуждам Владимирской земли.

То же можно сказать и о стиле памятников Покровского культа.

Естественно, что составители «Службы на Покров» должны были прежде всего обратиться к таким образцам, как, например, византийские акафисты Иосифа Песнописца и Георгия [120]. Однако от них взята лишь общая форма и структура канона. Владимирские авторы избежали обилия цитат из Священного писания, сложных символических толкований, изобилия похвал, характерного особенно для акафиста Георгия. Есть некоторое сходство в образах и обращениях к богородице. Например: «сохрани, богородица, град твой от всякого вражеского пленения», «радуйся, всеблагословенная, покрове и державо, стено и утверждение поющим», «радуйся, покрове миру, ширший облака», «церкве непоколебимый столпе», «царствия нерушимая стено» [121]. Поскольку праздник Покрова был праздником похвалы богородицы, естественно, что в его памятниках мы найдем и сходные общие места с акафистом Фотия (обращение «радуйся», некоторые общие определения богородицы — «честный венче царям правоверным», «царствия неразоримая стена» и др.) [122]. Сходные с обращениями и оборотами «Службы на Покров» места мы найдем и в цитированном выше «Слове» Георгия по поводу нашествия русов на Царьград, где они имеют более общий характер [123], тогда как в «Службе» они более конкретны. По сравнению с византийскими сочинениями, особенно с многословным и витиеватым акафистом Фотия, «Служба» более компактна и выразительна [124].

К образам греческих сочинений присматривались во Владимире очень внимательно, а их символика привлекала интерес не только писателей, но и зодчих, созидавших богородичные храмы Владимира и Боголюбова. Так, видимо, в связи с этими произведениями стоит появление на фасадах Успенского собора рельефного изображения «Трех отроков в пещи огненной», сюжета, в котором видели «проображение» богородицы [125]. Может быть, многое в композиции Покрова на Нерли с ее пристанью, холмом и лестницами, стройностью и высотой храма было навеяно образами названных греческих канонов: «радуйся, яко п р и с т а н и щ е душам готовивши» (или «пристаните житейских плаваний»), «радуйся л е с т в и ц е небесная, ею же сниде бог» (или «лествица, благодатию возвысившая всех от земли»), «г о р а нерассекаемая», «высото неудобово-сходимая человеческими помыслы» [126]. Однако как владимирское зод-

[120] Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках, изданные Е. Ловягиным. СПб., 1861.

[121] Там же, стр. 198—199 (канон Иосифа); стр. 206, 212 (акафист Георгия).

[122] Е. С. М е д в е д е в а. Указ. соч., стр. 106—116.

[123] «Сохрани граду твоему неотъемлемую милость, и да не увидит, таким образом, человеческое око осквернения божественной церкви или запустения сего твоего рабского града; отжени от него всякого врага, из какого бы то он был народа, замышляющего что-либо воинственное на него; ясно покажи, что град укрепляется твоею силою:. . . даруй же и мир крепкий жителям града твоего, отогоняя из него всякий племенной мятеж; избави его, госпоже, от глада и язвы, огня и труса и всякой другой вещи, могущей вредить, даруя ему собою беспрестанно богатую помощь; даруй верным царям нашим мирное и многолетнее царство; сохрани на долготу жизни блаженного иерарха, просвещающего народ; всем же нам вообще просящим и о них особенно молящимся. . . даруй твои благодеяния живым и умирающим. . .»(Хр. Л о п а р е в. Старое свидетельство. . ., стр. 610—612).

[124] Объем акафиста Фотия составляет около 10500 печатных знаков, объем «Службы на Покров» — около 8000.

[125] Богослужебные каноны. . ., стр. 105, 115, 198, 199.

[126] Богослужебные каноны. . ., стр. 195, 196, 201, 202, 203, 209 и др.

чество, так и владимирская литература, используя зарубежный опыт, оставались идейно и художественно самобытными.

Культ Владимирской иконы и культ Покрова с его Боголюбской иконой, при общности своих задач, имели различную направленность. Если Владимирская икона была городским палладиумом, то праздник Покрова был культом главным образом княжеским, а Боголюбская икона — княжеской реликвией. Вспомним, что очень вероятно изображение на ней самого князя Андрея, коленопреклоненного перед своей патронессой [127]. И в «Службе на Покров» также на первом месте «князь наш», о помощи которому прежде всего и говорится; он глава союза «князь, город и люди»; его власть представляет начало порядка в феодальном хаосе и средство сплочения нации. В одном обращении «Службы» — «радуйся, покрове святый и заступнице р о д у н а ш е м у» — можно видеть указание не на «род людской», а на «род княжеский» — владимирскую династию Мономаха, который постройкой Суздальского собора положил начало пропаганде культа богородицы на Северо-Востоке. На преимущественно княжеский характер культа Покрова указывает и помещение на южном фасаде галереи Покрова на Нерли княжеских воинских эмблем — поднявшихся в прыжке барсов [128].

Хотя культ Покрова был по преимуществу княжеским, он, как мы видели, не терял своего широкого народного диапазона. Как в «Сказании о чудесах», так и в произведениях, связанных с культом Покрова, особенно в «Службе», авторы стремятся снизить отвлеченность церковно-служебного текста, сделать его простым для понимания, доходчивым, эмоционально заразительным, привлекательно-сказочным. Они стремятся поднять мажорный, жизнеутверждающий тон своих сочинений, насыщают их выпуклыми образами и красочными эпитетами. Богородица здесь не неприступная «царица небесная», но близкое к земным горестям и отзывчивое на людские мольбы божество. Само отвлеченное понятие «покрова», «защиты», материализуется в виде «плата» (платка, покрывала), он «светел» и сияет «паче солнечных луч», простертый над людьми в руках богоматери, освещая «церковь и люди». Сама богородица представляется стоящей «на воздусе светле» или «на легце облаце славы», одаряя молящихся ей «светлыми победами». Праздник отмечают «радующеся светло», «веселящеся воспевают» хвалебные песнопения, «усты приносящи ти пение. . . ибо внутрь сердца наши горять». Но как и в жизни, так и здесь звенящая радость соседствует и сплетается с нотой элегической грусти и тревоги. Со светом контрастирует «тьма грехов наших», «беды и скорби», «печали и напасти», обуревающие простых людей «крестиан», «в беде сущих, не имущих помощи», надеющихся, что богородица осенит их «кровом крилу своею от всех бед», так как она может «всех крестьян недуги исцелити и от бед избавляти, и грехы отпущати, и от плена спасати и всякоа напасти».

Более того, исследование Е. С. Медведевой привело ее к заключению, что в самом замысле праздника Покрова прослеживаются черты его связи с фольклором и народными языческими представлениями о благодетельном женском божестве и его чудесном покрове — плате. В этом смысле интересно выражение «кров крилу», т. е. крылатый покров, связанный с космическим комплексом «покров — облако — птица». Покров — время свадеб; покрывало-фата русского свадебного обряда сим-

---

[127] Специально княжеское патрональное назначение Боголюбской иконы помнили и позднее, когда в XV—XVI вв. она была символом покровительства московскому великокняжескому семейству (см. М. В. Щ е п к и н а. Изображения русских исторических лиц в шитье XV в. М., 1954 , стр. 10).

[128] Н. Н. В о р о н и н. Зодчество. . ., т. 1, стр. 294.

волизировало чудодейственную силу «Матери-Покрова» («Мать-Покров! Покрой землю снежком, меня молоду платком», «Покров-богородица! Покрой меня, девушку, пеленой своей нетленной — идти на чужую сторону»). В славянском языческом ритуале, в почитании Матери—сырой земли, плат (или полотенце) имел большое значение. Чудесный плат в русских народных сказках спасает в трудную минуту своего владельца. Е. С. Медведева, вслед за А. Афанасьевым, видела зависимость оформления Покровского культа от образов сказочно-заклинательного фольклора о Заре-зарянице, деве Заре с ее чудесной фатой-зарей, защищающей от болезней, от смерти на войне и т. п. Само приурочение праздника Покрова к 1 октября, когда земледелец собрал плоды своих трудов, когда его жизнь озарялась коротким изобилием, также говорит о приноровлении нового культа к сельскохозяйственному календарю, а может быть, и к времени традиционных языческих праздников [129].

Однако едва ли правильно на основании этих наблюдений заключать о «народности» праздника Покрова, как это делает Е. С. Медведева.

Как в «Сказании о чудесах Владимирской иконы», так и здесь мы имеем дело с сознательным литературным приемом владимирских витий, стремившихся достичь наибольшей действенности своих сочинений, нарочито «демократизировавших» отвлеченные идеи. Той же цели служит и подчеркнуто жизнерадостный, оптимистический стиль «Службы», который обволакивал сияющим ореолом идею «равенства» князя и его подданных-«крестиан» перед лицом божества, усиливал действенность пропаганды гражданского мира, единства интересов господ и подданных, способствовал созданию картины их патриархального единодушия, действовал в том же направлении, что и «Сказание о чудесах Владимирской иконы». Рост феодального гнета, насилия и произвол местной княжеской администрации и алчных мелких землевладельцев делали жизнь народных масс все более тяжкой. Церковники «из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом» [130]. Низы города и деревни, бессильные перед растущим социальным гнетом, искали утешения в религии — в том, что, беззащитные на земле, они имеют могущественную заступницу на небе. Владимирские писатели всеми силами своего таланта упрочивали эту веру и, нужно признать, достигли своей цели: культ богоматери послужил сплочению народных сил в борьбе за приоритет Владимирской земли в XII в., а культ Покрова стал одним из наиболее популярных народных верований.

Другой — и не менее важной — своей стороной создание культа Владимирской иконы и «самочинное» установление нового праздника Покрова было обращено против византийской «игемонии». Оно резко нарушало церковную субординацию: престиж греческого ставленника — киевского митрополита — и самого византийского патриарха был дерзко подорван. Вспомним, что послание патриарха Луки Хризоверга князю Андрею по делу церковной самостоятельности Владимирской земли кипело плохо скрытой яростью и угрозой. Их причиной был не только вопрос об автокефалии, но и смелые шаги владимирских владык князя Андрея и «ложного епископа» Федора в создании местного «национального» культа богоматери. Он повышал авторитет Владимирского княжества и владимирской династии на Руси. Русский владимирский культ богоматери противостоял греческому константинопольскому. «Земная» политическая борьба втягивала в свой бурный поток и «небожителей».

[129] Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 60—74; А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, стр. 85—86, 114—121, 221—239, 273—274, 287, 363, 491, 540, 552, 649.

[130] В. И. Ленин. К деревенской бедноте. Полное собр. соч., т. 7, стр. 194.

Н. К. ГОЛЕЙЗОВСКИЙ

„ПОСЛАНИЕ ИКОНОПИСЦУ" И ОТГОЛОСКИ ИСИХАЗМА В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ НА РУБЕЖЕ XV—XVI ВВ.

«Послание иконописцу» и следующие за ним три «слова» о почитании икон впервые были изданы Я. С. Лурье полностью как отдельный памятник по древнейшему из дошедших до нас списку начала XVI в. Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), Софийское собр., № 1474, с исправлениями по списку первой половины XVII в. (ГПБ, О. 1. 65) и параллельными чтениями по древнейшему списку «Просветителя» Иосифа Волоцкого (ГПБ, Соловецкое собр., № 346/326) в приложении (№ 17) к книге Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века» (М.—Л., 1955, стр. 320—373). До этого публиковалось лишь вступительное послание (без последующих трех «слов») с предисловием П. К. под заголовком «Послание преподобного Иосифа Волоколамского к иноку иконописцу» (Чтения ОИДР. М., 1847, № 1, отд. IV).

Со времени последней публикации «Послание иконописцу» неоднократно упоминалось в работах советских историков как памятник противоереретической полемики конца XV в.[1] Однако никто из исследователей не заинтересовался «Посланием» как важным источником для изучения взглядов на искусство, бытовавших в древней Руси в эпоху Рублева — Дионисия [2].

Временем возникновения «Послания иконописцу» [3] Я. С. Лурье считает 80 — 90-е годы XV в.[4] Датировка этого памятника осложнена тем обстоятельством, что входящие в его состав четыре сочинения довольно резко различаются друг от друга по жанру и стилю. Возможно, что первоначально они представляли собой самостоятельные произведе-

---

[1] См., например, Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 121 и сл.; ; А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 231 и др.; Я. С. Лурье. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель. В кн.: «Послания Иосифа Волоцкого». М.—Л., 1959, стр. 70 и сл.; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 112 и сл. и др.

[2] В статье Ю. Н. Дмитриева «О творчестве древнерусского художника» (ТОДРЛ, т. XIV., 1958, стр. 551) приведена короткая цитата из второго «слова» «Послания иконописцу». К сожалению, автор истолковал эту цитату без учета остального содержания «слова». «Послание» упомянуто также в статье И. Е. Даниловой «Иконографический состав фресок Рождественской церкви Ферапонтова монастыря» (сб. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 128).

[3] Здесь и далее под этим названием я объединяю вступительное послание и следующие за ним три «слова».

[4] Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике . . ., стр. 113—114.

ния, известные задолго до их объединения [5]. Для нас важен факт объединения этих четырех произведений с целью пропаганды против еретиков и за усиление идейности искусства.

Советские исследователи убедительно доказали наличие разнообразных и противоречивых течений внутри ереси [6]. По свидетельству Соборного приговора 1490 г., многие еретики «ругалися образу Христову и Пречистые образу, написаным на иконах, а инии. . . на многиа святыя иконы хулные речи глаголали, а инии. . . святыя иконы щепляли и огнем сжигали. . . а инии. . . святыми иконами и кресты о землю били и грязь на них метали, а инии. . . святыя иконы в лоханю метали, да иного поруганиа есте много чинили над святыми образы написанных на иконах» [7].

Колоритные факты сообщал архиепископ Новгородский Геннадий в Послании собору епископов (октябрь 1490 г.): «Да здесь Алексейко подьячей на поместие живет да напився пиян, влез в чясовну, да сняв с лавици икону — Успение Пречистые, да на нее скверную воду спускал, а иные иконы вверх ногами переворочал. А что пакы безъименных, ино и числа нет, кое иконы резаны, а не весть» [8].

Но особую важность представляет сообщение Геннадия в Послании епископу Суздальскому Нифонту (январь 1488 г.), свидетельствующее о распространении ереси в среде художников-иконописцев и резчиков по дереву: «А зде се обретох икону у Спаса на Ильине улици — преображение з деянием, ино в празницех обрезание написано — стоит Василией Кисарийский, да у спаса руку да ногу отрезал, а на подписи написано: обрезание господа нашего Иисуса Христа. Да с Ояти привели ко мне попа да диака, и они крестиянину дали телник древо плакун, да на кресте том вырезан сором женской да и мужской, а христианин де и с тех мест сохнути, да немного болел да умерл» [9]. Очевидно, не все еретики отвергали иконы. Известно, например, что «неции от еретик» обосновывали свою аргументацию ссылками на иконные изображения [10].

С другой стороны, во второй половине XV в. среди художников, не имевших, вероятно, никакого отношения к ереси, появилась тенденция к созданию новых иконографических образцов, вульгаризировавших религиозные догматы. По сведениям, сообщаемым бывшим сподвижником Геннадия «толмачем» Дмитрием Герасимовым в письме дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину во Псков, вульгаризация эта выражалась главным образом в изображении на иконах «бесплотных» сил, в произвольном толковании «писания». «А кто-де и захочет, емлючи строки от писанья, да писати образы, и он бесчисленныа образы может составити, — писал Герасимов. — А бывала, господине, о том образе речь великая и при Геннадии архиепископе; и посадники возложиша на иконников, и став иконник большой Переплав, с прочими иконники, и рек: мы, господине, те образы пишем *с мастерских образцов старых, у коих есмя училися, а сниманы с греческих*. А писанья, господине, о том не пред-

[5] Ср. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 122; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике . . ., стр. 114.

[6] См., например, Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 147 и сл.; А. И. Клибанов. Реформационные движения в России . . ., стр. 205; и др.

[7] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 383.

[8] Там же, стр. 380.

[9] Там же, стр. 312—313.

[10] Ср. Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике. . ., стр. 171. Московский еретик Иван Черный счел возможным поместить в начале переписанной им книги миниатюру, изображающую святого — Иоанна Лествичника (Гос. исторический музей, отд. рук., собр. Уварова, № 447).

ложили никотораго. И Псковичи тогды паче послушали иконников, а не архиепископа. . .» (здесь и далее курсив мой. — *Н. Г.*) [11].

Широкое распространение мистико-дидактических изображений в XVI в. привело к известному протесту дьяка Ивана Висковатого. По-видимому, распространению подобных икон способствовало существование давней традиции. В этой связи представляет интерес замечание в «Жалобнице» благовещенского попа Сильвестра, относящееся к делу Висковатого: «писали иконники все *со старых образцов своих*» [12].

Характеризуя «Послание иконописцу», Я. С. Лурье отмечал, что разбиравшиеся в нем неприемлемые для автора этого памятника взгляды нельзя относить только к одной еретической группе. «Трудно сказать, что здесь перед нами — все теоретически возможные догматические отступления, от которых хочет отгородиться автор, или реальные ереси», — писал Я. С. Лурье [13]. На наш взгляд, «Послание иконописцу», далеко не отличающееся полнотой в перечислении «всех возможных догматических отступлений», имело сугубо практическую цель: осветить наиболее существенные вопросы, возникающие в ходе антиеретической полемики, и одновременно пресечь попытки создания новых композиций, не соответствовавших содержанию христианских религиозно-философских догм. Об этом свидетельствуют полемический характер памятника, время его появления, совпадающее с периодом наивысшего подъема еретического движения, и специфический подбор цитат из Библии и святоотеческих писаний.

В задачу настоящей работы не входит выявление первоисточников, которыми мог пользоваться составитель «Послания иконописцу». Это с достаточной полнотой проделано в неизданном исследовании Б. Васильева «„Просветитель“ Иосифа Волоцкого» (Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки УССР, № 2181) и в книге об Иосифе Волоцком современного буржуазного исследователя Т. Шпидлика [14]. Думается, однако, что вопрос о «заимствованиях» должен ставиться несколько иначе. При рассмотрении его наибольший интерес представляют, на наш взгляд, не сами заимствования, а живая связь между ними и вызвавшей их конкретной исторической обстановкой. Большое значение для дальнейших исследований будет иметь также выявление собственных мыслей составителя и степени оригинальности логического построения «Послания иконописцу». Отсюда проистекает важность определения автора и адресата этого памятника.

Наиболее вероятным автором «Послания» считали Иосифа Волоцкого [15]. Поводом к этому мнению послужило главным образом то, что «слова» об иконах были впоследствии включены Иосифом в «Просветитель», а также стиль и тематика «слов», позволяющие предполагать авторство Иосифа Волоцкого [16].

---

[11] Горский. Максим Грек, святогорец. Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе, ч. 18. М., 1859, стр. 191—192. Ср. В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 550; Н. Е. Андреев. Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании. «Seminarium Kondakovianum», VIII, 1936, стр. 292.

[12] Чтения ОИДР. М., 1847, № 3, отд. II, стр. 21.

[13] Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике . . ., стр. 159.

[14] T. Spidlik. S. J. Joseph de Volocolamsk. Une chapitre de la spiritualité russe. «Orientalia Christiana Analecta». Roma, 1956.

[15] См., например, П. К. Предисловие к Посланию преп. Иосифа Волоколамского к иноку иконописцу. Чтения ОИДР. М., 1847, № 1, отд. IV; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 321 и др.

[16] См. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 321—322; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике . . ., стр. 216.

Известно, что Иосиф Волоцкий с интересом относился к творчеству великих иконописцев [17], высоко ценил их произведения [18]. Жития Иосифа, составленные епископом Крутицким Саввой и Львом-Аникитой Филологом, содержат указание, что «и руку художници к нему в мнишеская облещися прихождааху» [19].

Правда, предположение об Иосифе Волоцком как авторе «Послания иконописцу» оспаривалось тем, что вступительная его часть почти полностью совпадала с «Посланием старца духовна некоему брату» Нила Сорского, причем стилистические приемы обоих посланий, стройность и логичность их композиционного построения были характерны и для других трудов Нила [20]. Исходя из этого, Я. С. Лурье сделал предположение, что Нил Сорский мог являться «автором всего сочинения в целом» [21]. То, что «Послание» было включено Иосифом Волоцким в «Просветитель», не препятствовало такому предположению. Подобные «заимствования» были обычным явлением в русской литературе XV в.

Некоторые исследователи, ссылаясь на высказывания Нила о церковном украшении, отводили ему и его сторонникам самую скромную роль в развитии русского искусства [22]. Попробуем разобраться в их аргументации.

Нил Сорский довольно категорически высказывался против «вещелюбиа», требовал, чтобы у иноков все было «немногоценна и неукрашенна» [23]. Ссылаясь на Иоанна Златоуста, он утверждал, что «съсуди злати и сребрени и самыа священныя не подобает имети, тако же и прочая украшениа излишня» [24], а далее как будто вообще восставал против красоты: «Великии же Пахомие и самое здание церковное украшенно быти не хотяше, създа бо церков в обители, иже в Мохосе, и сътвори в неи столп от плинф лепотне, таже помысли, яко *не лепо чюдитися делом человеческых рук и о красоте здании своих величатися*, взем юже, обяза столпы и повеле братии влещи всею крепостию, дондеже преклонишася и быша нелепи. . . И аще сыи великыи и святыи тако глагола и сътвори, *колми нам подобает от таковых вещеи съхранятися*. . .» [25].

Его аскетическое отрицание «гладких женовидных лиць» [26], столь часто фигурировавших в иконописи, порой содержит даже косвенный

---

[17] См. Предподобного Иосифа Волоколамского Отвещание Любозазорным и сказание вкратце о святых отцех, бывших в монастырех, иже в Рустей земли сущих. Чтения ОИДР. М., 1847, № 7, стр. 12.

[18] См. Послания Иосифа Волоцкого, стр. 212; Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1865, стр. 40; В. И. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, Приложения, стр. 57.

[19] Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. М., 1903, стр. 24. Принадлежность этого жития Льву Филологу доказана С. Ивановым в статье «Кто был автором анонимного жития пр. Иосифа Волоцкого?» («Богословский вестник», 1915, т. III, сентябрь, стр. 173—190); Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою. . ., стр. 27; в этом житии (стр. 23) указано, что в числе помощников Дионисия по росписи Успенской церкви Волоколамского монастыря были и «два «братанича» (племянника) Иосифа — Досифей и Вассиан.

[20] См. М. Боровкова-Майкова. К литературной деятельности Нила Сорского. СПб., 1911, стр. 4—12.

[21] Я. С. Лурье. К вопросу об идеологии Нила Сорского. ТОДРЛ, т. XIII, 1957, стр. 193.

[22] См., например, Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике. . ., стр. 336. М. В. Алпатов. Памятник древнерусской живописи конца XV века. М., 1964, стр. 20.

[23] Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912, стр. 47; ср. стр. 9.

[24] Там же, стр. 8.

[25] Там же, стр. 8—9.

[26] Там же, стр. 9, 46 и др.

намек на образы святых «. . .*аще и благочестивых кыих*, аще и не страстне мнится, въскоре отсецати сиа» [27].

Не следует, однако, забывать, что Нил Сорский был последователем исихастского «умного делания», духовного созерцания (πνευματικὴ θεωρία), доступного лишь многоопытным подвижникам. «. . .Ты же сердцю внемли *мечтании же зрака и образа видении не приемли никоегоже*» [28], писал он об «умной молитве», но почти тут же делал оговорку: «Всяка. . . мера изящна по премудрых» [29]. Нил прекрасно сознавал, что для «новоначалных» переход к метафизическому «умному деланию» требует промежуточных ступеней. «. . .Немощно не учився грамоте по книгам глаголати. . . немощнейше же, иже перваа нестяжавшему, сиречь *без попечениа благословных и безсловесных вещеи*, еже есть умртвиа от всего, творити пениа в разуме без лености и молитвы с вниманием, сиирече делания сердечнаго» [30], — отмечал он. Если трудно преодолеть «помыслы» и добиться полного отрешения от земного, Нил прямо советовал: «преложи помыслы *на иную некую вещь божественую или человеческу*» [31].

Более того, в списках XVII—XVIII вв., содержащих опубликованные М. С. Боровковой-Майковой сочинения Нила, встречаются указания, что молиться надо с «ниским поклонением божественной иконе» [32], «целовав честныя образы святых» [33].

Таким образом, нет никаких оснований выставлять Нила противником искусства, «иконоборцем» [34]. Конечно, вопросы, связанные с «внешним деланием», не могли интересовать его в той мере, в какой интересовали они Иосифа Волоцкого и его последователей. Но и Иосиф, уделявший исключительное внимание идейно-смысловой и дидактической функции искусства, не мог обойти стороной проблемы, затронутые в произведениях Нила [35], а возможно, и других «заволжских старцев», о деятельности которых известно пока слишком мало.

Кто же был автором, вернее — составителем компиляции «Послание иконописцу»? Большинство аргументов — в пользу Иосифа Волоцкого.

Важным вопросом является выяснение адресата «Послания». Таковым обычно считали Феодосия — иконника, сына Дионисия [36], который в житии Иосифа Волоцкого охарактеризован как беспощадный обличитель еретиков [37]. Однако других доказательств того, что «Послание» было составлено для Феодосия, исследователи не приводили. П. К., автор предисловия к публиковавшейся им вступительной части «Послания иконописцу», подчеркивал, что «из содержания самого послания открывается, что оно писано к иноку» [38]. Между тем, по справедливому

---

[27] Там же, стр. 46.
[28] Там же, стр. 25.
[29] Там же, стр. 26.
[30] Там же, стр. 82.
[31] Там же, стр. 54.
[32] Там же, Приложения, стр. IX.
[33] Там же, стр. XIII.
[34] Здесь можно вспомнить, что умозрительный характер философии исихастов, отрешение от всего «внешнего», материального послужили в свое время византийским противникам паламитов поводом для обвинения их в иконоборчестве. В одном из посланий митрополита Сиды Кирилла учение Паламы было охарактеризовано как μανιχάιον καὶ μασσαλιανῶν ἐστι καὶ εἰκονομάχον (см. Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, стр. 369).
[35] О повышенном интересе иосифлян к трудам Нила Сорского см., например, Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике. . ., стр. 312—313.
[36] См. П. К. Указ. соч., стр. 1; И. П. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина СПб., 1868, стр. 156.
[37] См. Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное Саввою. . ., стр. 37—38.
[38] П. К. Указ. соч., стр. 1.

замечанию Я. С. Лурье, «нигде в „Послании" (вопреки заголовку, данному издателями) не сказано, что адресат — инок» [39]. К этому можно добавить, что ни в одном из дошедших до нас источников (в том числе и в упоминаемом П. К. «Послании Третьякову») Феодосий не именуется иноком.

Автор «Послания» называет своего адресата «възлюбленный и духовный мой брате», признается, что тот давно желает «от мене худаго слышати слово» [40]. «Сего ради забых свою худость и неразумие, поминая твою веру и усрьдие и еже о блазем тъщание, и повеленаа тобою съверших. Дрьзнух написати и послати твоему боголюбию, твоего чаяния недостойно» [41], — говорит он далее, не скрывая глубочайшего уважения к своему адресату. Иосиф Волоцкий или Нил Сорский, бывшие тогда в преклонном возрасте, могли обращаться так к своему ровеснику, но не к молодому человеку, которому, вероятно, не было тогда и 30 лет.

В этой связи интересно отметить следующие факты. Во-первых, упоминания о Феодосии в сочинениях Иосифа Волоцкого [42] относятся лишь к 1510—1511 гг.[43] Во-вторых, летописцы, рассказывая под 1481—1482 гг. о росписи Дионисием и его товарищами Успенского собора в московском Кремле, не упоминают имен сыновей художника. Вероятно, по неопытности и молодости лет они не принимали участия в этой ответственной работе. В-третьих, Феодосий был моложе своего брата Владимира, как о том свидетельствует порядок перечисления художников в доше ших до нас записях о росписи церкви Успения Богородицы в Иосифо-Волоколамском монастыре, исполненной после 1486 г.[44] В-четвертых, Феодосий был самым молодым среди составителей Четвероевангелия 1507 г., где имя его поставлено в послесловии последним [45].

Мог ли адресатом «Послания» быть Феодосий, талантливый, но, как свидетельствуют перечисленные факты, молодой и, вероятно, тогда еще мало известный иконописец, которому лишь в 1508 г. поручили самостоятельную работу в Благовещенском соборе московского Кремля? Между тем, «Послание» адресовано «*началохудожнику* сущу божественых и честных икон живописанию» [46], т. е. главному, первому художнику, «начальнику» иконописцев. Поэтому правильнее предположить, что «Послание», независимо от того, кем оно было составлено, адресовалось Дионисию, известнейшему мастеру, искусство которого высоко ценилось современниками. Вероятнее всего, включенные в «Послание» «слова» о почитании икон были собраны воедино Иосифом Волоцким по просьбе Дионисия в назидание его ученикам, а также всем русским иконописцам.

---

[39] Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике. . ., стр. 216, прим. 45; ср. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения, стр. 322.

[40] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 323.

[41] Там же.

[42] Послания Иосифа Волоцкого, стр. 187, 207, 212.

[43] Послания И. И. Третьякову и Б. В. Кутузову, где упоминается Феодосий, датируются 1510—1511 гг. Ср. Послания Иосифа Волоцкого, стр. 268 и 276.

[44] А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. «Исторический архив», т. V. М., 1950, стр. 15—16; Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное Саввою..., стр. 23. Церковь Успения была «съвершена» в 1484—1486 гг.; роспись ее могла производиться не раньше, чем через год после окончания строительства.

[45] Заставки и миниатюры Четвероевангелия 1507 года. СПб., 1880—1881, табл. 26.

[46] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 323. Ср. греч. πρωτομαιστόρ — старший, главный мастер (термин встречается у хрониста XII в. Михаила Глики. См. В. Н. Лазарев. Живопись XI—XII веков в Македонии. Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. Beograd, 1963, t. I, p. 112).

* * *

«Послание иконописцу» включает четыре памятника:

1. Собственно «Послание», служащее как бы введением к следующим за ним сочинениям.

2. «Слово на новоявльшююся ересь новогородских еретиков, глаголющих, яко не подобаеть кланятися иже от рук человечьскых сътвореным вещем».

3. «Сказание» «како и которыа ради вины подобаеть христианом покланятися и почитати божестъвеныа иконы. . .».

4. «Слово на ересь новоградских еретиков, глаголющих, яко не подобает писати на иконахь святую и единосущную троицю. . .».

Первое «слово» адресовано против «еретичествующих», «иже безумне и неистове немало божественую и апостольскую церковь смутиша, и многа вносяща жидовскаа учениа» [47]. Источники по новгородско-московской ереси буквально пестрят указаниями на «жидовство», «жидовское десятословие», на стремление еретиков «обрезатися в жидовскую веру», на почитание ими субботы, отрицание икон как «идолов» и т. п. Отмечая «иудействующий» характер ереси, составитель «Послания» имел в виду в первую очередь пристрастие еретиков к библейским текстам, которые они использовали для обоснования иконоборчества. В Ветхом завете имелся целый ряд указаний, запрещавших всяческие изображения. Особенно ясно это было высказано именно в «Десятословии» Моисея [48].

Еретики, выступая против иконопочитания, пользовались этими указаниями, о чем говорят, в частности, пермские глоссы — пометки еретика Ивана Черного на полях сборника библейских книг XV в. Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (собр. Ундольского, № 1) [49].

Подтасовывая противоречивые и неясные места Библии, автор «слова» остроумно парировал каждое положение еретиков, подтверждая иногда свои высказывания ссылками на Новый завет. В каждом отдельном случае он делал логическое заключение, вывод из своего экскурса.

«Не сътвориши всякого подобиа, и не поклонишися, ниже послужиши им», — приводит автор цитату из Библии и поясняет ее: «сиречь кроме достойного. Аще ли достойное сътвориши подобие в честь и славу божию, не съгрешил еси» [50]. Отсюда можно сделать вывод, подтверждающийся дальнейшим текстом «Послания иконописцу»: сотворивший «недостойное» подобие — согрешит, и, следовательно, плохие иконы не могут считаться святыми. Это напоминает позднейшее положение Стоглава о живописцах: «проклят творяй дело божие с небрежением» [51]. Конечно, под «небрежением» большинство понимало только отход от иконографического канона. В Стоглаве, составленном всего лишь спустя полвека, безусловно, были использованы отдельные положения «Послания иконописцу». Но в нем уже не видно отношения к труду живописца как к «умному деланию», которое было характерно для «Послания». Задача иконописца, по Стоглаву, сводилась к простому копированию:

---

[47] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 325.

[48] См. Исход, гл. 20; Второзаконие, гл. 5.

[49] Ср. А. И. Клибанов. Реформационные движения в России . . ., стр. 237. Как было указано выше, Иван Черный, по-видимому, не отрицал иконописных изображений. Пометки могли быть сделаны для прений с новгородскими еретиками, которые посещали собрания москвичей (см., например, Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 380—381).

[50] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 325.

[51] Стоглав. СПб., 1863, стр. 152.

«с превеликим тщанием писати и воображати. . . смотря на образ древних живописцев, и знаменити с добрых образцов. . .» [52].

Творческий подход к созданию произведений иконописного искусства уже в середине XVI в. сменился педантичным трудом повествователя. В противоположность Стоглаву, «Послание иконописцу», давая свод идеологических установок, выкристаллизовавшихся за время развития иконописания до конца XV в., предоставляло художнику возможность творить, повинуясь собственному вдохновению. Уже в первом «слове» «Послания» утверждалось, что иконописец должен «. . .творить образы и подобиа. . . и того ради *умом възводитися к богу*» [53]. По мнению составителя «Послания иконописцу», без такого исихастского «умного делания» желаемая цель не могла быть достигнута.

Подобный взгляд на свободу творчества был характерен и для более раннего периода. Здесь уместно вспомнить известные слова Епифания Премудрого о Феофане Греке: «егда назнаменующу ему или пишущу, никогда ж нигдеж на образцы видяще его когда взирающа, якоже нецыи наши творят иконописцы» [54]. В этих словах Епифаний выступал противником бездумной работы копировальщиков, противопоставлял ей вдохновенное творчество Феофана Грека, требовал от художников, чтобы каждый из них творил, подобно Феофану, который «умом дальная и разумная обгадываше; чювственныма бо очима разумныма разумную видяше доброту си» (обдумывал отвлеченное и духовное; ибо чувственными очами ума видел духовную красоту) [55].

Первое «слово», как явствует из его заглавия, целиком посвящено вопросу, почему «подобаеть покланятися» иконам. Приводя ряд ветхозаветных примеров, автор «слова» подчеркивал, что поклонение есть в конечном итоге то же, что и молитва, поскольку они неразрывно связаны: «Аще убо от земнаго царя что просим, то прежде покланяемся, потом же просим», — и от земного примера переходил к небесному: «Яко же бо покланяемся богови, тако и молитву въсылаем богови. Аще бо едино есть, и еже покланятися богови и еже молитву въсылати ему. . .» [56].

По мнению составителя «Послания», поклонение иконам не есть что-то необычное. Оно подразумевается само собой, «обычна есть вещ и всемь человеком ведома» [57]. «Покланяем бо ся и царем и князем, богы же сих не нарицаем»,—пояснял автор «слова», «покланяем же ся и друг другу, но богы тех не нарицаемь» [58]. Так же следовало почитать «Иисуса Христа образ и прочая божественыя и освященныя вещи», тем более что сам Христос повелел их «в славу свою творити» [59]. Покланяясь иконам, «богы тех не нарицаем, но в честь и славу божию и святых его» [60].

Специфической особенностью икон являлся их «божественный» смысл, долженствовавший подчинить себе все внешнее в иконе и читаться сразу. Именно в идее, которую выражало произведение (а не в золоте, красках, дереве и т. п.)[61], видели коренное отличие икон: «их же мы христиане по-

---

[52] Стоглав, стр. 151.

[53] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 326.

[54] В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 113.

[55] Там же (перевод мой).

[56] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 331.

[57] Там же, стр. 332.

[58] Там же.

[59] Там же.

[60] Там же.

[61] Там же. Ср. стр. 338: «. . . яко же икону почитаю, не дъску почитаю, ниже мшел шаровный, но въображение тела господня. . .».

читаем, от скверных идол, их же еллини почитаху: божественых бо икон и пръвообразное свято есть и честно, идольскае же пръвообразное скверней-ша суть и нечиста и бесовскаа изъбретениа» [62]. Следовательно, различие между «еллинскими идолами» и иконами предполагалось не внешнее; оно заключалось не в отличии манер художников языческих и христианских, а в коренной противоположности смысловых основ их произведений [63].

Второе «слово» (правильнее — «сказание»), содержавшее разбор специфики икон и восприятия их, являлось своеобразной инструкцией, «како и которыа ради вины подобаеть христианом покланятися и почитати божестъвеныа иконы» [64].

Краткий ответ на этот вопрос давался в начале «сказания»: поклоняться иконам нужно «того ради, яже бо невъзможна есть нам зрети телесныма очима, сих съзерцаем духовне ради иконнаго въображения. . . И от вещнаго сего зрака възлетаеть ум наш и мысль к божестъвеному желанию и любви, не вещь чтуще, но вид и зрак красоты божестъвенаго оного изъображениа» [65].

Процитированный отрывок не оригинален по мысли [66]. Он излагал традиционную апологетическую идею отношения чувственного образа и трансцендентного прообраза, восходившую к платоновскому соотношению между предметом и идеей [67]. Вместе с тем это короткое высказывание определяло сущность икон, их практическое назначение, т. е. то, что прежде всего обязан был учитывать художник при создании произведений [68]. Чувственное восприятие красоты изображения должно было вызвать «духовное созерцание», полет мысли к божественному желанию и любви, подготовить к «умной молитве». С другой стороны, оно давало возможность простому человеку познать идеал человеческого совершенства, к достижению которого должен был стремиться всякий. Это был прежде всего идеал духовной красоты человека, пожертвовавшего жизнью для спасения людей, образец нравственной чистоты, призывавший к соблюдению всех моральных обязанностей, обусловленных заветом

---

[62] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 333.

[63] В этой связи представляет интерес отмеченное П. А. Лавровским в Изборнике XIII в. толкование слов «идол» и «подобие»: «На вопрос ИДОЛ и ПОДОБЬЕ кое имать различье, первое определяется как изображение не бывшего, последнее как образ бывшего» (см. Описание семи рукописей императорской С.-Петербургской публичной библиотеки. Чтения ОИДР. М., 1858, № IV, отд. III, стр. 22).

[64] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 335.

[65] Там же, стр. 336.

[66] Ср., например, аналогичное высказывание в Послании папы Адриана («Деяния вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной Академии», т. VII. Казань, 1873, стр. 134).

[67] Ср. Г. А. Острогорский. Гносеологические основы византийского спора о св. иконах. «Seminarium Kondakovianum», II, 1928, стр. 50. Примечательно, что в том же контексте автор «сказания» вспоминает известное высказывание Василия Великого: «почесть иконная на первообразное преходит». См. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 336, 337. Ср. Творения Василия Великого. М., 1891, ч. 3, стр. 244. Исихасты восприняли и переработали эту идею. По Григорию Синаиту, чувственный мир — как бы зеркало мира трансцендентного. Через духовное созерцание предметов чувственного мира человек может прийти к познанию невидимого божества (ср. PG, t. 151, col. 35). Таким образом, если для опытных подвижников, «для вечных сам бог, а не иное что, есть свет» (Григорий Палама. См. PG, t.151, col. 1175), то для неподготовленных — «новоначальных» — этот невещественный свет заменяли реальные изображения.

[68] Важно отметить, что в конце первого «слова» эта же мысль приводилась в отношении всех икон вообще, а не только икон с изображением «Троицы». Ср. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 334.

всеобъемлющей любви [69]. Не случайно черты этого идеала в применении к обыкновенному человеку излагались именно во втором «слове» «Послания иконописцу» [70]. Все это требовало от художника отчетливого понимания ответственности, которую он нес при создании иконы. Именно поэтому он облекался теми же обязанностями, что и всякий борец за идею, «воин христов» [71], поэтому в Стоглаве утверждалось, что «не всем человеком иконником быти», что живописцев следует «почитати» «паче простых человек» [72]. Произведение искусства должно было быть настолько совершенным, чтобы его художественное качество соответствовало величию передаваемой идеи, чтобы идея эта стала действенной, способной воспитывать людей, строить их мировоззрение, от которого зависели полезность жизни каждого человека, судьбы отдельных личностей и всей страны.

Следует отметить, что в заключительной части третьего «слова», специально посвященного вопросу, «яко подобаеть христианом писати на всечестных иконах святую и животворящую троицу», имеются буквальные текстуальные совпадения с цитированным выше отрывком второго «слова» [73]. При этом смысловое звучание текста оказывается здесь более сильным и убедительным, нежели во втором «слове», имевшем, кстати говоря, компилятивный характер. Все это позволяет думать о возможности возникновения третьего «слова» ранее второго.[74].

Пускаясь в формально-богословские прения с еретиками о наличии в писании многочисленных разноречивых сведений, касающихся вопроса о троичности божества, автор третьего «слова» находит остроумное разрешение всем противоречиям: «многаа бо в писаниих видятся, яко съпротивляющеся друг другу, и овогда убо сице глаголют, овогда же инако. Се же бываеть от нашего нерассужениа, или от преобидениа, или от презорьства, словеса же святых мужей не изменяются. Но плотни суще, духовнаа мудроствовати не можем. . .» [75].

Бог-отец «невидим, бесплотен, неописан, неизречен, непостижим» [76]. Все видевшие бога «не суть видели божественаго естества», но лишь различные чувственные образы [77]. Автор «слова» как бы оправдывает этим любое изображение божества, лишь бы оно соответствовало писанию: «не

---

[69] Ср. Л. Соколов. Психологический элемент в аскетических творениях и его значение для пастырей церкви. Вологда, 1898, стр. 54; В. Н. Лосский. Отрицательное богословие в учении Дионисия Ареопагита. «Seminarium Kondakovianum», III, 1929, стр. 143.

[70] См. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 357—359.

[71] О значении этого термина см. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 103—109.

[72] Стоглав, стр. 153. Ср. стр. 297, прилож. № 28.

[73] Ср. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 373 и 336. Ср. также стр. 334.

[74] Можно добавить, что в третьем «слове» имеется ряд текстуальных совпадений с посланием Иосифа Волоцкого архимандриту Вассиану о Троице, датируемом временем до 1479 г. (Н. А. Булгаков. Преподобный Иосиф Волоцкий, СПб, 1865, стр. 148—150; И. П. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, стр. 114—145; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 305; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике . . ., стр. 213). Совпадения эти наблюдаются в рассуждениях о явлении троицы Аврааму и об ангелах. См. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 307, 361 и 363; стр. 308, 371, 372 и др. Ср. А. И. Клибанов. Свободомыслие в Твери в XIV—XV вв. «Вопросы истории религии и атеизма», т. VI. М., 1958, стр. 249.

[75] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 364.

[76] Там же, стр. 347.

[77] Там же, стр. 372.

является убо, еже есть, но яко же может видяй видети» [78]. Тем самым объясняется «замалчивание» вопроса о точной иконографии «Троицы» в Стоглаве («Писати иконописцем иконы с древних переводов, како греческие иконописцы писали и как писал Ондрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы и подписывати святая тройца») [79]. Автор третьего «слова» заявлял: «вся бо, елика о бозе глаголются, или писана суть, не противу силе и величству божию. . . Сподобившеи же ся таковым зрением, не пытаху опасно таинъства, но с страхом и трепетом верующе» [80].

В этом же контексте следует крайне любопытное объяснение иконописной символики: «. . . в подобии человечьсте явися тогда Аврааму святаа троица, святии же и божествнии отци предаша нам писати на святых иконах в божественом и царьском и аггельском подобии, того ради убо тако предаша, яко хотяще множайшую честь и славу приложити божественым онем изображением. Еже бо на престоле седети, показуеть сих царьское и господьственое и владычьственое. А еже венцы имети и обкружным обчерътением на священообразных главах, круг убо образ носить всех виновнаго бога, яко же бо круг ни начала ниже конца имат, сице и бог безначален и безконечен. А еже криле имеють, да покажут сих гореносное, и самодвижное, и възводителное, и нетягостное, и к земным непричастное. Скипетры же имут в руках, да покажуть сих действеное и самовласное и силное. Се убо являеть божественое подобие, царьское и аггелское» [81].

Вопрос о соединении в иконе «божественного» и «человеческого», теснейшим образом связанный с проблемой реальности в древнерусской живописи, получает дополнительное освещение во втором «слове».

Только земной, близкий и понятный людям образ мог вызвать у них сочувствие и стремление к подражанию: «весть бо господь человечю немощь, яко бо, иже не по естеству, отвращается. . .» [82]. Грань между «неописанным» и реальным, плотским образом — предметом иконописания — отчетливо проведена автором второго «слова» в толковании догмата о двух естествах Христа. Христос «неописан по божеству, и немощно есть ныне того зрети», а изображение, воспроизводимое на иконе художником, «есть образ его по человечьству» [83]. На иконе, созданной «от тленных вещей» [84], изображается только человеческое естество Христа, «иже нашего ради спасения въсприят» [85]. Человеческое было неразрывно связано в Христе с божеским: «един. . . състав имея, яко тот есть един сын божий и сын девыа, и бог бо той же есть, и человек. . . и две действе божества и человечьства и две воли, рекши хотении» [86]. Божественная воля проявлялась в чудесах и т. п., человеческая — в том, что, восприняв «человечьскую плоть и душевная действа и страсти» [87], Христос подавлял в себе все чувства и порывы, недостойные человека, явив этим пример нравственного совершенства. Именно в создании идеального образа человеческого совершенства, образа, который не только мог порождать благородные помыслы, но и вызывать философские раздумья, давать им нужное направление, — в этом, в конечном итоге, и заключалась задача художника.

[78] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения..., стр. 372.
[79] Стоглав, стр. 128.
[80] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 373.
[81] Там же, стр. 372—373.
[82] Там же, стр. 339.
[83] Там же, стр. 337.
[84] Там же.
[85] Там же, стр. 347.
[86] Там же.
[87] Там же.

Далее автор «сказания» указывал, как надо изображать святых, которые хотя «и бесплотни суть и неописани, но обаче мнози их видеша. . . И яко же видеша их, тако подобаеть и писати на честных иконах» [88]. То же самое говорил он и об остальных изображениях, отметив под конец: «сих честныа и въжжеленныа образы почитаем и покланяемся, и яко живых и стоящих с нами от ненасыщаемыа любве, помышляем» [89]. Таким образом, всякая икона мыслилась как живой, конкретный положительный пример, достойный почитания и подражания, способный оказать моральное воздействие на человека.

Человек, «чудное совокупление и дивное сочетание» духа и плоти [90], считался в древней Руси совершенным выражением «лепоты» (красоты), вложенной богом в сотворенный им мир [91]. Приобретение пороков, чуждых человеческой природе, и освобождение от них обусловливались «самовластием» души, свободной волей людей [92]. Через все «Послание иконописцу» проходит завуалированная мысль о том, что не человек служит истине, а истина служит человеку. Именно этим объясняются многочисленные экскурсы составителя «Послания» в область этики, не имеющие на первый взгляд логической связи с антииконоборческим содержанием памятника [93]. В. Н. Лазарев справедливо отмечал, что «этические вопросы, в том числе и вопросы практической морали, играли. . . весьма значительную роль в древнерусском религиозном сознании, которому мало импонировали отвлеченные положения умозрительной византийской теологии» [94].

Еще деятели VII Вселенского собора видели в живописи «книгу для неграмотных» [95]. Останавливаясь на вопросе о почитании Евангелия, автор «сказания» сравнивал его значение со значением икон: «ничто же бо разньства в них. . . ибо словописець написа еуангелие и в нем написа все, еже в плоти смотрение Христово. . . подобне и живописець творит, написав на дъсце все плотское Христово смотрение. . . и еже и еуангелие словом повествуеть, сие живописание делом исполняет» [96].

Приравнивая значение труда художника и «словописца», автор «сказания» подчеркивал важность работы иконописцев и еще раз указывал на дидактичность как специфическую особенность икон. Задачей художника было сделать доходчивыми для малообразованного человека (в данном случае — для рядового русского прихожанина конца XV столетия) философско-теологические положения «писания», воплотить их в конкретных живописных образах.

Наконец, составитель «сказания» затрагивал еще один важный вопрос: как поклоняться иконам, как воспринимать их «душею мыслене, и телом чювьствене» [97].

---

[88] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 341.

[89] Там же.

[90] Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. «Труд учеников Н. С. Тихонравова». Вып. 1. М., 1892, стр. 173.

[91] Ср. М. В. Соколов. Психологические воззрения в древней Руси. В кн.: «Очерки по истории русской психологии». Изд. МГУ, 1957, стр. 77.

[92] Ср. В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков. В кн.: «Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков». М.—Л., 1958, стр. 16—17.

[93] Ср. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 324—325, 336—337, 345—346, 357—360 и др.

[94] «Фрески Старой Ладоги». М., 1960, стр. 53.

[95] Ср., например, Деяния вселенских соборов, т. VII, стр. 132, 134, 261.

[96] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 338. Ср. «Устав» Иосифа Волоцкого, слово 1 (Послания Иосифа Волоцкого, стр. 299—302).

[97] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 351.

Первым условием для действенного восприятия иконы он считал спокойное сосредоточение: «. . . вся земныа от помысла изгнавше, и злопомнение и гнев, ярость же и ненависть, и плотьская вжеления, и очи к слезам понудим, и всего себе к небеси преложи. И тако станем, яко же глаголеть иерей: станем добре. . . Яко же бо стрелець, аще благополучно хощеть пущати стрелы, первие о стоянии своем прилежание творить. . . тако и ты, хотя стреляти лукаваго диавола главу, преже убо о благочинии чювьств попецемся, потом же о благостоянии внутренним помысломь, яко да благополучне на диавола пущаеши стрелы, сиреч молитву чисту» [98].

Отбросив посторонние помыслы и сосредоточившись, молящийся должен был направить мысль на горькие думы: «оскръбим нашю душю памятию смртною, паметию ответа, еже о съгрешениих, паметию страшнаго суда, еже без милости судию, бес прощениа. . .» [99]. Только после этого можно было начинать молитву, обращаться к созерцанию иконы.

Таким образом, для правильного восприятия иконы считалось необходимым создание резкого контраста между отчаянием, на которое настроил себя молящийся, и добрым, всепрощающим взглядом иконы. Этот контраст ломал строй мыслей молящегося и подготавливал его к активному восприятию идеи иконы: «яко же бо облакомь стечение мрачен творит въздух, егда же чясты испустит капля и отложить дождь, тихо и светло съделовает все место; тако и печаль, дондеже убо внутрь есть, помрачаеть нашь помысл; внегда же молитвенными глаголы, и иже по онех слезами, испразнится, и суетных и прелестных мирьскых бесед отлучится, *многу влагает в душю светлость, божию заступлению, яко же лучи нецеи, в мысль от бога послане бывши молящагося. Да яко же светилнику свет, сице молитвеный свет*» [100].

«. . . Да въздееши [101] *зрителное ума*, — говорится перед этим, — к святей единосущней и животворящей троици, в мысли твоей, и в чистом сердци твоем. . .» [102].

Приведенные отрывки — популярное изложение исихастской теории «умной молитвы», которая, по словам Нила Сорского, лишь семя; плод ее, высшая ступень — умное делание [103], состояние, когда человек сливается с бесконечностью, с невещественным светом и видит в нем бога [104].

Момент исихастического «просветления мысли», безусловно, считался залогом действенного восприятия иконы. Возможно, что теория, выведенная составителем «Послания», в какой-то мере перекликалась и с аристотелевской идеей катарсиса, очищения человеческой психики от отрицательных страстей.

«Послание иконописцу» вслед за антииконоборческими трактатами византийцев безоговорочно утверждало господство идеи, смысла над «чувственной» стороной живописи. Однако составитель «Послания» прекрасно сознавал, что доходчивость идеи произведения полностью зависит от «плотского смотрения», от впечатляющей силы созданного художником образа. Поэтому он не только не отрицал «вещного зрака красоты» изображения, но подразумевал его необходимость [105], что, однако, ничуть

---

[98] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 352.

[99] Там же.

[100] Там же, стр. 352—353.

[101] Ср. ἀνάστασις исихастов (например, у Григория Синаита, см. PG, t. 150, col. 58).

[102] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 351.

[103] Нила Сорского Предание и Устав, стр. 27.

[104] См. там же, стр. 28—29. Здесь Нил цитирует Симеона Нового Богослова.

[105] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 336. Ср. стр. 373 и 334.

не удаляло его от умозрительной философии Нила Сорского и исихастов: внешняя красота являлась для него символом и синонимом красоты духовной. По тонкому наблюдению Д. С. Лихачева, древнерусский художник «не стремился в своих произведениях создать иллюзию действительности. Он изображал ее сущность, ее „смысл", иногда сокровенный, и при этом так, как он их понимал» [106].

Появление «Послания иконописцу» свидетельствовало об отчетливом понимании современниками общественной значимости искусства. Будучи введен в состав знаменитого «Просветителя» Иосифа Волоцкого, памятник этот сыграл важную роль в формировании взглядов на искусство позднейшей эпохи. Исследователи отмечали влияние «Послания» на сочинения Максима Грека [107], на митрополита Макария [108], Зиновия Отенского [109] и др. К кругу памятников, продолжавших традиции «Послания иконописцу», примыкает ряд антииконоборческих трактатов конца XVI—первой половины XVII в.: «Книжица» клирика Василия, изданная в Остроге в 1588 г. (вопросу об иконах посвящен шестой раздел «Книжицы») [110], «О образех, о кресте, о хвале божии, о хвале и молитве святых. . .» (напечатано, по-видимому, в Вильне в 1602 г.[111]), «На иконоборцы и на вся злыя ереси. . .» — сочинение, датируемое С. Платоновым 1624—1633 гг.[112], и др.

Традиции подобных «оправдательных» сочинений сохранялись довольно долго. Однако необходимо отметить, что даже в таких ортодоксальных памятниках XVII в., как грамота Александрийского патриарха Паисия 1668 г.[113], появляются новые черты, не свойственные предшествовавшей эпохе, намечается интерес к вопросам эстетики, теряющей былую органическую связь с теологией. По определению В. И. Ленина, с XVII в. начинается «новый период в русской истории» [114]. Поэтому вывод Ю. Н. Дмитриева о том, что «теоретические положения трактатов (XVII в. — *Н. Г.*) не только не расходились, но были в полном согласии со взглядами на искусство, существовавшими в древней Руси и прежде», следует принять с оговоркой [115]. Отдельные новшества появляются в рассуждениях об иконах уже с XVI в. Это прежде всего растущий интерес к подробностям иконографии и вытекающие из него новые суждения о смысле изображений. Правда, пока эти суждения базировались на тех же основах, которые впервые получили обстоятельное освещение в «Послании иконописцу».

* * *

Вопрос о понимании прекрасного в древней Руси (до XVI в.) почти не подвергался научной разработке. Немногочисленность письменных источников вынуждала исследователей основывать свои выводы главным образом на интуиции.

---

[106] Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 172.

[107] Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, стр. 201.

[108] Н. Е. Андреев. Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании, стр. 264.

[109] Там же, стр. 258—259.

[110] Д. Цветаев. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887, стр. 64 и сл.

[111] Там же, стр. 66 и сл.

[112] Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков. СПб., 1907, стр. 116.

[113] Ср. Ю. Н. Дмитриев. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси. ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 99—100 и др.

[114] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

[115] Ю. Н. Дмитриев. Указ. соч., стр. 97, ср. стр. 111.

Совершенно очевидно, что «Послание иконописцу» не только памятник противоеретической полемики, но и своеобразный трактат по вопросам религиозного искусства. Об этом говорят и специфические указания составителя («тако. . . подобаеть писати на святых иконах», «тако. . . достоит писати же и воображати. . .») [116], и иконографические экскурсы, не имеющие прямой связи с антиеретической критикой, и теологические рассуждения, представляющие особый интерес для вдумчивого, философски настроенного художника. Широко используя аргументацию византийских защитников иконопочитания [117], составитель «Послания» пытается синтезировать ее с исихастской теорией «умного делания» [118].

Исихазм, проникший на Русь еще в 20-е годы XIV в.[119] и «канонизированный» здесь, по-видимому, во второй половине этого столетия, проник в литературу (Епифаний Премудрый, Фотий) и живопись (Феофан Грек). Течение это настолько хорошо прижилось и акклиматизировалось, что со временем утратило свою самобытность, растворилось в официальном богословии. Но существовать оно продолжало и имело во второй половине XV в. такого последователя, как Нил Сорский.

Какие перемены в искусстве вызвало появление «Послания иконописцу»?

Число дошедших до нас и отреставрированных памятников живописи послерублевского периода сравнительно невелико. Тем не менее большинство из них говорит о постепенной утрате московскими мастерами идейно-смысловой основы, которая определила своеобразие стиля так называемой «школы Рублева». Эти художники, научившиеся у Рублева ценить выразительную красоту линии, виртуозно применять прием многослойного «охрения» и «плави», пользоваться всем богатством ярких, радующих глаз сочетаний красок, слишком увлеклись формальной стороной живописи. Стали появляться внешне эффектные, но неглубокие по мысли произведения [120].

Видимо, все это вызвало у ревнителей искусства и почитателей старых мастеров серьезные опасения. Рассказывая в «Отвещании любозазорным» о творчестве Даниила Черного и «ученика его» Андрея Рублева, Иосиф Волоцкий, словно в упрек и противопоставление современным ему живописцам, писал: «. . . никогда же *в земных* упражнятися, но всегда *ум и мысль возносити к невещественному и божественному свету*, чувственное же око всегда возводити ко еже от вещных вапов написанным образом владыки Христа и пречистыя его Богоматери и всех святых» [121].

Иосиф Волоцкий видел, что исихастское проникновение в смысл явлений, умение посредством чувственных образов передавать «мысленное», унаследованное Рублевым от Феофана Грека, было утеряно его последователями. Какое место занимал среди них Дионисий?

Достоверно известно, что Иосиф Волоцкий ценил работы Дионисия не меньше произведений Рублева. Если верить оценкам Иосифа и принять

---

[116] См. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 334, 336, 337, 342 и др.

[117] Иоанн Дамаскин, Феодор Студит.

[118] Особенно ярко эта тенденция проявляется в первом и втором «слове». Ср., например, Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 326—332, 351 и др.

[119] А. И. Клибанов. Реформационные движения в России. . ., стр. 146.

[120] Ср. В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа. «История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 484—486.

[121] Чтения ОИДР. М., 1847, № 7, стр. 12, ср. «Послание иконописцу»: «творить образы и подобиа. . и того ради *умом възводитися к богу*» (см. выше, прим. 53).

гипотезу о том, что «заказчиком» «Послания иконописцу» был Дионисий, то творчество этого мастера должно занять совершенно особое место в русском искусстве второй половины XV в. Сопоставив перечисленные факты, придется признать Дионисия прямым наследником и продолжателем традиций Рублева — Феофана, противостоявшим новым формальным исканиям в живописи.

Такая постановка вопроса во многом противоречит всей существующей искусствоведческой литературе о Дионисии. Но на чем основана ее аргументация? Ведь кроме двух «бесспорных» (подписных?) произведений художника — «Спас» и «Распятие» из Павлова Обнорского монастыря [122] — да иконы «Одигитрия», отреставрированной Дионисием в 1482 г.[123], не имеется ни одного памятника, исполнение которого можно было бы безоговорочно приписать ему [124]. Поэтому вывод о том, что именно Дионисий развил и утвердил в русском искусстве формальный подход к живописи, стандартизировал ее и внес элемент парадности [125], представляется несколько преждевременным.

В этом отношении вызывает особые возражения высказанная многими историками искусства мысль о «светском» характере дионисиевского творчества и даже о его «государственной» направленности [126].

Не следует думать, что Дионисия привлекали только догматическая и «духовная» функции искусства. Однако новые формальные элементы, действительно присутствующие в работах Дионисия, свидетельствуют, на мой взгляд, не столько о «мирских» интересах живописца, сколько о настойчивых поисках наиболее выразительного художественного языка, способного вызвать состояние «духовного созерцания». Лишь в творчестве последователей Дионисия эти элементы приобрели «светские» функции и развились в своеобразный парадный стиль московской школы XVI в. Вопрос о влиянии Дионисия на развитие «мирского» начала в древнерусской живописи выходит за рамки этой статьи и требует специального исследования.

Источники не сохранили имен «светских» заказчиков Дионисия. Вряд ли он был и «одним из любимых мастеров Ивана III» [127]»: заказчик росписей Успенского собора — не великий князь, а Ростовский архиепископ Вассиан Рыло, знавший Дионисия еще со времени его работы в Пафнутьевом Боровском монастыре. С головой погруженный в политику, Иван III едва ли был тонким ценителем искусства. Он никогда не выбирал мастеров сам, всецело полагаясь на вкусы своих приближенных, и расцвет культуры в годы его княжения объясняется главным образом политическими устремлениями великого князя. Более того, имеются серьезные

---

[122] В Гос. Третьяковской галерее. Они датируются 1500 г. Обе эти иконы, по справедливому замечанию В. Н. Лазарева, необычайно близки к аналогичным произведениям Рублева. См. «История русского искусства», т. III, стр. 528—529.

[123] В Гос. Третьяковской галерее.

[124] По манере близки к Дионисию великолепные житийные иконы митрополитов Петра (Успенский собор в московском Кремле) и Алексея (Гос. Третьяковская галерея), происходящие из Успенского собора Кремля. Фрески алтарной преграды, а также Петропавловского и Похвальского приделов Успенского собора в московском Кремле исполнены несколькими мастерами, что сильно затрудняет их атрибуцию. К тому же они мало изучены. Ср.: «История русского искусства», т. III, стр. 502—505. Росписи Рождественского храма в Ферапонтове монастыре исполнены Дионисием в сотрудничестве с его сыновьями, что также осложняет решение проблемы авторства Дионисия. Та группа фресок, которую В. Н. Лазарев приписывает Дионисию, отличается, по словам исследователя, «большим изяществом, не имеет в себе ничего манерного» и крепко связана с традициями XV в. (см. там же, стр. 514—515, 524).

[125] Ср., например, там же, стр. 497, 531.

[126] Ср. там же, стр. 492—496.

[127] Там же, стр. 492.

основания предполагать, что он сочувственно относился к иконоборствующим еретикам-новгородцам [128].

Наконец, о многом говорит поездка Дионисия, в то время уже глубокого старца, в далекий Ферапонтов монастырь, одну из цитаделей нестяжательства, где в это время находились люди, перенесшие великокняжескую опалу и далеко не симпатизировавшие Ивану III: бывший ростовский архиепископ (в 1481—1489 гг.) Иоасаф [129] и упомянутый Спиридон-Савва [130].

Поездка Дионисия в Ферапонтов монастырь, во время которой он проездом, несомненно, побывал и в других нестяжательских монастырях, поддерживавших постоянную связь с Афоном (таких, как, например, Спасо-Каменный и Кириллов), а быть может и работал там, представляется далеко не случайной. Возможно, приглашение расписывать церковь было лишь побочным поводом. Иосиф Волоцкий, питавший глубочайший интерес к деятельности «заволжских старцев» и сам посетивший их монастыри, славившиеся книгами и иконами, мог посоветовать живописцу отправиться в это путешествие. Напрашивается и другое предположение: не была ли поездка Дионисия в опальный Ферапонтов монастырь печальным следствием великокняжеской «въспалы»?. . .

По сведениям источников, Дионисий был мирянином. Но это отнюдь не означает, что круг его интересов ограничивался «мирскими» темами. Трудно поверить, чтобы художник, чья практика неразрывно связывалась с философско-религиозными вопросами, в годы, когда брожение умов достигло своего апогея, когда, по словам Иосифа Волоцкого, «и в домех, и на путех и на торжищех иноцы и мирстии и вси сомнятся, вси о вере пытают» [131], остался бы равнодушным к этим вопросам.

Действительно, даже краткий обзор иконографического состава фресок Ферапонтова монастыря позволяет утверждать, что все сюжеты росписей церкви Рождества Богоматери прямо или косвенно связаны с борьбой против ереси жидовствующих.

---

[128] См. Послания Иосифа Волоцкого, стр. 175—178. В «Послании на жидов и еретики» инока Саввы (1488 г.) содержится весьма прозрачный намек на близость великого князя к иконоборцам (см. там же, стр. 45). В этой связи также не менее любопытен факт приглашения «фрязей» — итальянских архитекторов «еретического» латинского вероисповедания — для постройки главных святынь Кремля.

[129] Иоасаф (умер в Ферапонтове монастыре в 1512 г.) был родственником Вассиана Рыло. При нем Дионисий заканчивал работу по росписи Успенского собора в Кремле. Из Послания Иоасафу (1489 г.) новгородского архиепископа Геннадия явствует, что отказом вернуться на покинутую ростовскую митрополию Иоасаф «ожестил» великого князя. Из этого же Послания видно, что Иоасаф хорошо знал Паисия Ярославова и Нила Сорского и, видимо, часто «посылал по них» — приглашал к себе для бесед (ср. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 317—318, 320). Иоасаф построил и в 1486 г. освятил хорошо известную историкам искусства деревянную церковь в селе Бородаеве и перед тем, как покинул митрополию, выхлопотал у своего преемника Тихона льготу для этой церкви (см. И. Бриллиантов. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. СПб., 1900, стр. 51—52). Скорее всего, именно Иоасаф и пригласил Дионисия в Ферапонтов монастырь.

[130] Мнение Р. П. Дмитриевой о том, что «Послание на жидов и еретики» приписывается Савве «без достаточных оснований» («Сказание о князьях владимирских». М.—Л., 1955, стр. 80), ничем не подтверждено. Думается, Савва, которого глава обличителей ереси, новгородский архиепископ Геннадий, назвал «столпом церковным» (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 200), принимал самое деятельное участие в разработке замысла ферапонтовских росписей. В частности, он мог проконсультировать художников насчет изображения вселенских соборов, впервые встречающегося в русской живописи (темой этой Савва занимался специально, когда составлял «Изложение о православной вере»).

[131] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения . . ., стр. 426.

«А инии от вас на самого господа нашего Иисуса Христа сына божья и на пречистую его матерь многиа хулы изрекли, а инии от вас господа нашего Иисуса Христа сыном божиим не звали, а инии от вас на великих святителей и чюдотворцев да и на многих преподобных святых отець хулные речи износили, а инии от вас всю седмь соборов святых отець похулиша» [132], — обвиняет еретиков «Соборный приговор» 1490 г. По существу, здесь перечислены основные, намеренно акцентированные художником темы ферапонтовских росписей: прославление богородицы как матери воплощенного бога — Слова («Служба святых отец» — Мария с младенцем, коленопреклоненные ангелы и фриз со святителями — в центральной апсиде), как покровительницы, заступницы и «царицы мира» («Покров» — в люнете над алтарной апсидой, «О тебе радуется» — на южной стене, «Похвала богородице» — на северной, «Страшный суд» — на западной).

Тема богоматери переплетается с прославлением «преподобных святых отец», «великих святителей и чюдотворцев», на которых еретики «хулные речи износили», и завершается в символических иллюстрациях «Акафиста».

Во всех изображениях, где фигурирует Христос, подчеркнута истинность и божественный смысл его воплощения [133]. Евангельские сцены, представленные в росписи («Воскрешение дочери Иаира», «Исцеление слепцов» и др.) [134], также доказывают не признававшееся еретиками «божественное естество» Христа.

Наконец, такие композиции, как «Вселенские соборы» (на северной, южной и западной стенах), а также «Видение Петра Александрийского» и «Видение брата Леонтия» [135], направлены непосредственно против еретиков [136].

В статье об иконографическом составе ферапонтовских фресок И. Е. Данилова справедливо отметила, что «Дионисия интересуют не драматические эпизоды священной легенды, не повествовательная псевдоисторическая ее канва, а в гораздо большей степени богословское осмысление основных догм православной религии» [137]. То же самое можно было бы сказать о составителе «Послания иконописцу». В обоих случаях внимание к осмыслению догм было вызвано условиями полемики с еретиками [138].

---

[132] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 383.

[133] Смысловая связь «повторов» на тему истолкования образа Христа: «Пантократор» в куполе — четыре евангелиста на парусах — четыре изображения Христа в замках сводов — «Знамение» во лбу триумфальной арки — «Ветхий деньми», «Младенец Христос на дискосе», «Дискос со звездицей» на косяках алтарного окна. Дискос (δίσκος) — блюдо для причастия — символизировал ясли и гроб Христа, звездица (ἀστερίσκος) — вифлеемскую звезду. Изображения на оконных откосах центральной апсиды перекликались с «Поклонением жертве» в жертвеннике и заменяли отсутствующую в алтаре традиционную композицию «Евхаристия». Как известно, таинство причащения не признавалось еретиками (логически — вследствие отрицания божественной природы Христа).

[134] См. И. Е. Данилова. Указ. соч., стр. 120—121, прим. 11.

[135] Последняя композиция изображает монахов, совершающих богослужение; за спинами монахов — незримо прислуживающие им ангелы (см. там же, стр. 120, сн. 9). Некоторые еретики отрицали монашество.

[136] Там же. Ср. «История русского искусства», т. III, стр. 524.

[137] И. Е. Данилова. Указ. соч., стр. 120.

[138] Упомянутая выше икона «Распятие» из Павлова Обнорского монастыря содержит не встречавшийся прежде в русской живописи сюжет — торжество новозаветной Церкви над ветхозаветной Синагогой, представленный в виде двух ангелов, слетающих к Христу. Сюжет этот так же, как «Вселенские соборы» ферапонтовской росписи, несомненно, навеян борьбой с еретиками — жидовствующими. Произведения Дионисия, и в особенности фрески Ферапонтова монастыря, по праву должны занять место среди важнейших источников для изучения новгородско-московской ереси.

Но особенно интересно проследить, как сам художественный метод Дионисия, сложившийся под влиянием охарактеризованного Иосифом Волоцким (в «Отвещании любозазорным») метода Рублева, помогал решению этих задач. Подобно составителю «Послания иконописцу», Дионисий пользуется в своем творчестве теоретическими выводами исихастов, и в первую очередь учением об умной молитве.

Наблюдательный глаз исследователя подметил, что уже в «Одигитрии» из Вознесенского монастыря Дионисий дает не изображение, которому молятся, а «скорей самую молитву, самое общение», а в росписях Ферапонтова монастыря «окончательно исчезает объект поклонения, объект молитвы» [139]. Композиции Дионисия построены с таким расчетом, что действующие лица как бы участвуют в общей молитве (которой придавал особое значение составитель «Послания» [140]) и в индивидуальной молитве каждого молящегося. Но в то же время изображенное — не молитва [141]. Это результат «умного делания», ярко обрисованный в сочинениях исихастов. Вот как передает это состояние Нил Сорский: «Зрю свет, его же мир не имать, . . . внутрь себе зрю творца миру, и беседую, и люблю, и ям, *питаяся добре единым бо видением* и съединився ему, небеса превъсхожду» [142]. В этом состоянии выясняется, что человек лучше ангелов, потому что бог им «невидим. . . еси существом, естеством же неприступен, *мне же зрим всяко*, и естеству твоему смешает ми ся существо» [143].

Я отмечал [144], что принцип «от вещественного образа к невещественному прообразу» вошел составной частью в теорию πνευματικὴ θεωρία исихастов. Одним из выводов этой теории был тот, что реальный мир несравненно ниже, несовершеннее мира идеального, ожидаемого [145]. Здесь таится разгадка секрета дионисиевского метода. Художник передавал ожидаемый, желанный мир (как бы конечный результат исихастской практики), в котором уже достигнута (согласно исихастскому учению — в равной мере телесно и духовно) степень обожествления (θέωσις) [146]. Изображения Дионисия проникнуты «неземной» красотой, они помещены в нереальном пространстве, лишенном земных объемов и словно сфокусированном из лучей невещественного света через призму «высшей реальности». Колористическое решение этой задачи во многом подсказано художнику произведениями Рублева. Ферапонтовская гамма — бесконечное разнообразие радужных, но про-

---

[139] И. Е. Данилова. Указ. соч., стр. 128.

[140] «. . .Помолитися, яко же в церкви, не възможно, идеже отцем множество, идеже пение единодушно к богу въсылается, и единомыслие, и съгласие, и любве съоуз . . . Ничто же тако образованну нашю устраяет жизнь, яко же в церкви красование. В церкви печалным веселие, в церкви труждающимся упокоение, в церкви насилуемым отдъхновение. Церковь брани разруши, рати утоли, буря утиши, бесы отгна, болезни уврачева, напасти отрази, грады колеблемыа устави, небесныа двери отвръзе, узы смртныа пресече, и иже свыше наносимыа язвы, и иже от человек наветы вся отъят, и покой дарова» (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 353—354).

[141] Ср.: «. . . и не молитвою молится ум, но превыше молитвы бывает. . .» (Нила Сорского Предание и Устав, стр. 27).

[142] Там же, стр. 29.

[143] Там же.

[144] См. выше, прим. 67.

[145] См. И. И. Соколов. Γρηγόριος Χ. Παπαμιχαήλ. Ὁ ἅγιος Γρηγόριος Παλαμᾶς ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης. ЖМНП, ч. 44. 1913, апрель, стр. 385. Ср. Нила Сорского: «Се бо зрим в гробы и видим созданную нашу красоту безобразну и безславну, неимущу видениа...» (Нила Сорского Предание и Устав, стр. 66).

[146] Ср.: «Удостоившийся такого света, ум и сопряженному с ним телу передает многие свидетельства божественной красоты, примиряя божественную благодать и дебелость плоти и делая последнюю способной к восприятию невозможного (τῶν ἀδύνατων). Отсюда превосходная и богоподобная жизнь и совершенная неподвижность ко злу. . . » (PG, t. 150, col. 1083).

зрачных и светящихся красок, в которых преобладает небесно-голубой тон [147].

Психологическая теория исихастов требовала последовательного ограничения, «отсечения» всех внешних, мирских «помыслов» и действий. Преодоление помыслов и их внешних проявлений считалось необходимым условием для достижения состояния «умного делания» [148]. Экстатические формы византийского подвижничества уступили на Руси место спокойному «деланию сердечному», принципов которого в равной мере придерживались и сторонник «общего жития» Иосиф Волоцкий, и почитатель безмолвного «жительства скитского» Нил Сорский. Иконы и фрески Дионисия наглядно иллюстрируют эти принципы

Движения фигур замедленны; каждое фиксируется едва заметным склонением или жестом, чаще всего жестом рук, определяющим смысловой стержень композиции; взгляды людей спокойны, серьезны и ласковы. Иосиф Волоцкий, заботясь о «внешнем делании», советовал быть умеренным в движениях, иметь тихую поступь; Нил Сорский в согласии с ним говорил, что «внутрении человек внешнему съобразуется» [149], и требовал, чтобы не только внешний вид, но даже взгляд инока был смиренный и ласковый, «может бо кто единем взором оскорбити брата своего» [150].

Изображения святых трактовались Дионисием как типы идеальных наставников, внешний облик которых призывал к внутреннему, моральному очищению и нравственному совершенствованию. Отказываясь от частностей, мешавших художественному восприятию идеи, он показывал главное: духовную собранность — «ума блюдение», сосредоточенность, силу мудрости, светящейся в проницательных и одновременно углубленных в себя взглядах, добротолюбие и смирение. Подобно Нилу Сорскому [151] и составителю «Послания иконописцу», он выбирал понятие идеала, воплощал его в конкретный образ и предоставлял человеку путем сопоставления судить о самом себе.

Так практически осуществлялась теория о воспитательной, идейно-эстетической функции искусства, развитая в «Послании иконописцу».

---

[147] Ср. высказывание блаженного Нила: «Если кто желает видеть обновление (κατάστασις) ума, пусть лишит себя всех помыслов и тогда увидит себя подобным сапфиру или небесной краске» (А л е к с и й. Византийские церковные мистики 14-го века. «Православный собеседник». Казань, 1906, март, стр. 424).

[148] «Телесное делание лист точию; внутреннее же, сиречь умное, плод есть», — ссылаясь на св. Агафона, писал Нил Сорский (Нила Сорского Предание и Устав, стр. 11).

[149] Там же, стр. 58.

[150] Там же, стр. 48.

[151] Ср. Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого о занятиях в 1889—1890 гг. «Христианское чтение», 1895, вып. 2—3, стр. 333.

В. Д. ЛИХАЧЕВА

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ В ИКОНЕ „ТРОИЦА" ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

(К вопросу о развитии элементов реализма в византийской живописи)

Византийская живопись начиная со второй половины XIII в. приобретает все более и более жизненные черты. Человеческие фигуры объединяются с архитектурными и пейзажными фонами в единое целое. В композиции отныне большое значение приобретает движение. Пространство постепенно углубляется. Эти черты палеологовского искусства неоднократно отмечались в литературе. Для темы нашей работы особенное значение имеет замечание В. Н. Лазарева, что «нередко религиозные сцены приближаются к чисто жанровым композициям» [1].

Прямое отношение к проблеме появления жанра имеет бытовой фон иконы: изображение посуды, обстановки, деталей одежды. Увеличивается ли количество этих предметов в палеологовское время, получают ли они новую художественную функцию? Следует обратить внимание и на то, условны ли эти бытовые элементы или взяты непосредственно из реальной жизни.

Чтобы ответить на эти вопросы, интересно рассмотреть бытовой фон изображений ветхозаветной троицы (ἡ Ἁγία Τριάς), на которых мы видим трапезу трех путников (согласно господствующему в восточном христианстве представлению — Христа и двух ангелов) в доме Авраама и Сарры. Типичным, наиболее полным и ярким примером решения этой темы в палеологовском искусстве является икона «Троица» Государственного Эрмитажа [2]. Прежде чем обратиться к ней, следует рассмотреть историю иконографической композиции этой темы в живописи Византии и роль в ней бытовых предметов.

Самое раннее из известных изображений ветхозаветной троицы находится в церкви Санта-Мария Маджоре в Риме (IV в.) [3]. Композицию «Троицы» в Санта-Мария Маджоре, очевидно, использовал мозаичист, представивший эту же сцену на алтарной стене церкви Сан-Витале в Равенне (VI в.) [4]. В обоих этих произведениях художники трактуют тему троицы, подчеркивая гостеприимство Авраама. Сцена дается в ряду многочисленных эпизодов из жизни Авраама, и символика события ото-

---

[1] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 210.

[2] Музейный номер J I, размер 53×35 см. Икона поступила из Государственного Русского музея (№ 1806), до поступления в Русский музей находилась в собрании Н. П. Лихачева.

[3] A. Matějček. Art and Architecture in Europe. London, 1960, цветная вклейка.

[4] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II. М., 1948, табл. 30.

двигается на второй план. Тема раскрывается в повествовательно-историческом аспекте. Странники сидят за столом и смотрят на Авраама, изображенного в левой части сцены под раскинувшимся над ним мамврийским дубом. Авраам подносит ангелам угощение, и они жестами выражают ему свою признательность. В обеих композициях еще сильны античные реминисценции, проявляющиеся особенно сильно в детальном пейзаже. В книге Бытия [5] рассказывается, что Авраам, велев Сарре замесить хлеба, поставил перед странниками масло, молоко и приготовленного теленка. Далекие от натуралистической передачи византийские художники в иконографии троицы ограничивались лишь изображением посуды на столе.

Деревянный стол, с продольной стороны которого тесно сидят три путника, высок, с тонкими ножками и перекладинами между ними. В Санта-Мария Маджоре Сарра, стоящая позади Авраама, приготовляет, в соответствии с библейским рассказом, за отдельным столом хлеба, некоторые из которых уже лежат на столе перед ангелами. Этот повествовательный мотив незнаком более позднему искусству. На каждой столешнице изображено по три предмета одинаковой формы, не связанных между собой и введенных лишь для некоторого заполнения плоскости. Поэтому говорить даже об элементах натюрморта здесь не приходится. При этом следует учитывать, что появление натюрморта связано с переходом от разрозненного изображения предметов к созданию из них единой композиции. Ее появление не зависит от пассивного изменения количества предметов. Но художник начинает учитывать их форму, окраску и размеры. Он расставляет их, согласуясь с композиционными принципами, выбирая способы геометрической симметрии, асимметрии или пространственного равновесия масс. При этом часто вводятся компоненты, несущие объединительные функции.

В двух рассматриваемых произведениях можно видеть лишь подробную иллюстрацию библейской легенды без обычной в более позднем искусстве символической ее интерпретации. Бытовые детали вводятся как совершенно необходимые при повествовательном подходе к изображению. При этом, однако, мебель не используется в построении композиции. Она имеет второстепенное значение. Обычный для этой композиции натюрморт, как было указано, еще отсутствует.

Л. Брейе отмечал, что сюжет ветхозаветной троицы встречается в византийском искусстве довольно редко вплоть до XV в.[6] Но тема троицы почти полностью отсутствует лишь до начала палеологовской эпохи, т. е. до середины XIII в.

К тем немногочисленным изображениям ветхозаветной троицы, которые созданы до палеологовского периода, относится миниатюра в гомилиях Иакова Коккиновафского (парижская Национальная библиотека, gr. 1208, XII в.) [7]. В этой рукописи мы встречаемся уже с символической трактовкой сюжета. На высоком троне сидят три ангела. Ангелы, расположенные сбоку, слегка повернулись и обратили свои взоры к фронтально и торжественно сидящему центральному ангелу. Сцене придается лишь символический характер, подчеркивающий таинство триединства бога, поэтому отсутствует изображение трапезы, а вместе с ней Авраама и Сарры.

---

[5] Книга Бытия, 18, 16, 8.

[6] L. Bréhier. L'art Byzantin. Paris, 1924, p. 65.

[7] Ibid., fig. 22. Как справедливо указал Н. В. Малицкий («К истории композиции ветхозаветной Троицы». Seminarium Kondakovianum, II, 1928), М. В. Алпатов («La Trinité dans l'art Byzantin et l'icône de Roublev». «Echos d'Orient», XXX, 1927) ошибается, принимая за изображение «Троицы» миниатюру этой рукописи, представляющую возвращение ангела после благовещения.

Но скромные бытовые подробности здесь не исчезают. Все предметы быта имеют строго подчиненное значение. Спинка трона украшена светлой орнаментированной занавесью. Нижняя часть сиденья покрыта богатой резьбой по дереву. Ноги ангелов свободно и разнообразно расположены.

Позднее, в самом конце XII в., рассматриваемая нами тема была распространена в мозаиках Сицилии. Художники, изобразившие эту сцену в Монреальском соборе [8] и в Палатинской капелле[9], следуют в иконографии ранним произведениям Италии — Санта-Мария Маджоре в Риме и Сан-Витале в Равенне. В восточной части южной стены Палатины изображено гостеприимство Авраама. Как и в раннеитальянских памятниках, три странника тесно сидят по одну сторону прямоугольного стола. Прижимая руки к груди, крайний левый ангел благодарит Авраама, стоящего под мамврийским дубом. Легкие повороты ангелов, их непринужденные жесты вносят в сцену разнообразие и жизненность. В этом изображении обращенная к зрителю опора стола представляет прямоугольную доску, сплошь покрытую богатой резьбой. Стол уставлен сосудами и чашами с едой. Круглые хлеба, традиционно изображенные в ортогональной проекции, напоминают хлеба Сан-Витале. В отличие от предшествующих памятников здесь уже можно говорить об элементах натюрморта. Стоящие на столе удлиненные сосуды с вытянутыми горлышками, широкие чаши на низких ножках образуют единую живописную композицию. Однако выделяется манера изображения хлебов, не связанных с остальными предметами, представленными в перспективной проекции. Сильный жанровый акцент вносится тремя морковями с необрезанной зеленью, положенными среди сосудов. Изображение овощей, включенных в композицию, в произведениях византийского искусства никогда ранее не встречалось. Их появление следует связать с зарождением натюрморта.

Почти одновременная с палатинской «Троица» в Монреале вносит много нового в иконографию бытовых деталей. Стол имеет не прямоугольную, а сигмаобразную форму. Он покрыт скатертью, которая свисает до пола мягкими складками. Слева виден богато украшенный мелкой резьбой стул. В центре стола поставлена широкая чаша с головой жертвенного тельца. Рядом — оригинальный сосуд сложной профилировки, не встречающийся в это время в произведениях чисто византийского искусства. Авраам подносит ангелам уже знакомый нам круглый хлеб, представленный ортогонально. Фронтально изображен лишь центральный ангел, остальные слегка повернулись к нему. Они держат в руках ранее не изображавшиеся в рассматриваемой сцене тонкие посохи.

Как и в раннеитальянских произведениях, в сицилийских мозаиках тема ветхозаветной троицы имеет повествовательный характер и еще воспринимается как рассказ о гостеприимстве Авраама.

Бытовые детали как в IV, так и VI в. объясняются историко-повествовательным характером изображения. В отличие от ранних произведений с изображением троицы в мозаиках Сицилии уже появляются элементы натюрморта, который окончательно сложился лишь в палеологовское время. Разнообразие по форме и цвету сосудов на столе, появление овощей, являющихся важным объединяющим элементом, следует связать с зарождением натюрморта. Но предметы еще слишком разобщены и взаимно не обусловлены, вся группа распадается на самостоятельные части и не изменится, если прибавить или убрать одну из чаш. Одновременное введение ортогональной и перспективной проекции в изображении предметов на столе еще сильнее подчеркивает отсутствие здесь единой композиции.

---

[8] O. D e m u s. The Mosaics of Norman Sicily. London, 1950, pl. 103.
[9] Ibid., pl. 33.

Особенное распространение получила тема ветхозаветной троицы в палеологовскую эпоху. Возможно, что необходимость объединения страны после изгнания латинян, рост национального самосознания греков способствовали популярности этого сюжета, символизирующего идею единства. Сцена троицы, трактуемая не как иллюстрация к библейской легенде, а как повод к изображению догмата о троичности, давала возможность художнику воплотить — как и в Московской Руси XIV—XV вв.[10] — представление о государственном единстве. Изображение дружбы ангелов воспринималось как призыв к сплочению.

К палеологовскому времени относятся изображения этой темы в фресковом цикле Сопочан [11], в росписи Перибле́пты в Мистре [12], две иконы «Троицы», хранящиеся ныне в Афинах [13], панагия во Флоренции [14], икона собрания Государственного Эрмитажа [15], миниатюры евангелия Иверского монастыря на Афоне № 5 [16] и сочинений Иоанна Кантакузина в парижской Национальной библиотеке (gr. 1242) [17] и целый ряд других памятников.

В 1958 г. началась расчистка фресок капеллы богоматери монастыря Иоанна Богослова на острове Патмосе. В тимпане здесь было открыто изображение ветхозаветной троицы [18]. Афинский византолог С. Орландос [19] относит фрески к началу XIII в. Сцена троицы представляет трех ангелов, сидящих вокруг круглого стола, являющегося композиционным центром фрески. Симметрия произведения, подчеркнутая более крупной фигурой среднего ангела, сохраняется и при изображении предметов на столе. Центр стола отмечен большой чашей, наполненной пищей. Перед каждым ангелом лежит по круглому хлебу, свернутой салфетке и прямому ножу. Принцип чрезвычайно строгой симметрии в расположении предметов является единственным связующим элементом при объединении всех вещей, стоящих на столе. В связи с этим приходится говорить лишь о некоторых элементах натюрморта в этой сцене.

Одним из самых ранних изображений ветхозаветной троицы палеологовского времени является миниатюра Ивирской рукописи (вторая половина XIII в.). Ангелы сидят вокруг низкого прямоугольного стола. Стулья и подножия просты и лаконичны по форме. Фоном служит суровая и строгая архитектура. Сочетание прямой перспективы в изображении здания справа с обратной перспективой левого строения соответствует стилю палеологовского периода. Свободные и легкие повороты фигур крайних ангелов контрастируют с несколько выпадающей из общего стиля торжественной фронтальной фигурой в центре. Мягко склоненные головы боковых ангелов, их скрещивающиеся взгляды, протянутые на столе руки объединяют всю сцену. Композиция развертывается по кругу. Поставленные в профиль и вытянутые вперед ноги боковых ангелов составляют нижний полукруг, который продолжается вверх округлой линией крыльев и слегка опущенных голов. Центральная диагональ круга

---

[10] Н. А. Демина. Троица Андрея Рублева. М., 1963, стр. 40.

[11] G. Millet. La peinture du moyen âge en Jougoslavie. Paris, 1954, pl. 3(6); В. Ј. Бурић. Сопоћани. Београд, 1963, pl. LI.

[12] G. Millet. Monuments byzantins de Mistra. Paris, 1910, II, pl. 113.

[13] A. Grabar. Byzantine painting. Geneva, 1953, p. 192.

[14] V. Lasarev. Byzantine painting of the fourteenth and fifteenth centuries. «The Burlington Magazine», 1937, CDXVII, pl. IV.

[15] А. В. Банк. Альбом «Византийское искусство». Л., 1960, табл. 108—109

[16] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 248.

[17] Там же, табл. 328.

[18] A. Orlandos. Fresques byzantines du monastère de Patmos. «Cahiers archéologiques», XII, 1962, fig. 7.

[19] Ibid., p. 301—302.

Рис. 1. Икона «Троица» Государственного Эрмитажа

подчеркнута прямо сидящей и несколько увеличенной по размеру фигурой среднего ангела. Композиционному объединению ангелов соответствует и их внутреннее единство. Они показаны в момент тихой и как бы безмолвной беседы, а не только трапезы, как в ранних произведениях. Тема единства пронизывает собой, таким образом, всю композицию и подчиняет себе изображение бытовых предметов. Архитектура и мебель своими строгими и прямыми линиями также способствуют четкому и ясному восприятию произведения. Разнообразные предметы на столе изображены не разрозненными, а составляют здесь, впервые в собственно византийском искусстве, единый натюрморт.

Одним из наиболее ярких и интересных произведений позднего палеологовского периода является икона «Троица» музея Бенаки в Афинах [20], относящаяся к XIV в. Изображение отличается необыкновенной тонкостью письма. Мебель украшена богатой резьбой. Верхние части подножий сплошь золотые. Мебель имеет красноватый оттенок, который в сочетании с красно-розовыми одеяниями ангелов и ярко-красными σκαμνάλια придает золотистый тон всему колористическому строю. Стол, вокруг которого свободно расположились ангелы, вытянут в длину, соответственно удлиненной форме иконы. Натюрморт на столе живописен и многообразен. Стол покрыт белой, тонкой, почти прозрачной на сгибах скатертью. Предметы, составляющие натюрморт, маленькие и изящные. Центр отмечен золотистой, орнаментированной киноварными линиями чашей. По размерам она несколько больше, чем богато украшенные кувшины с изогнутыми ручками и стеклянный графин. Среди этих предметов лежат ножи и несколько морковей. Салфетки у ангелов такие же, как в уже упомянутой миниатюре рукописи Иоанна Кантакузина и в «Троице» Эрмитажа, речь о которой пойдет позднее. Так же как и там, салфетка у правого ангела уже использована и скомкана. В иконе музея Бенаки много воздуха и широты. Действие развертывается на фоне довольно сложной, особенно в сравнении с другими композициями «Троицы», архитектуры, которая, однако, отодвинута на второй план и не мешает восприятию основной сцены. Среди всех остальных более строгих и суровых изображений троицы в палеологовскую эпоху икона выделяется своей аристократичностью, богатством и пышностью деталей, яркостью колорита.

Еще более отчетливо черты палеологовского искусства сказываются в превосходной иконе «Троица» собрания Государственного Эрмитажа, которая датировалась Д. В. Айналовым [21] на основании сходства с миниатюрой той же темы в рукописи Иоанна Кантакузина концом XIV в. С мнением русского ученого полностью согласился в 1925 г. Ш. Диль [22]. О. Вульф и М. Алпатов [23] отнесли икону к XV в., отметив ее близость к иконе «Георгий и Димитрий» Эрмитажа. Икону «Троица» датировал в 1928 г. А. П. Смирнов [24] XV веком, при этом было подвергнуто сомнению ее константинопольское происхождение. В. Н. Лазарев [25] относит эрмитажное произведение к началу XV в., указывая на особенности ее стиля, порвавшего с живописной традицией первой половины XIV в. А. В. Банк

---

[20] A. Grabar. Byzantine painting, p. 192.

[21] Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV столетия. Пг., 1917, стр. 90, 91.

[22] Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. Paris, 1923, II, p. 867.

[23] O. Wulff, M. Alpatoff. Denkmäler der Ikonenmalerei. Dresden, 1925, S. 131.

[24] А. П. Смирнов. Памятники византийской живописи. Л., 1928, стр. 16, 28.

[25] V. Lasarev. Op. cit., p. 256; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 229.

датирует памятник XIV в.[26] Уточнение датировки могло бы составить предмет особой работы, для нас же важно, что в общем все исследователи относят икону к эпохе развитого палеологовского стиля.

На иконе изображены ангелы, сидящие за столом и беседующие друг с другом. Авраам и Сарра подносят им угощение. Вся сцена развертывается на фоне строгой и лаконичной по своим формам архитектуры. Центральная часть композиции подчинена полукругу, образуемому склоненными головами ангелов, Авраама, Сарры и повторяемому в нагнувшихся над ними деревьях. Нижняя граница полукруга создается краем иконы и подчеркивается параллельной ему столешницей, горизонтальными перекладинами стульев и подножия справа. Этот полукруг вписывается в прямоугольник иконы, боковые края которой акцентируются вытянутыми справа и слева геометрическими формами зданий.

Нижняя часть изображения кажется несколько укороченной. Это впечатление создается не только тем, что сцена как бы резко срезается нижним полем, к которому вплотную подходит изображение. Этому же способствуют приземистые пропорции мебели и несколько укороченные нижние части фигур.

Оба стула и стол в «Троице» Эрмитажа простые, даже грубые, сравнительно большие по размерам. Они сбиты из широких досок и толстых перекладин; их не украшают никакие орнаменты, никакая резьба. Когда-то их почти сплошь покрывали довольно широкие линии шраффировок, проведенные с большими интервалами. Ныне линии эти сохранились лишь в левой части произведения. Эта суровость мебели, очевидно, смутила иконописца, и он, проводя штрихи, дал несколько небрежных и еле заметных завитков орнамента на левом стуле.

Суровость и тяжесть мебели играют роль в художественном решении произведения. Скамья и стол противостоят мягким драпировкам одежд, складкам шелковых тканей на сиденьях. Мебель вносит ритм прямых линий, которые держат всю композицию. Линии эти гармонируют со строгими аскетическими лицами изображенных, контрастируют с живописным натюрмортом на столе. Темно-коричневая окраска, которая обычно применялась для мебели в течение всей истории византийского искусства, притом не только в иконописи, но и в монументальной живописи и в миниатюре [27], также подчинена общей задаче. Сильно вытянутому прямоугольному формату иконы соответствует и вытянутый в длину стол, на широкой плоскости которого, изображенной в обратной перспективе, расположен натюрморт. Все предметы поставлены на столе уравновешенно, соответственно рациональному построению всей иконы. Центр натюрморта составляет большая красно-коричневая евхаристическая чаша на низкой ножке. Справа стоит чаша меньшего размера, зеленоватая по цвету, а также графин и стакан. В левой части композиции — такая же зеленоватая чаша и кувшин без стакана. По краям стола около ангелов лежат белые салфетки с красными полосками. Аналогичные салфетки есть в уже упомянутых нами «Троице» Афинского музея и в рукописи Иоанна Кантакузина. Правая салфетка во всех приведенных изображениях скомкана. Этот мотив смятой салфетки взят непосредственно из жизни. Он сделался каноническим моментом, повторяющимся в ряде сцен «Троицы», но не

---

[26] А. В. Банк. Византийское искусство, табл. 108—109. Н. Харалампус-Мурике (Ν. Χαραλαμποῦς-Μουρική. Ἡ παράστασις τῆς φιλοξενίας τοῦ Ἀβραὰμ σὲ μία εἰκόνα Βυζαντινοῦ Μουσείου. «Δελτιοῦ τῆς χριστιανικῆς ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας». Ἀθῆναι, 1963), исходя из поверхностного сходства с иконами «Троицы» Нарбонны и Афин, необоснованно датирует икону концом XV в.

[27] J. Tikkanen. Studien über die Farbengebung in der mittelalterlichen Buchmalerei. Helsingfors, 1933, S. 157.

утратившим своей связи с реальной жизнью. Левая сложенная салфетка занимает меньше места, в свободном углу стола над ней расположена вытянутая рука ангела. Особенно интересна морковь, лежащая на краю стола. Изображение овощей в сюжетных композициях произведений собственно византийского искусства появляется лишь в палеологовский период. Они представлены в сценах «Тайной вечери» [28] и «Брака в Кане» в Митрополии в Мистре [29] и в «Тайной вечери» в Бронтохионе в Мистре [30]. В XIII в. овощи показаны на миниатюре «Тайной вечери» в евангелии парижской Национальной библиотеки (gr. 54, л. 96 об.) [31] и во многих других памятниках. Их появление связано с появлением натюрморта, и поэтому они становятся почти обязательными в сценах трапезы. Это обычно морковь или репа, которые изображаются всегда вместе с зелеными хвостиками [32]. Они не только объединяют предметы, но и вводят живописный элемент, контрастируя с замкнутой линией контура сосудов.

Несомненно, что формы мебели и предметов на столе взяты непосредственно из жизни. Здесь изображен стул без спинки, с перекладинами между ножками. Он относится к типу τὰ σκάμνα или τὰ σκαμνία, которые назывались так потому, что первоначально делались из тутового дерева (ἡ συκαμινέα). Эти скамейки существовали очень длительное время и упоминаются у авторов разных эпох. Сиденья стульев в «Троице» покрыты тканью, что делалось для удобства и красоты. Такие ткани назывались τὰ σκαμνάλια [33]. Ткани эти бывали часто из шелка, центрами производства которого были Константинополь, Пелопоннес и Фивы [34]. Подножие, которое изображено на эрмитажной иконе, называлось τὸ ὑποπόδιον. Иногда на такую скамейку клали подушку или ковер, а позднее — кожу. В некоторых случаях такая скамейка имела отверстие, под которое ставилась жаровня с углями, чтобы обогревать ноги [35]. На эрмитажной «Троице» изображены такие скамейки самого простого типа, т. е. без подстилок и отверстий.

Посуда «Троицы» — керамическая, какая была обычно в бедных домах, в то время как состоятельные люди ели на серебре и золоте. Но, по свидетельству Никифора Григоры, в поздний период византийской истории «наступила такая бедность, что не было золотых и серебряных блюд и сосудов, но некоторые деревянные и большинство — керамические» [36]. Форма чаш и кувшина близка к красноглиняным изделиям XIII в., найденным во время раскопок в Херсонесе и хранящимся ныне в Государственном Эрмитаже (инвентарные номера X, 352; X, 358; X, 905; X, 288) [37].

Итак, иконографически тема ветхозаветной троицы развивается от ее трактовки как эпизода священной истории к чисто богословской ин-

---

[28] G. Millet. Op. cit., II, pl. 67.
[29] Ibid., pl. 78.
[30] Ibid., pl. 103,
[31] Д. В. Айналов. Указ. соч., табл. XXII.
[32] Изображение репы или моркови в научных трактатах известно в Византии начиная с VI в. (Венский Диоскорид; cod. Vind. med. gr. I, f. 89). См. Е. Э. Липшиц. Геопоники. М.—Л., 1960, табл. 17.
[33] См. Ph. Koukoulès. Vie et civilisation byzantines, t. II, 1. Athènes, 1948, p. 78—81.
[34] А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 147.
[35] Ph. Koukoulès. Op. cit., p. 81.
[36] Ibid., p. 65.
[37] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV в.). МИА, № 17, 1950, табл. XXXIII, 136; XVIII, 67; XVII, 65; XI, 49.

терпретации положения о троичности божества. Однако в эстетической интерпретации этой темы замечается склонность к усилению роли бытовых элементов. Самая функция предметов быта из формально-символической становится более реальной. Но интересно, что никакого увеличения количества бытовых предметов не происходит.

Мебель начинает играть бóльшую роль в схеме построения. Она удерживает и связывает прямолинейностью своих форм отдельные закругляющиеся линии и цветовые пятна композиции. Ее стиль (суровый или нарядный) соответствует настроению, передаваемому художником. Живописный и единый, окончательно сложившийся в это время натюрморт заполняет плоскость стола.

Из этих двух, казалось бы, противоположных изменений в иконографии и трактовке темы ветхозаветной троицы (усиление символического значения сюжета и увеличение роли бытовых элементов) наибольшее значение для истории искусства имеет второе, отражающее более общие и типичные явления в развитии живописи палеологовского времени. Роль бытовых предметов усиливается не за счет увеличения их количества, а за счет изменения их художественной функции.

Весьма возможно, что количество бытовых предметов потому не увеличивается в иконографии «Троицы» в палеологовский период, что этому препятствует символическая трактовка этого сюжета. Ранневизантийская его интерпретация как историко-биографического давала большой простор для внесения в него бытовых элементов. Таким образом, можно предполагать, что две противоположные тенденции — одна общая, характерная для византийского искусства палеологовского времени (стремление к жанровости), и другая частная (развитие сюжета ветхозаветной троицы в сторону его символической трактовки), — по-видимому, нейтрализовали друг друга.

Исследование других иконографических сюжетов (рождество богоматери, рождество Иоанна Предтечи, благовещение, успение и др.), как нам кажется, подтвердит выводы, сделанные на примере пока только одной иконографии «Троицы».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ VIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX В.

(Ответ рецензенту)

В XXIII томе «Византийского временника» (стр. 232—248) опубликована рецензия А. П. Каждана на мою книгу «Очерки истории византийского общества и культуры VIII—первой половины IX в.». (М.—Л. 1961, 481 стр.).

В своей чрезвычайно обстоятельной (почти постраничной) рецензии А. П. Каждан дал детальный разбор моей книги, в особенности ее трех первых разделов. Вопросы, затронутые рецензией, нередко представляют интерес, далеко выходящий за рамки данной книги. Наряду с отдельными справедливо отмеченными недочетами книги, явившимися главным образом результатом недосмотра при издательской подготовке (опечатками, описками и т. п.), в рецензии содержится множество замечаний, которые при тщательной и углубленной проверке оказались в своем подавляющем большинстве необоснованными. Так как рецензенту свойствен часто категорический, безапелляционный тон, его спорные и неверные высказывания могут неправильно ориентировать читателей в вопросах, и без того достаточно сложных [1]. Кроме того, вряд ли найдется много читателей, у которых хватит времени и терпения провести кропотливую работу по проверке массы мелких замечаний и поправок, которыми изобилует рецензия. Мне представляется поэтому необходимым рассмотреть их на страницах «Византийского временника».

Необходимо, однако, отметить, что рецензия требует ответа еще и потому, что изложение содержания книги создает совершенно неверное представление о задачах и характере «Очерков». Не упоминается в рецензии и об истории создания «Очерков» (а между тем о ней сказано во вводной главе), хотя несколько необычная судьба книги, казалось бы, того требовала [2]. Рецензент, по сути дела, в этом вопросе дезориентирует читателей.

Как это указано во вводной главе («Очерки», стр. 17), исследование было закончено автором в 1951 г., т. е. за десять лет до того, как увидело свет. Именно за эти десять лет некоторые из его глав были опубликованы в виде отдельных статей, а отнюдь не до завершения книги, как это неточно указано в рецензии (стр. 232). В течение этого времени автор «Очерков» был занят выполнением других плановых заданий. Накануне выхода книги в свет, в процессе подготовки к печати, автор, лишенный возможности увеличить заранее установленный объем книги, мог внести лишь очень немногие изменения и дополнения в первоначальный текст книги за счет снятия отдельных глав или их частей [3].

Автор постарался использовать при подготовке книги к печати важнейшие из достижений отечественной и зарубежной науки. Однако эти возможности были, разумеется, при этих условиях очень ограниченны. Отсюда явствует, что претензия, предъявленная рецензентом к автору, что он не учел или не разобрал достаточно подробно отдельные работы последних лет, в том числе даже такие, которые появились или были получены в Ленинграде во время нахождения книги в производстве или даже после ее выхода в свет, представляются, надо полагать, несправедливыми. Требовать при таких условиях полноты разбора новейшей литературы по всем разделам значит тре-

---

[1] Некоторые из таких суждений проникли уже и в научно-популярную литературу. См., например, «Хрестоматия по истории средних веков», т. I. М., 1961, стр. 371 (ср. ниже, стр. 264).

[2] Это тем более удивительно, что А. П. Каждану, работающему в той же системе, что и автор книги, и являвшемуся к тому же внутренним рецензентом книги до сдачи ее в Издательство АН СССР, вся история создания книги была отлично известна.

[3] В числе снятых разделов были: глава об Иоанне Дамаскине, полемические и историографические части глав о павликианском и иконоборческом движении, о Льве Математике и др. Сам рецензент не мог не обратить внимания на досадное исключение таких частей (ср. стр. 244, прим. 81).

бовать невозможного [4]. Невнимание рецензента к истории создания книги сказалось особенно ярко в том, что он написал на стр. 244. А. П. Каждан говорит: «Я начну с частного замечания. На стр. 185 Липшиц пишет: «Никифор в своем Большом Апологетике дает чрезвычайно яркую характеристику социального состава иконоборческой партии, на которую ранее не было обращено внимания»; к сожалению, это неверно: в 1958 г. П. Александер в специальной главе «Социальный состав иконоборческой партии» дал английский перевод и подробный комментарий соответствующего места». Рецензент не счел при этом необходимым упомянуть, что на соответствующий текст Никифора автор «Очерков» обратил внимание дважды — в 1950 и 1952 гг., т. е. за много лет до выхода книги П. Александера [5]. Не могу не сказать, что П. Александер, в отличие от А. П. Каждана, отметил в своей библиографии мою статью 1950 г.[6]

Еще бóльшие возражения вызывает общая характеристика книги, которую дает А. П. Каждан. Сравнительно узкие хронологические рамки (VIII — первая половина IX в.), ярко выраженный «очерковый» характер (особенно отчетливо проявившийся во второй половине книги в исследовательских этюдах об отдельных деятелях культуры) [7] и самое время завершения книги (1950—1951 гг.), задолго до начала среди советских историков дискуссии о периодизации византийского феодализма, о характере феодальной собственности, централизованной ренте и т. п., казалось, должны были бы ясно ориентировать рецензента в задачах книги. «Очерки» отнюдь не ставили своей задачей (и притом главной) обоснование той или иной концепции возникновения и развития византийского феодализма. Подобная задача не могла бы не отразиться на всей структуре книги. Автор, естественно, высказал свои взгляды на эти важнейшие вопросы, разрабатывающиеся в настоящее время в советской историографии, но лишь в тезисной форме, в кратких вставках в старый текст книги, чтобы отметить главные пункты своего несогласия с распространенной точкой зрения, адептом которой является рецензент.

Неправильно понятые рецензентом задачи книги привели его к ошибочному заключению о якобы имеющемся несоответствии между тем периодом времени, который рассматривается в книге, и тем, которого требовала бы моя концепция (V—IX вв.), о необходимости рассмотрения в данной книге проблем происхождения фемного строя, происхождения стратиотских участков, обоснования периодизации и даты начала второго периода и т. п. (ср. стр. 233, прим. 8; стр. 238 сл.; стр. 243). Все эти вопросы далеко выходят за хронологические рамки «Очерков», охватывающие всего 150 лет. На базе «Очерков» спорить на эти темы мне представляется нецелесообразным. Они слишком сложны, чтобы быть рассмотренными с надлежащей полнотой и в этой статье. Я рассчитываю к ним вернуться в дальнейшем в специальных статьях.

В предварительном порядке могу лишь отметить следующее.

1. Даже из того, что сказано в «Очерках», видно, что я вовсе не свожу все к результату внешних процессов и одной только славянской колонизации, как это утвер-

---

[4] А. П. Каждан хотя и положительно отзывается о приложенной к книге библиографии (стр. 233), однако в ходе изложения неоднократно упоминает о таких работах, как, например, труды Н. Кондова, Х. Г. Бекка, Р. М. Бартикяна, И. С. Дуйчева и др. Следует сказать, что даже книга А. П. Каждана («Деревня и город в Византии». М., 1960) смогла быть использована в момент редактирования книги в издательстве. Что касается книги Р. М. Бартикяна («Источники для изучения истории павликианского движения». Ереван, 1961), то она мне, как ее редактору, была, конечно, известна до выхода в свет, но я не считала возможным использовать ее до опубликования. К сожалению, из-за позднего получения в Ленинграде не было возможности рассмотреть и ряд вопросов, освещенных по-новому Х. Г. Бекком (H. G. B e c k. Kirche und theologische Literatur. München, 1959), в частности проверить обоснованность новой датировки жизни Никифора, Андрея Критского, изложения Иоанна Грамматика (ср. реценаию, стр. 246, прим. 97). О статьях И. С. Дуйчева и Н. Кондова см. ниже, стр. 251—252.

[5] Е. Э. Л и п ш и ц. Никифор и его исторический труд. ВВ, III, 1950, стр. 104; ср. «Очерки», стр. 295; Е. Э. Л и п ш и ц. Павликианское движение в Византии. ВВ, V, 1952, стр. 70—71; ср. «Очерки», стр. 185.

[6] P. I. A l e x a n d e r. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958, p. 240—241, 276.

[7] Книга была задумана и запланирована как исследование по истории культуры иконоборческого периода, что не могло не наложить на нее отпечатка даже в ее окончательном виде, когда вводные главы, посвященные социально-экономической истории, выросли до размеров половины книги. Строго исследовательский характер книги определил собой ее известную неравномерность. В книге отдельные главы посвящены только тем деятелям культуры, которые явились предметом специальных изысканий автора «Очерков». Даже о таких крупных деятелях и писателях, как Феофан, Феодор Студит, Иоанн Дамаскин, говорится лишь в ходе изложения в других главах. Книга не случайно названа «Очерками».

ждает А. П. Каждан (стр. 234 и 235). Так, в «Очерках» (стр. 23) говорится отнюдь не только о славянских общинах: «Наличие к V—VI вв. широкой прослойки свободных крестьянских общин подтверждается всей совокупностью наличных источников, и в первую очередь законодательными памятниками» [в примечании цитируются слова М. В. Левченко, который отмечает, что «свободные варварские и туземные поселения являлись одним из главных источников пополнения восточноримской армии» (М. В. Левченко. Материалы. . ., ВС, стр. 37), а также перечислены ссылки на свидетельства законодательных памятников о местных общинах в горных провинциях Малой Азии]. Аналогичным образом поставлен вопрос и в другом месте «Очерков» (стр. 49 сл.). Вместе с тем я считаю славянскую колонизацию важнейшим источником распространения общины. Именно поэтому подробное рассмотрение этнических перемен, славянских вторжений и взаимоотношений славян с империей и предпослано изучению общественных отношений и культуры в непосредственно интересующий меня в «Очерках» период.

2. По моему мнению, институты экскуссии, пронии, феодальный строй и классы византийского общества находились в постоянном и противоречивом развитии как на протяжении всей истории Византии, так и в пределах каждого периода (ср., например, «Очерки», стр. 211 сл.). Поэтому доводы, приводимые рецензентом (стр. 240), что экскуссия и прония в изучаемое мною время еще очень далеки от развитых феодальных институтов XI и позднейших веков, или что в VIII в. не могло быть периодических переделов земли, потому что их не было в X в. (стр. 237), или что морта в Земледельческом законе VIII в. не являлась «специфической рентой в пользу духовного собственника, как полагал Васильевский; ближайший по времени к Закону документ, упоминающий морту, — грамота 1008 г., где получателями морты выступают светские и отнюдь не очень богатые собственники» (стр. 238), — неубедительны [8]. Они, по сути дела, основаны на неприемлемом для нас утверждении о неизменности общественных институтов Византии на протяжении нескольких столетий.

Само собой разумеется, что на начальных стадиях развития феодального общества мы не можем наблюдать все его черты, в том числе и институты пронии и экскуссии, во вполне сложившейся форме, аналогичной той, какую они приняли в XI в. и позднее. Прослеживание же их зарождения и начальных стадий является важной задачей. Факт экскуссии при Юстиниане II, и притом характеризуемый как «яркий», установлен не только мною, но и Г. А. Острогорским (о чем не упоминает А. П. Каждан). Г. А. Острогорский относит время складывания византийского феодализма лишь к XI в., но связывает его начало с укреплением фемной знати в VIII в.[9] Генетическая связь экскуссии и солемний с позднейшими формами византийской экскуссии-иммунитета и пронией кажется мне несомненной. То же относится и к формированию классов византийского общества (стр. 243), которое, вероятно, нет оснований считать законченным в первый период. Надо думать, что в Византии все эти процессы затянулись на очень долгий срок.

Обращаюсь к рассмотрению частных замечаний рецензента.

На стр. 234—235 А. П. Каждан пишет: «На стр. 28 и сл. Липшиц, ссылаясь, в частности, на П. Хараниса и Д. Моравчика, датирует Монемвасийскую хронику „не позже конца IX — начала X столетия“, — в действительности же эта хроника датируется концом X—XI в. (она не могла быть написана до правления Никифора Фоки)». Прежде чем перейти к существу дела, не могу не отметить, что рецензент не заметил, что ссылка на П. Хараниса и Д. Моравчика отнесена в книге к предшествующей фразе, а вовсе не к той, где рассматривается вопрос о датировке. Работы обоих исследователей названы в числе других в общей библиографической справке, касающейся хроники, а отнюдь не датировки. П. Харанис и Д. Моравчик действительно придерживаются того мнения, что хроника была составлена во времена Никифора Фоки или немного позже. Однако вопрос этот является отнюдь не столь бесспорным, как это кажется рецензенту. П. Харанис в своих ценных исследованиях (показавших с убедительностью достоверность известий хроники) по вопросу о датировке этого сложного источника формулирует свою мысль в гораздо более осторожной форме, чем это делает А. П. Каждан [10]. Доводом в пользу второй половины X в. является, по мнению П. Хараниса, наблюдение, сделанное Кугеасом в Ивирском списке хроники: там о Никифоре I говорится, как о «Никифоре старшем, который имел сына Ставракия». Именно в этом обстоятельстве П. Харанис видит основание для отнесения хроники ко времени царствования Никифора Фоки или немного позже. При всей важности этого наблюдения его нельзя считать достаточно твердым основанием для новой датировки хроники. Ивирский список XVI в. отстоит от предполагаемого времени возникновения хроники на шесть столетий. У нас нет никаких данных для суждения о том, не явились ли эти поясни-

[8] Ср. также ниже, стр. 255.

[9] Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 62—63, Ср. idem. La commune rurale byzantine. Byz., 32, 1962, p. 153, 158. Генетическую связь солемний с позднейшей пронией признает и сам А. П. Каждан (стр. 240).

[10] См. P. Charanis. The Chronicle of Monemvasia. DOP, V, 1950, p. 156.

тельные слова глоссой кописта. С другой стороны, все прочие перечисленные П. Харанисом основания для датировки (впервые встречающееся у Константина Порфирородного упоминание цыган, данные о Демене и деменитах — IX—X вв., параллельные тексты схолии Арефы 932 г. и, наконец, Анонима IX в., составленного, вероятно, в своем окончательном виде после 864 г.) говорят в пользу конца IX—первой половины X в. Руководствуясь этими соображениями, я сочла более надежной датировку хроники концом IX — первой половиной X в.[11]

А. П. Каждан делает некоторые замечания насчет славянских вторжений. Так, на стр. 234, прим. 11, он отмечает разнобой в терминологии названий славянских племен: «Липшиц называет их то велегезитами (стр. 30), то вельзитами (стр. 43, прим. 81)». Однако такой же разнобой в терминологии мы имеем и в цитированных мной источниках: в Деяниях Димитрия говорится о велегезитах (τῶν βελεγεζητῶν: PG, t. 116, col. 1325), у Феофана — о Вельзитии (τῆς Βελζητίας; Theoph., Chron., p. 473. 33).

А. П. Каждан ошибочным образом относит на стр. 234, прим. 10, слова В. Велкова к разобранным мной в тексте находкам в поселениях VI в. (Садовицы, Исперихово). А. П. Каждан пишет: «Надо, однако, отметить, что, по мнению В. Велкова („Градът в Тракия и Дакия през късната античности". София, 1959, стр. 140), в этих городищах и селищах были найдены „*античные* земледельческие орудия"» (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*). В действительности цитированные слова В. Велкова относятся не к этим датирован ным VI веком городищам, а к перечисленным в предшествующем абзаце недатированным находкам [12].

На стр. 235 А. П. Каждан справедливо указывает на желательность использования в главе о славянских вторжениях работы И. Дуйчева, к сожалению, оказавшейся в моем распоряжении только в момент правки корректуры книги. Однако А. П. Каждан удивительно неточно толкует и неполно излагает соответствующее место статьи И. С. Дуйчева. Он пишет: «Например, Липшиц подробно говорит о подчинении славян Византии и об их восстаниях против византийской власти, однако она не ставит вопроса о существовании *самостоятельных* (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*) славянских княжеств на территории империи. Думается, прав И. Дуйчев, когда он пишет о возникновении „подлинных славянских княжеств" в разных частях Византии» (при этом А. П. Каждан ссылается на кн.: I. Dujčev. Les slaves et Byzance. «Études historiques», I. Sofia, 1960, p. 34). И. С. Дуйчев действительно пишет, что «в некоторых районах империи, как следствие численности и однородности славянского населения, появились подлинные славянские княжества». Однако он указывает, что эти княжества «под властью их князей, как правителей, признанных Константинополем, продолжали длительное время существовать как образования *полунезависимых* племен в лоне империи» (formations des tribus semi-indépendantes au sein de l'empire) (курсив мой. — *Е. Л.*). Неужели А. П. Каждан считает, что полунезависимость равнозначна самостоятельности?

А. П. Каждан, требуя от меня постановки вопроса о существовании самостоятельных славянских княжеств, по существу идет намного дальше И. С. Дуйчева, который гораздо осторожнее и, на мой взгляд, правильнее оценивает положение [13].

Неполнота изложения рассматриваемого места работы И. С. Дуйчева сказалась и в том, что А. П. Каждан не упомянул, что, по мнению И. С. Дуйчева, это внедрение славян в империю протекало уже в первой половине VI в. (тремя путями — привлечением на службу империи отдельных славян, принятием некоторых групп славян-федератов, а также путем колоната). Именно как следствие всех этих процессов И. С. Дуйчев и рассматривает создание тех славянских княжеств, о которых говорит А. П. Каждан. Для спора же с автором «Очерков», которым в данном месте рецензии занят А. П. Каждан, это было бы как раз очень важно, так как говорит в пользу взглядов автора «Очерков» [14].

---

[11] И П. Лемерль в своей новой работе о Монемвасийской хронике пришел к заключению, что вставка «старший» является позднейшей глоссой; он считает, что хроника была составлена д о царствования Никифора Фоки (P. L e m e r l e. La chronique improprement dite de Monemvasie: le contexte historique et légendaire. REB, XXI, 1963, p. 139).

[12] На стр. 235 (прим. 14) неверно истолкован смысл фразы («Очерки», стр. 29) о публикации И. Вернера. Речь идет, конечно, не о находках славянских *поселений*, как это мне приписал А. П. Каждан, а о вещественных находках, являющихся очень важным (редким) археологическим доказательством пребывания (поселений) славян в Северной Греции.

[13] Ср., например, А. А. В а с и л ь е в. Славяне в Греции. BB, V, 1908, стр. 426.

[14] Обращает на себя внимание нелогичность и противоречивость замечания А. П. Каждана (стр. 235, прим. 17). Он оспаривает убедительность приведенной у меня в доказательство поселения славян в первой половине VI в. ссылки на Прокопия (Pro c o p i i De bello Goth., I, 27. 2), «потому что Прокопий в этом месте говорит о гуннах,

Рецензент, полемизируя с автором по поводу статьи В. К. Тыпковой-Займовой, старается преуменьшить убедительность высказанных ею мыслей о появлении поселений славян на территории империи в первой половине VI в.[15] Он характеризует содержание статьи В. Тыпковой-Займовой, как использовавшей якобы только «Лимонарь» Моска, и обращает внимание на то, что у Моска речь идет не о славянах, а о «варварах». В действительности же статья и выводы основаны на анализе ряда источников (Прокопия, Комита Марцеллина, Малалы, Феофана) и литературы. Именно этот анализ и дал автору статьи основания интерпретировать по-своему «Лимонарь» и раскрыть значение термина «варвары» по-новому: «Едва ли можно сомневаться в том, что речь идет о славянах, хотя, разумеется, нельзя отрицать, что среди них могли быть и другие варвары, например протоболгары, так как в те годы они обыкновенно совершали свои нашествия одновременно» (В. Тыпкова-Займова. Нападения. . . , стр. 6). Соображение В. К. Тыпковой-Займовой, что именно обычный характер мелких славянских нападений еще ранее середины VI в. указывает на близость поселений славян, А. П. Каждан не считает убедительным (стр. 235, прим. 17). Следует сказать, что в своей новой работе В. Тыпкова-Займова привела много новых подтверждений своей точки зрения: «По всяка вероятность славяни са идвали в земите на полуострова още през V в., а може би и порано, как то сочат редица местни имена от славянски произход, засвидетелствувани вече през средата на VI в. у Прокопий». По ее мнению, «массовите нахлувания на славяни започват безспорно в началото на VI в.». Автор этой статьи опирается в своих выводах не только на старые исследования Л. Нидерле и М. Дринова, но и на новые, в особенности на работу В. Георгиева о топонимике Балканского полуострова (В. Георгиев. Най-старите славянски имена на Балканския полуостров и тяхното значение за нашия език и нашата история. «Бълг. ез.», год. VIII, 1958, кн. 8, стр. 321 сл.) [16]. Эти новые данные, конечно, могут значительно восполнить те, которые приведены в моей книге, и подкрепить новыми аргументами высказанный мною взгляд, что начало славянской колонизации протекало по крайней мере на столетие раньше VII в. (о том, что дата начала второго периода не должна обязательно совпадать с началом славянской колонизации, см. выше, стр. 249).

Рассматривая главу об аграрных отношениях, А. П. Каждан уделяет внимание Земледельческому закону [17].

Рецензент особо останавливается на рассмотрении вопроса о сельскохозяйственной технике. По мнению А. П. Каждана, опирающегося на статью Н. К. Кондова, не использованную мною из-за ее позднего появления, «действительно, те факты, которые приводит Липшиц, говорят лишь о применении огня в мелиоративных целях, при расчистке леса, а не при обработке почвы для ее кратковременного использования (как при лядной системе)» (рецензия, стр. 236).

При решении этих вопросов А. П. Каждан не принял во внимание следующее: 1. В Земледельческом законе нет ни одной статьи, в которой были бы налицо все элементы лядной или какой-либо иной системы хозяйства. 2. Возможность гипотезы о лядной системе создается совокупностью статей Земледельческого закона, характеризующих а) обстановку, в которой только и возможна подобная система хозяйства, и б) от-

---

склавинах и антах, живущих по другую сторону Истра (οἱ ὑπὲρ ποταμον Ἴστρον), недалеко от его берега . . .Зато Липшиц не привлекает достоверного известия Прокопия (*De bello Goth.*, III, 14. 32) о поселении антов около 540—544 гг. в задунайской крепости Туррис в качестве федератов империи (см. I. D u j č e v. Op. cit., p. 33)». Нетрудно, однако, убедиться, что, говоря об этой крепости, Прокопий употребляет то же выражение, что в первом случае (ὑπὲρ ποταμὸν Ἴστρον).

[15] В. Т ы п к о в а - З а й м о в а. Нападения «варваров» на окрестности Солуни. ВВ, XVI, 1959, стр. 7.

[16] В. Т ъ п к о в а - З а й м о в а. По някой въпроси за етническите промени на Балканите през VI—VII в. «Известия на Института за история БАН», XII, 1963, стр. 76 сл., 81 сл. и русский пер., стр. 97—98.

[17] Непонятно, почему, говоря о новой датировке Земледельческого закона, он ссылается на мою статью 1945 г. (рецензия, стр. 236, прим. 21), но не упоминает о том, что мотивировка пересмотра даты Земледельческого закона дана в «Очерках» (стр. 249 сл.). А. П. Каждан считает, что последовательное принятие вывода о том, что закон отражает обычаи и порядки, отнюдь не совпадающие со временем его официального признания, «ставит автора . . . в затруднительное положение: действительно, если Земледельческий закон возник в *начале* VIII в., а отраженные в нем общественные порядки сложились *еще ранее* (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*), то, строго говоря, его свидетельства ведут нас прежде всего все в тот же век больших общественных сдвигов — в VII век». Не могу не спросить рецензента, почему не в VI или V в.? У нас нет никаких источников для суждения по этому вопросу. Обычаи и порядки, отразившиеся в Законе, могли складываться в «варварской» среде и раньше VII в.

дельные моменты, свойственные этой системе производственных процессов. 3. Применение лядной системы хозяйства возможно лишь при наличии запущенных или новых необработанных земель в диких, лесистых, малонаселенных районах — именно такие природные условия рисует совокупность статей Земледельческого закона. На это было обращено внимание в моей статье и вновь (в более краткой форме) в «Очерках» [18]. 4. Этапы производственного процесса, указывающие на возможность применения лядной системы, наиболее отчетливо видны в статье 56, разобранной мною в связи с ее славянскими переводами. Поскольку в этой статье говорится о разведении огня в своем лесу или поле (ἐν ὕλῃ ἰδίᾳ ἢ ἐν ἀγρῷ), совершенно ясно, что речь идет здесь не о выжигании стерни в мелиоративных целях, а о расчистке лядины, леса, выжигаемого под пашню. Но, разумеется, и эта статья, взятая в отдельности, не рисует всей картины полностью. А. П. Каждан же ограничился по поводу этой статьи совершенно непонятно на чем основанным утверждением, что «ст. 56 говорит о разведении огня в лесу или в поле (отмечу попутно, что рецензент произвольно опустил важное для истолкования статьи слово «своем». —*Е. Л.*), что опять-таки не связано ни с лядной системой, ни даже с расчисткой леса» (рецензия, стр. 237, прим. 25). Что касается статьи 57, на которую указал рецензент, то она была бы важным доказательством в пользу лядной системы, если бы в ней не говорилось о выжигании чужого (ἀλλότριον) леса и вырубке чужих (ἀλλότρια) деревьев. К тому же лучшие рукописи Земледельческого закона дают здесь чтение ὄρος, т. е. холм или граница, а не ὕλη — чаща леса [19]. На стр. 237 А. П. Каждан пишет: «Более существенное значение для решения вопроса о лядной системе имела бы ст. 12, где предполагается (хотя и осуждается) такая обработка земли, когда крестьянин, не вспахав поле, разбросает по нему семена. Липшиц не обратила внимания на эту статью, а она, может быть, станет понятной при допущении каких-то элементов подсечно-огневой системы полеводства». Между тем в моей работе «Византийское крестьянство» статья 12 не только упомянута, но и специально разобрана мною вслед за П. В. Безобразовым [20].

Вопрос о том, использовался ли огонь на землях только в мелиоративных целях, как утверждает А. П. Каждан, ссылаясь на статью Н. К. Кондова, принадлежит к числу тех, которые уже давно вызывают споры в византиноведении. Из-за состояния наших источников он, разумеется, не может быть решен с полной убедительностью. Однако думается, что Закон содержит много косвенных данных, которые в своей совокупности представляют серьезные основания в пользу признания существования лядной системы наряду с другими системами хозяйства. После работы Г. Цанковой-Петковой этот взгляд получил новое подтверждение. Г. Цанкова-Петкова подробно разобрала аргументацию Н. К. Кондова и А. П. Каждана, а также и мою, и пришла к заключению, что собранный ею материал подтверждает предположение о существовании подсечно-огневой системы хозяйства у балканских славян [21].

Рецензент неоднократно упрекает автора в чрезмерной осторожности при решении вопросов об объеме крестьянских прав собственности по данным Земледельческого закона, о периодических переделах земли в VIII в. и т. п. (стр. 237). Полагаю, что, если источники не дают достаточно материала для твердого решения этих спорных вопросов, категоричность тона здесь неуместна (ср. также сказанное мной выше, стр. 250).

Касаясь общей оценки Земледельческого закона, А. П. Каждан высказывает сомнение в правильности оценки стиля Земледельческого закона как «официального и повелительного» и ссылается при этом на сходство Закона с Салической правдой и на наличие в Законе типичных для памятников обычного права повторений и противоречий (стр. 236, прим. 20). В том, что Земледельческий закон является в своей основе памятником обычного права, нет никаких оснований сомневаться. Здесь у меня нет никаких расхождений с рецензентом (ср. «Очерки», стр. 54). В отношении же повелительного официального стиля изложения Земледельческий закон едва ли чем-либо отличается от таких памятников несомненно официального происхождения, как Эк-

---

[18] Из перечисленных у меня в примечании статей («Очерки», стр. 57, прим. 19) все характеризует эту картину: ст. 20 (вырубка и возделывание чужого леса); ст. 23 (волки); ст. 39 (чаща леса); ст. 40 (рубка деревьев); ст. 43 (волки, нападающие на скот); ст. 56 (разведение огня в своем лесу); ст. 12 [ошибочно напечатано 72 (поверхностная обработка поля)]. На стр. 60 у меня приведены статьи, свидетельствующие о частом применении огня (ст. 58, 64, 65). Подробный разбор соответствующих текстов Закона дан мной в статье «Византийское крестьянство и славянская колонизация», к которой я и отсылаю читателя (см. «Очерки», стр. 57, прим. 19).

[19] W. Ashburner. The Farmer's Law. JHS, XXX, 1910, p. 105.

[20] Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, 1945, стр. 112; ср. также выше, прим. 18.

[21] Г. Цанкова-Петкова. Към въпроса за селскостопанската техника в средновековна България и в някои съседни балкански области. «Известия на Института за история БАН», XII, 1963, стр. 131, со ссылкой на мою статью и «Очерки», стр. 59 сл.

лога, Прохирон; поэтому сомнение А. П. Каждана в данном случае мне представляется неосновательным.

На стр. 238 А. П. Каждан переходит к рассмотрению круга вопросов, связанных с крупной земельной собственностью. При этом он указывает, что, как ему кажется, масштабы крупной собственности VIII—IX вв. несколько преувеличены автором «Очерков». Неполнота имеющихся в нашем распоряжении источников, разумеется, не дает возможности выяснить вопрос с полной достоверностью. Однако я полагала бы, что если рецензент упоминает только о нескольких из упомянутых и рассмотренных в соответствующей главе фактах, ему следовало бы сказать, что там имеется немало других [как, например, данные о богатейших владениях Студийского монастыря («Очерки», стр. 84 сл.), об императорском землевладении (стр. 76 сл.), о светском землевладении Данилиды, Тарасия, Никифора, Платона, судовладельцев-навклеров и т. д. (стр. 77 сл., 80)][22]. Иначе у читателя создается ложное впечатление, что фактами, взятыми рецензентом под сомнение, дело исчерпывается.

А. П. Каждан высказывает предположение (стр. 238), что вопрос о том, сколь значительным было сокращение крупной земельной собственности по сравнению с предшествующим периодом, в книге не рассмотрен, по-видимому, потому, что «это вытекает из общей концепции Липшиц, рассматривающей. . . весь период от конца V до середины IX в. как нечто единое» (ср. также стр. 240). Думается, что подобное объяснение, предложенное рецензентом, является в корне неверным уже по тем соображениям, что даже если рассматривать «весь период как нечто единое», это отнюдь не предполагает, что общественные отношения в пределах этого четырехсотлетнего периода оставались неизменными. Рецензент мог бы легко убедиться в том, что в моей позднейшей работе (опубликованной еще до выхода книги в свет и, следовательно, до рецензии А. П. Каждана), в которой я отнюдь не отступаю от своей концепции, я писала: «В результате войн на восточных границах и отторжения ряда территорий Халифатом, а также в силу аварских и славянских вторжений на Балканах крупному землевладению был нанесен в VI—VIII веках сильный ущерб. Заметный ущерб нанесли ему и конфискации Юстинианом имений сенаторов, участвовавших в восстании Ника. В целом во второй период истории Византии значение частного крупного землевладения уменьшилось за счет расширения государственных и императорских земельных фондов, а также за счет свободных крестьянских общин»[23]. Объяснение того, почему в книге не поставлен интересующий А. П. Каждана вопрос, сколь значительно было это сокращение и как обстояло дело более точно, рецензент мог бы найти на стр. 17 «Очерков»[24]. Невозможность решить этот вопрос определяется состоянием источников. Сходный упрек сквозит и в словах рецензента на стр. 235. Но разве можно сомневаться, что такие твердо установленные факты, как военные события VII в. — потеря Сирии, Египта, славянские вторжения, — явились глубокими потрясениями для империи?[25] Можно ли в угоду концепции пренебрегать фактами?

В этой связи А. П. Каждан обращается к рассмотрению данных о морте Земледельческого закона (ст. 9—10). Выше (стр. 250) уже рассматривалось одно из возражений

---

[22] В этой связи А. П. Каждан выражает сожаление, что автор книги на стр. 105 (в следующей главе, при повторном упоминании данных о крупном землевладении. — *Е. Л.*) не дает ссылок на источники, не упоминает, откуда почерпнуты цифры, дающие основание говорить о «тысячах зависимого люда». Полагаю, что на интересующий рецензента вопрос он мог бы получить исчерпывающий ответ в главе, специально трактующей о крупном и среднем землевладении, где в примечаниях даны все ссылки. В частности, указанный в сноске («Очерки», стр. 77, прим. 68) текст Продолжателя Феофана (р. 226 сл. и 317 сл.) сообщает о Данилиде: «так как у нее было несметное количество зависимых людей, буквально — рабов, после ее смерти по приказанию императора три тысячи из них получили свободу и образовали колонию, посланную в фему Лангобардию» (ἐπεὶ δὲ τὰ οἰκετικὰ ταύτης ἀνδράποδα εἰς πλῆθος ἄπειρον ἦν, κελεύσει βασιλικῇ ἐκ τούτων ὥσπερ εἰς ἀποικίαν ἐπ' ελευθερίᾳ ἐστάλησεν εἰς τὸ θέμα Λαγοβαρδίας τρισχίλια σώματα) (Theoph. Cont., p. 321).

[23] Е. Э. Липшиц. Город и деревня в Византии в VI—первой половине IX в. Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines (Ochride, 10—16 Septembre 1961), t. I. Beograd, 1963, p. 18—19.

[24] «Наличные материалы не дают возможности судить ни о степени распространения крупного землевладения в отдельных районах империи, ни о его организации и хозяйстве» («Очерки», стр. 17).

[25] Ссылка А. П. Каждана на статью П. Лемерля (стр. 238, прим. 34) неточна (ср. P. Lemerle. Esquisse. . ., «Rev. hist.», t. 219, 1958, p. 62). Непонятно также, почему А. П. Каждан называет П. Лемерля «антиэволюционистом». П. Лемерль не признает революционного кризиса VII в., но не отрицает эволюции (см., например, P. Lemerle. Les répercussions de la crise de l'empire d'Orient au VIIe siècle sur les pays d'Occident. Spoleto, 1958, p. 731 (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo); P. Lemerle. Esquisse. . ., «Rev. hist.», t. 220, 1958, p. 92).

А. П. Каждана против предположения В. Г. Васильевского и моего, что морта могла уплачиваться духовному собственнику, на что указывает сакральный характер наказания. Однако А. П. Каждан не ограничился одним возражением. Он пишет (стр. 238): «. . . ничего не доказывает и сакральный характер наказания (стр. 72) — формулировка этого сакрального наказания носит неканонический характер (прим. 36: H. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen, S. 59) и, следовательно, не должна непременно относиться к сфере церковно-монастырской собственности».

Приведенный А. П. Кажданом довод со ссылкой на Г. Шмида, как будет показано ниже, отнюдь не дает оснований для такого заключения. Г. Шмид, приводя высказывания В. Г. Васильевского и других присоединившихся к последнему исследователей (Цахариэ, Малафосса, Эшбернера), приходит к следующему выводу: «Очевидно, постановление о десятине, включающее духовную санкцию, имело в виду служить охраной исков церковных землевладений (dem Schutze der Belangen der kirchlichen Grundherrschaften), и мы поэтому должны искать автора Земледельческого закона в ряду епископов, настоятелей монастырей или их советников по юридическим вопросам» [26]. Из приведенной цитаты видно, что Шмид не только не сомневается в правильности взгляда В. Г. Васильевского, но что он идет в своих выводах еще дальше, так как видит в этой статье доказательство церковно-монастырского происхождения всего Закона. В следующей фразе Шмид возражает против высказанной В. Эшбернером гипотезы [27], что в статье Земледельческого закона, может быть, отразилось законодательное постановление церковного собора. Шмид указывает, что «против этого говорит ее неканоническая форма: собор или синод угрожал бы неисправному неплательщику десятины наказанием, предусмотренным каноническим правом, как, например, отлучением или анафемой».

Нетрудно видеть, что вырванные А. П. Кажданом из контекста слова «неканоническая форма» отнюдь не могут служить доводом против предположения о том, что в статье идет речь о церковном землевладении, т. е. о том, что́ нас в данном случае именно интересует. Если источником статьи и не было постановление церковного собора, ее связь с монастырским или церковным землевладением, по мнению Г. Шмида, несомненна. Ссылка на Г. Шмида в той форме, в какой она сделана рецензентом, может лишь ввести в заблуждение читателей в отношении взглядов этого автора на существо интересующего нас вопроса.

На той же странице А. П. Каждан вновь поднимает вопрос об истолковании данных жития Филарета Милостивого. Он утверждает, что житие отнюдь не является бесспорным свидетельством в пользу существования крупной собственности в VIII в. («Очерки», стр. 77 и сл.): «К сожалению, Липшиц не упоминает о возражениях, которые были выдвинуты Г. А. Острогорским (прим. 37: рецензия на книгу Руйар. — G. Ostrogorsky. BZ, 47, 1954, p. 422) и другими исследователями против принятого ею толкования этого жития: напомним, что отец Филарета был крестьянином, а все владения Филарета помещались на территории *одной* деревни, где, кроме него, было много крестьян и „династов“» (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*).

Нужно сказать прежде всего, что в источнике нет указания, что все владения Филарета помещались на территории «одной» деревни. Нет там и указания на то, что в этой деревне, «кроме него, было много крестьян и „династов“» [28]. Там говорится лишь, что «все его проастии были захвачены соседними династами и крестьянами» (τὰ προάστεια αὐτοῦ πάντα ἁρπαγῆναι ὑπὸ τῶν γειτονεύοντων δυναστῶν καὶ γεωργῶν. — Byz., 9, 1, 1934, p. 116—117). Следовательно, то, что все имения и проастии Филарета были в пределах *одной* деревни, является предположением А. П. Каждана. Этому предположению, однако, противоречат масштабы владений Филарета. Какой же должна быть деревня, если в ней находилось 48 проастиев Филарета с обширными землями (προάστια δὲ πολλῆς γῆς πεπληρωμένα), не говоря уже о владениях соседних династов и крестьян и о прочих угодьях? Речь идет, очевидно, не об одной деревне, а об одной сельской округе. Несомненно, что Филарет владел крупной по своим масштабам собственностью, хотя и происходил из крестьян и хотя цифры, указанные автором жития, по всей вероятности, преувеличены.

---

[26] H. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen. JÖBG, 6, 1957, S. 59; cp. J. de Malafosse. Les lois agraires à l'époque byzantine. «Recueil de l'Académie de Législation», 19. Toulouse, 1949, p. 36.

[27] W. Ashburner. The Farmer's Law. JHS, XXXII, 1912, p. 82.

[28] Г. Острогорский говорит лишь о том, что Филарет сам жил в деревне (ein im Dorfe selbst wohnende Grossbauer). Ф. Дэльгер («Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung». Berlin, 1927, S. 137 f.), на которого ссылается здесь Г. Острогорский, также писал, что Филарет не вышел из состава сельской общины (Dorfgemeinschaft), несмотря на свои большие богатства, принадлежал к знати (Adel) сельского округа и что дом его выделялся своей особой значительностью (Ansehnlichkeit) из прочих домов деревни (woraus sich ergibt, dass Philaretos im Dorfe selbst gewohnt hat), т. е. что он сам жил в деревне.

Вопрос о том, можно ли считать собственность таких разбогатевших крестьян феодальной или, следуя за Г. А. Острогорским [29], рассматривать как феодальную собственность только такую, которой располагало высшее сословие феодалов, не был мною исследован в «Очерках» по причинам, указанным выше (стр. 249). Решение этого дискуссионного и сложного вопроса, так же как и вопроса, как правильнее понимать значение термина «феодализм», заслуживает специального внимания. Здесь не место об этом говорить [30].

Выше также отмечалось, что проблема происхождения стратиотских участков не рассматривалась в «Очерках», так как она выходит далеко за пределы исследуемого мною периода (ср. стр. 249). А. П. Каждан, однако, не ограничивается упреком, что в книге не освещена дискуссия по этому вопросу, разгоревшаяся в конце 50-х годов. Он высказывает сомнение и в том, можно ли рассматривать вопрос о стратиотах в главе о крупном и среднем землевладении, «ибо стратиотов (до реформы Никифора Фоки) принято относить к крестьянам; только со второй половины X века образуется прослойка стратиотов-рыцарей» (стр. 238).

Данные Эклоги показывают, однако, что уже в VIII в. стратиоты становились сословием, возвышавшимся над крестьянской средой (Эклога, XII, 6) [31]. Об этом свидетельствует, в частности, текст Эклоги, который запрещает не только военным и гражданским сановникам, но и стратиотам выступать в роли эмфитевтов императорских и церковных земель.

В примечании (стр. 238, прим. 39) рецензент делает еще ряд дополнительных замечаний. Он пишет: «Липшиц (стр. 243), переводя заголовок XVI титула, опускает слово ὑπεξούσιοι, а технический термин καστρένσια κέρδη (bona castrensia) передает: „воинское (точнее лагерное. — *Е. Л.*) снаряжение". Из Эклоги (XVI, 1) следует, что στρατιωτικὰ πεκούλια — это римское peculium castrense, т. е. имущество, приобретенное „подвластными" и находившееся в их полном распоряжении — вплоть до права завещать его. Ничего общего со стратиотскими участками X века peculia castrensia Эклоги не имели».

По поводу этих соображений рецензента не могу не заметить, что:

1. Термин καστρένσια κέρδη отождествлен А. П. Кажданом с bona castrensia неверно. Латинскому термину bona castrensia в Эклоге соответствует греческий термин στρατιωτικὰ πράγματα, т. е. собственное (ἰδιόκτητον) имущество стратиота (ср. толкование: Н. П. Благоева. Еклога, стр. 208; C. Spulber. L'Eclogue, p. 56). Καστρένσια κέρδη, как указывает смысл слова κέρδος — gain, profit (ср. Liddel-Scott, s. v.), доход, прибыль, — это и есть имущество, приобретенное стратиотами во время прибывания на военной службе.

2. Приводя мой перевод заглавия титула, А. П. Каждан ошибочно приписал мне толкование термина κέρδος в смысле «снаряжение» и опустил произвольно очень важное здесь слово «приобретение» (см. «Очерки», стр. 243).

3. Термин «подвластные» отсутствует и в греческом тексте Эклоги, изданном А. Монферратом, внесшим ряд улучшений и исправлений в издание Цахариэ с учетом Афинской рукописи Эклоги [32]. Следует признать, что нужно было бы в тексте «Очерков» указать на издание, которым я пользовалась, а также, во избежание недоразумений при цитировании названия, не претендующего на полноту, снять кавычки.

4. Привлеченный А. П. Кажданом текст Эклоги (VIII, 7) нельзя так категорически рассматривать как не имеющий отношения к стратиотам (см. рецензию): «в титуле VIII, 7 упоминаются не стратиоты, а στρατευόμενοι». Рецензенту следовало бы принять во внимание или по крайней мере упомянуть о точке зрения С. Спулбера, который, основываясь на рукописной традиции ватиканского Прохирона, настаивает, что здесь правильно чтение именно στρατιῶται (см. Spulber. Op. cit., p. 40, note 2). Рецензент прав, указывая, что эта статья, которую он рассматривает, введенный в заблуждение досадной опечаткой [33], не служит доказательством того, что «стратиоты возвышались над крестьянской средой».

---

[29] См. G. Ostrogorsky. La commune rurale byzantine, p. 149.

[30] А. П. Каждан далее отмечает сомнительность числа византийских монахов, указанного в «Очерках» по данным И. Д. Андреева. Эта подозрительность, может быть, не лишена оснований. Надо полагать, однако, что такой знаток истории византийской церкви, каким был И. Д. Андреев, вероятно, не стал бы говорить о числе монахов, не располагая сведениями. К тому же никаких других конкретных данных, опровергающих правильность этого числа, рецензент не привел.

[31] См. «Очерки», стр. 122. В тексте здесь имеется опечатка: вместо Эклога, XII, 6 ошибочно напечатано: Эклога (VIII).

[32] Афинская рукопись Эклоги содержит наиболее правильную дату этого памятника. Новые работы Д. Гиниса и В. Грюмеля подтвердили ее дополнительными доказательствами и уточнили число месяца, когда Эклога была опубликована (31 марта 726 г.): D. Ghinis. ΕΕΒΣ, 30, 1960, 351 sq.; V. Grumel. REB, XXI, 1963, p. 273.

[33] См. выше, прим. 31.

5 Рассмотренные в «Очерках» данные Эклоги, разумеется, непосредственно не имеют отношения к X в. Однако при изучении истории стратиотского землевладения нельзя игнорировать данные Эклоги, как это сделано в книге А. П. Каждана. Институт peculium castrense отнюдь не был лишь традиционным и неизменным. Изучение данных о peculium castrense в законодательстве Юстиниана и в Эклоге убеждает в том, что этот институт претерпел значительные изменения и в VI в., и в VIII в., изменения, вызванные, вероятно, происшедшими переменами в жизни византийского общества. Поскольку речь идет об Эклоге, интересно в этой связи рассмотреть и другие замечания рецензента, касающиеся этого источника. На стр. 246 А. П. Каждан пишет: «Липшиц убедительно критикует Г. Шельтема, отрицающего вовсе наличие новых норм в Эклоге» («Очерки», стр. 232). «Новые черты были, пожалуй, даже более значительными, нежели полагает Е. Э. Липшиц; так, Эклога (а равно и Земледельческий закон) содержат совершенно новую *систему* (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*) определения наказаний, заранее устанавливая точный штраф за каждое преступление».

Из утверждения А. П. Каждана логически вытекает, что до Эклоги якобы в законодательстве не существовало заранее установленных точных штрафов за каждое преступление. Это неверно. Еще Т. Моммзен в своем исследовании римского уголовного права доказал, что «предположение, будто в позднеримскую эпоху каждый уголовный судья мог свободно приговаривать если не к более, то к менее сильной мере наказания, должно быть отвергнуто» [34]. Моммзен при этом ссылается в виде примера на закон о преследовании еретиков и указывает на наличие бесчисленных (unzähligen) других законов того же характера. В том же труде рассмотрена и наглядно сведена в таблицу точная система штрафов, применявшихся в римском праве в классический период и позднее в праве Юстиниана.

А. П. Каждан ссылается на статью Б. Зиноговица [35]. Но выводы ее автора, специально рассматривающего только штрафы за убийства, вовсе не совпадают с мыслью А. П. Каждана. Автор статьи трактует лишь об усилении в Эклоге тенденции устанавливать точные штрафы за преступления, так как на практике ранее существовавшие законодательные нормы нарушались. Зиноговиц указывает, что «на *практике* (курсив мой. — *Е. Л.*) при Юстиниане преобладало свободное определение штрафа судьями. В противовес этому усилилось стремление к твердым правилам в определении рода, характера и величины штрафов, чтобы в известной мере *восстановить* утраченное *единство* в уголовном праве» (B. Sinogowitz, S. 317). Зиноговиц считает существенной чертой уголовного права исаврийской династии точную фиксацию штрафов за каждый деликт. Однако, в отличие от А. П. Каждана, он отнюдь не рассматривает эту систему как «совершенно новую» и ранее не существовавшую.

На стр. 239 А. П. Каждан уделяет внимание вопросу о термине «парик», оспаривая толкование его как феодально-зависимого крестьянина, и высказывает сомнение в распространении этой формы зависимости в изучаемую в «Очерках» эпоху. Рецензент пишет при этом, что «парики не упоминаются в документах VIII в. и почти не упоминаются в документах первой половины IX в.». Если бы мы действительно располагали документами того времени, подобно тому, как мы их имеем для последующего, тогда действительно были бы основания сомневаться в факте распространения этой формы крестьянской зависимости в VIII—IX вв. Но это, к сожалению, не так. Кроме единичных надписей, мы никаким актовым материалом не располагаем [36]. Поэтому этот аргумент ex silentio теряет значительную часть своей доказательности.

Что касается истолкования термина «парик» у Феофана (Theoph., Chron., p. 486—487) как присельника в библейском смысле слова, которое А. П. Каждан считает более правильным, чем принятое мною, то ему противоречат данные законодательных памятников. Уже во времена Юстиниана термин «парик», помимо упомянутого в Дигестах более широкого значения (присельник) (Dig., 50, 16, 239, § 2), имел значение, равнозначное слову колон (πάροικος — colonus; Cod. Just., I, 34, 1; Liddel-Scott, s. v., p. 1342). Такое же и даже более четко выраженное осмысление термина «парик» содержат Василики, на что в свое время обратил внимание уже Цахариэ. Я неоднократно упоминала о соответствующих местах Василик, чего не заметил или во всяком случае не отметил А. П. Каждан. После детального анализа этих текстов в специальной статье я подчеркнула бы сейчас с еще большей решительностью тезис о том, что термин «парик» в IX в. в первую очередь был равнозначен колону, энапографу [37]. Исходя из ска-

[34] Th. Mommsen. Römisches Strafrecht. Leipzig. 1899, S. 1040 и прим. 1 на той же странице.

[35] См. об этом также B. Sinogowitz. Die Tötungsdelikte im Recht der Ekloge Leons III. des Isauriers. Sav. Rom., RA. 74, 1957, S. 317 f.» (А. П. Каждан. Рецензия, стр. 246, прим. 92).

[36] Это отлично известно и самому А. П. Каждану (ср. рецензия, стр. 241: «от всего IX в. сохранилась единственная купчая грамота 897 г.»).

[37] «Очерки», стр. 9, 50, 118; Е. Э. Липшиц. О значении термина «парик» в Византии IX в. «История и филология Ближнего Востока». Сб. в честь Н. В. Пигулевской (в печати).

занного, есть гораздо больше оснований полагать, что и Феофан имел в виду не париков-присельников, а париков-колонов. А. П. Каждан оспаривает возможность привлечения надписи 834 г. как свидетельства о том, что парики были феодально-зависимыми крестьянами, ссылаясь при этом на П. Лемерля (прим. 41: P. Lemerle. Esquisse. . ., «Rev. hist.», t. 220, p. 87, note 4), указавшего, что надпись вызывает серьезные подозрения, так как она известна лишь в копии, опубликованной в 1554 г. П. Лемерль действительно высказал сомнения, «по крайней мере в отношении формы этой надписи» и в том, «что Феофил мог в надписи 834 года хвастаться тем, что он был добр к своим парикам». Тем не менее, заключая свою мысль, он указывает, что «именно они (парики. — *Е. Л.*) и обеспечивали обычно эксплуатацию крупных светских и церковных имений» (Mais enfin c'étaient eux qui assuraient normalement l'exploitation des grands domaines laiques et ecclésiastiques), т. е. не сомневается в характере их зависимости.

На стр. 239 А. П. Каждан вновь поднимает неоднократно являвшийся предметом обсуждения в византиноведении вопрос о характере повинностей, возложенных на славян, приписанных после разгрома их восстания к митрополии Патр. Как известно, ряд исследователей рассматривал этих славян как «крепостных» митрополии (А. А. Васильев, М. В. Левченко) или ее париков (П. Лемерль). В отличие от названных исследователей, взгляды которых были учтены мной в «Очерках», А. П. Каждан утверждает, что: 1) речь в тексте Константина Порфирородного идет только о повинности, известной под названием постоя; 2) ничего специфически феодального в ней нет; 3) об оброках и повинностях, которые шли полностью в пользу церкви, в тексте Константина «нет ни слова». Следует сказать, что А. П. Каждан, не усмотревший даже и в своей книге в данном тексте Константина «никаких рентных отношений», связывавших славян с митрополией, не принял во внимание всего текста полностью. Так, бросается в глаза, что он нигде не отметил, что из текста Константина можно сделать вывод о двух этапах этих взаимоотношений. Лишь на втором этапе (стк. 71—75) при императоре Льве VI было в точности определено, что «именно эти приписанные должны были вносить митрополии (буквально — митрополиту), и было запрещено переводить это на деньги или как-либо иначе доставлять им заботы несправедливыми взысканиями». или, точнее, наказывать их.

Следовательно, на первом этапе (стк. 47—71) при императоре Никифоре (т. е. именно тогда, когда это нас особенно интересует в рамках «Очерков») было лишь определено, что они «вместе со своими семьями и всем, принадлежащим им, и их имуществом выделены храму апостола Патрской митрополии», т. е. были установлены отношения их полной имущественной зависимости от митрополии.

Следует обратить внимание и на терминологию, приведенную в заглавии, в частности на слова: δουλεύειν, ὑποκεῖσθαι, подчеркивающие полное подчинение славян церкви Патр. Эта зависимость на первом этапе, по-видимому, ничем не была ограничена. Константин подробно описывает только постойную повинность. Но, может быть, это объясняется характером сочинения «De administrando imperio», в котором византийского императора в первую очередь интересовала именно государственная повинность, переложенная на славян. Из изложения отнюдь не следует с полной определенностью, что эта повинность была единственной. Напротив, отсутствие ограничений на первом этапе скорее дает основания предполагать, что до сигиллия Льва VI имело место обратное — несправедливые наказания их митрополитом, перевод повинностей и оброков на деньги: καὶ μὴ ἀπαργυρίζεσθαι παρ' αὐτοῦ ἢ ἄλλως πως κατ' ἐπίνοιαν ἀδικον ζημιοῦσθαι αὐτούς (стк. 73—75). Если же принять толкование термина ἀπαργυρίζεσθαι, которое дает переводчик как «продавать их», степень зависимости славян от митрополии придется признать еще более неограниченной. Тот факт, что митрополит имел право юрисдикции, мог творить над ними суд и расправу, также ярко характеризует степень зависимости этих славян-крестьян ἐναπογραφόμενοι, т. е. приписанных к митрополии.

Мы не имеем поэтому оснований утверждать, как это делает А. П. Каждан, что в тексте речь идет только о постое, что у славян не было с митрополией никаких рентных отношений (А. П. Каждан. Деревня и город. . ., стр. 65—66) и тем более что об оброках и повинностях, которые шли в пользу церкви, в тексте Константина нет ни слова. Мы, правда, не имеем перечисления повинностей и оброков (кроме постоя), но из этого не следует, что о них «нет ни слова». Напротив, факт их существования не внушает сомнений уже потому, что на втором этапе возникла необходимость ввести их в точные рамки и запретить взимать их в денежной форме. Думаю поэтому, что категоричные суждения А. П. Каждана гораздо менее научно аргументированы, чем мнение тех исследователей, которые рассматривают патрских славян как париков — крепостных митрополии, принадлежащих ей вместе со всем своим имуществом и обложенных, помимо постоя, и другими повинностями [38].

---

[38] Ср. и P. L e m e r l e. La Chronique. . ., p. 40: «в существовании славян париков митрополии с повинностями, среди которых был и митат (avec entre autres charges celle de mitata), нет оснований сомневаться. Я хочу сказать, что Патрская церковь

Проблемы, дискутируемые в настоящее время в советском византиноведении, связанные с сущностью и особенностями византийского феодализма, как уже было отмечено (стр. 249), не стояли в центре внимания автора «Очерков». Не могу, однако, не обратить внимания на замечание рецензента на стр. 240: «Характерной особенностью византийского феодализма Липшиц считает наличие „централизованной ренты, совпадающей с налогом" (стр. 118), но, к сожалению, уделяет этому важному вопросу незначительное место. Ниже, на стр. 226, в связи с описанием восстания Фомы Славянина, упоминается „так называемое «свободное» крестьянство", которое, пишет Липшиц, „как было показано", являлось одной из наиболее значительных групп сельского населения. Но это не только не было показано, но и самый термин „так называемое «свободное» крестьянство" упоминается на стр. 226 впервые. Читатель может только догадываться, что эта категория крестьян платила централизованную ренту». Заключительная часть цитированного утверждения А. П. Каждана находится в столь очевидном противоречии с фактами, что вряд ли нуждается в особом опровержении. О свободном крестьянстве в «Очерках» речь идет неоднократно в главах, рассматривавших вопрос об этнических изменениях и крестьянской общине в империи (ср., например, стр. 23 сл., 49, 50, 51, 52). Специальное внимание этому вопросу, как и вопросу об относительности подобной свободы, уделено в главе о социально-экономической структуре византийского общества (стр. 117—118): «Общинное крестьянство, частью свободное, частью уже попавшее в полузависимое или полностью зависимое положение, сыграло определяющую роль в жизнестойкости империи в этот сложный и трудный период ее истории. Крестьянство несло на себе все тяготы налогового обложения и воинской и других повинностей, беспощадно накладываемых на него централизованным государством. Эти тяготы и повинности, аналогичные до известной степени тем, которые уплачивались владельческими крестьянами отдельным феодалам, могут рассматриваться, как нам представляется, как своего рода централизованная рента. На рассматриваемом здесь этапе развития, когда число владельческих крестьян было еще не очень значительно и когда бóльшая часть крестьянских общин лишь частично утратила свою независимость в той мере, в какой они были вынуждены признать власть византийского государства и его представителей, и сидели на землях, считавшихся принадлежностью государства, эта форма ренты играла большую роль в общем бюджете господствующего класса феодалов» («Очерки», стр. 117—118). Следовательно, об этом говорится на стр. 226 не впервые. И внимательному читателю, а особенно придирчивому рецензенту, каким себя называет сам А. П. Каждан, ни о чем догадываться надобности не было.

А. П. Каждан полемизирует со мной (стр. 240—242) по вопросу о роли византийских городов в VIII—первой половине IX в. Прежде всего нужно отметить, что глава «Очерков» отнюдь не является исследованием, написанным в ответ на известную статью А. П. Каждана [39]. Несомненно, что в тяжелые годы войн в связи с потерей Сирии, Египта и в результате славянских вторжений города потерпели ущерб. «. . . После потери Сирии, Палестины и Египта . . . Византия лишилась. . . не только районов, богатых продуктами местного ремесленного и сельскохозяйственного производства, снабжавших столицу хлебом и ремесленной продукцией, империя потеряла также многочисленные и важные пункты транзитной торговли, расположенные в этих восточных провинциях» («Очерки», стр. 92). Так же несомненно, что в период раннего средневековья наблюдался и процесс аграризации городов. Однако вывод А.П. Каждана, основанный на нумизматическом и археологическом материале, «что, помимо Константинополя, лишь немногие города (Солунь, Эфес, Никея) сохранились

владела приписанными славянами». В этой связи (стр. 239, прим. 45) рецензент обратил внимание на противоречивость в датировке патрских событий: «на стр. 46 они отнесены к промежутку между 802 г. и февралем 806 г., на стр. 226 — к 807 г. (ср. стр. 72, прим. 57)». В этом, по существу верном, замечании А. П. Кажданом допущен, однако, важный пропуск. На стр. 46, после данных Монемвасийской хроники, в следующем абзаце приведены уточняющие сведения схолии Арефы: «Отстройка Патр была произведена на четвертом году царствования Никифора», т. е. в 805/6 годах. Следует сказать, что как эта дата (ср. также F. D ö l g e r. Regesten, s. a. G. O s t r o g o r s k y. History of the Byzantine State. New Brunswick, 1957, p. 172, note 2), основанная на схолии Арефы, так и дата 807 г. (ср. «Очерки», стр. 226 и 72, прим. 57 и А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв., стр. 65), вытекающая из сообщения Константина VII об участии в славянском нападении афров и сарацинов, не являются общепризнанными. Так, П. Лемерль отмечает, что ни одна из них не может считаться твердо установленной: первая — слишком ранняя, вторая — сомнительная. Он относит события к периоду времени между 805/6 гг. и 811 г. (P. L e m e r l e. La Chronique. . ., p. 37, note 62).

[39] Она представляет собой перепечатку с небольшими дополнениями статьи, опубликованной в 1953 г. (ВВ, V, стр. 113—131), т. е. до статьи А. П. Каждана (СА, 21, 1954, стр. 164—183).

после VII в. (прим. 53: А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, 21, 1954, стр. 187)» (рецензия, стр. 240—241), представляется мне преувеличенным и неверным.

Рассмотрим доводы рецензента. Он указывает, что гораздо более случайный характер, чем нумизматический материал, «носят деловые документы; от всего IX в. сохранилась единственная купчая грамота 897 г., что не мешает, однако, Липшиц использовать ее, хотя, строго говоря, мы не знаем, в какой мере данные этой грамоты могут быть распространены на всю империю и не является ли описанный в ней казус уникальным» (стр. 241). Такое сопоставление представляется мне совершенно неправомерным. Мы ведь не делаем выводов на основании формально-статистического подсчета количества грамот, подобно тому, как это делает А. П. Каждан с монетами. Данные грамоты анализируются путем сопоставления с другими источниками и рассматриваются как свидетельство роста церковно-монастырского имущества в определенном районе (Македонии), продолжавшегося в пределах IX в. Ни о каком распространении выводов из этой грамоты «на всю империю» нет речи (см. «Очерки, стр. 81). Рецензент же распространяет выводы, основанные на нумизматических и археологических находках в Афинах, Коринфе, Пергаме и Херсонесе, на всю империю. До обработки всего имеющегося нумизматического материала специалистами и публикации таких огромных коллекций монет, как, например, коллекция Государственного Эрмитажа, было бы слишком смело делать на основании монетных находок какие-либо решающие выводы. Тем более, что даже опубликованный материал золотых монет, как это показал Г. А. Острогорский, дает совершенно другую картину, чем та, которую рисует А. П. Каждан [40].

Г. А. Острогорский привел возражения против выводов А. П. Каждана, основанные и на других источниках. Собранный им материал из сопоставления notitiae episcopatuum с более ранними перечнями городов и сводкой данных византийских нарративных источников убедительно показал, что «Малая Азия продолжала быть покрытой сетью (a network) городов, как и в более раннее время». Даже на Балканах, несмотря на пережитые потрясения, связанные со славянскими вторжениями, «старые города не только не перестали существовать, но впоследствии укреплялись и перестраивались». В их числе были города, хорошо известные из византийской истории: Редесто, Тцуруллон, Апрос, Булгарофигон, Каллиполис, Монемвасия [41]. Мнение А. П. Каждана, что собранный Г. А. Острогорским материал «свидетельствует о существовании городов-крепостей и епископальных центров, а отнюдь не городов — центров ремесла и торговли» (стр. 242), также неосновательно. У нас нет данных,

[40] Неверно и утверждение А. П. Каждана, что «основные возражения Острогорского основаны на простой ошибке: вместо того, чтобы подсчитывать реальное количество сохранившейся золотой монеты, он подсчитывал количество сохранившихся *типов* (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*) монеты, а это, конечно, не может служить показателем оживленности обращения» (стр. 241). Г. А. Острогорский вообще не классифицировал монеты по «типам». Он дал подсчеты реально сохранившихся золотых монет и получил результаты, существенным образом расходящиеся с выводами А. П. Каждана (см. G. Ostrogorsky. Byzantine Cities. DOP, p. 51 sq.). Рецензент также утверждает, что «самое представление о непременной перечеканке иконоборцами монет иконопочитателей и наоборот весьма сомнительно: например, клад IX в. в Лагбе (Памфилия) содержит, наряду с монетами иконоборцев, также 15 монет Никифора I и 2 монеты Михаила I — следовательно, монеты иконоборцев и иконопочитателей находились в обращении в одно и то же время» (там же). Следует сказать, что, разумеется, не «непременно» все монеты должны были оказаться перечеканенными. Я лишь указываю, что этот фактор имеет значение при выяснении количества монет. Самый факт перечеканки подтверждается сохранившимися монетами. Так, монеты Феодоры, выпущенные во времена регентства в начале царствования Михаила III (из коллекции Британского музея), «почти неизменно были перечеканены на более ранних монетах» (are almost invariably restruck on earlier coins). См. Ph. Grierson. Coinage and Money in the Byzantine Empire. Settimane di studio del Centro di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1961, p. 423, note 34). Факт перечеканки отмечен и на монетах, обнаруженных в Афинах, на что обратила внимание М. Томпсон (M. Thompson. The Athenian Agora. Princeton, 1954, p. 108; ср. «Hesperia», 9, 1940, p. 367).

[41] Г. А. Острогорский показал ошибочность утверждения А. П. Каждана, что Ибн-Хордадбэ упоминает о существовании в 40-х годах IX в. только 5 городов. На самом деле он упоминает в Малой Азии (хотя и не перечисляет поименно) 128 городов и укрепленных пунктов, 10 городов во Фракии и 3 в Македонии (о прочих фемах он не пишет) (G. Ostrogorsky. Byzantine Cities, p. 62). Если даже считать, что некоторые из них были только крепостями, получается все же достаточно внушительная цифра по данным только одного этого источника. Ср. также данные о судьбе городов в восточнобалканских странах, насчитывающих тысячелетнее беспрерывное развитие, которые приводит В. Велков: V. Velkov. Das Schicksal der antiken Städte in den Ostbalkanländern (Vortrag). «Wissenschaftiche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin», Gesch.-Sprach. Reihe, 1963, 7/8, S. 839—843.

чтобы охарактеризовать подробно жизнь этих городов. Однако трудно себе представить, чтобы резиденции епископов или города-крепости не имели никакого ремесленного и торгового населения. Если сопоставить эти данные с выводами А. П. Каждана, сделанными на основании материалов Афин, Коринфа, Пергама и Херсонеса [42], трудно признать его доводы убедительными. А. П. Каждан недооценивает значение Морского закона, свидетельствующего о развитой морской торговле, немыслимой в обществе, якобы переживавшем в это время полный упадок городов, и характеризует закон как «довольно далекий от нашей проблемы памятник» [43]. Само собой разумеется, что по сравнению со следующим периодом интересующее нас время отличалось менее развитой городской жизнью. Но отсюда до полного упадка еще очень далеко.

На стр. 243 (прим. 75) рецензент рассматривает вопрос о податной системе. Он утверждает, что «при этом Липшиц неточно переводит τέλος как поземельный налог, тогда как в действительности τέλος — это l'impôt en général (N. G. Svoronos. Recherches sur le cadastre byzantin. BCH, 83, 1959, p. 24)». Следует сказать, что значение термина τέλος как налога en général вряд ли требовало бы особых доказательств. Вместо статьи Звороноса, трактующей, как известно, о Фиванском кадастре второй половины XI в., А. П. Каждан мог бы сослаться на любой словарь греческого языка. Однако, помимо общего значения, интересующий нас термин имел в IX в. и специальное значение, которое с полной точностью выясняется из статьи Василик (56, 1, 7 — Basil., ed. Heimb., V, p. 151) — источника конца IX в. Текст этот гласит: τοῖς τέλεσιν οἱ ἀγροί, οὐ μὴν τὰ πρόσωπα ἐνέχονται. Из него с очевидностью следует, что в узком значении в ту эпоху термин τέλος применялся именно для обозначения поземельного налога. Против такого свидетельства источника вряд ли можно что-либо возразить.

---

[42] Упадок Афин начался значительно раньше VIII в. (Ф. Григоровиус. История Афин. СПб., 1900, стр. 26 сл.). Херсонес — периферийный город — вообще мало доказателен при решении поставленного вопроса. Он раскопан пока только на одну треть. К тому же значительная часть дореволюционных раскопок Херсонеса является беспаспортной, не дающей возможности связать ту или иную вещь с определенным культурным слоем (А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959, стр. 15). Кстати говоря, как мне любезно сообщила И. В. Соколова, по весьма неполным сведениям, не включающим материала ряда экспедиций и данных до 1900 г. (частично опубликованным в МИА и Херсонесских сборниках, частично же остающихся пока неопубликованными), в Херсонесе обнаружено 69 монет VII—первой половины IX в., в том числе 41 монета VIII—первой половины IX в. (из них 25 монет Льва V). В качестве одного из доводов в пользу своей точки зрения А. П. Каждан ссылается на керамику Константинополя. Он пишет: «... Разве не нуждается в объяснении отмеченное Р. Стивенсоном ухудшение качества константинопольской керамики в VII—VIII вв. и ее улучшение с середины IX в.? (прим. 67: R. Stevenson. The Pottery. 1936—1937, in: «The Great Palace of the Byzantine Emperors». Oxford, 1947, p. 33 f.)». Р. Стивенсон вовсе не считает, что керамика Константинополя переживала упадок в VIII — первой половине IX в., на стр. 33 и ближайших таких утверждений нет. Напротив, в своих выводах он указывает, что лучшие образцы раннеисаврийской керамики (первая половина VIII в.) свидетельствуют, что «она уже продвинулась немного вперед по отношению к красной неглазурованной керамике (sigillata), которая была наиболее популярным видом изделий в V в. и, вероятно, позднее. Но она так же, как и позднеисаврийская глазурованная керамика, проще, чем многие римские глазури, так как различные цвета зависят от окисей железа, например, зеленые тени получаются от обжига при пониженной атмосфере. Исаврийские керамисты были деятельными экспериментаторами и в отношении обжига, и замечательные варианты цветов, обусловленные обжигом, являются характерной чертой второй стадии. Гармония цветов позднеисаврийской керамики делает ее наиболее привлекательной из византийских изделий» (R. Stevenson. Op. cit., p. 57 f.). Разве поиски новых путей можно считать признаками упадка?

[43] Указывая на то, что автор «Очерков» будто бы «постоянно обращается то к более ранним, то к более поздним источникам» (стр. 242), рецензент, к сожалению, явно грешит против истины. Перечисленные им в доказательство этого тезиса города (Верия, Сливна, Ямполь, Марица) упомянуты все вместе единственный раз («Очерки», стр. 94) для характеристики перемещения торговых путей в рассматриваемое и последующее время, со всеми необходимыми оговорками. Единственный город, который анализируется в основном тексте главы и который мог бы подойти к категории «более ранних источников», — Стоби. Согласно письменным источникам, да и находкам в епископском дьорце, есть, однако, основания считать, что город продолжал существовать, украшаться и посылать своих представителей на соборы в самом конце VII в. и изменил свое церковное подчинение в 30-х годах VIII в. Следовательно, он несомненно существовал в изучаемое в книге время. Об Эносе говорится при характеристике его географического положения для сравнения с Стоби. Географическое же положение не менялось от века к веку («Очерки», стр. 111).

Что же касается эпиболы, которая, по мнению А. П. Каждана, якобы не применялась в VII—VIII вв., нужно сказать, что после Моньо целый ряд исследователей указал на ошибочность этого мнения. Поскольку вопрос, притом весьма важный, вызывает разногласия, А. П. Каждану следовало бы, на мой взгляд, это по крайней мере отметить. Ссылка на мнение Ж. де Малафосса должна была бы содержать также и сведения о мнении столь авторитетных исследователей, как Цахариэ Лингенталь, Дельгер, Штейн, Острогорский. Последнего, кстати говоря, так же как и меня, по-видимому, не убедили попытки истолкования Земледельческого закона в плане отрицания эпиболы [44]. А. П. Каждан говорит «о двух (неудачных) попытках *восстановления* (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*) системы круговой поруки (это было бы, конечно, невозможным, если бы эпибола продолжала существовать в VIII в.)» (стр. 243). Однако попытка восстановления ἐπιβολή при Никифоре I не может считаться доказательством того, что этот институт в VIII в. не существовал. Известно ведь (Theoph., Chron., p. 475. 15; ср. Theod. Stud., PG, t. 99, col. 922), что предшественница Никифора — Ирина — ввела налоговые льготы и подарила византийцам государственные подати. Никифор ввел подати снова. Вторая попытка (при Василии I) являлась не каким-либо нововведением, а попыткой заставить население повсеместно соблюдать правила ἐπιβολή. Никаких указаний на то, что этот институт во времена Василия I до этого мероприятия не существовал, в источнике не имеется (Theoph. Cont., p. 346. 11). Данные Василик скорее свидетельствуют об обратном (см. Dölger. Beiträge. . ., S. 129).

На стр. 243—244 А. П. Каждан делает ряд критических замечаний, касающихся глав, посвященных общественным движениям [45]. Так, он возражает против высказанной мною мысли, что жестокие преследования павликиан «начались» сразу же после смерти Феофила. Ссылаясь на «Житие Макария», рецензент доказывает, что «и при Феофиле в тюрьмах содержались павликиане» (стр. 243; ср. «Очерки», стр. 168). Однако, если быть последовательным, А. П. Каждану следовало бы упомянуть и о том, что и при Михаиле и Льве V (Theoph., Chron., p. 495; Petri Sic., col. 1301) имело место преследование павликиан, подлежавших — по закону, сформулированному в Эклоге, — казни. Лишь в правление императора Никифора павликиане пользовались некоторыми льготами, о чем с возмущением говорит Феофан. Заточение павликиан в тюрьму было, следовательно, на втором этапе иконоборческого движения обычным явлением. Однако эти преследования не идут ни в какое сравнение с *массовой* жестокой расправой с сотнями тысяч павликиан, которая началась после смерти Феофила и о которой здесь у меня именно и идет речь (ср. также «Очерки», стр. 212).

Рецензент делает ряд замечаний по главе об иконоборческом движении. Так, он указывает, что в книге якобы с излишней прямолинейностью проведена мысль об обусловленности судеб иконоборческого движения нарастанием народных движений. «Получается, что рост народных движений вызвал к жизни и борьбу иконоборцев с иконопочитателями, и их примирение. К тому же нельзя не видеть, что массовые народные движения приходятся лишь на IX столетие» (стр. 244). А. П. Каждан был бы прав, если бы между народными движениями первой половины VIII в. и народными движениями первой половины IX в. был поставлен в книге знак равенства. В «Очерках» же, напротив, подчеркивается их глубокое различие (см., например, стр. 190, 209 сл.). Именно чрезмерно радикальный, с точки зрения правящих кругов Византии IX в., массовый характер народных движений в IX в. и заставил

[44] Г. А. Острогорский толкует ст. 18—19 Земледельческого закона как «эпиболэ — аллиленгий» (G. Ostrogorsky. La commune rurale byzantine. Byz, XXXII, 1992, p. 150, n. 2.

[45] Он уделяет большое внимание даже очевидным всякому внимательному читателю, не говоря уже о специалистах, опечаткам, как, например, «строфа» — «строка», или очевидной из контекста опечатке в дате (стр. 144, ср. правильное написание на предшествующей стр. 143) и т. д. Отмечу попутно еще некоторые неосновательные замечания рецензента по этой главе. По меньшей мере неточно утверждение рецензента, что в этой главе Липшиц «почти не использует греческих житий при описании истории павликиан». В частности, широко использованы «Сказания о 42 Аморийских мучениках» («Очерки», стр. 153, 155, 158). При изложении данных эпоса о Дигенисе Акрите говорится о том, что воспевался и Хрисохир, воспевались и другие руководители движения, а вовсе не только о «гордом ответе Хрисохира», как утверждает А. П. Каждан; рецензент, цитируя слова книги, опустил слово «даже», связывающее их с предыдущим абзацем, и тем самым придал им другой смысл. А. П. Каждан, ссылаясь на статью Р. М. Бартикяна «К истории организации павликианской общины» («Историко-филологический журнал», 1958, № 3), не указал, что статья опубликована на армянском языке (см. также выше, стр. 249, прим. 4). Справедливым следует признать упрек в отсутствии указания на использованную Трапезундскую версию, а также уточнение даты смерти Хрисохира. Впрочем, в отличие от А. П. Каждана, категорически утверждающего, что смерть Хрисохира датируется «точно 872 г.», Дж. Маврогордато в своей книге о Дигенисе Акрите относит ее с сомнением к «873 г.(?)» (J. Mavrogordato. Digenes Akrites. Oxford, 1956, p. 255).

императоров-иконоборцев переменить курс по отношению к их былым союзникам, и в первую очередь к павликианам, с помощью которых они в свое время пришли к власти в VIII в. Эти факты как раз могут служить ярким примером диалектического характера развития общественных отношений. Нельзя же ставить знак равенства между павликианским движением VIII в. и павликианским восстанием IX в., связанным с другими массовыми движениями.

Касаясь «Большого Апологетика» Никифора, использованного мной наряду с третьим «Антирретиком» того же автора для характеристики социального состава иконоборческой партии, А. П. Каждан делает два замечания: 1) он указывает, что так называемый «Большой Апологетик» написан «скорее всего, в 825—828 гг. (прим. 83: P. Alexander. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958, p. 186)»; обе даты указаны, однако, А. П. Кажданом ошибочно: П. Александер, на которого ссылается А. П. Каждан, как раз возражает против этих дат и датирует «Большой Апологетик» и связанные с ним три «Антирретика» 818—820 гг. (P. Alexander. Op. cit., p. 186—188); 2) рецензент высказывает сомнение в возможности использования «Большого Апологетика» для характеристики иконоборческой партии при Константине V. Никифор действительно писал эти свои сочинения в начале IX в. Тем не менее весь ход изложения носит преимущественно ретроспективный характер; писатель постоянно возвращается к «источнику зла» — Константину V; в связанном с «Апологетиком» третьем «Антирретике», где вкратце повторяется аналогичная характеристика иконоборческой партии с некоторыми дополнениями, связь с Мамоной (т. е. с Константином V) подчеркнута еще отчетливее; поэтому мне кажется возможным использовать этот источник в разделе о Константине V.

Как уже было отмечено, полемические части глав были сняты при сокращении объема книги. Поэтому, в частности, в книге не уделено должного внимания и концепции М. Я. Сюзюмова в отношении иконоборческого движения. Мне представляется, что признание стремления иконоборцев к изъятию церковных ценностей вовсе не исключает и борьбы за захват земельных владений. Как первое, так и второе засвидетельствовано в цитированных в «Очерках» источниках («Очерки», стр. 194 сл.). А. П. Каждан далее пишет: «Действительно, Липшиц ссылается на постановления VII собора, но приводимые ею тексты говорят лишь о *запрещении продавать* церковные угодья, а запрещение продавать церковные земли неоднократно подтверждалось каноническим правом независимо от иконоборчества» (стр. 245) (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*). Разобранный А. П. Кажданом текст действительно говорит о продаже церковных угодий. Но следующий, приведенный на той же странице, текст параграфа 13 А. П. Кажданом не упомянут. В этом же параграфе как раз идет речь о захватах «*при случившемся бедствии*» (т. е. иконоборчестве) храмов, епископий и монастырей и обращении их в обыкновенные жилища («Очерки», стр. 194). Рассматривая акты собора 754 г., рецензент допускает неточность, и притом весьма существенную, излагая взгляды автора «Очерков». Он пишет: «Доказывая, что монахи-*иконопочитатели* и обладали богатствами, и эксплуатировали зависимых крестьян, Липшиц приводит обличения Иоанна Иерусалимского, направленные против *иконоборцев* (стр. 190 и сл.)» (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*). В действительности же из слов Иоанна Иерусалимского у меня сделан вывод, что «приобретение материальных благ находилось в центре внимания *обеих* враждующих между собой *партий*» (стр. 191) (курсив мой. — *Е. Л.*).

На той же странице А. П. Каждан делает несколько замечаний о восстании Фомы Славянина [46]. Касаясь вопроса о недостаточной увязке восстания с другими народными движениями (это я отметила как недостаток предшествующих исследований, в том числе и моей собственной статьи), А. П. Каждан пишет: «Остается неясным, преодолен ли, по мнению автора, этот недостаток в рассматриваемой главе, которая лишь „с небольшими изменениями“ (стр. 212 прим. 1) воспроизводит указанную статью. Мне кажется, что и в ней речь не идет о других народных движениях, если не считать одного абзаца (без ссылок на источники), где говорится о восстании славян до и во время восстания Фомы» (стр. 245). Остается непонятным, почему рецензент говорит о *главе*. Автор книги вправе считать, что изложенное в предшествующих главах книги не забыто читателем и не должно быть обязательно повторено в данной главе. Однако, поскольку такое сомнение возникло, целесообразно будет повторить все вновь, что и сделано ниже. А. П. Каждан отмечает, что «Константин Багрянородный ничего не знает о восстании славян близ Солуни» [47] до и во время восстания Фомы, «но зато упоминает о восстании славян в Пелопоннесе около 841 г.». Рецензент, однако, по-видимому, забыл упомянуть, что Константин знает и подробно рассказывает о восстании в Патрах («Очерки», стр. 44 сл.), которое произошло до восстания Фомы. Если сопоста-

[46] А. П. Каждан бросает мне упрек в том, что я не использовала «ни одного из агиографических свидетельств». Это замечание справедливо. Однако следует сказать, что в своей книге он сам отметил, что эти свидетельства ничего конкретного не дают (см. А. П. К а ж д а н. Деревня и город. . ., стр. 350 сл.).

[47] В книге ошибочно напечатано: «в районе Фессалоники», следует читать: «в районе Склавиний».

вить эти данные с сообщением Феофана («Очерки», стр. 37 сл.) о поселении в Склавинию тем же императором Никифором, при котором произошли события в Патрах, «христиан из всех фем» [48], а также о карательных экспедициях, направленных против славян Македонии и Пелопоннеса («Очерки», стр. 43 сл.), картина получается совершенно иная. В предшествующих главах «Очерков» были отмечены факты организации в «неспокойных» районах фем Македонии и Фессалоники («Очерки», стр. 47, 48). Следует напомнить также о поддержке славянами армии Крума («Очерки», стр. 215) и об их связях с павликианами («Очерки», стр. 167, 215). Все эти факты, думается, дают основание считать, что в «Очерках» обстановка, в которой произошло восстание Фомы, обрисована с большей полнотой, чем прежде в статье. Следует сказать также в этой связи, что А. П. Каждан ошибается, когда утверждает, что «Житие Григория Декаполита» сообщает не о восстании 20-х годов, а *только* о восстании 836—837 гг. (стр. 245) (курсив мой. — *Е. Л.*) [49].

В ходе своего изложения рецензент уделяет внимание письму императора Михаила II Людовику Благочестивому: «Кстати сказать, из этого письма следует, что Армениак (totum Armoeniae ducatum) — вопреки Липшиц (стр. 219) — был охвачен восстанием» (рецензия, стр. 245). Брошенное вскользь замечание рецензента противоречит, однако, не только тому, что сказано в «Очерках», но и мнению других исследователей восстания, которые среди прочих источников использовали и письмо Михаила Людовику. Так, еще А. А. Васильев, комментируя интересующий нас текст, писал: «Уже в конце правления Льва Фома начал свои враждебные действия, ограничивая их пока крайним востоком; он подчинил Армению и припонтийскую Халдею. . . Почти вся Малая Азия стала на его сторону; только две фемы — Армениакон со своим стратегом Ольбианом и Опсикион со стратегом Катакила — оставались верными новому императору (т. е. Михаилу II. — *Е. Л.*)» [50]. Этой же точки зрения придерживаются и другие исследователи [51].

Утверждение А. П. Каждана имело бы научное значение, если бы он проанализировал все источники восстания, и прежде всего тот текст, из которого он привел в рецензии всего три слова [52].

Как показывает контекст, приведенные А. П. Кажданом слова totum Armoeniae ducatum имеют в общей связи изложения совершенно иной смысл. Они вполне убедительно, *на наш взгляд, были истолкованы А. А. Васильевым как имеющие отношение* не к расположенной в приморской части Северо-Западной Малой Азии феме Армениак, а к Армении; недаром здесь упоминается о «горах Кавказа». Именно Армения, а не фема Армениак граничила с Персией, откуда вышел Фома, направляясь на запад. Не случайно в письме названа сначала Армения (ближайшая к Персии и расположенная восточнее), а затем Халдия. Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы убедиться в правоте А. А. Васильева. К тому же весьма мало вероятно, чтобы в официальном письме византийского императора столь важная фема-стратигия, какой был Армениак, была бы названа «дукатом», т. е. военно-административным округом гораздо более низкого ранга [53]. Из Тактикона Успенского известны в первой половине IX в. дукаты Халдия и Калабрия. К их числу принадлежала Колония [54], но, конечно, не Армениак, организованный в фему еще при Ираклии [55]. Рас-

---

[48] П. Лемерль относит эти мероприятия к 809—810 гг. (P. L e m e r l e. La chronique. . ., p. 29).

[49] См. F. D v o r n i k. La vie de Saint Grégoire le Decapolite. Paris, 1926, pp. 30—32.

[50] А. А. В а с и л ь е в. Византия и арабы. СПб., 1900, стр. 28. Во французском издании книги А. А. Васильева, под редакцией А. Грегуара и М. Канара, точка зрения А. А. Васильева подчеркнута еще сильней: см. A. V a s i l i e v. Byzance et les arabes, I. Bruxelles, 1935, p. 30; G e n e s., p. 32—33; T h e o p h. C o n t., p. 54.

[51] J. B u r y. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912, p. 87; G. O s t r o g o r s k y. History of the Byzantine State. New Brunswick, 1957, p. 182.

[52] Et ut haec compediosius expediamus, cum idem Thomas exiens de Persida cum Sarracenis et Persis, Hiberis, Armeniis et Avasgis et reliquis gentibus aliarum tempore praedicti Leonis subito cum praedicta manu valida perproeliaret, direptione sibi subdidit totum Armoeniae ducatum, simul et ducatum Chaldeae, quae gens montem Caucasum incolit, necnon et ducem Armeniacorum cum manu valida devicit. MGH, Legum sectio III, Concilia, t. II, pars II, 1908, p. 476.

[53] Обычное обозначение фемы Армениак в источниках IX в. на латинском языке, как можно видеть из текста Анастасия Библиотекаря, — thema Armeniacorum (T h e o p h., Chron., II, p. 271, 300, 309, 310, 311, 328).

[54] І. Ф е р л у г а. Ниже в војно-административне јединице тематског уређења. «Зборник Радова», кн. 2, 1953, стр. 85 сл. Халдия стала фемой лишь при Феофиле.

[55] А. П. Каждан в примечании в своей книге («Деревня и город. . .», стр. 350, прим. 6), изложив точку зрения А. А. Васильева, отверг ее без какой-либо серьезной аргументации, ограничившись словами: «Предполагать же (как А. А. Васильев), что ducatus Armoeniae означал не Армениак, а независимую от империи Армению, кажется нам невозможным». Поскольку этот вывод противоречит данным Генесия

смотрение всего текста письма в сочетании с данными других источников, полагаю, не дает возможности принять поправку, предложенную А. П. Кажданом, так как она недостаточно аргументирована и не обоснована детальным анализом всех источников, и в первую очередь всего текста письма.

Выше уже рассматривались соображения рецензента по следующему разделу — «Законодательство и право». Остается добавить лишь немногое. А. П. Каждан усматривает противоречивость в характеристике Эклоги, имеющейся в «Очерках»: «...были ли нормы Эклоги развитием тенденций позднеримского права или же результатом реформы — к тому же отмененной как раз тогда, когда отчетливо выявилось стремление к „очищению" рецепции римского права?» — спрашивает он (стр. 246). Полагаю, что эта противоречивость была противоречивостью самой жизни. Эклога, как и законодательство македонской династии, исходила из права предшествующей поры, и в первую очередь из права Юстиниана. В ней несомненно нашли отражение реформаторские тенденции, попытки реформы правосудия (главным образом в борьбе со всевозможными злоупотреблениями), известной его демократизации, которые, как указано в «Очерках», не были чисто декларативными: «попытка реформы была, по-видимому, проведена в жизнь» (стр. 235, ср. стр. 240, 242). «Эклога в некоторых своих чертах ломала установленные порядки» (стр. 236), в частности в отношении системы всевозможных судебных пошлин. В конце IX в. в новых законодательных памятниках, исходивших более строго из норм Юстинианова права, эти «новшества» Эклоги не были приняты. Однако жизнь их явно требовала: не случайно появились сборники, в которых проявилось стремление примирить более радикальную линию Эклоги с менее радикальной линией Прохирона. Обе эти линии, несмотря на различия, исходили из права VI века и развивали его [56].

В заключительной части своей рецензии А. П. Каждан весьма беглым образом рассматривает главы, посвященные вопросам культуры («Очерки», стр. 258—422). О ряде глав он говорит несколько слов, на прочих и вовсе не останавливается.

А. П. Каждан выступает защитником традиционного взгляда об упадке культуры в VIII—IX вв. и противником точки зрения, обоснованной в «Очерках». Поскольку выводы автора книги базируются на всех главах разделов о культуре, надо полагать, что и оспаривать их следовало бы, разобрав все соответствующие главы. Между тем рецензент ограничивается одной только главой о поэтессе Касии. Эта глава как раз наименее доказательна при решении вопроса об уровне культуры, невзирая на то, что даже Касия была захвачена новыми течениями (на что указано в «Очерках», стр. 338). При решении этого вопроса нельзя исходить лишь из данных о появлении новых светских тенденций, как это делает рецензент. Византия VIII — первой половины IX в. знала много писателей, работавших в традиционных направлениях, развивших их настолько, что говорить об упадке культуры в отношении этих деятелей никак не возможно. Все это сказано в «Очерках», хотя и не все рассмотрено в самостоятельных главах по отмеченным выше (стр. 249 и прим. 7) причинам. Достаточно напомнить о богатстве агиографической литературы, произведения которой не идут ни в какое сравнение с подобной же литературой VI в. («Очерки», стр. 261 сл.). Достаточно обратиться к образцам литературного творчества Игнатия («Очерки», стр. 302—309), во многом предвосхитившего позднейшие течения в литературе. Достаточно уделить внимание творениям Иоанна Дамаскина — писателя, которого византийцы причисляли к самым выдающимся представителям византийской гимнографии и песенные каноны которого считались непревзойденными, чтобы убедиться в ценности

и Продолжателя Феофана, указывающих на то, что Арменяк и Опсикий остались верными императору Михаилу II, и отмечающих, что они были вознаграждены за верность освобождением от уплаты капникона, А. П. Каждану пришлось признать эти свидетельства источников неточными. Он пишет: «Приведенное выше свидетельство Михаила II уточняет сообщение Продолжателя Феофана о том, что стратиг Арменяка Ольвиан сохранил верность империи (T h e o p h. C o n t., p. 54. 1): следовательно, мы не вправе делать вывод, что фема Арменяк не была охвачена восстанием». Однако из того, что Фома нанес стратигу Арменяка поражение (devicit), как раз следует, что стратиг сохранил верность империи. О присоединении фемы Арменяк к восстанию в тексте не говорится ничего. Высказанные А. П. Кажданом в том же примечании соображения о дате восстания Фомы — необходимость учесть в традиционной дате восстания (821—823 гг.), что враждебные действия Фомы начались незадолго до смерти Льва V (умершего 24 декабря 820 г.), — заслуживают внимания. Обычно эти действия рассматривались только как подготовка к восстанию (см. А. А. В а с и л ь е в. Указ. соч., стр. 28).

[56] Новелла Ирины, о которой ставит вопрос в этой связи А. П. Каждан, посвящена вопросу о привлечении свидетелей. Эта новелла развивала право в направлении, намеченном Эклогой (рецензия, стр. 246). Говоря об отмене установок Эклоги Ириной («Очерки», стр. 236), я указывала не на эту новеллу, а на суд, который Никифор учредил для того, чтобы «защищать бедных», возобновив вновь установки Эклоги («Очерки», стр. 235, 236). Никакого противоречия здесь нет.

этой литературы. Известно ведь, что Иоанн Дамаскин считался величайшим византийским богословом, приобретшим необычайную популярность далеко за пределами Византии (ср. «Очерки», стр. 266 сл., 418 сл.). Уместно было бы напомнить, что именно поэтическая деятельность Иоанна Дамаскина явилась сюжетом кантаты известного русского композитора С. И. Танеева. Литературная деятельность Никифора также получила весьма лестную оценку столь тонкого ценителя, каким был патриарх Фотий («Очерки», стр. 276). Общеизвестна обширная литературная деятельность Феодора Студита, эпистолографическое наследство которого свидетельствует о ранее в Византии не встречавшемся живом восприятии окружающей жизни. Известна ценность хроники Феофана. Нужно ли напоминать о достижениях византийского искусства и науки того времени, которым в «Очерках» уделены специальные главы? Рецензент об этом ни словом не упомянул. На каком основании рецензент скидывает со счетов все яркие фигуры деятелей того времени? Можно ли говорить о таком времени как о периоде упадка культуры?

В заключение следует сказать, что рецензентом проделана большая и кропотливая работа над моей книгой. Выражаю свою признательность А. П. Каждану за некоторые справедливые замечания, за выявление оставшихся невыправленными опечаток (рецензия, стр. 234 сл. и «Ответ», стр. 250 сл.), мест, требующих уточнения и отдельных дополнений (см. «Ответ», стр. 256; стр. 263, прим. 46; стр. 259, прим. 38).

Вместе с тем, к большому сожалению, приходится констатировать, что в своем подавляющем большинстве замечания рецензента оказались неосновательными:

1. При анализе замечаний было выявлено много случаев неправильного изложения текста «Очерков», не говоря уже об общей неверной оценке задач книги.

2. Проведенная мною тщательная проверка (результаты которой здесь сообщены далеко не полностью) обнаружила, что в очень многих случаях рецензент неверно передал взгляды ряда исследователей, на которых он ссылается для обоснования своей точки зрения. [В. Велкова (см. выше, стр. 251), И. С. Дуйчева (стр. 251 сл.), В. Тыпковой-Займовой (стр. 252), П. Лемерля (стр. 258), Г. А. Острогорского (стр. 255 и прим. 40), Б. Зиноговица (стр. 257), Г. Шмида (стр. 255), П. Александера (стр. 263) и Р. Стивенсона (прим. 42).]

3. Многие замечания основаны на неточной, недостаточно аргументированной интерпретации источников и на неполном их привлечении. (Земледельческого закона, Эклоги, «Житий» Филарета и Григория Декаполита, Василик, Константина VII, письма Михаила II.)

Автор «Очерков», вероятно, лучше, чем кто-либо другой, сознает, как мало сделано и как много еще остается сделать в разработке сложной темы данного исследования. Основная трудность заключается в недостатке источников. Публикация неизданных рукописей, сокровищ музеев, а также новые археологические раскопки, надо надеяться, помогут в будущем значительно продвинуть изучение вопросов, поставленных в «Очерках».

Е. Э. Липшиц.

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСЦЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Для специалистов по истории греческой средневековой письменности одним из самых необходимых пособий является составленный М. Фогель и В. Гардтхаузеном корпус греческих писцов средневековья и Ренессанса [1], включающий имена переписчиков греческих рукописей, выявленных исследователями со времени начала изучения манускриптов (XVII—XVIII вв.) до момента выхода в свет указанного издания. Громадный материал, который собрали и систематизировали М. Фогель и В. Гардтхаузен, вот уже 50 с лишним лет помогает ученым в их работе с греческой рукописной книгой.

Однако за истекшие полвека изучение греческих рукописей значительно продвинулось вперед; выработаны новые приемы исследования манускриптов, составлены каталоги ранее не описанных коллекций, создан ряд ценнейших пособий [2]. Тщательное изучение огромного числа рукописей, выявление имен книгописцев по имеющимся пометам и на основании отождествления по почерку поставили вопрос о необходимости пополнения работы М. Фогель — В. Гардтхаузена.

Первым опытом суммирования вновь накопленного материала явилась работа сотрудника Средневекового архива Афинской Академии наук Христоса Г. Патри-

---

[1] M. Vogel und V. Gardthausen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909 (= «Beihefte zum Zentralblatt für Bibliothekswesen», XXXIII) (далее — Vogel — Gardthausen).

[2] Е. Э. Гранстрем. Современное состояние византийской палеографии. «Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 165—171.

нелиса [3]. Правда, свою задачу по восполнению указанного пособия Х. Патринелис ограничил, собрав сведения о переписчиках греческих рукописей только в эпоху Возрождения (2-я половина XIV—XVI в.). Но если учесть, что именно в эти два с половиной столетия было переписано подавляющее большинство дошедших до нас греческих манускриптов и именно от этого времени известно наибольшее количество имен писцов, станет совершенно ясно, что составитель выполнил самую трудоемкую и важную часть работы. Не умаляет значения труда Х. Патринелиса и то обстоятельство, что им собраны данные лишь о книгописцах греческого происхождения. Конечно, и в Западной Европе тоже немало потрудились над переписыванием греческих рукописей. Однако роль греков в ознакомлении гуманистической Европы с замечательными памятниками своей древней и средневековой литературы была бесспорно определяющей. Таким образом, и в этом отношении работа Х. Патринелиса включает в себя важный материал.

Базисом для «Ἕλληνες κωδικογράφοι» послужили три вида источников: 1) описания греческих рукописей, изданные после 1909 г.; 2) неопубликованные каталоги греческих рукописей; 3) многочисленные исследования рукописной традиции различных произведений древнегреческой и византийской литературы [4].

Х. Патринелисом собраны и систематизированы сведения о 85 переписчиках греческих книг. Из них имена 7 писцов вообще не были известны М. Фогель — В. Гардтхаузену [5], а некоторые лица, деятельность которых по копированию рукописей представлялась, по данным корпуса 1909 г., почти случайной, выступают перед нами в работе Х. Патринелиса как переписчики нескольких десятков манускриптов [6].

Сведения о книгописцах сопровождаются библиографическими справками, включающими в себя почти всю новейшую специальную литературу. В некоторых случаях Х. Патринелис, пользуясь своими собственными наблюдениями, удачно дополняет или исправляет работы цитируемых им исследователей [7].

Обращает на себя внимание следующий факт. Из общего числа собранных Х. Патринелисом имен 85 писцов почти половина — критские греки. Давно уже известно, что остров Крит сыграл в истории Возрождения важную роль как центр изучения и копирования огромного количества произведений греческой литературы [8], а также как родина выдающихся ученых-эллинистов, учителей и сподвижников знаменитых представителей европейского гуманизма [9]. Неоднократно указывалось на необходимость создания большого специального исследования, посвященного критскому гуманистическому очагу [10]. В 1962 г. американский ученый D. Geanakoplos написал работу, осветившую деятельность наиболее выдающихся критских эрудитов 2-й половины XV—начала XVI в. [11] Сведения, систематизированные в рассматриваемом здесь труде Х. Патринелиса, побуждают продолжить изучение деятельности критских ученых с включением в исследование имен всех известных в настоящее время критских каллиграфов, ученых редакторов европейских печатных изданий античных и византийских авторов, типографов.

Отклики, последовавшие за выходом из печати работы Х. Патринелиса, показали

---

[3] Χ. Γ. Π α τ ρ ι ν έ λ η ς. Ἕλληνες κωδικογράφοι τῶν χρόνων τῆς Ἀναγεννήσεως. Ἐπετηρὶς τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἀρχείου, 8—9 (1958—1959). Ἀθῆναι, 1961, σελ. 63—125 (далее — P a t r i n e l i s).

[4] P a t r i n e l i s, p. 65.

[5] Γλυζούνιος Μανουήλ (p. 72—73),
Γρηγορόπουλος Ἰωάννης (p. 74),
Ἰσίδωρος Καρδινάλιος (p. 87—88),
Καλόβας Γεώργιος (p. 90),
Παυλόπουλος Μᾶρκος (p. 102),
Προβατάρης Ἐμμανουήλ (p. 103—104),
Πυρόπουλος Ἀντώνιος (p. 104).

[6] Например, Δῶνος Ἀνδρέας (p. 80—82),
Λάσκαρις Ἰανός (p. 92—94),
Σχολάριος Γεώργιος (p. 112—115),
Τριβίζιος Γεώργιος (p. 117—118).

[7] Стр. 74—75, 82, 95—97 и т. д.

[8] M. W i t t e k. Pour une étude du scriptorium de Michel Apostolès et consorts. «Scriptorium», VII (1953), № 2, p. 290—297.

[9] D. I. G e a n a k o p l o s. Greek Scholars in Venice. Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe. «Harvard University Press». Cambridge, Massachusetts, 1962.

[10] F. D ö l g e r. Forschungen zur byzantinischen Geschichte, Literatur und Sprache, 1938—1950, in: F. D ö l g e r und A. M. S c h n e i d e r. Byzanz. Bern, 1952, S. 248; M. W i t t e k. Op. cit.

[11] См. прим. 9.

важность и необходимость подобного рода синтезирования нового материала [12]. Авторы рецензий, кроме общей оценки начинания Х. Патринелиса, сделали много ценных и интересных дополнений к его работе. В этом отношении особенно замечательна большая статья П. Канара.

Будучи хранителем греческих рукописей Ватиканской библиотеки, П. Канар имеет возможность изучать великолепную коллекцию манускриптов, доступ к которой для подавляющего большинства исследователей практически закрыт: собрания греческих рукописей Ватикана до сих пор описаны лишь частично. Поэтому сведения о переписчиках греческих книг XV—XVI вв., приводимые П. Канаром, по большей части извлечены им самим и впервые увидели свет в рецензии на работу Х. Патринелиса.

Другим важным источником публикуемых П. Канаром материалов являются ускользнувшие от внимания Х. Патринелиса исследования и каталоги рукописей, а также некоторые новые работы, изданные после выхода из печати «Ἕλληνες κωδικογράφοι».

Общее количество имен писцов, получивших отражение в работе П. Канара, —73. Отметив, что Х. Патринелис искусственно сузил объем своего материала и привлек к опубликованию лишь сведения о писцах греческого происхождения, П. Канар считает необходимым дать дополнительные данные о переписчиках греческих рукописей — негреках, восполнив тем самым не только работу Х. Патринелиса, но и корпус М. Фогель — В. Гардтхаузена в той части, которой Патринелис сознательно не коснулся.

Сведения, приводимые П. Канаром, иногда довольно существенно дополняют материал Х. Патринелиса, представляя ещё бóльшие возможности — причем (как уже отмечено) часто с совершенно новыми данными в руках — для изучения деятельности переписчиков греческих манускриптов в эпоху Возрождения.

Но обилие и важность новых фактов не исчерпывают значения рецензии П. Канара. Ценность этой работы заключается еще и в том, что автор со всей остротой поставил вопрос о необходимости сосредоточения усилий исследователей на выявлении имен писцов не только на основании помет самих переписчиков греческих рукописей (такая работа в основном уже проведена в большинстве хранилищ мира), но в гораздо большей степени — на основании отождествления имен книгописцев по почерку.

Эта работа сопряжена с огромными трудностями.

Прежде всего, комплексное изучение большого числа рукописей (а теперь необходимо именно такое изучение) доступно в основном лишь хранителям этих рукописей и очень редко — другим исследователям.

Вторым препятствием, на которое наталкивался всякий ученый, изучающий греческие рукописи XV—XVI вв., является отсутствие полноценных альбомов факсимиле. Имеющихся изданий образцов греческого письма позднего времени (лучшее из них — включающий в себя 50 таблиц альбом А. Омона [13]) совершенно недостаточно. Все новейшие работы, посвященные переписчикам греческих рукописей эпохи Возрождения и снабженные воспроизведениями образцов почерка писцов, настолько многочисленны, что обозреть их хотя бы в какой-то части бывает иногда просто невозможно и при сличении почерка изучаемой рукописи нужный материал может легко ускользнуть от внимания.

Поэтому одной из самых неотложных задач в области изучения греческих рукописей гуманистического времени должно быть создание такого альбома снимков греческих манускриптов XV—XVI вв., в который вошел бы по возможности весь известный ныне материал о переписчиках книг с воспроизведением нескольких образцов письма каждого писца. Последнее условие обязательно: почерк многих каллиграфов (не говоря уж о простых переписчиках) на протяжении их жизни менялся; эти изменения и должен отразить альбом. Его создание связано с большими трудностями, однако появление такого пособия может послужить причиной новых многочисленных находок при изучении греческих рукописей эпохи Возрождения.

В связи с только что изложенным следует отметить обещание П. Канара издать альбом «specimina scripturarum» переписчиков греческих книг XV—XVI вв. из собрания Ватикана [14]. Хочется только пожелать скорейшего выполнения этого обещания.

Выход в свет рассмотренных нами работ показал, с какой быстротой увеличивается материал о греческих писцах указанного времени. Материал этот будет неизменно расти. Возникает вопрос о дальнейшей концентрации новых сведений, добытых десятками специалистов многих стран. Должна ли систематизация новых данных вы-

[12] См. P. S p e c k. BZ, 55, (1962), Heft 2, S. 320—324; I. I r i g o i n. «Revue des études grecques», LXXV (1962), p. 566—567; P. C a n a r t. Scribes grecs de la Renaissance. Additions et corrections aux répertoires de Vogel — Gardthausen et de Patrinélis. «Scriptorium», XVII (1963), n. 1, p. 56—82.

[13] H. O m o n t. Fac-similés de manuscrits grecs des XVe et XVIe siècles. Paris, 1887.

[14] P. C a n a r t. Op. cit., p. 72, note 4.

литься в форму переизданий работ М. Фогель — В. Гардтхаузена, Х. Патринелиса и им подобных? *Вполне возможно. Нужно только иметь в виду, что и эти переиздания* довольно скоро устареют, не будут удовлетворять новых потребностей исследователей греческой рукописной книги. Кроме того, любое переиздание может затянуться по разным причинам на длительное время. Поэтому нам бы казалось наиболее рациональным периодическое составление сводок новых сведений о греческих писцах и их публикация на страницах таких всемирно известных изданий, как «Византийский временник», «Scriptorium» или «Byzantinische Zeitschrift». Эти же сводки намного облегчат переиздание таких больших пособий, как корпус М. Фогель — В. Гардтхаузена, когда возникнет в этом настоятельная потребность.

* * *

В заключение приводим несколько дополнений к материалу, собранному авторами рассмотренных здесь работ. В значительной степени эти дополнения — результат наших занятий греческими рукописями в хранилищах Москвы и Ленинграда [15].

Ἀποστόλης Ἀριστόβουλος (= Ἀρσένιος Μονεμβασίας) [16].

1) ГИМ 432 $\left(\frac{10}{X}\right)$. Арсений Монемвасийский. Ἰωνιά. (Владимир [17], стр. 652—653).

Отождествлено по почерку (ср. H. Omont. Op. cit., № 6).

2) ГИМ 508 $\left(\frac{272}{CCLIX}\right)$ Эсхил и Еврипид. Трагедии. (Владимир, стр. 725). Аристобулом Апостолидом писаны лл. 122—129 об. Отождествлено по почерку (ср. H. Omont. Op. cit., № 5).

Βεργίκιος Ἄγγελος [18].

ГБЛ, греч. 150. Георгий Гемист Плифон. Из географических сочинений. Отождествлено по почерку (ср. H. Omont. Op. cit., № 2).

Λάσκαρις Ἰανός [19].

БАН, инвент. № 30, по каталогу Е. И. Бобровой [20] — № 56. ΑΝΘΟΛΟΓΙΑ ΔΙΑΦΟΡΩΝ ΕΠΙΓΡΑΜΜΑΤΩΝ..., Florentiae, 1494 [21]. Многочисленные пометы (греческие и латинские) рукой Иоанна Ласкариса.

Отождествлено по почерку (ср. Bibliothèque de l'école des Hautes-Études 74 [1887]; E. Legrand. Op. cit., t. I, p. CLXI).

Μαργούνιος Μάξιμος [22].

---

[15] Приносим самую искреннюю благодарность М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой (Гос. историч. музей, далее — ГИМ), Е. Э. Гранстрем (Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, далее — ГПБ), И. Н. Лебедевой (Библ. Акад. наук, далее — БАН), а также сотрудникам рукописных отделов Гос. библиотеки им. Ленина (далее — ГБЛ), Центр. гос. архива древних актов и Архива Ленинградск. отд. Института истории за предоставленную нам возможность в короткое время ознакомиться со всеми греческими рукописями XV—XVI вв. названных хранилищ.

[16] Vogel — Gardthausen, S. 42—44; Patrinelis, p. 68—69; P. Canart. Op. cit., p. 59, 73.

[17] Архимандрит Владимир. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки, ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894.

[18] Vogel — Gardthausen, S. 2—6; Patrinelis, p. 70; P. Canart. Op. cit., p. 60, 74.

[19] Vogel — Gardthausen, S. 157—158; Patrinelis, p. 92—94; P. Canart. Op. cit., p. 63—64.

[20] Каталог инкунабулов Библиотеки Академии наук, составитель Е. И. Боброва. М.—Л., 1963.

[21] E. Legrand. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs aux XVe et XVIe siècles, t. I, p. 29—38.

[22] Vogel — Gardthausen, S. 285—286; Patrinelis, p. 95—97; P. Canart. Op. cit., p. 65. Х. Патринелис, перечисляя сохранившиеся автографы Маргуния, ошибочно включил в их число рукопись, до настоящего времени пока не найденную (p. 96, № 8: Paris, Bibl. Nat., Fonds Français 6139). В конце XVII в. она еще находилась в Константинополе, где ее видел и скопировал оглавление рукописи французский востоковед Антуан Галлан. С тех пор судьба ее неизвестна. См. P. K. Enepekides. Le sommaire d'un manuscrit byzantin inconnu égaré dans le Fonds Français de la Bibliothèque Nationale à Paris. «Atti dello VIII Congresso Internazionale di Studi Bizantini», 1 (1951) (= «Studi Bizantini e Neoellenici», 7, 1953), p. 66; idem. Das Pariser Inhaltsverzeichnis eines angeblich verschollenen byzantinischen Sammelkodex. JÖBG, IV, 1955, S. 157—164.

1) ГИМ 244 $\left(\frac{420}{\text{CCCXCIII}}\right)$. Сборник полемического содержания против латинян (В л а д и м и р, стр. 324—326). М. Фогель — В. Гардтхаузен (стр. 286) совершенно правильно поместили этот кодекс в список автографов Маргуния, хотя каких-либо определенных указаний на этот счет в каталоге Владимира нет (М. Фогель — В. Гардтхаузен пользовались именно этим каталогом, о чем свидетельствует тройная нумерация приводимого ими шифра этой рукописи), а пометы на лл. 31 и 79 об., содержащие дату и имя составителя переписанных сочинений и на данные которых имели возможность опираться указанные авторы, могли быть более поздней копией: именно такой случай мы имеем в рукописи 250 $\left(\frac{207}{\text{CCVIII}}\right)$, л. 511 об., где почерком XVII в. скопированы и сочинение Маргуния «Об исхождении св. духа», и дата, и место его составления (В л а д и м и р, стр. 342).

Рукопись № 244 написана тремя переписчиками. Рукой Маргуния писаны лл. II, 1—11, 13—22, 23—25, 29—79 об., 84—88 об., 94—103, 105—118 об.

Отождествлено по почерку.

2) ГИМ 245 $\left(\frac{423}{\text{CCCXCIV}}\right)$. Сборник полемического содержания против латинян (В л а д и м и р, стр. 326—329). Эта рукопись также указана М. Фогель — В. Гардтхаузеном, однако не в числе автографов Маргуния, а отдельно, под именем Μάξιμος ἱερομόναχος (стр. 287). К тому же, по М. Фогель — В. Гардтхаузену, иеромонах Максим переписал лишь ὕμνος ἑσπερινός Григория Назианзина, тогда как данный сборник, в значительной степени написанный самим Маргунием (лл. 1—39 об., 40 об.—41 об., 41 об.— 43, 44—44 об., 45 об.—46 об., 47 об.—48, 49 об.—51, 62—67 об., 68 об.—85 об., 87—148, 149—167, 224—229, 230, маргиналии на лл. 253 и 259, 272—273 об.), содержит сочинения Марка Евгеника, Георгия Схолярия, Виссариона Никейского, Иоанна Векка, Димитрия Кидониса и др.

Отождествлено по почерку.

3) ГИМ 252 $\left(\frac{337}{\text{CCCXXIV}}\right)$. Сборник полемического содержания против латинян (В л а д и м и р, стр. 345—347). Вся рукопись, содержащая сочинения Николая Кавасилы, Нила Кавасилы, Никифора Григоры, Фотия и др., написана рукой Максима Маргуния.

Отождествлено по почерку.

4) ГИМ 441 $\left(\frac{315}{\text{CCCII}}\right)$ (В л а д и м и р, стр. 672—676). Этот знаменитый кодекс, в состав которого, кроме произведений Варлаама Калабрийского, Димитрия Кидониса, Никифора Григоры, Максима Плануда и др., входят также сочинения Арефы Кесарийского, дошедшие до нас лишь в этом списке и в большинстве своем до сих пор неизданные, весь — за исключением лл. 16—26 об. — переписан Маргунием. Этот факт, установленный нами на основании отождествления по почерку, подтвердился найденными затем указаниями А. И. Пападопуло-Керамевса [23]. М. Фогель — В. Гардтхаузен, которым были известны названные работы греческого ученого, по-видимому, пропустили его верные сведения, Х. Патринелис же, дополнявший корпус 1909 г., естественно, не пользовался материалами, просмотренными М. Фогель — В. Гардтхаузеном. В последнее время еще раз указал на № 441 как на автограф Маргуния П. Канар [24], основываясь на указаниях Пападопуло-Керамевса и сообщении хранителя рукописей ГИМ Н. П. Попова, нашедшем отражение в цитируемой П. Канаром работе В. Лоран, посвященной жизнеописанию митрополита Гераклеи Понтийской Иоанна.

5) ГИМ 509 $\left(\frac{415}{\text{CCCXCVII}}\right)$. Феокрит. «Идиллии» и другие статьи (В л а д и м и р, стр. 725—726). Рукой Маргуния писаны Πίναξ (л. III) и схолии к Феокриту (кроме схолий, написанных рукой переписчика «Идиллий»).

Отождествлено по почерку.

Кроме перечисленных пяти рукописей ГИМ, можно указать еще несколько автографов Маргуния, хранящихся в библиотеках Европы и Востока и не учтенных составителями рецензируемых работ.

---

[23] Δ. Π α π α δ ό π ο υ λ ο ς - Κ ε ρ α μ ε ύ ς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη ἤτοι κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριαρχικοῦ Θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων ἑλληνικῶν κωδίκων. Τόμος τρίτος. Ἐν Πετρουπόλει, 1897, σελ. 267; i d e m. Monumenta graeca et latina ad historiam Photii patr. pertinentia, I. Petropoli, 1899, p. V.

[24] P. C a n a r t. Op. cit., p. 65.

6) Синаеджуванийское подворье в Каире, 349 (1606). Произведения Афанасия Александрийского. Значительная часть рукописи написана рукой Маргуния (Бенешевич[25], I, стр. 191—192).

7) Синаеджуванийское подворье, 517 (2089). Сборник сочинений Григория Нисского, Максима Исповедника, Георгия Схолярия и др. Часть рукописи написана Маргунием (Бенешевич, I, стр. 356—364).

8) Синай, монастырь св. Екатерины, 519 (1655). Сборник сочинений Григория Нисского и др. Рукой Маргуния писано оглавление (Бенешевич, I, стр. 368—369).

9) Константинополь, метох Святогробского монастыря. Автограф письма Маргуния Лаврентию Мариносу, написанного 1 сентября 1587 г. ἐκ τῆς μονῆς τῆς κυρίας Παντουργέτιδος (E. Legrand. Op. cit. II, p. LXXV).

Трудно объяснить, почему П. Канар, публикуя дополнительные сведения об автографах Маргуния, почерпнутые им из работы Р. Барбур[26], не указал еще трех автографов знаменитого греческого эрудита, описанных в той же работе.

10) Бодлейянская библиотека, Holkham. gr. 25 (91). Жития святых и сочинения Григория Паламы. Рукопись писана несколькими переписчиками, в том числе М. Маргунием (R. Barbour. Op. cit., p. 526).

11) Там же, Holkham. gr. 35 (53). Произведения Григория Нисского, Иоанна Векка, Матфея Панарета, Максима Маргуния и др. Лл. 9—28 писаны рукой Маргуния (R. Barbour. Op. cit., p. 599).

12) Там же, Holkham. gr. 48 (75). Сочинения Феодорита, Михаила Пселла, Симеона, архиепископа Фессалоникского, Прокопия Газского и др. Лл. 125—240 писаны Мануилом Маргунием (R. Barbour. Op. cit., p. 601).

О двух следующих рукописях неизвестно, являются ли они автографами Маргуния, но, по нашему предположению, они могут быть написаны рукой епископа Киферы.

13) Эскуриал, X—I—15. Каталог библиотеки кардинала Sirlet. XVI в. Под № 281 стоит письмо Маргуния кардиналу Sirlet, а затем — отрывок из сочинений Григория Нисского (Miller[27], p. 319).

14) Милан, 759 (Z 133 sup.). Мануила Маргуния διάλογος περὶ ἀθλιότητος ἀνθρωπίνης, которому предшествует латинское письмо Маргуния — И. В. Пинелли и эпиграмма (Martini-Bassi[28], II, p. 866).

Πυρόπουλος Ἀντώνιος[29].

ГИМ 448 $\left(\frac{7}{\text{VII}}\right)$. Аристотель. «Физика» (Владимир, стр. 686—687). Л. 4 об. — владельческая запись с пометой о вкладе рукописи в Ватопедский монастырь.

Χρυσοκόκκης Γεώργιος[30].

ГИМ 506 $\left(\frac{204}{\text{CCV}}\right)$. Страбон. «География» (Владимир, стр. 723—724).

Отождествлено по почерку (ср. H. Omont. Op. cit., № 20).

Б. Л. Фонкич

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СЕРБО-ГРЕЧЕСКОМ ЦАРСТВЕ

(О новом издании Законника царя Стефана Душана)

Законник Стефана Душана, текст которого был вновь издан видным югославским медиевистом акад. Н. Радойчичем [1], является одним из самых важных и в то же время наиболее сложных по своему составу и происхождению памятников средневекового сербского права, ценнейшим источником по истории социально-экономического и политического строя Сербо-Греческого царства Душана. Подлинник его не сохранился, и в настоящее время историческая наука располагает 24 списками Законника, написанными в разное время (с конца XIV и до конца XVIII в.). Ни один

[25] В. Н. Бенешевич. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, т. I. СПб., 1911; т. III, 1, СПб., 1917.

[26] R. Barbour. Summary Description of the Greek Manuscripts from the Library at Holkham Hall. «The Bodleian Library Record», vol. 6, Number 5 (1960).

[27] E. Miller. Catalogue des mss grecs de la bibliothèque de l'Escurial. Paris, 1848.

[28] A. Martini et D. Bassi. Catalogus codicum graecorum Bibliothecae Ambrosianae, t. I—II. Mediolani, 1906.

[29] Patrinelis, p. 104.

[30] Vogel—Gardthausen, S. 86—87; P. Canart. Op. cit., p. 69.

[1] Законик царя Стефана Душана 1349 и 1354. Издао и превео Никола Радојчић. Београд, Српска академија наука и уметности, 1960, 176 стр. (далее — Законик. . . 1960).

из этих списков не содержит полного текста данного памятника, разделяясь в зависимости от своего состава (число статей, текст и порядок их, язык и стиль) на несколько редакций. Все это вызывает значительные трудности при изучении Законника, которому посвящена обширная литература [2].

За последние годы историография Законника пополнилась рядом новых изданий его текста [3], а также источниковедческих работ, вышедших в СФРЮ [4]. Этот памятник находит освещение и в советской исторической литературе [5], а текст его в последнее время был неоднократно издан в русском переводе (правда, с известными сокращениями) [6].

Несмотря на определенные достижения в изучении редакций Законника и отдельных его списков, в настоящее время все же остаются недостаточно исследованными некоторые важные источниковедческие проблемы, возникающие при анализе этого памятника. Например, не решен окончательно вопрос о составе и хронологии Законника и в особенности его второй части (так называемого «второго Законника», или «Законника 1354 г.»). В частности, остается спорным, изданы ли все статьи второй части самим Стефаном Душаном (в 1353—1354 гг.) или же некоторые из них были приписаны к основному тексту позднее, уже после смерти Душана (1355 г.). С этой проблемой связан и вопрос о количестве статей в подлинном тексте Законника, накануне распада Сербо-Греческого царства.

Сейчас общепринятой в историографии является точка зрения сербского буржуазного историка С. Новаковича, который в 1898 г. включил в состав Законника только 201 статью из разных его списков [7]. С. Новакович при этом опустил ряд статей из поздних рукописей Законника, отсутствующих в ранних списках, а также так называемые статьи-«дубликаты» Раковацкой рукописи, которые имелись в изданиях П. Й. Шафарика, Ф. Ф. Зигеля и даже в первом издании Законника, выпущенном самим Новаковичем [8].

Заметим, что всестороннему анализу Законника и решению его основных источниковедческих проблем в значительной мере препятствует наметившаяся в историографии искусственная изоляция Законника Душана от других частей громадного свода законов Сербо-Греческого царства (Синтагмы Матвея Властаря, Закона царя Юстиниана, Правил Иоанна Постника), а также отсутствие полного критического издания всего этого кодекса царя Душана, основанного на всех известных нам рукописях и списках его.

Второе издание Законника, выпущенное С. Новаковичем (1898 г.), нельзя уже не признать неполным и устаревшим (в особенности в описании и классификации

---

[2] См., например: Н. Радојчић. Век и по проучавања Душанова законодавства. «Зборник у част шесте стогодишњице Законика цара Душана», I. Београд, 1951, стр. 207—263.

[3] См. Н. Радојчић. Душанов законик по Призренском рукопису. Београд, 1953; V. Mošin. Bogišićev Dalmatinski rukopis i mlada redakcija Dušanova zakonodavstva. «Anali Historijskog Instituta JAZU u Dubrovniku», II, 1953, str. 9—58; и др.

[4] Н. Радојчић. Члан четрнаести Душанова законика. «Јужнословенски филолог», XIX, 1951—1952, стр. 35—45; его же. Око Душанова законика. «Историски часопис», III, 1952, стр. 55—65, V, 1955, стр. 7—18, IX—X, 1959, стр. 101—112; С. Јантолек. Душанов законик (Поводом шесто-годишњице издања његовог другог дела од 1354 г.). «Годишник на правно-економскиот факултет во Скопје», 1955, стр. 87—103; И. Божић. Доходак царски (поводом 198 члена Душановог законика Раковачког рукописа). Београд, 1956; и др.

[5] См., например: «История государства и права», т. 1. М., 1949, стр. 514—531; А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 279, 184 (ср. сб. «Славянский архив». М., 1962, стр. 124, 126, прим. 27); З. М. Черниловский. История феодального государства и права. М., 1959, стр. 204—214; и др.

[6] «Хрестоматия по истории средних веков», т. II. М., 1950, стр. 202—208 (57 статей); З. М. Черниловский. Указ. соч., прилож., стр. 349—354 (48 статей); «Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы». М., 1961, стр. 891—915 (125 статей); «Хрестоматия по истории средних веков», т. II. М., 1963, стр. 687—697 (88 статей).

[7] С. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1898, стр. 6—267 (далее — Законик. . . 1898).

[8] В издание П. Й. Шафарика включено 205 статей Законника (P. J. Šafařík. Památky dřevniho pisemnictvi Jihoslovanův. Praha, 1851, 2-е изд. — 1873); в первом издании Новаковича — 225 статей (С. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1870; далее — Законик. . . 1870), в издании Ф. Ф. Зигеля — 206 (Ф. Зигель. Законник Стефана Душана, вып. 1. СПб., 1872). Т. Д. Флоринский считал, что «полная редакция» Законника должна включать 215 статей, в том числе 8 статей Раваницкого списка (Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888, стр. 283—284).

списков, в датировке редакций и т. д.). Все это, разумеется, вызывало значительные трудности при подготовке нового издания Законника Душана акад. Н. Радойчичем.

Новое издание Законника открывается предисловием Н. Радойчича (стр. 1—4), в котором он отмечает настоятельную необходимость такого издания ввиду постоянного интереса к этому памятнику средневекового права. Здесь он вкратце определяет те принципы, которыми руководствовался при подготовке текста Законника и его перевода (подробнее об этом мы скажем ниже). Вместе с тем в предисловии Н. Радойчич коснулся (к сожалению, слишком бегло) и весьма сложного и спорного вопроса о хронологии и составе Законника.

Он полагает, что Законник был «принят на сербских государственных соборах в 1349 и 1354 гг.» [9]. Согласно этой точке зрения, которая широко распространена в современной литературе, первая часть Законника (ст. 1—135) была утверждена 21 мая 1349 г. на соборе в г. Скопье, тогда как вторая часть (ст. 136—201 — по изданию С. Новаковича 1898 г.) была принята на соборе в 1354 г. (или в 1353—1354 гг.), видимо, в г. Серры [10].

Однако эту точку зрения, как нам кажется, нельзя считать единственно возможной и вполне доказанной. Так, например, известный исследователь Законника А. В. Соловьев, не подвергая, правда, сомнению принятие второй части Законника на соборе 1354 г., неоднократно отмечал, что статьи 190—201 были включены в состав кодекса уже после смерти Душана, при его сыне Уроше V (1356—1371), вероятно, в последние годы его правления, когда, по-видимому, возникли и некоторые новые редакции этого памятника [11].

Напомним, что и первые исследователи Законника, несмотря на кажущуюся несложность его датировки, не раз высказывали сомнения по поводу того, следует ли все статьи второй части этого источника относить только к периоду правления Стефана Душана. Так, например, еще П. Шафарик заметил, что «в Новосадской (т. е. Раковацкой. — *Е. Н.*) рукописи, кроме законов Душана, в конце содержится также собрание более поздних княжеских постановлений» [12]. И далее П. Шафарик, говоря о Раковацком списке, прямо назвал Законник «сводом законов Стефана Душана и его преемников» [13]. Этот тезис П. Шафарика был горячо поддержан и Вацлавом-Александром Мацеевским [14].

Как известно, и А. А. Майков полагал, что в Раковацкой рукописи имеются статьи, «относящиеся ко временам Уроша и Лазаря», но в то же время допускал, что «недостающее в Ходошском списке (т. е. последние статьи Раковацкого. — *Е. Н.*) есть уже прибавление, сделанное либо в том же 1354 году, либо в следующих годах царствования Душана» (т. е. в 1355 г. — *Е. Н.*) [15].

Укажем, наконец, что уже Т. Д. Флоринский подверг весьма убедительной критике мнение о принятии Законника на двух соборах (1349 и 1354 гг.), которое высказывали Ф. Ф. Зигель и С. Новакович [16]. «Из источников, — писал Т. Д. Флоринский,— мы знаем только о первом соборе, что же касается собора 1354 г., на котором будто бы изданы дополнения к первому Законнику, то о нем ничего положительного не известно» [17]. Сама хронологическая пометка в тексте Законника (перед ст. 136 — по изданию С. Новаковича 1898 г.) — «в лето 6862 (от сотв. мира, т. е. с 1 сентября 1353 по

---

[9] Законик. . ., 1960, стр. 1

[10] См., например: «История средних веков», т. 1. М., 1952, стр. 557—558; «Историја народа Југославије», т. 1. Београд, 1953, стр. 404; А. Д. Л ю б л и н с к а я. Указ. соч., стр. 284; «Преглед историје југословенских народа», д. 1. Београд, 1960, стр. 78; «Хрестоматия памятников. . .», стр. 891—892; «Istorija država i prava jugoslovenskih naroda (do 1918. godine)». Beograd, 1962, str. 49.

[11] А. С о л о в ь е в. Постанак и значај Душанова законика. 2-е изд. Београд, 1931, стр. 25, прим. 1; е г о ж е. Предавања из историје словенских права. Београд, 1939, стр. 159, 163. Ср. Н. Р а д о ј ч и ћ. Око Душанова законика. «Историски часопис», V, 1955, стр. 12 (о ст. 201).

[12] P. J. S c h a f f a r i k. Übersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bei den Serben und anderen Südslawen. «Jahrbücher der Literatur», Bd. 53. «Anzeige-Blatt für Wissenschaft und Kunst», LIII. Wien, 1831, S. 38.

[13] Ibid., S. 41. В комментариях к тексту Законника, изданному Кухарским, Шафарик писал, что некоторые статьи Раковацкого списка относятся, видимо, к эпохе Уроша (1356—1371) и Лазаря (1372—1389). См. А. К у х а р с к и й. Древнейшие памятники славянского законодательства. Варшава, 1838, стр. 224, прим. 95.

[14] W. A. M a c i e j o w s k i. Historya prawodawstw słowiańskich, t. I. Warszawa, 1832, str. 265; 2. ed., t. I, 1856, str. 301; t. VI, 1858, str. 350—351.

[15] А. М а й к о в. История сербского языка по памятникам, писанным кирилицею, в связи с историею народа. М., 1857, стр. 35.

[16] Ф. З и г е л ь. Указ. соч., стр. 61—62 (ср. стр. 49—50, 55, 61); Законик. . ., 1870, стр. XVIII.

[17] Т. Д. Ф л о р и н с к и й. Указ. соч., стр. 269—270.

31 августа 1354 г. — *Е. Н.*), индикт седьмой» — означает, по мнению Т. Д. Флоринского, «не более, как указание на год внесения в Законник одной или нескольких новых статей» [18].

Во многом сходной точки зрения придерживается и югославский ученый С. Янтолек, который утверждает, что вторая часть Законника «не санкционирована на государственном соборе, как это было с первой частью, — поскольку нет непосредственных доказательств этого. Она возникла в период между 1 сентября 1353 и 31 августа 1354 г. постепенно, статья за статьей» [19].

Ввиду того что названные выше ученые выражали сомнения в принятии всех статей второй части данного памятника на специально созванном соборе, а выводы и аргументация их не были опровергнуты сторонниками тезиса о двух соборах, в данном академическом издании Законника мы вправе ожидать по крайней мере замечания об иных точках зрения или же подробной аргументации этого тезиса о двух соборах. Между тем мы не находим в издании Н. Радойчича ни того, ни другого.

Вызывает удивление и тот факт, что в данном издании вообще нет источниковедческого раздела, где на основании последних достижений текстологии Законника был бы дан анализ (пусть самый краткий) его структуры и хронологии, рассмотрены соотношения и датировки различных его редакций. Отсутствие такого раздела, имевшегося в публикации С. Новаковича (1898) и являющегося непременным компонентом любого научного издания исторических источников, в значительной мере обедняет издание Законника, подготовленное Н. Радойчичем, и снижает его ценность.

Обзор рукописей данного памятника, без сомнения, представляет одну из наиболее интересных частей издания Н. Радойчича, который на стр. 5—24 дает перечень известных списков, указывает их датировки, местонахождение и перечисляет издания их текста.

Так, в частности, чрезвычайно важны те сведения (пусть не всегда окончательные), которые Н. Радойчич сообщает о датировках самых ранних рукописей источника. Как известно, датировки эти основаны на изучении водяных знаков, что, однако, нередко вызывает большие расхождения в определении даты того или иного списка. Например, Стружский список, который ранее датировали 70—80-ми годами XIV в., В. А. Мошин относит примерно к 1395 г.; Бистрицкий список, согласно водяным знакам, возник в 1449—1454 гг. или же около 1480 г., а Афонский — в 70—80-х годах XIV в. или около 1418 г.[20] Совершенно правилен вывод Н. Радойчича о настоятельной необходимости тщательного изучения всех филиграней в рукописях Законника для окончательной их датировки по самым поздним водяным знакам [21].

Говоря о Хиландарской рукописи Законника, Н. Радойчич предлагает как можно скорее издать полный текст этого, одного из самых ранних списков памятника (в перечне Н. Радойчича ему предшествуют лишь Стружский, Афонский и Студеницкий) [22]. Нам кажется, что следует поставить вопрос об издании не только Хиландарского, но и всех других, не опубликованных полностью, ранних (возможно, и некоторых более поздних) списков. Например, текст Бистрицкого списка, одного из наиболее полных и ранних, несмотря на ряд попыток [23], до сих пор не издан целиком, что во многом затрудняет изучение его, как и всей Афонской редакции Законника, и сопоставление с другими редакциями и списками. Весьма необходимо, и фототипическое издание Афонского списка, текст которого имеется лишь в публикации Т. Д. Флоринского.

В своем обзоре рукописей Законника Н. Радойчич сделал несколько беглых замечаний о языке и стиле отдельных списков (например, Стружского, Афонского) и об их группировке в особые редакции [24]. Однако это не может заменить специального источниковедческого раздела, о котором мы говорили выше, тем более что такой раздел можно было бы поместить за счет сокращения данного Н. Радойчичем обзора изданий (стр. 25—30) и переводов памятника (стр. 30—39), в значительной мере повторяющего названную нами очень интересную и подробную статью самого Н. Радойчича [25].

Старосербский текст Законника (стр. 41—86) издан Н. Радойчичем в соответствии с теми принципами, которые изложены им в предисловии. «Мое издание Законника, — пишет он, — полностью отличается от предыдущих», оно должно дать читателю «самый достоверный текст Законника, который ближе всего к его ориги-

[18] Т. Д. Флоринский. Указ. соч., стр. 271 (ср. стр. 273—274).
[19] С. Јантолек. Указ. соч., стр. 93.
[20] Законик. . ., 1960, стр. 14, 17, 15.
[21] Там же, стр. 14.
[22] Законик. . ., 1960, стр. 16. Ср. Н. Радојчић. Хиландарски рукопис Душанова законика. «Зборник радова Византолошког института», књ. VIII-1, 1963, стр. 245—253.
[23] Н. Радојчић. Два намеравана издања Душанова законика. «Зборник Матице Српске за књижевност и језик», III, 1956, стр. 8—12.
[24] Законик. . ., 1960, стр. 14—16.
[25] См. выше, прим. 2.

налу». Если все прежние издания непростительно мало внимания уделяли самым древним спискам — Стружскому и Афонскому, «я взял их (Стружский и Афонский. — *Е. Н.*) за основу текста, — подчеркивает Н. Радойчич, — и пользовался прочими рукописями только тогда, когда в них хорошо сохранилась какая-либо статья Законника или часть ее, которой нет в Стружской и Афонской рукописи, или же в этом месте текст другого списка вернее» [26]. Поэтому Радойчичем из Стружского списка было взято 89 статей, из Афонского — 59, из Призренского — 26, из Бистрицкого — 14, из Раковацкого — 12 и одна из Ходошского, но при этом иногда указывались варианты статей или фраз по другим рукописям.

Здесь нам хотелось бы отметить неправомерность резкого разделения Н. Радойчичем его издания и всех предыдущих, так как его издание по своему характеру весьма близко к сводным изданиям Законника (П. Шафарика, Ф. Ф. Зигеля, С. Новаковича), отличаясь, разумеется, от публикаций отдельных списков данного законодательного памятника. К тому же Н. Радойчич, как мы покажем ниже, был не всегда последователен в своем стремлении дать «самый достоверный» текст источника, отказаться от предпочтения и повторения Призренского списка, в чем он сам, однако, не раз упрекает С. Новаковича [27].

Заметим прежде всего, что «самый близкий к оригиналу» текст Законника, по Н. Радойчичу, включает лишь 201 статью, и в этом Н. Радойчич безоговорочно (к тому же без достаточных оснований) повторяет издание С. Новаковича (1898 г.), сохраняя даже его нумерацию статей, во многом спорную и произвольную, как признает сам Н. Радойчич. Такое ограничение текста памятника рамками лишь 201 статьи нельзя признать безусловно правильным, тем более что сам издатель не проверил отбора статей, который был произведен в 1898 г. С. Новаковичем.

Например, Н. Радойчич не доказал необходимости исключения из канонического текста Законника так называемых статей-«дубликатов» Раковацкого списка и некоторых статей из других поздних рукописей. Даже во втором издании С. Новаковича (1898 г.) многие из таких статей были даны в приложении, а отдельные фразы их были включены в основной текст источника.

С таким априорным отбрасыванием этих статей, нам кажется, нельзя согласиться, поскольку некоторые «дубликаты» не служат буквальным повторением предыдущих статей, а, напротив, содержат любопытные изменения и дополнения постановлений первой части Законника [28].

Рассмотрим, в частности, статью-«дубликат» Раковацкого списка (ст. 187 — по изд. П. Шафарика) о «планинах» — горных пастбищах. Текст ее гласит: «Планине, что соу по земьли цареве цароу, а кралю кралѣве, а властеломь властельске, что ѥсть оу чиеи дрьжави» [29]. Она была исключена С. Новаковичем из текста Законника (в издании 1898 г.) ввиду ее сходства со ст. 81, гласящей: «Планине що соу оу земли царства ми, що соу цареве планине да соу цароу, а црьковне црьквамь, а властѣѡске властѣлом» [30]. Конечно, обе статьи весьма сходны, но каждая содержит то, чего нет в другой. Поэтому С. Новакович все же внес в текст ст. 81 заключительные слова статьи-«дубликата» («что есть у чиеи дрьжави»), хотя и не отметил наличия второй «вставки» (о королевских планинах) [31].

Весьма характерно, что статья-«дубликат» совершенно умалчивает о церковных и монастырских планинах, но зато упоминает королевские планины, а властельские ограничивает лишь теми, что находились в пределах «державы» (наместничества или держания) данного феодала. Следовательно, эти текстологические различия ст. 187 (Шаф.) и 81 дают нам основания полагать, что ст. 187 (Шаф.) была более поздним дополнением ст. 81 (как, например, ст. 171 служит дополнением ст. 105 [32]) и что она была внесена в состав Законника во время правления царя Уроша и короля Вукашина (1365—1371), т. е. вместе со статьями 190—201 [33].

Именно для периода правления Уроша (1356—1371) весьма характерны выступления светской знати (нередко при поддержке центральной власти) против церковного и монастырского землевладения в Сербии, Македонии, Зете и других областях распадавшегося Сербо-Греческого царства [34]. В Радовишской грамоте Уроша от 15 ноября

---

[26] Законик. . ., 1960, стр. 2.

[27] Там же, стр. 11, 28.

[28] Ср. С. Јантолек. Указ. соч., стр. 93; В. Благоев. Примат закона у Душановом законику (Византиски узори и прави значај примата). «Анали правног факултета у Београду», № 2—3, 1961, стр. 180—181.

[29] Ср. Ф. Зигель. Указ. соч., стр. 110.

[30] Там же, стр. 48; Законик. . ., 1960, стр. 58.

[31] Законик. . ., 1898, стр. 65.

[32] В. Благоев. Указ. соч., стр. 181—182.

[33] См. выше, прим. 11.

[34] Подробнее см. Е. П. Наумов. К истории церковного и монастырского землевладения в Сербии, Македонии и Зете во второй половине XIV в., вып. 23, 1963, стр. 134—148.

1360 г. прямо говорится о посягательствах светских феодалов и царских скотоводов (влахов) на планины, принадлежавшие Хиландарскому монастырю в Восточной Македонии; тогда, правда, Урош решил спор в пользу монастыря и подтвердил его права, угрожая их нарушителям наказанием «по Законнику» [35].

Возможно, что в данном случае он вынужден был поступить так под давлением церковников, но позднее (видимо, в 1365—1371 гг., о чем говорит упоминание «королевских планин», т. е. планин короля Вукашина, в ст. 187 — по изд. Шафарика) правительство Уроша смогло решительнее поддержать сторонников частичной секуляризации церковных и монастырских имений. Такое изменение весьма противоречивой церковной политики Уроша в последние годы его правления можно проследить и на примере хиландарского имения в Северо-Восточной Сербии (с. Лешье и др.) [36].

Быть может, наличие ст. 187 (Шаф.) в Раковацком списке свидетельствует об известной обработке текста Законника (по-видимому, в 60-х и 70-х годах XIV в.) в духе желаний и устремлений светской знати, стремившейся положить конец дальнейшему расширению церковных владений, подобно тому как и текст Афонского и Студеницкого списка говорит нам о прямом приспособлении (в конце XIV—начале XV в.) данного кодекса к нуждам церковных кругов [37].

В свою очередь отсутствие в ст. 81 Законника слов о «державе» феодалов также может быть результатом переделки этой статьи после развала империи Душана, когда светские феодалы стали распоряжаться своими наместничествами и условными держаниями как полной собственностью («баштиной»). Как известно, Дечанская грамота 1330 г. гласит, что «в планинах никто не имеет баштины, кроме королей и церквей, которым короли дали (т. е. планины. — *Е. Н.*)» [38].

Кроме ст. 187 (Шаф.), следовало бы включить в канонический текст Законника из числа «дубликатов» Раковацкой рукописи также ст. 190, 194, 196 и 202 (по изд. П. Шафарика), поскольку они содержат немаловажные текстуальные и смысловые различия по сравнению с близкими им по содержанию ст. 162, 143, 23 и 189 основного текста. Было бы целесообразно вместе с тем рассмотреть вопрос о включении в сводный текст Законника отдельных статей из поздних его рукописей (например, Раваницкой), несмотря на их отсутствие в наиболее полных списках (Стружском, Афонском, Бистрицком, Призренском). Как известно, от Стружского списка осталось лишь несколько листков, а Призренский оборван на полуслове (более того, в Призренском переписчик пропустил ст. 45, 80, 110, 150, сохраняя, однако, избранную им нумерацию). Ряд статей сохранился только в одном или двух (притом довольно поздних) списках: например, ст. 164 и 186 — лишь в Призренском, ст. 190—201 — только в Раковацком, ст. 38 и 39 — в Раковацком и Призренском. Нельзя, наконец, забывать и о том, что безвозвратно погибли многие списки Законника, прежде всего его оригинал и наиболее близкие к нему рукописи.

Таким образом, предложенный Н. Радойчичем старосербский текст памятника, если оценивать его с точки зрения объема (т. е. количества статей), еще нуждается в дальнейшем уточнении и дополнении. Самый же замысел издателя, ставившего своей целью дать наиболее достоверный и близкий к протографу текст Законника, нельзя не признать вполне понятным, но в то же время весьма трудно выполнимым.

Как известно, издатели сводного текста Законника, начиная с А. Кухарского и П. Шафарика, были вынуждены прибегать к той или иной комбинации статей памятника из разных его списков, вследствие чего, однако, в сводном тексте нарушалось стилистическое и языковое единство, присущее отдельным спискам и редакциям кодекса, не учитывались некоторые разночтения и т. п. В силу этого наиболее целесообразным путем при издании полного текста Законника было приведение вариантов и разночтений из в с е х рукописей к каждой статье, т. е. тот принцип, который был осуществлен С. Новаковичем в 1898 г.

Между тем Н. Радойчич, отказавшись от этого принципа издания, не был вполне последователен в воссоздании первоначального текста источника по наиболее древним его спискам, в отборе статей и заголовков из разных рукописей Законника.

Например, издатель включил в свой текст памятника 26 статей из Призренского списка (статьи 3, 24—26, 29, 34, 38, 39, 44, 113—117, 123, 129, 163, 164, 167, 171, 172, 175, 176, 178, 179, 186), тогда как в издание такого типа следовало включить только четыре статьи из этой рукописи, поскольку они либо отсутствуют во всех других (ст. 164, 186) или имеются только в Призренской и Раковацкой (ст. 38, 39). Все же остальные 22 статьи, перечисленные выше, необходимо было дать по более древним рукописям (Афонской и Бистрицкой), использовав, разумеется, иногда текст Приз-

---

[35] С. Н о в а к о в и ћ. Законски споменици српских држава средњега века. Београд, 1912, стр. 437 (ср. «Славянский архив». М., 1962, стр. 6—16).

[36] См. подробнее «Средние века», вып. 23, 1963, стр. 140.

[37] Н. Р а д о ј ч и ћ. Око Душанова. . . «Историски часопис», IX—X, 1959, стр. 108—111.

[38] С. Н о в а к о в и ћ. Законски споменици. . ., стр. 647.

ренского списка для исправления или дополнения текста соответствующей статьи (т. е. так, как это сделал сам Н. Радойчич в ст. 2, 5, 7, 8 и др.).

Далеко не всегда удачен и выбор заголовков к статьям Законника. Так, издатель не учел, что заглавие ст. 14, которое имеется в самом древнем — Стружском — списке («О игоумнех и о калоугерех»), соответствует содержанию гораздо меньше, чем заголовок из Афонского и Бистрицкого списков («О игоуменехь») [39]. Действительно, заглавие ст. 14 по Афонской и Бистрицкой рукописям более точно, так как эта статья трактует лишь об игуменах.

Заканчивая характеристику старосербского текста кодекса в издании Н. Радойчича, мы можем отметить, что текст в целом воспроизведен точно, в соответствии с фотокопиями основных рукописей. Правда, несколько опечаток и явных описок переписчиков не были исправлены издателем. Например, в ст. 198 мы читаем: «Доходькь царскыих. . .» (правильно — «Доходькь царскыи. . .»). Напротив, в ст. 173 заголовок почему-то укорочен: «О подьводѣ» (нужно: «О подьводѣх») [40].

Сделанный Н. Радойчичем перевод Законника и Слова царя Душана (стр.87—144) в основном верно передает текст памятника, причем издатель многие статьи сопровождает интересными и ценными комментариями о значении того или иного средневекового термина («простагма», «метохия», «приселица» и т. д.). Однако перевод и комментарии в значительной мере лишь повторяют прежнее издание кодекса, подготовленное Н. Радойчичем [41].

Более того, в новом издании Н. Радойчич, к сожалению, произвел известные изменения, которые нельзя признать удачными. Так, в переводе 1950 г. Н. Радойчич в комментариях к ст. 32 отметил, что происхождение термина «меропх», обозначавшего самую многочисленную категорию зависимого крестьянства в феодальной Сербии, неясно [42]. В рассматриваемом издании Законника эта, по нашему мнению, правильная констатация почему-то вообще отсутствует, как будто проблема происхождения термина «меропх» уже решена окончательно. Вместо этого издатель приводит мнение югославского филолога М. Будимира, которое в сущности ничего не говорит об этнической принадлежности термина [43].

Такую же позицию занимает Н. Радойчич и в комментариях относительно терминов «себры» и «сокальники». Если ранее, в издании 1950 г., он указывал, что значение слова «себры» неясно, что неясны и обязанности «сокальников» как определенной категории крестьянства [44], то теперь он ограничился лишь тем, что привел литературу по тому и другому вопросам, даже не показав, какая точка зрения ему представляется более верной и правдоподобной [45].

Данное издание Законника завершается чрезвычайно интересным очерком Н. Радойчича о так называемом Слове царя Душана (стр. 145—162) и указателями имен, географических названий и предметным (стр. 163—176). Автор убедительно показал, что «Слово», сохранившееся только в Раковацком списке, правильнее всего назвать автобиографическим послесловием Душана к Законнику. К сожалению, следует сказать об отсутствии еще одного указателя, который имелся во втором издании С. Новаковича [46]. Мы имеем в виду указатель статей Законника по наиболее важным и полным его спискам (Стружскому, Афонскому, Бистрицкому, Призренскому и др.). Отсутствие такого указателя тем более заметно, что Н. Радойчич в старосербском тексте памятника также почти не дает сведений о наличии той или иной статьи в разных списках.

Завершая рассмотрение этого издания Законника Стефана Душана, мы можем отметить, что оно, несомненно, представляет большой интерес и заслуживает пристального внимания всех исследователей сербского средневековья, истории Сербо-Греческого царства и историографии самого Законника. В целом же это издание, однако, не может заменить собой публикацию С. Новаковича (1898 г.). Поэтому одной из основных задач той отрасли медиевистики, которая занимается историей южнославянских стран и славяно-византийских отношений, остается не только издание полного сборника сербских грамот, свода житий и похвальных слов, атласа по истории сербских земель в эпоху феодализма, но также издание действительно полного и наиболее близкого к оригиналу текста Законника Душана.

Е. П. Наумов

---

[39] Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее — ОР ГБЛ), ф. 87, № 1708, л. 211; Отдел рукописей Государственного исторического музея (далее — ОР ГИМ), собр. Е. В. Барсова, № 151, л. 181 (ср. Т. Флоринский. Указ. соч., прил. II, стр. 16).

[40] ОР ГБЛ, ф. 87, №1708, л. 240; ОР ГИМ, собр. Е. В. Барсова, №151, л. 206 об. Ср. Т. Флоринский. Указ. соч., прил. II, стр. 33.

[41] «Душанов Законик». Нови Сад, 1950.

[42] Там же, стр. 43, прим. 11.

[43] Законик. . ., 1960, стр. 97, прим. 1 к ст. 32.

[44] «Душанов законик», стр. 46, прим. 23; стр. 54, прим. 52.

[45] Законик. . ., 1960, стр. 104, прим. 2 к ст. 53; стр. 199, прим. 1 к ст. 107.

[46] Законик. . ., 1898, стр. 271, 282.

АННОТАЦИИ

СВЕДЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О ГРУЗИИ,

т. V. Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1963

«Georgica» (Сведения византийских писателей о Грузии) — так называется серия, вот уже три десятка лет издаваемая профессором С. Г. Каухчишвили. С 1934 г. издано пять томов «Сведений». В I том вошли сведения писателей IV—V вв., во II и III тома — писателей VI в., в IV том — писателей VII—X вв.

В новом, V томе представлены отрывки (с грузинским переводом) из сочинений византийских авторов XI—XII вв.: Льва Грамматика, Георгия Кедрина, Никифора Вриенния, Кекавмена. Эти отрывки содержат богатый материал по истории Грузии и грузинско-византийских отношений.

Издатель комментирует византийские источники, делает замечания и пояснения к отдельным сведениям. Интересен, к примеру, комментарий к сообщению Георгия Кедрина об участии грузинских войск в подавлении восстания Варды Склира в 979 г. Сопоставляя это известие с показаниями других письменных и эпиграфических источников (грузинских, греческих, армянских), издатель делает вывод, что в науке сильно преуменьшается значение помощи, оказанной Византии в борьбе против Склира грузинским царем Давидом Куропалатом. 12-тысячная армия, посланная Давидом во главе с полководцем Торнике Эристави, была основной силой в подавлении этого восстания.

В ряде случаев издатель предлагает конъектуры к греческому тексту. Так, например, в «Истории» Никифора Вриенния исправляется следующее место: (речь идет о Михаиле VII Дуке):... γήμας γὰρ αὐτος πρότερον την παγκράτειαν τοῦ Ἰβήρων κατάρχοντος θυγατέρα Μαρίαν ...[1] По мнению издателя, должно быть: ...Παγκρατείου τοῦ Ἰβήρων κατάρχοντος θυγατέρα Μαρίαν. Основную часть тома занимает опубликованный полностью «Устав Петрицонского монастыря» (издан также отдельно: Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschischvili. Tbilisiis, 1963, 205p.).

Петрицонский монастырь, ставший впоследствии одним из значительных зарубежных центров грузинской культуры, был основан в 1083 г. в Византии, недалеко от Филиппополя (ныне Пловдив), в болгарской деревне Петриц (ныне Бачково). Основатель монастыря — хорошо известный в византийской истории государственный деятель и военачальник, доместик Запада Григорий Бакуриани, принадлежавший по происхождению к знатному грузинскому роду.

Составленный Григорием в 1084 г. устав («типикон») для основанного им монастыря является замечательным историческим и литературным памятником, содержащим ценный материал об экономической, хозяйственной организации и культурной деятельности монастырей в Византии XI в., о грузинско-византийских культурных связях.

Публикация Каухчишвили — новый этап в изучении и исследовании «Устава». Известны были две публикации греческого текста «Типикона»: изданный в 1888 г. Г. Мусеем новогреческий перевод, выполненный в 1782 г.[2], и публикация Л. Пти на основе Бухарестской рукописи XVIII в., изданная в приложениях к «Византийскому временнику». Бухарестская рукопись оказалась весьма несовершенной, содержащей много пробелов и искажений, которые Пти приходилось восполнять с помощью изданного Мусеем новогреческого текста. Поэтому сам Пти считал свою публикацию неполноценной, выражая надежду, что в будущем она будет заменена более совершенной [3].

---

[1] Nicephori Bryennii Commentarii, rec. A. Meineke. Bonnae, 1836, p. 56. Ср. в переводе А. Грегуара: Marie, fille de Bagrat, prince des Ibères (Nicéphore Bryennios. Les quatre livres des histoires. Byz., 23, 1953, p. 501).

[2] Γρηγόριος Παχουριανός, μέγας δομέστικος τῆς Δύσεως, καὶ τὸ ὑπ'αὐτοῦ Τυπικὸν τῆς Μονῆς τῆς Θεοτόκου τῆς Πετριτζονιτίσσης, ὑπο Γεωργίου Μουσαίου Στενιμαχίτου. Lipsiae, 1888.

[3] ВВ, XI, 1904. Приложение, стр. V—VI.

Новая публикация «Типикона» основана на рукописи библиотеки им. Кораи на о. Хиосе, которую Каухчишвили на основании палеографических особенностей датирует XI—XII вв. (кроме греческой редакции, рукопись содержит также древнегрузинский текст «Устава»).

Сопоставляя хиосскую редакцию (А) с бухарестской (В), опубликованной Пти, Каухчишвили замечает, что в ряде случаев пробелы В соответствуют нескольким полным страницам редакции А[4]. По мнению издателя, такое совпадение не может быть случайным, оно указывает на то, что переписчик (или источник) Бухарестской рукописи имел под рукой редакцию А, некоторые страницы которой им опущены. Итак, источником Бухарестской рукописи послужил текст, проистекающий из хиосской редакции.

Опираясь на Хиосскую рукопись, а также на древнегрузинскую редакцию «Устава», издатель предлагает значительные конъектуры к публикации Пти, которые уясняют смысл отдельных мест текста, выявляют новые нюансы содержания.

Из многочисленных конъектур, которые вносит Хиосская рукопись (А) и которые частично проанализированы издателем на стр. 257—267, можно было бы для примера указать на следующие:

А 188: γνωστικωτέρων ἀδελφῶν (В: γνήσιωτέρων ἀδελφῶν)

А 220: μηδενὸς ἀνέχεσθαι τῶν ἀλλήλοις προσομιλούντων ἀκαίρως (В: ἀλλήλων, Kurtz: ἀλλήλους)

А 222: δουλώσασθαι τὴν ἐξομολόγησιν (В: δουλώσασθαι)

А 226: οἶκοι μένειν πείθειν ἁρμόδιον (В: ἥκει μὲν οὖν)

Вопрос о соотношении греческой и грузинской редакций, по мнению Каухчишвили, может быть окончательно разрешен лишь после опубликования грузинской редакции и тщательного сравнительного изучения греческого и грузинского текстов, однако предварительные наблюдения позволяют предположить, что ни одна из редакций, ни греческая, ни грузинская, не является переводом другой. Правда, грецизмы грузинской редакции говорят о влиянии греческой, но, с другой стороны, и в греческой редакции имеются следы влияния грузинской. Так, например, весьма убедительным представляется мнение издателя, что употребленное в греческом тексте слово μηνᾶ следует считать «иберизмом» (грузинское слово «мина» — сосуд).

Интересны наблюдения Каухчишвили относительно графических украшений Хиосской рукописи. Однотипность (если не идентичность) графических украшений греческой и грузинской редакций указывает на их палеографическую близость, а исключительное сходство этих декоративных элементов с декором грузинских датированных рукописей XIII в. позволяет думать, что они выполнены грузинским мастером.

К тексту и исследованию «Типикона» прилагается список сокращений (все употребленные в рукописи знаки сокращений слов с примерами) [5], а также словарь редко употребляемых слов и специальных терминов, которые или вовсе не встречаются в словарях греческого языка, а если встречаются, то не в том значении, какое они имеют в Петрицонском «Типиконе». Например: ἀποσχιδευμός, δρακοντάριον, ἐπιλώρικον, κρύος, λογίσιμος, μενεψῶν, μηνᾶ, σαρούτην, σιμέντον (segmentum), χείμευσις и др. Каухчишвили удается выявить новое, неизвестное доселе значение некоторых из этих терминов.

Благодаря проделанной Каухчишвили тщательной текстологической обработке материала, уточнениям и исправлениям текста, «Типикон» Григория Бакуриани приобретает бóльшую ценность как источник по византийской истории. А источник этот интересен во многих отношениях: чего стоят хотя бы сведения о благотворительных учреждениях при монастыре — о трех гостиницах для путников и больных, которые всегда должны быть готовы к приему посетителей и которые, по подсчету Ш. Диля, должны были пропускать ежегодно до 15—20 тыс. человек [6]. Весьма интересны сведения о семинарии (в которой дисциплины, судя по всем данным, преподавались на грузинском языке), о хозяйстве монастыря, его юридическом статусе, характере землевладения, внутреннем распорядке и т. д.

Ныне Каухчишвили работает над VI томом «Георгики», куда войдут сведения о Грузии из сочинений Михаила Пселла, Анны Комниной, Никиты Хониата, Иоанна Киннама и др.

А. Алексидзе

---

[4] Таковы пробелы Бухарестской рукописи по изданию Пти, стр. 19, 19—20, 27 (восполняется Хиосской рукописью, по изданию С. Каухчишвили, стр. 48—52: εὐχάριστοι ἔσονται — μιμηταὶ τοῦ θεοῦ γενήσονται) и стр. 24, 34—35, 18 (по изданию Каухчишвили, стр. 64—66: παρ' ἡμῶν ἐτυπώθη — προσφοιτῶντες).

[5] Эта часть работы выполнена с привлечением материала из труда: Г. Ф. Церетели. Сокращения в греческих рукописях, преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. СПб., 1904.

[6] Ch. Diehl. La société byzantine à l'époque des Comnènes. «Revue historique du Sud-Est Européen, jullet — septembre, 1929, p. 247.

P. LEMERLE. LA CHRONIQUE IMPROPREMENT DITE DE MONEMVASIE: LE CONTEXTE HISTORIQUE ET LÉGENDAIRE

„Revue des études byzantines", XXI, 1963, p. 5—49

Так называемая Монемвасийская хроника — один из важнейших источников по истории расселения славян в Пелопоннесе. Она недвусмысленно свидетельствует о длительном пребывании славян в этой стране до тех пор, пока Никифору I удалось подчинить их византийской власти. Исследователи, отрицавшие массовое вторжение славян в Грецию (прежде всего С. Кириакидис), старались поставить под сомнение достоверность Хроники, объявляли ее сообщения легендарными. П. Лемерль выступает в рецензируемой статье с критикой гиперкритических суждений Кириакидиса и его греческих коллег (стр. 46 и сл.) и предлагает тщательный и детальный анализ этого памятника.

Хроника, неправильно называемая Монемвасийской (ее следует именовать Пелопоннесской или хроникой Патрской митрополии), сохранилась в нескольких рукописях, лучшей из которых Лемерль считает Ивирскую № 329; на основании этой рукописи он издает текст Хроники (стр. 8—11). Текст Кутлумушской (№ 220) и Туринской (№ 336) рукописей — более поздний: в нем имеются добавления, в том числе неточные (стр. 23); кроме того, там к Хронике присоединен отрывок, датируемый XIV в. (стр. 24 и сл.). Этот отрывок как самостоятельное сочинение фигурирует в рукописи Греческой гимназии в Риме (№ 12).

Лемерль подробнейшим образом анализирует свидетельства Ивирской рукописи (=Пелопоннесской хроники) и предлагает новую ее датировку. Стк. 55 рукописи упоминает императора Никифора Старшего (Νικηφόρου τοῦ Παλαιοῦ); это упоминание давало исследователям основание полагать, что автор Хроники знал уже о существовании Никифора II Фоки и, следовательно, писал не ранее конца X в. Лемерль полемизирует с общепринятым мнением (стр. 16 и сл.), обращает внимание на странность конструкции (la gaucherie de la phrase): Νικηφόρου τοῦ Παλαιοῦ τοῦ ἔχοντος Σταυράκιον, и считает эту фразу поздней глоссой. Отсюда он делает вывод: «Редакция Хроники старше воцарения [Никифора] Фоки» (ср. стр. 22).

Далее, переходя к так называемой схолии Арефы, Лемерль предполагает, что Арефа, писавший около 932 г., пользовался Хроникой и что она, следовательно, старше 932 г. (стр. 26 и сл.). Она была составлена в IX в. и даже сравнительно скоро после правления Никифора I — таков окончательный вывод Лемерля (стр. 33) [1]. Вывод этот трудно признать безупречно аргументированным: от провинциальной византийской хроники нельзя требовать классической строгости языка, а выделение той или иной фразы в качестве поздней вставки, не оправданное формальными противоречиями, — опасный и произвольный метод. Что же касается Арефы, то он мог пользоваться общим источником с Хроникой Ивирской рукописи.

Мое сравнительно частное возражение не затрагивает, однако, существа дела: если не Хроника Ивирской рукописи, то во всяком случае ее пратекст был известен Арефе и тем самым возник, скорее всего, в IX в., непосредственно после описанных в нем событий. Лемерль прав в главном: Пелопоннесская хроника — не поздний сборник легенд.

Чтобы показать достоверность Пелопоннесской хроники, Лемерль сопоставляет ее с другими источниками, свидетельствующими о вторжении славян в Пелопоннес: с Константином Багрянородным и Феофаном. Он показывает, что эти источники не противоречат Хронике (стр. 34), убедительно объясняет молчание источников о походах славян и считает известия Хроники достоверными. На основании Хроники он признает историческим фактом захват славянами западной части Пелопоннеса и сомневается только в точности приведенной там даты: шестой год Маврикия, т. е. 587/8 г. (стр. 32). Отвоевание Патр и соседних областей было делом Никифора I в начале VIII в. (стр. 31).

Но если Хроника сообщает достоверный рассказ об отвоевании Патр византийцами, то другие источники передают иную — агиографическую, легендарную — версию, где главная роль отведена апостолу Андрею (стр. 37 и сл.). Лемерль подчеркивает, что агиографическая легенда не была известна Арефе, патрскому уроженцу, и видит в этом факте еще один аргумент в пользу достоверности Хроники (стр. 39). При этом Лемерль очень убедительно показывает, что нет никаких оснований признать достоверным так называемое дарение Никифора I Патрской церкви: сигиллий Льва VI аутентичен, но нам неизвестно, когда и при каких условиях сложились описанные в нем отношения между митрополией Патр и зависимыми от нее славянами. Рассказ о да-

[1] Еще до Лемерля Е. Э. Липшиц («Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX века». М.—Л., 1961, стр. 28 и сл.) без какой-либо аргументации датировала Хронику IX—X вв. В своей рецензии я счел эту датировку ошибочной (см. ВВ, XXIII, 1963, стр. 234 и сл.), но в свете исследования Лемерля она представляется во всяком случае возможной.

рении Никифора — один из элементов патрской легенды (стр. 40). Критика Лемерля, кстати сказать, подрывает действенность одного из немногочисленных аргументов в пользу существования крупной церковной собственности в начале IX в.

В заключении статьи Лемерль прослеживает развитие агиографической легенды в синодальном послании патриарха Николая III Грамматика (1084—1111) и под пером Исидора Киевского в XV в. (стр. 41—44).

А. К.

H. HUNGER UND K. VOGEL. EIN BYZANTINISCHES RECHENBUCH DES 15. JAHRHUNDERTS.

„Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Kl. Denkschriften", Bd. 78, Abh. 2. Wien, 1963, S. 127+Taf. 24

Г. Хунгер и К. Фогель издали по Венской рукописи (Vindob. gr. 65) задачник, содержащий 100 упражнений. Греческий текст напечатан с немецким переводом, введением, примечаниями и рядом полезных приложений и индексов.

Судя по водяным знакам, рукопись относится к XV в. На то же столетие указывает и содержание некоторых задач: турки уже управляют «нашей землей» (№ 36), в банях с турок берут льготную плату (№ 66). Все же авторы не решаются отнести задачник непременно ко времени после 1453 г. Возможно, что он возник в Солуни — единственном городе, который несколько раз упомянут в тексте (№ 5, 30, 31); Солунь была занята турками в 1430 г. (стр. 9).

Задачник содержит новые данные троякого рода. Во-первых, он дает представление о живом языке XV столетия: издатели составили список «народных» слов и терминов, встречающихся в задачнике (стр. 84—86), и дали краткую характеристику его грамматических особенностей (стр. 11—14). Во-вторых, он характеризует уровень математических знаний, и в частности применение арабской («индийской») системы цифр (при сохранении традиционной графики) и десятичных дробей, введенных аль-Каши в 1427 г. (см. стр. 104). В-третьих, задачник вводит нас в быт греческого города XV столетия, изученного, как известно, пока еще очень плохо.

Естественно, что монеты [1], меры, цены постоянно встречаются на страницах задачника. Мы узнаем, что κοιλόν хлеба стоит от $4^1/_2$ до $18^1/_2$ аспров (№ 48—49), а κοιλόν солунской муки (ἀλεῦρι) — 40—48 аспров (№ 5), 1 фунт мяса исчисляется в 1 аспр (№ 57), курица — 40 аспров, а яйцо $^1/_{10}$ аспра (№ 43); перец обходился в 5—8 аспров фунт (№ 14, 64), а кентинарий (=176 фунтов) меда стоил 143 аспра (№ 35) и т. д. (см. стр. 113).

Очень важно выяснить, что́ перед нами — реальные цены, подверженные известным колебаниям, или же чистые измышления, не связанные с византийской действительностью. Хотя авторы включают в библиографический список известную статью Г. Острогорского о ценах (BZ, 32, 1932, S. 293—333; см. стр. 118), они, однако ж, не сопоставляют цифры задачника с данными, собранными Острогорским. Специальная работа Д. Закифиноса о хлебных ценах [2] и вовсе не упомянута.

Тема задач — по преимуществу торговая деятельность: упоминаются поездки купцов (№ 28, 70), сообщества (№ 7, 24, 61, 63), взимание процентов (№ 3, 4); мы читаем о корабле, имеющем три паруса (№ 47), о галерах, делающих в час от 6 до 12 миль (№ 78—80). Пошлина (κουμέρκι) исчисляется в 5% (№ 32), а для процентов и торговой прибыли цифры указываются различные, но всякий раз чрезвычайно высокие, например, 12 флоринов за 2 месяца приносят 4 флорина процентов (№ 3), 80 флоринов дают за 2 месяца доход в 23 флорина (№ 34) и т. п. И снова мы оказываемся перед проблемой — реальны ли эти цифры? Реален ли, например, в XV в. заем из расчета 200% годовых? И снова авторы не задаются этой проблемой.

Особенно часто говорится в задачнике о торговле текстилем, перечисляются различные виды пряжи и материй (παγονάτζο, καμουχάς, χάσδιον и др.) Пряжа продается на фунты, материал — на локти. Цена фунта шелка (μετάξι) колеблется от 10 до 110 аспров (№ 29, 67).

Очень любопытны сведения о строительстве домов. Строительство ведет мастер, которого называют τεχνίτης или μάστορης; иногда он работает с учениками (μαθητάδες — № 76). Строительство продолжается от 6 до 50 дней (№ 6, 59, 74). Оплата строителя осуществляется следующим образом: за каждый день работы он получает 20 аспров,

---

[1] См. специальную работу: T. Bertelè. Appunto sulle monete del Rechenbuch edito da Hunger-Vogel. BZ, 56, 1963.

[2] D. Zakythenos. Περὶ τῆς τιμῆς τοῦ σίτου ἐν Βυζαντίῳ. ΕΕΒΣ, 12, 1936. Ср. также St. Novaković. Le pris normal du blé à Constantinople pendant le moyen âge. «Archiv für die slav. Philol.», 27, 1905.

а за пропущенный день сам уплачивает нанимателю 30 аспров (№ 73). В другом случае мы узнаем, что он подряжается на работу за 1000 аспров (№ 74).

В задачнике упоминается также разработка соли в Солуни (№ 30—31). О продаже земельных участков говорится лишь два раза (№ 50—51): в первом случае за $45^2/_3$ флорина продается хорафий размером $14^1/_2 \times 13^3/_4$ оргий (в примечании к этой задаче и в комментарии на стр. 114 указывается иная цена — $14^2/_3$ флорина. Чем объясняется такое расхождение?), во втором — вообще говорится о крохотном поле в 126 кв. локтей [3].

Сведения о социальной структуре византийского города крайне скудны. Несколько раз упоминается ἄρχων и его δοῦλος (№ 53—56). Термин ἄρχων податели переводят Herr, δοῦλος — Diener. Разумеется, задачник не дает оснований для более точных дефиниций, но интересно было бы установить, в каком значении употреблялись эти термины в других памятниках XV в. Существенны свидетельства о наличии башен (πύργος) у частных лиц (№ 62) и данные о размерах этих «пиргов» (№ 65, 77) [4]. В одной из задач говорится о богатом человеке, который предоставляет бедняку (πένητος) деньги и лавку (ἐργαστῆρι) и взимает с него за это поденную плату (№ 26).

Даже такой краткий обзор содержания задачника позволяет видеть, что перед нами источник, которым не сможет отныне пренебрегать исследователь поздневизантийского города. Тщательность издания Хунгера и Фогеля облегчает использование памятника. Авторам пришлось преодолеть многие трудности, как палеографические, так и терминологические. И хотя они неоднократно вспоминают слова И. Хайберта о том, что издание подобных сочинений не приносит наслаждения, можно все-таки пожелать им издать и второй задачник, содержащийся в той же Венской рукописи.

А. К.

O. MAULL. DER EINFLUSS GEOGRAPHISCHER FAKTOREN AUF DIE GESCHICHTE DES BYZANTINISCHEN REICHES

„Südost-Forschungen", XXI, 1962, S. 1—21

Посмертно опубликованная статья мюнхенского географа Отто Маула носит многообещающее заглавие «Влияние географических факторов на историю Византийской империи». Проблема эта, заслуживающая всяческого внимания, почти не затрагивалась в научной литературе. К сожалению, и рецензируемая статья, несмотря на отдельные интересные конкретные наблюдения [например, на стр. 12: долины Греции в средние века, как правило, перестали быть местами больших сражений — основные линии передвижений войск (как и основные торговые пути, добавлю от себя) проходили теперь через горные проходы Болгарии и долины Македонии], немногим продвигает вперед ее разрешение. Дело не в тех элементарных ошибках, которые имеются в ней (стр. 7: в 957 г. Иоанн Цимисхий завоевал Сирию; стр. 16: с IX в. возникают в Малой Азии княжества, как-то: владения Комнинов в Пафлагонии, близ Синопа и Кастамона; на стр. 11 падение Первого Болгарского царства отнесено к 1014 г.; на стр. 18 мы узнаем, что Яйла ограждала Херсонес Таврический от степей Северного Крыма). Дело в том, что статья Маула в целом не отвечает своему заглавию.

Она состоит из трех частей. В начале Маул характеризует две особенности географического положения Византии как средиземноморского государства: значение морских связей и растянутость границ (стр. 3 и сл.), что создавало крайне большие трудности обороны. Затем Маул подробно описывает отдельные части империи и их значение для государства. «Жизненным центром империи» (vitales Reichsgebiet) считает он Балканский и Малоазийский полуострова (стр. 10 и сл.), а также острова Эгейского моря (стр. 18). Верхняя Месопотамия, Западная Армения, Лазика и Крым были пограничными марками, прикрывавшими основные территории Византии (стр. 17 и сл.). Италия составляла западный противовес (der abendländische Gegenpol) Константинополю, а не простую периферию империи (стр. 9), и Византия постоянно претендовала на нее. Египет, Сирия, Кипр — это экономически важные районы, но не жизненные центры, и потеря их не сказалась катастрофически на судьбах государства, хотя императоры и пытались утвердиться в захваченных арабами областях. Наконец, Южная Испания и Северная Африка составляли настолько далекую периферию, что византийцы даже не думали о возвращении этих земель (стр. 6 и сл.).

В конце статьи содержатся некоторые замечания об этническом составе империи, которая из многоплеменного государства превратилось в государство с господствующим греческим населением (стр. 19 и сл.)

---

[3] О карликовых размерах византийских наделов см. А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 60.

[4] О пирге см. К. В. Х в о с т о в а. Взаимоотношения Хиландарского монастыря и некоторых его метохов в XIV в. ВВ, XVIII, 1961, стр. 34 и сл.

Легко видеть, что вторая и третья части работы Маула содержат элементарные, общеизвестные вещи и, строго говоря, не относятся к проблеме, поставленной в заголовке статьи. Тот известный факт, что Византия состояла из разнородных географических элементов, одни из которых были центральными, а другие периферийными, ни на шаг не приближает нас к пониманию воздействия географических факторов на особенности экономики, политического строя или внешней политики Византийской империи. Таким образом, о географических факторах Маул говорит по существу лишь в первой части статьи, сужая это понятие до структуры государственных границ. Плодородие почвы, речная система, распределение полезных ископаемых, направление торговых путей — разве все эти факторы, даже не упомянутые немецким географом, не оказывали своего влияния на византийскую историю? По-видимому, длительная борьба за Армению была связана с богатством этой страны металлом, а не только с особенностями ее географического положения.

Вопрос о влиянии природной среды на социальное развитие Маул затрагивает лишь однажды, но и то его тезис весьма спорен. Он высказывает мысль, что изрезанные горные районы Малой Азии были благоприятными для развития крупного землевладения с его сепаратистскими тенденциями (стр. 16). Сколь ни правдоподобна эта мысль, она вызывает два возражения: во-первых, Малая Азия — при всей природной изолированности отдельных ее частей — на протяжении столетий являлась оплотом централизованной Византийской империи, ее vitales Reichsgebiet, если пользоваться словами самого Маула. Во-вторых, когда развитие феодализма становится особенно заметным, в XI в., средоточием феодального землевладения оказываются не горные долины, а широкие просторы плодородной Фракии.

Маул практически оперирует единым, вневременным понятием Византии, не предлагая периодизации ее истории. Отсутствие периодизации в его статье особенно досадно потому, что различие позднеантичной Восточной Римской империи и средневековой Византии отчетливо обнаруживается в их географической структуре. В историко-географическом плане мы могли бы говорить о двух совершенно различных государствах, и те «средиземноморские» особенности, которые Маул выдвигает в начале статьи (морские связи и растянутость границ), относятся, собственно говоря, лишь к Восточной Римской империи. Да, Юстинианова Византия была средиземноморским государством, но уже в VIII в. мы ничего подобного не видим: Византия при Исаврах или Македонской династии обладает сравнительно короткой пограничной линией (относительно ее территории) и во всяком случае не базирует своей мощи на морском господстве.

Некоторые формулировки Маула представляются чуть ли не мистико-телеологическими; таково, например, его представление о роли Италии как «противовеса» Константинополю. Думается, что политическая борьба норманнов или анжуйцев против Византии обусловливалась конкретной расстановкой политических сил, а не географической (т. е. вечной) позицией Апеннинского полуострова.

Маул поднял большую и очень важную проблему, но не решил ее. Здесь сказалось и недостаточное знание фактического материала, и влияние геополитических концепций, заслонивших структурой границ действительные географические факторы. К поднятой Маулом проблеме следует еще вернуться. При этом необходимо четко разграничивать, что́ в византийской истории определяется влиянием географических факторов, а что́ складывалось исторически, независимо и иногда вопреки географическим условиям. Повторю еще раз, что географические условия Византии сами по себе никак не могли бы содействовать формированию здесь относительно централизованного государства, однако Византия была именно такой империей.

А. К.

H. EVERT-KAPPESOWA. STUDIA ŃAD HISTORIA WSI BIZANTYŃSKIEJ W VII—IX WIEKU. Łódź, 1963, s. 120

Книга польской византинистки Г. Эверт-Каппесовой называется «Исследования по истории византийской деревни VII—IX вв.». Она посвящена, следовательно, тому же периоду, что и вышедшая в 1961 г. монография Е. Э. Липшиц [1]. К сожалению, Эверт-Каппесова не успела использовать этот труд, хотя сопоставление собственных взглядов с концепцией Липшиц, несомненно, помогло бы ей во многих случаях точнее и четче поставить проблему.

Работа состоит из введения и трех глав. Заключения нет — его роль в какой-то мере выполняет французское резюме (стр. 109—114).

---

[1] Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX в. М.—Л., 1961.

Во введении автор прежде всего обосновывает хронологические рамки своего исследования. Исследование посвящено переходному периоду в истории Византии. VII столетие представляется мне более удачной вехой его начала, нежели предложенная Лишниц грань — конец V в. Правда, Эверт-Каппесова аргументирует свою мысль одними только внешнеполитическими явлениями, ибо фразу: «Сильное внутреннее потрясение, каким было иконоборчество, Византия пережила в VII в.» (стр. 9), надо признать lapsus calami. Напротив, предложенный Лишниц конец периода — середина IX в., — на мой взгляд, лучше отвечает действительности. Недаром Эверт-Каппесова на стр. 101 оттягивает переходный момент до «первой новеллы Романа Лакапина», т. е. до первой половины X в.[2], а на стр. 88 утверждение новых отношений относит даже к середине XI в.

Весьма существенны, на мой взгляд, замечания Эверт-Каппесовой во введении о разнохарактерности географических районов империи. Думаю даже, что природные условия в Византии были еще более многообразными и что, к примеру, в Малой Азии можно выделить не только две (стр. 11) географические зоны[3].

I глава называется «Крупная и мелкая собственность в Египте» (стр. 17—45) и, строго говоря, выпадает из хронологических рамок избранной темы: как автор ни старается говорить о Египте VII в., он неминуемо возвращается к более раннему времени, например к постановлениям Юстиниана (стр. 22, 23, 32, 33). Но и Египет начала VII в. — до арабского завоевания — по сути дела сохранял старые отношения, существовавшие здесь в эпоху поздней Римской империи; поэтому привлечение египетского материала для характеристики византийской деревни VII—IX вв. вряд ли целесообразно. Наконец, если уж привлекать египетский материал в книге, посвященной VII—IX столетиям, то следовало бы уделить специальное внимание публикациям поздних папирусов[4].

Можно было бы рассматривать I главу как вводную, но и подобный подход вызывает известные возражения. Эверт-Каппесова совершенно справедливо подчеркивает природное и экономическое своеобразие отдельных районов империи; почему бы в таком случае не взять для вводной главы материал, относящийся к Малой Азии и Балканам, а не к области, потерянной Византией около 640 г., в самом начале изучаемого периода?

Центральная глава исследования посвящена славянской колонизации и ее влиянию на византийскую деревню (стр. 46—73). Славянскую колонизацию Эверт-Каппесова датирует начиная с рубежа VI—VII вв. (стр. 46), тогда как Лишниц принимала более раннюю дату. Эверт-Каппесова подчеркивает неравномерность распространения славян на Балканах (стр. 52) и относительно быструю их эллинизацию (стр. 53 и сл.).

Вряд ли, впрочем, ассимиляция славян на Балканах была столь быстрой: еще до XIII в. в горах Тайгета сохранялись независимые славянские поселения, обязанные лишь военной службой. Византия вообще не проводила политики ассимиляции — расселявшиеся на территории империи армяне и грузины, сельджуки и печенеги сохраняли этническое своеобразие. Во всяком случае до конца исследуемого периода на Балканах целые области были славянскими.

Независимо от В. Тыпковой-Заимовой[5] польская исследовательница пришла к тому же выводу: славянские вторжения наносили урон не только крупному, но и мелкому землевладению (стр. 58). Тезис этот может быть принят лишь с известным ограничением: конечно, ряд деревень пострадал от славянских вторжений, но само расселение масс славян приводило в конечном счете к упрочению мелкого свободного землевладения. К тому же Эверт-Каппесова подчас преувеличивает масштабы бедствий, вызванных славянскими вторжениями; так, запустение Пароса в IX в., о чем рассказывается в Житии Феоктисты Лесбосской (стр. 57), связано не со славянскими, а с арабскими набегами.

Да и сам автор признает, что славянская колонизация привела к существенным социальным сдвигам. Хотя Земледельческий закон, справедливо полагает Эверт-Каппесова, и не предназначался специально для славян, расселенных на территории империи, он отражал те общественные перемены, которые произошли в VII—VIII вв. под влиянием их вторжений (стр. 69).

Вторая половина этой главы содержит тщательный анализ данных Земледельческого закона. Эверт-Каппесова описывает природную среду, к которой относится

---

[2] Исследовательница датирует ее по традиции 922 г. (ср. еще стр. 73), не учитывая критических замечаний Лемерля.

[3] См. об этом также А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 51—56.

[4] Например, R. Remondon. Papyrus grecs d'Apollonôs Anô. Le Caïre, 1953, где собраны папирусы VIII в. Ср. еще H. Hunger. Grundsteuerliste aus Arsinoe in einem Papyruskodex des 7. Jh. «Forschungen und Fortschritte», 35, 1961.

[5] V. Tăpkova-Zaimova. Sur les rapports entre la population indigène des régions balkaniques et les «Barbares» au VI-e—VII-e siècle. «Byzantinobulgarica», I, 1962.

этот памятник, обращая внимание, в частности, на отсутствие значительных водных источников (закон не знает рыболовства) (стр. 59); исследовательница подчеркивает, что крестьяне Земледельческого закона свободны (стр. 61 и сл.) и что общественные порядки в законе отличны от условий законодательства Юстиниана (стр. 63). Очень интересна попытка наметить следы судебного самоуправления в деревне VIII в. (стр. 63 и сл.). Вопрос об общинной собственности (стр, 66 и сл.) рассмотрен весьма осторожно, но наличие периодических переделов отвергается со всей решительностью (стр. 70).

В заключении главы Эверт-Каппесова ставит вопрос о стратиотском землевладении (стр. 71 и сл.).

Последняя глава посвящена крупному землевладению VII—IX вв. Эверт-Каппесова более осторожна, чем Лишшиц, в оценке успехов крупного землевладения тех столетий. Во всяком случае в книге не идет речь о владениях с тысячами зависимых людей. Земли крупных собственников, по мнению автора, обрабатывались либо рабами, либо свободными арендаторами; колонов мы не встречаем в наших источниках (стр. 114). Известное пожалование соляных промыслов солунскому храму св. Димитрия Эверт-Каппесова — в отличие от Лишшиц — не рассматривает как иммунитет (стр. 92 и сл.) и вообще развитие феодальных порядков относит лишь к первой половине X в. (стр. 102).

Конечно, самый факт существования крупных владений в VII—IX вв. — будем ли мы считать их «предфеодальными» вотчинами или уже феодальными (как Лишшиц) — не вызывает сомнений. Мне думается, однако, что размеры этих вотчин Эверт-Каппесова несколько преувеличивает. Основной источник ее расчетов — Житие Филарета [6]. Можем ли мы принимать как бесспорные цифры агиографического памятника? Эверт-Каппесова приходит к выводу, что принадлежавшая Филарету пашня составляла 600 га (стр. 77); но если учесть, что все его земли находились в пределах одной деревни (κώμη) Амния, где были также другие владельцы («династы» и свободные крестьяне), эта цифра окажется весьма сомнительной.

Для сравнения приведу некоторые более поздние данные. К 1321 г. Меникейскому монастырю принадлежало около 4 тыс. модиев пашни [7], т. е. около 350 га — во м н о г и х деревнях в округе Серр. Крупные владения самых богатых афонских монастырей XIV в. в одной деревне исчислялись обычно в тысячу, полторы, редко 3 тыс. модиев. Да и самая цифра эта — 600 га — получена в результате вполне произвольных расчетов количества земли, приходящейся на 1 упряжку волов. Допустим даже, что цифры жития достоверны и у Филарета действительно было 48—50 проастиев. Но размеры византийских проастиев обычно невелики: известный проастий Сфурн Лемвийского монастыря XIII в. составлял всего 10 модиев. Удвоив эту цифру, мы получим иной размер владений Филарета — около 1000 модиев, т. е. 80 га.

Но, скорее всего, в жизни речь идет не о принадлежащих Филарету поместьях (50 поместий в пределах одной деревни!), а о пахотных наделах. Известно, что в более позднее время даже крестьянские участки распадались на десятки наделов, лежавших в разных концах территории деревни. Эти-то крестьянские наделы («мансы») щедрый агиограф превращает в проастии — поместья (напомню еще, что Филарет был сыном крестьянина и сам умел ходить за плугом).

И размер стад Филарета, видимо, преувеличен агиографом: 12 тыс. овец, 600 быков, 800 лошадей [8] — такие стада, сопоставимые разве что с богатствами Кантакузина, не могли быть вскормлены в о д н о й византийской деревне, где нехватка лугов оставалась постоянным бичом. Для сравнения укажу, что в конце XI в. Ксенофонтову монастырю принадлежало всего 28 быков, 300 лошадей, 2 тыс. голов мелкого рогатого скота [9].

Житие Филарета — сказка на мотивы Золушки, и нет ничего удивительного в том, что агиограф оперирует сказочными цифрами (например, на 40 мулах присылает хлеб обедневшему Филарету добросердечный форолог).

Изучение аграрных отношений VII—IX вв. крайне трудно. Скудость источников приводит к тому, что коренные проблемы оказываются спорными. Продолжается даже спор о самом наличии в деревне тех лет зависимого крестьянства. Убедительно решить эти проблемы пока не удается. Книга Эверт-Каппесовой содержит ряд интересных наблюдений, основанных на всестороннем рассмотрении источников; автор полемизирует со многими традиционными, но не всегда обоснованными суждениями. И пусть ее

---

[6] См. также H. E v e r t - K a p p e s o w a. Une grande propriété foncière du VIII-e siecle a Byzance. BS, 24, 1963; e a d e m. Historie konstantynopolitańskie. Warszawa, 1964, str. 73—88.

[7] A. G u i l l o u. Les archives de S. Jean-Prodrome sur le Mont Ménécée. Paris, 1955, № 4, 9, 10.

[8] «Ces chiffres doivent être fort exagéré», — говорит автор в цитированной выше статье (стр. 34), но все же пользуется ими.

[9] L. P e t i t. Actes de Xénophon. BB, X, 1903. Приложение, № 1. 225.

собственные выводы иной раз не кажутся достаточно убедительными, — польская византинистка умеет обнаружить новые аспекты исследования, новый подход к источнику, сохраняя при этом, как правило, необходимую осторожность.

А. К.

D. M. METCALF. THE SLAVONIC THREAT TO GREECE CIRCA 580: SOME EVIDENCE FROM ATHENS.

„Hesperia", XXXI, 1962, p. 134—157.

D. M. METCALF. THE AEGEAN COASTLANDS UNDER THREAT: SOME COINS AND COIN HOARDS FROM THE REIGN OF HERACLIUS.

„The Annual of the British School at Athens", 57, 1962, p. 14—23

Вопрос о возможности использовать нумизматические данные для изучения истории средневековья активно обсуждается в последние годы, и многие исследователи, ссылаясь на неполноту и случайность монетных находок, отказывают монете в праве быть источником по средневековой экономике [1]. Спору нет, монетные находки и неполны, и случайны, — однако вряд ли более случайны и неполны, чем известия средневековых письменных памятников. Мы не можем быть гарантированы от ошибок, опираясь на нумизматический материал, не можем быть уверены, что дальнейшие находки не заставят пересмотреть прежние выводы, но разве выводы, построенные на хрониках или надписях, оказываются принципиально более устойчивыми? Напротив, нумизматика дает исследователю в руки большие цифры, по теории вероятности в какой-то мере элиминирующие возможность грубых просчетов. Разумеется, было бы рискованным строить заключения только на анализе монет, но проверенный и подкрепленный археологическими и письменными источниками язык монеты может оказаться весьма красноречивым.

Работы Д. Меткалфа, крупного английского нумизмата, весьма интересны в этом отношении. Они показывают, что́ может извлечь историк из монетных данных.

Статьи Меткалфа посвящены анализу двух групп памятников: монетных комплексов конца VI в. из Афин и кладов начала VII в. с островов и побережья Эгейского моря. Исследователь подробно описывает пять афинских монетных комплексов и приходит к выводу, что все они были зарыты около 582/3 г. («Hesperia», p. 147). Некоторые из них были обнаружены в местах, носивших явственные следы пожара (стр. 136), и это дает Меткалфу основание предполагать, что деньги были спрятаны или потеряны в связи с каким-то бедствием, обрушившимся на Афины. Поскольку Менандр сообщает о набеге славян на Грецию в 578/9 г., а по свидетельству Иоанна Эфесского они оставались там и в начале 80-х годов, Меткалф склоняется к мысли, что нумизматически засвидетельствованное бедствие Афин было результатом славянского набега. Предположение это вполне вероятно, хотя и не может быть начисто исключена возможность иного объяснения (например, случайный большой пожар в городе).

Во второй статье английский нумизмат описывает ряд кладов из Сард и других центров в бассейне Эгейского моря и приходит к выводу, что массовое зарывание денег было связано с критическим моментом в жизни империи около 615 г., вызванным натиском славян и персов («Annual», p. 16).

Мысль Меткалфа о том, что обострение внешнеполитической ситуации влечет за собой учащение случаев зарывания сокровищ, вполне естественна. Эту же мысль, кстати сказать, высказывала И. В. Соколова в статье, оставшейся Меткалфу неизвестной [2]. Трудность, однако, заключается в том, что в средние века почти каждый год доставлял человеку опасности, вынуждавшие его зарывать свои сбережения. Обращаясь к эпохе, обследованной Меткалфом, мы можем поставить некоторые вопросы, кажущиеся мне непростыми. Почему, скажем, угроза в 615 г. была более серьезной, чем в 626 г., когда авары, славяне и персы осадили Константинополь? Почему афинские монетные комплексы датируются не ранее 582/3 г., тогда как набег славян на Элладу произошел, по Меткалфу, в 578/9 г.? (С этим набегом он отождествляет и поход, описанный Иоанном Эфесским, который А. П. Дьяконов датировал 581 г.[3])

---

[1] См. особенно K. F. Morrison. Numismatics and Carolingian Trade: a Critique of the Evidence. «Speculum», XXXVIII, 1963, № 3. Применительно к византийской нумизматике те же мысли развивал С. Врионис: S. Vryonis. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668—741). ЗРВИ, VIII/1, 1963.

[2] И. В. Соколова. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв. ВВ, XV, 1959, стр. 55.

[3] А. П. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. ВДИ, 1946, № 1, стр. 32 и сл.

По-видимому, интенсивное зарывание кладов не всегда приходится на время наибольшей опасности, а в некоторых случаях может отражать локальные явления сравнительно скромного масштаба (не главное вторжение славян в Элладу в 578/9 г., а действия отдельных отрядов, ворвавшихся или врывавшихся в Афины).

Кстати сказать, используемые Меткалфом монетные комплексы — не всегда клады. Он сам остроумно показал, что большое количество медных 20-нуммиевых монет, найденных на сгоревшей афинской мельнице, не было запрятано сознательно, перед лицом грозящей опасности: их обнаружили не под полом, а на полу, где они, видимо, рассыпались, когда во время пожара опрокинулся стол с выручкой мельника («Hesperia», p. 140). Выход этих денег из обращения не связан с зарыванием клада.

Итак, к выводу Меткалфа надо сделать одну оговорку: клады в какой-то мере отражают нарастание политической опасности, но отражают не адекватно. Не всегда и не везде увеличение числа кладов — непременный признак нарастания политической опасности, и наоборот, было бы рискованным, например, предполагать, что сокращение числа кладов в конце VII и VIII в. — показатель стабилизации внешнеполитического положения империи.

Помимо неадекватности отражения политической ситуации в числе кладов, следует учитывать еще одно обстоятельство: чтобы терять и зарывать деньги, надо их иметь. Я хочу сказать, что с уменьшением количества денег в обращении уменьшается и количество зарываемых кладов (а особенно количество зарываемой и теряемой монеты). Иными словами, обилие оставшейся от столетия (или от города) монеты есть — в грубых чертах — свидетельство экономического подъема. Конечно, множество обстоятельств способно затемнить картину, и все же подобная постановка вопроса является правомерной.

Меткалф касается экономической истории лишь попутно, однако его выводы весьма существенны. Он обращает внимание на то, что в кладах начала VII в., обнаруженных на островах и на побережье Эгейского моря, встречаются (и подчас в большом количестве) монеты, чеканенные на монетных дворах восточных городов империи. Он считает это показателем размаха морской торговли на Эгейском море в начале VII в. («Annual», p. 20). Он признает далее спад (a low ebb) византийской монетной чеканки в эпоху между Константом II и Василием I (стр. 18) и соответственно говорит о возрождении провинциальной торговли (прежде всего приморских центров) с IX в. (стр. 14) [4].

Значение работ Меткалфа не только в тщательном анализе отдельных монетных комплексов, но и в реабилитации монеты как исторического источника.

А. К.

КЕРАМИКА И СТЕКЛО ДРЕВНЕЙ ТМУТАРАКАНИ

М., 1963, стр. 187

До недавнего времени история Тмутаракани оставалась почти совершенно туманной. И не удивительно: разрозненные свидетельства русских и греческих письменных источников не позволяли составить сколько-нибудь целостную картину, а таманская экспедиция 1930 г. дала крайне незначительный материал [1]. Систематические раскопки 1952—1955 гг. под руководством Б. А. Рыбакова в какой-то мере восполнили этот пробел; рецензируемая книга и является первой, пока еще предварительной попыткой классифицировать, оценить и осмыслить накопленные данные.

Книга эта — не систематический обзор, не монография, но сборник статей, написанных участниками раскопок. Центральная статья сборника, принадлежащая С. А. Плетневой, посвящена средневековой керамике из Таманского городища (стр. 5—72). Автор не ограничивается типологией таманской керамики, но на основании типологического анализа предлагает периодизацию истории Тмутаракани V—XV вв. Плетнева выделяет следующие 6 периодов (стр. 63): послегуннский (V—VII вв.), хазарский (VIII—первая половина X в.), русский (вторая половина X—XI в.), половецкий (XII—первая половина XIII в.), татарский (середина XIII—начало XIV в.), генуэзский (XIV—XV вв.).

Послегуннский период в Тмутаракани отличается сохранением позднеантичной керамики. По-видимому, критические события IV столетия не привели к перелому в истории материальной культуры города, оказавшегося сравнительно мало затрону-

---

[4] См. об этом также Д. М. Metcalf. The New Bronze Coinage of Theophilus and the Growth of the Balkan Themes. «American Journal Society Museum Notes», 10, 1962.

[1] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. «Сообщ. ГАИМК», 1931, № 1. Ср. еще И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА, 6, 1941.

тым гуннским набегом в Причерноморье. Плетнева полагает, что с VI в. Гермонасса — Тмутаракань снова находилась под византийской властью.

Второй период начинается с захвата города хазарами в конце VII в. Археологически этот период характеризуется распространением салтово-маяцкой керамики: лепные кувшины и миски заменяются великолепными лощеными сосудами, сделанными на кругу. Плетнева говорит в связи с этим о «появлении в городе ремесла» (стр. 66). «Ремесленные гончарные мастерские возникли здесь в VIII в. по инициативе пришедших вместе с хазарскими властями новых поселенцев» (стр. 67).

Время русского господства совпадает с упадком ремесла и торговли в Тмутаракани: из торгового города она превращается в военный пост. По словам Плетневой (стр. 69), «в XI в. связи (Тмутаракани) с Византией ослабели или даже совсем заглохли». Напротив, после ухода русских (в начале XII в.) растет население города, улучшается керамика, оживляются торговые связи с Византией и Херсоном. В половецкий период исчезают сосуды, свойственные кочевникам; половцы, оседавшие в Тмутаракани, пользовались той же посудой, что и основное население города (стр. 71 и сл.).

В татарский период город оставался крупным торговым центром, но под властью генуэзцев замечаются следы «затухания жизни» в нем. В конце XV в. Тмутаракань была взята турками и стерта с лица земли.

Такова стройная и новая концепция, обоснованная Плетневой преимущественно на керамическом материале. Нет нужды специально подчеркивать важность этого первого опыта периодизации истории Тмутаракани, однако естественно, что некоторые положения автора представляются пока еще спорными, недостаточно аргументированными. Попробуем проверить их на доступных в настоящее время археологических и письменных материалах.

Прежде всего, неясно, как переход от позднеантичного города (если считать, что до конца VII в. Гермонасса — Тмутаракань оставалась позднеантичным полисом) к хазарскому мог сопровождаться «появлением (!) ремесла» или хотя бы просто его расширением. Если мы обратимся к статье Н. П. Сорокиной «Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища», опубликованной в рецензируемом сборнике (стр. 134—170), то перед нами обнаружится несколько иная картина: по мнению автора, «после IV—V вв. спрос на стеклянную посуду у населения города сводится до минимума» (стр. 160); стекло VI—VIII вв. значительно хуже по качеству и встречается редко.

Таким образом, данные о раннесредневековом стекле в какой-то мере противоречат выводу о сохранении позднеантичных устоев до VIII в.: если судить по находкам стекла, упадок города был заметен уже в VI в. Сейчас еще рано выносить окончательный вердикт — я хотел бы только обратить внимание на противоречивость результатов, полученных Плетневой и Сорокиной. Но если город действительно переживал упадок в VI—VII вв., становится понятным, почему хазарское завоевание могло привести к подъему экономики.

Недоумение вызывает и оценка Плетневой экономического развития Тмутаракани в X—XI вв. Вправе ли мы говорить о прекращении византино-таманской торговли в эти века? Весьма сомнительно.

В том же сборнике мы найдем статью В. В. Кропоткина о византийских монетах из Тмутаракани (стр. 175—185). Из табл. 1 видно, что основная масса найденных в Тмутаракани византийских монет (в том числе херсоно-византийских и подражаний милиарисиям) относится именно к X—XI вв. [таблица Кропоткина несколько смещена: к монетам X в. причислены монеты X—XI вв.: а) серебряная монета Василия II (976—1025) или Михаила VII (1071—1078); б) анонимные монеты X—XI вв.; в) подражания милиарисиям Василия II].

Но в последнее время к нумизматическим данным стало модным относиться скептически — обратимся к свидетельствам археологии. Т. И. Макарова специально обследовала поливную керамику Таманского городища (стр. 73—95), значительная часть которой — импорт из Византии. По материалам Макаровой, белоглиняная посуда с желтой и зеленой поливой (IX—X вв.) представлена в Тмутаракани небольшим числом экземпляров — куда обильнее находки красноглиняной посуды с орнаментом врезной линией (граффити), датируемой XI—началом XII в. Из описанных автором фрагментов византийской керамики 7 отнесены к IX—X вв., 14 — к XI—началу XII в., 25 — к XII—XIII вв. Макарова прямо говорит о «малочисленности» фрагментов поливной посуды IX—X вв. (стр. 77). Правда, стремясь согласовать свои наблюдения с выводами Плетневой, она пишет в другом месте (стр. 94): «XI в. — время существования русского Тмутараканского княжества — совпадает с сокращением ввоза византийской посуды», но эти слова Макаровой противоречат ее собственным данным: ввоз поливной керамики скорее увеличивается в XI в., чем сокращается.

Наконец, тезис Плетневой о прекращении византино-таманской торговли в XI в. не подтверждается и материалом статьи Ю. Л. Щаповой о стеклянных изделиях средневековой Тмутаракани (стр. 102—133). Основное внимание Щапова уделяет стеклянным браслетам, среди которых немало чисто византийских или имеющих аналогии

в находках в Коринфе и Болгарии. Основная масса браслетов (в том числе 62% византийских) относится как раз к X—XI вв., и хотя автор оговаривается, что ритм производства браслетов в Тмутаракани не зависел от внешних обстоятельств, все же полученные Щаповой цифры плохо согласуются с концепцией Плетневой о замирании связей Тмутаракани с империей в X—XI вв. И сама исследовательница стекла отводит Византии первое место среди областей, связанных с торговлей с Тмутараканью «русского периода» (стр. 125).

Кстати, говоря о византино-таманских связях XI в., нельзя не вспомнить о греческом надгробии строителя Иоанникия, точно датируемом 1078 г.[2] Это во всяком случае не свидетельство замирания связей.

Если вопрос о политической принадлежности Тмутаракани в XI в. не вызывает сомнений [3], то безоговорочное признание города в XII в. половецким не кажется мне достаточно обоснованным. Ни Плетнева, ни кто-либо другой из авторов сборника не останавливается на гипотезе о византийском владычестве на Тамани в XII в. В пользу этой точки зрения, опирающейся на письменные источники, можно привести теперь и некоторый археологический материал. Я напомню, что именно на XII в. приходится основная масса фрагментов византийской половины посуды [4]; самое исчезновение кочевнической керамики в XII в. лучше согласуется с византийским, нежели с половецким, господством.

Впрочем, установление византийского господства над Тмутараканью (если оно было) вряд ли сопровождалось значительным упрочением экономических связей; во всяком случае бросается в глаза отсутствие на Тамани византийской монеты XII в.

Все эти сомнения и критические замечания ни в коей мере не имеют целью поколебать значение рецензируемого сборника. Сборник впервые дает возможность представить себе целостную историю Тмутаракани — отдельные белые пятна в этой истории вполне закономерны на данном этапе ее изучения. Я не говорю уже о множестве более частных интереснейших наблюдений, например выделение локальных особенностей материальной культуры разных районов Тмутаракани, что отражало этнические различия населения города (стр. 69); вывод о таманском происхождении подражаний милиарисиям Василия II (стр. 178); постановка вопроса о двух центрах производства ранней византийской поливной посуды (стр. 77).

А. К.

O. TEMKIN. BYZANTINE MEDICINE: TRADITION AND EMPIRICISM.

„Dumbarton Oaks Papers", XVI, 1962, p. 95—115

История византийской медицины пока еще не написана, не выполнена и подготовительная — издательская и монографическая — работа: нет исследований, посвященных отдельным медикам. Не удивительно в этой связи, что историки этой науки в общих курсах обычно покидают византийскую медицину на самом раннем этапе ее развития [1]. Тем большего внимания заслуживает очерк О. Темкина: несмотря на признанную самим автором неполноту [2] и известную хронологическую нечеткость в изложении (так, на стр. 114 он объединяет в одном абзаце медицинскую литературу V, XI и XIII вв.), перед нами попытка систематического изложения истории медицинских взглядов и лечебных учреждений в Византии, предпринятая человеком, использующим греческие и арабские источники, в том числе арабские рукописи Британского музея (стр. 103).

Темкин выделяет два периода в истории византийской медицины. Первый приходится на IV—середину VII в., второй простирается от середины VII в. до падения империи. Гранью, отделяющей эти два периода, Темкин считает захват арабами Александрии, важнейшего медицинского центра поздней Римской империи, и превращение

---

[2] Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмуторокани. ВВ, XVIII, 1961, стр. 74 и сл.

[3] См. последнюю работу: А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в. Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 54 и сл.

[4] Византийские изделия обнаружены и при раскопках поселения XI—XII вв. у хутора Казачий Ерик в дельте Дона (см. А. В. Гадло. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона. КСИА, 99, 1964, стр. 40—45).

[1] См., например, Ф. Р. Бородулин. История медицины. М., 1961, стр. 122 и сл.; М. П. Мультановский. История медицины. М., 1961, где гл. 5 называется «Медицина в Византии и арабских халифатах» (sic!).

[2] Особенно досадный пропуск — отсутствие описания медицинского факультета в константинопольском Храме св. Апостолов XII в. См. об этом (в сопоставлении с другими сведениями о медицине XII в.) Е. Э. Липшиц. Византийская сатира «Тимарион». Предисловие. ВВ, VI, 1953, стр. 363 и сл.

Константинополя в средоточие лечебной практики. Александрийский период был временем не только сохранения античных традиций, но и эпохой значительных творческих сил (a period of considerable formative power); напротив, константинопольский период, время христианской медицины, — это эпоха, когда традиция скорее воспринималась, нежели создавалась (стр. 97).

Темкин затрагивает деятельность ряда ученых и практиков: Орибасия, компилятора Галена и других классиков (стр. 98 и сл.); язычника Якова Психреста, пользовавшегося колоссальной славой в Константинополе V в. (стр. 100); Феофила Протоспафария, деятельность которого обычно относят к VII в. и который еще пытается сочетать языческие идеи с христианством (стр. 110); монаха Мелетия, чьи сочинения пронизаны богословскими принципами (стр. 110 и сл.); писателя XI в. Симеона Сифа (стр. 108). Темкин касается организации лечебного дела в Константинополе, останавливаясь, разумеется, на знаменитой лечебнице при монастыре Пандократора (стр. 112) [3] и на военно-медицинской службе по данным Анны Комниной (стр. 112 и сл.).

Однако эти отдельные характеристики, как мне кажется, вносят известные коррективы в те общие суждения о развитии византийской медицины, которые воплощены в предложенной Темкиным периодизации. Действительно, на стр. 114 автор утверждает, что византийская медицина достигла своей вершины в лице Иоанна Актуария, автора первой половины XIV в., отказавшегося от составления синопсисов и сокращений и обладавшего солидными познаниями. При этом Темкин добавляет: «Я колеблюсь, включить ли его в мой обзор. Он жил в ту пору, когда Запад создал ряд крупных фигур в области схоластической медицины и когда, возможно, влияние Запада следует уже принимать во внимание».

Итак, вопреки исходному постулату Темкина Иоанн Актуарий был творческой личностью, хотя автор и стремится связать новое в его творчестве с влиянием Запада. Как бы то ни было, его нельзя зачислить в ряды механических переписчиков и компиляторов.

То же самое относится и к жившему в конце XIII в. Николаю Мирепсу, составителю сводной книги рецептов, основанной на живой практике (в частности, на арабской). Репутация книги Мирепса оставалась высокой на Западе вплоть до XVII в.[4] Не дает ли все это право выделять особый — поздний — период в истории византийской медицины?

Впрочем, известный подъем медицинских знаний можно наблюдать в Византии XI—XII вв. Темкин очень удачно использует данные «Тимариона», свидетельствующие о широкой осведомленности византийской интеллигенции в медицинских проблемах (стр. 115). К тому же времени относятся и больница при монастыре Пандократора, и медицинский факультет при храме св. Апостолов. Прямая критика Симеона Сифа в адрес последователей Галена (стр. 108), пожалуй, также свидетельство в пользу живого, творческого развития медицины тех лет. Не только XIII—XV столетия, но и предшествующие два века коренным образом отличаются от периода, наступившего в VII в. и характеризующегося подчинением медицины богословию и превращением чуда в наилучшее лекарство.

Вызывает известные сомнения и тезис Темкина о творческом характере византийской медицины IV—VII вв. В противовес этому тезису автор постоянно говорит о компилятивности сборников той поры: Орибасия, Александра Траллского, Аэция Амидского, о рабской приверженности к Галену, «за которым следовали, но которому не пытались подражать» (стр. 101). Разделение физиологии на семь элементов (вместо шести в галеновской системе) и классификацию седьмого элемента — духов (πνεύματα) (стр. 104 и сл.) вряд ли можно считать очень значительным творческим шагом вперед, тем более что это положение дошло до нас лишь в пересказе арабских комментаторов (в «Вопросах» Хунаина ибн-Исхака) и вопрос о времени его появления в греческой науке остается открытым.

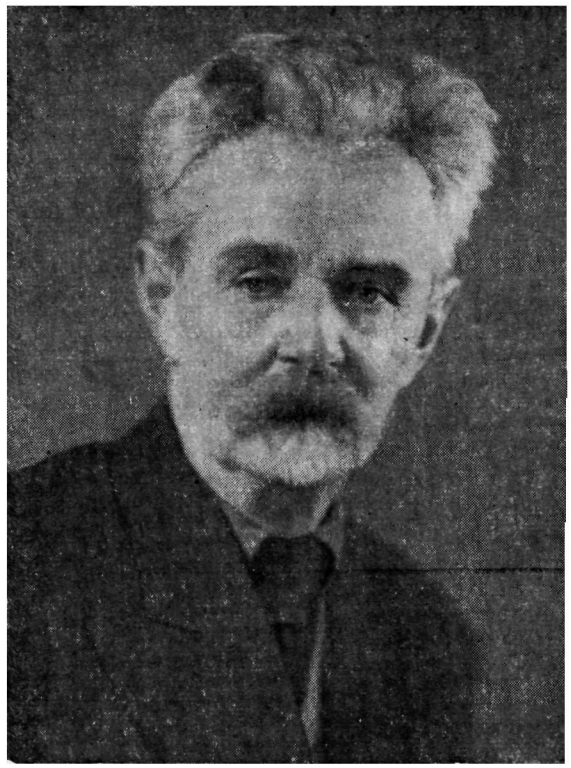
Но если тезис о творческой активности византийской медицины IV—VII вв. остается сомнительным или во всяком случае спорным, Темкин, видимо, прав, подчеркивая ее позднеантичный характер в эту пору: и сохранение античных традиций, вплоть до вскрытия (стр. 107), и статус публичного врача, получающего жалованье от города (стр. 100). Прав он и в том, что с VII в. наступает новый этап. Здесь мы опять оказываемся перед многострадальной проблемой перелома VII столетия, и трудно удержаться, чтобы не связать эти изменения с тем упадком позднеантичного полиса, который, и по другим данным, приходится на VII век.

А. К.

---

[3] Ни русское издание типикона Пандократора, ни русская литература об этой больнице Темкину, к сожалению, не известна. См. прежде всего А. Дмитриевский. Τυπικά, т. I. Киев, 1905, стр. 656—702; П. В. Безобразов. Материалы для истории Византийской империи. ЖМНП, ч. 254, 1887, ноябрь, стр. 66—74.

[4] См. K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 615.



НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ СЫЧЕВ

16 июля 1964 г. наша наука понесла тяжелую утрату — умер профессор Николай Петрович Сычев, чье имя хорошо известно всем медиевистам как в нашей стране, так и за рубежом.

Николай Петрович родился в 1883 г. в Петербурге, где он завершил в 1910 г. университетское образование, а затем с 1916 г. состоял профессором кафедры теории и истории искусства. Как ученый он сложился в ту эпоху, когда в области изучения средневекового искусства господствовал иконографический метод и когда стараниями Д. В. Айналова и в этот отставший раздел науки стали проникать новые исследовательские приемы, направленные на анализ стиля. Будучи сам хорошим художником и обладая острым глазом, Николай Петрович всегда тонко чувствовал красоты искусства. Это отличало его от представителей чисто археологической школы, для которой произведение искусства существует лишь как явление материальной культуры. Для него же искусство было специфически эстетической сферой, в которой человек ищет удовлетворения своих художественных запросов. И эту простую истину Н. П. Сычев никогда не забывал.

Научная деятельность Николая Петровича была тесно связана с бурной жизнью революционного Петрограда, а затем Ленинграда. В 1921 г. он был избран членом общества художников им. А. И. Куинджи и директором Государственного Русского музея, в 1922 г. — профессором Академии художеств. Репрессированный в годы культа личности, Сычев долгое время жил во Владимире (1945—1954), откуда переехал в Москву, где провел последние десять лет своей жизни. Он работал старшим ученым консультантом Республиканской научно-реставрационной производственной мастерской, принимая деятельное участие во всех крупнейших реставрационных работах в Кремле, храме Василия Блаженного и на других объектах всесоюзного значения. Прекрасный знаток древнерусской техники, Н. П. Сычев немало помогал своими советами молодым реставраторам, тянувшимся к нему, как к выдающемуся знатоку своего дела.

Круг научных интересов Николая Петровича был необычайно широк. Он писал и об армянских фресках, и о новгородской пластике, и о русской иконописи, и о русской монументальной живописи, и о византийском искусстве, и о советских мастерах. Любая его статья содержит не только новые факты, но и дает им глубокое, вполне оригинальное истолкование. Пожалуй, самой его зрелой работой является превосходный очерк об искусстве Киевской Руси, остающийся и поныне одной из лучших работ, посвященных этой теме. Уточняя генезис художественных явлений, Сычев трактует киевское искусство не в отрыве, а в теснейшем взаимодействии с культурой Византии и южных славян. И если на этом пути он порою чрезмерно увлекался «македонской» теорией, то в целом его стремление понять пути развития древнерусского искусства как органическую составную часть более широкого исторического процесса следует признать правильной, тем более что в обоснование своей точки зрения он выдвинул немало совсем новых и весьма весомых аргументов.

Все, кто знал Н. П. Сычева, надолго сохранят о нем память как о человеке большой и доброй души, как о подлинном патриоте, беззаветно любившем свою родину и свой народ. Выдержка и душевная стойкость Н. П. Сычева неизменно влекли к нему молодежь, для которой он был поистине неисчерпаемым кладезем знаний.

В. Н. Лазарев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗРВИ — Зборник Радова. Византолошки институт
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников СССР
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BS — Byzantinoslavica
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
CJ — Codex Justinianus
CTh — Codex Theodosianus
DOP — Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
JHS — Journal of Hellenic Studies
JIAN — Journal International d'Archéologie Numismatique
JÖBG — Jahrbuch der Österreichischen Byzantischen Gesellschaft
MGH — Monumenta Germaniae Historica
MM — F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi
NNM — Numismatic Notes and Monographs
PG — J. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
PL — J. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Latina
REB — Revue des Études Byzantines
REG — Revue des Études Grecques
RHCoc. — Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux
SCN — Studii şi Cercetări de Numismatică
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZSSR, RA — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

З. В. Удальцова (Москва). Законодательные реформы Юстиниана . . 3

К. В. Хвостова (Москва). Ῥίζα χωρίου в XIV в. (К вопросу об особенностях налогообложения в Византии) 46

В. П. Мутафчиева (София). К вопросу о землевладении в Сирии в XIV—XVI вв. 58

Л. Н. Гумилев (Ленинград). Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности 67

А. П. Каждан (Москва). Григорий Антиох. Жизнь и творчество одного чиновника 77

И. Н. Лебедева (Ленинград). Списки хроники Псевдо-Дорофея в собраниях Советского Союза 100

Н. В. Синицына (Москва). Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519 гг.) 110

М. А. Заборов (Москва). Современники—хронисты и историки крестовых походов 137

К. В. Голенко (Москва). Клад византийских монет VII в., найденный близ Анапы 162

В. В. Кропоткин (Москва). Новые находки византийских монет на территории СССР 166

Н. Н. Воронин (Москва). Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. 190

Н. К. Голейзовский (Москва). «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV—XVI вв. 219

В. Д. Лихачева (Ленинград). Художественная функция бытовых предметов в иконе «Троица» Государственного Эрмитажа 239

Критика и библиография

Рецензии

Е. Э. Липшиц (Ленинград). Некоторые вопросы истории Византии VIII—первой половины IX в. (Ответ рецензенту) 248

Б. Л. Фонкич (Москва). Греческие писцы эпохи Возрождения 266

Е. П. Наумов (Москва). Некоторые проблемы истории законодательства в Сербо-Греческом царстве 271

Аннотации

Сведения византийских писателей о Грузии, т. V. Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1963. 278

P. Lemerle. La Chronique improprement dite de Monemvasie. REB, XXI, 1963. 280
H. Hunger und K. Vogel. Ein byzantinisches Rechenbuch des 15. Jahrhunderts. Wien, 1963 281
O. Maull. Der Einfluss geographischer Faktoren auf die Geschichte des Byzantinischen Reiches. «Südost-Forschungen», XXI, 1962 282
H. Evert-Kappesowa. Studia ńad historia wsi bizantyńskiej w VII—IX wieku. Łódź, 1963 283
D. M. Metcalf. The Slavonic Threat to Greece circa 580. «Hesperia», XXXI, 1962; idem. The Aegean Coastlands under Threat. «The Annual of the British School at Athens», 57, 1962 286
Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963 287
O. Temkin. Byzantine Medicine: Tradition and Empiricism. DOP, XVI, 1962 289

Н. П. Сычев 291

Список сокращений 293

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
23	5 сн.	Autenticum	Authenticum
32	5 сн.	Jiustiniano	Giustiniano
38	17 св.	demitutio	deminutio
51	5 сн.	истоjи	исторiйи
70	3 св.	эфалитов	эфталитов
70	4 св.	эфалиты	эфталиты
251	18 св.	орудия	орудия[a]

Византийский временник
Том XXVI

Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР

Редактор издательства *Ф. Н. Арский*. Технический редактор *П. С. Кашина*

Темплан 1965 г. № 54. Сдано в набор 4/XI 1964 г. Подписано к печати 2/III 1965 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 18,5+1 вкл. = 25,34 + 1 вкл. усл. л. Уч.-изд. л. 27,5.
Тираж 1200. Т-00633. Изд. № 4106/04. Тип. зак. № 1031.

Цена 1 р. 65 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12